НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЬ

НОВИКОВЪ,

ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛОВЪ

1769 — 1785 гг.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

А. НЕЗЕЛЕНОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева (Большая Сад., д. № 49—2).
1875.

D 153/37

Печатано
бугъ, 1875 г.

Biblioteka Uniwersytecka
Wydz. Hum.
149058

D-61
10.IV.46

БИБЛІОТЕКА
М. И. ПРИГОРЬЕВСКОЙ
216

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ
№ 185
Н. БЫСТРОВА

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Страницы.

Предисловіе . . . . . I—

Глава I. **Нравы русскаго общества екатерининскихъ временъ** . . . . . 1—77

Степень образованности общества (1—16). — Уровень нравственности (16 — 45). — Роскошь (45 — 51). — Служба (51—67). — Отношенія общества къ крестьянамъ (67—77).

Глава II. **Русское масонство второй половины прошедшаго столѣтія** . . . . . 78—142

Общій характеръ масонства (78—85). — Системы ордена; цѣли его (85—88). — Формы русскаго масонства; отношенія его къ церкви (88—94). — Хорошія стороны въ ученіяхъ и дѣятельности масоновъ (94—103). — Дурныя стороны ордена. Вліяніе масонства на нашу жизнь (103—138). — Борьба масонства съ вольтерьянствомъ (138—139). — Выдающіяся личности въ русской жизни екатерининскихъ временъ (139—142).

Глава III. **Первый періодъ литературной дѣятельности Новикова** . . . . . 143—224

Взглядъ Новикова на литературу (143—144). — Былъ ли Новиковъ писателемъ? (144—147) — Трутень; полемика его со Всякой Всячиной (147—170). — Опытъ Историческаго Словаря о Россійскихъ Писателяхъ (170—178). — Живописецъ (178—198). — Древняя Россійская Вивліоѳика (198—206). — Древняя Россійская Идрографія (206—207). — Кошелекъ. Третье изданіе Живописца (207—218). — Исторія о невинномъ заточеніи Ближняго Боярина Артемона Сергіевича Матвѣева. — Скиѳская исторія Стольника Андрея Лызлова. — Повѣствователь Древностей Россійскихъ (218—222). — Общіе выводы (222—224).

Страницы.

Глава IV. **Второй періодъ литературной дѣятельности Новикова** . . . . . 225—272

Характеръ этого періода (225).—Санктпетербургскія Ученыя Вѣдомости (225—235). — Утренній Свѣтъ (235—261). — Общее заключеніе о второмъ періодѣ литературной дѣятельности Новикова (261—262). — Петербургскія школы Новикова (262—269).— Подписчики Утренняго Свѣта (270—272).

Глава V. **Третій періодъ литературной дѣятельности Новикова** . . . . . 273—433

Московское Изданіе (273—295). — Вечерняя Заря (296—325). — Педагогическія сочиненія въ Прибавленіяхъ къ Московскимъ Вѣдомостямъ 1783 и 1784 годовъ (325—348). — Другія статьи въ тѣхъ-же Прибавленіяхъ (348—366). — Покоящійся Трудолюбецъ (366—411). — Общія заключенія объ идеяхъ журналовъ Новикова во всѣ три періода его литературной дѣятельности (411—417). — Можетъ ли Новиковъ считаться представителемъ русскаго масонства екатерининскихъ временъ? (418—433).

Заключеніе . . . . . .

Слѣды вліянія идей Новикова на литературу и жизнь . . . 434—446

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ
№
И. БЫСТРОВА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Имя Николая Ивановича Новикова — имя, давно признанное славнымъ. Кто не слыхалъ про его „Вивліоѳику“, про его издательскую, масонскую и благотворительную дѣятельность? Кто не читалъ его „Трутня“ и „Живописца“ въ прекрасныхъ изданіяхъ г. Ефремова?—Наша литература и недавняя, молодая наука новой русской словесности представили нѣсколько почтенныхъ трудовъ, разсматривающихъ различныя стороны дѣятельности Новикова.—Вслѣдствіе этого невольно, вызываемый самымъ заглавіемъ моего сочиненія, является вопросъ: осталось ли неразъясненнымъ что-либо существенно-важное въ жизни знаменитаго издателя, можно ли сказать о немъ что-либо новое?

Съ 1830 года имя Новикова стали упоминать въ критическихъ и научныхъ сочиненіяхъ [1]). Но впродолженіе цѣлыхъ 20 лѣтъ о немъ передавали лишь ходившіе въ обществѣ преданія и слухи. Только съ конца 40-хъ годовъ начинается ученая разработка тѣхъ явленій русской литературы и жизни, въ которыхъ участвовалъ Новиковъ. Появившіяся съ того времени сочиненія говорятъ и о всей вообще дѣятельности знаменитаго издателя, о значеніи его личности въ русской жизни, и о различныхъ отдѣльныхъ сторонахъ этой дѣятельности.—

[1]) Полн. собр. соч. Ив. Вас. Кирѣевскаго, М. 1861 г. т. I. „Обозр. рус. словесности за 1829 годъ“, стр. 20—21.—Словарь достопам. людей рус. земли. Сост. Дм. Бантышъ-Каменскій. Изд. 1836 г. (въ 5 ч.) ч. IV, стр. 26—29.—Отеч. Зап. 1839 г., т. V, № 8. Смѣсь. Библіогр. рѣдкости, стр. 26—32 (ст. Макарова о Трутнѣ). — Словарь рус. свѣт. пис-ей, М. Евгенія, 1845 г., стр. 103—106, 200—211. — Соч. Бѣлинскаго, т. 12, стр. 148 (ст. о Н. А. Полевомъ, появившаяся въ 1846 году).

Всѣ эти изслѣдованія послѣднихъ 25 лѣтъ привели къ нижеслѣдующимъ результатамъ.

Болѣе всего разработаннымъ оказывается вопросъ о сатирическихъ журналахъ Новикова. Относительно этихъ журналовъ существуетъ четыре главныхъ мнѣнія, четыре различныхъ взгляда на нихъ, сопоставляя которые, мы можемъ довольно близко подойти къ истинѣ. Аѳанасьевъ (въ своемъ сочиненіи „Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 годовъ“) [1]) проводитъ ту мысль, что наши сатирическіе журналы екатерининскихъ временъ выражали тѣ самыя идеи, которыми руководилась императрица Екатерина въ своихъ преобразованіяхъ, что они слѣдовали за правительствомъ и вообще за стремленіями своего гуманнаго вѣка и принесли много пользы. — Добролюбовъ думаетъ [2]), что журналы эти были лишены самостоятельности, что, слѣдуя за государственными мѣрами, они упустили изъ виду задачу сатиры, что они только обличали заднимъ числомъ различныя злоупотребленія, не вникая въ причины ихъ, не понимая сущности дѣла; онъ думаетъ, что вслѣдствіе этого они прошли безслѣдно въ русской жизни, не повліявъ на нее. — Г. Мордовцевъ [3]), соглашаясь съ Добролюбовымъ, что журналы не привели общество ни въ какимъ результатамъ, видитъ другую причину этого ихъ неуспѣха: онъ очень обстоятельно указываетъ на различныя проявленія „стѣсненія гласности“ въ журналахъ.—Наконецъ, г. Тихонравовъ (въ статьѣ „Четыре года изъ жизни Карамзина“) [4]) говоритъ о противодѣйствіи новиковскихъ журналовъ ученію энциклопедистовъ и объ ихъ народныхъ стремленіяхъ. — Другіе изслѣдователи или выражали одинъ изъ указанныхъ взглядовъ, или представляли какую-нибудь ихъ комбинацію. Такъ, противоположность мыслей Добролюбова и Аѳанасьева выразилась еще раньше (но въ неразвитомъ видѣ) въ сочиненіяхъ гг. Пыпина („Владиміръ Лукинъ“) [5]) и Булича [6]). Впрочемъ г. Пыпинъ не вполнѣ согласенъ съ Добролюбовымъ: онъ признаетъ за журналами Новикова значеніе,—уже въ сейчасъ названной статьѣ своей онъ замѣчаетъ, что они имѣли „жизненный интересъ“; въ статьѣ же „Русское масонство въ 18 в.“ [7]) говоритъ, что

[1]) Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 гг. Аѳанасьева. М. 1859 г.

[2]) „Русская сатира Екатерининскаго времени“ Современникъ 1859 г. № 10.— См. также Соч. Добролюбова, изд. 2-ое, т. I, стр. 117—219.

[3]) „Обличительная лит-ра въ первыхъ рус—хъ журналахъ и стѣсненіе гласности“. Ст. Дан. Мордовцова: Рус. Слово 1860 г. №№ 2 и 3.

[4]) Рус. Вѣстн. 1862 г., апрѣль.

[5]) Отеч. Зап. 1853 г. №№ 8 и 9. Ст. г. Пыпина „Владиміръ Лукинъ“.

[6]) Сумароковъ и соврем. ему критика. Соч. Н. Булича. Спб. 1854 г. Стр. 227—228.

[7]) Вѣст. Евр. 1867 г. №№ 2, 3 и 4.

обличительная сторона новиковскихъ журналовъ вызвана была не только идеями правительственныхъ актовъ, но и „чистымъ сердцемъ“ Новикова; онъ указываетъ и на то, что журналы эти возбудили крестьянскій вопросъ.—Пекарскій, открывая новые матеріалы для исторіи журнальной дѣятельности Екатерины [1]), подтверждаетъ розысканія г. Мордовцева.—Г. Галаховъ (Исторія литературы) и Лонгиновъ („Новиковъ и московскіе мартинисты“) [2]) повторяютъ мысли Аѳанасьева. — Г. Ефремовъ (въ предисловіяхъ къ своимъ изданіямъ „Живописца“ и „Трутня“) [3]) придерживается взглядовъ Пекарскаго и г. Мордовцева.—Что касается до вопроса о томъ, на-сколько сами издатели нашихъ журналовъ XVIII в. были сочинителями помѣщавшихся тамъ статей, то существуетъ два мнѣнія: г. Буличъ, на основаніи различныхъ данныхъ, доказываетъ, что почти всѣ статьи журналовъ принадлежали ихъ издателямъ; Аѳанасьевъ, основываясь на другихъ свидѣтельствахъ, думаетъ относительно Новикова, что онъ почти ничего не писалъ въ своихъ изданіяхъ.

Если вопросъ о жизненномъ значеніи сатирическихъ журналовъ Новикова, благодаря разностороннимъ изслѣдованіямъ, довольно близокъ къ разрѣшенію, то нельзя сказать того-же про его ученыя изданія. Объ этихъ изданіяхъ говорятъ почти всѣ изслѣдователи, но говорятъ мелькомъ. Г. Тихонравовъ (въ ст. „Четыре года изъ жизни Карамзина“) указываетъ, что въ изданіи Новиковымъ памятниковъ древней русской исторіи выразилось отвращеніе его отъ идей французскихъ философовъ и стремленіе къ народнымъ русскимъ началамъ, что эти изданія были, такимъ образомъ, урокомъ настоящему.—Единственное подробное разсмотрѣніе одного изъ этихъ ученыхъ изданій представлено М. И. Сухомлиновымъ, это—разборъ „Опыта Историческаго Словаря о Россійскихъ Писателяхъ“ [4]).

Еще несравненно менѣе разсмотрѣны *такъ называемые* мистическіе журналы Новикова. Объ нихъ говорятъ многіе писатели, называя ихъ журналами съ нравоучительнымъ и мистическимъ направленіемъ, издававшимися съ благотворительной цѣлью. Но все это говорится мимоходомъ и ровно ничего не объясняетъ. Подробнѣе другихъ знакомятъ публику съ этими изданіями г. Галаховъ (въ ст. „Ник. Мих. Карамзинъ“) [5]) и Добролюбовъ (въ своемъ соч. „Собесѣдникъ Люби-

[1]) Матеріалы для исторіи журн. и лит. дѣят. Ек. II. П. Пекарскаго (Прилож. къ III т. Записокъ Имп. Ак. Н. Спб. 1863 г.).

[2]) „Новиковъ и московс. мартинисты“. Изсл. М. Н. Лонгинова. М. 1867 г.

[3]) Живописецъ Н. М. Новикова 1772—1773 г. Изд. 7-ое, П. А. Ефремова. Спб. 1864 г.—Трутень Н. И. Нов-ва, изд. 3-ье, П. А. Ефремова. Спб. 1865 г.

[4]) Н. И. Новиковъ, авторъ Историч. Словаря о рус. пис-хъ. М. Сухомлинова. Зап. Ак. Н. т. VI. 1865 г. См. также отдѣл. оттискъ.

[5]) Современникъ 1853 г. № 11 (Ст. 2-ая).

телей Россійскаго Слова“) [1]). Г. Галаховъ указываетъ на ихъ туманный мистицизмъ, на ихъ уваженіе къ истинной наукѣ, на присутствіе въ нихъ сатиры; Добролюбовъ утверждаетъ, что статьи этихъ журналовъ похожи на сочиненія семинаристовъ на заданныя темы, что возраженія ихъ противъ ученія энциклопедистовъ—дѣтски слабы. Но мнѣнія какъ Добролюбова, такъ и г. Галахова — бездоказательны.

Московскія Вѣдомости Новикова съ Прибавленіями къ нимъ также почти совсѣмъ не разсмотрѣны. Нѣкоторыя указанія на содержаніе ихъ встрѣчаемъ мы только у Шевырева въ его „Исторіи Московскаго Университета“ [2]).

Гораздо полнѣе разработанъ вопросъ о нашемъ масонствѣ, хотя и здѣсь, какъ указываетъ г. Пыпинъ („Матерьялы для исторіи масонскихъ ложъ“) остаются почти совсѣмъ нетронутыми богатѣйшія собранія масонскихъ рукописей и вещей въ Румянцовскомъ Музеѣ и въ Публичной Библіотекѣ.—Главныя статьи о нашемъ масонствѣ принадлежатъ Ешевскому [3]) и г. Пыпину [4]). Г. Пыпинъ знакомитъ насъ съ различными системами масонства, съ ихъ происхожденіемъ, разсказываетъ въ общихъ чертахъ исторію масонства у насъ, говоритъ о темныхъ и свѣтлыхъ сторонахъ его (указывая болѣе на темныя). Но на особенности нашего, русскаго масонства онъ не обратилъ вниманія. Эти особенности хотѣлъ выяснить Ешевскій, и выяснилъ бы, если бы успѣлъ окончить свой трудъ, какъ это видно изъ оставшихся двухъ его статей, въ которыхъ говорится о значеніи масонства въ нашей жизни и о сношеніяхъ московскихъ масоновъ съ иностранными. — Г. Тихонравовъ (въ соч. своемъ „Четыре года изъ жизни Карамзина“) дѣлаетъ краткое, но очень хорошее опредѣленіе масонства.— Г. Безсоновъ (въ біографіи Невзорова) [5]) сближаетъ это мистическое настроеніе умовъ съ славянофильствомъ и съ древними русскими началами, хотя едва ли можно сказать, чтобы имъ была достаточно выяснена эта мысль. — С. Т. Аксаковъ въ своемъ разсказѣ о встрѣчѣ къ масонами [6]) и Пекарскій при напечатаніи различныхъ матерьяловъ для

[1]) Современникъ 1856 г. №№ 7 и 8.—Соч. Добролюбова, т. I, стр. 1—108.

[2]) Исторія Моск. Унив-та, Шевырева. М. 1855 г. Гл. VI, стр. 216.

[3]) Соч. Ешевскаго. М. 1871 г. ч. III, стр. 404—568 (Двѣ статьи: „Нѣсколько дополнит. замѣчаній къ ст. Нов. и Шварцъ“ и „Московс. масоны 80-хъ гг. прошл. столѣтія“.—Первон. появились въ Рус. Вѣст. 1857 г. № 21 и 1864 г.

[4]) 1) „Рус. мас-во въ XVIII в. (Нов. и моск. март-сты. Изсл. Лонгинова). Вѣстн. Евр. 1867 г. №№ II, III и IV. 2) „Рус. мас-во до Новикова“. Вѣстн. Евр. 1868 г. №№ 6 и 7.—3) „Очерки обществ. движенія при Алекс. I“ гл. V и VI. Вѣстн. Евр. 1870 г., X, стр. 729—805.—4). „Матерьялы для исторіи мас-хъ ложъ“. Вѣстн. Евр. 1872 г. №№ 1, 2 и 7.

[5]) Рус. Бесѣда 1856 г., кн. III.

[6]) Рус. Бесѣда 1859 г. кн. I.

исторіи масонства (въ „Дополненіяхъ“ и проч.) [1]) указываютъ исключительно на темную сторону этого настроенія умовъ.—Говорятъ еще о масонствѣ Лонгиновъ („Новиковъ и московскіе мартинисты“) и г. Галаховъ (Исторія литературы).

Поднятъ былъ вопросъ объ отношеніяхъ Новикова и Шварца; но для разрѣшенія этого вопроса сдѣлано очень немного. Г. Тихонравовъ („Біографическій словарь профессоровъ московскаго университета“) [2]) утверждаетъ, что Новиковъ былъ подъ вліяніемъ Шварца, подчинился его идеямъ; но достаточныхъ доказательствъ въ пользу своего мнѣнія почтенный профессоръ не приводитъ. Его мысль повторяетъ Лонгиновъ, и тоже бездоказательно. Иначе думалъ Шевыревъ („Исторія моск. универс.“), называвшій Шварца только сотрудникомъ и помощникомъ Новикова; но и мысль Шевырева, высказанная лишь мимоходомъ, ничѣмъ не подтверждена.

Несравненно болѣе разъяснены отношенія Новикова и Карамзина. Г. Галаховъ („Ник. Мих. Карамзинъ“) [3]) приводитъ множество фактическихъ данныхъ, показывающихъ, что на Карамзина вліяли и такъ называемые мистическіе журналы Новикова, и Дѣтское Чтеніе, издававшееся при Моск. Вѣдомостяхъ.—Г. Погодинъ [4]) вліяніемъ Новикова и его общества объясняетъ интересъ Карамзина къ высшимъ вопросамъ человѣческаго духа, его политическія мнѣнія (послѣднее, впрочемъ, не доказано), говоритъ объ участіи (вольномъ и невольномъ) Карамзина въ слѣдственномъ дѣлѣ Новикова.—Сравнивая двухъ знаменитыхъ писателей, оба автора находятъ, что Карамзинъ пошелъ несравненно далѣе своего учителя, съумѣвъ взять отъ него все, что было нужно. Г. Погодинъ. впрочемъ, не такъ радикально проводитъ эту мысль, какъ г. Галаховъ. Послѣдній въ числѣ доказательствъ превосходства Карамзина надъ Новиковымъ приводитъ и то, что Карамзинъ любилъ Шекспира. Иначе думалъ объ этомъ Шевыревъ („Ис-

[1]) Дополненія къ исторіи мас-ва въ Россіи въ XVIII ст. (Сборникъ статей, чит. во II отд. Ак. Н. т. VII. 1870 г. и отдѣл. брош. помѣч. 1869 г.) Пекарскій приложилъ къ св. труду „Хронологическій указатель событій изъ исторіи мас-ва въ Россіи въ XVIII ст.; зд.указаны всѣ напеч. гдѣ-либо до труда Пекарскаго мат-лы, кас. исторіи нашего мас-ва, и всѣ статьи о немъ. Прилож. это—драгоцѣнно, и составл. заслугу пок. академика для рус. науки.

[2]) Біографич. словарь проф-въ и препод. Московс. Университета, сост. трудами пр-въ и преп-ей. М. 1855 г., ч. II. Біогр. Ив. Гр. Шварца.

[3]) Соврем. 1853 г. № 11. Н. М. Карамзинъ, г. Галахова, ст. II.

[4]) „Н. М. Карамзинъ“, матер. для біогр. въ Москвитянинѣ 1846 г. № 7 и „Н. М. Карамзинъ по его соч-мъ, письмамъ и отзывамъ совр-въ. Мат. для біогр. съ примѣч. и объяс. М. Погодина“ М. 1866 г. 2 чч.

торія моск. унив.“): любовь Карамзина къ Шекспиру, Лессингу и т. д. считаетъ онъ прямымъ слѣдствіемъ вліянія Новикова; едва ли бы Шевыревъ и вообще былъ согласенъ съ гг. Галаховымъ и Погодинымъ, если бы ему пришлось разъяснять подробно отношенія Карамзина и Новикова.

Мы видѣли, къ какимъ результатамъ пришла до сихъ поръ наука по различнымъ частнымъ вопросамъ о дѣятельности Новикова. Теперь слѣдуетъ сказать, какіе взгляды выработались въ ней на всю вообще эту дѣятельность, на значеніе Новикова въ русской жизни.—Прежде всего надо замѣтить, что всѣ вообще изслѣдователи (безъ исключеній) высоко ставятъ личность Новикова, всѣ говорятъ, что это человѣкъ съ благороднымъ характеромъ, самоотверженно стремившійся къ распространенію образованія въ своемъ народѣ. Но затѣмъ начинаются всевозможныя разногласія. Можно сказать, что существуетъ пять различныхъ взглядовъ на значеніе дѣятельности Новикова.— Г. Пыпинъ считаетъ Новикова представителемъ пробудившагося стремленія общества къ самостоятельности, къ самодѣятельности, къ жизни; эти стремленія общества выразились въ увлеченіи масонствомъ, явленіемъ, заимствованнымъ съ Запада, а не вышедшимъ изъ основъ нашего народнаго характера; бороться обществу пришлось съ остатками древней московской централизаціи; увлеченіе общества всѣми нелѣпостями масонства произошло отъ его крайней неразвитости; Новиковъ, по своему развитію, былъ въ-уровень обществу. — Другой взглядъ выраженъ въ указанныхъ выше статьяхъ г. Безсонова, Ешевскаго, г. Тихонравова („Четыре года изъ жизни Карамзина“). Новиковъ, по этому взгляду,—представитель народныхъ стремленій общества; направленіе его родственно съ славянофильствомъ. Мысль, слѣдовательно, противоположная, по отношенію къ содержанію убѣжденій Новикова, мысли г. Пыпина. Къ сожалѣнію она не развита такъ подробно и обстоятельно, какъ мысль этого послѣдняго. Такъ, г. Тихонравовъ, желая доказать, что въ дѣятельности Новикова и послѣ изданія сатирическихъ журналовъ выражались стремленія къ народности, указываетъ на одни внѣшности: Новиковъ заводилъ школы для простаго народа, издаваемыя имъ книги читалъ тоже простой народъ; а народны ли были убѣжденія Новикова въ это время,— авторъ не говоритъ; — кромѣ того онъ думаетъ, что Новиковъ былъ подъ вліяніемъ иностранца Шварца; да и относительно народности сатирическихъ журналовъ онъ дѣлаетъ лишь общія указанія, не входя въ подробности. Г. Безсоновъ, признавая народность въ самомъ масонствѣ Новикова и его друзей, дѣлаетъ различныя оговорки, замѣчаетъ, что это—лишь смутныя, неясныя стремленія къ народности, до такой степени неясныя, что они

даже выражались въ явленіяхъ заимствованныхъ съ Запада,— масоны не умѣли почти ничего взять изъ древней или вообще народной Руси, даже не владѣли, какъ слѣдуетъ, русскимъ языкомъ; и если славянофильство признаетъ свою связь съ ними, то весьма условно. Наконецъ Ешевскій — не успѣлъ вполнѣ высказать своихъ мыслей, и оставилъ лишь намеки на какія-то самостоятельныя стремленія московскихъ масоновъ.—Третій взглядъ выражается въ статьяхъ Добролюбова; вотъ его сущность: въ русскомъ обществѣ 18 вѣка не было образованія, не было и самостоятельности; вслѣдствіе этого и сатирическіе журналы Новикова не были самостоятельны и не имѣли въ жизни никакого значенія, не смотря на все благородство личности Новикова; журналы слѣдовавшіе за сатирическими стояли еще ниже; второй періодъ дѣятельности Новикова есть періодъ упадка, не смотря на то, что и первый не высокъ.—Четвертый взглядъ высказанъ Лонгиновымъ; Новиковъ, по мнѣнію его біографа, былъ человѣкъ практическій (разумѣется, въ хорошемъ смыслѣ этого слова), типографщикъ, стремившійся къ высокой цѣли—разливать въ своемъ народѣ образованіе посредствомъ изданія книгъ, заведенія школъ и т. д., кромѣ того — филантропъ, помогавшій бѣднымъ; каково же было содержаніе образованія, которое хотѣлъ распространять въ народѣ Новиковъ, объ этомъ у Лонгинова ничего не говорится; выходитъ, что Новиковъ, вѣроятно, и не имѣлъ въ этомъ отношеніи никакихъ опредѣленныхъ убѣжденій,—просто хотѣлъ распространять общеполезныя и всѣми признанныя свѣдѣнія.— Наконецъ, послѣдній взглядъ проводится, но весьма непослѣдовательно, Аѳанасьевымъ и г. Галаховымъ (Исторія литературы). По мнѣнію этихъ писателей Новиковъ—распространитель такъ называемыхъ гуманныхъ идей 18-го вѣка, хотя оба они признаютъ, что Новиковъ во 2-мъ періодѣ своей дѣятельности боролся съ идеями энциклопедистовъ.— Примирить всѣ эти противорѣчивые взгляды и вывести изъ нихъ что-либо опредѣленное довольно трудно, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ нихъ (и самый главный), а именно взглядъ гг. Безсонова, Тихонравова и Ешевскаго оказывается очень мало развитымъ; а другой, г. Пыпина (тоже очень важный), ничего не говоритъ о славянофильствѣ Новикова, какъ будто его совсѣмъ и не было.—Эту путаницу увеличиваетъ еще противорѣчіе между показаніями первыхъ писателей о Новиковѣ, говорившихъ о знаменитомъ дѣятелѣ по живымъ еще въ обществѣ слухамъ, и показаніями позднѣйшихъ изслѣдователей. По первымъ Новиковъ оказывается самъ *писателемъ* (М. Евгеній), совершенно самостоятельной личностью, человѣкомъ, подвинувшимъ на полвѣка образованность своего народа, создавшимъ на Руси читателей и общественное мнѣніе, человѣкомъ высокой образованности (Кирѣевскій,

Макаровъ). По вторымъ значеніе Новикова оказывается несравненно меньшимъ: заподозрѣно то обстоятельство, что онъ самъ былъ писателемъ (Аѳанасьевъ), заподозрѣна его образованность (гг. Пыпинъ, Галаховъ и друг.), явился споръ не только о большемъ или меньшемъ значеніи его дѣятельности, но даже и о самомъ существованіи этого значенія.—При всѣхъ этихъ противорѣчіяхъ, кажется, можно вывести только одно положительное заключеніе, это—что Новиковъ былъ представитель пробудившейся въ обществѣ потребности самостоятельной жизни, человѣкъ русскій и человѣкъ стремившійся къ какой-то (къ какой именно—неизвѣстно) цивилизаціи, образованности.

Неизвѣстность внутренняго смысла дѣятельности Новикова мѣшаетъ изслѣдователямъ понять и слѣдственное дѣло его. Объ этомъ „дѣлѣ“ существуютъ разнообразныя мнѣнія. Лонгиновъ („Нов. и моск. март.“) выставляетъ на видъ различныя внѣшнія причины: зависть, клевету, нелюбовь Екатерины къ масонамъ, французскую революцію; дѣло оказывается происшедшимъ по недоразумѣнію. — Г. Поповъ говоритъ [1]), что дѣло началось изъ-за желанія императрицы остановить распространеніе масонскихъ идей и ложъ и не имѣло особеннаго значенія; оно пріобрѣло это значеніе, когда стали подозрѣвать политическую цѣль въ сношеніяхъ Новикова съ Вел. Княземъ; но потомъ императрица увидѣла невинность этихъ сношеній,—и тутъ г. Поповъ, подобно Лонгинову, начинаетъ случайностями объяснять заключеніе Новикова.—Г. Пыпинъ смыслъ дѣла видитъ въ борьбѣ общества съ административной опекой; случайности же только раздували его.—Но всѣ три автора, при всемъ различіи ихъ взглядовъ, согласны, что началось дѣло съ преслѣдованія масонства, что именно на масонство была опала. — Ешевскій („Дополнительныя замѣчанія къ ст. Новиковъ и Шварцъ“) кажется думалъ нѣсколько иначе; по крайней мѣрѣ онъ оставилъ два намека, свидѣтельствующіе объ иномъ взглядѣ; онъ указалъ, что во время преслѣдованія масонства въ Москвѣ оно спокойно процвѣтало въ Петербургѣ; затѣмъ онъ выразился, что Екатерина не могла или *не хотѣла* отдѣлить высокія стремленія Новикова отъ масонства. Но эти намеки историка такъ и остались намеками.— И такъ, разъяснено въ дѣлѣ многое, но главное все-таки не совсѣмъ понятно. Объясненіе г. Пыпина вполнѣ удовлетворить не можетъ: если преслѣдовалось именно масонство (оно, по г. Пыпину, и было выраженіемъ стремленій общества), то отчего же пострадалъ одинъ Новиковъ, а другимъ масонамъ почти совсѣмъ не досталось? этого г. Пыпинъ объяснить не могъ.

[1]) „Дѣло Новикова и его товарищей“. Вѣстн. Евр. 1868 г. № 4, стр. 617—650.—„Ек. II и іезуиты“. Вѣстн. Евр. 1869 г. № 1, стр. 357—395.

Изъ всего сказаннаго выше самъ собою вытекаетъ отвѣтъ на поставленный мною вопросъ: осталось ли неразъясненнымъ что-либо существенно важное въ дѣятельности Новикова? — Многое и очень многое осталось еще неразъясненнымъ. Надо вывести общее заключеніе о сатирическихъ журналахъ Новикова, надо разсмотрѣть его ученыя изданія, опредѣлить его литературные взгляды, надо разсмотрѣть почти совершенно неизвѣстные его такъ называемые мистическіе журналы (Утренній Свѣтъ, Московское Изданіе, Вечернюю Зарю, Покоящійся Трудолюбецъ) и Московскія Вѣдомости, равно какъ и журналы, издававшіеся имъ, но не подъ его собственною редакціей (напр. Дѣтское Чтеніе, Экономическій Магазинъ и др.); надо объяснить особенности нашего масонства вообще и масонства Новикова въ частности; надо разсмотрѣть всѣ издававшіяся Новиковымъ книги [1]); надо понять взаимныя отношенія Новикова и Шварца и другихъ членовъ Дружескаго Ученаго Общества, сравнить содержаніе убѣжденій Новикова и Карамзина; наконецъ, надо найти, до сихъ поръ совершенно не найденный, внутренній смыслъ всей дѣятельности Новикова, а слѣдовательно и всей вообще судьбы его. Что касается до біографіи знаменитаго издателя, то и она въ настоящее время далеко не полна по недостатку матерьяловъ; мы не знаемъ, напр., подъ какими вліяніями сложился его характеръ; мы можемъ только догадываться, что большое значеніе для образованія его убѣжденій имѣла Коммиссія о сочиненіи проекта новаго Уложенія, созваніе которой было едва ли не важнѣйшимъ дѣломъ царствованія имп. Екатерины.

Цѣлью сочиненія, предлагаемаго нынѣ вниманію читателя, было — разсмотрѣть въ послѣдовательной хронологической связи журналы, издававшіеся Новиковымъ подъ его личною редакціей. При этомъ я имѣлъ въ виду главнымъ образомъ разрѣшеніе слѣдующихъ вопросовъ: былъ ли самъ Новиковъ писателемъ или нѣтъ? какія идеи проводилъ онъ въ своихъ журналахъ? какъ послѣдовательно развивались эти идеи въ его сознаніи въ связи съ событіями его жизни? и, наконецъ, можетъ ли Но-

[1]) Полнаго списка этихъ книгъ мы, кажется, вправѣ были надѣяться отъ Лонгинова, называющаго въ своемъ сочиненіи о Новиковѣ главнѣйшія изъ нихъ. Не сохранилось ли такого списка послѣ покойнаго?

виковъ считаться представителемъ нашего масонства прошедшаго столѣтія?—Для выясненія значенія идей Новикова въ нашей жизни я счелъ необходимымъ сдѣлать въ моемъ сочиненіи очеркъ нравовъ русскаго общества екатерининскихъ временъ и представить картину нашего тогдашняго масонства.

Прибавлю два слова о внѣшней сторонѣ моей книги: въ выпискахъ изъ новиковскихъ журналовъ я старался выдержать правописаніе этихъ изданій. Прошу извиненія у читателя, если мнѣ не всегда это удавалось: по рѣдкости нѣкоторыхъ изъ этихъ изданій я не могъ имѣть ихъ всякую минуту подъ руками.

Въ-заключеніе считаю пріятнымъ долгомъ выразить благодарность лицамъ, содѣйствовавшимъ моему сочиненію указаніями, совѣтами, сообщеніемъ книгъ или рукописей: К. Н. Бестужеву-Рюмину, товарищу моему Ѳ. А. Витбергу, А. Н. Пыпину, М. И. Сухомлинову. Особенную-же благодарность приношу Оресту Ѳедоровичу Миллеру за его постоянное участіе къ моему труду. Выражаю также признательность Московскому Публичному Музею за обязательное позволеніе снять копіи съ нѣсколькихъ масонскихъ рукописей.

13-го октября 1874 года.

А. Незеленовъ.

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ * № * г. БЫСТРОВА.

ГЛАВА I.

Библіотека Быстрова

Нравы русскаго общества екатерининскихъ временъ.

Вѣкъ Екатерины II, этотъ вѣкъ громкихъ побѣдъ и грандіозныхъ личностей, долго увлекалъ насъ блескомъ своей славы, — и мы долго его идеализировали. Увлекательный образъ императрицы, благородныя личности ея сподвижниковъ, «екатерининскихъ орловъ», по слову поэта, поражали воображеніе потомства, отъ котораго скрыта была обыденная, будничная сторона жизни. Тяжелое время короткаго царствованія преемника Екатерины еще болѣе способствовало идеализированію протекшихъ временъ. Внѣшній блескъ жизни, ея праздничная, эффектная оболочка подкупали и обманывали зрѣніе. — Но время шло и отдаляло отъ насъ громкія событія; а между тѣмъ, одни за другими, появлялись записки современниковъ—и приносили съ собою разочарованіе, охлаждали нашъ восторгъ, открывая часто декоративную фальшь тамъ, гдѣ намъ чудилась чистѣйшая поэзія.—Въ настоящую минуту, если посмотрѣть трезвымъ взглядомъ на блестящій вѣкъ, то онъ можетъ намъ легко показаться—вѣкомъ поразительнаго невѣжества и замѣчательно низкаго уровня нравственности. У насъ переводились тогда сочиненія энциклопедистовъ; но, потому ли, что ихъ плохо понимали, потому ли, что и самое пониманіе ихъ не могло приносить намъ особой пользы, образованіе еще стояло тогда у насъ на самой низкой степени во всѣхъ слояхъ общества, начиная отъ лицъ, приближенныхъ къ престолу, и кончая мелкими чиновниками, армейскими офицерами и помѣщиками отдаленныхъ деревень. Невѣжество было всеобщее.

Суровый историкъ кн. Щербатовъ въ своемъ «Письмѣ къ вельможамъ—правителямъ государства» [1]) въ числѣ другихъ недостатковъ русскихъ сановниковъ указываетъ и на ихъ невѣжество. Объ этомъ невѣжествѣ свидѣтельствуютъ: воспитатель Вел. Кн. Павла Петровича

[1]) Русская Старина 1872 г., янв., стр. 3.

Порошинъ[1]) и французскій посолъ гр. Сегюръ[2]). По словамъ Грибовскаго [3]), статсъ-секретаря имп. Екатерины въ послѣдніе годы ея царствованія, изъ всѣхъ современныхъ ему вельможъ только двое знали русское правописаніе; это были кн. Потемкинъ и гр. Безбородко. — „Сіи самые знаменитые невѣжды (говоритъ о вельможахъ Фонъ-Визинъ въ своей „Челобитной Россійской Минервѣ отъ Россійскихъ писателей"), заемля свѣтъ свой отъ лучей Вашего Величества, возмечтали о себѣ, что сіяніе дѣлъ, вами руководствуемыхъ, происходитъ якобы отъ искръ ихъ собственной мудрости; ибо, возвышаясь на степени, забыли они совершенно, что умы ихъ суть умы жалованные, а не родовые, и что по статнымъ спискамъ всегда справиться можно, кто изъ нихъ и въ какой торжественный день пожалованъ въ умные люди. Отъ сего возмечтанія родилось въ душахъ рѣченныхъ невѣждъ внутреннее удостовѣреніе, что къ отправленію дѣлъ ни въ какихъ знаніяхъ нужды нѣтъ, ибо де мы сами въ дѣлахъ безъ малѣйшаго въ нихъ знанія".

Оселъ останется осломъ,
Хотя осыпь его звѣздами;
Гдѣ нужно дѣйствовать умомъ —
Онъ только хлопаетъ ушами!

рѣзко, но правдиво выразился Державинъ о титулованныхъ неучахъ.

Невѣжество чиновнаго, служащаго сословія было не менѣе поразительно, чѣмъ невѣжество вельможъ. Опредѣлялись къ гражданскимъ дѣламъ, завѣдовали важными частями управленія люди не только незнакомые съ юридическими науками, но неимѣющіе даже понятія о законахъ и о томъ, что имъ предстояло дѣлать на службѣ. Извѣстный масонъ и благотворитель Ив. Вл. Лопухинъ разсказываетъ про себя, что въ началѣ 1782 года по просьбѣ „за болѣзньми" отставленъ онъ изъ капитанъ-поручиковъ гвардіи къ статскимъ дѣламъ полковникомъ, а въ концѣ того-же года, при открытіи, по новымъ учрежденіямъ, Московской губерніи, опредѣленъ былъ въ ней совѣтникомъ уголовной палаты [4]). Такимъ-же почти образомъ перешелъ къ гражданскимъ дѣламъ и Державинъ. Лопухинъ и Державинъ оба были люди умные, — они и вышли дѣльцами; но такимъ-же путемъ, какъ они, переходила въ гражданскую службу масса заурядныхъ офицеровъ, уже вовсе къ дѣламъ не способныхъ. — На-сколько мало нужно было, по взгляду вѣка, образованія гражданскому чиновнику, можно видѣть изъ одного, сообщаемаго Державинымъ[1]), можетъ быть и исключительнаго, но все же возможнаго въ тѣ времена, факта: полковникъ Тутолминъ, двоюродный братъ генералъ-губернатора Олонецкаго, *худо знавшій грамоту*, сдѣланъ былъ предсѣдателемъ верхняго земскаго суда. — Фонъ-Визинскій Сорванцовъ говоритъ княг. Халдиной [2]): „я къ тебѣ прямо изъ присутствія; ты знаешь, что я судья. Я тамъ такъ заспался, что насилу очнуться могу. Часа четыре читали дѣло; всю эту пропасть мололи при мнѣ; а какъ закономъ не запрещено судьѣ спать, когда и гдѣ захочетъ, то я, сидя за судейскимъ столомъ, предпочелъ лучше во снѣ видѣть бредъ, нежели на-яву слышать вздоръ". Далѣе Сорванцовъ поясняетъ, что часто судьи не понимаютъ дѣла потому, что оно предложено неясно. Не всегда такъ, возражаетъ Здравомыслъ: „весьма часто не понимаютъ для того, что не сдѣлали привычки къ дѣламъ и не пріобрѣли способности къ вниманію. Сія способность пріобрѣтается ученіемъ и чтеніемъ; но сколько у насъ людей, которые порядочно учились и имѣютъ навыкъ понимать читаемое? Я не требую судей ученыхъ, но, мнѣ кажется, судья долженъ быть неотмѣнно просвѣщенъ и умѣть грамотѣ, т. е. знать по крайней мѣрѣ правописаніе, чему, я самъ видѣлъ, не многіе у насъ умѣютъ". — При такомъ образованіи чиновниковъ, правителей и судей, дѣлами, конечно, завѣдовали ихъ секретари, люди не болѣе ихъ образованные, но болѣе дѣятельные, смѣтливые, ловкіе, пронырливые. Фонъ-Визинскій Артамонъ Взяткинъ рекомендуетъ [3]) Его Превосходительству, произведенному „изъ ничего по единой Божеской благости, слѣпымъ случаемъ въ большой чинъ" и посаженному „знатнымъ судьею, весьма въ непродолжительное время и безъ всякихъ трудовъ, по единой милости Создателя, изъ ничего всю вселенную создавшаго", рекомендуетъ въ секретари дѣльца, своего сына, котораго „Господь наградить благоволилъ, что онъ къ приказнымъ дѣламъ весьма сроденъ, и уже сочинилъ совсѣмъ новаго рода сводное уложеніе, пріискавъ на каждое дѣло по два указа, изъ коихъ по одному отдать, а по дру-

[1]) Записки Порошина, (служащія къ исторіи Государя Павла Петровича Спб. 1844г.), стр. 87.

[2]) Записки гр. Сегюра о его пребываніи въ Россіи въ царств. Екатерины II. Пер. съ фр. Спб. 1865 г. стр. 344.

[3]) Записки о Имп. Екатеринѣ Вел., Грибовскаго. Изд. 2-е. М. 1864 г. стр. 10, 20 — 21.

[4]) Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы дѣйст. тайн. сов., сенат. И. В. Лопухина, соч. имъ самимъ. М. 1860 г. (изъ II и III кн. Чтеній 1860 г.), стр. 1.

[1]) Зап. Державина (Соч. Держ. Изд. Ак. Н. т. VI. Спб. 1871 г.), стр. 567—577.

[2]) Соч. Фонъ-Визина, Спб. 1866 г., стр. 250—253.

[3]) Тамъ-же, стр. 242—243.

гому отнять ту же самую вещь неоспоримо повелѣвается.“ — Невѣжеству чиновниковъ въ гражданскихъ дѣлахъ совершенно соотвѣтствовало невѣжество военныхъ людей въ военныхъ наукахъ: офицеры знали одну только фронтовую службу [1]).

Образованіе духовенства стояло тоже на весьма низкой степени. Такъ Державинъ разсказываетъ, что въ бытность его губернаторомъ въ Петрозаводскѣ пришлось ему, „за неимѣніемъ ученыхъ духовныхъ“, сочинить рѣчь на случай открытія больницы, которую рѣчь и произнесъ священникъ собора Іоаннъ. Тоже самое случилось съ нимъ и въ Тамбовѣ: при открытіи въ 1787 году народнаго училища, однодворецъ Захаровъ говорилъ рѣчь, сочиненную Державинымъ, потому что „преосвященный былъ тогда человѣкъ неученый и при немъ таковыхъ людей не было, кто бы могъ сочинить на тотъ случай приличную проповѣдь“ [2]). Добрынинъ, бывшій послушникъ сѣвскаго архіерея Флоринскаго, разсказываетъ [3]), что однажды его архіерей на своихъ именинахъ до того напоилъ брянскаго протопопа, что у того началась горячка, — онъ убѣжалъ въ архіерейскую конюшню и тамъ тихонько вскрикивалъ: „архипастырь Божій! помилуй! я пить не хочу!“ Карачевскій священникъ Соколовъ встрѣтилъ протопопа въ конюшнѣ и думалъ, что онъ сошелъ съ-ума „по дѣйствію дьяволю“, и сталъ заклинательными молитвами изгонять бѣса; видя, что заклинанія не дѣйствуютъ, пошелъ онъ къ архіерею и сказалъ: „вотъ до чего, владыко святый, науки доводятъ человѣка! Отецъ протопопъ брянскій, не возмогши ихъ вмѣстити во главу свою, изступи ума, и не вѣсть, что глаголетъ, являяся яко неистовъ“. Архіерей оказался умнѣе священника: не сошелъ ли ты самъ съ-ума, сказалъ онъ ему, и послалъ къ протопопу лекаря. Но тотъ-же самый архіерей въ другомъ случаѣ, въ борьбѣ своей съ расколомъ, не смотря на свои природныя способности, на свой даръ краснорѣчія, оказался не развитѣе священника Соколова: въ Орлѣ говорилъ онъ проповѣдь противъ раскольниковъ, и „разсудилось ему, повѣствуетъ Добрынинъ, для придачи силы и краснорѣчія своему нравоученію, называть старообрядцевъ с...ными сынами, и плевать на суевѣрный народъ чрезъ налой, на которомъ лежалъ передъ нимъ псалтырь“ [1]).—При возможности подобныхъ вещей немудрено, что былъ однажды посвященъ въ архіереи безграмотный человѣкъ, — это былъ Аѳанасій Вольховскій, а дѣло происходило въ Могилевѣ; преосв. Аѳанасій, по словамъ Добрынина [2]), „знакомое ему Евангеліе не могъ читать безъ ошибокъ и частыхъ медленныхъ остановокъ“.

---

[1]) Зап. Энгельгардта, М. 1860 г. стр. 62 — 63. — См. еще разсказъ сенат. Бибикова о кадетской школѣ, завед. его отцемъ.—Зап. о жизни и службѣ Ал. Ив. Бибикова, сыномъ его сен. Бибиковымъ. Спб. 1817 г. стр. 151 — 153. — Взглядъ на мою жизнь, записки Ив. Ив. Дмитріева, М. 1866 г. Стр. 25 — 27 (о полковой школѣ).

[2]) Зап. Державина (Соч. т. VI), стр. 577, 582.

[3]) Истинное повѣствованіе или жизнь Гавріила Добрынина, имъ самимъ писанная. Въ 3 частяхъ. Спб. 1872 г. Изд. 2-е (1-е изд. въ Рус. Ст. 1871 г. т. III и IV); стр. 40 — 41.

А вотъ свидѣтельство современника о степени образованности женщинъ въ прошломъ столѣтіи: „въ нашемъ вѣкѣ красота воспитывается въ играхъ и забавахъ (говоритъ другъ Радищева Ушаковъ въ своемъ сочиненіи „О любви“ [3]), вся разума ея округа внѣшнимъ ограничивается блескомъ; свобода въ убранствѣ, прелесть поступи и нѣсколько наизустъ выученныхъ модныхъ словъ заступаютъ мѣсто мыслей и изгоняютъ природное чувствованіе; она принуждена ежечасно притворяться и сокрывать свои невиннѣйшія склонности; она злословна, для того что невѣдуща, честолюбива, для того что не имѣетъ должнаго къ себѣ почтенія, и коварна, для того что живетъ всегда въ принужденіи и безпрестанно бездѣлицами упражняется“.

Какую силу имѣло въ 18 вѣкѣ „богопротивное“ (по выраженію ученика Новикова, Невзорова) невѣжество, можно видѣть изъ отношеній тогдашняго общества къ книгамъ, къ писателямъ. Селивановскій, сынъ извѣстнаго типографщика екатерининскихъ временъ, говоря о появленіи въ свѣтъ „Путешествія“ Радищева, прибавляетъ [4]): цензуры тогда не было; „книги разсматривались при Управѣ или оберъ-полицмейстеромъ, т. е. предъявлялись, но не читались. Въ ту пору *книга была нѣчто пустое, неважное, и еще не думали, что она можетъ быть вредна*“. Это свидѣтельство Селивановскаго имѣетъ большой вѣсъ, какъ показаніе человѣка, стоявшаго близко къ книжному дѣлу. Сами писатели смотрѣли на себя, на свое занятіе весьма оригинально: извѣстно, что Державинъ, н. пр., болѣе цѣнилъ въ себѣ чиновника, чѣмъ поэта; поэзію считалъ онъ забавой, — онъ такъ выражается о ней въ одѣ „Фелица“:

Поэзія тебѣ (Фелицѣ) любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.

---

[1]) Тамъ-же, стр. 42.

[2]) Тамъ-же, стр. 297.

[3]) Осмнадцатый вѣкъ, кн. I (изд. 2-е 1869 г.), стр. 229—230.

[4]) Зап. Селивановскаго (Библ. Зап., 1858 г., № 17), стр. 518.

При такомъ взглядѣ неудивительно, что авторъ „Фелицы“, человѣкъ неподкупно честный и прямой, допускалъ въ свои оды лесть, „мглистый ѳиміамъ“, по его выраженію; онъ никакъ не думалъ, что за это можно будетъ осуждать его:

За слова меня пусть гложетъ,
За дѣла — сатирикъ чтитъ!

восклицалъ онъ. Великій комикъ, Фонъ-Визинъ смотрѣлъ иногда на свой даръ — какъ на средство забавлять людей: онъ считалъ себя порою чуть не за шута. Карабановъ сохранилъ намъ (въ этомъ случаѣ ему, кажется, можно повѣрить) интересный анекдотъ о томъ, какъ Ник. Ив. Панинъ предложилъ однажды императрицѣ для разогнанія скуки и нездоровья послушать Фонъ-Визина, который представляетъ игру въ карты гр. Разумовскаго, кн. Голицына, кн. Вяземскаго и Кара, споривщихъ за вистомъ, и Бецкаго, останавливающаго ихъ игру разсужденіями о казенныхъ заведеніяхъ [1]). (Замѣтимъ, что это шутовство автора „Недоросля“ вовсе не имѣло сатирическаго характера: передразнивая Бецкаго, онъ уважалъ его идеи, онъ проводилъ ихъ устами Стародума въ своемъ „Недорослѣ“). Таковъ былъ взглядъ нашего 18-го вѣка на писателя. Съ „Путешествія“ Радищева книги стали считаться опасными; но это нисколько не измѣнило взгляда большинства на нихъ — какъ на пустяки. Грибоѣдовскій Фамусовъ говоритъ:

ужъ если зло пресѣчь,
Собрать всѣ книги бы да сжечь.

Фамусовъ думалъ, что такое дѣло возможно: воспитанный въ понятіяхъ 18-го вѣка, онъ никакъ не предполагалъ, что книга — важное явленіе общественной жизни, которое нельзя уничтожить.

Образованность русскаго общества екатерининскихъ временъ была чисто внѣшняя, наружная: русскіе (говоритъ гр. Сегюръ, французскій посолъ при дворѣ Екатерины [2]) одѣвались, жили, меблировали свои квартиры, ѣли, встрѣчались и кланялись, вели себя на балѣ и на обѣдѣ — какъ французы, англичане и нѣмцы: но „подъ покровомъ европейскаго лоска еще видны были слѣды прежнихъ временъ“. Кн. Щербатовъ, согласно съ Сегюромъ, тоже утверждаетъ [3]), что наше образованіе, которымъ мы такъ гордились въ 18-мъ вѣкѣ, было чисто внѣшнее. Эта пустота и внѣшность образованія выразились сильнѣе всего въ рабскомъ преклоненіи тогдашняго общества предъ всѣмъ иностраннымъ, въ презрѣніи ко всему своему, родному, въ незнаніи русскаго языка и въ увѣренности, что въ обществѣ необходимо говорить лишь по-французски. Интересный образецъ смѣси русскихъ словъ съ иностранными и нелѣпаго заимствованія французскихъ оборотовъ рѣчи, равно какъ и интересные образцы офранцузившихся русскихъ представляетъ комедія Фонъ-Визина „Бригадиръ“ въ лицахъ Совѣтницы и Иванушки. Но не одни Иванушки искажали родной языкъ: почти всѣ тогдашніе писатели (въ томъ числѣ и Фонъ-Визинъ, въ рѣчахъ, напр., его добродѣтельныхъ лицъ, невольно, сами того не замѣчая, пестрили свою рѣчь галлицизмами. Всякій петиметръ и всякая „щеголиха“ считали для себя позоромъ и униженіемъ говорить по-русски и норовили изъясняться на языкѣ „божественномъ-французскомъ“, какъ выразился Добрынинъ [1]). Порошинъ разсказываетъ, что при Дворѣ всякій считалъ своимъ долгомъ презрительно отзываться о русскомъ театрѣ и русскихъ актерахъ, потому только, что они — русскіе [2]). Невѣжественное равнодушіе нашего общества къ своимъ интересамъ и приводило, вѣроятно, такихъ людей, какъ Лопухинъ, кн. Щербатовъ, къ идеализаціи древнихъ русскихъ нравовъ, къ убѣжденію, что намъ должно имѣть съ Европою какъ можно меньше связей, „какъ политическими сношеніями, такъ и нравственными“; „заразительная гнилость“ иноземныхъ обычаевъ (говоритъ Лопухинъ [3]) „снѣдаетъ древнее здравіе душъ и тѣлъ Россійскихъ“.

Грубое невѣжество общества, разумѣется, тѣсно связано съ устройствомъ, или, лучше сказать, неустройствомъ образованія у насъ въ 18 вѣкѣ. Лучшіе люди вѣка, какъ н. пр. Н. И. Панинъ [4]), очень хорошо сознавали, что у насъ не было школъ для народнаго образованія; но голосъ ихъ долго оставался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.—Образованіе шло у насъ двумя главными путями: одни молодые дворяне воспитывались дома по старымъ дворянскимъ обычаямъ; другіе выростали подъ вліяніемъ французскихъ гувернеровъ и учителей, или во французскихъ пансіонахъ, заведенныхъ въ нѣкоторыхъ городахъ [5]). Изъ

[1]) «Рус. Старина» 1872 г., № 4 (Историч. разсказы и анекдоты, запис. со словъ именит. людей П. Ѳ. Карабановымъ), стр. 679.
[2]) Зап. гр. Сегюра, стр. 146 и 32.
[3]) Рус. Стар. 1870 г., іюль. «О поврежденіи нравовъ въ Россіи», стр. 15.

[1]) Зап. Добрынина, стр. 128.
[2]) Зап. Порошина, стр. 232 и 383.
[3]) Зап. Лопухина, стр. 153—154.
[4]) Зап. Порошина, стр. 40 — 41.
[5]) Зап. Энгельгардта, стр. 389. — Зап. Ив. Ив. Дмитріева, стр. 11 — 12.

перваго рода школъ выходили фонъ-визинскіе Митрофанушки, изъ другаго — его-же Иванушки („Бригадиръ"). Ив. Ив. Дмитріевъ, проведшій свое дѣтство въ родительскомъ домѣ, говоритъ [1]), что математикѣ училъ его гарнизонный сержантъ Кощевъ; этотъ Кощевъ не могъ ничего объяснить своему ученику, а лишь стиралъ его цифры и писалъ свои, которыя тотъ затѣмъ переписывалъ. Такимъ образомъ оказывается, что учитель Дмитріева былъ значительно хуже фонъ-визинскаго Цыфиркина, съ которымъ онъ носилъ одно званіе. Ив. Вл. Лопухинъ повѣствуетъ про себя, [2]), что воспитаніе получилъ онъ въ дѣтствѣ нравственное, но знаній никакихъ не пріобрѣлъ: „русской грамотѣ училъ меня, говоритъ онъ, домашній слуга". Энгельгардтъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ [3]), что онъ выросъ въ деревнѣ своей бабушки среди природы, привыкая къ перенесенію жара и холода и ничему не учась.—Разумѣется, ни Энгельгардтъ, ни Дмитріевъ, ни Лопухинъ Митрофанами не вышли; но причины этого заключались въ различныхъ случайныхъ обстоятельствахъ и личныхъ свойствахъ этихъ людей; образованіе же, подобное тому, какое получали они въ дѣтствѣ, конечно, должно было создавать людей подобныхъ сыну г-жи Простаковой; только Митрофаны не оставили своихъ записокъ, которыя могли бы намъ объ этомъ фактически свидѣтельствовать. — Рядомъ съ такимъ воспитаніемъ шло иное,—на французскій ладъ. Многіе чадолюбивые родители считали долгомъ своимъ нанять для своихъ дѣтей воспитателя иностранца; такъ поступали даже люди, которыхъ по-видимому совсѣмъ не коснулось иностранное вліяніе: г-жа Простакова наняла для Митрофанушки Вральмана. Взглядъ общества на учителей и воспитателей былъ, конечно, самый невѣжественный и грубый: фонъ-визинскій генералъ Дурыкинъ, прося Стародума рекомендовать учителя его дѣтямъ, между прочими „кондиціями" для этого учителя ставитъ и слѣдующія: „жить онъ будетъ у меня въ домѣ; обѣдать съ камердинеромъ"; „при гостяхъ въ наше присутствіе онъ садиться не долженъ"; „при мнѣ и при женѣ моей ни шляпы, ни колпака отнюдь не надѣвать; но изъ человѣколюбія въ зимнее время дозволяю накрыться, и то когда метель большая" [4]) и т. д. Г-жа Простакова удивляется, какъ это Цыфиркинъ смѣлъ обидѣться, что Митрофанъ обозвалъ его „гарнизонною крысой". Зная взгляды своей госпожи, Еремѣевна простодушно говоритъ Правдину, приведя къ нему учителей: „вотъ тебѣ

[1]) Зап. Ив. Ив. Дмитріева, стр. 13.
[2]) Зап. Лопухина, стр. 1.
[3]) Зап. Энгельгардта, стр. 5.
[4]) Соч. Фонъ-Визина, стр. 231.

и вся наша сволочь, мой батюшка". Но такъ презрительно смотрѣли только на учителей русскихъ; иностранцы были на другомъ положеніи, даже у г-жи Простаковой: Вральману платила она 300 рублей въ годъ и сажала его за столъ съ собою. — Фонъ-Визинъ нарисовалъ намъ трехъ учителей иностранцевъ: извѣстнаго Вральмана, Пеликана (въ комед. „Выборъ гувернера") и Шевалье Какаду (въ „Разговорѣ у кн. Халдиной"). Вральманъ былъ прежде кучеромъ. Пеликанъ, по словамъ Сеума, „былъ во Франціи въ какой-нибудь богадѣльнѣ подлекаремъ; умѣетъ рвать зубы и вырѣзывать мозоли, но больше ничего" [1]). А Шевалье-Какаду — просто безграмотный побродяга [2]). Фонъ-Визинъ вообще склоненъ былъ къ каррикатурѣ и преувеличенію; но свидѣтельство его объ учителяхъ иностранцахъ нельзя считать ни за то, ни за другое. Ив. Вл. Лопухинъ разсказываетъ про себя, что въ дѣтствѣ его „по французски училъ Савояръ, незнавшій совсѣмъ правилъ языка" [3]). Къ одному московскому дворянину (по словамъ записокъ Порошина [4]) „Чухонецъ нанялся въ учители, назвавъ себя Французомъ, и дѣтей его, вмѣсто французскаго языка, чухонскому выучилъ". Этотъ наивный дворянинъ, разумѣется, столько же понималъ во всемъ иностранномъ, сколько и г-жа Простакова; и однако-жь онъ, подобно ей, счелъ нужнымъ нанять гувернера-иностранца. Лучшее свидѣтельство о томъ, каковы были въ умственномъ и нравственномъ отношеніи эти наши тогдашніе воспитатели-французы, находимъ мы въ запискахъ французскаго посла гр. Сегюра: „въ Россію пріѣзжало, говоритъ онъ [5]), множество негодныхъ Французовъ, развратныхъ женщинъ, искателей приключеній, камеръ-юнгферъ, лакеевъ, которые ловкимъ обращеніемъ и умѣньемъ изъясняться скрывали свое званіе и невѣжество. Но этому не было виною наше правительство. Всѣ эти люди никѣмъ не были покровительствуемы, не имѣли никакихъ бумагъ, кромѣ паспортовъ, которые повсюду выдаются лицамъ низшихъ сословій, если они не преступники и покидаютъ свое отечество съ тѣмъ, чтобы торгомъ или трудомъ добывать въ чужомъ краю средства существованія. Скорѣе можно было винить самихъ Русскихъ, потому что они съ непонятной безпечностью принимали къ себѣ въ дома и даже довѣряли свои дѣла людямъ, за способности и честность которыхъ никто не ручался. Любопытно и забавно было видѣть — какихъ странныхъ людей назначали

[1]) Тамъ-же, стр. 122.
[2]) Тамъ-же, стр. 256 — 257.
[3]) Зап. Лопухина, стр. 1.
[4]) Зап. Порошина, стр. 256.
[5]) Зап. гр. Сегюра, стр. 60.

учителями и наставниками дѣтей въ иныхъ домахъ въ Петербургѣ и особенно внутри Россіи".

Изъ всего этого мы видимъ, что домашнее воспитаніе нашего дворянства, не говоря уже о другихъ сословіяхъ, было плохо. Въ школахъ, между тѣмъ, чувствовался огромный недостатокъ.—Правительство Екатерины II заботилось объ исправленіи этого недостатка, о заведеніи училищъ. Въ 60-хъ годахъ начинается знаменитая дѣятельность Бецкаго по учрежденію институтовъ.—Въ 1764 г. появилось въ свѣтъ роскошно изданное „Генеральное Учрежденіе О воспитаніи Обоего Пола Юношества. Конфермованное Ея Имп. Величествомъ"[1]). Въ этой брошюрѣ объяснены причины учрежденія новыхъ воспитательныхъ заведеній, ихъ устройство и цѣли, къ которымъ они будутъ стремиться. „Искусство доказало (говорится въ „Генерал. Учрежденіи" [2]) что одинъ только украшенной или просвѣщенной науками разумъ не дѣлаетъ еще добраго и прямаго гражданина; но во многихъ случаяхъ паче во вредъ бываетъ". Корень всему злу и добру *воспитаніе*, — потому новыя заведенія и будутъ *воспитательными*. Ихъ цѣль — „произвести способомъ воспитанія, такъ сказать, *новую породу*, или новыхъ отцовъ и матерей, которые бы дѣтямъ своимъ тѣ же прямыя и основательныя воспитанія правила въ сердцѣ вселить могли". Чтобы достигнуть этой цѣли нужно принимать въ воспитательныя заведенія дѣтей „отнюдь не старѣе, какъ по пятому и по шестому году", и тамъ о нихъ „печися должно неусыпными трудами до 18 и 20 лѣтъ". „Во все же то время не имѣть имъ ни малѣйшаго съ другими сообщенія, такъ что и самые ближніе сродники хотя и могутъ ихъ видѣть въ назначенные дни, но не иначе какъ въ самомъ училищѣ, и то въ присутствіи ихъ начальниковъ; это потому, что „обхожденіе съ людьми безъ разбору" — „вредительно", а воспитывающіеся должны только „непрестанно взирать на подаваемые имъ примѣры и образцы добродѣтелей". — Таковъ планъ новыхъ воспитательныхъ учрежденій. Разумѣется, намѣренія, съ которыми онъ былъ составленъ, были самыя благія; но едва ли можно назвать благою главную мысль, легшую въ его основаніе. Воспитаніе должно стоять въ новыхъ заведеніяхъ на

[1]) Сочиненіе это писано отъ лица Бецкаго. Но въ началѣ его говорится: „я старался изобразить точно слово отъ слова всѣ данныя мнѣ изустно повелѣнія и высокія мысли Августѣйшей моей Монархини, какъ слѣдуетъ", — свидѣтельство, что Бецкій дѣйствовалъ не самостоятельно, а какъ исполнитель идей Екатерины. Нѣкот. слова „Ген. Учрежденія" повторены въ „Наказѣ" (гл. XIV, 356).

[2]) «Генерально Учрежденіе О воспитаніи Обоего Пола Юношества". 1764 г. Стр. 4 — 6.

первомъ планѣ, образованіе — на послѣднемъ. Эта мысль — мысль вѣка. Въ повѣсти Вольтера „Задигъ, или судьба", напечатанной въ 1747 году, къ герою повѣсти Задигу являются два мага и просятъ разсудить ихъ: оба они хотятъ жениться на одной дѣвушкѣ, оба они утверждаютъ, что ея ребенокъ — ихъ сынъ: сама дѣвушка говоритъ, что выйдетъ за того, кто лучше воспитаетъ ея ребенка. „Я научу его, говоритъ одинъ ученый, 8 частямъ рѣчи, діалектикѣ, астрологіи, демонологіи, разъясню ему, что такое случайность и сущность, абстрактное и конкретное, монады и предвѣчный порядокъ. — Я, сказалъ второй, постараюсь сдѣлать его справедливымъ и достойнымъ имѣть друзей. — Задигъ произнесъ: отецъ ли ты его, или нѣтъ, но ты женишься на его матери" [1]). Эта повѣсть Вольтера считалась высоко-нравственной и педагогической, — даже воспитатель Павла Петровича Порошинъ, вовсе не вольтерьянецъ по своимъ убѣжденіямъ, считалъ нужнымъ читать ее съ великимъ княземъ [2]). Извѣстно, что имп. Екатерина увлекалась Вольтеромъ.... Можетъ быть мысли знаменитаго писателя въ значительной мѣрѣ отразились на „Генеральномъ Учрежденіи о Воспитаніи". Императрица писала потомъ много Вольтеру о своемъ новомъ женскомъ институтѣ, даже просила его сочинить комедіи для воспитанницъ этого института.... Наши авторы тоже часто проводили въ своихъ произведеніяхъ ту идею, что воспитаніе выше образованія. „Чѣмъ умомъ величаться, другъ мой? (говоритъ фонъ-визинскій Стародумъ своей племянницѣ Софьѣ [3]). *Умъ, коль онъ только что умъ, сущая бездѣлица*.... Прямую цѣну уму даетъ благонравіе: безъ него умный человѣкъ чудовище. Оно неизмѣримо выше всей бѣглости ума". — Я желалъ бы (говоритъ Стародумъ въ другомъ мѣстѣ комедіи) [4]) чтобъ при всѣхъ наукахъ не забывалась главная цѣль всѣхъ знаній человѣческихъ — благонравіе. Вѣрь мнѣ, что наука въ развращенномъ человѣкѣ есть лютое оружіе дѣлать зло. *Просвѣщеніе возвышаетъ одну добродѣтельную душу*". Нравоучительное резонерство было вообще въ духѣ 18-го вѣка. „Недоросль" переполненъ нравоучительными разсужденіями добродѣтельныхъ лицъ, и, что особенно замѣчательно, эта сторона комедіи, такъ скучная для насъ, нравилась зрителямъ и читателямъ 18-го вѣка, — объ этомъ положительно свидѣтельствуетъ самъ Фонъ-

[1]) Романы и повѣсти Фр. М. Вольтера. Пер. Н. Н. Дмитріева. Спб. 1870 г. Стр. 44.

[2]) Зап. Порошина, стр. 218, 219, 223, 274.

[3]) Соч. Фонъ-Визина, стр. 88.

[4]) Тамъ-же, стр. 102 — 103.

Визинъ въ „Письмѣ къ Стародуму“, предназначавшемся для журнала „Другъ честныхъ людей“ [1]). Въ этой приверженности вѣка къ нравоученію, въ этой увѣренности, что воспитаніе должно стоять неизмѣримо выше образованія, кроется глубокая ложь. Мы никогда не скажемъ, подобно нашимъ дѣдамъ, будто „просвѣщеніе возвышаетъ одну добродѣтельную душу“. Свѣтъ ученья всегда остается свѣтомъ. Образованіе имѣетъ въ себѣ *всегда* нѣчто положительное и несомнѣнное: и въ 18 вѣкѣ не однимъ же танцамъ да геральдикѣ можно было учить дѣтей, и при тогдашнемъ образованіи можно было пріобрѣсти нѣкоторыя знанія, а всякое знаніе есть уже добро. Понятіе же о нравственности въ разные вѣка бываетъ различное; такъ, подъ этимъ словомъ въ 18 столѣтіи очень часто понимали только любезность, да вѣжливость, да умѣнье держать себя въ обществѣ. — Въ „Генеральномъ Учрежденіи“ образованіе признается не только ниже воспитанія и „обученія домостроительству“, но даже поставлено въ зависимость отъ личной воли учащихся, отъ ихъ склонностей. Этотъ послѣдній принципъ можетъ имѣть большой смыслъ, когда учащіеся ростутъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ жизни; но когда они поставлены въ искусственныя условія, онъ ведетъ только къ уничтоженію всякаго образованія. — Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что „Генеральное Учрежденіе“ требуетъ поддержанія въ дѣтяхъ постоянной веселости посредствомъ всякихъ забавъ и игръ, искорененія „скуки, задумчивости и прискорбія“. Игры — дѣло хорошее, точно такъ же, какъ и дѣтская веселость; но когда игры и веселость ведутъ къ „искорененію *задумчивости*“, тогда они убиваютъ въ человѣкѣ мысль и возможность серьезныхъ отношеній къ жизни. Послѣднее было совершенно въ духѣ 18-го вѣка, такъ безумно любившаго веселиться. — Другая мысль, положенная въ основаніе плана новыхъ воспитательныхъ заведеній, есть тоже ложная мысль. Можетъ быть, ни въ чемъ такъ рѣзко не выражается невѣжество 18-го столѣтія, какъ въ его отношеніяхъ къ исторіи: „философскій“ вѣкъ не понималъ ни важности, ни силы исторической преемственности идей, нравовъ, обычаевъ; ему казалось, что исправить жизнь можно очень просто: стоитъ только оторвать молодое поколѣніе отъ старой жизни и воспитать его въ духѣ новыхъ взглядовъ, — 18-му вѣку и въ голову не приходило, что, вырвавъ человѣка изъ его почвы, мы приготовимъ изъ него нравственно жалкое, чахлое и изломанное существо. Вѣкъ тщеславно и наивно хотѣлъ возростить человѣка подъ вліяніемъ своихъ воззрѣній, думая, что знаетъ абсолютную истину и абсолютное добро. Отрывая человѣка отъ отца и матери, не подозрѣвали, что возрастаніе его внѣ семьи дурно отзовется на немъ, — вѣкъ холодной разсудочности не уважалъ семейнаго начала. — „Генерал. Учрежденіе“ высказываетъ положительную увѣренность, что можно найти потребное число идеальныхъ воспитателей и воспитательницъ, которые будутъ служить примѣрами добродѣтели дѣтямъ. Увѣренность эта слишкомъ наивна, особенно если сопоставить съ нею въ „Учрежденіи“ же выраженную мысль, что новыя училища вызваны паденіемъ общественныхъ нравовъ.—Повторяю еще разъ: намѣренія учредителей новыхъ воспитательныхъ заведеній были благія, но самыя заведенія не могли достигнуть предположенныхъ цѣлей. Результаты ученія въ нихъ получались очень печальные [1]): при пересмотрѣ плана ученія въ 1784 году, произведенномъ Янковичемъ по порученію Коммиссіи Училищъ, оказалось, что большая часть предметовъ не проходилась въ тѣхъ возрастахъ, въ которыхъ назначалась, другіе и совсѣмъ не проходились; причиною этого было — съ одной стороны то обстоятельство, что учили въ этихъ заведеніяхъ играючи, съ другой стороны, что не хватало учителей. Послѣднее зло хотѣли поправить тѣмъ, что по докладу Бецкаго въ 1772 году стали принимать въ Сухопутный корпусъ мѣщанскихъ дѣтей для приготовленія изъ нихъ учителей; но это приготовленіе оказалось невозможнымъ при слабости тамошняго образованія, — выходилъ заколдованный кругъ, изъ котораго нельзя было выбраться. Въ Обществѣ воспитанія благородныхъ дѣвицъ и въ Училищѣ мѣщанскихъ дѣвицъ переводили часто изъ класса въ классъ по возрасту, а не по знаніямъ. — Былъ еще недостатокъ въ заведеніяхъ Бецкаго: въ нихъ преобладалъ надо всѣмъ, надъ науками и воспитаніемъ, французскій языкъ. Напримѣръ, въ Сухопутномъ корпусѣ изъ 43 учителей 14 было для французскаго языка; въ первомъ возрастѣ изъ 28 учебныхъ часовъ въ недѣлю 16 часовъ назначалось на французскій языкъ [2]). Тоже было и въ женскихъ училищахъ.

Черезъ 10 лѣтъ послѣ появленія плановъ Бецкаго въ Учрежденіи о губерніяхъ, обнародованномъ 7-го ноября 1775 года, попеченіе объ установленіи и *прочномъ* основаніи народныхъ школъ возложено правительствомъ на вновь образованные Приказы Общественнаго Призрѣнія. Они обязаны были заводить училища сначала во всѣхъ городахъ, а потомъ и въ многолюдныхъ селахъ для всѣхъ, кто добро-

[1]) Тамъ-же, стр. 228.

[1]) „Ѳед. Ив. Янковичъ де-Миріево или народ. училища въ Россіи при Имп. Екатеринѣ II“. А. Воронова. Спб. 1858 г. Стр. 38.

[2]) Тамъ-же, стр. 39 — 47.

вольно пожелаетъ учиться въ нихъ [1]). Въ этомъ распоряженіи правительства, можетъ быть, выразилось нѣкоторое разочарованіе въ идеяхъ „Генеральнаго Учрежденія"; а можетъ быть оно вызвано и недостаткомъ средствъ для повсемѣстнаго заведенія *воспитательныхъ* училищъ; вѣрнѣе, что тутъ дѣйствовали обѣ причины. Предметами ученія въ новыхъ школахъ назначены были на первый случай: чтеніе, письмо, рисованіе, ариѳметика и Законъ Божій. Тѣлесное наказаніе было запрещено (его не было и въ заведеніяхъ Бецкаго, — это ихъ свѣтлая сторона), и обращено было вниманіе на „чистоту, опрятность и свѣжесть воздуха". Но доброе намѣреніе плохо выполнялось: Приказы Обществ. Призрѣнія дѣйствовали медленно, школы открывались кое-гдѣ и кое-какъ. Въ самомъ Петербургѣ первая такая школа открылась только въ 1781 г., и то на-счетъ суммъ Собственнаго Кабинета Государыни; а въ указѣ по случаю открытія этой школы говорится, что въ другихъ частяхъ города обитатели сами, вѣроятно, не отрекутся завести училища. Дѣйствительно, на частныя средства въ Петербургѣ открылось еще 6 такихъ училищъ; — но все это было, разумѣется, каплею въ морѣ.

Наконецъ, для поправленія плохо идущаго дѣла образованія въ 1782 г. учреждена Коммиссія Народныхъ Училищъ, подъ предсѣдательствомъ т. сов. Петр. Вас. Завадовскаго. Въ помощь Коммиссіи выписанъ извѣстный педагогъ Ѳедоръ Ивановичъ Янковичъ де-Миріево. Янковичу поручено устройство учебной части. Умный человѣкъ и прекрасный педагогъ, онъ дѣльно и ревностно принялся за работу. Онъ составилъ планъ училищъ по образцу школъ Австрійской имперіи. Рѣшено было открыть училища трехъ разрядовъ: малыя школы (2 класса), среднія (3 класса) и главныя (4 класса, курсъ пятилѣтній). Въ этихъ училищахъ должны были преподаваться слѣдующіе предметы: чтеніе и письмо, катехизисъ, Свящ. исторія, русская грамматика, чтеніе книги „О должностяхъ человѣка и гражданина", ариѳметика, чистописаніе, рисованіе, всеобщая исторія, русская исторія, всеобщая и русская географія, упражненія въ русскихъ сочиненіяхъ (письма, счеты, росписки и т. п.), основанія геометріи, механики, физики, естественной исторіи и гражданской архитектуры. Императрица одобрила эту программу и прибавила латинскій языкъ и одинъ изъ сосѣднихъ иностранныхъ: нѣмецкій, греческій, арабскій, китайскій. Послѣдніе три въ дѣйствительности не преподавались. Французскій языкъ былъ исключенъ

[1]) Тамъ-же, стр. 87. — Все дальнѣйшее о народн. училищахъ изложено на основаніи этой книги.

изъ училищъ, — крайность, противоположная крайности пристрастія къ французскому языку. Коммиссія Училищъ принялась за изданіе учебниковъ. Большинство этихъ учебниковъ составилъ Янковичъ. Въ началѣ каждаго изъ нихъ печаталась метода преподаванія. Такъ какъ учителей у насъ было мало, то при петербургскомъ главномъ училищѣ учрежденъ былъ Учительскій институтъ, подъ начальствомъ Янковича. Въ институтѣ проходились тѣ же науки, что и въ народномъ училищѣ, но въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Преподавали профессора изъ адъюнктовъ Академіи Наукъ. Янковичъ устроилъ при институтѣ музеи, библіотеку. Съ 1783 г. по 1788 институтъ приготовилъ къ учительскому званію до 300 человѣкъ. Постепенно являлась такимъ образомъ возможность открывать новыя училища. Съ 1782 г. по 1784 годъ включительно открыты малыя училища въ С.-Петербургской губерніи и 2 главныхъ училища въ Петербургѣ; въ 1785 г. открыты главныя училища въ 25 губерніяхъ; въ 1788 и 1789 гг. — главныя училища въ остальныхъ губерніяхъ; отъ главныхъ училищъ пошли малыя. Въ 1789 году всѣхъ народныхъ школъ было до 170, изъ нихъ главныхъ — 43. Все повидимому показывало, что дѣло образованія поставлено на хорошую дорогу. Но въ дѣйствительности ученіе не могло идти такъ, какъ слѣдовало, какъ оно было задумано Янковичемъ: бѣдность давила учителей и отнимала у нихъ всякую энергію, всякую возможность хорошо вести дѣло. У государства, обремененнаго войнами, не хватало денегъ на народное образованіе. Учителя были такъ бѣдны, что лѣтомъ и зимою носили одно платье, ходили въ изодранныхъ байковыхъ сюртукахъ, часто не имѣли сапоговъ и чулокъ, вмѣсто которыхъ обертывали ноги въ бумагу; они иной разъ занимали по бѣдности въ своемъ училищѣ двѣ должности: учителя и сторожа. Сами они и семейства ихъ, по ихъ смерти, ничѣмъ не обезпечивались. Въ Учительскій институтъ шли только такія лица, которымъ иначе некуда было дѣться; и потому умственный уровень его учениковъ былъ очень низокъ. Молодые люди, чтобы избавиться отъ учительства, рѣшались иногда на крайнія мѣры: такъ, въ 1789 году учитель Кронштадтскаго училища Рожковскій отрубилъ себѣ указательный палецъ, думая чрезъ это отвязаться отъ ненавистной должности. Злоупотребленія со стороны тѣхъ лицъ, которымъ ввѣрено было хозяйство школъ, довершали бѣдственное положеніе учителей. Мѣста директоровъ и смотрителей училищъ раздавались губернаторами ввидѣ наградъ, прибавокъ къ жалованьямъ. Все это въ концѣ концовъ привело къ тому результату, что метода Янковича, по охлажденіи учителей къ преподаванію, стала забываться, и учить начали механически; утвердился даже особый тонъ отвѣтовъ на-распѣвъ; учителя и ученики такъ привыкли къ этому распѣву, что

тѣ и другіе мѣшались, какъ скоро тонъ отвѣта или вопроса перемѣнялся; — школы оставались иной разъ безъ бумаги, безъ чернилъ, безъ перьевъ, даже безъ свѣчъ и безъ дровъ; — большинство учителей отъ безъисходной бѣдности спивалось. Такимъ образомъ и учрежденіе новыхъ училищъ на новыхъ основаніяхъ не могло водворить у насъ просвѣщенія, — по-прежнему продолжало царить невѣжество. Единственнымъ свѣтильникомъ образованія въ Россіи былъ тогда Московскій университетъ.

Невѣжество первобытнаго человѣка, живущаго жизнью близкой къ природѣ, обыкновенно соединяется съ непосредственной нравственностью, съ первобытной, безсознательной неиспорченностью души. Но совсѣмъ не то бываетъ, когда невѣжество овладѣетъ уже давно вышедшимъ изъ непосредственной жизни обществомъ: тогда неизмѣннымъ спутникомъ его является — развратъ.

Уровень нравственности былъ у насъ въ екатерининскія времена очень низокъ. Разврату предавались люди всѣхъ слоевъ общества. Можно было бы привести изъ записокъ современниковъ [1]) множество примѣровъ необузданной жизни вельможъ, офицеровъ, помѣщиковъ. Но всѣми этими примѣрами еще нельзя точно охарактеризовать нравственную сторону нашего 18-го вѣка; и въ другіе вѣка, и въ наше время встрѣчались и могутъ встрѣтиться такіе же и пожалуй еще болѣе грандіозные факты разврата. Дѣло не въ этихъ фактахъ; дѣло въ томъ, какіе нравственные идеалы живутъ въ данное время въ обществѣ. Иной человѣкъ падаетъ порою очень низко, но свои паденія считаетъ именно паденіями, и они ложатся тяжелымъ бременемъ на его совѣсть; а другой — порокъ не считаетъ порокомъ, нравственныя очи его не видятъ различіе добра и зла. Этотъ послѣдній, хотя бы онъ и не падалъ особенно низко, не можетъ, однако, никогда выйти изъ своего состоянія постояннаго нравственнаго упадка, такъ какъ совѣсть его спокойна и у него нѣтъ никакихъ нравственныхъ идеаловъ. И вотъ это-то отсутствіе идеаловъ и замѣтно въ нашемъ обществѣ 18-го вѣка, его нравственныя очи были слѣпы и зло не казалось ему зломъ.—Бракъ утратилъ у насъ тогда почти всякій свой смыслъ и всякое значеніе. „Въ послѣдніе годы правленія покойной императрицы,

[1]) Зап. Храповицкаго, 9 сент. 1788 г., янв. 1791 г.— Зап. Грибовскаго, стр. 10—14, 20 и слѣд. — Зап. Греча (Рус. Арх. 1873 г., № 3, стр. 330—331). Запис. Державина (Соч. т. VI), стр. 639 и 539.— «О повреждении нравовъ въ Россіи» (Рус. Стар., 1871 г., іюнь, стр. 677—678).—Зап. Энгельгардта, стр. 22, 115, 126—127. Зап. Рунича (Рус. Стар., 1870 г., № 10, стр. 370).— Анекдоты Болотова (Русск. Арх., 1864 г., изд. 2-е, стр. 708—712).—Зап. Добрынина, стр. 93—103, 115—116.

говоритъ Болотовъ [1]), самовольные между супружниками разводы и недозволенныя женитьбы какъ на близкихъ родственницахъ, такъ и отъ живыхъ мужей и женъ, весьма сдѣлались обыкновенныя и умножились“. Родители выдавали своихъ дочерей за людей завѣдомо женатыхъ, которые и не скрывали этого. Множество мужей женились отъ живыхъ женъ, а жены выходили замужъ отъ живыхъ мужей; и духовенство не только не старалось прекратить это зло, но споспѣшествовало ему даваніемъ дозволенія расходиться. Тоже самое, что Болотовъ, говоритъ и кн. Щербатовъ [2]). Лукинъ въ наставленіи, оставленномъ имъ дѣтямъ, совѣтуетъ [3]) имъ жениться, — но „отнюдь не съ тѣмъ, чтобы вскорѣ потомъ и разойтиться, какъ то въ мірѣ нынѣ совершается“, прибавляетъ онъ. Порошинъ записалъ въ 1765 году [4]), что за столомъ вел. князя случилось ему говорить какъ о необыкновенномъ явленіи о счастливомъ бракѣ, въ которомъ мужъ и жена любили другъ друга и угождали другъ другу; при этомъ зашла рѣчь между присутствовавшими о томъ, „что такая горячность весьма рѣдка нынѣ между мужемъ и женою“. Ив. Ив. Дмитріевъ съ удивленіемъ разсказываетъ [5]), что жена Державина (Катер. Яковл.) такъ любила мужа, что „съ живѣйшимъ участіемъ принимала къ сердцу все, что ни относилось до его благосостоянія. Авторская слава его, успѣхи, неудовольствія по службѣ были будто ея собственные. Однажды она провела со мною (разсказываетъ поэтъ) около часу одинъ на одинъ. *Кто же повѣритъ мнѣ*, что я во все это время только что слушалъ, и о чемъ же? Она разсказывала мнѣ о разныхъ неудовольствіяхъ, претерпѣнныхъ мужемъ ея въ бытность его губернаторомъ въ Тамбовской губерніи; говоря же о томъ, не однажды отирала слезы на глазахъ своихъ“. Истому человѣку 18-го вѣка, И. И. Дмитріеву все это казалось страннымъ. Стародумъ въ фонъ-визинскомъ „Недорослѣ“ такъ рисуетъ Софьѣ картину супружества въ 18-мъ вѣкѣ [6]): посмотримъ, говоритъ онъ: „каковы большею частію мужья нынѣшняго свѣта, не забудемъ, каковы и жены... Вмѣсто искренняго и снисходительнаго друга, жена видитъ въ мужѣ своемъ грубаго и развращеннаго тирана. Съ другой стороны..... мужъ видитъ въ душѣ своей жены одну своенравную наглость... Оба стали другъ другу въ несносную тягость; оба ни во что уже не ставятъ

[1]) Рус. Арх., 1864 г., изд. 2-е «Анекд. Болотова», стр. 696, 766—768.
[2]) Рус. Стар., 1870 г., іюль «О повреждении нравовъ въ Россіи», стр. 15—16.
[3]) Зап. Лукина (Рус. Арх., 1865 г., № 8, стр. 926).
[4]) Зап. Порошина, стр. 353.
[5]) Зап. Ив. Ив. Дмитріева, стр. 61—62.
[6]) Соч. Фонъ-Визина, стр. 89—90.

149058
BIBLIOTEKA Wydz. Hum.

доброе имя, потому что у обоихъ оно потеряно". „Боже мой! отчего такія страшныя несчастія?" спрашиваетъ Софья. „Отъ того, мой другъ, отвѣчаетъ Стародумъ, что при нынѣшнихъ супружествахъ рѣдко съ сердцемъ совѣтуются". Софья, какъ читателю извѣстно, выходитъ замужъ за добродѣтельнаго Милона; но таковы нравы 18-го вѣка, что и этотъ добродѣтельный Милонъ ей измѣняетъ, и притомъ еще безъ всякой видимой причины увлекается развратной женщиной. Мало того, тотъ-же Стародумъ, или скрывающійся за нимъ Фонъ-Визинъ, сынъ своего вѣка, утѣшаетъ Софью тѣмъ, что эта измѣна, собственно говоря, ведетъ къ лучшему: послѣ нея Милонъ нѣжнѣе будетъ любить жену. Въ отрывкѣ изъ комедіи Фонъ-Визина „Добрый наставникъ" [1]) горничная говоритъ княгинѣ, что сожалѣетъ ея племянницу, которую та насильно выдаетъ замужъ за унтеръ-офицера Дурашкина. „Ахъ, Боже мой! возражаетъ княгиня. Это что такое? Онъ малый молодой, не убогъ. Выдаете по неволѣ! да что это значитъ? Я сама была за тремя мужьями: за первымъ по волѣ, за вторымъ по неволѣ, за третьимъ ни такъ, ни сякъ, а грѣшна передъ всѣми". Эти циническія слова свидѣтельствуютъ, что готовность отдѣльныхъ лицъ къ разврату и допущеніе его обществомъ уничтожили даже различіе между добровольнымъ бракомъ и насильнымъ. Супруги екатерининскихъ временъ очень хорошо знали „модное искусство давать другъ другу свободу" [2]); его знали всѣ, даже иногда лучшіе люди вѣка; оно приводило иной разъ къ умилительно-трогательнымъ сценамъ. Карабановъ разсказываетъ (если можно довѣрять ему) весьма интересный анекдотъ о гр. Румянцевѣ-Задунайскомъ: жена великаго полководца, граф. Екатерина Михайловна, была примѣромъ постоянства и въ то же время знала невѣрность мужа. Однажды, посылая ему подарки по случаю какого-то праздника, она послала и нѣсколько кусковъ матеріи на платье его возлюбленной. Этотъ поступокъ графини не заключалъ въ себѣ ироніи, а вытекалъ изъ прямаго побужденія искренняго чувства, что и оцѣнилъ фельдмаршалъ: „тронутый до слезъ", онъ сказалъ о супругѣ: „она — человѣкъ придворный, а я — солдатъ; ну, право, батюшки, если бы зналъ ея любовника, послалъ бы ему подарки" [3]). Этотъ анекдотъ напоминаетъ тѣхъ счастливыхъ и любящихъ другъ друга супруговъ, о которыхъ разсказываетъ Вольтеръ въ повѣсти „Свѣтъ какъ онъ есть": они вмѣстѣ съ любовницей мужа и любовникомъ

[1]) Тамъ-же, стр. 126.
[2]) Зап. Державина (Соч. т. VI), стр. 539, 539.
[3]) «Анекдоты Карабанова» (Рус. Стар., 1872 г., № 5. стр. 771).

жены, вчетверомъ, мирно и радостно пировали. Таковъ былъ бракъ въ 18-мъ вѣкѣ.

Взглядъ вѣка на развратъ совершенно гармонируетъ съ его взглядомъ на бракъ и очень рѣзко отличается отъ нашихъ современныхъ понятій о нравственности. „Фавориты" въ екатерининскія времена избирались совершенно явно, безъ всякихъ попытокъ скрыть это дѣло, и совершенно явно играли свою роль. Грибовскій въ томъ, что Екатерина избирала себѣ фаворитовъ, видитъ не что-иное, какъ „силу ея разсудка" и „чувствительность ея сердца" [1]). — Иногда устраивались даже торжественныя возведенія фаворитовъ въ ихъ новое званіе; такъ, Энгельгардтъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ [2]), какъ въ 1785 г. представленъ былъ обществу новый временщикъ Ланской на торжественномъ праздникѣ Потемкина, нарочно для этого даннномъ. — Существованіе фаворитовъ и фаворитокъ считалось явленіемъ нормальнымъ, даже почти хорошимъ. Временщики не были ни для кого тайной, напротивъ, — всякій, кто только смѣлъ питать надежду, добивался чести быть принятымъ у временщика; такъ дѣйствовали даже хорошіе люди: Державинъ, напримѣръ, разсказываетъ про себя, что онъ всѣми силами старался попасть въ число лицъ, удостоившихся чести быть знакомыми съ Зубовымъ; а когда ему не удалось это, — тогда онъ написалъ „Изображеніе Фелицы", чѣмъ и достигъ того, что императрица приказала Зубову пригласить поэта на другой день къ нему ужинать и всегда принимать его въ свою бесѣду. „И одинъ входъ къ фавориту дѣлалъ уже въ публикѣ ему много уваженія", говоритъ про себя наивный пѣвецъ Фелицы [3]). — Званіе фаворита не считалось званіемъ позорящимъ человѣка: они, эти купленные люди, могли возбуждать даже чувства поэтической любви въ молодыхъ дѣвушкахъ. Такъ, гр. Дмитріевъ-Мамоновъ, этотъ ничтожный человѣкъ, совершенно вошедшій во вкусъ своей позорной роли [4]), возбудилъ поэтическую страсть въ душѣ фрейлины Щербатовой. Выйти замужъ за фаворита императрицы считалось честью. Екатерина, еще не зная о любви гр. Мамонова, но уже видя необходимость разстаться съ нимъ, задумала сосватать его съ 13-лѣтнею дочерью гр. Брюса („elle est déjà formée, je sais celà", сказала

[1]) Зап. Грибовскаго, стр. 41.
[2]) Зап. Энгельгардта, стр. 44 — 46.
[3]) Зап. Державина (Соч. т. VI), стр. 611.
[4]) Онъ, напр., притворялся иногда больнымъ, если не былъ доволенъ подарками Екатерины, и входилъ потомъ въ переговоры съ императрицею объ этихъ подаркахъ черезъ ея камердинера Зотова (Зап. Храповицкаго, 27, 29 и 30 авг. 1 и 11 сент. 1788 г.).

императрица); по всей вѣроятности и дѣвочка—невѣста, и отецъ ея (гр. Яковъ Алексѣевичъ) были бы польщены этимъ сватовствомъ, если бы оно состоялось; на это намекаютъ слова императрицы: „Брюсъ будетъ дежурный, я *дозволила* ему привесть дочь“ [1]).—Взглядъ XVIII вѣка на любовь былъ самый низменный, чувственный; такъ смотрѣли даже люди, значительно выдававшіеся изъ общаго уровня. Въ числѣ студентовъ, поѣхавшихъ въ концѣ 60-хъ годовъ прошедшаго столѣтія учиться за-границу, былъ нѣкто Ушаковъ, человѣкъ очень умный и несомнѣнно хорошій, ибо изъ любви къ знанію бросилъ онъ службу, обѣщавшую ему въ будущемъ большія выгоды. Заграницей этотъ Ушаковъ написалъ нѣкоторыя сочиненія, между прочимъ — разсужденіе „О любви“; въ этомъ разсужденіи такъ опредѣляется предметъ его: „любовь есть чувство природою въ насъ впечатлѣнное, которое одинъ полъ имѣетъ къ другому. Всѣ одушевленныя твари чувствуютъ пріятность, горячность, силу и ярость оныя. Но различное сложеніе тѣла.... долженствуетъ неотмѣнно производить различное чувствованіе. Разсматривая любовь при ея источникѣ, увидимъ, что сіе чувствованіе равно сродно лѣнивому ослу и разъяренному льву, Португальцу крѣпкими напитками и пряными зеліемъ воспаленному, и Лопарю утомленному холодомъ и трудами. Сіе чувствованіе слѣдовательно есть необходимое, для того, что оно въ нашемъ природномъ сложеніи имѣетъ свое начало. Любовь всѣ употребляетъ средства, къ удовлетворенію ея служащія, преображаетъ еленей въ тигровъ, умножается отъ предстоящихъ препятствій, удовлетворенію ея претящихъ, умаляется превзошедъ препоны. Ѳедеръ справедливо примѣчаетъ, что любовь въ естественномъ состояніи человѣка ужасна не была для того, что взаимная похоть ее скоро укрощала, но по возстановленіи обществъ она долженствовала сдѣлаться ужасною, какъ то она и есть“ [2]). Всѣ признаки любви, указанные здѣсь Ушаковымъ, — признаки только чувственныхъ отношеній двухъ половъ; это скорѣй опредѣленіе любвиословъ, львовъ, еленей и тигровъ, животныхъ, которыхъ упоминаетъ самъ авторъ, чѣмъ любви людской. — Ушаковъ умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, среди страшныхъ мученій, отъ той любви, про которую писалъ онъ, или, какъ выражается его біографъ и другъ Радищевъ, отъ болѣзни, которая была „неизбѣжнымъ слѣдствіемъ неумѣренности и злоупотребленія тѣлесныхъ услажденій“.

[1]) Тамъ-же.

[2]) Осмнадц. вѣкъ, кн. I (2-е изд. 1869 г.). Житіе Ушакова, Радищева. Стр. 228. — См. также Соч. Радищева (библ. рѣдкость; есть въ библ. Спб. Универс.).

Къ неумѣренности же „приучило его юныя чувства обращеніе въ большомъ свѣтѣ“. Радищевъ, повѣствуя о жизни Ушакова, высказываетъ и свои взгляды на любовь, на молодость; эти взгляды оказываются такими-же чувственными, какъ и взгляды его друга. — Какъ оригинально смотрѣли наши дѣды на любовныя интриги и связи, видно между прочимъ изъ разсказа Державина о его жизни въ то время, когда онъ только что былъ произведенъ въ офицеры; онъ говоритъ, что жилъ тогда „хотя бѣдно, однако-же порядочно, устраняясь отъ всякаго развратнаго сообщества; ибо имѣлъ любовную связь съ одною хорошихъ нравовъ и благороднаго поведенія дамою, и какъ былъ очень къ ней привязанъ, а она не отпускала его отъ себя уклоняться въ дурное знакомство, то и исправилъ онъ по-малу свое поведеніе“ [1]). Наивный поэтъ, согласно съ понятіями своего вѣка, убѣжденъ, что любовная интрига дамы съ молоденькимъ офицеромъ нисколько не мѣшаетъ ей быть женщиной „хорошихъ нравовъ и благороднаго поведенія“; да и женщина эта, дѣйствительно, должно быть была добрая, ибо заботилась о нравственности своего любовника, какъ г-жа Варенсъ заботилась о нравственности Руссо; на любовныя же связи она смотрѣла, вѣроятно, такъ же, какъ и „маменька“ великаго романтика, т. е. не видѣла въ нихъ ничего дурнаго. — Въ началѣ нынѣшняго столѣтія уже казался страннымъ и невѣроятнымъ тотъ глубокій нравственный упадокъ, въ которомъ пребывало наше общество 18-го вѣка. Въ „Дневникѣ студента“ (Жихарева) [2]) въ письмѣ отъ 22 іюля 1806 года записанъ такой разсказъ одного старика (Н. А. Алферьева) о существовавшемъ въ его время среди молодежи въ Москвѣ стремленіи къ разврату всякаго рода: „какъ Богъ вынесъ изъ этой бездны, въ которую мы погружались, говорилъ старикъ, я до сихъ поръ постигнуть не могу. Кто повѣритъ теперь, любезный, чтобъ молодой человѣкъ, который не могъ представить очевиднаго доказательства своей развращенности, былъ принимаемъ дурно, или вовсе не принимаемъ въ обществѣ своихъ товарищей, и долженъ былъ ограничиться знакомствомъ съ одними пожилыми людьми; да и тѣ иногда — прости имъ Господи — бывало, суются туда же! Кто не развратенъ былъ на дѣлѣ, хвасталъ развратомъ и наклепывалъ на себя такіе грѣхи, какимъ никогда и причастенъ быть не могъ“. А тутъ еще сильно способствовали разврату общественныхъ нравовъ иллюминаты—алхимики,

[1]) Зап. Державина (Соч. т. VI), стр. 460.

[2]) Зап. Жихарева, стр. 388 — 390. (Записки Современника съ 1805 по 1819 г. Ч. I. Дневникъ студента (1805 — 1807). Жихарева. Спб. 1859 г.).

дѣйствовавшіе подъ покровомъ имени масоновъ; объ ихъ обществѣ разсказывалъ Жихареву тотъ-же Алферьевъ: они „употребляли многіе непозволительные способы для достиженія своихъ цѣлей: они прибѣгали къ разнымъ одуряющимъ куреніямъ и напиткамъ и заклинаніямъ духовъ для того, чтобы успѣшнѣе дѣйствовать на слабоуміе ввѣрившихся ихъ руководству... они умѣли привлекать къ себѣ молодыхъ людей обольщеніемъ разврата, а стариковъ возбужденіемъ страстей и средствами къ тайному ихъ удовлетворенію“ [1]). — Нравы женщинъ были нисколько не выше нравовъ мущинъ. „Развѣ ты не знаешь, что я при мужчинахъ люблю одѣваться!“ кричитъ на свою служанку фонъ-визинская княгиня Халдина [2]), браня ее за то, что та не впустила раньше къ ней въ уборную пришедшаго гостя. „Да вѣдь стыдно, ваше сіятельство“, возражаетъ горничная. „Глупа, радость! Я столько свѣтъ знаю, что мнѣ стыдно чего-нибудь стыдиться“, отвѣчаетъ княгиня. Другая фонъ-визинская княгиня (въ отрывкѣ „Добрый наставникъ“), вдова трехъ мужей, разсказывая горничной о своей любви къ одному молоденькому князьку, о своихъ ухаживаньяхъ за нимъ, такъ оканчиваетъ: „истинно боюсь, чтобъ вдругъ не обезумѣть, и при всей публикѣ не потерять благопристойности.“ [3]).

Фонъ-Визинъ думалъ, что развращеніе нравовъ шло къ намъ изъ Франціи; причину этого развращенія онъ видѣлъ во вліяніи на общество французскихъ философовъ. „Я боюсь для васъ нынѣшнихъ мудрецовъ“, говоритъ Стародумъ Софьѣ [4]). „Они, правда, искореняютъ сильно предразсудки, да воротятъ съ корня добродѣтель“. Туже мысль о французскихъ философахъ и нравахъ проводитъ авторъ „Недоросля“ и въ письмахъ своихъ изъ Франціи. — Вольтеру пришелъ однажды въ голову вопросъ: какъ отнесся бы къ современному, окружавшему его цивилизованному міру человѣкъ изъ міра другаго, необразованнаго? Великій писатель въ повѣсти „Свѣтъ какъ онъ есть“ [5]) разрѣшилъ этотъ вопросъ такъ, что скиѳъ Бабукъ, пріѣхавшій въ Вавилонъ, не смотря на всѣ страшные пороки этого города, увлекся имъ и сдѣлался его горячимъ защитникомъ предъ лицемъ хотѣвшаго истребить его духа Итуріеля. — Судьбѣ угодно было реально осуществить занявшій Вольтера вопросъ. Въ одномъ письмѣ къ Дидро Вольтеръ называетъ русскихъ — скиѳами [1]). И вотъ одинъ изъ этихъ скиѳовъ — поэтъ Фонъ-Визинъ поѣхалъ въ Вольтеровъ Вавилонъ, увидѣлъ его пороки... но защитникомъ его не сдѣлался, а, напротивъ, осудилъ его очень строго въ своихъ письмахъ на родину. — Съ легкой руки кн. Вяземскаго у насъ вошло въ обычай *бранить* (я употребляю это слово въ буквальномъ значеніи), бранить за этотъ строгій судъ Фонъ-Визина. Кн. Вяземскій говоритъ, что Фонъ-Визинъ заграницей „смотритъ на все глазами предразсудка и только что не тлѣнымъ образомъ, а отрицательными умствованіями, проповѣдуетъ выгоду невѣжества“; въ его отзывахъ видны „оскорбительная рѣзкость“, „желчь и даже иступленіе“; онъ изображаетъ все „гнусными красками“, не зная „ни снисхожденія, ни мѣры“; притомъ еще его „злословіе — холодно и сухо: оно отзывается нравоученіемъ холоднаго декламатора“ и „никого не убѣждаетъ“ [2]). — Эти мысли кн. Вяземскаго усердно и разнообразно варіировались и варіируются даже до нашихъ дней, ибо мы все еще не можемъ отрѣшиться отъ поклоненія „философамъ“ 18-го вѣка и стать въ свободныя отношенія къ Западу. Но стоитъ посмотрѣть не-предъубѣжденными глазами, — и отзывы нашего поэта 18-го вѣка окажутся вовсе даже не рѣзкими. Во 1-хъ, онъ видитъ и указываетъ намъ очень много прекрасныхъ чертъ въ характерѣ французскаго народа: особенно часто указываетъ онъ на свойственную французскому характеру „доброту“; онъ говоритъ, что Французы — „нація просвѣщенная, чувствительнѣйшая и человѣколюбивая“; онъ восхищается французской комедіей, французскимъ краснорѣчіемъ, фабриками и мануфактурами; онъ, какъ на предметъ достойный почтенія и подражанія, указываетъ на французскій патріотизмъ; онъ признаетъ и существованіе во Франціи истинныхъ, хорошихъ ученыхъ; онъ, наконецъ, съ глубокимъ уваженіемъ относится къ Руссо [3]). Это-ли „предъубѣжденіе“ и „иступленіе“? Если и было въ Фонъ-Визинѣ предъубѣжденіе, то — въ пользу Франціи, и только увидя ее своими глазами, онъ разочаровался въ ней: „ни въ чемъ на свѣтѣ я такъ не ошибался, какъ въ мысляхъ моихъ о Франціи“ [4]), писалъ онъ изъ Парижа въ мартѣ 1778 года. Изъ

[1]) Тамъ-же.
[2]) Соч. Фонъ-Визина. Спб. 1866 г. Стр. 253.
[3]) Тамъ-же, стр. 127.
[4]) Тамъ-же, стр. 85 — 86.
[5]) Ром. и пов. Вольтера. Спб. 1870 г. Стр. 15.

[1]) Осмнадц. вѣкъ, ч. I, изд. 2-е, М. 1869 г. Ст. г. Шугурова: Дидро и его отнош. къ Ек. II. Стр. 337. „Въ какое время живемъ мы? Франція преслѣдуетъ философію, а Скиѳы ей покровительствуютъ!“ и т. д. (Пис. Вольтера отъ 25 сент. 1762 г.).
[2]) Фонъ-Визинъ. Соч. Кн. Пет. Вяземскаго. Спб. 1848 г. Стр. 117, 121, 126, 125 и 123.
[3]) Соч. Фонъ-Визина. Спб. 1866 г. Письма къ Панину, стр. 339, 341, 342, 350, 351. Письма къ роднымъ: стр. 427, 436, 438, 442, 444 и 445.
[4]) Тамъ-же, стр. 436.

личныхъ цѣлей онъ никакъ ужь не могъ бранить Францію и особенно ея ученыхъ: они оказали ему величайшее вниманіе и уваженіе, наравнѣ съ „славнымъ Франклиномъ“ [1]). Во 2-хъ, изображенія нравовъ Франціи — вовсе не „сухія и холодныя“; напротивъ, это очень живыя и одушевленныя, почти поэтическія картины, — обстоятельство, много говорящее въ пользу достовѣрности словъ Фонъ-Визина. Наконецъ въ 3-хъ, — сопоставьте эти „желчные отзывы“ о нравахъ французскаго общества съ изображеніемъ этихъ нравовъ въ одномъ изъ важнѣйшихъ историческихъ источниковъ, въ „Исповѣди“ Ж. Ж. Руссо, — и будетъ ясно, что Фонъ-Визинъ скорѣй снисходителенъ, чѣмъ строгъ въ своихъ приговорахъ. Я не буду приводить этихъ приговоровъ нашего писателя, — они извѣстны всякому; но я остановлюсь на „Исповѣди“ Руссо.

Разсказывая о своихъ многообразныхъ приключеніяхъ, Руссо говоритъ между прочимъ и объ отношеніяхъ своихъ къ различнымъ женщинамъ. Изъ этихъ отношеній и изъ нравовъ этихъ женщинъ можно видѣть — до какой низкой степени палъ уровень нравственности въ Европѣ 18-го вѣка. — Въ молодости своей ближе всѣхъ сошелся Руссо съ г-жею Варенсъ. Это была прекрасная женщина, умная и добрая; ея вліяніе на окружающихъ ее было, по словамъ Руссо, такъ благотворно, что всѣ близкіе къ ней невольно любили другъ друга; все это подтверждаютъ и ея добрыя, безкорыстныя заботы о юношѣ — Руссо; „ея сердце было чисто, она любила все честное, ея наклонности были прямодушны и добродѣтельны“ [2]). И вотъ эта-то истинно хорошая женщина въ высшей степени странно смотрѣла на чувственныя отношенія двухъ половъ, — въ нихъ она не видѣла никогда и ни въ какомъ случаѣ ничего худаго; у нея было множество любовниковъ: она была въ связи съ своимъ слугою-другомъ, котораго она уважала, она вошла въ связь съ Руссо, чтобы предохранить его отъ другихъ женщинъ, она „награждала полной благосклонностью“ всякаго изъ своихъ друзей и всякаго покровительствуемаго ею несчастнаго; воздержность она никогда не могла назвать добродѣтелью. Надо при этомъ замѣтить, что у нея былъ въ высшей степени холодный темпераментъ; такъ что развратъ ея нельзя считать порывами тѣла, это былъ развратъ духа. А между тѣмъ, по словамъ Руссо, „она именно была создана для того, чтобы жить среди деликатныхъ нравовъ, которые ей всегда приходились по сердцу“ [3]); и дѣйствительно, она не

[1]) Тамъ-же, стр. 445.
[2]) Исповѣдь Ж. Ж. Руссо. Перев. Устрялова. 2 ч. Спб. 1865 г. стр. 196.
[3]) Тамъ-же.

хотѣла, напр., слѣдовать модѣ 18-го вѣка, требовавшей, чтобы женщина непремѣнно открывала грудь, — она предпочитала подвергаться насмѣшкамъ и сплетнямъ и всегда ходила съ закрытой грудью. Гдѣ же причина такого страннаго разврата? Руссо такъ объясняетъ его: г-жа Варенсъ „вмѣсто того, чтобы слѣдовать внушеніямъ сердца, наводившаго ее на добро, повиновалась голосу разума, который велъ ее къ злу. Когда ложныя убѣжденія совращали ее съ пути, ея истинныя чувства всегда противодѣйствовали имъ. Къ несчастію она старалась выказывать себя философомъ; нравственность, которую она сама создала себѣ, испортила ту, которую внушало ей ея сердце“ [1]). Подъ разумомъ и философіей должно здѣсь разумѣть разумъ и философію такъ называемыхъ философовъ 18-го вѣка. Руссо объясняетъ намъ и путь, которымъ проникъ развратъ въ душу г-жи Варенсъ: она была привязанной къ мужу вѣрной женою, но она брала уроки философіи у нѣкоего Тавеля, и этотъ-то Тавель, изъ личныхъ видовъ, началъ просвѣщать ее моралью Вольтера. „Онъ сталъ дѣйствовать софизмами и достигъ своей цѣли, говоритъ Руссо. Онъ доказалъ ей, что обязанности, которымъ она была такъ предана, были ничто иное, какъ болтовня, сочиненная для развитія дѣтей; что соединеніе половъ — актъ самъ по себѣ очень маловажный; что супружеская вѣрность — обязательная форма, нравственный смыслъ которой зависитъ только отъ взгляда каждаго; что спокойствіе мужей — единственное правило обязанностей жены; такимъ образомъ по его словамъ выходило, что скрытая невѣрность, ничего не значущая для тѣхъ, кого она можетъ оскорбить, также ничтожна и по отношенію къ собственной совѣсти. Наконецъ, онъ увѣрилъ ее, что сама по себѣ невѣрность рѣшительно ничего не значитъ, что она пріобрѣтаетъ значеніе только въ случаѣ скандала, и что всякая женщина, которая кажется цѣломудренною для другихъ, чрезъ это самое цѣломудрена на самомъ дѣлѣ. Такимъ образомъ этотъ несчастный достигъ своей цѣли, извративъ разсудокъ ребенка, котораго сердца онъ не могъ развратить“ [2]), заключаетъ Руссо. Но едва-ли мы можемъ согласиться съ нимъ, что сердце г-жи Варенсъ осталось неприкосновеннымъ, — развратъ, конечно, коснулся и его. Такимъ образомъ подѣйствовало ученіе „освободительной“ философіи 18-го вѣка на необыкновенно хорошаго человѣка и притомъ съ необыкновенно холоднымъ темпераментомъ. Каково же должно было быть его дѣйствіе на людей обыкновенныхъ и съ темпераментомъ не-холоднымъ?

[1]) Тамъ-же.
[2]) Тамъ-же, стр. 196—197.

Въ высшей степени интересны признанія Руссо въ томъ, какія чувства овладѣли его душою, когда г-жа Варенсъ объявила ему, что войдетъ съ нимъ въ связь, для предохраненія его отъ соблазновъ. „Не знаю, какъ описать положеніе, въ которомъ я находился, говоритъ великій романтикъ 18-го вѣка; полный какого-то страха, я иногда доходилъ до того, что серьезно пріискивалъ въ своей головѣ какое-нибудь уважительное средство избѣгнуть предстоявшаго мнѣ счастья", „я чувствовалъ почти страхъ и отвращеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что если-бъ я могъ прилично уклониться отъ ожидавшаго меня блаженства, то исполнилъ бы это весьма охотно"[1]). Эти чувства такъ и не оставили его до конца: „наконецъ наступилъ, говоритъ онъ, этотъ день, котораго я скорѣе опасался, чѣмъ ожидалъ.... Въ первый разъ въ жизни я увидѣлъ себя въ объятіяхъ женщины и притомъ той, которую обожалъ. Былъ ли я счастливъ? Нѣтъ, я ощущалъ одно удовольствіе. Но не знаю, какая непобѣдимая грусть отравляла все блаженство этой минуты. Два или три раза я обливалъ ея грудь слезами" [2]). Намъ теперь понятны эти чувства: Руссо любилъ г-жу Варенсъ слишкомъ чисто, слишкомъ по-рыцарски. „Необычайная нѣжность тѣхъ чувствъ, которыя она внушала мнѣ, говоритъ онъ, не давая имъ времени обратиться на другихъ, охраняла меня и отъ нея самой, и отъ всего ея пола. Словомъ, я былъ цѣломудренъ, потому что любилъ ее" [3]). „Она была для меня выше сестры, выше матери, выше друга, даже выше любовницы, и именно поэтому не была любовницей. Словомъ, я любилъ ее слишкомъ сильно для того, чтобы желать ее: вотъ что я сознаю яснѣе всего" [4]). И вотъ это-то существо, которому Руссо поклонялся, которое онъ считалъ святымъ, недоступнымъ и чистымъ, это божество само передъ его глазами сходитъ съ высокаго неба и само предлагаетъ ему холодный, разсудочный развратъ. Все должно было смѣшаться въ душѣ бѣднаго романтика: чистая, идеальная любовь — и животные порывы, свѣтлое небо, мечты — и земная страсть, всѣ понятія пошли кругомъ въ его бѣдной головѣ; и къ довершенію ужаса, это божество, отдающееся разврату, все-таки остается прекраснымъ, добрымъ, — этого противорѣчія не могъ вынести умъ. Здѣсь лежитъ начало того страннаго ученія, которое проводилъ Руссо: она, эта идеальная женщина, рѣшилъ онъ, чиста совершенно сердцемъ, но ее соблазнилъ и привелъ на ложную дорогу — умъ, — и Руссо становится антагонистомъ ума и цивилизаціи на всю жизнь. Должно при этомъ замѣтить, что самъ Руссо не былъ настоящимъ, чистымъ романтикомъ: онъ дышалъ воздухомъ, зараженнымъ развратомъ, и ядъ отравилъ его самого. Онъ говоритъ, что готовъ былъ бѣжать отъ предстоявшаго ему наслажденія, — и однакожъ онъ не бѣжалъ отъ него, не отказался; онъ чувствовалъ „страхъ" и „отвращеніе", — но они, по его собственнымъ словамъ, были соединены съ „нетерпѣніемъ" и „желаніемъ"; онъ хотѣлъ только поклоняться божеству, — и однакожъ онъ не отказался осквернить его. Дѣло въ томъ, что Руссо не понималъ ясно чувствъ, боровшихся тогда въ его душѣ; онъ не понималъ ихъ ясно и потомъ, когда писалъ свои записки. Я привелъ выше совершенно вѣрныя его объясненія своихъ страданій; но эти объясненія у него не высказаны такъ положительно, увѣренно, — онъ путается въ нихъ, и только подъ конецъ ихъ сердце подсказываетъ ему истину; свой страхъ и отвращеніе отъ связи съ обожаемой женщиной онъ называетъ серьезно и искренно „чудомъ" и свою привязанность къ ней считаетъ „странной" [1]). Изъ этихъ словъ мы вправѣ заключить не только то, что подобная привязанность была не въ нравахъ 18-го вѣка, но что и самъ Руссо удивлялся ей, не вполнѣ понималъ ее. Руссо часто не умѣлъ отличить въ себѣ свое романтическое чувство отъ чувственности. Великій романтикъ объяснялъ, что его любовныя приключенія, не шедшія далѣе поцалуя руки, давали ему счастье именно своею чистотой. Но онъ думалъ и говорилъ такъ только въ минуты духовнаго прозрѣнія; въ другое время онъ самъ готовъ былъ осуждать себя и сожалѣть, что онъ не можетъ быть такъ развратенъ, какъ всѣ. Руссо часто не поражали такія вещи, которыя должны были поразить его какъ романтика и идеалиста; онъ разсказываетъ, напримѣръ, что г-жа Варенсъ приготовляла его къ „милости", которую хотѣла оказать ему, „не какъ всякая другая женщина, при помощи хитростей и заигрываній, но посредствомъ разговоровъ, исполненныхъ чувства и благоразумія, способныхъ скорѣе поучать, чѣмъ соблазнять, находившихъ отголосокъ болѣе въ сердцѣ, чѣмъ въ чувственности" [2]); Руссо не видитъ тутъ ничего необычайнаго, а между тѣмъ несомнѣнно или то, что эти рѣчи не могли, по фальшивости ихъ чувства и поученія, находить отголосокъ въ сердцѣ, или то, что въ нихъ заключается глубочайшее внутреннее противорѣчіе духовнаго чувства и животныхъ побужденій, противорѣчіе, возможное только въ вѣкъ всяческихъ противорѣчій и софизмовъ.

[1]) Тамъ-же, стр. 193 — 194.
[2]) Тамъ-же, стр. 196.
[3]) Тамъ-же, стр. 107.
[4]) Тамъ-же, стр. 195.

[1]) Тамъ-же, стр. 194.
[2]) Тамъ-же, стр. 192.

Едва ли можно усомниться въ томъ, что въ повѣстяхъ Вольтера вѣрно изображено французское общество. А въ изображеніи этомъ оно является въ высшей степени непривлекательнымъ. Я укажу на двѣ повѣсти: „Свѣтъ какъ онъ есть“ и „Простодушный“. Обѣ онѣ свидѣтельствуютъ, что развратъ и продажность — боги современной имъ жизни: мѣста продаются, примѣрныя супруги непремѣнно имѣютъ любовниковъ, хорошенькія женщины, не дорожа своею честью, дѣлаютъ все, что хотятъ, благодаря податливости и нравственной распущенности сановниковъ, а общество легкомысленно жаждетъ и ищетъ только наслажденій и удовольствій.

Эти удовольствія стоили, конечно, дорого, и вся тяжесть ихъ падала на народъ. О печальномъ положеніи тогдашняго крестьянина свидѣтельствуетъ намъ Руссо: „въ Эрмитажѣ, въ Монморанси, говоритъ онъ[1]), я близко познакомился съ притѣсненіями, которымъ подвергали крестьянъ вельможи для удовлетворенія своей ненасытной жажды удовольствій. Я видѣлъ, напримѣръ, что крестьяне не имѣютъ права защищаться иначе отъ разнаго рода дичи, разорявшей ихъ поля, какъ изгнаніемъ ея съ полей посредствомъ шума, что они были принуждены проводить цѣлыя ночи съ котелками, барабанами и колокольчиками на поляхъ, усѣянныхъ горохомъ и бобами, чтобы отгонять отъ нихъ кабановъ. Будучи свидѣтелемъ жестокостей графа Шаролуа въ отношеніи къ его крестьянамъ, я сказалъ по поводу этого нѣсколько словъ въ концѣ „Эмиля“: новое нарушеніе моихъ правилъ, не оставшееся безнаказаннымъ. Я узналъ, что офицеры, состоявшіе при принцѣ Конти, также совершали много жестокостей въ его владѣніяхъ; я сильно боялся, чтобы этотъ принцъ.... не принялъ на свой счетъ того, что я, вслѣдствіе оскорбленнаго чувства человѣколюбія, высказалъ про его дядю, и не обидѣлся этимъ“. — Таково было положеніе простаго народа по свидѣтельству Руссо. Но самою грустною чертою въ этомъ свидѣтельствѣ слѣдуетъ признать, конечно, то обстоятельство, что самъ Руссо боится выразить свое сочувствіе угнетеннымъ, почти раскаивается въ своемъ сочувствіи, ибо оно могло оскорбить тѣхъ знатныхъ людей, покровительства которыхъ искалъ и онъ, подобно прочимъ „философамъ“, не смотря на все благородство своей души.

Что касается до „философовъ“ 18-го вѣка, то въ настоящемъ сочиненіи не мѣсто подробно говорить объ этихъ людяхъ. Рѣзокъ отзывъ Фонъ-Визина объ нихъ. Но должно замѣтить, что нисколько не лучшими являются эти люди въ Исповѣди Руссо, Руссо, который былъ

[1]) Тамъ-же, стр. 633–634.

нѣкогда другомъ всѣхъ ихъ, который очень близко зналъ ихъ, и котораго Исповѣдь никакимъ образомъ не можетъ быть заподозрѣна въ неискренности или недобросовѣстности. — Новое время можетъ скептически отнестись какъ къ умственной, такъ и къ нравственной состоятельности французскихъ „философовъ“ 18-го вѣка. Ихъ чувственное ученіе не сдерживало разврата общества, а служило лишь его выраженіемъ въ области мысли. — Ненавистникъ Франціи, какимъ у насъ принято считать автора писемъ о Франціи, Фонъ-Визинъ можетъ быть преувеличивалъ опасность отъ вліянія энциклопедистовъ, вредъ этого вліянія. Но замѣчательно, что тоже самое и чуть не въ тѣхъ-же выраженіяхъ говоритъ объ этомъ вліяніи другой человѣкъ, предъубѣжденный въ его пользу, даровитый Добрынинъ, авторъ записокъ, находившійся подъ вліяніемъ идей французскихъ писателей. Добрынинъ такъ выражается[1]) о французскомъ образованіи: „оно хотя очищаетъ и возвышаетъ умъ, но портитъ сердце и воротитъ съ корня добродѣтель, поселяя на мѣсто ея пороки“.

Идеи Вольтера и вообще энциклопедистовъ, перенесенныя къ намъ, имѣли огромное значеніе у насъ въ блистательный вѣкъ императрицы Екатерины II. О силѣ вліянія этихъ идей лучше всего, можетъ быть, свидѣтельствуетъ образовавшееся въ языкѣ нашемъ слово „волтерьянецъ“; это слово показываетъ, что идеи Вольтера составили у насъ именно опредѣленное *ученіе*, кодексъ нравственныхъ и умственныхъ правилъ; этому ученію приписывался смыслъ ученія свободы и протеста противъ пороковъ и предразсудковъ: обратившись въ бранное, это слово прилагалось пошлыми людьми ко всякому честному человѣку, возстающему противъ общественныхъ недостатковъ. „Ахъ, окаянный волтерьянецъ!“ восклицаетъ въ ком. „Горе отъ ума“ Графиня-бабушка о Чацкомъ[2]). Вліяніе волтерьянства у насъ было такъ сильно, что самое имя Вольтера обратилось въ имя нарицательное и отождествилось со словомъ — учитель. Въ этомъ значеніи употребляли его даже такіе люди, которые не только не читали сочиненій Вольтера, но и не знали о самомъ его существованіи. Когда Репетиловъ приглашаетъ Скалозуба поѣхать съ бала Фамусова къ кн. Григорію,

[1]) Зап. Добрынина, стр. 229.

[2]) Замѣтимъ кстати, что «Горе отъ ума» должно быть признано весьма хорошимъ матерьяломъ для характеристики нашихъ нравовъ 18-го вѣка, разумѣется въ связи съ другими матерьялами: Грибоѣдовъ писалъ свою комедію въ то время, когда въ обществѣ живы еще были преданія временъ Екатерины и самые нравы этихъ временъ.

чтобы поучиться тамъ уму-разуму у различныхъ умниковъ, Скалозубъ отвѣчаетъ ему:

Я князь Григорію и вамъ
Фельдфебеля *въ Вольтеры* дамъ, —

т. е. отзвукъ значенія Вольтера какъ *учителя* дошелъ даже до 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Какимъ же благоговѣніемъ окружено было это имя въ вѣкъ Екатерины? Масса сочиненій Вольтера и вообще энциклопедистовъ переводилась тогда на русскій языкъ. И замѣчательно, что этими переводами занимались иногда люди совсѣмъ не того направленія[1]). Отрывки изъ повѣстей Вольтера (которыя почти всѣ были переведены на нашъ языкъ, и не разъ, и выдерживали по нѣсколько изданій), отрывки изъ этихъ повѣстей переписывались любителями словесности въ тетради, какъ образцы литературныхъ произведеній, достойныхъ благоговѣйнаго уваженія, и быть можетъ заучивались наизустъ [2]). При невѣжествѣ нашего тогдашняго общества, изъ всѣхъ сочиненій Вольтера именно повѣсти должны были имѣть у насъ наибольшее вліяніе, какъ произведенія самыя популярныя и привлекательныя по формѣ. Да и вообще, если признать Вольтера не самостоятельнымъ мыслителемъ, а популяризаторомъ и распространителемъ чужихъ идей, то повѣсти, въ которыхъ онъ пользуется поэтической формой для проведенія своихъ взглядовъ, должны занимать весьма важное мѣсто въ ряду его произведеній.— Могли ли выраженныя въ этихъ повѣстяхъ идеи оказать благотворное вліяніе на нашу жизнь? Конечно нѣтъ. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что Вольтеръ въ повѣстяхъ представитель разума, что онъ является въ нихъ защитникомъ правды, свободы мысли и слова, врагомъ всякаго деспотизма и гнета, отживающихъ предразсудковъ и униженія человѣческаго достоинства, человѣкомъ, который силой ума и смѣха борется съ пороками. Но все это только внѣшній видъ, личина Вольтера. Всматриваясь глубже въ его произведенія, мы замѣтимъ въ нихъ

[1]) Зап. Жихарева. Стр. 97 — 98. Карцевъ, человѣкъ безкорыстно преданный умственному труду, человѣкъ уважаемый Невзоровымъ, врагомъ волтерьянства, перевелъ Генріаду, Брута, Разрушеніе Лиссабона и даже Орлеанскую дѣвственницу.

[2]) У меня есть одна такая тетрадь прошедшаго вѣка, въ которой переписанъ отрывокъ изъ повѣсти «Простодушный» подъ заглавіемъ «Чистосердъ, подлинная повѣсть, взятая изъ записокъ от. Кеннеля»; въ этой же тетради находится фонъ-визинское «Письмо Взяткина», «Манифестъ, черезъ который блистающая Оттоманская порта знать даетъ, что дворъ россійскій нарушилъ мирный договоръ», и друг.

противорѣчивыя мысли, которыя онъ не только не примиряетъ, но и не хочетъ примирить. Онъ, какъ Мефистофель, играетъ сомнѣніями,— онъ можетъ съ одинаковымъ успѣхомъ и, повидимому, жаромъ говорить и *за* и *противъ*; мысль для него не дорога,— процессъ легкихъ сомнѣній и колебаній ему нравится какъ веселая и злая игра. Прибавьте къ этому, что обычная форма его доказательства есть *софизмъ*; масса этихъ софизмовъ въ повѣстяхъ подавляетъ читателя.—Мефистофелевскія противорѣчія въ убѣжденіяхъ могутъ быть замѣчены у Вольтера не только въ разновременныхъ сочиненіяхъ, но даже въ одномъ и томъ же произведеніи, даже въ одной и той-же мысли. Приведу нѣсколько примѣровъ, считая нужнымъ при этомъ оговориться, что если я буду отождествлять иногда мнѣнія Вольтера съ мнѣніями *нѣкоторыхъ* героевъ его повѣстей, то это только тогда, когда такое тождество въ данныхъ случаяхъ несомнѣнно видно изъ чтенія повѣстей.

Представитель освободительной философіи 18-го вѣка, Вольтеръ во многихъ мѣстахъ своихъ разсказовъ отрицательно относится къ верховной власти. Въ повѣсти „Вавилонская принцесса“ статсъ-дама двора царя Белуса говоритъ (или лучше — ея устами говоритъ Вольтеръ), что „королей очень часто называютъ пастухами, прилагая къ нимъ это названіе на томъ основаніи, что они очень усердно стригутъ свое стадо“[1]). Въ той-же повѣсти героемъ — побѣдителемъ королей на состязаніяхъ, устроенныхъ Белусомъ для полученія руки его дочери, является простой пастухъ изъ счастливой страны пастуховъ-Гангаридовъ, которые не знаютъ царской власти и всѣ равны между собою. „Онъ не король, и я не думаю, чтобы онъ захотѣлъ унизиться до того, чтобы быть имъ“ [2]), говоритъ про пастуха-побѣдителя его другъ — птица-Фениксъ. Восхищаясь, въ той-же повѣсти, государственнымъ устройствомъ Англіи, ея парламентомъ, Вольтеръ высказываетъ такую мысль: „Всѣ видѣли.... что покуда короли добивались неограниченной власти, до тѣхъ поръ не было въ странѣ порядка, до тѣхъ поръ ее раззоряли междоусобныя войны, анархія и бѣдность, и что съ тѣхъ поръ, какъ они согласились ограничить свою власть, у нихъ водворилось и спокойствіе, и довольство, и благосостояніе“[3]).— Вольтеръ старается показать, что нѣтъ ничего привлекательнаго быть королемъ, равно какъ нѣтъ ничего привлекательнаго и въ томъ, что-

[1]) Романы и повѣсти Фр. М. Вольтера. Перев. Н. Н. Дмитріева. Спб. 1870, стр. 375.

[2]) Тамъ-же, стр. 380.

[3]) Тамъ-же, стр. 406.

бы быть близкими къ королямъ, пользоваться ихъ милостями. Философъ Мартинъ, въ повѣсти „Кандидъ“, разсуждая о несчастіяхъ людскихъ, замѣчаетъ: „Дожъ имѣетъ свои горести, гондольеръ — свои. Правда, говоря вообще, участь гондольеровъ лучше дожеской; но разница такъ ничтожна, что и говорить не стоитъ“ [1]). Кандиду и его компаніи пришлось на опытѣ убѣдиться въ тщетѣ царскаго достоинства, когда довелось имъ ужинать съ 6 сверженными съ престоловъ королями: пятеро изъ этихъ королей подали нуждавшемуся въ помощи шестому каждый въ 100 разъ менѣе Кандида. Мартинъ при этомъ замѣтилъ: „что короли лишаются престоловъ—нерѣдкость, а что касается чести ужинать съ ними, то это пустяки, не стоющіе вниманія. Не все ли равно, съ кѣмъ ужинать, лишь бы вкусно“ [2]).— Но въ тѣхъ же самыхъ повѣстяхъ мы встрѣчаемся съ совершенно другаго рода идеями, принадлежащими тому же самому Вольтеру. Кандидъ попадаетъ между прочимъ въ счастливую идеальную страну Эльдорадо; въ этой странѣ наука, развитая до высшей степени, совершенно подчинена королю, ученые — какъ бы его служащіе чиновники; религія — тоже находится въ царской власти: король ея начальникъ. Такимъ образомъ въ идеальной странѣ Вольтера король является полнымъ властителемъ мысли и совѣсти своихъ подданныхъ. Та-же идея проводится и въ „Вавилонской принцессѣ“. Вотъ что, напримѣръ, говоритъ тамъ авторъ о китайскомъ государѣ: это былъ „самый справедливый, самый умный и вѣжливый государь на землѣ. Онъ первый своими царскими руками обработалъ небольшое поле, чтобы *заставить свой народъ уважать земледѣліе. Онъ первый установилъ награды за добродѣтель*, между тѣмъ какъ въ другихъ странахъ законы постыдно ограничивались одними наказаніями за преступленія“ [3]).— Расточая лесть императрицѣ Екатеринѣ, Вольтеръ утверждаетъ, что ея имперія 300 лѣтъ тому назадъ представляла дикую пустыню со всѣми ея ужасами; но трудами *одного* человѣка—Петра Великаго, и *одной* женщины—Екатерины среди этихъ дикарей явились искусства, величіе, слава и образованность. Вообще онъ думаетъ, что отдѣльныя лица, *герои*, могутъ по своей волѣ управлять характеромъ народа, мѣнять его убѣжденія, нравы, образъ жизни, религію; такъ, онъ выражаетъ желаніе, чтобы среди Скиѳовъ явились подобные герои, „чтобъ дикихъ сдѣлать людьми“; законодатели, по его мнѣнію, могутъ „вводить

[1]) Тамъ-же, стр. 195.
[2]) Тамъ-же, стр. 203.
[3]) Тамъ-же, стр. 394.

свои обычаи и устанавливать религію“. Въ повѣсти „Задигъ“ герой ея въ одинъ день уничтожилъ существовавшій много вѣковъ обычай самосожженія вдовъ въ Аравіи, отговоривъ отъ этого одну вдову и начальниковъ племенъ. Короли и даже окружающіе ихъ придворные оказываются умственно и нравственно безконечно выше народа, этого стада барановъ: „за исключеніемъ двора, который иногда *возвышается надъ предразсудками толпы*, говоритъ Вольтеръ въ „Вавилонской принцессѣ“, ни одинъ египтянинъ не согласится ѣсть изъ блюда, которое уже подавали иностранцу“ [1]). Поклонникъ равенства, существующаго у народовъ-пастуховъ, авторъ „Вавилонской принцессы“ заставляетъ ея героя Амазана ѣздить къ разнымъ дворамъ и плѣняться ихъ блескомъ и самому плѣнять ихъ своимъ богатствомъ; да и самое равенство Гангаридовъ оказывается мнимымъ: у этихъ пастуховъ есть подчиненные имъ подпастухи и воины, и братья ихъ — птицы и животныя—служатъ имъ; въ довершеніе всего самъ Амазанъ оказывается — царскаго рода, родственникомъ вавилонской принцессы. Точно также и въ „Кандидѣ“ герои его, отказывающіеся отъ всякой блестящей жизни, рѣшающіеся сдѣлаться простыми земледѣльцами, — всѣ знатнаго рода, старуха — даже принцесса. Кажущійся демократомъ, Вольтеръ въ тоже время аристократъ по убѣжденію. Его простой первобытный человѣкъ, гуронъ, въ повѣсти „Простодушный“, говоритъ: „Если бы я былъ королемъ Франціи, то вотъ какого военнаго министра я выбралъ бы: онъ *долженъ бы быть самаго высокаго происхожденія*, такъ какъ ему нужно отдавать приказанія дворянству“ [2]) и т. д. Аристократизмъ Вольтера выражается даже тамъ, гдѣ онъ разсказываетъ о чисто-чувственныхъ похожденіяхъ своихъ героевъ: вавилонская принцесса никакъ не можетъ понять—какъ это ея женихъ Амазанъ, „который для нея отказывался отъ столькихъ *принцессъ*, бросаетъ ее для *какой-нибудь галльской комедіантки*“ [3]).—Въ 18-мъ вѣкѣ былъ обычай восхищаться идилліею сельской жизни, идеализировать человѣка близкаго къ природѣ. Мы видимъ это и у Вольтера; во имя первобытнаго человѣка онъ отрицаетъ даже цивилизацію. Герои Кандида, послѣ различныхъ приключеній и жизненныхъ опытовъ, приходятъ къ заключенію, что человѣку нужно только „обработывать огородъ“ и не „совать носа въ политику, не справляться, что происходитъ въ Константинополѣ“, не интересоваться „именами муфтіевъ и

[1]) Тамъ-же, стр. 399.
[2]) Тамъ-же, стр. 291.
[3]) Тамъ-же, стр. 406.

БИБЛІОТЕКА

визирей". Идеаломъ честности, прямоты и благородства является у Вольтера гуронъ—герой повѣсти „Простодушный": онъ удивляется, что у цивилизованныхъ людей для заключенія брака „необходимо существованіе нотаріусовъ, священниковъ, свидѣтелей, договоровъ, разрѣшеній"; „такъ вы, значитъ, очень безчестные люди, говоритъ онъ, если между вами необходимы всѣ эти предосторожности" [1]). Понятія гурона оказываются, по взгляду Вольтеру, совершенно сходными съ евангельскими истинами: „Я каждый день замѣчаю, говоритъ онъ, что здѣсь дѣлаютъ множество вещей, которыхъ нѣтъ въ вашей книгѣ, и вовсе не дѣлаютъ того, о чемъ въ ней говорится: признаюсь, это меня удивляетъ и злитъ" [2]). Попавши въ тюрьму, гуронъ сошелся тамъ съ ученымъ янсенистомъ Гордономъ и сталъ учиться; скоро онъ превзошелъ своего учителя: онъ поразилъ его ясностью своего „наученнаго природою" ума, отвергающаго всякія богословскія и философскія тонкости. Между прочимъ онъ занялся исторіей; эти занятія „только усилили его тоску; міръ показался ему слишкомъ злымъ, слишкомъ ничтожнымъ. И дѣйствительно, прибавляетъ Вольтеръ отъ себя, — исторія ничто иное, какъ лѣтопись преступленій и бѣдствій; невинные и мирные люди не замѣтны на обширной сценѣ исторіи; всѣ дѣйствующія лица — развращенные честолюбцы" [3]). Эти слова — почти прямое отреченіе сказавшаго ихъ отъ цивилизаціи.—Но мы легко найдемъ въ тѣхъ же самыхъ его произведеніяхъ иныя воззрѣнія: гуронъ, просвѣтившій своимъ простымъ и яснымъ разумѣніемъ умъ запутавшагося въ отвлеченныя тонкости янсениста, гуронъ, отрицающій исторію образованныхъ народовъ, въ то-же время признаетъ неизмѣримое превосходство надъ собою этихъ заблудившихся образованныхъ людей: „я изъ *скота* сталъ человѣкомъ", говоритъ онъ послѣ своихъ научныхъ занятій съ Гордономъ. Европейцы „въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ улучшили свою природу искусствами и науками" [4]). Свое желаніе жениться на Сентъ-Ивъ безъ всякихъ посредниковъ, нотаріусовъ, священниковъ и т. д., желаніе, которое Вольтеръ выставлялъ проявленіемъ прямодушія и честности, самъ Гуронъ называетъ впослѣдствіи неблагопристойнымъ и смѣшнымъ. Въ повѣсти „Свѣтъ какъ онъ есть" скиѳъ Бабукъ говоритъ: „не смотря на упрямство людей хвалить древность насчетъ новизны, надо сознаться, что первые опыты

[1]) Тамъ-же, стр. 254.
[2]) Тамъ-же, стр. 252.
[3]) Тамъ-же, стр. 266.
[4]) Тамъ-же, стр. 267.

бываютъ всегда грубы" [1]).—На какой-же сторонѣ, — на сторонѣ цивилизаціи, или первобытной простоты жизни стоитъ Вольтеръ? Рѣшить—невозможно.—И та-же двойственность и путаница въ отношеніяхъ знаменитаго писателя къ нравственности, къ добру и злу. По-видимому онъ признаетъ нравственныя доблести. Его Кандидъ до такой степени правдивъ, „чистъ душою", что не рѣшается назвать передъ губернаторомъ въ Буэносъ-Айресѣ Кунигунду своей женой или сестрой, потому что это была бы неправда, хотя эта неправда и могла ему быть полезной. Разсказывая въ той же повѣсти о бѣдственномъ положеніи Пакетты, принужденной торговать собою изъ-за куска хлѣба, Вольтеръ выражаетъ свое состраданіе къ ней. Мы видѣли выше, что въ повѣсти „Простодушный" авторъ высоко ставитъ прямоту и честность гурона. Невѣста этого гурона, Сентъ-Ивъ, отличается цѣломудріемъ и вѣрностью, — она „обожала своего любовника, и ей казалось страшнымъ преступленіемъ измѣнить ему, даже для его пользы" [2]); когда же она пала для его спасенія, то не могла вынести этого стыда, и умерла отъ нравственныхъ мукъ. Въ повѣсти „Свѣтъ какъ онъ есть" нарисованъ образъ добродѣтельной и любящей жены, которая своими энергическими объясненіями съ министромъ, нѣжными жалобами, краснорѣчивыми доводами, упреками и слезами обезпечиваетъ карьеру мужа. Въ повѣсти «Вавилонская принцесса» Вольтеръ одобряетъ обычай пастуховъ-Гангаридовъ собираться для молитвы — мущинамъ въ одномъ храмѣ, женщинамъ — въ другомъ, „чтобы не развлекать другъ друга". Въ той же повѣсти онъ сурово осуждаетъ войну; онъ говоритъ: до Екатерины II „люди, къ несчастію могущественные, посылали толпы убійцъ раззорять неизвѣстныя племена и обагрять ихъ кровью наслѣдія ихъ отцевъ; убійцъ этихъ называли героями, а разбой ихъ считали славой" [3]). Такое же осужденіе войны можно встрѣтить и въ другихъ повѣстяхъ. Герой „Вавилонской принцессы" — Амазанъ—отличается своей непоколебимой вѣрностью невѣстѣ, не смотря на всевозможные представлявшіеся ему соблазны.—Такъ, повидимому, уважаетъ Вольтеръ добрую нравственность, хорошія свойства своихъ героевъ. Но всмотритесь внимательно во всѣ случаи, гдѣ онъ прославляетъ добродѣтель, — и вы увидите, что рядомъ съ прославленіемъ идетъ ея отрицаніе и осмѣяніе. Возвеличивъ правдивость Кандида, Вольтеръ тутъ-же ядовито замѣчаетъ, что „невинная ложь

[1]) Тамъ-же, стр. 3.
[2]) Тамъ-же, стр. 279.
[3]) Тамъ-же, стр. 400.

была въ модѣ еще у древнихъ народовъ и была бы очень полезна новымъ"; а его правдивый Кандидъ, пріѣхавшій сражаться противъ іезуитовъ, преспокойно переходитъ въ службу къ нимъ, по совѣту своего умнаго слуги, который убѣдилъ его такимъ аргументомъ: „Пресвятой Іаковъ Компостельскій! объ чемъ тутъ думать! вы ѣхали сражаться противъ іезуитовъ, стало быть теперь надо идти сражаться за нихъ" [1]). Кажущееся состраданіе Вольтера къ бѣдной Пакеттѣ исчезаетъ въ циническихъ словахъ о взятой ею на-прокатъ юбкѣ. Прославляемыя прямота и честность гурона выражаются главнымъ образомъ въ его намѣреніи тотчасъ-же удовлетворить своимъ чувственнымъ побужденіямъ, т. е., какъ онъ выражается, жениться на Сентъ-Ивъ безъ посредниковъ и договоровъ. Сентъ-Ивъ не хочетъ потерять чести для спасенія гурона, а пожертвовавъ ею, умираетъ; Вольтеръ тонкимъ намекомъ даетъ понять намъ, что она поступила глупо; онъ говоритъ, что соблазнявшій ее Сен-Пуанжъ „не былъ лишенъ пріятности, и сердце, менѣе *предубѣжденное*, могло бы быть болѣе благосклоннымъ къ нему" [2]). Онъ вообще считаетъ цѣломудріе—невозможнымъ: въ „Письмахъ Амабеда" от. Фа-мольто такъ говоритъ о монашескомъ обѣтѣ цѣломудрія: „правда, что я далъ этотъ обѣтъ; но если бы я обѣщалъ, что кровь моя не будетъ течь въ моихъ жилахъ и что мои ногти и волосы не будутъ рости, то вы бы сами согласились, что я не въ состояніи былъ бы выполнить этого обѣщанія. Вмѣсто того, чтобы заставлять насъ клясться, что мы будемъ цѣломудренны, надо бы заставить насъ быть ими и сдѣлать всѣхъ монаховъ евнухами. Пока у птицы есть перья, она летаетъ; одно средство помѣшать оленю бѣгать — это отрѣзать ему ноги" [3]). Подобными софистическими разсужденіями Вольтеръ оправдываетъ, хотя самъ этого и не высказываетъ, всѣ похожденія — насилія отцевъ Фа-тутто и Фа-мольто. Да и самое насиліе не считаетъ онъ даже несчастіемъ: разсказывая о подобныхъ отношеніяхъ Криваго носильщика (въ повѣсти того-же имени) къ принцессѣ Мелинадѣ, онъ замѣчаетъ: „наступившая ночь скрыла въ своемъ мракѣ дѣйствительное счастіе Мезрура и *мнимое несчастіе* Мелинады" [4]), которая даже, по его словамъ, „навѣрно благословляла судьбу за то, что всякое несчастіе приноситъ съ собою и утѣшеніе" [5]). По понятіямъ Вольтера женщинѣ продать свою

[1]) Тамъ-же, стр. 161.
[2]) Тамъ-же, стр. 279.
[3]) Тамъ-же, стр. 454.
[4]) Тамъ-же, стр. 20.
[5]) Тамъ-же, стр. 19.

любовь ничего не значитъ: такъ поступаетъ идеальная героиня „Кандида", по совѣту старухи, разсуждавшей „съ благоразуміемъ, даваемымъ лѣтами и опытностью"; „сударыня, говорила ей старуха, у васъ 72 поколѣнія предковъ, но ни гроша денегъ; стоитъ только захотѣть, и вы будете женой перваго вельможи южной Америки, притомъ съ такими прекрасными усами. Нужно ли быть такой недотрогой?" [1]) Что же касается вѣрности, то Вольтеръ считаетъ ее просто безуміемъ: герой „Вавилонской принцессы., не соблазнился прекрасной женой лорда что—нужды, у него „достало еще силы воспротивиться: до такой степени необыкновенно вліяетъ на сильную и глубоко оскорбленную душу ничтожная примѣсь къ ней *безумія*" [2]). Впрочемъ герой этотъ не устоялъ противъ очарованія оперной пѣвицы въ Парижѣ; тогда Вольтеръ, устами птицы Феникса, увѣряетъ оскорбленную принцессу, что это—ничего, что измѣна даже очень полезна для счастья любящихся, потому что „желаніе загладить свою вину заставитъ его (измѣнившаго) превзойти самого себя, что она вслѣдствіе этого будетъ счастливѣе" [3]). А въ повѣсти „Свѣтъ какъ онъ есть" измѣна даже не считается проступкомъ, а признается дѣломъ обыденнымъ и открытымъ: добродѣтельная и любящая жена, о которой говорилось выше, имѣетъ любовника, а ея не менѣе добродѣтельный мужъ—любовницу, и они всѣ четверо, зная о своихъ взаимныхъ отношеніяхъ, дружны между собою и живутъ очень весело. Самое одобреніе Вольтеромъ молитвъ мущинъ и женщинъ въ *отдѣльныхъ* храмахъ свидѣтельствуетъ о нечистотѣ воображенія этихъ лицъ и создавшаго ихъ автора. Наконецъ, если Вольтеръ и осуждаетъ, повидимому, строго войны, то онъ въ тоже время побуждаетъ къ нимъ императрицу Екатерину, увѣряя ее, что если и она отправляла войска въ чужія страны, то дѣлала это только „для того, чтобъ водворять миръ, чтобъ мѣшать людямъ вредить другъ другу, чтобъ принудить ихъ терпѣть другъ друга; ея знаменемъ было народное согласіе" [4]). Изъ всего этого ясно, что Вольтеръ не особенно цѣнилъ нравственность. Но онъ выражается на этотъ счетъ еще опредѣленнѣе: онъ прямо утверждаетъ, что люди не виноваты въ своихъ порокахъ, что пороки необходимое свойство ихъ природы. „Какъ вы думаете, спрашиваетъ Кандидъ Мартина, всегда ли люди такъ истребляли другъ друга, какъ

[1]) Тамъ-же, стр. 160.
[2]) Тамъ-же, стр. 407.
[3]) Тамъ-же, стр. 417.
[4]) Тамъ-же, стр. 400.

теперь? и всегда ли они были лгуны, плуты, измѣнники, неблагодарны, злодѣи, трусы, пусты, подлы, завистливы, обжоры, пьяницы, скряги, самолюбцы, жестоки, клеветники, развратны, фанатики, ханжи и дураки?“ „Ну, а вы какъ думаете, — сказалъ Мартинъ, — всегда ли ястреба поѣдали голубей, когда ихъ встрѣчали?“ „Конечно“, отвѣчалъ Кандидъ. „Ну, сказалъ Мартинъ, — если характеръ ястребовъ не измѣнился, такъ съ чего же мѣняться людскому?“ [1]). Этими словами великій писатель 18-го вѣка оправдываетъ всѣ пороки и вмѣстѣ съ тѣмъ высказываетъ свой не высокій взглядъ на человѣческую природу. Этотъ блестящій софизмъ его вѣроятно былъ роковымъ для многихъ лицъ изъ массъ увлекавшихся имъ людей. — Возбуждая въ читателѣ массу неразрѣшимыхъ сомнѣній, отрицая нравственность, издѣваясь надъ мыслью, Вольтеръ въ своихъ повѣстяхъ на мѣсто разрушаемаго имъ идеальнаго міра ставитъ чувственность, животную жизнь. Человѣкъ, по его взгляду, — прежде всего животное, и всѣ его радости и идеалы — въ жизни тѣлесной. Цѣль человѣка, по понятіямъ Вольтера, — удовольствіе. А удовольствіе, счастье состоитъ въ чувственной любви, въ ѣдѣ, въ винѣ и въ роскоши.—Виднѣе всего чувственность ученія Вольтера въ неслыханномъ цинизмѣ его повѣстей: грязныя сцены, встрѣчающіяся въ нихъ на каждомъ шагу, разсказываются въ высшей степени откровенно. Собственно, эта грязь и есть главное содержаніе повѣстей: все остальное, т. е. различныя обличенія и отрицанія, почти только поводы для сальныхъ картинокъ. Вольтеръ любитъ, напримѣръ, осмѣивать монаховъ за ихъ любовныя похожденія; но эти обличенія не возбуждаютъ въ читателѣ никакого негодованія, потому что дѣло не только въ нихъ,—они между прочимъ даютъ случай для изображенія чувственныхъ сценъ, какъ, напримѣръ, похожденія отца Фа-тутто въ „Письмахъ Амабеда“. Говоря объ ужасахъ войнъ, Вольтеръ почти исключительно распространяется о насиліяхъ, совершаемыхъ надъ женщинами. Разсказы о несчастіяхъ Кандида и его сотоварищей, нужные, кажется, только для опроверженія мысли Руссо о добрѣ и злѣ въ жизни, въ сущности даютъ Вольтеру поводъ нарисовать массу сальныхъ картинокъ; почти всѣ эти несчастія — неприличны. Изображеніе гурона, въ повѣсти „Простодушный“, вызванное, повидимому, только желаніемъ сопоставить человѣка близкаго къ природѣ съ человѣкомъ цивилизаціи, въ сущности — опять удобный случай для циническихъ выходокъ: Простодушный интересенъ для Вольтера главнымъ образомъ потому, что не умѣетъ скрывать своихъ

[1]) Тамъ-же, стр. 182.

чувственныхъ стремленій, которыя Вольтеръ и изображаетъ съ истинной любовью. Повѣсть „Кривой носильщикъ“ есть просто сплошная масса грязи, какое-то неистовство чувственности.

Все это должно было разрушительно дѣйствовать на нравы нашихъ прадѣдовъ. Сочиненіями Вольтера и вообще энциклопедистовъ увлекались, иной разъ до какого-то почти обожанія, люди всевозможныхъ слоевъ общества: князья [1]) и ремесленники (напримѣръ типографщикъ Селивановскій) [2]), офицеры [3]), помѣщики [4]), министры [5]), писатели [6]). Будь волтерьянство ученіемъ отвлеченнымъ, оно не могло бы такъ скоро привиться къ жизни; отвлеченныя положенія были-бы непонятны массѣ; особенно можно сказать это о нашемъ обществѣ 18-го вѣка, образованность котораго стояла на такой низкой степени. Но легкіе софизмы волтерьянства, замѣняемые иной разъ простою насмѣшкой, были доступны самому неразвитому и невѣжественному человѣку; и эти софизмы породили въ нашемъ обществѣ 18-го вѣка дешевый и легкій скептицизмъ. Мораль волтерьянства, его содержаніе, была еще доступнѣе, еще легче для усвоенія, чѣмъ его форма—софизмъ.

Вліяніе Франціи, Парижа было у насъ такъ сильно, что ему подчинялись иной разъ даже высшія духовныя лица. Сѣвскій архіерей Кириллъ Фліоринскій, такъ превосходно обрисованный въ запискахъ даровитаго Добрынина, говорилъ: „я — французъ! я имѣлъ случай быть въ Парижѣ разъ, но не буду и не желаю имѣть случая выбить изъ себя порядка и чистоты парижской“. Этотъ порядокъ хотѣлъ онъ завести и у себя, и потому „приказалъ, чтобы всѣ окружающіе его, въ его священнодѣйствіи, молодые люди были причесаны съ пуклями, подъ пудрою“ [7]).—Въ своемъ „Бригадирѣ“ Фонъ-Визинъ нарисовалъ съ художественною силою (такъ рѣдкой въ 18 в.) и съ замѣчательнымъ юморомъ образъ Иванушки, молодаго человѣка, совершенно увлеченнаго модными матерьялистическими идеями энциклопедистовъ. Иванушка—дурень и дрянной человѣкъ. Но матерьялистическими идеями увлекались у насъ и люди умные, и люди хорошіе. Религіозный скептицизмъ, навѣянный идеями Вольтера, носился въ воздухѣ русской жизни, и овладѣвалъ такими людьми, которые, по даннымъ своей на-

[1]) Зап. Болотова, т. III, ч. XX, въ Рус. Стар. 1872 г. № 10, стр. 927—928.
[2]) Зап. Селивановскаго въ Библ. Зап. 1858 г. № 17, стр. 526 — 527.
[3]) Зап. Жихарева стр. 121.
[4]) Тамъ-же, стр. 39.
[5]) Библ. Зап. 1859 г. № 9, стр. 258 — 259.
[6]) Рус. Арх. 1864 г. Нов. мат. для ист. мас—ва. Зап. Елагина, стр. 100.
[7]) Зап. Добрынина. Стр. 36 и 21.

туры и воспитанія, не могли, казалось, быть скептиками. Ив. Влад. Лопухинъ, извѣстный не только какъ масонъ, но и какъ человѣкъ высокихъ нравственныхъ достоинствъ, другъ Новикова, былъ одно время очень сильно увлеченъ волтерьянствомъ. „Никогда не былъ еще я, говоритъ онъ [1]), постояннымъ вольнодумцемъ, однако, кажется, больше старался утвердить себя въ вольнодумствѣ, нежели въ его безуміи, и охотно читывалъ Вольтеровы насмѣшки надъ религіею, Руссовы опроверженія и прочія подобныя сочиненія". Онъ даже перевелъ извлеченія изъ „Systeme de la Nature" и намѣревался распространять ихъ въ рукописяхъ, такъ какъ нельзя было напечатать. (Это намѣреніе не перешло однако въ дѣло, — онъ раскаялся и сжегъ переводъ).— Даровитый Добрынинъ, о запискахъ котораго я упоминалъ выше, былъ тоже увлеченъ волтерьянствомъ. Сынъ бѣднаго священника, пѣвчій и келейникъ Сѣвскаго архіерея, онъ не получилъ почти никакого образованія; но сильный умъ его искалъ свѣта, и онъ съ жадностью принялся за чтеніе: онъ читалъ сочиненія историческія, древнихъ авторовъ, Сумарокова и, наконецъ, сочиненія энциклопедистовъ, которыя и увлекали его болѣе всего. „Прочитавъ нѣкоторые переводы Лесажа, Волтера и Монтескю, мнѣ внушилось, говоритъ онъ съ свойственнымъ ему юморомъ, что проповѣди епископовъ — греческаго Иліи Менятія, россійскаго Гедеона Псковскаго суть спасительныя нравоученія, произведенныя усиліемъ навыка, ограниченнаго властью закона. Но сочиненія первыхъ трехъ суть явленія, отверзающія умственный глазъ подобныхъ имъ человѣковъ, и оживотворяющія ощутительно душу мыслящаго существа" [2]). Онъ такъ сроднился съ поэтическими произведеніями Вольтера, что беретъ изъ нихъ сравненія, дѣлаетъ на нихъ ссылки въ своей рѣчи. Идеи Вольтера оказали вліяніе на умственный строй живой и впечатлительной души Добрынина: его сомнѣнія и его юморъ обратились на тѣ предметы, на которые любилъ обращаться умъ Вольтера [3]). На нравственныхъ воззрѣніяхъ Добрынина лежитъ тоже печать ученій 18-го вѣка. „Бѣдное и бѣдствующее твореніе человѣкъ! (говорится въ одномъ мѣстѣ его записокъ) [4]). Его мысль, его рѣзкая, мучительная и даже ядовитая чувствительность, такъ какъ и пріятныя иногда минуты и самая жизнь кажутся ему неограниченными временемъ; но, въ самомъ дѣлѣ, одна уже во мрач-

[1]) Зап. Лопухина (Чтен. 1860 г. кн. II и III), ч. I, стр. 14.
[2]) Зап. Добрынина, стр. 134.
[3]) Тамъ-же, стр. 132, 192.
[4]) Тамъ-же, стр. 139.

ный ужасъ облеченная смерть, достаточна его просвѣтить, что обитаемой нами шаръ не имѣетъ ничего прочнаго". Къ этимъ словамъ онъ прибавляетъ такое примѣчаніе: „въ семъ мѣстѣ богословы имѣютъ вспыхнуть: чѣмъ смерть ужасна? а вѣра гдѣ?—Отвѣтствую: вѣра при мнѣ и непріятность смерти и чувствованіе горестей въ жизни при мнѣ и при богословахъ.—Это маловѣріе, а не вѣра! опять закричатъ. Отвѣтствую: споровъ и умствованій на свѣтѣ много, а чувствительность сердца одна, одна, и столь благородна, что она не любитъ, когда ее съ пути сбиваютъ". Не содержаніе этихъ словъ, а глубокое, до ужаса и почти до отчаянья доходящее чувство грусти о человѣческой участи и живой, здоровый юморъ русскаго человѣка, не покидающій его даже и въ подобныя минуты, отличаютъ здѣсь Добрынина отъ его учителей, утверждавшихъ тоже, но иначе относившихся къ своимъ воззрѣніямъ. — Когда же и какимъ путемъ проникли къ Добрынину овладѣвшія имъ идеи „философовъ"? Онъ былъ чиновникомъ въ Бѣлоруссіи и дослужился подъ старость до мѣста губернскаго прокурора. Но не тогда ознакомился онъ съ этими идеями. „О французской энциклопедіи" онъ былъ, по словамъ его, „внушенъ еще въ младолѣтствѣ" [1]), т. е. когда былъ еще, можетъ быть, келейникомъ и секретаремъ сѣвскихъ архіереевъ, много что канцеляристомъ сѣвской духовной консисторіи. Это свидѣтельствуетъ о повсемѣстности распространенія книгъ и мыслей „философовъ" 18-го вѣка, если пробрались они на архіерейское подворье.—Болотовъ, свидѣтельствуя о волтерьянствѣ старика князя, отца своего начальника, а Елагинъ [2]) и Лопухинъ о своемъ собственномъ „вольнодумствѣ", говорятъ, что они увлекались не одни, а, подобно многимъ тогда, плыли по общему теченію; Лопухинъ даже насильно заставлялъ себя увлекаться бывшими тогда у насъ въ великой „славѣ" энциклопедистами, потому что и стыдно, и, можетъ быть, трудно было идти противъ общаго мнѣнія. Императрица Екатерина въ одномъ письмѣ къ Вольтеру [3]) говоря о привитіи себѣ оспы, прибавляетъ: „я въ добавокъ къ тому малому количеству лекарствъ, которыя даются въ продолженіе оспы, или и совсѣмъ не даются, употребляла три или четыре превосходныхъ лекарства, коими совѣтую всякому благомыслящему въ подобномъ случаѣ пользоваться, а именно: чтеніе Шотландки, Кандида, Добросердечнаго, Человѣка въ 40 тале-

[1]) Тамъ-же, стр. 356—357.
[2]) Рус. Арх. 1864 г., № 1, стр. 100 (Записка Елагина).
[3]) Философическая и политич. переписка имп. Ек. II съ г. Вольтеромъ. Спб. 1802 г., ч. II, стр. 40—42 (пис. 1768 г.).

ровъ и Принцессы Вавилонской; послѣ сихъ лекарствъ нельзя чувствовать ни малѣйшей боли". Такъ высоко цѣнились повѣсти Вольтера.—Сочиненія „философовъ" 18-го вѣка играли, конечно, не малую роль и въ воспитаніи юношества, особенно при тогдашней страсти русскаго общества ко всему французскому вообще. Одни русскія дѣти набирались волтерьянства отъ французскихъ гувернеровъ и учителей, которые, если по невѣжеству своему и не читали Вольтера, Гольбаха и другихъ, то на практикѣ все-таки проводили ихъ мораль и ихъ взгляды; — другія дѣти вывозили эту мораль и эти взгляды изъ Парижа, куда чадолюбивые родители отправляли своихъ сынковъ обучаться и воспитываться. И не должно думать, что только худшіе изъ воспитателей, шарлатаны, проводили въ своей дѣятельности мораль Вольтера,—и лучшіе педагоги, даже наши собственные, не чуждались морали энциклопедистовъ. По счастливому стеченію обстоятельствъ воспитаніе вел. кн. Павла Петровича было обставлено очень благополучно: Д'Аламберъ отказался, по своимъ разсчетамъ, отъ руководства этимъ воспитаніемъ, и вел. князя въ дѣтствѣ окружали и руководили такіе отечественные воспитатели, какъ Никита Ив. Панинъ, от. Платонъ, Порошинъ; эти люди, развивая умъ его, внушали ему религіозныя и патріотическія чувства, говорили объ обязанностяхъ государя къ подданнымъ и т. п. Тѣмъ не менѣе, Порошинъ свидѣтельствуетъ о томъ, какъ маленькій Павелъ Петровичъ разспрашивалъ его о сочиненіяхъ Монтескье, Гельвеція, Вольтера; Порошинъ удовлетворялъ его любопытство и говорилъ при этомъ, что „есть такія книги, которыя для всякаго состоянія къ просвѣщенію разума необходимы; что въ числѣ такихъ книгъ почитаетъ онъ и сочиненія г. Монтескье и Esprit Гельвеціусовъ; что такихъ книгъ не такъ много, чтобы въ нихъ очесться было можно" [1]). Порошинъ читалъ съ вел. княземъ Генріаду Вольтера и повѣсть его „Задигъ" [2]), стихи гр. Анд. Петр. Шувалова къ Вольтеру и отвѣтъ послѣдняго [3]). А между тѣмъ Порошинъ вовсе не былъ матерьялистомъ. За столомъ вел. князя разсуждали иной разъ о Вольтерѣ и его сочиненіяхъ [4]). Вольтеръ въ глазахъ маленькаго Павла Петровича былъ образецъ великаго писателя: желая съ восторгомъ отозваться о Ломоносовѣ, послѣ только что прослушанныхъ имъ послѣднихъ строфъ въ 5-й одѣ его, вел. князь выразился: „ужесть

[1]) Зап. Порошина, стр. 216—217.
[2]) Тамъ-же, стр. 218, 219, 223 и 274.
[3]) Тамъ-же, стр. 483.
[4]) Тамъ-же, стр. 196.

какъ хорошо! *это нашъ Вольтеръ*" [1]).—Фонъ-Визинъ въ своемъ „Чистосердечномъ признаніи въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ" сообщаетъ намъ нѣсколько весьма интересныхъ свѣдѣній о силѣ матерьялистическихъ идей у насъ въ его времена [2]). Онъ и самъ не свободенъ былъ отъ вліянія этихъ идей: онъ былъ нѣкоторое время „членомъ кощунственнаго общества"; разсужденія одного стараго „безбожника" князя, который не былъ уменъ, по собственнымъ словамъ нашего писателя, смогли однако возбудить въ душѣ его сомнѣнія, сильныя колебанія. А между тѣмъ Фонъ-Визинъ былъ — коренной русскій человѣкъ, съ умомъ здоровымъ и яснымъ, онъ выросъ въ религіозной семьѣ, среди набожныхъ нравовъ и обычаевъ: въ домѣ его родителей „въ каждый церковный праздникъ отправляемо было всенощное служеніе"; за этимъ служеніемъ будущій поэтъ исполнялъ обязанности чтеца [3]). — Вліяніе идей и морали Вольтера можно замѣтить и на поэтическихъ произведеніяхъ Фонъ-Визина, и притомъ даже на произведеніяхъ, относящихся къ періоду зрѣлости его таланта, когда онъ былъ подъ инымъ, сильнымъ и благотворнымъ вліяніемъ, о которомъ будетъ сказано ниже. Между превосходными мелкими статьями, заготовленными Фонъ-Визинымъ для предполагавшагося журнала „Стародумъ или Другъ честныхъ людей" есть переписка Стародума съ Софьей. Софья жалуется на невѣрность Милона, на его увлеченіе презрѣнной женщиной. Стародумъ, въ отвѣтномъ письмѣ, уговариваетъ ее не увлекаться ревностью. „Онъ ищетъ забавы въ объятіяхъ любовницы, говоритъ онъ про Милона, но по прошествіи перваго безумія будетъ онъ искать въ женѣ своей прежняго друга". „Когда почувствуетъ онъ всю свою несправедливость, когда увидитъ, что ты ее не заслуживаешь, *тогда онъ больше тебя любить станетъ. Обыкновенно цѣна здоровья ощущается послѣ болѣзни: равномѣрно несогласія любящихъ дѣлаютъ примиреніе пріятнѣйшимъ*" [4]). Не трудно узнать въ этихъ словахъ мысль Вольтера, высказанную имъ съ циническими шуточками и ироніей въ повѣсти „Вавилонская принцесса", мысль — что измѣна полезна въ супружествѣ, полезна для счастья любящихъ другъ друга людей. Нашъ поэтъ вздумалъ вложить эту мысль въ уста Стародума.... (когда мы увидимъ впослѣдствіи значеніе, смыслъ и происхожденіе этого лица, то намъ еще болѣе страннымъ покажется этотъ поступокъ Фонъ-Визина). — Повѣсти

[1]) Тамъ-же, стр. 469.
[2]) Соч. Фонъ-Визина. Спб. 1866 г., стр. 542 и 547.
[3]) Тамъ-же, стр. 548.
[4]) Тамъ-же, стр. 234 и 236.

Вольтера проникнуты необычайнымъ цинизмомъ. Совсѣмъ не то видимъ мы у Фонъ-Визина: взглядъ его — здоровый взглядъ. И однакожь онъ почелъ нужнымъ въ своемъ „Недорослѣ“ сдѣлать нѣсколько циническихъ выходокъ, которыя и оказываются тамъ совершенно некстати; онъ впрочемъ и самъ это почувствовалъ: эти выходки вы встрѣтите только въ первыхъ сценахъ, въ дальнѣйшемъ теченіи комедіи ихъ нѣтъ; онѣ такъ не вяжутся со всѣмъ строемъ и духомъ произведенія, что ихъ какъ-то даже не замѣтно; сколько я знаю — на нихъ до сихъ поръ не было сдѣлано указанія никѣмъ. Въ 4 явл. I акта Фонъ-Визинъ старается намъ намекнуть, что Митрофанъ — не сынъ Простакова: „Ну, Митрофанушка! ты, я вижу, матушкинъ сынокъ, а не батюшкинъ“, говоритъ Скотининъ. „По крайней мѣрѣ я люблю его, какъ надлежитъ родителю“, замѣчаетъ г. Простаковъ: „иногда я отъ него внѣ себя, отъ радости самъ истинно не вѣрю, что онъ мой сынъ“ [1]). Въ слѣдующемъ явленіи Фонъ-Визинъ идетъ дальше: онъ хочетъ, кажется, показать намъ, что Митрофанъ — сынъ Скотинина; на это дѣлаетъ онъ намекъ, весьма однако неясный: „Странное дѣло, братецъ, говоритъ Простаковъ Скотинину, какъ родня на родню походитъ можетъ! Митрофанушка нашъ весь въ дядю — и онъ до свиней съизмала такой-же охотникъ, какъ и ты“. „Это подлинно диковина!“ отвѣчаетъ Скотининъ [2]). Странная генеалогія Митрофана вовсе не нужна для комедіи, совершенно не вяжется съ ея строемъ, ибо къ характеру г-жи Простаковой вовсе не подходитъ выступающая изъ нея черта — готовность измѣнить мужу и войти въ странную связь со Скотининымъ; да Фонъ-Визинъ въ дальнѣйшемъ ходѣ комедіи ничего подобнаго и не допускаетъ; очевидно — циническіе намеки были просто данью волтерьянству. Другая циническая выходка въ „Недорослѣ“ находится въ 3 явл. того-же I-го акта. Фонъ-Визинъ здѣсь намекаетъ, что г-жа Простакова вышла за-мужъ не безгрѣшной, что, впрочемъ, такъ и осталось неизвѣстнымъ ея мужу, надъ которымъ она за это смѣется, и смѣется даже съ негодованіемъ. Намекъ этотъ сдѣланъ въ такихъ наивно-грубыхъ и простодушныхъ выраженіяхъ, что современный читатель (читатель 18-го вѣка, конечно, былъ болѣе чутокъ на подобныя вещи), современный читатель пройдетъ эти выраженія, не обративъ на нихъ вниманія; но выписать ихъ, послѣ того, какъ указанъ ихъ смыслъ, нѣтъ никакой возможности. — На другомъ нашемъ слав-

[1]) Тамъ-же, стр. 52 и „Недоросль“ изд. подъ ред. г. Стоюнина, 1865 г., стр. 4.

[2]) Соч. Фонъ-Визина, стр. 53 и „Недоросль“ изд. подъ ред. г. Стоюнина, 1865 г., стр. 5.

номъ поэтѣ 18-го столѣтія, на Державинѣ, тоже видно вліяніе мыслей и чувствъ нравственно-больнаго вѣка. Если Фонъ-Визинъ, по нѣкоторому легкомыслію своего характера, отразилъ въ своихъ созданіяхъ пошлую сторону этихъ мыслей и чувствъ, то въ поэзіи Державина отразилась ихъ трагическая сторона. Въ знаменитой, истинно-поэтической одѣ „На смерть кн. Мещерскаго“ поэтъ выражаетъ глубокій ужасъ отъ поразившаго его противорѣчія между безпечно-проводимою среди веселій жизнью и нежданно-пришедшею, въ земныхъ благахъ не нуждающеюся смертью. Изъ этого трагическаго противорѣчія поэтъ могъ найти исходъ лишь въ вѣрѣ въ жизнь и значеніе человѣческаго духа; но вѣра въ духъ и его вѣчность у него и подорвана въ этой одѣ сомнѣніемъ. Гдѣ же духъ умершаго безпечнаго человѣка?

Онъ — тамъ. Гдѣ тамъ? Не знаемъ.
Мы только плачемъ и рыдаемъ.
О, горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!

Безотрадный выводъ изъ безотрадныхъ и мрачныхъ вѣрованій невѣрующаго вѣка! — Подмѣтить вліяніе волтерьянства на Фонъ-Визина и Державина — очень важно: это — новое свидѣтельство о распространенности и силѣ у насъ этого вліянія. Оба названные писателя были личности далеко не дюжинныя: одинъ изъ нихъ смогъ сохранить въ себѣ такое гармоническое равновѣсіе духа, такую здоровую трезвость взгляда, что сдѣлался поэтомъ въ анти-поэтическій вѣкъ всяческихъ шатаній и колебаній жизни: — другой замѣчателенъ по благородству и честности своего личнаго характера, который если не всегда отражался въ его поэзіи, то только благодаря тому обстоятельству, что онъ совершенно не понималъ значенія поэзіи и силы своего высокаго дарованія, лишь изрѣдка прорывавшагося блестящими образами и истинными порывами негодующаго или скорбнаго чувства изъ массы риторически-пустозвонныхъ фразъ.

При низкомъ уровнѣ нравственности въ обществѣ обыкновенно развивается роскошь. Незнаніе высшихъ, духовныхъ наслажденій, соединенное съ разнузданностью страстей, заставляетъ человѣка искать счастья въ изысканной ѣдѣ, въ богатыхъ одеждахъ, въ золотѣ и драгоцѣнныхъ камняхъ. Блестящей внѣшностью и мишурными украшеніями хотятъ прикрыть мракъ душевной пустоты. — Жить роскошно стремились у насъ въ екатерининскія времена всѣ, отъ перваго вельможи до послѣдняго офицера, помѣщика и чиновника. — Кн. Щербатовъ въ своемъ суровомъ „Письмѣ къ вельможамъ-правителямъ государства“, виня вельможъ во многихъ недостаткахъ, между прочимъ

указываетъ и на ихъ роскошную жизнь: „что можетъ сказать народъ, говоритъ онъ [1]), видя ваше сластолюбіе и роскошь, превосходящія ваши доходы?“ — Еще рѣзче и суровѣе говорилъ объ этомъ сластолюбіи Державинъ въ своихъ порою несомнѣнно вдохновенныхъ строфахъ; такъ, въ одной изъ одъ онъ съ слѣдующими словами обращается къ вельможѣ [2]):

А ты, второй Сарданапалъ,
Къ чему стремишь всѣхъ мыслей бѣги?
На то-ль, чтобъ вѣкъ твой протекалъ
Средь игръ, средь праздности и нѣги?
Чтобъ пурпуръ, злато всюду взоръ
Въ твоихъ чертогахъ восхищали,
Картины въ зеркалахъ дышали,
Мусія, мраморъ и фарфоръ?
На то-ль тебѣ пространный свѣтъ,
Простерши раболѣпны длани,
На прихотливый твой обѣдъ
Вкуснѣйшихъ яствъ приноситъ дани,
Токай густое льетъ вино,
Левантъ съ звѣздами кофе жирный, —
Чтобъ не хотѣлъ за трудъ всемірный
Мгновенье бросить ты одно?

И историкъ, и поэтъ, оба были правы въ своихъ упрекахъ: современники-очевидцы сохранили для насъ много свидѣтельствъ о жизни сановниковъ екатерининскаго времени, которыя совершенно подтверждаютъ справедливость этихъ упрековъ. — Кому неизвѣстна роскошь кн. Потемкина, его необычайные пиры, его драгоцѣнныя одежды? На одномъ изъ своихъ праздниковъ онъ появился со шляпою до того усыпанною драгоцѣнными каменьями, что она стала отъ нихъ необычайно тяжелой, такъ что адъютантъ долженъ былъ носить ее за княземъ. У Державина можно найти подробное описаніе этого необыкновеннаго празднества. И въ столицѣ, и въ походѣ, и на поляхъ битвъ Потемкинъ отличался тою-же роскошью: Энгельгардтъ разсказываетъ [3]), что во время Турецкой войны противу Бендеръ за Днѣстромъ князь устроилъ пышный праздникъ въ нарочно для этого вырытыхъ подъ землею комнатахъ; великолѣпная подземельная зала поддерживалась нѣсколькими колоннами и убрана была бархатными диванами „и всѣмъ тѣмъ, что только роскошь можетъ выдумать“. Потемкинъ бралъ съ собою

[1]) Рус. Стар., 1872 г., янв., стр. 5 и 8—9.
[2]) Ода „Вельможа“.
[3]) Зап. Энгельгардта, стр. 89—90.

въ походы труппу комедіантовъ, и около ста лошадей нужно было обыкновенно для его багажа [1]). — И не одинъ Потемкинъ отличался такою роскошью. Когда кн. Гр. Гр. Орловъ отправлялся въ Фокшаны для переговоровъ о мирѣ, то сборы къ его отъѣзду „изумили всѣхъ великолѣпіемъ, разсказываетъ его біографъ [2]): ему было пожаловано множество драгоцѣнныхъ платьевъ, изъ которыхъ одно, осыпанное брилліантами, стоило милліонъ рублей! Назначенная къ нему свита составляла цѣлый дворъ...“ — Графу Безбородко, этому „второму Сарданапалу, утопавшему въ нѣгѣ“, какъ называетъ его Болотовъ [3]), нужны были, по словамъ Грибовскаго [4]), „чрезвычайныя суммы, чтобъ удовлетворить свои прихоти, собрать горы серебра и осыпать себя брилліантами“. — Вице-канцлеръ гр. Остерманъ, по словамъ того-же Грибовскаго [5]), „въ приватной жизни не былъ роскошенъ“; но онъ считалъ однако нужнымъ „въ торжественные дни ко двору и въ Святую недѣлю къ качелямъ выѣзжать въ одномѣстной позолоченной каретѣ съ большими спереди и по сторонамъ стеклами, на 6-ти бѣлыхъ лошадяхъ“; на запяткахъ кареты его стояли роскошно одѣтые гайдуки, а впереди шли скороходы. — Фаворитъ Корсаковъ, выйдя изъ случая, поселился въ своихъ деревняхъ и сталъ давать тамъ такіе пиры, что въ короткое время прожилъ много изъ данныхъ ему на путешествіе денегъ, т. е. прожилъ сотни тысячъ [6]). Еще болѣе роскошную жизнь велъ Зоричъ. „Ни одного не было барина въ Россіи, который бы такъ жилъ, какъ онъ, говоритъ Энгельгардтъ [7]). Шкловъ былъ наполненъ живущими людьми всякаго рода, званія и націй; многіе были родственники и прежніе сослуживцы Зорича, когда онъ служилъ маіоромъ въ гусарскомъ полку, и жили на его совершенномъ иждивеніи; затѣмъ отставные штабъ и оберъ-офицеры, неимѣющіе пріюта, игроки, авантюристы всякаго рода, иностранцы, французы, итальянцы, нѣмцы, сербы, греки, молдаване, турки, словомъ — всякій сбродъ и побродяги; всѣхъ онъ ласково принималъ, столъ былъ для всѣхъ открытъ“. Вслѣдствіе подобнаго рода жизни Зоричъ, не смотря на свои громадные доходы, вошелъ въ неоплатные долги. — Угощать у себя постоянно цѣлыя толпы гостей, часто неизвѣстныхъ хозяину, было въ обы-

[1]) Зап. Храповицкаго, 7-го авг. 1790 г.
[2]) Рус. Арх., 1873 г., № 2, „Кн. Орловъ“, стр. 80—81.
[3]) Анекдоты Болотова (Рус. Арх., 1864 г., изд. 2-е), стр. 720—722.
[4]) Зап. Грибовскаго, стр. 11—12.
[5]) Тамъ-же, стр. 7—10.
[6]) Зап. Энгельгардта, стр. 11.
[7]) Тамъ-же, стр. 24.

чаѣ у многихъ вельможъ: „люди праздные, ведущіе холостую жизнь, затруднялись только избраніемъ, у кого обѣдать или проводить съ пріятностію вечеръ“, разсказываетъ Энгельгардтъ [1]). — Французскій посолъ гр. Сегюръ удивлялся [2]) роскошной жизни русскихъ вельможъ и вообще дворянства, ихъ именинамъ торжествамъ, многочисленности ихъ прислуги, „тщеславному“ обычаю ѣздить въ каретѣ въ четыре или шесть лошадей, смотря по чину. Въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ [3]), описывая балъ и ужинъ, данные въ честь императрицы Шереметевымъ въ его подмосковной деревнѣ, онъ говоритъ: „никогда я не видывалъ такого множества золотыхъ и серебренныхъ сосудовъ, столько фарфора, мрамора и порфира. Наконецъ (что многимъ покажется невѣроятнымъ) весь хрусталь на столѣ на 100 приборовъ былъ изукрашенъ и осыпанъ дорогими каменьями, всѣхъ цвѣтовъ и родовъ и самой высокой цѣны. Такъ-то, заключаетъ умный иностранецъ, русскіе вельможи, лишь только вступили на путь просвѣщенія, какъ уже начали подражать патриціямъ Рима; въ то время въ Москвѣ можно было встрѣтить не одного Лукулла“. — Князь Щербатовъ свидѣтельствуетъ [4]), что Потемкинъ, будучи въ ѣдѣ „прихотливъ и даже обжорливъ“, увеличилъ роскошь стола при дворѣ; а затѣмъ изъ угожденія Потемкину вездѣ стали умножать великолѣпіе въ столахъ. Чего стоило подобное великолѣпіе — можно видѣть изъ словъ Грибовскаго [5]): столъ гр. Пл. А. Зубова, гр. Н. И. Салтыкова и гр. Браницкой стоилъ придворной конторѣ по 400 рублей въ день, кромѣ напитковъ, которые, съ чаемъ, кофеемъ и шоколадомъ, стоили не менѣе половинной противъ стола суммы“. Положимъ, что тутъ много воровали, но все-таки цифра издержекъ оказывается очень велика. — Огромныя суммы тратились еще вельможами на азартныя игры, которыя велись, по свидѣтельству Карабанова [6]), въ домахъ Орлова, Потемкина и другихъ вельможъ. — Вслѣдъ за вельможами вели роскошную, изнѣженную жизнь и гвардейскіе офицеры. Каждый изъ нихъ, напр., по обычаю, долженъ былъ имѣть для своихъ разъѣздовъ карету. Державинъ разсказываетъ [7]), что онъ былъ очень бѣденъ; но, будучи произведенъ изъ сержантовъ въ офицеры, кое-какъ, занявъ небольшую сумму, ку-

[1]) Тамъ-же, стр. 38.
[2]) Зап. гр. Сегюра, стр. 34.
[3]) Тамъ-же, стр. 236.
[4]) Рус. Стар., 1871 г., іюнь, „О поврежд. нравовъ“, стр. 681.
[5]) Зап. Грибовскаго, стр. 5.
[6]) Рус. Стар. 1872 г., № 4, Анекд. Караб., стр. 678.
[7]) Зап. Державина (Соч. т. VI), стр. 460.

шилъ „ветхую каретишку“, и такимъ образомъ „исправился всѣмъ *нужнымъ*“. Болотовъ говоритъ про гвардейскихъ генераловъ, что „не было почти дня, въ который бы не виданы они были въ мундирахъ разныхъ“. Генераламъ подражали и офицеры. Они носили попеременно то мундиръ, то статское платье „разныхъ цвѣтовъ и пышнѣйшее предъ мундирами“ [1]). Самые мундиры шились не по формѣ, а были „разнополые и петиметрскіе“ [2]). Мы узнаемъ отъ Болотова [3]), какъ дорого обходилась жизнь гвардейскому офицеру: офицеръ долженъ былъ держать по крайней мѣрѣ 4 лошади, дорогую карету, которая должна была черезъ 2 или 3 года мѣняться; долженъ былъ имѣть много мундировъ и иной одежды: фраковъ, дорогихъ жилетовъ, сюртуковъ и плащей, „великой цѣны стоющихъ шубъ“, муфтъ, шелковыхъ чулокъ, башмаковъ, сапоговъ, шляпъ и проч.; долженъ былъ держать хорошую квартиру, „негнусный столъ“, многихъ служителей, егеря или гусара облитаго золотомъ и серебромъ (одежда котораго стоила нѣсколько сотъ рублей); требовалось и множество другихъ вещей. За богатыми тянулись, „не хотѣвшіе навлечь на себя чрезъ то презрѣнія“, и люди не такъ богатые, входившіе такимъ образомъ въ неоплатные долги. „Всѣмъ извѣстно, заключаетъ Болотовъ [4]), что ничто все благородное россійское юношество такъ много не портило какъ гвардія: въ ней-то служа дѣлались они и повѣсами, и шалунами, и мотами, и расточителями имѣнія своего, и буянами, и негодяями; словомъ, гвардейская служба, въ которой утопали они только въ роскошахъ и безпутствахъ, была для нихъ сущимъ ядомъ и отравою“. Дворянъ, сержантовъ, унтеръ-офицеровъ и офицеровъ, въ гвардіи было очень много [5]); освоившись въ столицѣ съ роскошью и безпутствомъ, они разносили ихъ, выходя изъ гвардіи въ армію или въ отставку, по армейскимъ полкамъ, по деревнямъ и городамъ. — 18-й вѣкъ былъ вѣкъ всякихъ празднествъ, фейерверковъ, декоративныхъ украшеній и всякихъ увеселеній. Часто случалось, что въ полкахъ все лагерное время уходило у солдатъ вмѣсто ученія на приготовленіе иллюминацій, которыми и наслаждались потомъ дѣлающіе смотры генералы и ихъ супруги [6]). — Всѣмъ извѣстны тѣ декоративныя представленія, которыя сопровождали императрицу во время ея таврическаго пути-

[1]) Рус. Арх. 1864 (изд. 2-е, 1866 г.) «Анекд. Болот.», стр. 734 и 656.
[2]) Тамъ-же, стр. 694.
[3]) Тамъ-же, стр. 658—661.
[4]) Тамъ-же, стр. 746.
[5]) Тамъ-же, стр. 708—712.
[6]) Зап. Энгельгардта, стр. 47—48.

шествія, когда устраивались на пути ея иллюминаціи на 50 верстъ въ-окружности, громадные фейерверки, воздвигались дворцы на болотахъ, разводились на время среди степей парки [1]). — Отъ погруженной въ роскошную жизнь гвардіи не отставали и помѣщики, жившіе въ своихъ деревняхъ. Заимствовавъ изъ чужихъ земель „изящный вкусъ", многіе изъ нихъ (по свидѣтельству Добрынина) [2]) заводили въ своихъ имѣніяхъ капельмейстеровъ, балетмейстеровъ, шталмейстеровъ, гофмейстеровъ, душистыя помады, шампанскія, венгерскія, бургонскія и англійскія вина, „кои нерѣдко (по выраженію остроумнаго секретаря сѣвскаго архіерея) бывали очень яснымъ таинствомъ плоти и крови измученныхъ крестьянъ". Обыкновенно подобные, до „изящнаго вкуса" дошедшіе помѣщики забрасывали свое хозяйство и начинали чувствовать презрѣніе къ „русскимъ бездѣлкамъ", вродѣ хлѣба, домашняго холста, воску, меду и т. п. — Общество провинціальныхъ городовъ старалось не уступать въ роскоши обществу столичному. Во время своего путешествія въ Крымъ императрица въ Смоленскѣ дала балъ; на этомъ балу, разсказываетъ Сегюръ [3]), „было до 300 дамъ въ богатыхъ нарядахъ; онѣ показали намъ, до какой степени внутри имперіи дошло подражаніе роскоши, модамъ и пріемамъ, которые встрѣчаешь при блистательныхъ дворахъ европейскихъ". Смоленскія дамы думали, вѣроятно, что произвели пріятное впечатлѣніе на иностранныхъ пословъ своими европейскими модными и роскошными нарядами; но онѣ ошиблись: „наружность во всемъ выражала образованіе, замѣчаетъ умный иностранецъ; но за этимъ легкимъ покровомъ внимательный наблюдатель могъ легко открыть слѣды старобытной Московіи". — До какой степени всѣ слои общества были проникнуты стремленіемъ къ роскоши, можно видѣть, напримѣръ, изъ словъ Болотова [4]): „всѣ, говоритъ онъ, не только знатные и богатые, но и самаго посредственнаго состоянія люди, восхотѣли ѣсть на серебрѣ; и всѣ затѣвали дѣлать себѣ серебренные столовые сервизы". Съ этимъ совершенно согласуется свидѣтельство Порошина [5]) „о худой у насъ въ партикулярныхъ домахъ экономіи". — Роскошь приводила къ неоплатнымъ долгамъ: „какъ у двора, такъ и въ столицѣ никто безъ долгу не живетъ, для того чаще всѣхъ спрягается глаголъ *быть должнымъ*", говоритъ Фонъ-Визинъ въ „Придворной грамматикѣ"; глаголъ этотъ не спрягается въ прошедшемъ времени, „ибо никто долговъ своихъ не платитъ". — Роскошь считалась такою необходимостью, что правительствомъ посланы были каждому государеву намѣстнику, „для великолѣпія и украшенія", серебренные столовые сервизы [1]). Отправленіе чиновниками должностей сопровождалось особаго рода пышными, декоративными церемоніями. Такъ, напр., генералъ-губернаторъ Бѣлоруссіи (по свидѣтельству Добрынина) [2]) шелъ обыкновенно въ присутствіе въ намѣстническое правленіе — предшествуемый и сопровождаемый чиновниками и знатнѣйшимъ „шляхетствомъ" губерніи, пажами и швейцарами. Съ соотвѣтственнымъ великолѣпіемъ шли въ должность и низшіе чины. Эта декоративная торжественность такъ казалась необходимой въ 18-мъ вѣкѣ, что объ уничтоженіи ея (съ 1797 г.) сожалѣетъ Добрынинъ, не смотря на его сильный и скептическій умъ: мнѣ, уже совѣтнику, говоритъ онъ, приходилось смѣшиваться на лѣстницѣ въ присутствіе съ заслуженными инвалидами, съ криминальными преступниками; эта пестрота и равенство меня забавляли; „но порядокъ всегда оскорбляется тамъ, гдѣ шутки не кстати".

Страсть общества къ роскоши поддерживала невѣжество; невѣжество способствовало развитію роскоши. — Но для роскошной, веселой жизни въ свое удовольствіе нужны были большія средства, большія деньги. Откуда достать ихъ?—При отсутствіи твердыхъ нравственныхъ правилъ, общество не затруднялось находить источники богатствъ. Служба и владѣніе крестьянами были двумя неизсякаемыми родниками всякихъ благъ.

Картина службы и служебнаго сословія въ екатерининскія времена представляетъ безотрадное зрѣлище. Дѣла дѣлались плохо и медленно; правый судъ былъ явленіемъ рѣдкимъ; законы находились въ пренебреженіи. Господствовалъ надо всѣмъ произволъ, да процвѣтали казнокрадство и взяточничество. — Кн. Щербатовъ въ своемъ, не разъ упомянутомъ мною, „Письмѣ къ вельможамъ-правителямъ государства" [3]) обращается къ сановникамъ блестящаго вѣка съ такими словами: „вижу нынѣ вами народъ утѣсненный, законы въ ничтожность приведенные; имѣніе и жизнь гражданскую въ неподлинности; гордостію и жестокостію вашею лишенныя души ихъ бодрости, и имя свободы гражданской тщетнымъ учинившееся и даже отнятія

[1]) Зап. гр. Сегюра, стр. 142, 184—185, 192—194, 227—228, 238. — Зап. Грибовскаго, стр. 36—37.

[2]) Зап. Добрынина, стр. 104—105.

[3]) Зап. гр. Сегюра, стр. 146.

[4]) Рус. Арх. 1864 г., изд. 2-е (1866) Анекд. Болотова, стр. 701—703.

[5]) Зап. Порошина, стр. 147.

[1]) Рус. Стар. 1870 г., № 10, Зап. Рунича, стр. 308.

[2]) Зап. Добрынина, стр. 202—203.

[3]) Рус. Стар. 1872 г., январь.

смѣлости страждущему жалобы приносить". „Чѣмъ вы воздадите народу, коего сокровища служатъ къ обогащенію вашему?" „Что онъ скажетъ, видя ваше уваженіе ко всѣмъ богатымъ людямъ, видя похлебства ваши ко зловреднымъ откупщикамъ?" „Едва вы входите въ начальство, уже несмышленная родня ваша важныя мѣста получаетъ".— Съ такими же горькими упреками, какъ кн. Щербатовъ, обращается къ вельможамъ и Державинъ:

Кумиръ, поставленный въ позоръ,

говоритъ онъ въ одѣ „Вельможа":

Несмысленную чернь прельщаетъ;
Но коль художниковъ въ немъ взоръ
Прямыхъ красотъ не ощущаетъ:
Се образъ ложныя молвы,
Се глыба грязи позлащенной!
И вы, безъ благости душевной,
Не всѣ-ль, вельможи, таковы?

Рисуя роскошную жизнь вельможи, говоря объ его великолѣпныхъ палатахъ, изысканномъ столѣ, о снѣ до полудня, поэтъ прибавляетъ:

А тамъ израненный герой,
Какъ лунь во браняхъ посѣдѣвшій,
Начальникъ прежде бывшій твой,
Въ переднюю къ тебѣ пришедшій
Принять по службѣ твой приказъ, —
Межь челядью твоей златою,
Поникнувъ лавровой главою,
Сидитъ и ждетъ тебя ужь часъ!

А тамъ — вдова стоитъ въ сѣняхъ
И горьки слезы проливаетъ,
Съ грудным младенцемъ на рукахъ
Покрова твоего желаетъ:
За выгоды твои, за честь
Она лишилася супруга.....
. . . . . .
Проснися, сибаритъ! Ты спишь
Иль только въ сладкой нѣгѣ дремлешь,
Несчастныхъ голосу не внемлешь
И въ развращенномъ сердцѣ мнишь:

Мнѣ мигъ покоя моего
Пріятнѣй, чѣмъ въ исторьи вѣки;
Жить для себя лишь одного,
Лишь радостей умѣть пить рѣки,
Лишь вѣтромъ плыть, гнесть чернь ярмомъ,
Стыдъ, совѣсть — слабыхъ душъ тревога!
Нѣтъ добродѣтели! нѣтъ Бога!

Ни историкъ, ни поэтъ ничего не преувеличили въ своихъ упрекахъ вельможамъ; мало того, — слова ихъ могли быть обращены не къ однимъ вельможамъ..... Самовластный произволъ царилъ въ обществѣ: попиралъ законы и дѣйствовалъ по своей волѣ всякій, кому только представлялась для этого возможность, всякій, начиная отъ высшаго сановника и кончая послѣднимъ офицеромъ или секретаремъ.— Генералъ-прокуроръ кн. Вяземскій, напр., скрывалъ отъ императрицы настоящую цифру государственныхъ доходовъ; онъ раздавалъ жалованья и пенсіоны — кому хотѣлъ, безъ высочайшихъ указовъ; онъ давалъ чины откупщикамъ и даже служащимъ у нихъ конторщикамъ и письмоводителямъ [1]). Знаменитый сподвижникъ Петра Великаго — Меньшиковъ тоже не отличался честностью; но онъ былъ человѣкъ способный, — и Петръ щадилъ его умную голову. Совсѣмъ не то кн. Вяземскій: онъ не могъ похвалиться ни умомъ, ни особыми заслугами или талантами, — это былъ просто человѣкъ „случайный" [2]). — И другіе сановники не менѣе кн. Вяземскаго поступали самовластно. „Екатерина никогда не дѣйствовала такъ произвольно, какъ ея министры", говоритъ гр. Сегюръ [3]). По свидѣтельству статсъ-секретаря Екатерины Грибовскаго [4]), гр. Безбородко и Поповъ раздавали чины и мѣста черезъ протекцію своихъ любовницъ. — Орденами награждали также произвольно. У Карабанова [5]) есть интересный анекдотъ о Суворовѣ: „для чего ты не прислалъ котораго нибудь изъ сыновей подъ Варшаву за Георгіемъ крестомъ?" спросилъ однажды великій полководецъ кн. Голицына за столомъ императрицы. „Они даромъ получили", прибавилъ онъ, указывая на многихъ придворныхъ, похвалявшихся своими подвигами. Но, говоря это, великій полководецъ не зналъ, что его собственная канцелярія торговала наградами [6]).— Вельможи, говоритъ Радищевъ въ своемъ „Житіи Ушакова" [7]), „осаждая непрестанно престолъ царскій, претятъ проникнуть до него достоинству". Державинъ разсказомъ о своей жизни свидѣтельствуетъ,

---

[1]) Зап. Державина (Соч. т. VI), стр. 556—558, 603. — Зап. Добрынина, стр. 148.

[2]) Зап. Порошина, стр. 505 (Отзывъ Н. И. Панина о кн. Вяземскомъ).—Рус. Стар. 1872 г., № 5, Анекд. Карабанова, стр. 767 (Споръ П. И. Панина съ кн. Вяземскимъ).

[3]) Зап. гр. Сегюра, стр. 116—117.

[4]) Зап. Грибовскаго, стр. 14—15, 21—22.

[5]) Рус. Стар. 1872 г., № 5, стр. 769—770.

[6]) Зап. Энгельгардта, стр. 143.

[7]) Осмнадц. вѣкъ, кн. I, (изд. 2-е, 1869 г.), стр. 188.

что они не допускали до престола и истину [1]).— Вслѣдъ за вельможами произвольно и самовластно дѣйствовали и менѣе сильныя лица. Генералъ-губернаторы, напр., раздавали мѣста своимъ родственникамъ, друзьямъ, карточнымъ партнерамъ и пріятелямъ этихъ послѣднихъ. Свои предписанія, иногда противорѣчащія законамъ, они возводили въ законъ для своихъ подчиненныхъ [2]). Руничь говоритъ [3]), что подъ вліяніемъ произвола намѣстниковъ и ихъ фаворитокъ потеряли смыслъ и значеніе дворянскіе выборы.—Самовластно поступали и мелкіе люди, когда обстоятельства давали имъ въ руки власть; а это случалось, при тогдашнемъ порядкѣ вещей, часто. Добрынинъ разсказываетъ [4]), напр., про секретаря Бѣлорусскаго губернатора, Алѣевцева, что онъ производилъ въ чины кого хотѣлъ, даже черезъ чинъ, раздавалъ мѣста по своей волѣ; онъ всегда носилъ въ карманѣ подписанные ордера на секретарскіе чины и на таможенныя должности, которые, смотря по мѣрѣ пользы, употреблялъ въ дѣло, или уничтожалъ. „Жаловаться на него, говоритъ Добрынинъ, никому не полезно. Губернаторъ самъ говоритъ, что Алѣевцевъ огорчитъ его единожды, а десять разъ ему надобенъ“. Онъ былъ такъ необходимъ всѣмъ чиновникамъ, что когда запивалъ, то привратникъ его Данилка бралъ за пропускъ къ нему 25 рублей. Добрынинъ видѣлъ разъ вице-губернатора ведущимъ переговоры съ Данилкой. Алѣевцевъ былъ, конечно, не исключительная личность: *секретарь* вообще игралъ въ екатерининскія времена весьма большую роль, ибо онъ одинъ дѣлалъ дѣло и отъ него все почти зависѣло.—Своеволіе процвѣтало и въ полкахъ: „солдатами помыкали офицеры (говоритъ въ своихъ запискахъ Н. И. Гречь [5]) какъ крѣпостными людьми и наряжали ихъ въ частную службу“.—Согласно со всѣмъ этимъ произволомъ, всѣ имѣвшіе власть въ рукахъ отличались непомѣрнымъ тщеславіемъ, гордостью; всѣ въ данную минуту власти не имѣющіе унижались, низко кланялись и заискивали. До какой степени развито было у вельможъ тщеславіе, можно видѣть напр. изъ того, что даже Пет. Ив. Панинъ, несомнѣнно одинъ изъ лучшихъ людей екатерининскихъ временъ, выходилъ къ дожидавшимся его въ пріемной галлереѣ штабъ и оберъ-офицерамъ въ атласномъ широкомъ шлафрокѣ, во французскомъ большомъ колпакѣ,

[1]) Зап. Державина (Соч. т. VI), стр. 597.
[2]) Тамъ-же, стр. 563, 567—577.—Зап. Добрынина, стр. 229—244, 266—267.
[3]) Зап. Рунича, Рус. Стар. 1870 г. № 10, стр. 370.
[4]) Зап. Добрынина, стр. 159 и 177.
[5]) Зап. Н. И. Греча (Рус. Арх. 1873 г. № 3), стр. 325.

перевязанномъ розовыми лентами; случалось, что прежде, чѣмъ заговорить съ кѣмъ-либо, онъ прохаживался въ этомъ нарядѣ вдоль пріемной галлереи предъ глазами дожидавшейся толпы [1]). И. И. Дмитріевъ съ удивленіемъ разсказываетъ, какъ о замѣчательномъ проявленіи простодушія и добраго сердца Державина, о томъ, что послѣдній, будучи уже вельможей, зашелъ однажды къ старому своему знакомому, купеческому сыну Осокину. Этотъ Осокинъ въ прежнія времена приглашалъ Державина, когда тотъ былъ лишь капраломъ, къ себѣ на пирушки, помогалъ ему въ нуждѣ и нерѣдко ссужалъ его деньгами. Дмитріевъ говоритъ, что и Осокинъ изумился и оторопѣлъ [2]),— такъ необыкновенно было отсутствіе въ этомъ вельможѣ тщеславія.— Во вторую турецкую войну Румянцевъ просилъ у императрицы увольненія отъ службы. Назначенный главнокомандующимъ обѣихъ армій, Потемкинъ только разъ посѣтилъ, прибывъ въ Яссы, отставнаго фельдмаршала. И вотъ, остальные генералы, изъ угожденія временщику, „изъ подлости и раболѣпства“ (по выраженію Энгельгардта, родственника Потемкина) тоже рѣдко навѣщали престарѣлаго полководца, да и то немногіе: большая часть совсѣмъ не бывала у него. Одинъ только Суворовъ оказывалъ ему прежнее уваженіе [3]).—Самоуниженіе и низкопоклонство особенно рѣзко бросаются намъ въ глаза въ Сенатѣ екатерининскихъ временъ: „Сенатъ, говоритъ Державинъ [4]), доведенъ, можно выговорить, до крайняго униженія или презрѣнія“. „Большинство голосовъ въ Сенатѣ, свидѣтельствуетъ Лопухинъ [5]), давно уже сдѣлалось однимъ только отголоскомъ генералъ-прокурора. Согласенъ съ предложеніемъ его превосходительства, или сіятельства, или свѣтлости, только почти и слышится и пишется въ общихъ собраніяхъ онаго“. Таковъ былъ вѣкъ, что въ люди выходили путемъ прислуживанья и лести. Заискивали, конечно, не только въ самихъ сильныхъ лицахъ, заискивали въ ихъ женахъ, любовницахъ. Явились въ обществѣ вліятельныя женщины, отъ которыхъ зависѣло многое: полученіе мѣста, повышеніе въ чинѣ и т. д. Объ одной такой женщинѣ, „никогда не встрѣчавшейся съ противорѣчіемъ“, объ М. П. Нарышкиной, разсказываетъ въ своихъ анекдотахъ Карабановъ [6]).—Но нигдѣ,

[1]) Зап. Державина (Соч. т. VI), стр. 515, 516.
[2]) Зап. И. И. Дмитріева, стр. 67 — 68.
[3]) Зап. Энгельгардта, стр. 81 — 82. См. у него-же (стр. 136) разсказъ о докторахъ.
[4]) Зап. Державина (Соч. т. VI), стр. 668.
[5]) Зап. Лопухина, стр. 65.
[6]) Рус. Стар. 1872 г. № 5, Анекд. Караб., стр 769.

можетъ быть, ни въ какой сферѣ жизни тщеславіе и самоуниженіе, гордость и лесть такъ не разыгрывались, какъ при дворѣ. Фонъ-Визинъ ничего не преувеличилъ въ своей знаменитой „Придворной грамматикѣ“. Самое интересное свидѣтельство о томъ, какъ умѣли приближенные Екатерины примѣнять къ жизни „придворную науку“, какъ льстили они императрицѣ, находимъ мы въ запискахъ Храповицкаго. Статсъ-секретарь Екатерины самъ, съ свойственною людямъ 18-го вѣка наивностью, откровенно разсказываетъ, не называя только предметовъ ихъ собственными именами, какъ пользовался онъ всякимъ случаемъ—польстить императрицѣ, ловилъ эти случаи [1]). Гр. Сегюръ свидѣтельствуетъ [2]), что императрицѣ льстили всѣ ея главнѣйшіе министры: „желаніе и необходимость угождать государынѣ, говоритъ онъ, пріучили ихъ сообразовать свое поведеніе съ ея намѣреніями и показывать ей, что они въ политикѣ, какъ и во всемъ другомъ, раздѣляютъ ея мнѣнія“. Должно замѣтить, что этотъ отзывъ французскаго посла о русскихъ министрахъ не относится къ гр. Н. И. Панину, котораго онъ глубоко уважалъ. Какъ-бы въ подтвержденіе словъ гр. Сегюра, у Грибовскаго [3]) встрѣчаемъ мы разсказъ о томъ, что гр Безбородко и другіе (къ сожалѣнію, эти другіе не названы), входя къ императрицѣ съ докладомъ, клали передъ нею земной поклонъ. Всякій разъ, когда при дворѣ падало значеніе какого-нибудь лица, хотябы даже фаворита, всѣ отъ него отворачивались грубо и рѣзко; съ возвращеніемъ этого значенія всѣ опять передъ нимъ преклонялись. Такъ дѣйствовали придворные, напр., относительно Потемкина, и не разъ [4]), относительно Дмитріева-Мамонова, когда онъ женился [5]). Гр. Н. И. Панинъ отзывался о придворныхъ, что они „обыкновенно такими глазами на все смотрятъ, какими и государи, и тамъ видятъ бѣлизну, гдѣ государи ее видятъ, хотя бы въ самомъ дѣлѣ и тѣни ея тутъ не бывало“ [6]). Однажды Порошинъ, воспитатель Павла Петровича, отвѣтилъ своему воспитаннику на увѣренія въ „непремѣнной дружбѣ“ просьбою не разсказывать никому объ этой дружбѣ [7]); Порошинъ боялся зависти и интригъ,—и онъ не ошибся: его успѣли-таки разстроить съ

[1]) Зап. Храповицкаго, 18 іюня 1788 г.; 7 мар. и 1 дек. 1789 г.; 30 марта 1793 г.
[2]) Зап. гр. Сегюра, стр. 52 — 53.
[3]) Зап. Грибовскаго, стр. 28 — 29.
[4]) Зап. Энгельгардта, стр. 30 — 32 и Зап. гр. Сегюра, стр. 120 121.
[5]) Зап. гр. Сегюра, стр. 366.
[6]) Зап. Порошина, стр. 453 — 454.
[7]) Тамъ-же, стр. 431.

вел. княземъ [1]). Державинъ разсказываетъ про себя, что, когда его заподозрили въ якобинствѣ, отъ него всѣ при дворѣ начали отвертываться, съ нимъ не хотѣли, буквально, говорить, такъ что онъ не могъ даже скоро и узнать, за что на него обрушилась немилость [2]). Гр. Алексѣй Орловъ, такъ хорошо знавшій дворъ Екатерины, когда Лопухинъ сообщилъ ему о своемъ оправданіи въ новиковскомъ дѣлѣ, не хотѣлъ вѣрить, чтобы у Лопухина не было при дворѣ сильной партіи [3]),—такъ казалось ему невозможнымъ правильное рѣшеніе дѣла, рѣшеніе помимо интригъ, произвола и заискиваній.— Изъ всего предъидущаго можно сдѣлать то общее заключеніе, что служба въ 18 вѣкѣ была прислуживаньемъ, службою лицамъ, а не дѣлу. Тяжелѣй всего въ такихъ обстоятельствахъ было, конечно, просителямъ, челобитчикамъ: разсчитывать на правильный ходъ дѣлъ они, разумѣется, никакъ не могли. „Большая часть просителей, говоритъ Радищевъ [4]), думаютъ, и нерѣдко справедливо, что для достиженія своей цѣли нужна пріязнь всѣхъ тѣхъ, кто хотя мизинцомъ до дѣла ихъ касается; и для того употребляютъ ласки, лесть, ласкательство, дары, угожденіе и все, что вздумать можно, не только къ самому тому, отъ кого исполненіе просьбы ихъ зависитъ, но ко всѣмъ его приближеннымъ, какъ-то: къ секретарю его, къ секретарю его секретаря, если у него оный есть, къ писцамъ, сторожамъ, лакеямъ, любовницамъ, и если собака тутъ случится, то и ту погладить не пропустятъ“.

Если служба была службою лицамъ, а не дѣлу, то, разумѣется, дѣла шли плохо. Гр. Сегюръ назвалъ Россію страною, „гдѣ все начинаютъ и ничего не оканчиваютъ“ [5]). Храповицкій передаетъ намъ отзывъ императрицы о вельможахъ, что они любятъ начальствовать, веселиться, а въ дѣлахъ полагаются на своихъ секретарей, работаютъ же сами только тогда, когда она ихъ заставитъ работать [6]). Добрынинъ, характеризуя въ своихъ запискахъ Москву, замѣчаетъ между прочимъ: „тамъ подпора отечества занимается съ вечера до утра важными пустяками, названными игрою, и за игру вызываетъ на поединокъ, а отъ восхожденія до захожденія солнца спятъ“ [7]). Болотовъ, разсказывая

[1]) Тамъ-же, стр. 511, 513 — 514, 526, 553 — 554.
[2]) Зап. Державина, (Соч. т. VI), стр. 695 — 696.
[3]) Зап. Лопухина, стр. 50.
[4]) Осмнадц. вѣкъ кн. I, (изд. 2-е 1869 г.) „Житіе Ушакова“, стр. 189.
[5]) Зап. гр. Сегюра, стр. 99 — 100.
[6]) Зап. Храповицкаго, 17 нояб. 1788 г., 7 янв. 1789 г.
[7]) Зап. Добрынина, стр. 260.

о первыхъ дняхъ правленія Павла[1]), свидѣтельствуетъ, что дѣла въ присутственныхъ мѣстахъ шли въ царствованіе покойной императрицы страшно медленно; эту медленность, говоритъ онъ, государь „приписывалъ нерадивости присутствующихъ, позднимъ ихъ въ суды и приказы пріѣздамъ и невхожденію самихъ ихъ во всю точность дѣлъ, но препорученіе всѣхъ оныхъ секретарямъ и оберъ-секретарямъ". Сенатъ былъ заваленъ такимъ множествомъ дѣлъ и производство ихъ происходило такъ медленно, что не было никому почти способа дождаться рѣшенія тяжбы; плуты этимъ пользовались, и переносили свои дѣла аппелляціями въ сенатъ, „ибо удостовѣрены были въ томъ, что нужно было только какому дѣлу попасться въ сенатъ, какъ и пошло оно на безконечные вѣка". Многіе сенаторы ничего въ дѣлахъ не понимали; большинство ихъ отличалось небрежностью къ службѣ: въ должность пріѣзжали рѣдко, и то на часъ, на два; были и такіе, которые въ сенатъ не заглядывали по пяти лѣтъ. Добрынинъ въ своихъ остроумныхъ запискахъ утверждаетъ, что изъ всѣхъ служащихъ чиновниковъ только десятая часть служитъ съ пользою, да еще десятая часть — терпима, остальныя же восемь частей никуда не годятся[2]).—Съ медленнымъ теченіемъ дѣлъ, съ ихъ запутанностью совершенно гармонировалъ языкъ дѣловыхъ бумагъ, „запутанный и варварскій"[3]).—До какихъ размѣровъ доходили дѣла и какъ долго они производились, можно видѣть, напр., изъ дѣла сибирскаго генералъ-губернатора Якобія: „второй департаментъ сената занимался имъ, говоритъ Державинъ[4]), поутру и послѣ обѣда, оставя прочія производства, всего болѣе 7 лѣтъ. Привезено оно въ Царское Село въ 3 кибиткахъ, нагруженныхъ съ-верху до-низу бумагами". Экстрактъ сената изъ этого дѣла состоялъ изъ 3,000 листовъ; Державинъ цѣлый годъ имъ занимался, и изъ сенатскаго экстракта составилъ сокращенный экстрактъ въ 250 листовъ.—Не менѣе дурно, чѣмъ въ статской службѣ, дѣлались дѣла и въ службѣ военной. По отзыву Энгельгардта[5]), гвардейскіе офицеры были болѣе придворные, чѣмъ фронтовые офицеры. Павелъ, вступя на престолъ, назвалъ ихъ „тунеядцами"[6]). Державинъ разсказываетъ[7]) интересный случай, характеризующій очень хорошо ихъ служебныя познанія: въ той ротѣ, въ которой былъ онъ фельдфебелемъ въ 1771 году, ни одинъ офицеръ не зналъ команды, и рота не могла поэтому двинуться въ лагерь: пришлось учиться „военнымъ движеніямъ" у солдатъ, переведенныхъ изъ армейскихъ полковъ. Такъ дѣлались дѣла въ гвардіи; они были не блестящи и въ арміи. Дисциплина русской арміи и обученіе ея были въ небрежности, говоритъ гр. Сегюръ[1]); и едва ли онъ преувеличиваетъ: мы видѣли выше, что полковые командиры иногда вмѣсто ученья заставляли солдатъ приготовлять иллюминаціи и фейерверки, что офицеры занимали ихъ своими частными дѣлами. — При такомъ исполненіи служащими лицами своихъ обязанностей, при такомъ взглядѣ на эти обязанности, не мудрено, что были возможны событія вродѣ происшедшаго въ Москвѣ, когда начался тамъ мятежъ по случаю моровой язвы: главнокомандующій Москвы фельдмаршалъ гр. Петръ Сем. Салтыковъ уѣхалъ изъ города; съ нимъ вмѣстѣ уѣхалъ и бывшій тогда въ Москвѣ оберъ-полиціймейстеромъ Н. М. Бахметьевъ[2]). Мало того: „главною причиною распространенія той смертной болѣзни, народнаго отвращенія къ карантинамъ и послѣдовавшаго смятенія", по словамъ донесенія Григ. Орлова, были „попущенія частныхъ смотрителей и грабежъ ихъ въ зараженныхъ домахъ"[3]). Императрица Екатерина никогда не могла ни въ чемъ положиться на своихъ чиновниковъ; она это порой сознавала: въ критическія минуты она вызывала къ дѣятельности лицъ находившихся не удѣлъ.

Что касается до отправленія правосудія, то можно сказать, что судъ блестящаго вѣка не былъ судомъ нелицепріятнымъ и неподкупнымъ. Въ Сенатѣ, въ залѣ общаго собранія, разсказываетъ Державинъ[4]), между прочими фигурами былъ барельефъ: Истина нагая; „когда изготовлена была та зала и генералъ-прокуроръ кн. Вяземскій осматривалъ оную, то увидѣвъ обнаженную Истину, сказалъ экзекутору: вели ее, братъ, нѣсколько прикрыть! И подлинно, прибавляетъ поэтъ: съ тѣхъ почти поръ стали отчасу болѣе прикрывать правду въ правительствѣ".—„Русскіе законы, говоритъ гр. Сегюръ[5]), представляли хаосъ.... судьи, не имѣя ни правилъ, ни началъ, которыми бы могли руководствоваться, судили произвольно". Прославляя Екатерину, французскій посолъ замѣчаетъ[6]), что послѣ ея преобразованій суды стали

[1]) Рус. Арх. 1864 г. (изд. 2-е 1866 г.) Анекдоты Болотова, стр. 684 — 685, 764 — 766, 771—776.
[2]) Зап. Добрынина, стр. 201—202, 204.
[3]) Зап. Ив. Ив. Дмитріева, стр. 77.
[4]) Зап. Державина (Соч. т. VI), стр. 633 и дал.
[5]) Зап. Энгельгардта, стр. 153.
[6]) Тамъ-же, стр. 164.
[7]) Зап. Державина (Соч. т. VI), стр. 459.

[1]) Зап. гр. Сегюра, стр. 73.
[2]) Зап. Энгельгардта, стр. 151.
[3]) Рус. Арх. 1873 г. № 2. «Кн. Орловъ», стр. 75.
[4]) Зап. Державина (Соч. т. VI), стр. 547.
[5]) Зап. гр. Сегюра, стр. 22.
[6]) Тамъ-же, стр. 179—180.

справедливѣе и сообразнѣе съ законами рѣшать дѣла, „если только, оговаривается онъ, они не касались сильныхъ особъ“. Не столь снисходительно, но въ сущности тоже самое говорятъ о судѣ екатерининскихъ временъ русскіе люди. „Судіи во всѣхъ дѣлахъ, читаемъ мы, напр., въ соч. кн. Щербатова „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“ [1]), не толь стали стараться, объясня дѣло, учинить свои заключенія на основаніи узаконеній, какъ о томъ, чтобы лихоимственно продавая правосудіе, получить себѣ прибытокъ“.—Въ святилищахъ правосудія совершались иногда непостижимыя въ наше время вещи: такъ, однажды Московскій Совѣстный судъ отдалъ безъ всякихъ основаній домъ, принадлежавшій одному купцу (Коробейникову), другому купцу (Роговикову); плутня была совершена такимъ образомъ: кто-то подставной подалъ жалобу, что Роговиковъ завладѣлъ его домомъ; судъ опредѣлилъ представить тяжущимся сторонамъ посредниковъ и затѣмъ рѣшилъ дѣло въ пользу Роговикова, который послѣ этого и завладѣлъ домомъ Коробейникова [2]). — По свидѣтельству Державина [3]), оба генералъ-прокурора Екатерины — кн. Вяземскій и смѣнившій его Самойловъ не отличались правосудіемъ. Вслѣдствіе этого сенатъ не могъ справедливо рѣшать дѣла: выше было говорено, что сенаторы не смѣли имѣть своего мнѣнія передъ генералъ-прокуроромъ. Кромѣ того, по словамъ Державина [4]), иногда оберъ-прокуроры, или канцелярія сбивали сенаторовъ; напр., „канцелярія представляла въ докладныхъ запискахъ обстоятельства неясно, или наклоняла примѣчаніями своими на поляхъ на тѣ виды, куды ей желалось“. Въ обширномъ дѣлѣ сибирскаго ген.-губ. Якобія Шешковскій сбивалъ сенаторовъ своими примѣчаніями [5]).

Правосудіе, мѣста, чины, ордена, все въ 18 вѣкѣ покупалось за деньги. Взяточничество было явленіемъ всеобщимъ.— Имп. Екатерина не вѣрила въ честность своихъ приближенныхъ и вообще служащихъ лицъ: плача о смерти Потемкина, она два раза сказала Храповицкому: „какъ можно мнѣ Потемкина замѣнить: его нельзя было купить“, онъ „меня не продавалъ“ [6]). Н. И. Гречь разсказываетъ [7]), что, когда

[1]) Рус. Стар. 1870 г. іюль, стр. 15—16.
[2]) Зап. Державина (Соч. т. VI), стр. 657.
[3]) Тамъ-же, стр. 547, 672—673. О кн. Вяземск. говоритъ то-же прус. посолъ Сольмсъ (Рус. Арх. 1873 г. № 2, стр. 107—108).
[4]) Зап. Державина, стр. 678.
[5]) Тамъ-же, стр. 633 — 641.
[6]) Зап. Храповицкаго, 16 окт. 1791 г.
[7]) Зап. Грeча (Рус. Арх. 1873 г. № 3, стр. 261).

императрицѣ представили на утвержденье указъ о пенсіонѣ нѣкоему Фрейгольду, вышедшему чистымъ и бѣднымъ съ мѣста, „которое въ то время обогатило бы всякаго“, она „отозвалась, что онъ, конечно, сберегъ что-нибудь изъ своихъ экстра-ординарныхъ доходовъ. Ей доложили, что онъ формально ничего не имѣетъ. Или онъ дуракъ, отвѣчала императрица, или честнѣйшій человѣкъ, и въ обоихъ случаяхъ имѣетъ надобность въ пособіи,—и подписала указъ“. Взятки „въ то время брали *всѣ*, утверждаетъ Гречь [1]), и въ этомъ не было ничего предосудительнаго, по общему мнѣнію“. Болотовъ свидѣтельствуетъ [2]), что въ чины жаловали и ордена давали только именемъ монарха, а въ самомъ дѣлѣ и чины, и ордена продавали чиновники гражданскіе и военные, наживая черезъ то многія тысячи. Искушенный опытомъ, Добрынинъ говоритъ [3]), что „справедливость безъ денегъ всегда спитъ“. Онъ-же повѣствуетъ въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ про генералъ-лейтенанта Петра Ив. Боборыкина какъ про человѣка необыкновеннаго, потому, что онъ не бралъ взятокъ съ выпускаемыхъ имъ въ полевые полки изъ гвардіи офицеровъ, и потому, что преемнику своему оставилъ огромное количество полковой экономической денежной суммы, которую могъ бы безъ боязни присвоить себѣ. Подобная честность была такъ необыкновенна въ 18 вѣкѣ, что однажды въ театрѣ публика встрѣтила Боборыкина аплодисментами и криками [4]).

Самую доходную статью для чиновниковъ представляли откупщики: щедро платя, они были, въ свою очередь, великою силою, лежавшею тяжелымъ бременемъ на народѣ. Многіе чиновники были у нихъ на жалованьѣ, и всѣ, отъ малаго до великаго, отъ младшаго писаря до генералъ-губернатора, пользовались ихъ щедрыми и доброхотными даяніями. Такъ было въ Бѣлоруссіи—по словамъ Добрынина [5]), въ Тамбовской губерніи—по свидѣтельству Державина [6]). Дѣла дѣлались запросто, по-домашнему: откупъ отдавался иной разъ человѣку завѣдомо несостоятельному и представившему залогъ лишь на бумагѣ.— Не ограничиваясь дружескимъ знакомствомъ съ мѣстными чиновниками, откупщики сближались обыкновенно съ сенаторами и съ генералъ-прокуроромъ [7]). Оттого сила ихъ бывала неограниченной: они

[1]) Тамъ-же, стр. 294.
[2]) Рус. Арх. 1864. (изд. 2-ое 1866 г.) Анек. Болот., стр. 724—727.
[3]) Зап. Добрынина, стр. 323.
[4]) Тамъ-же, стр. 323—328.
[5]) Тамъ-же, стр. 250—251.
[6]) Зап. Державина, (Соч. т. VI), стр. 593.
[7]) Зап. Добрынина, стр. 148.

могли, напр., отнимать у законныхъ владѣльцевъ принадлежащія имъ земли или дома [1]). — Имп. Екатерина знала о сдѣлкахъ чиновниковъ съ откупщиками. 16-го генваря 1790 г. Храповицкій записалъ: „съ вице-губернаторомъ Новосильцевымъ, а послѣ и со мною, былъ разговоръ о казенныхъ палатахъ по нынѣшнимъ виннымъ откупамъ, что больше о своей, нежели о казенной прибыли стараются, и не съ чистыми руками къ дѣлу приступаютъ". Грибовскій, разсказавъ о гр. Безбородко, что „черезъ него выходили указы о винныхъ откупахъ и о другихъ важнѣйшихъ казенныхъ подрядахъ, поставкахъ и наградахъ", прибавляетъ: „его расходы заставляли императрицу сомнѣваться на-счетъ его безкорыстія" [2]). Взяточничество было явленіемъ всеобщимъ. Императрицѣ было извѣстно, что гр. Ром. Лар. Воронцовъ бралъ взятки во Владимірѣ при рекрутскомъ наборѣ. Она знала, что таковъ же и сынъ его Александръ Романовичъ, президентъ Коммиссіи о коммерціи [3]). Замѣчательно, что и о знаменитой дочери гр. Воронцова княгинѣ Ек. Ром. Дашковой Державинъ говоритъ [4]), будто она „безъ корыстныхъ разсчетовъ ничего и ни для кого не дѣлала"; слова эти могли бы показаться клеветой или недоразумѣніемъ; но есть нѣкоторое подтвержденіе ихъ: въ запискахъ Добрынина встрѣчаемъ мы [5]) передаваемый имъ слухъ, будто бы домъ ея въ Москвѣ выстроенъ на деньги Россійской академіи, которой она была директоромъ. (Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что личность кн. Дашковой, такъ неумѣренно превознесенная, требуетъ болѣе обстоятельнаго и безпристрастнаго изслѣдованія). — Въ Военной коллегіи, по словамъ Державина [6]), „за деньги производились неслужащіе малолѣтки и разночинцы въ оберъ-офицеры и тѣмъ отнимали линію у достойныхъ заслуженныхъ унтеръ-офицеровъ и казаковъ". Жихаревъ разсказываетъ въ своихъ письмахъ [7]) о лицахъ, получившихъ чинъ майора вовсе не бывши ни разу на службѣ, даже не выѣзжая изъ межи своего села. Я упоминалъ, что канцелярія Суворова продавала награды; разумѣется канцеляріи другихъ военачальниковъ еще въ большихъ размѣрахъ занимались этою операціею. — Время рекрутскаго набора было обыкновенно временемъ богатой поживы для многихъ: говоря о наборѣ, на-

[1]) Тамъ-же, стр. 250—260.
[2]) Зап. Грибовскаго, стр. 11—12, 14.
[3]) Зап. Храповицкаго, 15 дек. и 17 мар. 1789 г.
[4]) Зап. Державина (Соч. т. VI), стр. 625—626.
[5]) Зап. Добрынина, стр. 275.
[6]) Зап. Державина (Соч. т. VI), стр. 653.
[7]) Зап. Жихарева, стр. 131 и слѣд., 374.

чавшемся передъ смертью имп. Екатерины, Болотовъ замѣчаетъ [1]), что ему „только моты и корыстолюбцы, да доктора и лѣкаря въ губернскихъ городахъ, вмѣстѣ съ подъячими при рекрутскихъ наборахъ, да директоры домоводства радовались и веселились: къ симъ со всѣхъ сторонъ стекались струи золота и серебра; и они едва успѣвали только опоражнивать свои всякій день набиваемые карманы". Мѣста директоровъ домоводства, по свидѣтельству того же Болотова, покупались, и покупались дорогою цѣною, именно — за десятки тысячъ [2]). — Добрынинъ разсказываетъ [3]), что духовныя консисторіи брали со ставленниковъ „тяжкія" взятки, „издревле введенныя". Брали взятки таможенные досмотрщики. Даже таможенные сторожа, „стоявшіе при рогаткахъ, будкахъ, притинахъ, пакхаузахъ, кланялись мимоѣдущимъ и подставляли руки, чтобы имъ что-нибудь бросали" [4]). — При невѣжествѣ и лѣности чиновниковъ важную роль играли секретари; секретари и отличались, конечно, страшнѣйшимъ лихоимствомъ. Болотовъ разсказываетъ, напр., что секретарь генералъ-прокурора Самойлова — Ермоловъ былъ извѣстенъ всей Россіи своимъ грабительствомъ [5]). — До какой степени взяточничество было всеобще, видно изъ того, что ему подвержены были даже честные люди. Такъ, Добрынинъ, человѣкъ умный, симпатичный и съ возвышенными стремленіями, исповѣдуется, что онъ въ двухъ случаяхъ взялъ взятку [6]). Онъ разсказываетъ, что къ этому „подвигнутъ" былъ не корыстолюбіемъ, „но стыдомъ..... что губернскій стряпчій не въ силахъ имѣть ни стола, ни дрожекъ". Другими словами: Добрынинъ взялъ взятку подъ вліяніемъ общаго стремленія къ роскоши.

Вмѣстѣ со взяточничествомъ въ такихъ-же грандіозныхъ размѣрахъ совершалось и казнокрадство. Оно было дѣломъ обычнымъ и имъ занимались не только отдѣльныя лица, но и цѣлыя вѣдомства. Такъ, въ 1795 году открыто въ Государственномъ банкѣ расхищеніе суммъ, до 600,000 рублей [7]). Виновниками признаны были кассиръ Кельбергъ и его жена; а на самомъ дѣлѣ главнымъ расхитителемъ оказался самъ директоръ банка — Завадовскій. Завадовскій обыкновенно, пользуясь своимъ положеніемъ, мѣнялъ въ банкѣ свои ассиг-

[1]) Рус. Арх. 1864 г. (изд. 2-е, 1866 г.), Анекд. Болот., стр. 643—645.
[2]) Тамъ-же, послѣ 776 стр.
[3]) Зап. Добрынина, стр. 32—33.
[4]) Тамъ-же, стр. 154—155.
[5]) Рус. Арх. 1864 г. (изд. 2-е, 1866 г.), Анекд. Болотова, стр. 770—771.
[6]) Зап. Добрынина, стр. 304, 308—312.
[7]) Зап. Державина (Соч. т. VI), стр. 685—693.

націи на звонкую монету рубль на рубль безъ лажу; а для пополненія казны бралъ съ заимодавцевъ вмѣсто 6% — 12 и 15. При началѣ дѣла онъ вывезъ къ себѣ на домъ сундуки съ золотомъ и серебромъ. Онъ не могъ быть обвиненъ въ плутнѣ по той простой причинѣ, что былъ сдѣланъ предсѣдателемъ слѣдственной коммиссіи по этому дѣлу.— Назначенный въ 1794 году президентомъ Коммерцъ-коллегіи, Державинъ открылъ важное мошенничество въ таможнѣ. „Въ 1793 г. перевѣсъ торговли 31-мъ милліономъ рублей превышалъ къ нашей сторонѣ противъ иностранныхъ, а курсъ былъ не выше 22-хъ штиверовъ, то и удивился онъ (разсказываетъ Державинъ про себя), какъ это могло случиться, что намъ перевели иностранные чистыми деньгами таковую довольно знатную сумму, а курсъ былъ такъ для насъ низокъ, что будто мы имѣли нужду перевесть за иностранные товары въ чужіе краи такое или болѣе количество наличныхъ денегъ". По изслѣдованіи дѣла оказалось, „что при упадкѣ курса превосходный балансъ ничто иное есть, какъ плутовство иностранныхъ кущовъ съ сообществомъ нашихъ таможенныхъ служителей, и бываетъ именно отъ того: выпускные наши товары объявляются настоящею цѣною и узаконенныя пошлины въ казну съ той цѣны берутся, а иностранные объявляютъ иногда цѣну ниже 10-ю процентами, слѣдовательно болѣе 10 частей уменьшаютъ балансъ въ товарахъ и болѣе 10% крадутъ пошлинъ", такъ что балансъ выходитъ на нашей сторонѣ, а выгоды торга на иностранной. Это мошенничество тоже, не смотря на всѣ старанія Державина, осталось безнаказаннымъ. Своими донесеніями императрицѣ онъ только разстроилъ ее и довелъ до болѣзни. Замѣчательно, что мѣсто президента Коммерцъ-коллегіи, считавшееся „наживнымъ постомъ", дано было Державину, какъ онъ самъ догадывается, съ цѣлью — „наградить его за труды и службу, по должности статсъ-секретаря понесенные", и императрица никакъ не ожидала, что онъ займется тамъ открываніемъ плутней [1]) — Мошенничество и казнокрадство были чрезвычайно сильно развиты въ войскѣ. Въ гвардіи были такія злоупотребленія, говоритъ Болотовъ [2]), что если бы ихъ изобразить, то „потомки наши не только бы стали удивляться, но едва ли бы въ состояніи были повѣрить". Въ полкахъ въ сборѣ была едва ли половина комплекта офицеровъ, — остальные были распущены по домамъ; а изъ жалованья отпущенныхъ командиры скоп-

[1]) Тамъ-же, стр. 679—683.

[2]) Рус. Арх. 1864 г. (2-е изд., 1866 г.), Анекдоты Болотова, стр. 708—712, 656—658.

ляли себѣ „превеликія экономическія суммы". Въ гвардію отдавали дѣтей не только дворяне, но купцы, секретари, подъячіе, мастеровые, духовные, а наконецъ управители и господскіе люди, и черезъ деньги всѣ они возвышались. Записывали въ службу малолѣтнихъ, грудныхъ младенцевъ и даже неродившихся, — имъ давали паспорты безъ имени, которое потомъ вписывали; ребятишекъ брали въ выпускъ капитанами. Гвардіи подполковники и маіоры дѣлали что хотѣли, „даже самые гвардейскіе секретари были превеликіе люди и жаловали кого хотѣли за деньги". Всѣ эти „жалованные за деньги" выходили или въ отставку бригадирами, или „къ штатскимъ дѣламъ", или въ армію полковниками, при чемъ получали полкъ съ доходомъ съ него въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. До какой степени послѣднее дѣло было обычнымъ, видно изъ свидѣтельства гр. Сегюра, что полковые командиры даже не скрывали того обстоятельства, что наживались отъ своихъ полковъ, — они „считали дѣломъ совершенно естественнымъ и законнымъ получать такимъ образомъ отъ 20 до 25 тысячъ рублей ежегодной прибыли" [1]). Для удовольствія командировъ въ полкахъ были огромные хоры музыкальные и пѣвческіе, музыка была даже струнная; на всю эту роскошь выходило чрезвычайно много, говоритъ Болотовъ [2]), казенныхъ денегъ. — Необыкновеннымъ грабительствомъ отличались директоры домоводства. „Съ какими хорошими намѣреніями они сначала учреждены были, замѣчаетъ Болотовъ [3]), съ столь-же худымъ успѣхомъ исполняли они свои должности; и поступками своими скоро довели до того, что всѣ благомыслящіе стали ихъ называть директорами не домоводства, а пустодомства"; они „разрушали и опустошали и послѣднее, что гдѣ еще было похоже на экономію государственную"; они „воровали явно, какъ хотѣли, и нерѣдко безъ всякаго зазрѣнія совѣсти", потому что были — или любимцами намѣстниковъ, или лицами купившими свои мѣста за большія деньги, которыя и надо было выручить съ барышемъ. — Какія крупныя дѣла дѣлались по части обкрадыванія казны, можно видѣть, напр., изъ отношеній правителя канцеляріи кн. Потемкина Попова къ экстраординарнымъ суммамъ, находившимся въ распоряженіи князя. Поповъ былъ богатъ; но, по свидѣтельству Грибовскаго [4]), его собственныхъ доходовъ не хватило бы и на мѣсяцъ такой жизни, какую велъ онъ. От-

[1]) Зап. гр. Сегюра, стр. 73.

[2]) Рус. Арх. 1864 г. (2-е изд., 1866 г.), Анекд. Болот., стр. 751—754.

[3]) Тамъ-же, послѣ 776 стр.

[4]) Зап. Грибовскаго, стр. 20.

чета въ тѣхъ милліонахъ, которые отпускались въ непосредственное вѣдѣніе кн. Потемкина, Поповъ, по смерти князя, не далъ: посланный къ нему изъ Петербурга для денежныхъ разсчетовъ Мих. Серг. Потемкинъ внезапно, „странно“, какъ говоритъ Храповицкій[1]), умеръ. Но, не смотря, однако, на все это, Поповъ поднялся потомъ такъ высоко, что императрица не назначила его генералъ-прокуроромъ только оттого, что онъ ей нуженъ былъ какъ секретарь.—Губернскіе чиновники растрачивали иногда сотни тысячъ казенныхъ денегъ, войдя предварительно въ соглашеніе съ сенатомъ, или, лучше сказать, съ генералъ-прокуроромъ. Такъ, напр., Державинъ, будучи тамбовскимъ губернаторомъ, открылъ пропажу изъ губернскаго казначейства 500,000 руб. Въ отвѣтъ на свое донесеніе объ этомъ сенату онъ получилъ строгій выговоръ, что мѣшается не въ свое дѣло[2]). Въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ[3]) Державинъ наглядно, на примѣрѣ показываетъ намъ—какія суммы можно было красть совершенно спокойно и безопасно: однажды пришлось ему купить по „препорученію“ императрицы для запаснаго петербургскаго хлѣбнаго магазина 100,000 кулей хлѣба; онъ купилъ дешевле провіантскаго вѣдомства 115 копѣйками куль, и, слѣдовательно, могъ бы „положить себѣ въ карманъ безъ всякой опасности, говоритъ онъ, до 100,000 руб.“ Послѣ этого ничего нѣтъ удивительнаго, если крали десятки, сотни тысячъ и даже милліоны. — Но до какой степени грандіозности и дерзости могло доходить въ 18 вѣкѣ казнокрадство, лучше всего видно изъ слѣдующаго почти невѣроятнаго и фантастическаго случая: во времена обладавшаго всѣмъ князя Потемкина, разсказываетъ Болотовъ[4]), произведенъ былъ однажды наборъ рекрутовъ съ женами; набранныхъ такимъ образомъ людей хотѣли поселить въ Крыму. И вотъ этотъ наборъ былъ весь украденъ самимъ княземъ и „его креатурами и любимцами“. Болотовъ думаетъ, что Павелъ Петровичь тогда же зналъ объ этомъ, но молчалъ. Вступя на престолъ, онъ спросилъ о томъ, куда дѣвался наборъ, извѣстнаго Попова; тотъ упалъ на колѣни и признался, что и у него есть украденные люди.

Все сказанное выше о самоуправствѣ, тщеславіи и низкопоклонствѣ, о неправосудіи, взяточничествѣ и казнокрадствѣ служащаго сословія не имѣетъ, повидимому, никакого отношенія къ волтерьянству русскаго

[1]) Зап. Храповицкаго, 15 и 18 окт. и 22 дек. 1791 г.
[2]) Зап. Державина (Соч. т. VI), стр. 588 — 592.
[3]) Тамъ-же, стр. 601.
[4]) Рус. Арх., 1864 г., Анекдоты Болотова, стр. 692.

общества екатерининскихъ временъ: все это было у насъ и раньше волтерьянства, все это—остатки старой грубости и стараго невѣжества; еще Посошковъ говорилъ, что неправда вельми застарѣла на Руси. Многіе скажутъ, что просвѣтительныя идеи 18-го вѣка боролись съ этими остатками варварства. Но такое замѣчаніе будетъ не совсѣмъ справедливо: разумѣется, волтерьянство не создало у насъ взяточничества и казнокрадства, — они были и раньше; но волтерьянство своею проповѣдью роскоши и разврата, своимъ отрицаніемъ нравственности ихъ поддержало и развило: въ 18-мъ в. крали для того, чтобы не отстать отъ другихъ въ *роскоши*. А на-сколько волтерьянство было безсильно нравственно поднять человѣка, можно видѣть, напр., изъ того, какое вліяніе оказало оно на много разъ упомянутаго мною автора остроумныхъ записокъ, Добрынина. Отчего безплодно погибла эта чрезвычайно даровитая и глубоко-симпатичная натура? Добрынинъ былъ образованъ и развитъ нисколько не менѣе Державина или Фонъ-Визина, даже болѣе, — у него вы не замѣтите той простоватой наивности, которой отличаются оба знаменитые писателя; у него бывали довольно глубокія мысли, не даромъ же звали его сослуживцы „философомъ“; художественно и съ неподдѣльнымъ юморомъ написанныя записки его свидѣтельствуютъ о большомъ литературномъ талантѣ... И однакожь онъ не написалъ ничего кромѣ этихъ записокъ, и всю жизнь оставался только чиновникомъ. Не потому-ли это такъ странно случилось, что онъ развился подъ отвлеченнымъ вліяніемъ Вольтера и энциклопедистовъ, между тѣмъ какъ Державинъ и Фонъ-Визинъ образовались болѣе самостоятельно и менѣе отвлеченнымъ образомъ? Разсудочный скептицизмъ 18-го вѣка вообще былъ намъ не ко-двору, не подходилъ къ нашему народному характеру, какъ сильно мы ни ломали себя въ угоду ему; онъ не могъ создать у насъ ни одного первокласснаго писателя, и обращалъ въ пустоцвѣтъ не мало хорошихъ силъ. Волтерьянство не могло даже удержать Добрынина отъ взятокъ, и онъ самъ сознается, что бралъ ихъ для того, чтобы жить пороскошнѣе.

Ученіе, проповѣдующее наслажденіе земными благами, совѣтующее пользоваться минутой—пока она наша и не думать о будущемъ, есть по самому существу своему ученіе аристократическое: при извѣстной ненасытности человѣческой природы, земныхъ благъ, какъ бы много ихъ ни было, на всѣхъ людей не хватитъ,—слабые должны будутъ все уступить сильнымъ. И потому едва ли ошибется тотъ, кто скажетъ, что волтерьянство поддерживало въ нашемъ обществѣ екатерининскихъ временъ то неслыханное презрѣніе къ простому народу, какого не знали предшествующіе вѣка нашей исторіи. Въ то-же время ненасытное стремленіе къ роскоши и разврату побуждало

чиновниковъ и помѣщиковъ выжимать изъ этого презираемаго народа послѣдніе соки.

Положеніе нашего крестьянства въ 18 вѣкѣ, взаимныя отношенія крестьянства и другихъ сословій, само собой разумѣется, требуютъ, по важности этого вопроса, обширнаго изслѣдованія, какого, конечно, не можетъ представить предлагаемое сочиненіе. Я намекну только на главныя черты этого положенія и этихъ отношеній. — Добрынинъ говоритъ [1]), что модная роскошь и развратъ помѣщиковъ, которые онъ видѣлъ во время путешествій со своимъ архіереемъ, были „очень яснымъ таинствомъ плоти и крови измученныхъ крестьянъ". А какъ крестьянъ мучили, всѣмъ хорошо извѣстно изъ фонъ-визинскаго „Недоросля". Авторъ „Недоросля" смѣшитъ насъ личностью г-жи Простаковой, и оттого многія ея неистовства не производятъ на насъ того ужасающаго впечатлѣнія, какое они должны бы производить; но если бы онъ обрисовалъ ее нѣсколько серьезнѣе, — она оказалась бы младшей сестрицей знаменитой Салтычихи: не даромъ же Фонъ-Визинъ называетъ ее „фуріей", помѣщицей „безчеловѣчной", а нравъ ея „адскимъ" нравомъ. Страшный судъ надъ Салтычихой мало, оказывается, подѣйствовалъ на подобныхъ ей людей, такъ же, какъ отнятіе власти у г-жи Простаковой мало подѣйствовало на Тараса Скотинина: то мѣсто, гдѣ Фонъ-Визинъ заставляетъ Правдина сомнѣваться, что послѣ катастрофы съ Простаковой достойный братецъ ея станетъ лучше обращаться съ крестьянами, — одно изъ самыхъ правдивыхъ и художественныхъ мѣстъ комедіи. — Фонъ-Визинъ утѣшаетъ своихъ читателей тѣмъ обстоятельствомъ, что безчеловѣчія Простаковой прекращены Правдинымъ; но эти утѣшенія слишкомъ странны: развѣ Правдиныхъ было такъ много, что ихъ могло хватить на всю Россію? Это было, конечно, понятно и современникамъ комедіи „Недоросль", въ томъ числѣ, разумѣется, и ея автору; но по легкомыслію вѣка, по готовности его закрывать глаза на все, что мѣшало наслажденію жизнью, Правдинъ ихъ успокоивалъ; поэтому можно сказать, что введеніе Фонъ-Визинымъ въ свою комедію этой фантастической личности вредно дѣйствовало на общество. — Мы видѣли — каковы были чиновники въ екатерининскія времена и на-сколько они походили на Правдина. Отъ чиновниковъ крестьяне терпѣли, можетъ быть, нисколько не менѣе, чѣмъ отъ помѣщиковъ. Когда началось царствованіе Екатерины, въ Сибири было сильное возмущеніе заводскихъ крестьянъ. Главною причиною возмущенія, какъ это видно изъ

[1]) Зап. Добрынина. Стр. 104 — 105.

записокъ сенатора Бибикова [1]), было лихоимство чиновниковъ, требовавшихъ на работы только тѣхъ крестьянъ, которые не могли откупиться; ихъ требовали изъ-за 400 и болѣе верстъ разстоянія отъ завода; имъ не платили даже и той вполнѣ скудной платы за работу, какая положена была Бергъ-коллегіей; ихъ принуждали къ повиновенію нестерпимыми наказаніями. Все это и вывело народъ изъ терпѣнія. Посланный для усмиренія бунта, кн. Вяземскій, не смотря на предписаніе императрицы дѣйствовать кроткими мѣрами, устроилъ настоящую войну; произошло нѣсколько довольно кровопролитныхъ сраженій, изъ которыхъ войска не всегда выходили побѣдителями. Кн. Вяземскій былъ назначенъ генералъ-прокуроромъ, и на его мѣсто посланъ А. И. Бибиковъ. Бибиковъ сталъ дѣйствовать совершенно иначе. Онъ объявилъ, что требуетъ отъ крестьянъ повиновенія, но что въ то-же время не отказываетъ никому изъ нихъ въ принятіи ихъ благоразумныхъ просьбъ и обѣщаетъ всѣмъ вспоможеніе и удовлетвореніе ихъ законныхъ желаній. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ умѣрилъ строгости и наказанія, сталъ обращаться съ крестьянами ласково, сталъ стараться правдивымъ и кроткимъ разбирательствомъ войти въ довѣренность у нихъ; по важнѣйшимъ заводамъ поѣхалъ самъ. И вскорѣ цѣль его была достигнута: явилось всеобщее къ нему довѣріе, бунтъ утихъ и злоумышленники были выданы. Понимая истинную причину бунта, Бибиковъ оказалъ снисхожденіе къ „легкомыслію и простоумію", какъ выражается въ своихъ запискахъ его сынъ; наказанія были до того смягчены, что изъ многихъ тысячъ не болѣе 20 человѣкъ получили строгое возмездіе, т. е. были сосланы на вѣчныя работы; около 100 человѣкъ по легкомъ наказаніи распущены по домамъ, остальные — прощены. Довѣріе крестьянъ къ Бибикову, то обстоятельство, что они подались на его справедливыя и кроткія мѣры, свидѣтельствуетъ съ одной стороны о мирномъ характерѣ крестьянства, съ другой стороны о томъ, какъ велики были притѣсненія чиновниковъ, если это, искони мирное сословіе, не выдержало и возмутилось.

Но и страшный урокъ не послужилъ урокомъ. Не прошло десяти лѣтъ со времени усмиренія сибирскихъ волненій, какъ вспыхнулъ пугачевскій бунтъ.

Въ 1768 году въ Вольное Экономическое Общество въ числѣ другихъ сочиненій на заданную Обществомъ тему (о поземельной собственности крестьянъ) было прислано сочиненіе русскаго законовѣда Полѣнова подъ заглавіемъ „О крѣпостномъ состояніи крестьянъ въ

[1]) Зап. сен. Бибикова. Стр. 45—46.

Россіи“ [1]). Въ сочиненіи этомъ авторъ доказываетъ необходимость освобожденія людей отъ крѣпостной зависимости. Произведеніе Полѣнова было одобрено Обществомъ, но первой преміи (100 червонныхъ и золотой медали) не получило: этой высшей награды удостоилось другое изслѣдованіе, принадлежащее иностранцу Беарде-Делабею [2]). Беарде-Делабей проводитъ въ своемъ сочиненіи ту благородную мысль, что какъ естественное право человѣка, такъ и государственная польза требуютъ, чтобы крестьяне были не только надѣлены землею, но и освобождены. Крестьяне, по его словамъ, самый лучшій корень государственнаго древа, „надежда и главное могущество“ страны. Но въ то́-же время онъ находитъ, что „должно *пріуготовить* рабовъ къ принятію вольности прежде, нежели дана имъ будетъ какая собственность“, пріуготовить посредствомъ воспитанія; въ противномъ случаѣ вольность послужитъ во вредъ какъ самимъ крестьянамъ, такъ и обществу. „Съ прискорбіемъ удерживаю я благотворительную вашу десницу!“ обращается онъ къ царямъ, хотящимъ освободить народъ. Дѣло въ томъ, что Беарде-Делабей считаетъ крестьянъ *дѣтьми*, *дикарями*; онъ называетъ ихъ даже „*самодвижущимися машинами*“. Освободить крестьянина въ теперешнемъ его состояніи, это, по его мнѣнію, все равно, что спустить съ цѣпи медвѣдя среди людей. Надо прежде внушить „подлому“ народу правила христіанской нравственности, и потомъ освобождать постепенно, въ награду, сперва достойнѣйшихъ. Надо возбудить въ народѣ честолюбіе; „надобно, чтобъ крестьянинъ, сдѣлавшись владѣльцемъ, гнушался оставшимися еще въ рабствѣ своими прежними собратьями; чтобъ одежда была особливо отмѣнена знакомъ, который бы всегда въ глаза метался: убранство сильнѣе всего дѣйствуетъ въ простыхъ душахъ“ и т. д.

Полѣновъ, какъ человѣкъ русскій, смотритъ на дѣло практичнѣе и трезвѣе. Онъ въ своемъ сочиненіи мрачными красками рисуетъ положеніе крѣпостнаго сословія въ его время: „я не нахожу бѣднѣйшихъ людей, говоритъ онъ, какъ нашихъ крестьянъ, которые, не имѣя ни малой отъ законовъ защиты, подвержены всевозможнымъ не только въ разсужденіи имѣнія, но и самой жизни, обидамъ, и претерпѣваютъ безпрестанныя наглости, истязанія и насильства; отъ чего неотмѣнно должны они опуститься и придти въ сіе преисполненное бѣдствій, какъ для нихъ самихъ, такъ и для всего общества, состояніе, въ которомъ ихъ теперь дѣйствительно видимъ“ [3]). Помѣщики „ихъ безъ всякой пощады и милосердія мучатъ, отнимая все то, что имъ въ глаза попадается, и черезъ то приводятъ въ несказанную бѣдность, отъ которой они никогда не въ состояніи избавиться“ [1]). Затѣмъ Полѣновъ приводитъ историческіе примѣры возмущенія рабовъ и предсказываетъ возможность возмущенія и нашихъ крестьянъ. Предсказаніе это показалось Вольному Экономическому Обществу слишкомъ эксцентричнымъ и неосновательнымъ; но пугачевскій бунтъ былъ исполненіемъ его.

[1]) Рус. Арх. 1865 г. № 3, стр. 285—318.
[2]) Труды Вольн. Экон. Общ. 1768 г. т. 8, стр. 1—59.
[3]) Рус. Арх. 1865 г. № 3, стр. 298.

Въ настоящее время не можетъ быть никакихъ сомнѣній, что причиною бунта, если не вполнѣ, то въ значительной мѣрѣ, было тяжелое положеніе крестьянства, гнетъ помѣщиковъ и чиновниковъ. Руничъ, членъ Коммиссіи о поимкѣ Пугачева, въ своихъ драгоцѣнныхъ для исторіи запискахъ, перечисляя причины бунта, говоритъ [2]), что онъ произошелъ между прочимъ „отъ ненависти бѣглецовъ, помѣщичьихъ крестьянъ“. Цѣлью страшнаго народнаго движенія было — истребленіе дворянства и чиновничества. Этимъ только и можно объяснить то странное обстоятельство, о которомъ свидѣтельствуетъ Руничъ, что мятежники, оставляя за собою всюду, гдѣ проходили, разореніе, ужасъ и смерть, щадили въ то-же время церкви, духовенство и иностранныя колоніи. Можетъ быть, Руничъ и преувеличиваетъ, говоря, будто грабежъ и разореніе совсѣмъ не касались церквей и духовенства: сенаторъ Бибиковъ утверждаетъ, что самозванецъ казнилъ и духовныхъ [3]). Но и Бибиковъ признаетъ, что онъ сначала оказывалъ къ духовнымъ почтеніе. Бибиковъ называетъ это почтеніе „наружнымъ“, и видитъ въ немъ лишь желаніе самозванца „вкрасться въ довѣренность черни“;—мы, разумѣется, такъ думать не можемъ: Пугачевъ не былъ лицемъ сознательно дѣйствующимъ на безсознательныя массы. Ведомыя имъ необузданныя толпы, разумѣется, грабили иной разъ и церкви, убивали всѣхъ, кто подвернется подъ руку; но это дѣлалось случайно и мимоходомъ; сознательная же ненависть бунтовщиковъ направлена была именно противъ дворянъ и чиновниковъ, съ чѣмъ соглашается и Бибиковъ. Мы не имѣемъ никакихъ основаній не довѣрять разсказу Рунича о пощадѣ Пугачевымъ селеній колонистовъ, церквей и духовенства. Есть свидѣтельства, что бунтовщики не казнили иной разъ и помѣщиковъ, которые хорошо

[1]) Тамъ-же, стр. 312.
[2]) Рус. Стар. 1870 г., № 8, Зап. Рунича о пугач. бунтѣ. Стр. 122. — № 9, стр. 216, 242, 248, 250.
[3]) Зап. сен. Бибикова, стр. 239—325.

обращались съ крестьянами[1]).—Извѣстно, что бунтъ достигъ ужасающихъ размѣровъ. Тогда императрица поручила усмиреніе его Бибикову. Выборъ Бибикова можетъ быть показываетъ, что императрица поняла истинное значеніе бунта, поняла, что онъ есть нѣчто вродѣ движенія сибирскихъ заводскихъ крестьянъ. Пріѣхавъ въ взволнованный край, Бибиковъ былъ пораженъ его состояніемъ. Въ письмѣ своемъ къ женѣ отъ 30 декабря 1773 г. онъ говоритъ: „дѣла наши здѣсь прескверны, такъ что и описать, буде-бъ хотѣлъ, не могу; вдругъ себя увидѣлъ гораздо въ худшихъ обстоятельствахъ и заботѣ, нежели какъ съ начала въ Польшѣ со мною было". Богъ „единъ исправить можетъ Своею милостью. Правда, поздненько хватились". „Зло велико, преужасно..... Ухъ! дурно!"—„Скареды и срамцы здѣшніе гарнизоны, писалъ онъ въ другомъ письмѣ, всего боятся, никуда носа не смѣютъ показать, сидятъ по мѣстамъ какъ сурки, и только что рапорты страшные присылаютъ".—Александръ Ильичъ показывалъ веселый видъ и этимъ ободрялъ другихъ; а самъ былъ сильно смущенъ. „День и ночь работаю какъ каторжный, писалъ онъ, рвусь, надсѣдаюсь и горю какъ въ огнѣ адскомъ". „Богъ одинъ всемогущъ обратить все сіе въ лучшее". Въ высшей степени интересно и важно было бы изслѣдовать—какія именно мѣры принималъ главнымъ образомъ Бибиковъ для умиротворенія края; сынъ его въ своихъ запискахъ мало даетъ для этого данныхъ,—онъ не понималъ своего отца и держался иныхъ, чѣмъ тотъ, убѣжденій; по всей вѣроятности, эти мѣры были похожи на принятыя прежде въ Сибири. Труды его увѣнчались успѣхомъ: въ мартѣ 1774 г. онъ написалъ: „дѣло мое сдѣлано; правда, что стоило мнѣ это дѣльце! Много крови испортило; но теперь знаю я самъ свою цѣну, что сдѣлалъ, то-то у васъ будутъ праздновать". Но не весело было на душѣ у него самого, у виновника этого празднованья: нѣсколько раньше сейчасъ приведенныхъ словъ, именно въ письмѣ отъ 15 марта, онъ высказалъ, что хотя дѣла идутъ хорошо, но самъ онъ „душею размученъ отъ разныхъ обстоятельствъ, о чемъ говорить некогда и непочто". Что значатъ эти загадочныя слова? Можетъ быть, смыслъ ихъ разъяснится, если ихъ сопоставить съ словами Панина, которыя я приведу ниже, словами, обращенными имъ къ дворянству по усмиреніи мятежа. Бибикова мучила, по всей вѣроятности, истинная причина бунта, которую онъ, конечно, понималъ. Какъ бы то ни было, но тяжелые труды и душевное огорченіе (хотя объ этомъ послѣднемъ и не говоритъ его сынъ) свели его въ

[1]) Рус. Стар. 1873, № 11.

могилу. Послѣднія слова его были: „милосердая государыня призритъ дѣтей, но болѣе жалѣю и стражду, оставляя въ бѣдствіи отечество"[1]). Онъ зналъ, что трудно найти человѣка, который сталъ бы такъ-же дѣйствовать, какъ онъ. Россія потеряла своего великаго сына, и проходившая было бѣда опять увеличилась и сдѣлалась грозной,—бунтъ началъ вновь принимать прежніе размѣры. Тогда выборъ императрицы вновь палъ на достойнаго человѣка: начальствовать надъ войсками и надъ всею бунтующею страною посланъ былъ П. Ив. Панинъ. Имъ и его достойными помощниками и было прекращено возмущеніе.—Панинъ, какъ и Бибиковъ, сознавалъ все значеніе пугачевщины и ея главныя причины. Руничъ разсказываетъ[2]), что престарѣлый полководецъ былъ глубоко взволнованъ, когда ввели въ его пріемную Пугачева. Онъ „въ ужасномъ рыданіи и востревоженіи духа своего.... воскликнулъ: Боже милосердый! во гнѣвѣ Твоемъ праведно наказалъ Ты насъ симъ злодѣемъ". Потомъ онъ велѣлъ Руничу вывести Пугачева, и тогда „говорилъ предстоящему дворянству безподобно трогательную рѣчь на-счетъ поведенія живущихъ въ деревняхъ дворянъ". Къ сожалѣнію, Руничъ не слышалъ этой рѣчи и потому не могъ передать ее намъ; но почти не можетъ быть сомнѣнія, что въ этой рѣчи Панинъ упрекалъ дворянство за его отношенія къ крестьянамъ: глубоко потрясенный и взволнованный, онъ высказалъ то горькое чувство, которое мучило его благородную душу, то горькое чувство, которое, по всей вѣроятности, свело въ могилу и Бибикова.— Возможность такого широкаго и быстраго развитія, какое получилъ пугачевскій бунтъ, есть самое яркое свидѣтельство того, какъ тяжело было положеніе крестьянина въ екатерининскія времена.

Имп. Екатерина въ первые годы своего царствованія желала облегчить участь крѣпостныхъ людей. Того же желали и нѣкоторые лучшіе русскіе люди. Но таковъ уже былъ духъ этого отвлеченно-либеральнаго и бѣднаго нравственною силою вѣка, что всѣ эти желанія остались безплодными. Въ Коммиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія, въ то время, когда она засѣдала въ Петербургѣ, поднятъ былъ вопросъ о крестьянахъ. По поводу законовъ о бѣглыхъ, депутатъ отъ Козловскаго дворянства Григорій Коробьинъ (артиллеріи подпоручикъ) въ засѣданіи 5-го мая 1768 года заявилъ, что много есть помѣщиковъ, берущихъ съ крестьянъ бо́льшія подати, чѣмъ бы слѣдовало; есть задолжавшіе помѣщики, которые отдаютъ

[1]) Зап. сен. Бибикова.
[2]) Зап. Рунича. Рус. Стар. 1870 г., № 10, стр. 349.

крестьянъ для зарабатыванья денегъ на уплату однихъ процентовъ, и чрезъ то отлучаютъ отъ земледѣлія; наконецъ, есть отнимающіе заработанное крестьянами имущество. Это все, по его мнѣнію, причины бѣгства. Сославшись на статьи Большаго Наказа (261, 269, 270, 275, 276, 277 и 295), онъ призналъ нужнымъ ограничить власть помѣщиковъ надъ имѣніемъ крестьянъ и силою закона оградить собственность крестьянъ; личное же управленіе помѣщиковъ онъ полагалъ оставить по-прежнему. На это мнѣніе подано было около 20 голосовъ; изъ нихъ 18—противъ мысли Коробьина и только три за него. Противники мысли Коробьина признавали предлагаемую имъ мѣру вообще вредной для государства, и подкрѣпляли свои возраженія тѣмъ, что считали невозможнымъ разъединить два права—власть надъ лицемъ и его имуществомъ. Только одинъ изъ возражавшихъ—депутатъ отъ дворянства Гороховецкаго уѣзда Александръ Протасовъ—сказалъ, что, если принять мнѣніе Коробьина, „то не остается другаго способа, какъ сдѣлать крестьянъ свободными, если-бъ на то монаршее было соизволеніе“[1]); въ такомъ случаѣ, по его мнѣнію, это нужно сдѣлать исподволь. Но предложенія Коробьина и Протасова не осуществились: императрица не рѣшилась дѣйствовать наперекоръ дворянству. — Сен. Бибиковъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ[2]), что отецъ его, маршалъ Коммиссіи, между прочимъ въ Коммиссіи предложилъ — воспретить, какъ въ наслѣдствѣ, такъ и въ продажѣ, раздробленіе деревень въ дворянскихъ имѣніяхъ и продажу крѣпостныхъ людей семьями и по-одиночкѣ. Но и эти предложенія не были утверждены, а оставлены впредь на благопріятное время.— Когда въ Коммиссіи прочтены были законы о купечествѣ, то въ начавшихся затѣмъ преніяхъ купцы заявили такого рода неумѣренныя требованія: они желали, чтобы закономъ запрещены были крестьянамъ всякій торгъ и покупка иначе, какъ чрезъ купцовъ (земледѣліе, говорили они, страдаетъ безъ подобнаго закона); иные изъ купцовъ шли еще дальше: они хотѣли, чтобы только купцамъ дано было право имѣть фабрики и заводы, и чтобы, наконецъ, купцамъ предоставлено было право владѣть крестьянами, потому что, говорили они, нанять работника или совсѣмъ нельзя, — некого, или неудобно: нанятые, взявъ впередъ деньги, уходятъ. Требованія купцовъ не были уважены: крестьяне представили очень сильныя и дѣльныя возраженія, да дворяне поддержали ихъ[1]); и такимъ образомъ de jure купцы не получили этого права. Но de facto они имъ пользовались. Вотъ что читаемъ мы объ этомъ въ запискахъ Селивановскаго[2]): „отецъ мой, говоритъ онъ, былъ купецъ и слѣдовательно не имѣлъ права владѣть себѣ подобными; но, не смотря на свободный образъ мыслей отца, любимымъ чтеніемъ котораго были издаваемыя въ ту пору въ переводахъ и даже на его счетъ сочиненія Вольтера, не смотря на пріязнь съ извѣстнымъ либераломъ и минералогомъ Ситниковымъ, духъ времени или понятія были таковы, что стыдно было порядочному человѣку не имѣть своихъ дворовыхъ. Пріобрѣтеніе было дешево. Дворянство..... ежедневно продавало людей, семью, мальчика, дѣвочку, лакея, кучера, повара, бабу.... а средній классъ, трудясь, тихо и незамѣтно пріобрѣталъ капиталы и имѣлъ всѣ средства покупать людей, разумѣется, на чужое имя, приписывать къ домамъ и т. д. Людей дарили въ именины, въ знакъ пріязни. У насъ было такихъ нѣсколько. Не знаю, гдѣ и когда отецъ пріобрѣлъ двѣ семьи“. Изъ этихъ словъ Селивановскаго можно замѣтить, какъ легко у насъ мирились идеи Вольтера съ рабствомъ.— Трудно было крестьянамъ освободиться въ царствованіе имп. Екатерины при подобныхъ условіяхъ. Они не могли, конечно, дождаться свободы, если часто и лучшіе люди, даже убѣжденные въ несправедливости рабства, въ то-же время были убѣждены, что нельзя крестьянъ освободить скоро, что надо ихъ къ этому приготовить. Вотъ что написалъ въ своихъ запискахъ, уже въ царствованіе Александра I, Ив. Влад. Лопухинъ, знаменитый своею благотворительностью, своимъ добрымъ сердцемъ, другъ Новикова и дѣйствительно хорошій человѣкъ[3]): „я первый, можетъ быть, желаю, говоритъ онъ, чтобы не было на русской землѣ ни одного несвободнаго человѣка, если бы только то безъ вреда для нея возможно было. Но народъ требуетъ обузданія и для собственной его пользы. Для сохраненія же общаго благоустройства нѣтъ надежнѣе полиціи, какъ управленіе помѣщиковъ. Тираны изъ нихъ должны быть обузданы“ (Правдиными?—можно бы было спросить Лопухина). Очень естественно, продолжаетъ онъ, сожалѣть не совсѣмъ оправившихся больныхъ, что они могутъ лишь гулять въ больничномъ саду и пить и ѣсть только разрѣшенное лекаремъ, „свойственно доброму

[1]) Сборн. Рус. Ист. Общ-ва, т. 4 (1869 г.) Историч. свѣдѣнія о Екатерин. Коммиссіи, Полѣнова. Предисловіе, стр. XXIII.

[2]) Зап. сен. Бибикова, стр. 69—132.

[1]) Сборн. Рус. Ист. Общ. т. 8 (1871 г.) Ист. свѣд. о Екатер. Коммиссіи. Полѣнова. Предисловіе.

[2]) Библіогр. Записки 1858 г. № 17. Зап. Селивановскаго, стр. 526—527.

[3]) Зап. Лопухина, стр. 158—159.

сердцу желать, чтобы они какъ можно скорѣе воспользовались полною для всѣхъ свободою; но дать ее имъ прежде времени было бы ихъ же уморить". Какого же времени ждалъ Лопухинъ для свободы крестьянъ? Изъ его словъ, кажется, можно заключить, что онъ считалъ нужнымъ прежде образовать ихъ, а потомъ уже освободить. Этотъ выводъ подтверждается и словами его, сказанными въ другомъ мѣстѣ [1]): случаи воровства „между людьми низкаго состоянія, говоритъ онъ, по грубости ихъ нравовъ и невѣжеству, особливо часты".— Ив. Вл. Лопухинъ, по всей вѣроятности, самъ не зналъ, какъ въ его душу забрались аристократическія идеи. Эти идеи носились въ воздухѣ жизни, и овладѣвали даже такими умами, которые, повидимому, менѣе всего были къ нимъ расположены. Аристократизмомъ, презрѣніемъ къ людямъ низшихъ сословій, былъ зараженъ, по свидѣтельству Селивановскаго [2]), даже Радищевъ, знаменитый авторъ Путешествія изъ Петербурга въ Москву: онъ „разгорячился и наговорилъ грубостей, какъ *дворянинъ вѣка Екатерины* и авторъ, *мастеровому*" Селивановскому, за то, что тотъ отказался печатать его книгу. — Презрѣніе вѣка къ простымъ людямъ сильнѣе и ярче всего выразилось въ словѣ „подлый", прилагавшемся какъ эпитетъ къ крестьянину. Подлымъ называетъ крестьянина даже Полѣновъ, авторъ сочиненія „О крѣпостномъ состояніи крестьянъ въ Россіи" [3]). Редакція Русскаго Архива пытается оправдать Полѣнова въ употребленіи имъ этого слова: въ старину слово *подлый*, говоритъ она, не имѣло того унизительнаго и браннаго значенія, какъ нынѣ; оно употреблялось вмѣсто нынѣшняго выраженія—чернь, черный народъ, или даже просто народъ. Но эти объясненія ни къ чему не приводятъ, ибо кто-же называетъ теперь простой народъ чернью? — Замѣчательно, что, требуя въ своемъ сочиненіи въ сущности освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, Полѣновъ не можетъ однако отказать дворянству въ правѣ имѣть надъ личностью крестьянина нѣкоторую власть: крестьянинъ долженъ, по его проекту, работать на помѣщика одинъ день въ недѣлю, и это право пользованія крестьянской работой помѣщикъ можетъ продать.—Наконецъ, говоря объ осуществленіи своихъ идей, Полѣновъ находитъ, что оно должно совершиться медленно и постепенно, ибо „извѣстно (замѣчаетъ онъ), что сего вдругъ безъ великой опасности произвести въ дѣйство не можно, и многими

[1]) Тамъ-же, стр. 6.
[2]) Библ. Записки 1858 г. № 17, Зап. Селивановскаго, стр. 518.
[3]) Русск. Арх. 1865, вып. 3.

примѣрами уже подтверждено, сколь далеко въ подобныхъ случаяхъ простирается *неистовство подлаго народа*" [1]). Такъ думалъ и выражался о народѣ одинъ изъ лучшихъ защитниковъ его въ 18-мъ вѣкѣ!

Если мы соединимъ теперь воображеніемъ въ одной общей картинѣ все сказанное выше о нравахъ екатерининскаго времени, то картина эта будетъ весьма печальна и непривлекательна.

Передъ нами поразительно-невѣжественное и грубое общество, лишенное руководящаго свѣта нравственныхъ идеаловъ, предается разгулу животныхъ страстей. Внѣшній, мишурный блескъ принимаетъ оно за свѣтъ красоты и увлекается имъ. Для утоленія жажды чувственныхъ наслажденій оно приноситъ въ жертву честь и совѣсть: казнокрадство, взяточничество и безумное угнетеніе народа служатъ обильными источниками средствъ для разгульной жизни; изъ этихъ источниковъ черпаютъ совершенно легкомысленно, не думая, что они могутъ изсякнуть. Въ противоположность веселому разгулу общества народъ изнемогаетъ подъ тяжестью гнета и доходитъ порой до отчаянья, до пугачевщины, грозящей цѣлости государства. — Французскій посолъ гр. Сегюръ сравнилъ жизнь нашихъ екатерининскихъ вельможъ съ жизнію патриціевъ Рима временъ императоровъ. Сходство это дѣйствительно было.... Но, къ счастію для Россіи, оно было чисто внѣшнее. Развратъ Рима послѣднихъ вѣковъ былъ предсмертнымъ явленіемъ жизни умирающаго народа. Развратъ русскаго общества екатерининскаго вѣка не имѣлъ такого грознаго значенія....

[1]) Тамъ-же, стр. 314.

ГЛАВА II.

Русское масонство второй половины прошедшаго столѣтія.

1.

Волтерьянство и въ формѣ отвлеченной теоріи, и, еще болѣе и сильнѣе, въ формѣ практики жизни господствовало въ нашемъ обществѣ екатерининскихъ временъ. Но, какъ это всегда бываетъ, вѣкъ разсудочнаго скептицизма, матерьялизма, вѣкъ чувственной жизни былъ въ то-же время вѣкомъ мистицизма и суевѣрій. На борьбу съ волтерьянствомъ выступило масонство.—Масонство въ 18 вѣкѣ облечено было глубокою тайной. Собранія масоновъ дѣлались, пожалуй, и явно; но сущность ихъ занятій, ихъ стремленія и цѣли оставались для профановъ совершенно недоступными; вслѣдствіе этого о масонствѣ ходили самые странные и противорѣчивые толки и слухи. Въ настоящее время тайна масонства нарушена: масса масонскихъ документовъ явилась въ печати. Россія особенно богата, какъ это указано г. Пыпинымъ, рукописями всевозможныхъ системъ масонства: не участвуя въ распряхъ этимъ системъ и въ то-же время входя въ сношенія со многими изъ нихъ, мы получали такіе акты, которые различныя системы таили другъ отъ друга. Большинство этихъ актовъ, равно какъ и актовъ нашего, русскаго масонства, составляетъ еще богатѣйшія собранія рукописей Румянцевскаго музея и Публичной библіотеки. Однакожъ многіе изъ нихъ, и притомъ очень важные, уже напечатаны; въ то-же время въ нашей литературѣ уже началась, и началась довольно удачно, ихъ ученая разработка.—Тѣмъ не менѣе вопросъ о мистическомъ орденѣ не на-столько выясненъ, чтобы въ настоящее

время можно было сдѣлать точное опредѣленіе масонства.—Масонство 18-го вѣка было чѣмъ-то вродѣ свѣтскаго монашескаго ордена. Оно было собраніемъ людей съ мистическимъ настроеніемъ души и носило на себѣ характеръ аскетизма. Живя и развиваясь среди общества, оно ставило своею цѣлью — борьбу съ идеями вѣка, которыми жило общество, борьбу съ духомъ его жизни. Оно ставило себѣ трудную задачу—преобразовать человѣка и даже природу, создать новый міръ. Но, быть можетъ, ни одно настроеніе человѣческихъ умовъ не оборвалось въ своихъ стремленіяхъ такъ унизительно, какъ масонство. И причины этого крылись въ его сущности, въ собственномъ его содержаніи.

Наши изслѣдователи масонства согласно признаютъ, что мистицизмъ былъ одною изъ его главныхъ характеристическихъ чертъ. Наше масонство, въ-силу этого свойства своего, твердо вѣрило въ то,

«что ясное понятіе о божествѣ, природѣ и человѣкѣ невозможно для обыкновеннаго человѣческаго познанія, что этого понятія не доставляютъ и положительныя религіи, и что оно достигается непосредственнымъ приближеніемъ къ божеству, чудеснымъ единеніемъ съ высшимъ божественнымъ міромъ, которое происходитъ внѣ всякой дѣятельности сухаго разсудка. Такимъ образомъ, основной чертой мистицизма является сильно возбужденное религіозное чувство и вмѣстѣ предположеніе полной недостаточности разума, безсильнаго постигать высокія и таинственныя истины (изъ которыхъ мистицизмъ дѣлаетъ свою исключительную принадлежность), а потому не имѣющаго и словъ для ихъ выраженія» [1]).

Другой изслѣдователь, объясняя сущность масонскаго міросозерцанія, приводитъ его къ слѣдующему основному положенію: человѣкъ есть

«высшее существо матеріальнаго и низшее духовнаго міра. Человѣкъ отъ природы одинаково притягивается и къ свѣту, духовному міру, и къ мраку, міру матеріальному... было время, когда человѣкъ принадлежалъ только свѣту, только небесному міру; но грѣхъ Адама лишилъ его этого состоянія: удалите преграду грѣха, не слушайте обольщеній матеріи, тьмы, очистите себя отъ земныхъ грѣховъ, и вы возродитесь къ первобытному божественному состоянію человѣка; въ васъ заблещетъ небесный свѣтъ, высшее знаніе будетъ дано вамъ. Для этого человѣку нужно подниматься... отъ грѣховности земной къ свѣту небесному; ему нужно уединиться отъ соблазновъ матеріальнаго міра, углубиться въ самого себя, предаться самопознанію, и для него настанетъ блаженное время субботняго покоя, когда ему останется прислушиваться только къ своему внутреннему голосу, чтобы понять высшія тайны человѣческаго бытія. Внутреннее откровеніе, возвращеніе къ божественному свѣту замѣнитъ для человѣка пустую школьную науку, которая дѣлаетъ людей гордыми, са-

---

[1]) Вѣстн. Евр. 1867 г. № 2. Ст. г. Пыпина «Рус. мас—во въ 18 в.», стр. 2.

моувѣренными и заставляетъ ниспадать глубже въ міръ матеріи, во власть дьявола» [1]).

Эти слова совершенно справедливы. Мистическія, средневѣковыя вѣрованія несомнѣнно составляютъ сущность масонства. Масонство всегда, напр., сильно боялось дьявола; оно считало его страшнымъ и могущественнымъ врагомъ людей вообще, а масоновъ въ особенности; оно считало дьявола властителемъ міра. Братъ Tithonus (московскій розенкрейцеръ Чеботаревъ) въ своемъ разсужденіи „О путяхъ ведущихъ къ Царствію Божію", читанномъ имъ въ одномъ изъ розенкрейцерскихъ собраній, говоритъ, что самый главный врагъ человѣка на внутреннемъ пути его жизни, это—„сильный и коварный, злобный и непримиримый врагъ Божій, врагъ Царства Его и врагъ всѣхъ хотящихъ внити въ оное, *духъ злобы поднебесной, князь и властитель міра сего*, движущій на насъ различныя стрѣлы различныхъ въ насъ страстей, пороковъ и грѣховъ. Противъ сего *страшнаго врага*, говоритъ проповѣдникъ, должны мы ополчиться мечемъ духовнымъ слова Божія и щитомъ вѣры живой и дѣятельной" [2]). Въ другой масонской рукописи [3]), въ статьѣ ея „Извлеченіе изъ отпуска великаго пріората", говорится, по поводу осмотра правительствомъ книгъ Новикова въ концѣ 1785 и въ началѣ 1786 г., что „часъ настоитъ, въ который князь тьмы чрезъ неисчислимое множество сектъ господствуетъ во всѣхъ мѣстахъ, и уже большую часть ложъ въ страшное привелъ заблужденіе и стремится совершенно уничтожить великую цѣль всего каменщичества. Ко исполненію онаго находитъ онъ вездѣ орудія, которыя внутренно суть толико же злобны и черны, какъ онъ. При реченномъ гоненіи на васъ употребилъ онъ въ орудіе нѣкоего П. и другихъ... мірозапутанныхъ гонителей истины. Ахъ! только бы онъ между васъ, сердцемъ любимые братья, подъ покровомъ агнчимъ не вкрался, и чтобы онъ, преисполненъ злочестія, не притворился такъ, что вы его не примѣтите, дабы при первомъ случаѣ васъ уязвить, васъ отъ истины ложными представленіями отвести и тако предать васъ душеубійцѣ".—„Въ Апокалипсисѣ, пишетъ одинъ московскій розенкрейцеръ-нѣмецъ въ своемъ дневникѣ [4]), есть мѣсто: я хочу придти къ тебѣ, но духъ страны противодѣйствуетъ мнѣ. Такъ теперь (дневникъ писанъ въ серединѣ 80-хъ годовъ) противодѣйствуетъ дьяволъ всѣмъ розенкрейцерамъ въ Россіи, чтобы въ

[1]) Рус. Вѣстн. 1862 г. апр. Ст. г. Тихонравова «Чет. года изъ жизни Карамзина». Стр. 737—738.

[2]) Рукопись Румянц. Музея изъ Собр. мас. рук. Ешевскаго, № 95.

[3]) Доп. къ ист. мас—ва въ Россіи, Пекарскаго. Спб. 1869 г. Стр. 73.

[4]) Тамъ-же, стр. 84—85.

царствѣ тьмы удержать тьму"... Міръ земной и земная жизнь — царство дьявола и тьмы, и масонство аскетически отрекалось отъ міра и жизни. Въ елагинскихъ правилахъ—какъ должно приготовлять вступающаго въ каменщики въ числѣ должностей масона названа „любовь къ смерти" [1]). Масонство какъ-бы не признаетъ, отрицаетъ земную жизнь человѣка: „Сколько тебѣ лѣтъ? (спрашиваютъ ученика въ катехизисѣ для учениковъ-масоновъ). Три года съ лишкомъ (отвѣчаетъ онъ). Для чего ты такъ отвѣчаешь? — Ибо я въ трехъ преддверіяхъ храма и въ его притворѣ работалъ", поясняетъ ученикъ. Въ катехизисѣ для товарищей товарищъ говоритъ, что ему пять лѣтъ, потому что онъ знаетъ „пять орденовъ архитектуры" [2]). Знаменитый масонъ Гамалея въ письмѣ къ брату Левшину [3]) называетъ людей „земнородными чадами гнѣва и тьмы", а земную жизнь ихъ, земной возрастъ—„плотянымъ во гнѣвѣ возрастомъ". Все, относящееся къ земной жизни, не только предметы матерьяльнаго міра, но и то, чѣмъ живетъ человѣческій духъ, искусство, науку, все это масонство готово отрицать, — никакихъ земныхъ радостей и привязанностей оно не допускаетъ; все земное должно служить человѣку лишь средствомъ для извлеченія изъ него правоученій и назиданій. Братъ Pius (Поздѣевъ) такъ исповѣдуется передъ брр. розенкрейцерами въ засѣданіи ихъ ложи (10 сент. 1791 г.): „злоупотребленіемъ во мнѣ находящихся силъ натуры всякій день падаю я, говоритъ онъ съ искреннимъ сердечнымъ сокрушеніемъ. Твари, представленныя мнѣ, не разсматриваю для моего наученія въ вящшее меня назиданіе и внутреннее побужденіе къ свѣту, во мнѣ неоткровенно сущему, а взираю на нихъ окомъ лукавыхъ, заглядываюсь, безумѣю и съ ними въ семъ безуміи останавливаюсь, любуясь ими, съ ними сообщаюсь, и дѣлаю изъ всѣхъ нравящихся мнѣ предметовъ міра сего идоловъ; ибо, взирая на нихъ, забываю Бога, сего моего все, и прилѣпляюсь яко пьяный, самъ не вѣдая къ чему" [4]).— Предметъ истиннаго масона „есть любовь, а не богатство и слава, не просвѣщеніе и прочіе дары", говоритъ бр. Vegetus (Ив. П. Тургеневъ) въ своей бесѣдѣ въ засѣданіи р. кр. ложи 10 дек. 1791 г.[5]).— С. Т. Аксаковъ былъ въ молодости знакомъ съ масоновъ Рубановскимъ (псевдонимъ), человѣкомъ весьма почтеннымъ; вотъ что говоритъ Аксаковъ про убѣжденія этого Рубановскаго: „моя горячая любовь къ литературѣ, къ театру, къ изящнымъ искусствамъ, какъ вы-

[1]) Тамъ-же, стр. 50.

[2]) Тамъ-же, стр. 42 и 46.

[3]) Рук. Рум. Музея изъ Собр. Ешевск. № 95.

[4]) Тамъ-же.

[5]) Тамъ же.

ражались тогда, была въ его глазахъ такою же мірскою суетою, какъ балы, щегольство, карты и даже разгульная жизнь“ [1]). — Знаменитый художникъ Витбергъ, близко знакомый въ молодости съ Лабзинымъ, разсказываетъ [2]) про этого извѣстнаго масона и мистика, что онъ, „преданный религіозно-философскимъ изысканіямъ, требовалъ, чтобы всѣ жертвовали своими занятіями вопреки призванію, вопреки талантамъ, считая все низкимъ. Такимъ образомъ, вмѣсто того, разсказываетъ художникъ, чтобы питать жаръ и любовь во мнѣ къ искусствамъ, онъ охлаждалъ меня къ нимъ, отвлекалъ отъ нихъ“. Подобное же отношеніе къ искусству встрѣтилъ Витбергъ и въ знаменитомъ масонѣ Гамалеѣ: Гамалея не такъ, какъ Новиковъ, а холодно отнесся къ его проекту храма Христа Спасителя: „строгій стоикъ, умершій для всего наружнаго“, онъ сказалъ художнику: „конечно, это хорошо; но ежели вашъ проектъ будетъ избранъ, не опасаетесь ли вы тогда увлечься такъ вашими наружными занятіями, и исполняя по совѣсти, какъ вѣрный сынъ отечества, сложныя и трудныя должности, что вы принесете имъ на жертву высшее, нежели чего онѣ достойны“ [3]). — Въ рукописи изъ собранія покойнаго Ешевскаго, о которой я упоминалъ здѣсь уже нѣсколько разъ [4]), есть отдѣлъ подъ названіемъ „Отрывки, доставшіеся брату М. В. П. послѣ покойнаго оберъ-директора Коловіона, большею частію писанные собственною его К. рукою“; въ этомъ отдѣлѣ въ статьѣ, озаглавленной—„Относительно къ брр.“, гдѣ перечислены нѣкоторыя обязанности братьевъ-масоновъ, мы встрѣчаемъ между прочимъ запрещеніе смѣяться надъ пороками, т. е. отреченіе отъ смѣха, а слѣдовательно и отъ сатиры. Вотъ этотъ отрывокъ: „Ш. Къ сему главнѣйшее: стараться воздерживаться отъ пересмѣханія и сужденія всякаго человѣка, особливо же брата нашего: ибо сіе 1-е) возмущаетъ и нарушаетъ любовь братскую и совершенно препятствуетъ растѣнію въ насъ любви братской. 2-е) выводитъ насъ изъ чувства сего и непремѣнно поставляетъ въ чувство нелюбви, ибо 3-е) мы не на словахъ, но дѣятельно любовь нашу исполнять должны; 4-е) что навыкъ къ злоязычеству и пересмѣханію столь въ насъ великъ, что всѣ силы, дарованныя намъ отъ Бога, должны употреблять къ обузданію сей страшной, ядовитой и зловредной похоти, дабы не впасть въ когти хитраго и лукаваго врага нашего. 5-е) и что не довольно того, что мы не будемъ дѣйствительно пересмѣхать и осуждать ближнихъ нашихъ; но надобно стараться и пожеланіе къ сему истребить: ибо всякое

[1]) Рус. Бесѣда 1859 г. № 1. «Встрѣча съ мартинистами», стр. 70.
[2]) Рус. Стар. 1872 г. № 4. Зап. акад. Витберга, стр. 551.
[3]) Тамъ-же, стр. 563.
[4]) Рук. Рум. Музея изъ Собр. Ешевскаго, № 95.

злое пожеланіе въ насъ есть сѣмя грѣховное, которое нынѣ или завтра произведетъ растѣніе, когда того не подозрѣваемъ. 6-е) надобно приводить себя къ тому, чтобы и слушать пересмѣханіе другихъ въ присутствіи нашемъ было намъ больно и тягостно, когда не можемъ отвратить сего и воспрепятствовать, и чтобы внутренно молить Бога о удержаніи сего зла. — IV. Противнымъ образомъ, когда представится что въ ближнемъ нашемъ смѣшнымъ или худымъ, мы должны тотчасъ обратиться къ сей самой слабости или страсти, или пороку въ насъ самихъ; и ежели мы поступимъ въ семъ случаѣ искренно и проницательно и праведно, то найдемъ сіе самое въ насъ самихъ еще въ большей степени; или же, если не найдемъ онаго въ себѣ, то должны мы будемъ признаться, что за сіе мы не себѣ, но особому къ намъ милосердію Божію обязаны“. — Такъ относилось масонство къ міру, такъ отрекалось оно отъ жизни.

Въ одномъ посланіи къ брр. розенкрейцерамъ [1]), въ посланіи, разъясняющемъ брр. значеніе силанума, говорится, что масонъ долженъ всегда стоять на точкѣ „рѣшимости мужественно ратоборствовать противъ плоти, міра и сатаны, и подвизаться въ томъ до самой смерти“;— очевидно, для масонства „плоть, міръ и сатана“ были одно соединенное цѣлое. Бороться съ этимъ страшнымъ врагомъ было призваніемъ и обязанностію масона. Ив. Вл. Лопухинъ въ своемъ „Нравоучительномъ Катихизисѣ Истинныхъ Ф—къ М—въ“ говоритъ [2]), что дѣйствительнѣйшее средство послѣдованія Іисусу Христу есть „умерщвленіе чувствъ лишеніемъ того, что ихъ наслаждаетъ“. Эта борьба съ міромъ и сатаною представлялась масонству очень тяжелой: „во смиреніи душевномъ признаваюсь при томъ, пишетъ Ив. П. Елагинъ въ своей „Бесѣдѣ“ [3]), что трудно и едва возможно удрученному бренною плотію человѣку и живущему въ развращенномъ мірѣ семъ гражданину расторгнуть узы его связующія, и дать свободу духу, его оживляющу и творящу къ объявленнымъ качествамъ удобнымъ. Неумѣренное праотца нашего вожделѣніе, испустивъ страшное изъ твердыхъ заклепъ зло и давъ ему волю неистовствовать въ тѣлесномъ веществѣ, сокрыло въ насъ врожденныя ко благу стремленія и способности, и самое благо столь отъ насъ удалилось, что мы почти безсильны стали къ оборонѣ противъ парящихъ на насъ злокозненныхъ стрѣлъ лютаго демонскаго прельщенія, о которомъ не просто сотрудникъ нашъ св. ап. Павелъ,

[1]) Тамъ-же.
[2]) Новиковъ и моск. мартинисты, г. Лонгинова. Прилож. Стр. 056.
[3]) Доп. Пекарскаго. Стр. 109.

жалуясь, вопіетъ: дадеся ми пакостникъ плоти, аггелъ Сатанинъ да пакости ми дѣетъ (Къ Кор. посл. 2, гл. XII, ст. 7)".

Человѣкъ не долженъ искать своего счастья въ земной, тѣлесной жизни. Главное благо человѣка есть „аскетическое настроеніе духа"[1]). Сообразно съ этой идеей смотрѣло масонство и на любовь: оно или отвергало ее, или признавало въ формѣ возвышеннаго, безтѣлеснаго, идеальнаго чувства. Въ дневникѣ розенкрейцера, напечатанномъ пок. Пекарскимъ, встрѣчаются такія слова [2]): „сегодня, наконецъ, посвященъ въ розенкрейцеры. Ахъ, милосердый Господь! Не допусти меня до паденія, Господь Богъ Саваоѳъ! О, какъ бы спокойно могъ ожидать я конца. Какъ бы мнѣ хорошо было, когда бы я *черезъ одну* не былъ существомъ, привязаннымъ къ свѣту и земному. Между тѣмъ мнѣ уже легче: любовь между душами есть божественное чувство и не заслуживаетъ наказанія, пока слабый человѣкъ не старается дѣлать изъ своей любви предмета сладострастія. Притомъ же въ восьмой степени не запрещенъ бракъ, но лучше быть холостымъ. Теперь пусть располагаетъ мною Богъ". Изъ этихъ словъ видно, что въ высшихъ степеняхъ масонства бракъ былъ запрещенъ; любовь считалась масонами чувствомъ дурнымъ, привязывающимъ насъ къ міру, къ царству дьявола; но въ то же время „любовь между душами" признается „божественнымъ чувствомъ". Между рукописями Румянцевскаго Музея въ Записной книжкѣ Вѣльгорскаго г. Пыпинъ встрѣтилъ масонское преданіе, или, лучше сказать, вѣрованіе, что „Адамъ сообщалъ магически тинктуру (алхимическій терминъ) для зачатія человѣка" посредствомъ „цѣломудреннаго лобзанія" [3]).

Изъ всего сказаннаго ясно, что масонство носило на себѣ печать аскетизма. Оно сходно, такимъ образомъ, съ монашествомъ. Даже масонство англійское, эта самая простая его форма, имѣло тотъ же характеръ; по крайней мѣрѣ оно отличалось индифферентизмомъ по вопросамъ народности, политики, религіи: оно принимало въ число братьевъ людей безъ различія ихъ національности, обязывало ихъ только къ той религіи, въ которой всѣ люди согласны, и, наконецъ, требовало отъ своихъ членовъ невмѣшательства въ политическія и соціальныя дѣла [4]). Отдаленность московскихъ розенкрейцеровъ отъ вмѣшательства въ дѣла государства совершенно обнаружилась изъ слѣдственнаго дѣла надъ Новиковымъ и его товарищами въ 90-хъ

[1]) Тамъ-же, стр. 67. Сборн. разн. мас-хъ статей. „Комментаріи о разныхъ орд-хъ истинахъ".

[2]) Тамъ-же, стр. 88. Дневникъ Р. Кр—ра.

[3]) Вѣстн. Евр. 1872 г. № 1. Матер. для ист. мас. ложъ. I. Р. Кр. Стр. 202.

[4]) Вѣстн. Евр. 1868 г. № 7. Рус. мас-во до Новикова, ст. г. Пыпина.

годахъ прошлаго столѣтія.—Но, сходясь съ монашествомъ въ своемъ аскетизмѣ, масонство отличается отъ него тѣмъ, что его назначеніе было дѣйствовать не въ удаленіи отъ міра, а въ самомъ мірѣ, въ средѣ обыденной людской жизни. Въ „Нравоучительномъ Катихизисѣ Истинныхъ Фр—къ Мас—въ" Лопухина на вопросъ: „гдѣ истинный Ф. М. долженъ совершать свою работу?" данъ такой отвѣтъ: „посреди сего міра, не прикасаяся сердцемъ къ суетамъ его"[1]). Такимъ образомъ масонство есть какъ бы свѣтскій монашескій орденъ. Этимъ оно сходно съ орденомъ іезуитовъ. Оно сходно съ Обществомъ Іисуса и въ нѣкоторыхъ другихъ, не менѣе, если не болѣе, существенныхъ пунктахъ, о чемъ будетъ далѣе. Но чѣмъ особенно рѣзко отличается масонство отъ ордена іезуитовъ, такъ это организаціей. Орденъ іезуитовъ поражаетъ насъ строгой стройностью, единствомъ своей организаціи; масонство никогда не отличалось единствомъ; это одна изъ причинъ—почему такъ трудно уловить его сущность: системъ масонства было множество, и эти системы порой очень сильно отличались одна отъ другой, отличались цѣлями, къ которымъ стремились, тайнами, которыя хранили, символами, одеждами, преданіями, числомъ степеней и т. д. — Это разнообразіе въ масонствѣ дѣлаетъ затруднительнымъ прямой отвѣтъ на вопросъ: какую масонство имѣло цѣль?

2.

Первоначальнымъ, основнымъ масонствомъ считаютъ масонство англійское [2]). Это самая простая его форма. Въ англійскомъ масонствѣ было только три степени: ученика, товарища, мастера. Англійское масонство стремилось къ нравственнымъ цѣлямъ, требовало отъ своихъ членовъ добродѣтели; вмѣстѣ съ тѣмъ оно имѣло и хранило тайну, владѣло мистической легендой; по всей вѣроятности, эта таинственная, мистическая легенда о построеніи соломонова храма и составляла тайну общества. Эта мистическая легенда, а также сходство масонскаго устройства съ устройствомъ старинныхъ цеховъ каменщиковъ сближаетъ масонство съ средними вѣками. Ни тайныхъ наукъ, ни стремленія дѣлать золото, ни вызыванія духовъ въ англійскомъ масонствѣ не было. — Но въ такихъ простыхъ формахъ масонство оставалось не долго: въ самой Англіи началось его дальнѣйшее развитіе. Первоначально вся обрядность его ограничивалась такъ-называемой „ученической

[1]) Зап. Лопухина, послѣ 23 стр. «Нрав. Катих.» вопр. 7. (См. „Нрав. Кат." у Лонгин. въ кн. „Новиковъ и пр.").

[2]) О различн. сист. мас-ва см. статьи г. Пыпина и VI и VII гл. соч. Лонгинова „Нов. и моск. март.".

лекціей"; но затѣмъ явились лекціи товарищеская и мастерская, которыя были позднѣйшимъ развитіемъ основной темы стараго обряда. Затѣмъ явились баснословныя сказанія о судьбѣ таинственной мудрости, сохраняемой избранными мужами съ сотворенія міра; явилось историческое баснословіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ формы каменщичества начали становиться искусственными. Кромѣ того, явился въ масонствѣ и обманъ, явились поддѣльные документы.—Перенесенное на континентъ, масонство подверглось всевозможнымъ преобразованіямъ и видоизмѣненіямъ. Его сблизили съ уничтоженнымъ орденомъ Рыцарей Храма (Тампліеровъ); съ нимъ слились средневѣковыя мистическія науки—алхимія, магія и другія. Явились новыя, высшія степени масонства, самые разнообразные и странные обряды, стремленія, цѣли. Первоначальное масонство, говоритъ г. Пыпинъ [1]), съ одной стороны было искажаемо мистическими вѣрованіями, а съ другой въ него входила политическая интрига и мошенничество; масонство въ нѣкоторыхъ отрасляхъ своихъ подверглось дѣйствію и вліянію іезуитовъ. Такимъ образомъ появились: система строгаго наблюденія или тампліерство, система слабаго наблюденія или циннендорфство, розенкрейцерство, мартинизмъ, иллюминатство и т. д. Г. Пыпинъ придаетъ, кажется, слишкомъ большое значеніе интригѣ, обману въ масонствѣ. Обманъ, конечно, былъ, ибо масонство по самому существу своему легко могло быть подвержено обману; но онъ былъ не въ такихъ большихъ размѣрахъ. Странности и увлеченія различныхъ системъ масонства въ большинствѣ случаевъ были лишь дальнѣйшимъ развитіемъ тѣхъ задатковъ, которые замѣтны въ масонствѣ англійскомъ, дальнѣйшимъ развитіемъ его мистицизма и отношеній англійскихъ масоновъ другъ къ другу и къ обществу, дальнѣйшимъ развитіемъ взаимныхъ отношеній степеней ученической, товарищеской и мастерской (мнѣ придется еще далѣе вернуться къ этому вопросу). Интрига, обманъ, случай, недоразумѣніе и т. п. едва-ли вообще могутъ играть въ исторіи слишкомъ большую роль.—Какая же была цѣль масонства? какія его стремленія?

Вслѣдствіе разнообразія системъ масонства, и цѣли его были разнообразны. Въ ритуалахъ ложи Елагина, напечатанныхъ Пекарскимъ, въ правилахъ—какъ риторъ долженъ приготовлять новичка прежде открытія ложи, говорится, что цѣль ордена есть „сохраненіе и преданіе потомству нѣкотораго важнаго таинства, отъ самыхъ древнѣйшихъ вѣковъ и даже отъ перваго человѣка до насъ дошедшаго, отъ котораго таинства, можетъ быть, судьба цѣлаго человѣческаго рода

[1]) Вѣстн. Евр. 1867 г. № 2. „Русск. мас-во въ 18 вѣкѣ". Стр. 85.

зависитъ, доколѣ Богъ благоволитъ ко благу человѣчества открыть оное всему міру". Но чтобы открыть это таинство, надобно стараться о нравственномъ усовершенствованіи себя; слѣдовательно, вторая цѣль ордена—„исправлять и весь человѣческій родъ" [1]). Самъ Елагинъ, въ предъувѣдомленіи къ сочиненію своему „О человѣкѣ и сотвореніи міра" [2]), мимоходомъ указываетъ на другую цѣль масонства: „чрезъ познаніе себя самого, говорятъ премудрые, должно познавать Творца и твореніе".—Упомянутое мною выше посланіе къ брр. розенкрейцерамъ, разъясняющее имъ значеніе силанума, говоритъ, что „предметъ, на который, не смигая, такъ сказать, взоръ свой долженъ обращать Р+ (розенкрейцеръ), есть возвращеніе или возстановленіе въ себѣ во всѣхъ трехъ принципіяхъ потерянаго или помраченнаго образа Божія. Важный и всякаго вниманія достойный предметъ!" [3]) То-же сочиненіе въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что таинство, видѣть которое долженъ стремиться всякій розенкрейцеръ, есть „таинственный процессъ и высочайшее святѣйшее таинство таинствъ, сокрытое и непостижимое и самимъ Серафимамъ,— таинство, или Іисусово мастерство, какъ снята имъ клятва съ человѣка, и чрезъ то очищенъ онъ и приготовленъ удобопріимнымъ къ проекціи (?) на него образа Божія" [4]). — Въ одномъ рукописномъ наставленіи бр. Р. К-ру, только что принятому должно быть въ 4 степень Р. Кр-ва [5]), говорится, что первый предметъ вступленія въ орденъ „есть: чтобъ Премудрость, Науку и Добродѣтель стяжать, Богу угодить и ближнему служить". „Во 2 и 3 классахъ (т. е. въ товарищеской и мастерской степеняхъ), говорится далѣе, мы были обучаемы натуры знанію, которое, въ разсужденіи поврежденнаго и растлѣннаго состоянія нашего, есть удобнѣйшій путь къ познанію Бога и человѣка. Что какъ паденіе Адамово и наше учинилось обращеніемъ натуры къ себѣ, такъ и возстаніе наше должно быть чрезъ познаніе натуры и твари, и обращеніемъ оной къ Богу, Творцу нашему. Въ четвертомъ классѣ (теоретическій градусъ соломоновскихъ наукъ, четвертая степень Р. Кр-ва) ясно уже усмотрѣть можно, чрезъ совершившееся съ нами помазаніе и курительной жертвы фиміама, истинный предметъ св. ☉-на (т. е. ордена), и ясное блистаніе истинной невидимой церкви Спасителя нашего". Въ 5-й степени (въ практическомъ градусѣ соломоновскихъ наукъ) „въ пол-

[1]) Доп. Пекарскаго, стр. 50.

[2]) Тамъ-же, стр. 93.

[3]) Рук. Рум. Музея изъ собр. Ешевск. № 95.

[4]) Тамъ-же.

[5]) Тамъ-же, „Отрывки, доставшіеся бр. М. В. П. послѣ покойн. Об.-Дир. Коловіона".

номъ уже свѣтѣ является она". Членомъ же этой церкви можно сдѣлаться не иначе, какъ чрезъ истинное раскаяніе, очищеніе души молитвою, познаніе своихъ недостатковъ и „отверженіе самого себя и собственной воли и преданіе себя въ волю Спасителя".

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что цѣли масонства были неопредѣленны и разнообразны. Совершенно справедливо то, что сказалъ объ этомъ Ешевскій. Онъ задаетъ вопросъ: „были ли приведены въ строгую систему мистическія убѣжденія общества?" и такъ на это отвѣчаетъ:

„По самому свойству ихъ едва-ли было это возможно. Самая цѣль общества оставляла полный просторъ всѣмъ болѣе или менѣе спиритуалистическимъ стремленіямъ, не исключая ни одного изъ нихъ. Она сама могла быть понимаема и дѣйствительно была понимаема различно членами одного и того же общества".

Одни считали цѣлью—дѣлать людей добродѣтельнѣе, соединять ихъ общимъ союзомъ; другіе признавали за цѣль—испытаніе натуры вещей и чрезъ то пріобрѣтеніе силы и власти къ исправленію людей, врачебную науку, обновленіе тѣла, превращеніе металловъ; третьи—соединеніе съ божествомъ, слѣдствіемъ чего будетъ познаніе и власть въ тѣлесной натурѣ, сообщеніе съ духами, всеобщій языкъ и внутренній міръ добродѣтели. Притомъ: одни почитали цѣль преданіемъ уже пріобрѣтенной мудрости, другіе за несовершившееся еще намѣреніе. Далѣе:

„Мы отличаемъ степень, къ которой Провидѣніе опредѣлило здѣсь каждаго брата особенно, отъ той высшей степени, до которой можетъ достигнуть истинный каменщикъ, исполнившій образъ въ дѣлѣ и истинѣ. Отличаемъ отъ обѣихъ всеобщую цѣль ордена и отличаемъ цѣль ордена *въ разсужденіи нынѣшняго времени* отъ той цѣли, которую онъ имѣетъ яко учреждевіе пребывающее. Отличаемъ, наконецъ, ограниченнѣйшую цѣль трехъ Іоанновскихъ степеней отъ цѣли цѣлаго ордена".

Если же мы хотимъ опредѣлить общее среди этого разнообразія стремленій и цѣлей, то можемъ сказать, что

„всѣ вообще признаютъ цѣлію приближеніе человѣка къ нѣкоторому образу совершенства, не говоря—есть ли то состояніе первозданной славы и невинности, или преобразованіе Христа, или тысящелѣтнее царство, или глубокая, добромысленно-радостная мудрость; въ семъ ли мірѣ то совершается или уже по ту сторону гроба" [1]).

3.

У насъ въ Россіи нашли себѣ послѣдователей различныя системы масонства. Новиковъ въ одномъ своемъ показаніи во время слѣдствія

[1]) Собр. соч. Ешевск. т. III. „Нѣск. замѣч. о Н. И. Новик." Стр. 430—431

надъ нимъ [1]) говоритъ, что въ Россіи было 4 вида масонства: *англицкое*, подъ правленіемъ Ив. Перф. Елагина; *шведское*, подъ правленіемъ кн. Куракина, а потомъ кн. Гавр. Петр. Гагарина; *рейхельское*, сначала подъ правленіемъ бар. Рейхеля, а по соединеніи съ Ив. П. Елагинымъ подъ его правленіемъ, и наконецъ *берлинское*, начавшееся въ Москвѣ по пріѣздѣ профес. Шварца. Такимъ образомъ, въ Россіи были, значитъ, почти всѣ главнѣйшія системы масонства: первоначальная форма его съ ея тремя только, такъ-называемыми Іоанновскими степенями; тампліерство—въ масонствѣ шведскомъ; система слабаго наблюденія (lata observantia)—въ масонствѣ рейхельскомъ; и наконецъ — розенкрейцерство, которое и разумѣетъ Новиковъ подъ масонствомъ берлинскимъ. Розенкрейцерство, какъ извѣстно, случайно узнано Шварцемъ въ Берлинѣ, когда онъ ѣздилъ за-границу посломъ отъ московскихъ братьевъ на Вильгельмсбадскій конвентъ съ цѣлью добиться самостоятельности для русскихъ масоновъ и наименованія Россіи одною изъ провинцій ордена.

Г. Пыпинъ говоритъ, что масонство вошло къ намъ „къ сожалѣнію, въ самыхъ сомнительныхъ его формахъ" [2]). Но въ то-же время онъ утверждаетъ про наше розенкрейцерство, что „едва-ли настоящимъ образомъ оно научилось чему-нибудь", потому что оно остановилось на первыхъ степеняхъ [3]). Это совершенно справедливо. Въ запискѣ подъ заглавіемъ „Показанія Новикова", писанной въ царствованіе Александра I, должно быть, для самого императора [4]), говорится, что хотя въ бумагахъ московскихъ розенкрейцеровъ и есть предположенія о дѣланіи золота, исканіи камня философическаго и о прочихъ химическихъ работахъ, но собственно всѣхъ этихъ работъ наши розенкрейцеры не производили и не знали, равно какъ въ магіи и кабалѣ они не упражнялись, ибо были еще въ нижнихъ градусахъ.—Съ этимъ совершенно согласно показаніе не разъ уже упомянутаго мною дневника розенкрейцера. Авторъ дневника бесѣдуетъ съ Вельнеромъ о русскихъ братьяхъ: „однажды я разсказывалъ, пишетъ онъ, какъ сильно любятъ они теозофію и мистическія книги, и какое они питаютъ отвращеніе къ химіи. Онъ отвѣчалъ: я долженъ сдѣлать о томъ особое донесеніе. Не нужно все объяснять ми-

[1]) Сборн. Русск. Ист. общ. т. II. Документы по новиковск. дѣлу, „Списки членовъ мас-хъ ложъ".

[2]) Вѣстн. Евр. 1867 г. № 2, стр. 90.

[3]) Тамъ-же, № 3, стр. 22.

[4]) Сборн. Русск. Ист. общ. т. II. Докум. по нов. дѣлу. „Показ. Новикова" ст. 5 и 7.

стически: химія лежитъ въ основаніи“ [1]).—Но въ томъ же самомъ дневникѣ встрѣчается и такого рода замѣчаніе о русскихъ братьяхъ: „мы не должны вводить скоро братьевъ, находящихся въ теоретическомъ градусѣ, въ мистическое, дабы не пришлось когда либо отвѣчать за душу. Русскій народъ склоненъ ко всякимъ крайностямъ“ [2]). Т. е. автору дневника кажется, что русскіе слишкомъ спѣшатъ отъ теоріи, или изъ теоретическаго градуса (4-ая степень Р. Кр-ва), перейти къ практикѣ, или въ высшія степени. И дѣйствительно, московскіе розенкрейцеры и вообще русскіе масоны, если не имѣли еще высшихъ степеней и не владѣли еще высшими тайнами, то сильно желали и стремились овладѣть ими: съ этою цѣлью, т. е. для изученія высшихъ тайнъ, отправленъ былъ ими за-границу Кутузовъ, какъ положительно говоритъ объ этомъ упомянутая выше записка подъ заглавіемъ „Показанія Новикова“ [3]). Пекарскій намекаетъ, что съ цѣлью изучать химію для орденскихъ упражненій отправлены были за-границу и Колокольниковъ съ Невзоровымъ [4]);— но здѣсь осторожный изслѣдователь, вопреки своему обѣщанію не дѣлать преждевременныхъ, по его мнѣнію, выводовъ о масонствѣ, увлекся и сдѣлалъ выводъ нѣсколько скороспѣлый: мы не имѣемъ никакихъ данныхъ утверждать, что Колокольниковъ и Невзоровъ были отправлены именно съ этою цѣлью,— изъ ихъ показаній въ новиковскомъ слѣдственномъ дѣлѣ видно только, что Ив. Вл. Лопухинъ поручалъ имъ покупать различныя розенкрейцерскія книги, говорившія о высшихъ тайнахъ, и совѣтовалъ имъ читать эти книги [5]); ни о какомъ же пріобрѣтеніи ими высшей мудрости мы ничего не знаемъ. Да на нихъ, сколько извѣстно, масонство и не имѣло особенныхъ разсчетовъ, имъ не предназначалось въ немъ никакой особенной роли. Другое дѣло Кутузовъ,—онъ долженъ былъ стать во главѣ розенкрейцерства въ Россіи, долженъ былъ замѣнить Шварца, мѣсто котораго, послѣ измѣны масонству бар. Шредера, оставалось свободнымъ. Объ этомъ назначеніи Кутузова говоритъ прямо записка „Показанія Новикова“ [6]); это же подтверждается и „Спискомъ членовъ масонскихъ ложъ“, написаннымъ Новиковымъ по требованію слѣдователей. Въ этомъ спискѣ говорится [7]): „члены берлинскаго масонства (т. е. Р. Кр-ва) въ

[1]) Доп. Пекарскаго, стр. 86.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Сборн. Русск. Ист. общ. т. II. Док. по нов. дѣлу „Показанія Новикова“, пунктъ 5.

[4]) Доп. Пекарскаго, стр. 69.

[5]) Сборн. Р. Ист. общ. т. II, стр. 135 и 140.

[6]) Тамъ-же, документы по новиковск. дѣлу, „Показ. Новикова“, пунктъ 1.

[7]) Тамъ-же, „Списокъ членовъ мас-хъ ложъ“.

Москвѣ, которые управляли всѣмъ симъ заведеніемъ и по масонству и по типографической компаніи: 1) бар. Шредеръ, поручикъ. 2) Алексѣй Мих. Кутузовъ, премьеръ-маіоръ. 3) Кн. Ник. Никит. Трубецкой, дѣйств. ст. сов. 4) я“ (т. е. Новиковъ), и т. д. Здѣсь порядокъ, въ которомъ названы члены, очевидно не случайный: Шредеръ названъ первымъ,—онъ и былъ, какъ извѣстно, главою московскихъ Р. Кр-въ послѣ Шварца; князя Трубецкаго поставилъ Новиковъ выше себя,— кн. Н. Н. Трубецкой и занималъ въ розенкрейцерствѣ мѣсто дѣйствительно высшее, чѣмъ Новиковъ, (это было извѣстно даже непроницательному главнокомандующему Москвы кн. Прозоровскому) [1]): въ 1788 г. съ учрежденіемъ въ Россіи Гауптъ-Директоріи онъ поставленъ былъ во главѣ ея [2]). Но кн. Трубецкой не былъ свѣдущъ въ тайныхъ наукахъ: очевидно, Кутузовъ, поѣхавшій за-границу и поставленный Новиковымъ въ спискѣ выше Трубецкаго, поѣхалъ именно съ цѣлью ознакомленія съ „царственной наукой“, и долженъ былъ вернуться посвященнымъ въ высшія степени и умѣющимъ работать надъ приготовленіемъ золота и философскаго камня, а можетъ быть и знатокомъ магіи. Все это, какъ извѣстно, не сбылось, ибо Кутузовъ въ Берлинѣ умеръ, а затѣмъ началось преслѣдованіе масонства въ Россіи.— И не одни московскіе розенкрейцеры стремились къ высшимъ тайнамъ: этихъ тайнъ искало и наше англійское масонство въ лицѣ своего представителя Ив. Пер. Елагина. Елагинъ признавалъ только три первыя степени масонства; остальныя, высшія степени, онъ отвергалъ; надъ розенкрейцерствомъ онъ подсмѣивался [3]). Но онъ самъ впалъ въ исканіе золота; въ дневникѣ розенкрейцера говорится: „Елагинъ желалъ выучиться отъ Каліостро дѣлать золото“ [4]). Подсмѣиваясь надъ розенкрейцерствомъ, онъ однакоже увлекался розенкрейцерскими книгами, ихъ ученіемъ [5]).

Причины такихъ противорѣчій у Елагина г. Пыпинъ видитъ въ недостаточности образованія. Невѣжество тогдашняго русскаго общества, по его словамъ, было вообще причиною того, что масонство явилось у

[1]) Тамъ-же, „Переписка кн. Прозоровскаго съ Шешковскимъ“, стр. 105. „Возраженія на отвѣты Новикова“, пунктъ 36.

[2]) Рук. Рум. Музея изъ собр. Ешевскаго № 95. Два письма Коловіона (Новикова) къ бр. Vegetus'у (Тургеневу) и Ерласъ (т. е. отпускъ) бр. Porrectus'а (кн. Н. Н. Трубец.) къ бр. Vegetus'у.

[3]) Рус. Арх. 1864 г. № 1. „Ученіе древняго любомудрія“ Елагина; стр. 104 и 105.—Доп. Пекарск. „Грамотка къ высокопочтеннымъ неизвѣстнымъ неизвѣстныя св. каменщиковъ системы“. Стр. 94—95.

[4]) Доп. Пекарскаго, стр. 78 и 79.

[5]) Рус. Арх. 1864 г. № 1. „Уч. др. любом.“ стр. 108, назв. книгъ р. кр-хъ.— Вѣстн. Евр. 1868 г. № 7, „Рус. мас-во до Новик.“ Послѣ 208 стр.

насъ въ самыхъ сомнительныхъ его формахъ. Невѣжество было причиною и того, что масонство не встрѣтило у насъ никакого отпора, никакихъ серьезныхъ возраженій. Если Новиковъ колебался сдѣлаться членомъ ордена, то это потому только, что „онъ опасливо осматривался, не нарушаетъ ли этотъ принципъ чѣмъ-нибудь господствующихъ нравовъ и преданій“; т. е., значитъ, Новиковъ, не говоря уже о другихъ масонахъ, относился къ масонству совершенно безсознательно [1]. „Едва ли можно сомнѣваться въ томъ (продолжаетъ г. Пыпинъ [2]), что Новиковъ дѣйствительно считалъ принятое имъ ученіе только болѣе глубокимъ пониманіемъ и болѣе дѣятельнымъ выполненіемъ истинной церковной нравственности“.

Нельзя не согласиться съ г. Пыпинымъ, что невѣжество наше въ 18-мъ ст. было весьма сильно и что масонство явилось у насъ въ самыхъ сомнительныхъ своихъ формахъ. Но нельзя не замѣтить при этомъ, что во 1-хъ, въ тѣхъ же сомнительныхъ формахъ было оно и на западѣ Европы, а во 2-хъ, что выводъ г. Пыпина объ отсутствіи у насъ противодѣйствія масонству нѣсколько преждевременъ, и способъ объясненія имъ сомнѣній Новикова въ масонствѣ не совсѣмъ доказателенъ. Масонство наше вовсе не было такъ наивно, чтобы считать себя тожественнымъ съ православною церковью. Г. Пыпинъ говоритъ о Новиковѣ какъ о представителѣ масонства, и отзывъ митр. Платона о его православной религіозности считаетъ отзывомъ о нашихъ масонахъ вообще; но едва ли такое обобщеніе справедливо: можетъ быть, Платонъ могъ дать подобный отзывъ только о Новиковѣ; вспомнимъ, напр., споры Платона о масонствѣ съ Лопухинымъ[3]).—Ешевскій думалъ объ отношеніяхъ масонства къ церкви иначе, чѣмъ г. Пыпинъ. Онъ говоритъ, что духовенство имѣло основанія возставать противъ масонства и что Воейковъ тоже имѣлъ основаніе въ своемъ „Сумашедшемъ домѣ“ сказать про Невзорова (разумѣя, конечно, не его одного):

Если бъ такъ какъ на Вольтера
Былъ на мой журналъ расходъ,
Пострадала бъ горько вѣра:
Я вреднѣй, чѣмъ Дидеротъ [4]).

По-видимому масонство вполнѣ согласно съ церковью. Такъ, напр., Елагинъ, перечисляя книги, которыя долженъ читать масонъ, прежде всего называетъ: Ветхій и Новый Завѣтъ, Отцовъ церковныхъ—Оригена, Евсевія, Іустина, Кирилла Александрійскаго, Григорія Назіанзена, Василія Великаго, Іоанна Златоустаго, Іоанна Дамаскина, преп. Макарія и проч. [1]). Масонство принимало въ свои члены священниковъ [2]) (хотя это и рѣдкіе случаи). Оно называло, какъ мы видѣли, Христа своимъ Мастеромъ. Но тѣмъ не менѣе собственно церкви, нынѣ существующей, масонство не признавало, по крайней мѣрѣ въ принципѣ; оно признавало только церковь апостольскихъ временъ: въ одной московской розенкрейцерской рукописи, найденной Пекарскимъ, сказано, что „орденъ твердо содержитъ догматы всеобщей христіанской Церкви апостольскихъ временъ[3])“. Себя масонство считало продолженіемъ этой церкви. Ложи считали себя обладающими церковными предметами, совершающими священнодѣйствія и даже таинства, въ нихъ говорились проповѣди, совершалась исповѣдь передъ братьями. Такъ, Пекарскій нашелъ въ елагинскомъ собраніи рукописей и изображеній — „четвероугольный кусокъ бѣлаго атласа, на-подобіе антиминса, съ наклеенными рисунками на бумагѣ, которые изображаютъ четырехъ символическихъ животныхъ при евангелистахъ и закланнаго агнца[4])“. Извѣстно, что во всякой ложѣ было подобіе жертвенника; на жертвенникѣ лежало евангеліе. Въ „Инструкціи для Директоріи, основанной въ Петербургѣ“ въ 1780 г. (это—шведское масонство) говорится, что прелатъ будетъ имѣть попеченіе о томъ, чтобы въ капитулахъ, зависящихъ отъ Директоріи, совершаема была божественная служба въ первую пятницу каждаго мѣсяца, по законамъ ордена, и всѣ духовныя лица (ecclesiastiques) ордена должны признавать его власть. Наши масоны отвѣчали на одинъ изъ вопросовъ при этой „Инструкціи“, что въ ихъ капитулѣ былъ всего только одинъ братъ изъ духовныхъ; но что исполнять эту духовную должность (т. е. прелата), по ихъ мнѣнію, могъ вообще и свѣтскій братъ, достойный уваженія по чистотѣ своихъ нравовъ [5]). При принятіи въ 4 степень розенкрейцерства приносилась Богу „курительная жертва ѳиміама“ и совершалось „помазаніе“, чрезъ что принятый могъ уже ясно усмотрѣть „истинный предметъ св. ☉-на (ордена) и ясное блистаніе истинной невидимой Церкви Спасителя нашего[6])“,—очевидно совершалось подобіе таинства. Въ засѣданіяхъ ложъ братья

[1]) Вѣстн. Евр. 1868 г. № 7. „Рус. мас-во до Н.“ послѣ 208 стр.—Вѣстн. Евр. 1867 г. „Рус. мас-во въ 18 в.“ № 3, стр. 49; № 2, стр. 102 и 103.

[2]) Вѣст. Евр. 1867 г. № 2, „Рус. мас-во въ 18 в.“, стр. 102 и 103.

[3]) Зап. Лопухина.

[4]) Собр. соч. Ешевскаго, т. III, стр. 432—433.

[1]) Рус. Арх. 1864 г. № 1, „Ученіе древ. любомудр.“, Елагина, стр. 108.

[2]) Доп. Пекарскаго. стр. 124.—Вѣст. Евр. 1872 г. № 7, „Мат. для ист. мас-хъ ложъ“, стр. 260.

[3]) Доп. Пекарскаго, стр. 70.

[4]) Тамъ-же, стр. 59.

[5]) Вѣст. Евр. 1872 г. № 7, „Матер. для исторіи мас-хъ ложъ, стр. 260.

[6]) Рук. Рум. музея изъ собр. Ешевскаго, № 95. „Отрывки доставш. бр. М. В. П. послѣ пок. Об.-Дир. Коловіона“.

говорили совершенно церковныя проповѣди на тексты, взятые изъ Священнаго Писанія; такъ, 10 дек. 1791 г. бр. Vegetus (Тургеневъ) сказалъ проповѣдь на текстъ евангельской притчи о храминѣ, построенной на пескѣ; 10 марта 1792 г. бр. Tithonus (Чеботаревъ) говорилъ на текстъ изъ Ап. Петра: „благодать и миръ да умножатся въ насъ и между нами". 10 сент. 1791 г. бр. Pius (Поздѣевъ) исповѣдывался передъ братьями въ засѣданіи ложи, по слову Апостола: „исповѣдайте другъ другу согрѣшенія ваши, яко да исцѣлѣете [1])". Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что масонство считало себя церковью, прямою преемницей церкви апостольской. А въ своей баснословной исторіи масонство признаетъ себя учрежденіемъ болѣе древнимъ, чѣмъ апостольская церковь: Авраамъ былъ первымъ возстановителемъ масонства въ Египтѣ [2]), и даже болѣе того,—самъ Адамъ былъ масономъ.

4.

Г. Пыпинъ въ своихъ изслѣдованіяхъ вообще строго относится къ масонству; но онъ не могъ не признать въ немъ и хорошихъ сторонъ. Онъ говоритъ, что въ нашемъ масонствѣ была нравственная основа, оно требовало отъ своихъ членовъ братской любви и благотворительности; масонство привлекло къ себѣ, по его словамъ, Новикова между прочимъ своимъ нравственнымъ кодексомъ,—уваженіемъ къ человѣческому достоинству, проповѣдью взаимной любви и помощи, призывомъ къ совершенствованію и освобожденію отъ грязи жизни, религіозной, національной и сословной терпимостью; масонство давало своимъ членамъ руководящія нравственныя понятія, и если не давало вполнѣ опредѣленныхъ принциповъ, то возбуждало въ нихъ нравственную дѣятельность и исканіе идеала [3]). Оно сближало людей различныхъ сословій и положеній, различныхъ слоевъ общества, различныхъ возрастовъ и мнѣній, сближало во имя какой-то идеи, какихъ-то общественныхъ цѣлей. Оно служило нравственною школой для юношества, и воспитывало такіе характеры, какъ напр. характеръ Гамалеи, который отпустилъ безъ преслѣдованія обокравшаго его слугу, подаря ему украденное, и отказался взять въ награду по службѣ 300 душъ крестьянъ [4]). Оно содержаніемъ своимъ не сходилось съ требованіями разума; но тѣмъ не менѣе оно было первою популярною философіей,

[1]) Рук. Рум. музея № 95.
[2]) Доп. Пекарскаго, стр. 78.
[3]) Вѣст. Евр. 1867 г. № 2, „Русское мас-во въ 18 в.", стр. послѣ 95.—Тамъ-же, № 3, стр. 31—32.—Тамъ-же, 1872 г., № 7 „Матер. для ист. мас-хъ ложъ", стр. 270.
[4]) Тамъ-же, 1867 г. № 4, „Рус. мас-во 18 в.", стр. 56. — Тамъ-же, 1870 г. № 10, „Очерки общ. движ. при Ал. I", стр. 793.

«какая могла быть по силамъ для людей обиходнаго образованія въ половинѣ прошлаго столѣтія» [1]). «Въ грубой массѣ нашего общества, не думавшей ни о какихъ отвлеченностяхъ, мистики являлись все-таки людьми съ какимъ-бы то ни было убѣжденіемъ, которое имѣло свой хотя элементарный смыслъ. Таковы были, напр., ихъ толки о внутренней религіи и ихъ вѣчные споры съ тѣмъ духовенствомъ, которое по недостатку порядочнаго образованія слишкомъ держалось за одну внѣшнюю религіозность... Такъ выдѣляются раскольники изъ массы простаго народа».

А присутствіе убѣжденія въ людяхъ, искренно принимавшихъ поученія ордена, производило нерѣдко независимость характера [2]). Наконецъ г. Пыпинъ указываетъ на то, что масонство было у насъ—первою пробою общественности; не смотря на всѣ свои дикости, оно получило у насъ смыслъ оппозиціи противъ умственнаго застоя и нравственнаго гнета; наши масоны своими убѣжденіями и дѣятельностью выражали „требованіе свободы мысли и общественнаго развитія" [3]). Все это говоритъ г. Пыпинъ о нашемъ масонствѣ вообще; но съ особеннымъ сочувствіемъ относится онъ къ формѣ масонства англійской. И дѣйствительно, въ этой формѣ масонства очень много хорошаго. Г. Пыпинъ знакомитъ насъ съ ней въ своей статьѣ „Русское масонство до Новикова" [4]). Въ основахъ этой системы ордена лежало начало „братской любви, помощи и вѣрности", и придавало ему нравственно-поэтическій смыслъ [5]). Самыя принадлежности ложи указывали на нравственный смыслъ братства; такъ, въ каждой ложѣ англійскаго масонства было три подвижныхъ клейнода: наугольникъ—учащій нравственности, линейка—равенству, отвѣсъ—прямотѣ и чистосердечію во всю жизнь [6]). Мастера, или надзиратели, въ первоначальномъ англійскомъ масонствѣ выбирались „вовсе не по лѣтамъ, а по заслугамъ" [7]). Ив. Перф. Елагинъ, порицая розенкрейцерство за неизвѣстность его высшихъ начальниковъ, говоритъ: „древнія наши обязательства и всеобщія англинскія великія ложи постановленія, утвердивъ у насъ великую провинціальную всероссійскую ложу, предписуютъ намъ, показуя истинность ее, не частную единаго человѣка власть, ниже какихъ-либо и гдѣ-то неизвѣстныхъ начальниковъ, но начальство легкое, равносильными голосами братьевъ, управляющихъ частными ложами и составляющихъ ея собранія, уважаемое. А потому какъ повелѣнія сея великія ложи не могутъ быть

[1]) Тамъ-же, 1867 г. № 2, „Рус. мас-во въ 18 в.", стр. 102.
[2]) Тамъ-же, 1870 г., № 10 „Очерки общ. движ.", стр. 792—793.
[3]) Тамъ-же, стр. 803—804.—Тамъ-же, 1867 г., № 2, стр. 4; № 3, стр. 59.
[4]) Вѣст. Евр. 1868 г. №№ 6 и 7.
[5]) Тамъ-же, № 7, стр. 187—188.
[6]) Тамъ-же, стр. 195—197.
[7]) Тамъ-же, стр. 170.

ни тягостны, ни самовластны, ниже строги и несправедливы, такъ и повиновеніе подчиненныхъ ей не трудно и неогорчительно быть долженствуетъ“ [1]). Точно также справедливо гордится Елагинъ передъ розенкрейцерствомъ и другими системами отсутствіемъ въ англійскомъ масонствѣ высшихъ степеней и „суетныхъ украшеній“, что все называетъ онъ „выдумками власти, гордости, честолюбія и лихоимства“ [2]). Г. Пыпинъ, говоря объ ученической *лекціи*, въ которой первоначально, по его словамъ, и состоялъ весь ритуалъ и вся обрядность англійскаго масонства, дѣлаетъ заключеніе, что „символы, уподобленія и нравственныя правила“ этой лекціи, при всей своей простотѣ,

„представляли возможность дальнѣйшаго развитія и усовершенствованія; въ этомъ содержаніи было много свѣтлыхъ и человѣчныхъ идей, которыя могли получить болѣе широкое значеніе и болѣе возвышенныя примѣненія“ [3]).

Въ другой своей статьѣ г. Пыпинъ приводитъ слѣдующій сочувственный отзывъ объ англійскомъ масонствѣ Геттнера:

„Развѣ въ этомъ товариществѣ уже не были уничтожены всякія отличія сословій и вѣроисповѣданія? Поэтому легко было сдѣлать еще шагъ дальше и также уничтожить всякія другія рамки, отчуждающія человѣка отъ человѣка, или, если бы это не удалось, по крайней мѣрѣ ослабить и смягчить самыя вредныя ихъ стороны. Почему бы изъ этого товарищества не могъ образоваться, мало-по-малу, союзъ, въ которомъ бы братски встрѣтились люди всѣхъ вѣроисповѣданій, сословій и климатовъ? И если вся эта эпоха уже давно чувствовала потребность, чтобы этотъ чистый и свободный человѣкъ для своихъ новыхъ воззрѣній имѣлъ и осязательное выраженіе, новый культъ и обрядъ, гдѣ бы тѣ вещи, которыя могли казаться дѣломъ головы и пытливой мысли, стали также и дѣломъ фантазіи и сердца,—то здѣсь и были именно такіе осязательные символы и обряды“ [4]).

Другой нашъ изслѣдователь масонства, покойный Ешевскій, относится къ нему еще съ большимъ сочувствіемъ, чѣмъ г. Пыпинъ[5]). Ешевскій находитъ, что,

нельзя не признать за мистическими обществами XVIII ст. благотворнаго вліянія на современную имъ дѣйствительность. Было, безъ сомнѣнія, говоритъ онъ, много злоупотребленій, какъ было много ложныхъ братій; но дѣятельность лучшихъ представителей этого направленія проникнута тѣмъ чувствомъ любви, которое ставитъ Лопухинъ исключительнымъ признакомъ каждаго истиннаго члена ордена“.

Затѣмъ Ешевскій рисуетъ краткими, но живыми и сильными чертами мрачную картину жизни и нравовъ западной Европы 18-го вѣка.

[1]) Доп. Пекарскаго, стр. 105.
[2]) Тамъ-же, стр. 108 и 112.
[3]) Вѣст. Евр. 1868 г., № 7, „Рус. мас-во до Новикова“, стр. 199.
[4]) Вѣст. Евр. 1867 г., № 2 „Рус. мас-во въ 18 в.“, стр. 71—72.
[5]) Соч. Ешевскаго, т. III, стр. 433—437.

Тогда боролись, говоритъ онъ, два направленія: ученіе энциклопедистовъ и мистицизмъ. Все это отразилось и въ нашей жизни; и у насъ, замѣчаетъ Ешевскій, „направленіе мистическое едва-ли не оставило болѣе глубокихъ слѣдовъ“, что, по его мнѣнію, не только не дурно, но очень хорошо: перевороты открыли у насъ, говоритъ онъ, широкій просторъ случайности и произволу, холодный разсчетъ ума замѣнилъ все, явилось презрѣніе къ опасности и жажда грубыхъ, матерьяльныхъ наслажденій; грубость, жестокость, невѣжество жили рядомъ съ внѣшнимъ лоскомъ европейскаго образованія; крестьяне были окончательно прикрѣплены къ землѣ ревизіями. Противъ всего этого и былъ намъ полезенъ мистицизмъ: проповѣдуя любовь, направляя людей къ самопознанію, поднимая внутренняго человѣка надъ существомъ животнымъ,

„сильно дѣйствуя на воображеніе, давая по возможности пищу пытливости ума, всѣ свои силы устремлялъ онъ однакоже на развитіе сердца. Оттого-то у насъ и было велико его нравственное вліяніе“.

О высокомъ нравственномъ значеніи масонства, по словамъ Ешевскаго, особенно свидѣтельствуютъ пѣсни масоновъ, болѣе свободныя отъ примѣси обрядности и метафизическихъ толкованій.

Со взглядами Ешевскаго довольно близко сходится г. Тихонравовъ [1]). Масонская ложа, говоритъ онъ,

„желала внести терпимость въ религіозную сферу, равноправность въ общественныя отношенія. Высшая терпимость вытекала изъ раціонализма деистовъ и основныхъ убѣжденій масонскихъ братствъ (г. Тихонравовъ, какъ и г. Пыпинъ, сближаетъ масонство съ деизмомъ). Эти воззрѣнія были желаннымъ дѣломъ послѣ кровавыхъ религіозныхъ войнъ, потрясавшихъ западную Европу, и масонство является тамъ вмѣстѣ съ деизмомъ на смѣну догмы, поднимавшей преслѣдованіе на диссидентовъ во имя религіи Христа. Свобода мысли и вѣры—неотъемлемая принадлежность мистицизма“. „Мистицизмъ московскихъ ложъ становился въ рѣшительный контрастъ съ философіей матерьялистовъ. Человѣкъ тоже, что животное, говорили матерьялисты... крайніе и легкомысленные послѣдователи Дидро утверждали, что человѣкъ призванъ на землю, чтобы наслаждаться чувственно, что самолюбіе есть рычагъ человѣческой дѣятельности. Стремленіе къ расширенію своихъ совершенствъ есть пружина человѣческой дѣятельности, говорили мистики. Въ то время какъ многіе бросались у насъ на матеріялизмъ, изуродованный Гольбахомъ и Гельвеціемъ,—бросались, можетъ быть, для того, чтобы оправдать теоріей свою эпикурейскую практику,—въ это время Шварцъ открылъ свои философскія лекціи, гдѣ разбиралъ ученія матеріялистовъ“.

Его простое слово исторгло изъ рукъ многихъ модныя сочиненія и дало въ руки Библію. Общество московскихъ масоновъ, говоритъ г. Тихо-

[1]) Рус. Вѣст. 1862 г., апр. „Четыре года изъ жизни Карамзина“, стр. 738—740.

нравовъ далѣе, старалось „замѣнить религіозную обрядность и догматическія тонкости богословія — дѣятельнымъ христіянствомъ“.

Я привелъ главнѣйшее, что́ сказано нашими изслѣдователями въ пользу масонства. Теперь приведу еще нѣсколько фактовъ, указывающихъ на свѣтлыя стороны ордена, изъ такихъ источниковъ, которыми не пользовались эти изслѣдователи, высказывая вышеприведенныя мысли. Нравственныя свойства, различныя добродѣтели имѣли вообще большое значеніе въ ложахъ, требовались отъ братьевъ; ихъ символически обозначали самыя принадлежности ложъ и братьевъ. Такъ въ елагинскихъ ритуалахъ [1]) говорится, что при принятіи въ ученики мастеръ даетъ новопринятому: запонъ (передникъ), который своею крѣпостію и бѣлизною долженъ напоминать „искренность, постоянство и чистосердечіе почтеннаго нашего братства“; необточенную лопатку для работъ, „когда потщится сердце человѣческое отъ нашествія пороковъ оградить яко стѣною, помазанною ею, и погрѣшности ближняго снисходительно прикрывати ею“. Въ катехизисѣ для учениковъ масоновъ [2]) говорится, что во время ученической ложи великій мастеръ спрашиваетъ намѣстнаго мастера: что есть свободный каменщикъ? „Онъ есть свободный человѣкъ, отвѣчаетъ тотъ, разумѣющій умѣрять свои желанія и умѣющій покорять волю свою законамъ разума“. Въ ритуалахъ московскихъ розенкрейцеровъ Пекарскій нашелъ пѣсню, которая была пѣта при открытіи ученической ложи [3]). Въ этой пѣснѣ масонство отгоняетъ отъ своего „храма“ того, кто тѣснитъ ближняго, не хранитъ правду; къ намъ входятъ, говорится тамъ, только премудрые и невинные; гордость и богатство, пышность и чины служатъ препятствіемъ къ вступленію въ двери храма,—оставьте ихъ.

Здѣсь то едино веселитъ,
Что̀ добродѣтель намъ сулитъ.

Въ другой московской рукописи, подъ заглавіемъ „Общіе законы“ [4]), говорится, что братья обязаны „вести жизнь святую и непорочную“, а „ложу слѣдуетъ почитать училищемъ истины и храмомъ добродѣтели“.

Смиреніе передъ Богомъ и людьми входитъ тоже въ число обязанностей масона: въ „Нравоучительномъ катихизисѣ“ Лопухина говорится [5]), что какимъ бы могуществомъ ни обладалъ масонъ, онъ долженъ быть готовъ всегда безъ роптанія сносить болѣзни, бѣдность, считать

[1]) Доп. Пекарскаго, стр. 41.
[2]) Тамъ-же, стр. 42.
[3]) Тамъ-же, стр. 66.
[4]) Тамъ-же, стр. 67.
[5]) „Нов. и моск. март.“, Лонгинова, стр. 057.

себя менѣе всѣхъ и скитаться безъ роптанія по землѣ, не имѣя мѣста, гдѣ преклонить главу свою, если то угодно будетъ Богу. Въ рукописной статьѣ „Отрывки, доставшіеся брату М. В. П. послѣ покойнаго Оберъ-Директора Коловіона“ [1]) мы встрѣчаемъ такое истинно-одушевленное разсужденіе о смиреніи: „Мы не изъ учтивости должны говорить: что мы скверньѣе всѣхъ, что мы недостойньѣе всѣхъ, но въ глубинѣ сердецъ нашихъ, истинно предъ вездѣсущимъ Богомъ, который испытуетъ сердца и чресла, и предъ которымъ тайньѣйшія, секретныя отъ насъ самихъ помышленія наши суть явны, предъ симъ Богомъ возчувствовать мерзость нашу, наше недостоинство и окаянство; и какъ орудіе Его, дать Ему свободно, охотно и радостно дѣйствовать нами и чрезъ насъ, не заботясь о своемъ спасеніи, хотя бы мы и осуждены были на вѣчныя муки, ибо Онъ самъ сказалъ: Аще кто хочетъ душу свою спасти, тотъ погубитъ ее, а кто погубитъ душу свою Меня ради и Евангелія, тотъ спасетъ ее. И такъ будемъ истинными орудіями Спасителя, оставимъ Ему дѣйствовать, когда покоримъ злую нашу волю пресвятой и благой Его волѣ. Не станемъ сами заботиться о спасеніи нашемъ, оставимъ Ему совершить оное; не станемъ сами избирать себѣ креста, но понесемъ охотно и радостно, съ покорностію и терпѣніемъ тотъ крестъ, который Ему возложитъ на насъ благоугодно. Презрѣнія ли то будетъ, нищеты ли, страданія ли внутренняго, болѣзни ли, поруганія ли, печали ли, гоненія ли, словомъ: то, что Ему благоугодно, а не намъ: ибо ежели мы что сами изберемъ, то будетъ это нашъ крестъ, а не крестъ Спасителя. Ежели же мы желаемъ истинно быть Его учениками, то оставимъ Ему, Учителю нашему, избирать способъ ученія и пріохочивать ли насъ къ тому ласкою, или принуждать розгою. Ежели мы хотимъ быть Его орудіями, то оставимъ Ему дѣйствовать и будемъ покорны Его волѣ“. Такимъ же одушевленіемъ, какъ эти слова, проникнуты и упомянутыя мною выше проповѣди нѣкоторыхъ братьевъ-розенкрейцеровъ, помѣщенныя въ томъ же сборникѣ масонскихъ рукописей.— Невзоровъ въ своемъ Посланіи къ Поздѣеву [2]) говоритъ, что московскіе учители его, розенкрейцеры, отличались самоотверженіемъ и любовью къ милостынѣ; особенно указываетъ онъ на Ив. Вл. Лопухина и на Походяшина (Лопухинъ былъ очень ревностный масонъ, — вспомнимъ наставленія его отъѣзжавшимъ за-границу Колокольникову и Невзорову; и въ „Посланіи“ Невзоровъ признаетъ его своимъ главнымъ руководителемъ по ма-

[1]) Рук. Рум. муз. изъ собр. Ешевскаго, № 95.
[2]) Библ. Зап. 1858 г., № 21, „Отрывокъ изъ посл. Невзорова къ Поздѣеву“ стр. 648.

сонству). Въ томъ же посланіи Невзоровъ говоритъ, что главная заслуга московскаго масонства — оказанное имъ противодѣйствіе „вольнодумческимъ и безбожнымъ книгамъ“ [1]).

Масонство требовало отъ человѣка, отъ каждаго изъ своихъ членовъ, постояннаго и усерднаго изученія себя самого и природы. „Чрезъ познаніе себя самого, говорятъ премудрые, должно познавать Творца и твореніе“, написалъ Елагинъ въ предъувѣдомленіи къ одному своему сочиненію [2]). „И учася купно съ вами, пишетъ онъ же въ своей „Бесѣдѣ“ [3]), засвидѣтельствую ту истину, что человѣкъ, и въ самой маститой старости сущій, еще несовершенъ въ наукѣ, и что онъ до послѣдней минуты, жизни его конецъ полагающей, долженствуетъ бдѣть, трудиться и обучаться; что подобаетъ ему, отвергнувъ всѣ предразсужденія и паче самолюбіе и гордыню, день и ночь въ молитвѣ и чтеніи препровождать, и чрезъ таковые неутомленные труды, и подвиги, и прилежность безпредѣльную изобрѣтать новые въ наукѣ успѣхи, объяснять себѣ сокровенный смыслъ божественнаго Писанія, превращать въ точное разумѣніе таинственное древнихъ и новыхъ любомудрцевъ, пророковъ и ѳеозофовъ иносказаніе“.— Конечно, вся эта умственная работа масоновъ тратилась на мистическія бредни; но призывъ къ умственному труду, самый процессъ труда—заслуживаютъ все-таки уваженія.—„Глубокое разсмотрѣніе себя, внимательность и наблюденіе за собою, говоритъ одна рукопись [4]), предпринятыя съ чистымъ намѣреніемъ и исполняемыя съ тѣмъ единственно, чтобъ идти далѣе, могутъ быть средствомъ, препровождающимъ насъ къ самому дѣлу, т. е. къ тому, чтобы, лія источники слезъ покаянія, давать въ себѣ мѣсто созидающему духу и обновляющему утробы и сердца наши обновленіемъ новой жизни“.—Выше мы видѣли, что въ числѣ цѣлей, къ которымъ стремилось масонство, есть и усовершенствованіе себя и исправленіе всего человѣческаго рода [5]). Мы видѣли также, какой былъ у масонства возвышенный, романтически-идеальный взглядъ на любовь, какъ на „божественное“ чувство.

Требуя отъ своихъ членовъ нравственныхъ достоинствъ, масонство воспитывало въ нихъ въ то-же время твердость духа. Объ этомъ свидѣтельствуетъ врагъ масонства — С. Т. Аксаковъ въ своемъ разсказѣ

[4]) Тамъ-же, стр. 649—650.

[2]) Доп. Пекарскаго, стр. 93.

[3]) Тамъ-же, стр. 107—108, „Бесѣда“ Елагина § 9.

[4]) Рук. Рум. муз. изъ собр. Ешевс., № 95. Проповѣдь бр. Vegetus'а 10 дек. 1791 года.

[5]) Доп. Пекарскаго, стр. 50.

„Встрѣча съ мартинистами“ [1]); онъ повѣствуетъ здѣсь—съ какою твердостью одинъ старикъ-масонъ перенесъ смерть дочери, а другой уморилъ себя голодомъ. Конечно, и твердость духа масоновъ, какъ ихъ умственная работа, шла часто на вздоръ; но все-таки орденъ воспитывалъ эту твердость, и можетъ быть она приносила порой добрые плоды.

Все вышеприведенное указываетъ намъ на существованіе въ орденѣ хорошихъ сторонъ. Но ничто не свидѣтельствуетъ такъ сильно въ пользу масонства, какъ одинъ драгоцѣнный матерьялъ, напечатанный г. Пыпинымъ и найденный имъ въ собраніи Ешевскаго, именно—„Масонскія воспоминанія Батенкова“. Батенковъ—одинъ изъ лучшихъ масоновъ, въ хорошемъ смыслѣ этого слова. Онъ придерживался масонства англійскаго (хотя называлъ его шведскимъ); высшія степени онъ отвергалъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ Батенковъ, обходя подробности, указываетъ на сущность масонства, на его внутренній смыслъ,— и заставляетъ насъ не только отказаться отъ презрѣнія и легкомысленныхъ отношеній къ масонству, но и признать, что сущность масонства, если не реально, не въ дѣйствительности нашей жизни, то идеально, въ возможности, имѣла высокое значеніе. Шатаніямъ и колебаніямъ жизни 18 вѣка, ея легкомысленной измѣнчивости и пустотѣ, ея неустойчивой и безпокойной, ненасытимой жаждѣ чувственныхъ наслажденій масонство противополагало нравственную дисциплину, „внутреннее сосредоточеніе и устой“ [2]). „При первомъ вступленіи въ ложу его поразила (говоритъ Батенковъ про своего друга, отъ имени котораго будто-бы онъ пишетъ свои воспоминанія) глубокая тишина и серьезное настроеніе собранія. Онъ почувствовалъ, не смотря на простоту обстановки, пребываніе нѣкоего особаго древняго свѣта, предъ нимъ предстало таинство. Обозрѣвая символическія вещи, замѣтилъ, что они прошли черезъ вѣки, и люди ихъ не касались. Принявъ званіе ученика, онъ смутился, видя необходимость сложиться вновь. Его поразило, что никто не можетъ произнести слова, не получивъ на то позволенія мастера, и наблюдаемая обязанность безмолвно и внимательно слушать, что говоритъ одинъ изъ прочихъ. Всѣ движенія должны имѣть геометрическую правильность. Символъ ученика есть грубый булыжный камень, и упражненіе его должно состоять въ отверденіи, чтобъ быть годнымъ въ зданіе храма, посвя-

[1]) Рус. Бесѣда 1859 г. № 1.

[2]) Вѣстн. Евр. 1872 г. № 7. Мат. для исторіи мас. ложъ. Мас. воспом. Батенкова. (стр. 272—276), гл. I и III.

щеннаго вѣчному, духовному Существу“ [1]). Вторая степень, степень „товарища“, есть также приготовительная, какъ и степень ученика; товарищамъ „данъ символомъ обтесанный кубическій камень. Ихъ упражненіе—провѣрка и критика, какъ пріобрѣтенныхъ въ мірѣ познаній, такъ и употребляемаго слова. Риторическія иносказанія и тропы, символическія выраженія и фразы должны быть еще разъ обмыслены и ясно поняты.... Такъ, на вопросъ о цѣли масонства отвѣчаютъ, что слово *цѣль* переносно взято отъ стрѣльбы и не даетъ точнаго понятія, а по употребленію на игрищахъ не можетъ быть примѣнено къ работамъ ложъ. Улыбается мастеръ, ежели спросятъ его: какую *роль* играетъ ихъ братство въ жизни человѣческой? Онъ скажетъ, что у нихъ нѣтъ ничего театральнаго. — Очевидно, что такой пуризмъ мысли требуетъ чрезвычайнаго труда, но съ пріобрѣтеніемъ серіи ясныхъ понятій и убѣжденій, нѣтъ и мысли о запрещеніи какихъ-либо книгъ, изслѣдованія ученій, и подлежатъ вниманію всѣ дѣйствія человѣческія“ [2]). Т. е. давъ человѣку въ первой степени нравственный устой, масонство во второй степени призывало его къ сознанію, къ провѣркѣ предъ этимъ сознаніемъ своихъ мыслей, чувствъ, дѣйствій, своей прежней безсознательной жизни. Приготовивъ человѣка такимъ образомъ къ жизни иной, братство давало ему третью степень. „Третью степень составляютъ мастеры; имъ присвоивается дѣйствіе волею на свой умъ, память и воображеніе..... Они бесѣдуютъ между собою объ открытіяхъ и зижденіи въ тайникахъ души, и передаютъ ея феномены. А какъ все это еще далеко отъ практическаго приложенія въ жизни, то замѣняется обыкновенно обязательнымъ благотвореніемъ“ [3]).—Самая „тайна“ масонства въ объясненіяхъ Батенкова получаетъ свой смыслъ, не содержаніе этой тайны, а само по себѣ ея существованіе въ братствѣ (замѣчательно, что самъ Батенковъ невольно отдѣляетъ эти двѣ стороны „тайны“: о содержаніи ея онъ говоритъ лишь подъ-конецъ, не въ главномъ мѣстѣ своихъ воспоминаній). Существованіе тайны въ масонствѣ напоминало суетному вѣку, жившему для минуты, о томъ, что есть вѣчность, какъ о томъ же говорили ему непрестанныя напоминанія въ ложахъ „о важности и неизбѣжности смерти“, которой такъ боялся XVIII вѣкъ и отъ которой малодушно закрывалъ глаза. „Обязанность таинствъ есть передать, говоритъ Батенковъ, достигнутыя понятія чрезъ смерть поколѣній, для ихъ продолженія въ цѣльности и чистотѣ. Въ обыкновенной жизни оставляется между по-

[1]) Тамъ-же, гл. I, стр. 272.
[2]) Тамъ-же, гл. III, стр. 273.
[3]) Тамъ-же, гл. IV, стр. 274.

колѣніями большой промежутокъ въ знаніи, нравахъ и направленіи. Таинство хранитъ послѣдовательность, не выкидываетъ ничего полезнаго и не препятствуетъ прогрессу, наблюдая его какъ выводъ и безъ скачковъ. Должно стоять на незыблемой почвѣ. Такимъ образомъ, таинство необходимо для всякаго долговѣчнаго общества, составляетъ его регуляторъ и критеріумъ, и будучи основано на истинѣ и человѣколюбіи, ничего кромѣ свѣта и блага, потребныхъ для собственнаго себя сохраненія, содержать въ себѣ не можетъ. Къ этому не способны страстныя увлеченія общей жизни“ [1]).

Послѣ всего этого, кажется, можно примѣнить къ масонскому ордену слова, сказанныя г. Безсоновымъ [2]) объ одномъ изъ членовъ этого ордена, о Невзоровѣ: „для мыслящаго человѣка безсильная борьба его противъ цивилизаціи (не скажемъ просвѣщенія) своего вѣка представляетъ примѣръ не только любопытный, но и глубоко-поучительный.... Онъ видѣлъ, онъ чувствовалъ ложь цивилизаціи, жаждалъ истиннаго просвѣщенія, и не умѣлъ отыскать его началъ. Онъ былъ только отрицателемъ эпохи, которая сама коренилась единственно въ отрицаніи..... Укрѣпленные живыми водами источника правды откажутъ ли въ сочувствіи тѣмъ, которые искали его и, не нашедши, истомились въ пустынѣ? Блаженни алчущіи правды!“

5.

Указавъ на хорошее въ масонствѣ, должно указать и на то, что было въ немъ дурнаго; и надо сказать, что темныхъ сторонъ въ немъ больше, чѣмъ свѣтлыхъ. Добро лежитъ *только* въ отвлеченной основѣ масонства, въ его идеалѣ, далекомъ отъ его реальной дѣйствительности.—Многія изъ темныхъ сторонъ ордена указаны нашими изслѣдователями. Можно не соглашаться съ г. Пыпинымъ въ томъ, что

„въ наше время совершенно ясно, гдѣ было больше правды, какое изъ двухъ направленій тогдашней мысли, т. е. мысли 18 вѣка, ближе подходило къ истиннымъ путямъ человѣческаго развитія, — идеи тогдашняго просвѣщенія (какъ бы ни были они иногда преувеличены), или необузданное фантазерство и обскурантизмъ мистиковъ“ [3]);

но нельзя не признать, что масонство дѣйствительно дошло до необузданнаго фантазерства и обскурантизма. Оно отрицало науку, говоритъ г. Пыпинъ:

„для мистика нѣтъ постепеннаго и труднаго открытія научныхъ знаній; его глубочайшія знанія открываются ему не путемъ изученія, а послѣ извѣстнаго

[1]) Тамъ-же, гл. II, стр. 272—273.
[2]) Рус. Бесѣда 1856 г. кн. 3. „Макс. Ив. Невзоровъ“, стр. 128—129.
[3]) Вѣстн. Евр. 1867 г. № 2. „Рус. мас-во въ 18 вѣкѣ“. Стр. 95.

мистическаго искуса, путемъ самоуглубленія, созерцаній и непосредственныхъ вдохновеній"; наука „мало по малу накопляетъ запасъ своихъ истинъ..... въ мистикѣ, напротивъ,—полнѣйшее знаніе приписывается древнѣйшимъ людямъ: новыя времена и люди не прибавляютъ къ нимъ ничего, и только сберегаютъ— въ тайнѣ, извѣстной немногимъ—старое сокровище" [1]).

Г. Пыпинъ подкрѣпляетъ свои мнѣнія словами Уэвелля [2]), говорящаго про мистиковъ, что

„ихъ физическая наука сдѣлалась магіей, а ихъ астрономія сдѣлалась астрологіей, изученіе состава тѣлъ стало алхиміей, математика стала созерцаніемъ духовныхъ отношеній чиселъ и фигуръ, и философія сдѣлалась теософіей".

То-же самое, продолжаетъ нашъ изслѣдователь, было и въ масонствѣ 18-го вѣка; потому въ немъ почти невозможно разграничить опредѣленныхъ направленій:

„идеально фантастическая философія, похожая на неоплатонизмъ, соединялась съ кабалистикой и алхиміей, сведенборгизмомъ и животнымъ магнетизмомъ Месмера, съ вызываніемъ духовъ и чудесными исцѣленіями" [3]).

Ко всему этому присоединялись еще обманъ и порою развратъ. Такъ, розенкрейцерство, въ позднѣйшемъ его видѣ, считаетъ г. Пыпинъ интригою, и говоритъ, что глава его, Велльнеръ, былъ интриганъ-обскурантъ, а членъ этого масонства Фридрихъ Вильгельмъ III, при которомъ Велльнеръ былъ министромъ, упалъ рано такъ-же низко, какъ Людовикъ XV только въ зрѣлыхъ лѣтахъ [4]).

Еще строже относится къ масонству Пекарскій.

„До настоящаго времени, говоритъ онъ [5]), матеріалы, обнародывавшіеся о Новиковѣ и розенкрейцерствѣ въ Москвѣ, состояли по бо́льшей части или изъ дѣловыхъ бумагъ по уголовному производству, или же изъ оправдательныхъ записокъ, составлявшихся съ цѣлью доказать невинность Новикова и московскихъ розенкрейцеровъ. Само собою разумѣется, что подобные матеріалы односторонни, и потому никогда не дадутъ настоящаго понятія о сущности такого явленія, какъ розенкрейцерство..... Въ оправдательныхъ запискахъ позднѣйшаго времени, какъ н.пр. такихъ, какъ Лопухина, замѣчается та же односторонность, которая уже неизбѣжна по самой цѣли, съ которою онѣ пишутся. Лопухинъ распространяется прежде всего о свѣтлыхъ сторонахъ розенкрейцерства, обходя благоразумно молчаніемъ, напр., смѣшныя искательства послѣдователями его философскаго камня, невѣжественное отрицаніе истинныхъ знаній, науки и т. п..... Неудивительно, что по прочтеніи подобныхъ источниковъ все-таки остается множество вопросовъ безъ отвѣта. Напр. изъ показаній Новикова и его пріятелей, розенкрейцеры единственно думали о жизни въ страхѣ Божіемъ, о нравственномъ самосовершенствованіи въ духѣ

[1]) Тамъ-же, № 3, стр. 7.
[2]) Тамъ-же, стр. 5.
[3]) Тамъ-же, стр. 8.
[4]) Тамъ-же, стр. 11—22.
[5]) Доп. Пекарскаго, стр. 75 - 76.

христіанства, о вспомоществованіи сирымъ и несчастнымъ. Но все это можно дѣлать каждому доброму христіанину, не вступая въ розенкрейцеры, не дѣлая расходовъ на дорого стоющія посылки въ Берлинъ и т. п."

Орденскія науки, къ которымъ такъ стремились наши масоны, считаетъ Пекарскій, и конечно справедливо, бреднями [1]); а благоговѣйное почитаніе розенкрейцерами памяти Шварца называетъ „особеннымъ увлеченіемъ, похожимъ на святошество" [2]).

Наконецъ г. Безсоновъ указалъ еще на одну слабую сторону масонства, на его отвлеченность, отдаленность отъ жизни, отъ народной дѣйствительности:

„не во внѣшнихъ преградахъ, и не столько во внѣшнихъ формахъ этого общества (говоритъ онъ про нашихъ масоновъ) лежалъ зародышъ его паденія: онъ былъ внутри самого общества, которое ничего общаго съ народомъ не имѣло. Когда, вмѣстѣ съ журналомъ Лабзина, вошли они въ непосредственное общеніе съ народомъ, простая переписка, простые разсказы о простомъ народѣ открыли имъ Церковь дѣйствительную, и нужно было видѣть, какъ они дивились открытію! Рано или поздно, именно это открытіе и именно эта дѣйствительность и полнота открытаго должны были убить все тайное, все сокрытое, все отдѣльное; прежнее могло уцѣлѣть только подъ тѣмъ условіемъ, если бы ускользнуло оно въ крайнюю отвлеченность мистицизма, чуждую уже всякой дѣйствительности" [3]).

Всѣ эти приговоры изслѣдователей о масонствѣ совершенно справедливы. Въ основѣ масонства лежалъ возвышенный идеализмъ; оно стремилось бороться съ чувственною жизнью во имя духовныхъ потребностей человѣка; но оно унизительно оборвалось въ своихъ стремленіяхъ, и впало, не замѣчая того, въ самый грубый матерьялизмъ, въ самую грубую чувственность. Проповѣдуя борьбу противъ „плоти, міра и сатаны", во имя духа, оно само позабыло духъ и подчинилось плоти и міру.

Оно углубилось въ науку о природѣ, но не въ ту науку, которая находитъ законы природы и подчиняетъ ея силы человѣку, а въ науку свою, особенную, которая подчиняетъ человѣка природѣ, дѣлаетъ изъ нея божество, въ ней указываетъ человѣку его цѣли, идеалы и его счастье. „Между извѣстною простою химіею и между вышнею химіею ордена есть неизреченная разность, говоритъ одна масонская рукопись [4]). Оная есть младенецъ, а сія есть исполинъ: что химіи ордена возможно, то простой (общей) химіи остается вѣчно невозможнымъ...

[1]) Тамъ-же, стр. 80.
[2]) Тамъ-же, стр. 95.
[3]) Рус. Бесѣда 1856 г., кн. 3, „М. Ив. Невзоровъ", стр. 123—126.
[4]) Доп. Пекарскаго. Сборн. р. кр-хъ статей, „Комментарій о разн. орд-хъ истинахъ", стр. 69 и 68.

Послѣдняя строитъ между тѣмъ для насъ низшія степени той великой лѣствицы, по которой мы должны идти, чтобы выше взыти". „Наши мудрые мастера суть одни законные натуры испытатели; они одни могутъ съ безпрекословною истиною утверждать, что они знаютъ натуру въ цѣломъ ея округѣ (пространствѣ), понеже наука ихъ вникаетъ (сильно входитъ) во внутрѣйшая ея и подаетъ имъ безопаснѣйшую руководства нить въ тысящекратномъ лабиринтѣ ея безчисленно различныхъ дѣйствій безопасно выискиваться, все развивать, искусно и твердо загражденные замки ея размыкать и въ центрѣ натуры всѣ въ пространномъ ея царствѣ находящіяся явленія изъяснять и доказывать. Напротивъ профанскіе физики, такъ-называемые натуры испытатели и натуры учители, кругомъ скачутъ всегда на поверхности всѣхъ трехъ натуры царствъ, осязаютъ своими руками и всѣми пятью чувствами произведенія и явленія ея и воображаютъ себѣ, что могутъ оныя изъяснить. И для того копятъ гипотезы на гипотезы, чтобъ сокровенныя силы, пружины натуры открыть и сравниваются съ человѣкомъ, который съ завязанными глазами тянетъ отъ периферіи циркула линіи къ средоточію и тысячу кратъ погрѣшаетъ, не могучи попасть въ средоточіе. Прочь съ сими! Наши брр., яко чада ордена и къ дому (фамиліи) мудрыхъ мастеровъ принадлежащіе, одни пользуются преимущественно правомъ законно обучаться въ ихъ тайныхъ училищахъ". Орденская химія, отличаясь отъ химіи „профанской", требовала и особыхъ пріемовъ, и особыхъ орудій. Такъ: „для познанія природы не употребляется печки съ проклятымъ стихійнымъ огнемъ (пишетъ московскій розенкрейцеръ въ своемъ дневникѣ [1]). Всѣ работы съ углями не сообразны съ природою". Изученію природы придавался особый, таинственный смыслъ, и не всякій могъ, или имѣлъ право имъ заняться: практическія работы допускались только въ высшихъ степеняхъ, и то соблюдая извѣстную постепенность; такъ, магіей могли заниматься лишь достигшіе восьмой степени. „Восьмая степень будетъ первою ступенью Магіи, пишетъ въ своемъ дневникѣ розенкрейцеръ [2]), тамъ мы научимся познавать священный огонь и будемъ въ состояніи его осязать нашими руками". „Сложеніе женщинъ неудобно для магическихъ работъ: чистота исчезаетъ", пишетъ тотъ-же розенкрейцеръ [3]).

Читателю извѣстно изъ предъидущаго, что наши масоны практическихъ работъ еще не производили: но они страстно стремились къ

[1]) Тамъ-же, стр. 78.
[2]) Тамъ-же, стр. 86.
[3]) Тамъ-же, стр. 83.

этимъ работамъ, они теоретически знали объ нихъ, между ними ходили объ этихъ работахъ таинственные и заманчивые разсказы. Выше было сказано, что Кутузовъ поѣхалъ въ Берлинъ съ цѣлью получить высшія степени и научиться высшимъ орденскимъ тайнамъ. А московскіе масоны, въ ожиданіи будущихъ благъ, ревностно теоретически изучали тайныя науки. Ешевскій свидѣтельствуетъ [1]), что главнымъ основаніемъ въ разсужденіяхъ теоретической степени, даже до самаго конца существованія масонства въ Россіи, служила книга „Теоретическій градусъ соломоновскихъ наукъ" (одна изъ рѣдкихъ рукописей). Въ этой книгѣ излагались слѣдующія ученія: „О стихіяхъ вообще. Объ огнѣ. О воздухѣ. О водѣ. О землѣ (масонство считало это 4-мя основными простыми тѣлами). О стихейныхъ вещахъ и духахъ. О тѣлесныхъ вещахъ. О соли. О сѣрѣ. О меркуріѣ (три вещества, надъ которыми преимущественно работали масоны). О сѣмени всѣхъ вещей. О рожденіи. Соблюденіи. Разрушеніи. Дѣйствіи верхнихъ звѣздъ. О метеорахъ. О металлахъ. Рожденіи металловъ. Золотѣ. Серебрѣ. Меньшихъ металлахъ. Дорогихъ камняхъ. Простыхъ камняхъ. Минералахъ. О растительныхъ. О животномъ царствѣ. Человѣкѣ. О болѣзняхъ человѣческаго тѣла. О болѣзняхъ ума. О болѣзняхъ души. О совершенномъ согласіи всѣхъ вещей".— Эти тайныя орденскія науки должны были вести масоновъ къ познанію тайнъ природы, но притомъ такихъ тайнъ, изъ которыхъ можно было извлечь практическую, чисто матерьяльную пользу. Масоны стремились добыть философскій камень, посредствомъ котораго можно бы было производить золото и панацею, или универсальное лекарство. Высшія изъ орденскихъ наукъ давали возможность братьямъ высшихъ степеней вызывать духовъ. Магамъ, или братьямъ самой высшей степени (ихъ было только 7 человѣкъ) принадлежали слѣдующія знанія: „Открытіе въ натурѣ всего, кромѣ Божественныхъ силъ и тайнъ, обладаніе надъ всѣмъ и сравненіе въ знаніяхъ съ Моисеемъ, Ааропомъ, Гермесомъ, Соломономъ и Гирамомъ-Апифомъ" [2]). Это подтверждаетъ и Лопухинъ въ своемъ „Нравоучительномъ катихизисѣ": тамъ оказывается [3]), что масонъ, обладающій „таинствомъ", имѣетъ „способъ излѣчать всѣ болѣзни тѣла и жить нѣсколько сотъ лѣтъ, по примѣру древнихъ праотцевъ", „обладаетъ способами производить богатства, превосходящія богатства всего міра", имѣетъ „средство бесѣдовать съ Ангелами" и силу „остановить солнце" съ Іисусомъ Навиномъ и „съ Иліею отверзать и затворять небо".

[1]) Соч. Ешевскаго, т. III, стр. 527.
[2]) „Нов. и моск. март." Лонгинова, стр. 84.
[3]) Тамъ-же, стр. 057, „Нравоуч. катихиз. ист. фр. мас-въ", пунктъ 16.

На-счетъ дѣланія золота между масонами ходили разсказы, что эта тайна извѣстна нѣкоторымъ братьямъ. „Во Франкфуртѣ къ книгопродавцу Бреннеру, разсказывается въ дневникѣ розенкрейцера [1]), является незнакомецъ и говоритъ ему: вы мастеръ стула въ ложѣ, я имѣю вамъ показать нѣчто. Приходите сегодня ко мнѣ вечеромъ. Незнакомецъ приходитъ, и беретъ оконный свинецъ, растапливаетъ его, бросаетъ туда немного порошку, разливаетъ потомъ на землю, и, отдавая потомъ это Бреннеру, проситъ велѣть вещество попробовать. Масса казалась черною и невзрачною. Бѣгутъ къ золотыхъ дѣлъ мастеру, который изумляется при видѣ такого чистаго золота. Тотчасъ принялись искать незнакомца, но онъ скрылся". Такимъ до глупости наивнымъ анекдотамъ масоны вполнѣ вѣрили. Ив. Перф. Елагинъ, не смотря на свое отрицаніе высшихъ степеней, на свою похвальбу англійскимъ масонствомъ, добивался, какъ упомянуто выше, научиться у Каліостро дѣлать золото [2]). А московскій розенкрейцеръ врачъ Френкель составилъ рецептъ золота; этотъ рецептъ авторъ розенкрейцерскаго дневника, напечатаннаго Пекарскимъ, показывалъ Вельнеру [3]). Авторъ дневника твердо вѣрилъ въ то, что золото—не простое тѣло и что его можно сдѣлать: „Теденъ далъ мнѣ, говоритъ онъ [4]), пробу золота, которое начало разлагаться". Онъ сообщаетъ даже, въ другомъ мѣстѣ дневника [5]), нѣкоторыя свѣдѣнія о процессѣ приготовленія золота: „Въ процессѣ (добыванія золота) клерикаловъ, говоритъ онъ, не употребляется огня. Вещество собирается предъ восходомъ солнца и должно быть крѣпко закупорено въ сосудѣ прежде чѣмъ взойдетъ солнце; потомъ оставляется 40 дней и ночей во впадинѣ скалы; вынимается оттуда; свѣтло-голубая вода отдѣляется отъ земли и всегда наполняетъ ее. Такая работа повторяется до шести разъ, чтобы чрезъ то произвести изобиліе золота".

Тотъ же самый философскій камень, порошекъ, посредствомъ котораго всѣ металлы можно было обращать въ золото, способствовалъ и приготовленію универсальнаго лѣкарства, которое, какъ это видно изъ приведенной выше ссылки на „Нравоучительный катихизисъ" Лопухина, давало человѣку возможность прожить нѣсколько сотъ лѣтъ [6]). За этимъ универсальнымъ лѣкарствомъ ѣздилъ, говорятъ, изъ Москвы

[1]) Доп. Пекарскаго, стр. 91.
[2]) Тамъ-же, стр. 78 и 79.
[3]) Тамъ-же, стр. 83.
[4]) Тамъ-же, стр. 89.
[5]) Тамъ-же, стр. 90.
[6]) „Новик. и моск. март.", Лонгинова, стр. 057, „Нравоуч. кат.", Лопухина, пунктъ 16.

въ Берлинъ бар. Шредеръ, чтобы вылѣчить имъ Шварца отъ предсмертной болѣзни [1]). Между бумагами московскихъ масоновъ, которымъ описаніе сдѣлалъ Пекарскій въ своихъ „Дополненіяхъ къ исторіи масонства", есть „Рецептъ", въ концѣ котораго объяснено: „оно есть вѣрное arcanum 1) противу самыхъ злыхъ горячекъ. 2) Противу всякаго яду, и 3) противу заразы (чумы) какъ preservative, такъ и curative" [2]).—Сведеніе масонской тайны на степень тайны добыванія золота и универсальнаго лѣкарства очевидно не согласуется съ цѣлью масонства—привести человѣка къ совершенству: зачѣмъ золото и тысячелѣтняя жизнь совершенному, идеальному человѣку?

Въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія образовалось въ Авиньонѣ мистическое общество, принявшее имя „Новаго Израиля" или „Народа Божія". Общество это занималось алхиміей, кабалистикой, магіей, вызываніемъ духовъ, сообщеніемъ съ небомъ, видѣніями, пророчествами. Братья общества вызывали даже Іисуса Христа. Полученныя ими откровенія повѣрялись соборомъ Пророковъ, послѣ чего утверждались небомъ. Общество образовало цѣлую фантастическую религію, съ своими догматами и обрядами, своимъ первосвященникомъ, пророками и т. д. Г. Пыпинъ въ сборникѣ масонскихъ замѣтокъ Віельгорскаго нашелъ возраженія московскихъ розенкрейцеровъ противъ авиньонскаго общества Новаго Израиля, подъ заглавіемъ: „Краткое извѣстіе о новооткрывшемся обществѣ". Московскіе братья въ дѣйствіяхъ авиньонскаго общества видѣли не шарлатанство и обманъ, а „какомагію", т. е. чернокнижіе и содѣйствіе злыхъ духовъ. Они возражали противъ вызыванія духовъ, потому что считали это опаснымъ. Вызывать же Іисуса Христа они считали дѣломъ нехорошимъ, равно какъ цензуру откровеній, цензуру собора пророковъ [3]). Изъ этого видно, что все-таки московскіе розенкрейцеры вѣрили въ возможность вызыванія духовъ, хотя и считали это дѣло опаснымъ или даже дурнымъ. Авторъ дневника розенкрейцера разсказываетъ о чудесахъ разныхъ вызывателей духовъ. „Вечеромъ въ домѣ ложи. Знаменательный вечеръ, пишетъ онъ [4]). Бишофсвердеръ присутствовалъ, когда Шрепферъ былъ побѣжденъ однимъ злымъ духомъ и умерщвленъ... Онъ описывалъ, что воздушные духи, которые ему спеціально извѣстны, имѣютъ человѣческое лицо, только гораздо яснѣе и свѣтлѣе. Однажды Фрелихъ, въ присутствіи Бишофсвердера, не могъ побѣдить духа". „Шрепферъ

[1]) Доп. Пекарскаго, стр. 71—72.
[2]) Тамъ-же, стр. 74—75.
[3]) Вѣст. Евр., 1872 г., № 1 „Матер. для ист. мас-хъ ложъ", Авин. общ-во Нов. Израиля.—Тамъ-же указ. ст. Лонгинова объ этомъ общ-вѣ.
[4]) Доп. Пекарскаго, стр. 85—86.

вызывалъ облака и заставлялъ молнію ударять въ дерево. Онъ доказалъ одному посредствомъ дьявола, что Іисусъ сынъ Бога, котораго господство они ощущаютъ“ [1]). Самъ авторъ дневника вѣритъ, что можно вызывать не только духовъ, но и живыхъ людей; только—„вызывать живаго, говоритъ онъ [2]), опасно, потому что онъ является въ томъ видѣ, въ какомъ застаютъ его въ ту минуту, и падаетъ на мѣстѣ въ обморокъ“. Авторъ дневника склоняется къ тому мнѣнію, что какомагія—дѣло дурное; но онъ иной разъ самъ увлекается ею: „Дю Боскъ есть *великій братъ:* онъ былъ у Шрепфера и силенъ въ какомагіи“, говоритъ онъ [3]). Онъ въ одномъ мѣстѣ дневника какъ будто заподозриваетъ Шрепфера въ обманѣ: „Шрепферъ допускалъ, пишетъ онъ [4]), не всѣхъ людей и сперва угощалъ пуншемъ. Далѣе — духи носили новомодныя пряжки. Извѣстно, что послѣ его смерти оказалось на немъ долгу въ одной аптекѣ до 100 рейхсталеровъ за фосфоръ. Онъ постоянно носилъ съ собою пистолетъ въ карманѣ, чтобы застрѣлить того, кто его станетъ обличать. Но его зрители отъ веществъ, которыя примѣшивалъ онъ въ пуншъ, находились въ такомъ состояніи, что или не могли ничего различать, или чувствовали себя дурно, или же очень боялись. Въ Вѣнѣ происходятъ ужасныя вещи подъ покровомъ масонства“. Но эти сомнѣнія не могли разувѣрить московскаго розенкрейцера въ возможности видѣній: такъ, напр., онъ придаетъ значеніе тому обстоятельству, что „послѣ испытаннаго (имъ) передъ тѣмъ огорченія и двухъ выпитыхъ порцій кофе“ поднялся передъ нимъ „въ трехъ шагахъ очень темный, краснокровавый квадратъ, величиною въ талеръ. Лучи отъ него были матовые и свѣтло-желтые. Онъ началъ подниматься и пропалъ“ [5]).—И какъ было масонамъ не вѣрить въ возможность видѣній, когда по ихъ ученію братья высшей степени, или маги, видятъ Христа лицемъ къ лицу [6]). Да и пуншъ и фосфоръ Шрепфера не должны были ихъ смущать. Московскіе розенкрейцеры считали опаснымъ и даже дурнымъ дѣломъ вызываніе духовъ; но они не прочь были посредствомъ различныхъ физическихъ дѣйствій и разныхъ снадобій приводить себя въ такое состояніе, въ которомъ, по ихъ мнѣнію, сообщались они съ сверхъестественнымъ міромъ. Въ одномъ сборникѣ масонско-мистическихъ сочиненій, составленномъ въ 90-хъ годахъ, авторъ одной статьи раз-

[1]) Тамъ-же, стр. 90—91.
[2]) Тамъ-же, стр. 91.
[3]) Тамъ-же, стр. 87.
[4]) Тамъ-же, стр. 91.
[5]) Тамъ-же.
[6]) Тамъ-же, стр. 84.

сказываетъ, какъ посредствомъ конвульсивныхъ движеній пришелъ онъ въ экстатическое состояніе; „невозможно описать, объясняетъ онъ, въ какомъ стройномъ, и можно сказать безсмертномъ состояніи моего тѣла я находился“ [1]). Въ другой масонской рукописи (записная книжка Ланскаго), принадлежащей Московскому музею, помѣщено особое небольшое разсужденіе „ о достиженіи къ сверх-натуральному состоянію“. „Въ семъ состояніи, говорится здѣсь, являетъ имъ (людямъ его достигшимъ) Богъ великую милость и чрезвычайныя дарованія, и не можно сказать, коликая любовь и истеченіе благодати проистекаютъ имъ отъ Бога. Они часто чувствуютъ соединеніе со Христомъ, присутствіе Св. Духа и самихъ святыхъ ангеловъ; они вкушаютъ Бога и благость его, и потому часто столько освобождаются отъ тварей, что забываютъ все позади ихъ существующее, и почти и себя самихъ уже не ощущаютъ, понеже они превращены во Христа и суть одинъ духъ съ нимъ, и блаженно въ Богѣ погрузилися и погубилися. Гражданское ихъ хожденіе потомъ уже не на земли и не въ землѣ, но въ небѣ и къ небу“ [2]). Далѣе въ рукописи сообщаются мистическія средства и рецепты для достиженія этого блаженнаго состоянія.

Были ли всѣ эти „вызыванія духовъ“ и проникновенія въ „сверхъестественный міръ“ простымъ только шарлатанствомъ и обманомъ? Обманъ, конечно, могъ играть тутъ большую роль, и Каліостро, напр., былъ, по всей вѣроятности, простой ловкій фокусникъ; но едва ли все здѣсь можетъ быть объяснено обманомъ. „Вызываніе духовъ“ и пришествіе въ „экстатическое“ состояніе тѣсно связаны съ магнетизмомъ. Въ одномъ изъ документовъ московскаго розенкрейцерства, именно въ „Извлеченіи изъ отпуска великаго пріората“ сказано[3]) про мартинизмъ, что начальникъ его Виллермозъ „сначала основалъ свою собственную масонскую систему, потомъ *ученіе и практику Месмерова магнетизма со оною соединилъ*, а наконецъ присовокупилъ къ тому и полученное имъ отъ Каліостро“. То-же случилось и съ масонствомъ въ Швеціи: съ нимъ соединилось ученіе Сведенборга, „появившееся въ 1743 году и состоявшее, говоритъ г. Лонгиновъ [4]), изъ смѣшенія элементовъ, заимствованныхъ въ мистицизмѣ, магнетизмѣ и магіи“. „Сведенборгизмъ увлекъ многихъ масоновъ въ послѣднія крайности духовидѣнія и магіи, и имѣлъ большое вліяніе на основанную въ 1770 г. систему Авиньонскую“.—Магнетизмъ есть великая, но до сихъ поръ

[1]) Вѣст. Евр., 1872 г., № 1 „Матер. для исторіи мас-хъ ложъ, I. Розенкрейцеры“, стр. 197.
[2]) Тамъ-же, стр. 202—203.
[3]) Доп. Пекарскаго, стр. 74.
[4]) „Нозик. и моск. мартин.“ Лонгинова, стр. 77.

еще очень мало изслѣдованная сила природы; посредствомъ его дѣйствительно могутъ совершаться непонятныя пока явленія, и быть можетъ врачеванія [1]). Этой силой, вѣроятно, и владѣлъ Шрепферъ, про „чудеса“ котораго разсказываетъ дневникъ розенкрейцера. Едвали Шрепферъ былъ простой шарлатанъ; по крайней мѣрѣ подобному заключенію противорѣчитъ его самоубійство, которое Бишофсвердеръ называетъ убійствомъ, совершеннымъ злымъ духомъ, побѣдившимъ Шрепфера [2]): магнетизмъ есть своеобразная сила, не всегда покорная магнетизеру и часто обращающаяся противъ него и дѣйствующая вопреки его волѣ, какъ, напр., при изцѣленіяхъ болѣзней. Фосфоръ и пуншъ Шрепфера не доказываютъ еще обмана: посредствомъ различныхъ снадобій и конвульсивныхъ движеній человѣкъ иногда можетъ возбудить въ себѣ скрытую магнетическую силу. Наши масоны, приходившіе въ экстатическое состояніе посредствомъ различныхъ движеній, поступали точно такъ-же, какъ сибирскіе шаманы передъ своими предсказаніями. Необычайныя дѣйствія магнетической силы иной разъ даже сводили масоновъ съ ума; на этомъ помѣшался, напр., Невзоровъ. По возвращеніи изъ-за-границы онъ былъ посаженъ въ Невскій монастырь и потомъ въ крѣпость. На послѣдовавшихъ затѣмъ допросахъ онъ между прочимъ говорилъ, что въ Невскомъ монастырѣ всѣ — іезуиты, и его душили „магнизаціею“, что въ крѣпости тоже всѣ іезуиты и его мучатъ составами Каліостро и горючими матеріями. Онъ отказался надѣть присланное ему по высочайшей милости бѣлье и платье, говоря, что „всякое бѣлье и платье намагнитизировано“ [3]).—За воображаемыя ими вызыванія духовъ и проникновенія въ сверхъестественный міръ масоны не могутъ быть обвинены въ шарлатанствѣ (хотя, повторяю, и оно могло при этомъ играть роль); тутъ дѣло не въ обманываніи другихъ, а въ томъ, что масоны сами обманывались: силу физической, вещественной природы они принимали за силу духовную; овладѣвая силой земной, или, лучше сказать, отдаваясь ей во власть, они воображали, что владѣютъ силой небесной. Духовное и матерьяльное въ ихъ понятіяхъ смѣшались и перепутались, и возвышенный идеализмъ обратился въ грубый матерьялизмъ; стремясь въ духовный міръ и къ нравственному совершенству, они кончили тѣмъ, что высшимъ благомъ и цѣлью своихъ стремленій поставили возможность останавливать солнце, подобно Іисусу Навину,

[1]) Я бы хотѣлъ сослаться здѣсь на лекціи психологіи пок. пр. Сидонскаго; но къ сожалѣнію онѣ не напечатаны.

[2]) Доп. Пекарскаго, стр. 85.

[3]) Сборн. Рус. Ист. Общ-ва, т. II, стр. 143.

жить сотни лѣтъ и владѣть несмѣтными богатствами при помощи искусства дѣлать золото.

Изъ одной рукописной розенкрейцерской книги, носящей названіе „Misterium magnum. Studium universale“ [1]) и разъясняющей рисунками и словами высшія тайны ордена, видно—до какой степени дошелъ матерьялизмъ масонства: въ этихъ объясненіяхъ духъ человѣка и самое Божество отождествлены съ физической природой. На одной изъ страницъ книги изображено „древо познанія добра и зла“ (Der Baum der Erkentniss Gutes und Böses,—книга на нѣмецкомъ языкѣ); начинаясь однимъ стволомъ, дерево съ середины раздѣляется на двѣ вѣтви; на вѣтви, идущей на-лѣво,—зеленые плоды—Frucht des Lebens, на вѣтви, идущей на-право,—красные плоды—Frucht des Todes;—изъ подъ круговъ, отчасти закрывающихъ стволъ дерева, тянутся человѣческія руки, по три съ каждой стороны; каждая изъ этихъ рукъ сорвала уже по одному плоду. Корни дерева раздѣляются на двѣ стороны; съ лѣвой стороны они развѣтвляются въ кругѣ солнечныхъ лучей, съ правой—въ кругѣ, наполненномъ стрѣлами молніи;—оба эти круга соединены покрывающимъ ближайшія части ихъ, меньшимъ сравнительно съ ними, голубымъ кругомъ, составленнымъ изъ двухъ рядовъ человѣческихъ глазъ съ глазомъ въ центрѣ круга. Смыслъ картины, послѣ всего, сказаннаго выше, довольно ясенъ: изученіе, внимательное разсматриваніе (множество глазъ) дѣйствія солнечныхъ лучей и стрѣлъ молніи во внутренности земли ведетъ насъ къ универсальному знанію, къ знанію жизни и смерти, добра и зла; къ этому изученію сводится вся наука. (Извѣстно, что приготовленіе масонами золота основывалось на изученіи образованія металловъ внутри земли при посредствѣ солнечныхъ лучей). Но замѣчательно, что внизу этого рисунка подписано: Mensch Erkenne dich selbst in dir lieget der Schatz aller Weissheit verborgen; про изученіе же внутреннихъ процессовъ земли ничего не сказано. Такимъ образомъ и выходитъ, что по розенкрейцерскимъ представленіямъ изученіе этихъ процессовъ земли и познаніе себя самого, которымъ масонство всегда такъ гордилось, есть одно и то-же; внутренній міръ человѣка отождествленъ съ внутренностію земли, или человѣкъ съ землею, какъ это было въ древнемъ язычествѣ, обоготворявшемъ мать—землю. Что это такъ было по пред-

[1]) Эта интересная рукопись принадлежитъ въ настоящее время Өед. Алекс. Витбергу; а ему досталась отъ его отца (знаменитаго художника), бывшаго масономъ. На первомъ листѣ рукописи находится слѣдующая надпись: „Принадлежитъ сія книга М. Д. А. Старшему Студенту Іоанну П. Г. Орлову. Сего 13 д. Апрѣля 1822-го Года“. Пониже съ лѣвой стороны: „Въ Св. Тр. Серг. Лаврѣ“, съ правой стороны: „Б. С. І. А-ій“.

ставленіямъ масонства (представленіямъ, можетъ быть, безсознательнымъ), подтверждается двумя другими рисунками книги, отождествляющими человѣка съ звѣздами и планетами. Въ кругѣ, раскрашенномъ цвѣтами—краснымъ, зелено-желтымъ, синимъ и чернымъ, изображены 12 знаковъ зодіака, изъ которыхъ нѣкоторые входятъ въ изуродованную фигуру человѣка, другихъ эта фигура касается различными своими частями; съ боковъ и внизу круга надпись: Imago Hominis 12 Signa coelestia Complectens. Другой рисунокъ—тоже кругъ, выкрашенный тѣми же цвѣтами; въ серединѣ его менѣе изуродованная, чѣмъ на первомъ рисункѣ, фигура человѣка съ широко разставленными ногами и распростертыми руками наполняетъ пятиугольную звѣзду; въ туловищѣ человѣка знаки 7-ми планетъ; вокругъ звѣзды—тоже знаки планетъ; надпись при кругѣ: Figura Hominis 7 Planetas Continens. Это—чисто миѳологическое олицетвореніе планетъ. Вся вообще книга толкуетъ о тайнѣ міросданія, о Богѣ и мірѣ; но больше, чѣмъ о Богѣ,—о 4 элементахъ, 3 началахъ (меркуріи, соли и сѣрѣ,—☿, ⊖ ♃), о мистическомъ значеніи чиселъ: 3, 4, 7, 40. Общее впечатлѣніе книги: какъ будто она есть изложеніе догматовъ и тайнъ языческой религіи, обоготворяющей природу.—Для довершенія сходства съ язычествомъ, одинъ рисунокъ, тщательно исполненный, изображаетъ Мать всего міросданія. Представлена молодая нагая женщина съ распущенными волосами, въ коронѣ; отъ грудей ея идутъ двѣ линіи, соединяющіяся вверху ногъ и составляющія такимъ образомъ трехъугольникъ вершиною внизъ; въ этотъ трехъугольникъ входитъ своею вершиною другой трехъугольникъ, основаніе котораго находится внизу ногъ женщины. Эти трехъугольники, какъ видно изъ таблицы, на другомъ листѣ книги, означаютъ: первый—женское начало (semen), второй—мужское начало (sperma). Въ нижнемъ трехъугольникѣ находится кругъ, наполненный чѣмъ-то вродѣ пламени или крови (красный и желтый цвѣта); въ серединѣ круга—младенецъ; верхній трехъугольникъ остріемъ своимъ касается головы младенца, и такимъ образомъ выходитъ, что его питаетъ женщина своимъ молокомъ; —по всей вѣроятности это—зародышъ (т. е. зародышъ міра). Ступней ногъ у женщины нѣтъ, онѣ закрыты желтымъ кругомъ, который находится на одной изъ сторонъ идущаго остріемъ внизъ золотаго трехъугольника (вѣроятно, означающаго три начала: меркурій, соль и сѣру); внутри трехъугольника заключенъ золотой же четырехъугольникъ, двѣ болѣе продолженныя стороны котораго идутъ внизъ и составляютъ остріе, совпадающее съ остріемъ трехъугольника (четырехъугольникъ, вѣроятно, означаетъ четыре элемента). Въ четырехъугольникѣ, близъ его нижняго острія, изображено золотое солнце съ человѣческимъ лицемъ; солнце это находится на линіи одного изъ круговъ, идущихъ ниже трехъугольника; этихъ линейныхъ круговъ три, одинъ въ другомъ; въ центрѣ послѣдняго изъ нихъ небольшой кругъ, окрашенный зеленою краской, съ надписью по срединѣ его—chaos; эта надпись раздѣляетъ знаки △ 🜁, ▽ 🜃, т. е. знаки мужскаго и женскаго начала, или 4 элементовъ: огня и воздуха, воды и земли; на линейныхъ кругахъ находятся, какъ планеты на своихъ путяхъ, цвѣтные круги съ различными изображеніями: луны, смерти съ косой, феникса, знака меркурія, мертвой головы, процесса химической перегонки и т. д.; по всей вѣроятности, это—міръ, или процессъ созданія міра. Надъ головою женщины надпись: Die Himmlische und Irdische Eva die Muter aller Creaturen im Himmel und auf Erden; съ боковъ головы: Jungfrau Sophia. — Такимъ образомъ, какъ видно изъ этой картины, процессъ міросданія представлялся розенкрейцерамъ совершенно подобнымъ процессу рожденія человѣка. Имъ представлялась какая-то Мать міра. Это, повидимому, языческая богиня, нѣчто въ родѣ хлыстовской богородицы. Масонство здѣсь переходитъ въ язычество. Никакъ нельзя думать, что Jungfrau Sophia есть простой символъ Божіей мудрости, ибо не все въ масонствѣ символы: масонство стремилось къ реальному золоту, къ реальному универсальному лѣкарству, къ дѣйствительному вызыванію духовъ; ему дѣйствительно и представлялось, что два начала, мужское и женское, создали міръ; названіе Дѣва-Мудрость ничего не доказываетъ, ибо и хлыстовская владычица міра носитъ даже христіанское имя — богородицы.—Для довершенія сходства съ нашей языческой хлыстовщиной, розенкрейцерство въ разсматриваемой книгѣ и рожденіе Христа, явленіе Бога на землѣ считаетъ совершенно подобнымъ обыкновенному процессу рожденія человѣка. На одномъ изъ листовъ книги находится таблица, раздѣленная на четыре отдѣла; въ первомъ отдѣлѣ названы 4 элемента: огонь (△), воздухъ (🜁), вода (▽) и земля (🜃); внизу въ соотвѣтствіе имъ названъ Богъ-Отецъ (Gott Fater). Во второмъ отдѣлѣ—3 начала: сѣра (♃), соль (⊖) и меркурій (☿), и въ соотвѣтствіе имъ внизу написано имя Бога-Сына (Gott Sohn). Въ третьемъ отдѣлѣ—2 сѣмени: мужское (△ 🜁) и женское (▽ 🜃); имъ соотвѣтствуетъ внизу отдѣла—Богъ-Духъ Святый (Gott H. Geist). Наконецъ, въ четвертомъ отдѣлѣ — 1 плодъ (1 Frucht), и ему соотвѣтствуетъ Christus Mensch. Рожденіе Христа, по сопоставленію его съ появленіемъ плода вообще, является чѣмъ-то вродѣ хлыстовскаго рожденія христосика отъ „накатыванья“ Св. Духа. Т. е. имена и Бога, и Христа, и Св. Духа являются только оболочкой, за которой кроется языческое поклоненіе природѣ и матерьяльнымъ процессамъ ея жизни. У

хлыстовъ „накатываньe“ Св. Духа является слѣдствіемъ скаканья, верченія и другихъ подобныхъ дѣйствій; и розенкрейцеры, какъ мы видѣли выше, приводили себя въ „экстатическое“ состояніе посредствомъ конвульсивныхъ движеній и пріема разныхъ снадобій; они вѣрили, что въ подобномъ ихъ состояніи Богъ насылалъ на нихъ Св. Духа.— Конечно, масоны не дошли до практики хлыстовщины, у нихъ не являлось еще реальныхъ богородицъ и христосиковъ; но они стояли на этой дорогѣ. Притомъ, разумѣется, они ничего этого не сознавали, и конечно бы очень удивились, если бы кто сказалъ имъ, что въ ихъ вѣрованіяхъ и обрядахъ много языческаго. Такимъ образомъ вышло, что масоны, углубляясь въ свои науки для того, чтобы черезъ изученіе природы познать Бога, въ концѣ концовъ приходили къ тому, что обоготворяли природу и покланялись ей и ея силамъ.

Матерьялизмъ, и довольно грубый, видѣнъ и въ обрядахъ масонства, особенно въ обрядахъ принятія въ орденъ. Уже въ первоначальномъ англійскомъ масонствѣ мы можемъ замѣтить нѣкоторыя странности обрядовъ; такъ напр., при пріемѣ въ ученическую степень, въ моментъ снятія повязки съ глазъ принимаемаго (онъ обыкновенно вводился въ ложу съ завязанными глазами), братья приставляли къ груди его острія мечей; съ принимаемаго бралась страшная клятва о сохраненіи тайны ордена [1]). Впослѣдствіи, когда въ англійскомъ масонствѣ явились обряды пріема въ товарищескую и мастерскую степени, въ этихъ новыхъ обрядахъ явились и новыя странности: напр., при разсказѣ легенды ордена объ убіеніи Адонирама (главнаго строителя Соломонова храма) посвящаемаго неожиданно сильно ударяли: младшій надзиратель—масштабомъ по шеѣ, старшій надзиратель—наугольникомъ въ лѣвую грудь и мастеръ—молотомъ по головѣ [2]). Всѣ подобныя дѣйствія имѣли, вѣроятно, цѣлью — испытать твердость новичка, напомнить ему о смерти и страхомъ заставить его хранить тайну. Съ теченіемъ времени, съ развитіемъ изъ англійскаго масонства другихъ системъ, сравнительно простые обряды этого масонства обратились въ цѣлыя представленія со всякими ужасами; дѣло дошло до черной комнаты съ движущимся скелетомъ; вмѣсто креселъ передъ мастеромъ явился жертвенникъ; простой обходъ кругомъ ложи обратился въ путешествіе съ различными страшными препятствіями, ввидѣ раскаленнаго желѣза, пропастей, проваловъ, оптическихъ обмановъ, электрическихъ машинъ и гальваническихъ приборовъ [3]).—Въ

[1]) Вѣстн. Евр. 1868 г. № 7. «Рус. мас—во до Новикова», стр. 183—187.
[2]) Тамъ-же, стр. 201—204.
[3]) Тамъ-же, послѣ 208 стр.

елагинскихъ ритуалахъ, напечатанныхъ г. Пекарскимъ, есть такіе обряды пріема въ ученическую степень: когда „открывается требующему свѣтъ“, т. е. внезапно снимаютъ съ глазъ его повязку,—тогда всѣ предстоящіе братья „держатъ устремленныя противъ него шпаги“, а одинъ изъ братьевъ стоитъ въ окровавленной сорочкѣ. Великій мастеръ объясняетъ принимаемому, что направленные на него мечи устремятся противъ него, если онъ нарушитъ клятву и союзъ. Затѣмъ великій мастеръ объявляетъ ему, что, если онъ зашелъ уже такъ далеко, что не во власти его съ честью и безъ опасности оставить ложу, то пусть онъ, „подвигнутый собственною волею и мужественнымъ намѣреніемъ“, запечатлѣетъ клятву свою смѣшеніемъ крови своей съ кровью братьевъ. Посвящаемаго ставятъ на одно колѣно у жертвенника, велятъ ему положить одну руку на Евангеліе, а другою приставить къ своей груди циркуль. „Братъ ужасный! говоритъ великій мастеръ. Гдѣ кровавая чаша? Исполни свою должность“. Братъ ужасный подходитъ съ кровавою чашей, а мастеръ ударяетъ трижды по приставленному къ груди принимаемаго циркулю; текущая въ чашу кровь соединяетъ новаго масона съ прежними братьями. Чтобы сильнѣе подѣйствовать на новичка, напугать его, во время этого обряда великій мастеръ дважды обращается къ брату поручителю того, кто стоитъ въ окровавленной сорочкѣ, — первый разъ съ вопросомъ: „каковъ онъ?“ а второй разъ со словами: „братъ поручитель! посади брата NN и послужи ему“. Если новопринимаемый смотритъ при этомъ на окровавленнаго брата, то мастеръ ему замѣчаетъ: „не любопытствуй! до тебя не принадлежитъ сіе. Ты старайся теперь преодолѣть мужественно послѣдній твердости твоей опытъ“ [1]).—При вступленіи въ розенкрейцеры тоже играла роль кровь: въ дневникѣ розенкрейцера подъ 21 марта записано: „сегодня утромъ мнѣ пускали кровь изъ жилы, чтобъ подписаться въ розенкрейцерскій орденъ“ [2]).— Обряды пріема въ мастера въ елагинскихъ ритуалахъ (или лучше: въ переводѣ Елагина изъ актовъ ложи Аполлона) страшнѣе обрядовъ пріема въ ученики. Убранство ложи при этомъ торжествѣ таково: „вся ложа одѣяна чернымъ сукномъ; помостъ или полъ покрытъ чернымъ покрываломъ, на которомъ разсѣянно нашиты золотомъ слезы. На сіе покрывало вмѣсто ковра поставляется въ существѣ черный гробъ, на которомъ вѣтвь акаціи и дѣйствительная мертвая голова съ принадлежащими костьми и серебряная медаль или бляха кладется. Въ головахъ гроба къ западу циркуль, а въ ногахъ прямоугольникъ нахо-

[1]) Доп. Пекарскаго, стр. 39, 40, 42.
[2]) Тамъ-же, стр. 91.

дится. Вмѣсто трехъ подсвѣчниковъ, постановляются три сидящіе на черныхъ подножіяхъ. на подобіе кубическаго камня сдѣланныхъ, скелета, изъ коихъ каждый держитъ тройной подсвѣчникъ съ тремя зажженными свѣщами. Жертвенникъ одѣянъ также чернымъ съ золотыми слезами; и вокругъ изъ серебрянаго флера фестонъ, и впереди вышита мертвая глава съ принадлежащими и на крестъ положенными костьми. На жертвенникѣ стоятъ вмѣсто обыкновенныхъ трехъ подсвѣчниковъ три серебряныя мертвыя головы на ихъ, крестообразно сложенныхъ, костяхъ... Всѣ чиновники и всѣ братія одѣяны въ черныхъ епанчахъ и съ распущеными шляпами... Братъ стражъ имѣетъ вмѣсто одной двѣ шпаги въ рукахъ. Въ сѣверѣ и югѣ повѣшены черныя картины, представляющія мертвыя головы, лежащія на крестообразно сложенныхъ костяхъ и подъ ими написано: memento mori, или помни смерть". Брата ищущаго вводятъ въ ложу спиною и ставятъ лицомъ къ стѣнѣ, „да не омрачится скорымъ и нечаяннымъ возрѣніемъ". Затѣмъ онъ начинаетъ „по мастерски путешествовать"; при этомъ онъ самъ держитъ лѣвою рукою у груди конецъ шпаги; ведущій его второй надзиратель останавливается съ нимъ у нарисованныхъ мертвыхъ головъ, причемъ проситъ его размышлять о смерти; то-же напоминаетъ ему и великій мастеръ при прохожденіи востока ложи. „Во время путешествія братья стоятъ окрестъ и близь гроба, наклонивъ голову на руку. Во гробѣ лежитъ подъ окровавленною плащеницею единый изъ младшихъ мастеровъ". По окончаніи путешествія ищущаго подводятъ къ жертвеннику: „подводится онъ дѣлая три шага чрезъ гробъ или тѣло... Ему у жертвенника стоящу, приготовляется гробъ, въ который его повергнуть должно". У жертвенника приноситъ онъ обѣтъ молчаливости. Послѣ того великій мастеръ три раза ударяетъ молоткомъ съ произнесеніемъ словъ принятія. При третьемъ ударѣ, когда произносится слово „смерть", принимаемый „повѣргается во гробъ и покрывается окровавленною плащеницею. По семъ происходитъ великая тишина". Тогда „великій мастеръ ударяетъ по ефесу шпаги своей 9 ударовъ, надзиратели ему отвѣчаютъ, а братья въ тожъ время стремительно бѣгутъ ко гробу и концы шпагъ на лежащаго устремляютъ"[1]).— Ритуалы московскихъ розенкрейцеровъ, по словамъ Пекарскаго, заимствованы изъ переводовъ Елагина съ актовъ ложи Аполлона. Обряды розенкрейцеровъ оказываются такими же эффектными и ужасающими, какъ и обряды елагинскаго масонства [2]). Въ нихъ, напр., такъ описывается комната,

[1]) Тамъ-же, стр. 46—48.

[2]) Тамъ-же, стр. 64.

въ которую вводятъ ищущаго степени ученика: „темная храмина должна быть сдѣлана какъ со сводомъ погребъ, въ которомъ поставляются гробы. Стѣны оной должны быть обиты чернымъ; столъ одѣтъ чернымъ покрываломъ; на ономъ лежитъ мертвая голова, въ которой горитъ лампада. Тутъ же полагается библія, въ которой открыто бываетъ евангеліе св. Іоанна глава 1-я, и поставляется отверстый гробъ съ мертвыми костями". Передъ снятіемъ съ глазъ ищущаго повязки требуется (по ритуалу 1785 г.), чтобы въ ложѣ всѣ свѣчи были погашены, кромѣ одной на алтарѣ, и чтобы была зажжена чаша съ виннымъ спиртомъ; потомъ передъ пріемлемымъ „дѣлается крестообразное пламя" въ ознаменованіе тлѣнности всего земнаго, причемъ братья должны возглашать: sic transit gloria mundi! [1]).

Какой смыслъ во всѣхъ этихъ страшныхъ обрядахъ? Масоны увѣряли себя, что всѣми этими ужасами они, во 1-хъ, испытывали и укрѣпляли твердость новопринимаемаго, во 2-хъ, напоминали ему о тлѣнности всего земнаго, о неизбѣжности смерти и о томъ, что она не есть зло, а добро, приготовляли его къ ней. Мы, конечно, можемъ смотрѣть на все это иначе: воспитать въ себѣ твердость духа, разбудить въ душѣ мысль о тлѣнности всего земнаго и приготовить себя къ смерти можно путями иными, болѣе простыми и человѣчными, безъ эффектовъ и запугиваній, безъ напряженнаго дѣйствія на фантазію, безъ искусственнаго и не совсѣмъ чистаго ея возбужденія. Застращиванія и ужасы обрядовъ масонства вызваны потребностями развратнаго вѣка: необузданная чувственность тогдашнихъ людей, заставлявшая ихъ быстро испытать всѣ впечатлѣнія разврата, приводила ихъ въ концѣ концовъ къ разочарованію и скукѣ; оказывалось нечѣмъ наполнить пустоту жизни; а между тѣмъ возбужденные нервы требовали сильныхъ чувственныхъ потрясеній; и вотъ эти потрясенія давали имъ картины гробовъ, скелетовъ, окровавленныхъ тѣлъ. Не успокоеніе страстей производили обряды масонства, напоминавшіе смерть; человѣкъ 18-го вѣка, сорвавшійся со всякихъ нравственныхъ основъ, отупѣвшій въ развратѣ, болѣе всего боявшійся смерти, въ этомъ же страхѣ смерти находилъ и особаго рода сладострастное, безнравственное наслажденіе: наслажденіе смертью, кровью, страданьями есть, какъ извѣстно, высшая степень чувственности. И затѣмъ во всѣхъ этихъ страшныхъ обрядахъ нѣтъ ничего христіанскаго; они скорѣй напоминаютъ намъ, какъ и содержаніе орденскихъ тайнъ, какъ науки ордена, что-то языческое, какія-то кровавыя человѣческія жертвы; это отрывки изъ языческаго религіоз-

[1]) Тамъ-же, стр. 64—65.

наго культа. Но замѣчательно при этомъ, что религіозный характеръ страшныхъ обрядовъ какъ будто соединенъ съ скептицизмомъ 18-го вѣка: въ обращеніи человѣчьихъ череповъ и скелетовъ въ подсвѣчники какъ будто слышится холодная иронія Вольтера, смѣхъ надъ смертью и поруганіе ея.

Матерьялизмъ замѣтенъ вообще въ воззрѣніяхъ масонства. Мы видѣли, что высшимъ благомъ орденъ считалъ „аскетическое настроеніе духа“; но въ одномъ розенкрейцерскомъ сборникѣ сказано, что кромѣ этого блага орденъ имѣетъ для достойныхъ своихъ членовъ „еще пріятности, которыя къ радости временной жизни принадлежатъ; которыхъ преиспытанный ордена братъ можетъ и по сю сторону гроба въ полной мѣрѣ пожинать и наслаждаться. Наши высочайшіе настоятели ордена, съ коими Богъ и его премудрость есть, имѣютъ въ своемъ стяжаніи и сохраненіи тайный ключь къ великимъ сокровеннымъ сокровищамъ цѣлой натуры. Сію богатую запасную палату отверзаютъ они по своему изволенію и получаютъ оттуда все, что человѣку нужно къ прочному здравію, долгой жизни и беззаботному содержанію“ [1]). Г. Пыпинъ указываетъ [2]), что въ сборникѣ рѣчей, принадлежавшемъ ложѣ „Скромности“, есть между прочимъ Gedächtniss-Rede auf den Fürst Alexander Ivanowitsch Mestschersky, gehalten am 18 May 1779. Это тотъ Мещерскій, на смерть котораго написалъ Державинъ извѣстную оду. „Любопытно, говоритъ г. Пыпинъ, что рѣчь въ память этого сына роскоши, прохладъ и нѣгъ въ особенности настаиваетъ на той, впрочемъ нерѣдкой у тогдашнихъ масоновъ мысли, что люди въ самой печали не должны предаваться мрачной меланхоліи, что, напротивъ, жизнь создана для счастія и удовольствій: эта цѣль указана самимъ Творцомъ міра; въ законодательствѣ природы наше сохраненіе и продолженіе является удовольствіемъ, всемогущая рука привела первому обитателю міра помощницу и т. д. Нужно только, чтобъ удовольствіе не превращалось въ насыщеніе испорченныхъ страстей“. Подобныя воззрѣнія братьевъ какъ-то уживались съ аскетическимъ идеаломъ масонства. Выше приведено было вѣрованіе ордена въ возможность сообщенія „тинктуры“ для зачатія человѣка посредствомъ поцалуя [3]): въ этомъ вѣрованіи сквозь отрицаніе чувственной любви проглядываетъ затаенная чувственность; это—попытка замѣнить грубую форму чувственности формой болѣе утонченной, а вовсе не отрицаніе чувственныхъ наслажденій, хотя самому масонству оно и казалось отрицаніемъ.

[1]) Тамъ-же, стр. 68.
[2]) Вѣст. Евр., 1868 г., № 6. „Рус. мас-во до Нов-ва“, стр. 580—581.
[3]) Вѣст. Евр., 1872 г., № 1. „Матер. для исторіи мас-хъ ложъ“, стр. 202.

Тѣло представлялось масонству болѣе могущественнымъ, чѣмъ духъ человѣка,—духу не подъ-силу было бороться съ нимъ: „заблуждается водимый собою слабый человѣческій умъ! восклицаетъ Елагинъ [1]). Все благопріятно, все прелестно, все то полезно кажется ему, что тѣлеснымъ ласкаетъ его чувствамъ. Ибо свѣтильникъ, въ душѣ его находящійся, затмѣнъ мракомъ плотскаго удрученія, не допускающаго возгорѣть ему; ибо духъ его, отягченный игомъ бренныя одежды, пребываетъ въ темницѣ своей безъ дѣйствія и *тщетно* силится иногда ополчиться противъ обуревающихъ слабую его хижину стихій непріязненныхъ, т. е. необузданныхъ пороковъ; и часто сей несчастный узникъ, не могшій прервать связующихъ его оковъ, страждетъ отлученный отъ пресвѣтлаго своего источника“. „Я пребываю еще въ одной неисправленной натурѣ, говорится въ розенкрейцерскомъ поученіи брата Pius'a (Поздѣева) [2]). Я есмь Натура, въ коей нѣтъ никакого существеннаго добра, ни сладости, ни покоя, ни утѣшенія ни мнѣ самому и ни другому кому со мною. Я есмь тварь погибшая... Я есмь не добро, не миръ, не сладость, не пріятность, не покой, а есмь натура, т. е. всѣ противоположности, коимъ благій Господь далъ свободу, или волю двигаться куда и какъ хотятъ; сію то свободу я до сихъ поръ злоупотребляю на сотвореніе во мнѣ однихъ непорядковъ, обезпокоивающихъ и мучащихъ меня самого и прогнѣвляющихъ благаго моего Бога. Злоупотребленіемъ онымъ во мнѣ находящихся силъ натуры всякій день падаю я“. Другая проповѣдь, въ той же рукописи [3]), проповѣдь бр. Vegetus'a (Тургенева), разъясняетъ, что эти силы натуры, которыми человѣкъ злоупотребляетъ,—большею частью злыя силы. Говоря о человѣческомъ сердцѣ, проповѣдникъ замѣчаетъ: мы вѣдаемъ напередъ, „что нельзя тамъ быть добру, гдѣ нѣтъ его, а гдѣ есть и должно быть зло едино. И потому находимъ, что оно (т. е. сердце) исполнено всякихъ мерзостей и нечистотъ; что въ глубинѣ сего сердца лежитъ самолюбіе, заглушенное и прикрытое не только всякимъ дрязгомъ пороковъ, грѣховъ и заблужденій, но и пестротою смѣшеній добродѣтелей и пороковъ темпераментальныхъ, кои, какъ вы уже сами знаете, суть ничто и неудобны препровождать насъ въ вѣчность“.—Темпераменту, комплекціи человѣка масоны вообще придавали очень большое значеніе. Въ одномъ письмѣ отъ 24 янв. 1789 г. отъ московскихъ розенкрейцеровъ къ Ржевскому, письмѣ, подписанномъ буквою Р. (должно быть—Pinnatus

[1]) Рус. Арх., 1864 г., № 1. „Ученіе древ. любом.“, стр. 101. См. также Доп. Пекарскаго, „Бесѣда“ Елагина, стр. 109.
[2]) Рук. Рум. муз., изъ собр. Ешевскаго, № 95.
[3]) Тамъ-же.

или Porrectus, т. е. кн. Трубецкой или Татищевъ), совѣтуется Ржевскому неутомимое штудированіе Іоанна Масона и пьесы *о четырехъ комплекціяхъ* [1]). — Паденіе человѣка, предоставленнаго самому себѣ, безсиліе его духа противъ „плоти, міра и сатаны“ представлялись масонамъ не только неизбѣжными, но даже и необходимыми. Въ вышеупомянутой проповѣди брата Pius'a (Поздѣева) такъ говорится объ этомъ [2]): „Творецъ хочетъ, чтобы тварь, познавъ злоупотребленіе свободы своей, восхотѣла добровольно подчиниться оному закону“ (т. е. закону, объясненному въ Св. Писаніи). „Не для сего-то ли познанія, пріученія и совершенства твари попущено пасть и Адаму, а въ немъ и всему роду человѣческому, дабы содѣлался опытнѣе, совершеннѣе, а потому и блаженнѣе, и дабы, когда уже паденіе учинилось, то чрезъ самое паденіе открылись бы многія Божія совершенства, къ вящшему благу твари. По сему попущеніе паденія должно быть въ планѣ любви. Безъ паденія твари и Богъ не былъ бы столько познанъ и прославленъ, и тварь не могла бы вкушать и ощущать всѣхъ тѣхъ Божескихъ совершенствъ, которыя явились въ Искупителѣ, воплотившемся Творцѣ для спасенія твари... Милосердіе Божіе должно быть показано къ кому? Къ виновному. Состраданіе Его? Къ страждущему. Страхъ Его долженъ ощущенъ быть когда? При восчувствованіи удаленія отъ Него и согрѣшенія предъ Нимъ. Такъ изъ самаго преступленія твари милосердый Отецъ произвелъ новыя причины къ ея же наслажденію“. Почти прямой выводъ изъ этихъ странныхъ словъ — человѣкъ не только не можетъ воздержаться отъ грѣха, но онъ *долженъ* грѣшить, ибо иначе онъ лишитъ Бога возможности проявлять свои совершенства. Тутъ уже слышится какъ-будто софизмъ и иронія Вольтера; возвышенный идеализмъ переходитъ въ грубый матерьялизмъ.

Матерьялизмъ масонства былъ, вѣроятно, причиною появленія такъ-называемыхъ „столовыхъ“ ложъ, засѣданія которыхъ, или работы, состояли въ пирахъ. Елагинъ разсказываетъ въ своемъ „Ученіи древняго любомудрія“, что въ юныхъ лѣтахъ искалъ онъ истиннаго, хорошаго масонства, и нигдѣ не находилъ. „Въ такомъ безплодномъ упражненіи открылась мнѣ токмо та истина, говоритъ онъ [3]), что ни я, ни начальники ☐ (т. е. ложъ) инаго таинства не знаютъ, какъ развѣ со степеннымъ видомъ въ открытой ложѣ шутить, и при торжественной вечери за трапезою несогласнымъ воплемъ непонятныя ревѣть пѣсни и на счетъ ближняго хорошимъ упиваться виномъ, да

[1]) Соч. Ешевскаго, т. III, стр. 533.
[2]) Рук. Рум. музея, изъ собр. Ешевск., № 95.
[3]) Рус. Арх., 1864 г., № 1, стр. 100.

начатое Минервѣ служеніе окончится празднествомъ Бакху“. Пекарскій нашелъ въ ритуалахъ московскихъ масоновъ „Обрядъ столовой ложи“; въ этомъ обрядѣ установлено — какіе провозглашать тосты и какъ стрѣлять при этомъ изъ пушекъ. Хотя обрядъ совѣтуетъ помнить „драгую умѣренность“, однакожь тостовъ въ немъ назначено цѣлыхъ девять [1]).

Не нужно думать, будто матерьялизмъ явился только въ позднѣйшихъ формахъ масонства; слѣды его легко можно подмѣтить и въ масонствѣ англійскомъ. Эта первоначальная форма ордена требуетъ, чтобы братья имѣли *братскую любовь*; но въ то-же время она проповѣдуетъ, что любовь эта не должна выходить изъ границъ, а должна быть умѣренной: помогать нужно собственно своимъ братьямъ, а чужимъ только послѣ осторожнаго изслѣдованія—вѣрный ли это и истинный братъ, или нѣтъ. И во всякомъ случаѣ братья не обязаны дѣлать ничего *сверхъ возможности*, т. е. они должны оказывать услуги лишь на-столько, на-сколько позволяетъ ихъ собственное *благополучіе*, и не далѣе [2]); служить брату нужно лишь въ такомъ случаѣ, если это не будетъ вредно самому служащему или его семейству [3]); только такая служба считается возможной. Въ этой умѣренности помощи слышится пристрастіе къ земнымъ благамъ. На-сколько эти блага вообще уважались въ англійскомъ масонствѣ, видно, напр., изъ одной старой апологіи масонства; тамъ такъ говорится между прочимъ о равенствѣ братьевъ: великій не долженъ гордиться передъ малымъ, а *меньшій* не долженъ забывать того, что онъ *обязанъ тому, кто превосходитъ его* положеніемъ, происхожденіемъ и *средствами* [4]).

Мы видѣли выше, что, отрекаясь отъ міра во имя своихъ идеаловъ, масонство отрекалось и отъ разума, отъ мысли. Создавая *свои* науки, оно отрекалось отъ наукъ обыкновенныхъ, мірскихъ. Слѣдствіемъ этой вражды къ мысли явились въ масонствѣ: произвольныя мистическія толкованія, фанатизмъ, пристрастіе къ внѣшности, внутреннія противорѣчія, выдуманная исторія ордена.—С. Т. Аксаковъ совершенно справедливо обвиняетъ масонство въ произволѣ мистическихъ толкованій: мартинисты, говоритъ онъ, придаютъ значеніе и важность всякому сочиненному ими вздору. Онъ имѣлъ право такъ говорить: онъ подшутилъ однажды надъ масонами, выдавъ имъ свою выдумку за истину, а они этой выдумкѣ придали серьезное значе-

[1]) Доп. Пекарскаго, стр. 65—66.
[2]) Вѣст. Евр., 1868 г., № 7 „Рус. мас-во до Нов-ва“, стр. 172—173.
[3]) Тамъ-же, стр. 190.
[4]) Тамъ-же, стр. 175.

ніе [1]). Масоны читали и всѣмъ совѣтовали читать Свящ. Писаніе; но они понимали его не просто, а по-своему, дѣлали къ нему свои произвольныя объясненія; такъ, напр., поступали масоны системы Елагина. Опровергая ученіе розенкрейцеровъ, Елагинъ между прочимъ пишетъ: „сверхъ сего повелѣваютъ сіи начальники непрестанно въ чтеніи Ветхаго и Новаго Завѣтовъ упражняться. Повелѣніе святое и нужно исполнять его; но если къ разумѣнію сего Божественнаго Писанія не даютъ ключа они, какъ и изъ ковра екосской ложи обще съ евангелистами его исключили, то и видно, что они не свободныхъ каменщиковъ, но фанатиковъ, или пустосвятовъ, яко безсмысленную тварь, себѣ подвластную, творить предпріяли“ [2]).—Произволъ въ объясненіяхъ вмѣстѣ съ тайною ордена и нѣкоторыми другими обстоятельствами былъ причиною образованія множества системъ масонства. Произволъ толкованій былъ и одною изъ причинъ, что орденъ отъ самыхъ простыхъ формъ дошелъ до формъ самыхъ чудовищныхъ; онъ же былъ причиною и безконечнаго разнообразія цѣлей масонства, разнообразія, которое трудно свести къ единству. Этотъ же произволъ дѣлалъ трудными орденскія науки и орденскій путь „ко храму премудрости“. „Чистосердечіе мое откроетъ вамъ, говоритъ братьямъ Елагинъ въ своей „Бесѣдѣ“ [3]), что божественная наука наша столь необъятнаго пространства и столь глубокаго умственнаго существа, что изъ упражняющихся въ ней и такой многознающимъ и блаженнымъ нарещися можетъ, который вѣрно докажетъ себѣ, что онъ ничего не знаетъ“. Такъ думалъ Елагинъ; но намъ теперь совершенно ясно, что въ самомъ содержаніи наукъ ордена господствовалъ полный произволъ и что это-то и есть причина ихъ трудности. Въ той же „Бесѣдѣ“ Елагинъ, говоря о томъ, что многіе братья увлеклись розенкрейцерствомъ, находитъ, что это извинительно, ибо „признаться надобно, что и толь долгое время странствованія нашего, говоритъ онъ, путемъ хотя истиннымъ, но не вразумительнымъ, мракомъ иносказательныхъ рѣченій, яко колючимъ дерномъ покровеннымъ, и гіероглифами неудобопроницательными, яко древесною гущею усажденномъ, могло къ нетерпѣливости служить виною. Понеже сей, ведущій ко храму премудрости путь столь труденъ и отъ зрѣнія смертныхъ съ толикою закрытъ осторожностію, то и не удивительно, что заблуждаясь по немъ многія лѣта большая часть изъ насъ не-

[1]) Рус. Бесѣда, 1859 г., № 1. „Встрѣча съ мартинистами“, С. Т. Аксакова.
[2]) Доп. Пекарскаго, стр. 103.
[3]) Тамъ-же, „Бесѣда“ Елагина § 4, стр. 107.

только въ сумнѣніе объ истинѣ его, но и въ самое невѣріе о дѣйствительности его впали“ [1]).

С. Т. Аксаковъ все видѣнное имъ у масоновъ называетъ не смѣшнымъ, а страшнымъ; „я вижу тутъ, говоритъ онъ [2]), какой-то католическій фанатизмъ, напоминающій мнѣ тайныя инквизиторскія судилища среднихъ вѣковъ“. Онъ приводитъ и примѣръ фанатизма — самоубійство голодомъ чиновника Вольфа.— Фанатизмъ масонства выражается и въ увлеченіи братьевъ орденскими науками, и въ преданности страннымъ обрядамъ, и въ готовности безусловно и слѣпо повиноваться орденскимъ начальникамъ, о чемъ будетъ сказано ниже.

Отреченіе отъ мысли всегда бываетъ соединено съ пристрастіемъ къ внѣшности, къ формѣ; такъ было и въ масонствѣ. Для насъ смѣшны теперь переряживанья братьевъ въ рыцарскія одежды, смѣшны ордена, надѣваемые ими въ ложахъ, ихъ мечи или шпаги; а они всѣмъ этимъ искренно увлекались. Съ появленіемъ у насъ розенкрейцерства московскіе масоны отказались отъ связи съ тамплiерствомъ, а слѣдовательно и отъ рыцарскихъ доспѣховъ, перестали называться „eques“ [3]); но мечи или шпаги у нихъ все-таки остались, какъ это видно изъ приведенныхъ выше обрядовъ принятія въ орденъ [4]); мечи были и въ масонствѣ англійскомъ.—Придаваніе большаго значенія нѣкоторымъ числамъ, словамъ, различнымъ тонкостямъ и подробностямъ обрядовъ тоже свидѣтельствуетъ объ излишнемъ пристрастіи масоновъ къ внѣшности. „Человѣку, дѣлающему добро просто для добра, справедливо писала имп. Екатерина графу Строганову [5]), нужны ли на что-нибудь эти дурачества, эти внѣшности, столь же странныя, какъ и легкомысленныя?“.

Въ то-же время масонство исполнено противорѣчій; но оно само этихъ противорѣчій не замѣчало, не замѣчало не только того, что возвышенный идеализмъ его обращался въ грубый матерьялизмъ, но и вещей болѣе простыхъ и даже рѣзко бросающихся въ глаза; такъ, масоны называли себя всегда „свободными“ и не видѣли, что съ этимъ прозваніемъ совершенно несогласно ихъ рабское подчиненіе неизвѣстнымъ начальникамъ.

[1]) Тамъ-же, § 3, стр. 104.
[2]) Рус. Бесѣда, 1859 г., № 1, „Встрѣча съ мартинистами“, Аксакова, стр. 59.
[3]) Двойныя имена московскихъ розенкрейцеровъ, по всей вѣроятности, объясняются тѣмъ, что одни принадлежали имъ до Р. Кр-ва, другія — ихъ р. кр-я имена; такъ Новиковъ былъ Eques ab ancora, въ Р. Кр-вѣ онъ получилъ имя—Коловіонъ; кн. Трубецкой—Eques ab aquila boreale, въ Р. Кр-вѣ—Pinnatus.
[4]) См. также Доп. Пекарскаго, стр. 64.
[5]) Рус. Арх., 1864 г., вып. 5 и 6, стр. 587—588.

Наконецъ, противна разуму и вымышленная исторія ордена. Елагинъ начинаетъ исторію масонства съ Адама, излагаетъ судьбы ея во времена напр. Ноя, и такъ далѣе, до ордена тампліеровъ, съ которымъ онъ связываетъ новѣйшее масонство [1]). Въ дневникѣ розенкрейцера разсказывается, что Рейхель считалъ Авраама первымъ возстановителемъ масонства въ Египтѣ, что онъ утверждалъ, будто между китайцами есть истинные масоны и т. д. [2]).

Слабость мысли въ масонствѣ была причиною и того, что орденъ часто подвергался обманамъ. Обмануть довѣрчивыхъ братьевъ было очень нетрудно. Примѣръ этого видимъ мы въ одномъ „Отпускѣ великаго пріората“; этотъ отпускъ обѣщаетъ, „что начало будущаго деценія... откроетъ намъ многія, до нынѣ сокровенныя таинства, и также предложитъ предъ очи всего міра неоспоримый знакъ, что воистинну существуютъ истинные ордена начальники съ мощію и силою“ [3]). Этимъ обѣщаніямъ московскіе братья искренно вѣрили. Елагинъ справедливо подозрѣваетъ присутствіе въ розенкрейцерствѣ обмана и іезуитской интриги. Онъ считаетъ розенкрейцерство „системою на корысти сооруженною“ [4]); онъ говоритъ про розенкрейцерскихъ заграничныхъ начальниковъ, что „всѣ ихъ преданія ничто болѣе, какъ на пергаментахъ съ подписаніемъ неизвѣстныхъ лицъ и съ приложеніемъ многихъ и великихъ печатей грамоты... Сіе все за превеликія деньги щедро въ провинціи они отпускаютъ, повелѣвая притомъ, чтобъ сбираемыя въ префектурахъ отъ частныхъ ложъ и вкладныя суммы безъ дозволенія высшихъ никуда употребляемы не были“ [5]). „Не сущее ли сіе ученіе истребленнаго іезуитскаго ордена? Въ немъ сказуется безпредѣльная, но скрытая отъ знанія братіевъ власть. Подобно іезуитскому генералу, въ Римѣ сѣдалище имѣвшему, но во всѣхъ концахъ земли орденомъ управлявшему и фанатизмою, ко вреду рода человѣческаго, повсюду дѣйствовавшему“ [6]). Какъ бы въ подтвержденіе подозрѣній Елагина, въ дневникѣ розенкрейцера говорится [7]), что Вельнеръ хочетъ послать русскимъ масонамъ съ нарочнымъ — „коверъ іезуитовъ (Iesuiten Tapis)“.— Елагинъ обвиняетъ въ

[1]) Доп. Пекарскаго, стр. 98.
[2]) Тамъ-же, стр. 78.
[3]) Тамъ-же, стр. 71.
[4]) Рус. Арх., 1864 г., № 1, „Уч. древ. любом.“, Елагина, стр. 97. Здѣсь собственно называется Карлсбадская система; но это, какъ видно изъ Доп. Пекарскаго, и есть розенкрейцерство.
[5]) Доп. Пекарскаго, „Бесѣда“, Елагина, § 1, стр. 103.
[6]) Тамъ-же, § 2, стр. 103—104.
[7]) Тамъ-же, „Дневн. Р. Кр-ра“, стр. 89.

обманахъ и систему строгаго наблюденія, или „стриксъ-обсерванскую“; онъ называетъ ее—„жадною, алчною и сребролюбивою“. „О преславное стриксъ-обсерванское таинство! восклицаетъ онъ. Ты открылось, когда старшины твои расхитили собранныя тобою деньги“ [1]).— Но, обличая обманы, Елагинъ не замѣчалъ, что онъ самъ обманывался, — выше было упомянуто, что онъ увлекся Каліостромъ и хотѣлъ научиться у него дѣлать золото. А Елагину легче было не увлечься, чѣмъ другимъ: онъ самъ разсказываетъ, что во время исканій имъ истиннаго масонства, когда онъ перечиталъ массу масонскихъ книгъ, онъ „паче всего увидѣлъ корысть и сребролюбіе, покровенное велелѣпіемъ ложъ и принятій многочинныхъ и много стоющихъ, въ которыхъ за взятое у пріемлемаго существенное золото обѣщевается ему въ награду способъ къ изобрѣтенію мечтательнаго злата“ [2]). И вотъ къ этому-то „мечтательному злату“ и сталъ онъ потомъ самъ стремиться.— С. Т. Аксаковъ разсказываетъ, что, по свидѣтельству Д. Б. Мертваго, его крестнаго отца, между масонами были „такіе, которые въ мутной водѣ рыбу ловятъ. Они приберутъ тебя къ рукамъ, сказалъ Мертваго Аксакову; будутъ ѣздить на тебѣ верхомъ“ [3]). При мистически-отвлеченномъ настроеніи духа масоновъ, при ихъ отрицаніи мысли, ничего нѣтъ удивительнаго, что ловкіе шарлатаны легко могли у нихъ ловить рыбу въ мутной водѣ.

Масонство всегда соблюдало тайну. При посвященіи новопринимаемаго въ орденъ съ него бралась, какъ мы видѣли выше, страшная клятва въ сохраненіи тайны ордена,—тайны ученія, знаковъ, символовъ. При посвященіи во всякую новую степень опять бралась съ ищущаго подобная же клятва. „Скажи мнѣ, ученикъ, спрашиваетъ великій мастеръ при посвященіи въ товарищескую степень [4]), обѣщаешься ли ты посредствомъ обновленія того клятвеннаго обязательства, которое учинилъ ты, яко ученикъ, ввѣренныя тебѣ, яко собрату, нынѣ таинства отъ братьевъ учениковъ и отъ стороннихъ незнающихъ съ такою же точностію и непрерывнымъ тщаніемъ сохранять и скрывать, съ какою ты до сего скрывалъ свои знанія отъ всѣхъ тѣхъ, кои не суть свободные каменщики?“ У принимаемаго въ мастера опять берется обѣтъ молчаливости въ то время, когда онъ стоитъ у жертвенника [5]). Вообще обязанности брата къ ордену болѣе всего

[1]) Тамъ-же, „Бесѣда“ Елагина, стр. 113.
[2]) Рус. Арх., 1864 г., № 1, „Уч. древн. любомудрія“, стр 104.
[3]) Рус. Бесѣда, 1859 г.. № 1, „Встрѣча съ март-ми“, стр. 39.
[4]) Доп. Пекарскаго, стр. 44.
[5]) Тамъ-же, стр. 48.

заключались въ сохраненіи тайны [1]). Особенно нужно было скрывать тайну отъ непосвященныхъ въ орденъ. Такъ, братьямъ строго воспрещались разговоры съ посторонними и въ публичныхъ мѣстахъ о каменщичествѣ, какъ это видно изъ ритуаловъ московскихъ розенкрейцеровъ [2]). „Когда умираетъ розенкрейцеръ, говорится въ дневникѣ розенкрейцера [3]), то гербъ слѣдуетъ отослать, и каждый розенкрейцеръ обязанъ всякую минуту своей жизни такъ распредѣлять тайными бумагами, чтобы ни одинъ клочекъ изъ нихъ, въ случаѣ внезапной смерти, не могъ попасть въ чужія руки, что можетъ повредить успокоенію его души, если она разлучилась не совсѣмъ чистою". „Истинное масонство должно быть молчаливо, читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ того же дневника [4]). И такъ могутъ ли тѣ, которые много пишутъ книгъ о томъ, быть настоящими масонами?"—Въ англійскомъ масонствѣ соблюденіе тайны требовалось такъ-же строго, какъ и въ розенкрейцерствѣ; такъ-же съ посвящаемыхъ бралась клятва молчаливости [5]); англійское масонство даже не давало никому „какихъ-либо на письмѣ объясненій, ибо законъ запрещаетъ, говоритъ Елагинъ въ своей Бесѣдѣ [6]), писать и вырѣзывать наши таинства".— Выше было сказано, что въ то время, когда братья направляли на грудь новопринимаемаго мечи, великій мастеръ объяснялъ ему, что онъ погибнетъ отъ этихъ мечей, если не сохранитъ тайну. Въ елагинскихъ ритуалахъ въ товарищескомъ катехизисѣ спрашиваютъ товарища: какой знакъ товарищескій? „Знакъ грудной", отвѣчаетъ онъ. Что онъ значитъ?—„Лучше дозволить исторгнуть сердце, нежели открыть таинства ордена" [7]).—Какой былъ смыслъ въ подобныхъ угрозахъ? Простая это формальность, или нѣтъ? Аксаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ о мартинистахъ намекаетъ, что масоны способны были на страшную месть: когда онъ разсказалъ о своемъ обманѣ масоновъ нѣкоему И. И. Р-у, то тотъ страшно испугался. „Я думалъ, онъ посмѣется, разсказываетъ Аксаковъ; но къ удивленію моему онъ пришелъ въ ужасъ. Не сказывалъ ли ты кому-нибудь объ этомъ? спросилъ онъ меня. Я отвѣчалъ, что никому не сказывалъ. Ну, такъ и не сказывай. Сохрани тебя Богъ, если ты проболтаешься! Я самъ въ молодости моей былъ масономъ..... Если они узнаютъ твой обманъ—ты

[1]) Тамъ-же, стр. 50.
[2]) Тамъ-же, стр. 67.
[3]) Тамъ-же, стр. 87.
[4]) Тамъ-же, стр. 78.
[5]) Вѣстн. Евр. 1868 г. №№ 6 и 7. „Рус- мас-во до Новикова"
[6]) Доп. Пекарскаго, стр. 112
[7]) Тамъ-же, стр. 46.

пропалъ. Даже мы съ тобой никогда уже говорить объ этомъ не будемъ". Аксаковъ послѣдовалъ благому совѣту [1]). Можетъ быть, впрочемъ, что и онъ, и его другъ ошибались, смотря такъ на масоновъ; но во всякомъ случаѣ въ угрозахъ принимаемому при принесеніи клятвы, въ застращиваньяхъ всѣхъ вообще масонскихъ обрядовъ есть нѣчто весьма странное, и кто знаетъ—до какихъ вообще ужасовъ могло дойти масонство.—Въ розенкрейцерствѣ, кромѣ вышеупомянутыхъ тайнъ, были еще и другія,—высшіе начальники были неизвѣстны братьямъ; каждый братъ могъ знать только своего ближайшаго, непосредственнаго начальника. Елагинъ справедливо осуждалъ за это розенкрейцерство, справедливо подсмѣивался надъ неизвѣстными начальниками, живущими въ неизвѣстныхъ мѣстахъ [2]).—За свои тайны масонство всегда подвергалось обвиненіямъ. Оно часто возражало на эти обвиненія, иногда, по-видимому, довольно удачно и сильно. „Почему таинство ордена не можетъ быть всякому извѣстно?" спрашивается въ „Нравоучительномъ Катихизисѣ" Лопухина. „По тому же, дается отвѣтъ, по чему не всякій можетъ видѣть и ощущать присутствіе Бога вездѣсущаго" [3]). „Порочили особливо тайность общества и его собраній, говоритъ Лопухинъ въ своихъ запискахъ [4]). Для чего, говорили, тайно дѣлать хорошее? Отвѣтъ на это легокъ. Для чего въ собраніяхъ такъ называемыхъ лучшихъ людей или публики не только никогда не говорятъ, да и не можно говорить, о Богѣ, о добродѣтели, о вѣчности, о суетѣ жизни, о томъ, сколько порочны люди и какъ нужно имъ заботиться о нравственномъ своемъ исправленіи и пр." Еще болѣе сильный аргументъ въ пользу тайны ордена приводится въ масонскихъ воспоминаніяхъ Батенкова: тайна, передаваемая отъ поколѣнія къ поколѣнію съ древнѣйшихъ временъ, напоминала суетному вѣку о существованіи вѣчности.—Но въ сущности всѣ эти апологіи масонской тайны—несостоятельны. Христіанство никакой подобной тайны не знаетъ: оно проповѣдовало свои величайшія и вѣчныя истины толпамъ народа среди бѣлаго дня, и всякій могъ во всякую минуту узнать эти истины; масонство же скрывало свои воображаемыя знанія не только отъ профановъ, но и отъ своихъ членовъ; оно открывало ихъ лишь по-частямъ, по-мѣрѣ полученія братьями различныхъ степеней. Масонское таинство отзывается чѣмъ-то языческимъ. Оно вовсе не носитъ на себѣ христіанскаго характера любви. Я упоминалъ выше объ угрозахъ, сопровождавшихъ сообщеніе

[1]) Рус. Бесѣда 1859 г. № 1, „Встр. съ март-ми", стр. 76.
[2]) Доп. Пекарскаго, стр. 130.
[3]) Зап. Лопухина, стр. 23—30, „Нравоуч. Катихизисъ", пунктъ 12.
[4]) Зап. Лопухина, стр. 17—18.

тайнъ; прибавлю, что посвящаемый въ мастера, давая обѣтъ молчанія, въ то-же время клялся, что будетъ „помогать мастерамъ противу возстающихъ товарищей“ [1]). Орденъ допускалъ, такимъ образомъ, какъ нѣчто необходимое, какъ нѣчто должное, взаимную вражду, внутренній разладъ. Каждая степень должна была ревниво оберегать отъ низшихъ степеней свои знанія; это было вѣчное междоусобіе.—Наконецъ, существованіе тайны, облеченіе всего въ тайну открывало въ масонствѣ полный просторъ всевозможнымъ обманамъ, происканъ и интригамъ.

Тотъ же характеръ вражды и насилія лежитъ и въ другомъ принципѣ масонства, въ принципѣ—безусловнаго и слѣпаго повиновенія своимъ начальникамъ. „Наставленія ордена постоянно говорили, пишетъ г. Пыпинъ [2]), о необходимости полнѣйшаго повиновенія начальникамъ, безусловнаго довѣрія къ нимъ, ненарушимой скромности, молчанія и т. д. Объ этомъ пространно и настоятельно говорили поученія Хризофирона (Велльнера), которые переведены были тогда на русскій языкъ; тема эта повторяется безпрестанно и въ тѣхъ письменныхъ упражненіяхъ, надъ которыми трудились и у насъ адепты „теоретическаго градуса“ и которыхъ довольно много осталось въ рукописяхъ“. Все это совершенно справедливо. — Въ одномъ письмѣ кн. Н. Н. Трубецкаго (отъ 23 іюля 1783 г.) говорится, что дойти до высшихъ орденскихъ познаній можно только „непрестанными трудами и *повиновеніемъ безмолвнымъ къ начальникамъ*“ [3]). Въ елагинскихъ ритуалахъ при исчисленіи должностей масона названо и „повиновеніе“ [4]). Новопринимаемый въ масонство даетъ между прочимъ клятву повиноваться мастерамъ [5]). Елагинъ, сочиняя свою „Бесѣду“ для наставленія въ орденскихъ истинахъ подвластныхъ ему братьевъ, говоритъ имъ [6]), что учиться надо „съ повиновеніемъ“. „Но вы, кажется мнѣ, (продолжаетъ онъ), отвѣтствуете при семъ, говоря: „ты избранный нами мастеръ, ты будь вождемъ нашимъ и начни сіе полезное ученіе; яви намъ путь, да идемъ за тобою по немъ. Не сумнѣвайся ты въ охотѣ къ ученію и въ повиновеніи нашемъ, но свой, дающій намъ обѣтъ исполни! Исполнится, любезные братія!“ восклицаетъ онъ.—До какой степени доходило повиновеніе въ ложахъ можно видѣть, напр. изъ одного случая, разсказаннаго въ напечатанной Пекарскимъ переписке Елагина съ подчиненными ему ложами. Въ августѣ 1787 г. масонъ Кампенгаузенъ прислалъ въ засѣданіе ложи Конкордія письмо, гдѣ предлагалъ нѣкоторыя мѣры вродѣ того, чтобы въ ложѣ читались по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ мѣсяцъ законы ея, чтобы за столами не было шума между братьями и т. п. Мастеръ стула ложи Конкордія Карлъ Норденъ счелъ письмо это для себя оскорбительнымъ, почему и передалъ тотчасъ молотокъ уполномоченному Ѳед. Андр. Рылѣеву. По прошествіи нѣкотораго времени, Норденъ, однако, снова вступилъ въ отправленіе обязанностей мастера стула. Тогда члены ложи Кесслеръ, Грёссеръ, Рускони и Луджеръ стали письменно требовать свѣдѣнія, что сдѣлано по письму Кампенгаузена. На это требованіе имъ отвѣтили, что подобный поступокъ есть подражаніе республиканцамъ, но что они живутъ въ Россіи, гдѣ всѣ наслаждаются монархическимъ правленіемъ и т. д., и они были исключены изъ ложи [1]). Такимъ образомъ мастеръ ложи оказался по отношенію къ братьямъ чѣмъ-то вродѣ монарха.— Это совершенно согласно съ объясненіями ритуаловъ первоначальнаго англійскаго масонства о значеніи мастера: три свѣчи въ ложѣ, говорится тамъ, представляютъ собою солнце, луну и мастера масона; потому что солнце управляетъ днемъ, луна управляетъ ночью, а мастеръ масонъ управляетъ своей ложей [2]).(Въ англійскомъ масонствѣ вообще замѣтно въ зародышѣ все то, что потомъ развилось до самыхъ крайнихъ размѣровъ въ дальнѣйшихъ формахъ ордена). — Изъ приведеннаго событія видны, между прочимъ, и политическія воззрѣнія масонства. Масоны были, какъ это совершенно согласно съ сущностью ихъ ученія, ревностные приверженцы монархическаго начала. Въ упомянутой выше рукописной масонской книгѣ: „Misterium magnum. Studium universale“ есть слѣдующее изображеніе 3 солнцъ міра: 1) въ красномъ кругѣ — небесное солнце, окруженное знаками шести планетъ; наверху надпись: In der obern grossen Welt am Himmel. 2) Въ такомъ же красномъ кругѣ — корона; подъ нею, въ кругѣ же, надпись: Königlich Kaisarlich Majestet, надъ нею: Gottes Ordnung; надъ кругомъ надпись: In der mittlern Welt auf Erden. Наконецъ 3) въ красномъ же кругѣ —знакъ ордена (⊙), окруженный тѣми же знаками, что и небесное солнце перваго круга, но обозначающими здѣсь не планеты, а металлы, какъ это видно изъ надписей; надъ кругомъ надпись: In der untern Welt unter der Erden. И такъ, значитъ, три власти въ мірѣ: солнце, монархическая власть и власть ордена (полученная имъ черезъ познаніе образованія

[1]) Доп. Пекарскаго, стр. 48.
[2]) Вѣстн. Евр. 1872 г. № 1, „Мат. для ист. мас. ложъ“. стр. 179—180.
[3]) Соч. Ешевскаго, т. III, стр. 535—536.
[4]) Доп. Пекарскаго, стр. 50.
[5]) Тамъ-же, стр. 44—45.
[6]) Тамъ-же, стр. 106 (§ 5 и 6).

[1]) Доп. Пекарскаго, стр. 121—122.
[2]) Вѣстн. Евр. 1868 г. № 7. „Рус. мас-во до Нов.“ стр. 191.

металловъ).—Начальники ложъ или масонскихъ округовъ или вообще вліятельныя лица ордена становились иной разъ деспотами, пріобрѣтали даже особаго рода повелительный тонъ въ обращеніи съ подвластными имъ братьями. Таковъ былъ, по свидѣтельству Аксакова [1]), извѣстный Лабзинъ; братья, подчиненные ему, повиновались его приказаніямъ безпрекословно; Аксаковъ приводитъ примѣръ, какъ нѣкто Мартыновъ, не смотря на то, что наканунѣ у него умеръ отецъ, игралъ въ спектаклѣ, потому что такъ велѣлъ Лабзинъ. Повелительный тонъ замѣтенъ даже у такого кроткаго человѣка, какъ извѣстный Гамалей [2]). Отзывы нашихъ московскихъ масоновъ о своихъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ начальникахъ дышатъ благоговѣйнымъ уваженіемъ, полнымъ повиновеніемъ. „Благодареніе Всевышнему! говоритъ одно посланіе, разъясняющее братьямъ значеніе силанума. Мы благостію Его паки достигли того всевожделѣннаго для всѣхъ истинныхъ брр. Р+овъ дня, въ который чрезъ высокопросвѣщенныхъ Отцевъ нашихъ изливается благословеніе Вѣчнаго на всѣхъ добрыхъ чадъ ⊙-хъ". „Нѣтъ сомнѣнія въ томъ д. д. брр. чтобъ ⊙-іе наши Отцы, въ чистомъ зеркалѣ пріосѣняющаго ихъ свѣта не видѣли всѣхъ заблужденій, поползновеній, уклоненій, лѣности, холодности и небреженія худо образующихъ себя ихъ дѣтей. Нѣтъ же сомнѣнія и въ томъ, что для всякаго, на пути возрожденія мало успѣвшаго, труднѣе всего безошибочно знать точное свое состояніе. Сердце человѣческое, по замѣчанію мудраго, бездна и глубина неизмѣримая. Жалобы ⊙-хъ Отцевъ, изображенныя во многихъ мѣстахъ Пастырскаго ихъ Писанія, жалобы ихъ, говорю, на ⊙-хъ же дѣтей своихъ, доказываютъ намъ, что и Р+ры, да еще и высшихъ, нежели мы, степеней, худо себя знали. Примѣръ сихъ самолюбцевъ, покойныхъ и самими собою довольныхъ, да послужитъ намъ во спасительную осторожность отъ подобнаго ихъ страшнаго паденія" [3]). „Восхвалимъ, говорится въ наставленіи одному вновь принятому въ Р. Кр-ры брату [4]), восхвалимъ и возблагодаримъ нѣжную и Божественную любовь милосердыхъ Отцевъ, мудрыхъ Мастеровъ и начальниковъ нашихъ, за такія ихъ къ намъ благодѣянія и попечительную заботливость о спасеніи нашемъ!" Подъ благодѣяніями разумѣется здѣсь принятіе въ орденъ. Передъ этими-то своими благодѣтелями, мудрыми и милосердыми Отцами, масоны наши

[1]) Рус. Бесѣда 1859 г. № 1. „Встрѣча съ мартинистами".

[2]) См., напр., письмо къ бр. Левшину, въ Рук. Рум. муз., изъ собр. Ешевскаго, № 95.

[3]) Рук. Рум. муз., изъ собр. Ешевскаго, № 95.

[4]) Тамъ-же, „Отрывки, доставш. бр. М. В. П. послѣ пок. Об.-Дир. Коловіона".

письменно исповѣдывали грѣхи свои нѣсколько разъ въ годъ, какъ этого требовали орденскія правила [1]). Можетъ быть, примѣры подобной исповѣди представляютъ три письма Коловіона-Новикова къ начальнику, напечатанныя г. Пыпинымъ [2]); при чтеніи этихъ писемъ нами невольно овладѣваетъ грустное чувство отъ мысли, что Богъ знаетъ передъ кѣмъ и зачѣмъ принижалъ свою личность и отрекался отъ своихъ достоинствъ высокій дѣятель русской жизни. Не только передъ Богомъ смирялись масоны и отрекались отъ своей личности и отъ всего земнаго; они точно также смирялись и преклонялись и передъ своими начальниками, дѣлая изъ нихъ своихъ земныхъ боговъ. Это безусловное и слѣпое повиновеніе начальникамъ опять сближаетъ масонство съ орденомъ іезуитовъ.

Воображая, что владѣетъ великою тайной и великимъ могуществомъ, воображая, что можетъ привести человѣка къ идеальному совершенству, орденъ самодовольно выдѣлилъ себя изъ общества и сталъ презрительно смотрѣть на всѣхъ и на все; въ немъ явился особаго рода аристократизмъ. Гордость и презрѣніе къ людямъ видны въ ревнивомъ храненіи масонами ихъ тайны и въ презрѣніи къ человѣческой, обыкновенной наукѣ. Орденъ ставилъ себя выше вѣры, выше гражданскихъ узаконеній и выше всякихъ школъ. Въ елагинскихъ ритуалахъ, въ правилахъ, какъ риторъ долженъ приготовлять новичка, риторъ объясняетъ новопринимаемому брату, что добродѣтель можетъ онъ найти „чрезъ вѣру и гражданскія узаконенія", премудрость можетъ сыскать въ школахъ; орденъ же даетъ ему нѣчто высшее, т. е., значитъ, высшее чѣмъ добродѣтель и премудрость, именно—познаніе „нѣкотораго важнаго таинства" [3]).—Орденъ принималъ въ свои члены не всякаго, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, если не въ дѣйствительности; ищущему дѣлалось прежде испытаніе,—имѣетъ ли онъ потребныя свойства. „Для чего начинается принятіе тѣмъ, что стараются прежде устрашить нежели примутъ въ орденъ? спрашивается у ученика въ катехизисѣ для учениковъ [4]). Дабы удостовѣриться во мнѣ, отвѣчаетъ онъ, и увидѣть, имѣю ли я свойства, ищущему потребныя". „Масонство требуетъ человѣка зрѣлаго (homme fait), пишетъ розенкрейцеръ въ своемъ дневникѣ [5]), и для того туда никто не принимается прежде 24-хъ лѣтъ, поэтому-то оно для Россіи слишкомъ рано" (послѣдній, неожиданный, выводъ о Россіи обличаетъ въ авторѣ

[1]) Вѣст. Евр. 1872 г. № 1, „Матер. для исторіи мас-хъ ложъ", стр. 180.

[2]) Тамъ-же, стр. 181—189.

[3]) Доп. Пекарскаго, стр. 50.

[4]) Тамъ-же, стр. 42.

[5]) Тамъ-же, стр. 80.

дневника—нѣмца). „Пока молодъ, говорится въ томъ же дневникѣ [1]), то нельзя думать о мудрости; прежде огонь долженъ превратиться въ дымъ“.—Мы видѣли выше, что Елагинъ прославлялъ масонство между прочимъ за то, что оно соединяетъ людей различныхъ сословій, степеней образованія („вельможъ и простолюдиновъ, ученыхъ и невѣждъ“) [2]). Но эти похвалы были похвалы отвлеченныя; на-дѣлѣ въ русскомъ масонствѣ участвовали только дворяне; а когда два повара француза, бывшіе въ услуженіи у Елагина, представили ему достаточныя грамматы, доказывающія, что они—рыцари довольно высокихъ степеней, то Елагинъ былъ этимъ очень недоволенъ, и сталъ тогда въ своихъ сочиненіяхъ обвинять „блестящія французскія въ высшія степени принятія, къ которымъ безъ разбора всякаго званія люди и самые невѣжды допускаются“ [3]). Братья масоны не только на своихъ начальниковъ, но и другъ на друга, вообще на всѣхъ членовъ ордена смотрѣли чуть не какъ на святыхъ, по крайней мѣрѣ какъ на „освященныхъ“ и ставили себя этимъ безконечно выше профановъ, или „мірянъ“. „Почто мнѣ налагать печать на освященныя уста ваши, хотя и таинственная вѣщати вамъ предпріемлю? говоритъ Елагинъ въ своей „Бесѣдѣ“ [4]), обращаясь къ подчиненнымъ ему братьямъ. Вы бо сами сія неотверзаемая для непосвященныхъ и низшихъ братовъ, а паче мірянъ скромности печать. Вы суть священники, перстъ Горусовъ на устахъ держащіе и книги таинствъ хранящіе!“—Этотъ характеръ эгоистической замкнутости, исключительности, этотъ аристократизмъ очень ясно замѣтны уже въ первоначальномъ англійскомъ масонствѣ. Въ члены этого братства принимались не всѣ, а дѣлался строгій выборъ: въ „Конституціяхъ“ Андерсона говорится: „лица, которыя допускаются въ ложу какъ члены, должны быть люди добрые и вѣрные, свободные по рожденію, зрѣлаго и разсудительнаго возраста, не крѣпостные, не женщины, не безнравственные или неприличные люди, но люди съ добрымъ именемъ“ [5]). Отсюда видно, какъ далеко отступило масонство отъ христіанства: оно не брало на себя, значитъ, исправленія людей,—оно требовало, чтобы поступающій былъ уже добрый и нравственный человѣкъ; оно не принимало и рабовъ. Христіанство же принимало въ свои нѣдра всѣхъ: свободныхъ и несвободныхъ, добрыхъ и злыхъ. Христіанство не проповѣдывало предпочтенія своего чужому, если потребно оказать помощь. Въ „Конституціяхъ“ же Андерсона

[1]) Тамъ-же, стр. 79.
[2]) Рус. Арх. 1864 г. № 1, „Ученіе древн. любомудрія“, стр. 102.
[3]) Доп. Пекарскаго, стр. 112.
[4]) Тамъ-же, „Бесѣда I“ Елагина, § 16, стр. 111.
[5]) Вѣстн. Евр. 1868 г. № 7. „Рус. мас-во до Новикова“, стр. 170.

говорится: „вы должны при равныхъ обстоятельствахъ предпочесть бѣднаго брата, когда это хорошій и вѣрный человѣкъ, всякому другому бѣдному человѣку“ [1]). Англійское масонство придавало большое значеніе происхожденію человѣка: въ одной изъ апологій этого масонства говорится, что меньшіе братья должны не забывать, что они обязаны тѣмъ братьямъ, которые превосходятъ ихъ положеніемъ, *происхожденіемъ* и средствами [2]). „Почему вы надѣялись получить участіе въ благахъ ложи? спрашиваютъ поступающаго въ „ученической лекціи“ [3]). Потому что я родился свободнымъ, отвѣчаетъ онъ, и имѣю добрую славу“. Кандидаты въ масоны носили названіе „дворянина“, „хотя бы они были и самые подлые“, замѣчаетъ книга „Масонъ безъ маски“—измѣнническое масонское изданіе [4]). Передъ началомъ обрядовъ принятія мастеръ спрашивалъ: „готовъ ли къ принятію *джентльменъ*?“ Наконецъ,—„гросмейстеръ, говорятъ „Конституціи“ Андерсона [5]), долженъ быть знатнаго происхожденія, или человѣкъ съ общественнымъ положеніемъ, или особенно высокаго образованія, или замѣчательный ученый, или искусный архитекторъ, или иной художникъ, происшедшій отъ достопочтенныхъ родителей“, т. е. по масонскимъ понятіямъ знатное происхожденіе можетъ замѣнить высокое образованіе, замѣчательную ученость и проч.; оно поставлено даже впереди образованія, учености, всякаго художества.

Вслѣдствіе всѣхъ исчисленныхъ недостатковъ масонство носитъ на себѣ явный характеръ полнаго безсилія; оно не принесло и не могло принести никакого добраго плода. Въ „Конституціяхъ“ Андерсона встрѣчается такого рода защита ордена, должно быть, отъ возможности обвиненій его въ революціонныхъ замыслахъ [6]): при встрѣчѣ внѣ ложи („хотя не при чужихъ, но не въ настоящей ложѣ“) братья должны оказывать другъ другу уваженіе, „которое подобало бы каждому брату, если бы онъ не былъ каменщикомъ. Потому что, хотя каменщики, какъ братья, всѣ равны между собою, но тѣмъ не менѣе каменщичество нисколько не уменьшаетъ ни у кого той чести, какую онъ имѣлъ прежде, а напротивъ оно еще увеличиваетъ его честь“. Эта защита ордена есть въ сущности его строгое и справедливое, конечно-безсознательное, самообвиненіе, самообвиненіе, оставшееся вѣрнымъ и для всѣхъ послѣдующихъ системъ ордена до самаго конца масонства.

[1]) Тамъ-же, стр. 172—173.
[2]) Тамъ-же, стр. 175.
[3]) Тамъ-же, стр. 189.
[4]) Тамъ-же, стр. 183.
[5]) Тамъ-же, стр. 170.
[6]) Тамъ-же, стр. 172.

Жизнь ложъ была сама по себѣ, а жизнь общества — сама по себѣ; масонство ничего, или почти ничего не могло внести въ эту общественную жизнь, между тѣмъ какъ изъ жизни заходили въ ложи всевозможныя страсти и пороки. Равенство, напр., въ ложахъ людей различныхъ сословій и общественныхъ положеній было лишь пустою игрою: вельможа, выходя изъ ложи, съ прежнею гордостью и презрѣніемъ смотрѣлъ на всякаго низшаго себя; да, по свидѣтельству Елагина [1]), и въ самыхъ орденскихъ засѣданіяхъ „вельможа и держался вельможей“; а между тѣмъ люди низшихъ сословій стремились въ орденъ часто изъ тщеславія хоть на короткое время быть равными знатнымъ людямъ, или изъ разсчета найти въ орденѣ покровителей [2]).— Милостыня въ засѣданіяхъ ложъ нельзя сказать, чтобы была щедрой, хотя часто между братьями были богачи; да помощь бѣднымъ, какъ мы знаемъ, и не была главною цѣлью ордена. — Масонство у насъ считало въ числѣ своихъ членовъ множество лицъ различныхъ слоевъ общества, различныхъ занятій, различныхъ убѣжденій, взглядовъ; масонами были: Панины, Репнины, Чернышевы, Бибиковъ, Строгановъ, Елагинъ, Воронцовъ, Мелиссино, Храповицкій, гр. Брюсъ и т. д. и т. д. [3]). И однакожь внесло ли масонство какое-нибудь единство во взгляды, убѣжденія и дѣйствія этихъ лицъ? Очевидно, для всѣхъ ихъ масонство было одно, а жизнь—совсѣмъ другое, какъ это и высказалъ однажды гр. Брюсъ Ив. Вл. Лопухину [4]). Они шли въ ложи отъ скуки, отъ нечего-дѣлать, изъ любопытства, изъ разсчета, изъ подражанія и т. д. Ложи съ ихъ засѣданіями были для нихъ чѣмъ-то вродѣ театра. Примѣръ Дружескаго Ученаго Общества и Типографической Компаніи Новикова и его друзей — ничего не доказываетъ, ибо тамъ кромѣ масонства дѣйствовали другія силы, о чемъ будетъ сказано ниже.—Масонство требовало между прочимъ отъ своихъ членовъ національной терпимости; но оно совершенно не въ силахъ было внушить имъ эту терпимость; такъ въ нѣмцѣ-розенкрейцерѣ, дневникъ котораго напечаталъ Пекарскій въ своихъ „Дополненіяхъ“, мы замѣчаемъ явную нелюбовь, почти ненависть къ его русскимъ братьямъ и вообще къ Россіи [5]); а между тѣмъ это былъ ревностный масонъ, горячо увлеченный орденомъ.—На-сколько масонство безсильно было воспитать въ своихъ членахъ высокія нравственныя свойства видно на примѣрѣ личности знаменитаго масона Ив. Вл. Лопухина. Это былъ человѣкъ очень добрый, оказывавшій нуждавшимся людямъ много благодѣяній, кротко обращавшійся съ своими крестьянами. Но онъ находилъ однако, какъ мы видѣли выше, что освободить крестьянъ еще нельзя, что имъ рано быть свободными. Онъ не умѣлъ даже цѣнить нравственныя достоинства человѣка: восхваляя Екатерину за то, что она не хотѣла арестовать Новикова безъ всякихъ причинъ и поводовъ, онъ съ чувствомъ восклицаетъ: „Кто же былъ Новиковъ? Содержатель типографіи, Поручикъ отставной, котораго она считала совершеннымъ злодѣемъ. Такая деликатность замѣтна была бы и въ Губернаторѣ, досадующемъ въ своей губерніи на человѣка подобнаго состоянія“ [1]). Въ этихъ словахъ не видно ни тѣни пониманія, что на Новикова можно было всякому смотрѣть иначе, чѣмъ на отставнаго поручика, содержавшаго типографію: Лопухину болѣе, чѣмъ кому-нибудь должно было быть извѣстнымъ значеніе въ обществѣ Новикова и его журналовъ и отношеніе общества къ Новикову; онъ могъ бы понять, что и Екатеринѣ извѣстенъ Новиковъ какъ замѣчательный и вліятельный общественный дѣятель. Въ словахъ Лопухина слышится просто непониманіе значенія литтературы и нравственнаго вліянія на жизнь передовыхъ людей общества. Наконецъ Лопухинъ способенъ былъ къ совершенно мелочнымъ чувствамъ; такъ Пекарскій справедливо подмѣтилъ въ запискахъ Лопухина тщеславное желаніе порисоваться передъ потомками своей смѣлостью и дерзостью передъ главнокомандующимъ Москвы кн. Прозоровскимъ. Орденъ, ревностнымъ сыномъ котораго былъ Лопухинъ, не могъ внушить ему настоящаго уваженія къ человѣческому достоинству и истиннаго презрѣнія къ суетамъ жизни. — Но въ чемъ особенно ярко проявляется нравственное безсиліе масонства, такъ это въ его *отвлеченности*, въ самомъ дурномъ смыслѣ этого слова. Отрекаясь отъ всего „мірскаго“, масонство отрекалось и отъ борьбы со зломъ жизни: оно не только не требовало этой борьбы отъ своихъ членовъ, оно запрещало ее. Въ проповѣдяхъ и поученіяхъ масонства мы не встрѣтимъ возраженій противъ какихъ-нибудь идей, казавшихся ему дурными и вредными; не встрѣтимъ и обличенія заблужденій и пороковъ вѣка; мы найдемъ тамъ только отвлеченныя сѣтованія объ отвлеченныхъ же или о свойственныхъ равно всѣмъ временамъ недостаткахъ; во всѣхъ этихъ поученіяхъ и проповѣдяхъ нѣтъ духа жизни, отъ нихъ вѣетъ мертвымъ духомъ. Мы видѣли выше, что масонство отрекалось отъ смѣха, отъ сатиры;—оно дѣлало это какъ бы во имя христіанской любви и смиренія. Но оно дурно понимало христіанство; углубившись въ мистиче-

[1]) Рус. Арх. 1864 г. № 1. „Ученіе древняго любомудрія“, стр. 100.
[2]) Тамъ-же.
[3]) Вѣстн. Евр. 1867 г. № 4 и 1868 г. № 6.
[4]) Зап. Лопухина, стр. 19.
[5]) Доп. Пекарскаго, стр. 89 и др. мѣста „Дневника Р. Кр-ра“.

[1]) Зап. Лопухина, стр. 55—56.

скія толкованія, оно забыло слова Христа: „не пріидохъ воврещи миръ на землю, но мечъ“;—оно думало, что терпимость къ порокамъ есть добродѣтель.—Въ нравственныхъ взглядахъ масонства замѣтна странная слабость, шаткость, раздвоеніе. Такъ, въ одномъ розенкрейцерскомъ поученіи бр. Vegetus'a (Тургенева) [1]) говорится, что существуетъ два вида добродѣтелей: „добродѣтели истинныя“ и „добродѣтели, имѣющія источникомъ духъ міра сего“; послѣднія передъ первыми — „ничто“; но „отнюдь я не хочу то сказать, прибавляетъ проповѣдникъ, чтобъ онѣ не нужны были для человѣка, живущаго въ обществѣ, которое иначе и процвѣтать не можетъ, какъ украшаяся сими добродѣтелями“; т. е., значитъ, нравственныя требованія сами по себѣ, а жизнь—сама по себѣ; что должно быть отвергнуто съ нравственной точки зрѣнія, или отвлеченно, то въ дѣйствительной жизни можетъ быть допущено. Въ разосланномъ московскимъ братьямъ Повелѣніи начальникамъ ○○-въ (округовъ) о перемѣнѣ шифровъ и т. п., по случаю распространенія секты иллюминатовъ [2]), предписывается братьямъ остерегаться этой секты, но въ то-же время повелѣвается—„иллюминатамъ никакого явнаго препятствія не дѣлать, ниже уличать, но добрыя души, въ силу перваго и втораго пункта присяги, только съ великою осторожностію и мудростію отъ такихъ злыхъ когтей сохранить тщиться“. Какъ и всегда, орденъ отказывается отъ борьбы и запрещаетъ ее, и беретъ на себя только спасеніе тѣхъ, кто и безъ него спасся, т. е. спасеніе „добрыхъ душъ“.

6.

Таково было наше масонство екатерининскихъ временъ. Могло ли оно оказать серьезное противодѣйствіе волтерьянству? — Конечно — нѣтъ. Въ основѣ масонства лежалъ, какъ мы видѣли, возвышенный идеализмъ: оно стремилось, вопреки волтерьянству, показать міру неизмѣримое превосходство духа надъ тѣломъ, вѣчной духовной жизни надъ жизнью временной, матерьяльной. Но оно унизительно оборвалось въ своихъ стремленіяхъ, и съ высоты духовнаго идеала упало въ самый грубый матерьялизмъ, въ самую грубую чувственность; и притомъ оно само этого не замѣтило: понятія его перемѣшались и перепутались, и оно кончило тѣмъ, что тѣло приняло за духъ. Въ этомъ отношеніи масонство сходно съ нѣкоторыми нашими раскольническо-

[1]) Рук. Рум. музея, изъ собр. Ешевскаго, № 95.
[2]) Тамъ-же.

языческими сектами. Я сравнилъ его выше съ хлыстовщиной; прибавлю теперь, что оно похоже и на скопчество: въ основахъ скопчества тоже лежатъ идеальныя представленія о неизмѣримомъ превосходствѣ чисто духовной жизни надъ жизнью матерьяльной; но скопчество, какъ и масонство, не повѣрило въ силу духа, въ возможность побѣды духа надъ матеріей; оно думало, что матерія сильнѣе, и вотъ оно прибѣгло къ грубой физической хитрости для побѣды надъ тѣломъ и его требованіями, точно такъ, какъ масонство для достиженія духовнаго совершенства стало добиваться возможности дѣлать золото и универсальное лѣкарство. Въ обѣихъ сектахъ слышится языческое обоготвореніе матеріи и неуваженіе къ духу.—Орденская исторія масонства есть, разумѣется, исторія почти вполнѣ сказочная. Но едва ли будетъ справедливо признать масонство явленіемъ новымъ, недавнимъ; оно должно имѣть историческія связи съ язычествомъ и съ различными идеалистическими сектами разныхъ временъ, сектами, впадавшими, какъ и оно, изъ идеализма въ безсознательный, но грубый матерьялизмъ. Съ этой точки зрѣнія исторія масонства должна представлять большой интересъ, и, можетъ быть, въ нынѣшней вымышленной исторіи ордена есть нѣкоторыя данныя и указанія для будущей его исторіи.—Масонство всплыло на поверхность жизни 18 вѣка и широко распространилось, развилось въ этой жизни потому, что оно соотвѣтствовало ея духу, имъ и было вызвано. Въ вѣкъ чувственности должны были проснуться крайнія идеалистическія стремленія,—въ нихъ духъ заявилъ о своемъ существованіи; но въ то-же время эти стремленія, по требованію настроенія времени, должны были уступить чувственности, должны были сами безсознательно проникнуться ею. — Волтерьянство и масонство не противорѣчатъ другъ другу: это дѣти одного отца — матерьялизма.

Итакъ, — двѣ идеи лежали въ основахъ жизни нашего общества екатерининскихъ временъ: волтерьянство и масонство. Руководству той или другой изъ нихъ подчинялись наши прадѣды,—одни сознательно, другіе невольно и инстинктивно. И волтерьянство и масонство — направленія крайне простыя и общедоступныя: они не требуютъ отъ своихъ адептовъ ни серьезнаго мышленія, ни нравственныхъ задатковъ; дешевый скептицизмъ волтерьянства, и особенно его чувственная мораль такъ-же понятны всякому, какъ и пустые обряды и резонерскія нравоученія масонства. Вотъ почему обѣ идеи такъ широко

распространились. Не было ни одного глупца или пошлаго человѣка, который не могъ бы съ полнымъ правомъ назвать себя масономъ или волтерьянцемъ. Оттого намъ кажется, что умственная и нравственная жизнь общества екатерининскихъ временъ отличалась удивительною оживленностью. Позже мы переживали идеи болѣе серьезныя и высокія, которыя не всякому были подъ-силу,—и тогда жизнь наша не поражала такимъ блескомъ и движеніемъ.—Но, отличаясь способностью широкаго распространенія, обѣ идеи екатерининскаго вѣка не обладали ни нравственной, ни умственной высотою: онѣ не подымали человѣка изъ среды его будничныхъ интересовъ и практическихъ заботъ въ область духовныхъ идеаловъ, не вели его къ исканію лучшаго; онѣ не отрицали пошлыхъ сторонъ жизни и дурныхъ инстинктовъ человѣческой природы,—напротивъ: онѣ ихъ узаконивали и оправдывали, и такимъ образомъ останавливали движеніе человѣческой мысли впередъ.—Идеи эти представлялись своимъ современникамъ находящимися во взаимной враждѣ; въ этой враждѣ и обнаруживались, по-видимому, ихъ хорошія стороны: волтерьянство осмѣивало фантастическія и дикія вѣрованія масонства; масонство выражало протестъ противъ необузданныхъ и скороспѣлыхъ отрицаній волтерьянства.—Но вражда эта есть, такъ сказать, обманъ духовнаго зрѣнія: этимъ двумъ идеямъ дѣлить было нечего,—обѣ онѣ вели человѣка къ одной цѣли—къ практическому матерьялизму; обѣ онѣ говорили ему (прямо, или косьвенно,—это все равно), что онъ животное и что въ чувственной жизни его счастье.—Понятенъ умственный и нравственный упадокъ общества при господствѣ такихъ идей.

Но упадокъ жизни былъ временной: нравственныя силы наши изжиты не были,—онѣ только таились подъ-спудомъ. И вотъ почему среди чуть не поголовнаго разврата появлялись въ обществѣ зачастую такія прекрасныя личности, на которыхъ съ удивленіемъ и любовью останавливаются глаза потомства. Таковъ, напр., благородный спаситель цѣлости русскаго государства, умиротворитель бунтовъ — А. И. Бибиковъ, болѣвшій сердцемъ за тяжелое положеніе крестьянства и за нравственный упадокъ общества. Таковъ продолжатель его дѣла по усмиренію пугачевскаго бунта — П. И. Панинъ. Таковъ Ник. Ив. Панинъ, дипломатъ—хотѣвшій дѣйствовать честно и прямо въ политикѣ. Таковъ митр. Платонъ, никогда не боявшійся горячо высказать свое убѣжденіе (какъ высказалъ его, напр., по дѣлу Новикова). Таковъ Державинъ, не только оставшійся честнымъ среди всеобщаго казнокрадства и взяточничества, но и всегда смѣло преслѣдовавшій мошенничество. Таковъ великій полководецъ Румянцевъ. Таковъ непридворный человѣкъ Суворовъ, не умѣвшій льстить и скрывать правду, какъ не умѣлъ проигрывать сраженій. Таковъ воспитатель вел. кн. Павла Петровича Порошинъ, и другіе. Такова, наконецъ, сама знаменитая императрица, такъ привлекавшая къ себѣ сердца, если не всѣми дѣлами правленія, то нѣкоторыми симпатичными свойствами своего характера.—Я назвалъ нѣсколько человѣкъ, имена которыхъ сохранила намъ исторія; но, разумѣется, много было подобныхъ же личностей среди частной жизни,—только онѣ намъ неизвѣстны.—Судьба подобныхъ людей въ нашемъ обществѣ 18-го вѣка весьма поучительна и полна глубокаго интереса.—Они были выше не только обыденной дѣйствительности, но и руководящихъ жизнью идей,—и потому единственною опорою для нихъ, единственнымъ критеріумомъ ихъ дѣятельности была ихъ собственная личность. Оттого они часто были какъ-будто лишними въ жизни: событія шли помимо ихъ воли; они бывали иной разъ „не у дѣлъ“ и выступали впередъ только въ критическія минуты (какъ напр. Бибиковъ, Панинъ), чтобы поправить то, что сдѣлано не ими. Не будучи въ состояніи имѣть поддержку въ обществѣ, они иной разъ падали нравственно, иной разъ изнемогали умственно—подчиняясь направленіямъ и идеямъ, стоявшимъ, очевидно, ниже ихъ личныхъ свойствъ и стремленій; такъ напр. Н. Ив. Панинъ былъ масономъ; Екатерина увлекалась идеями матерьялистовъ, которыя обыкновенно и направляли ея дѣйствія, вопреки благороднымъ свойствамъ ея характера (какъ, напр., неслыханная лесть Вольтера по поводу побѣдъ въ первую турецкую войну [1]) поддерживала въ Екатеринѣ войнолюбивыя стремленія).—Суворовъ своими пресловутыми чудачествами глушилъ въ себѣ тоску, сжимавшую его сердце среди чуждыхъ для него мыслей и нравовъ екатерининскаго вѣка.

Существованіе подобныхъ личностей было залогомъ спасенія русскаго общества. Но сами онѣ были безсильны поднять нравственный уровень жизни,—ибо не было такой идеи, во имя которой могли бы онѣ соединиться и дѣйствовать. И въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что они всѣ стоятъ одиноко. Для умственнаго и нравственнаго возвышенія своего общество нуждалось въ томъ, чтобы повѣяло новымъ духомъ, чтобы явился человѣкъ, который бы высказалъ новую мысль и собралъ бы вокругъ нея на служеніе ей алчущихъ и жаждущихъ правды.—Такимъ человѣкомъ является Новиковъ. А возбужденіе и начало благородной дѣятельности Новикова быть можетъ (недостатокъ матерьяловъ не позволяетъ еще говорить положительно), кроется въ

[1]) Романы и повѣсти Вольтера. Спб. 1870 г. „Вавилонская принцесса“.—Переписка Ек. II съ Вольтеромъ.

Коммиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія. Присутствуя въ Коммиссіи, какъ ведущій дневную записку ея засѣданій, Новиковъ имѣлъ полную возможность изъ словъ депутатовъ ознакомиться съ направленіемъ народнаго русскаго ума и чувства и съ истинными потребностями русской жизни.

ГЛАВА III.

Первый періодъ литературной дѣятельности Новикова.

(1769—1776).

Трутень. — Опытъ историческаго словаря о Россійскихъ писателяхъ. — Живописецъ. — Древняя Россійская Вивліоѳика. — Идрографія. — Кошелекъ. — Исторія о невинномъ заточеніи ближняго боярина Арт. Серг. Матвѣева. — Скиѳская исторія. — Повѣствователь древностей Россійскихъ.

1.

Д. Ив. Фонъ-Визинъ, первоклассный поэтъ екатерининскихъ временъ, въ своей „Челобитной Россійской Минервѣ отъ Россійскихъ Писателей", жалуясь на вельможъ, что они опредѣлили — „всѣхъ упражняющихся въ словесныхъ наукахъ къ дѣламъ не употреблять", проситъ Минерву „таковое беззаконное и вѣкъ нашъ ругающее опредѣленіе отмѣнить", „дабы мы, именованные, говоритъ онъ отъ лица всѣхъ русскихъ писателей, служа Россійскимъ музамъ *на досугѣ*, могли *главное жизни нашей время посвятить на дѣло для службы* Вашего Величества" [1]). Фонъ-Визину и въ голову не приходило, что „служеніе Музамъ" есть такой же трудъ на пользу отечества, какъ и государственная служба,—онъ хотѣлъ посвящать Музамъ только свободное отъ другихъ, серьезныхъ занятій время. Иначе смотрѣлъ на литературу Никол. Ив. Новиковъ: готовясь выступить на служеніе обществу словомъ, онъ оставилъ много-обѣщавшую ему въ будущемъ службу и всего себя посвятилъ новому дѣлу. Я „отъ лѣности никакой еще и службы по сіе время не избралъ (иронически говоритъ онъ въ Пре-

[1]) Соч. Фонъ-Визина, Спб., 1866 г., стр. 208.

дисловіи „Трутня“) [1]): ибо всякая служба не сходна съ моею склонностію. Военная кажется мнѣ очень безпокойною и угнѣтающею человѣчество: она нужна, и безъ нее никакъ не можно обойтись; она почтенна, но она не по моимъ склонностямъ. Приказная хлопотлива... надлежитъ знать всѣ пронырствы, въ дѣлахъ употребляемые... И хотя она и по сіе время еще гораздо наживна, но однакожь она не по моимъ склонностямъ. Придворная всѣхъ покойнѣе, и была бы легче всѣхъ, ежели бы не надлежало знать наизусть притворства гораздо въ высшемъ степенѣ, нежели сколько должно знать ее Актеру... Къ чемужъ потребенъ я въ обществѣ? *Безъ пользы въ свѣтѣ жить, тягчить лишь только землю.* Сказалъ славной Россійской стихотворецъ... И такъ вознамѣрился издавать въ семъ году еженедѣльное сочиненіе, подъ заглавіемъ *Трутня*“.—Сознательное пониманіе Новиковымъ важности слова, глубокое уваженіе его къ слову и мысли объясняются, во 1-хъ, благородною его личностью; во 2-хъ, по всей вѣроятности, тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ присутствовалъ въ засѣданіяхъ Коммиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія, гдѣ онъ могъ наглядно понять всю важность и силу слова, высказаннаго для общества. Въ показаніи своемъ въ Шлиссельбургской крѣпости Новиковъ писалъ про себя: „будучи унтеръ-офицеромъ... опредѣленъ въ коммиссію о среднемъ родѣ людей, гдѣ и находился содержателемъ дневной записки и во время диспутовъ прикомандированъ былъ въ общее собраніе къ держанію дневной же записки“. Эту записку велъ онъ, чередуясь съ товарищами, въ 1767 и 1768 годахъ; „въ 1768 г. отъ Коммиссіи уволенъ и отставленъ поручикомъ“ [2]), а весною 1769 г. онъ выступилъ уже на литтературное поприще—какъ издатель „Трутня“.

2.

Былъ ли Новиковъ только *издателемъ* въ современномъ значеніи этого слова, или его слѣдуетъ признать *писателемъ*? Обыкновенно вопросъ этотъ рѣшается въ томъ смыслѣ, что Новиковъ самъ ничего или почти ничего не писалъ. Но такое заключеніе совершенно невѣрно. Собственныя слова его въ началѣ „Трутня“: „самъ я, кромѣ сего предисловія, писать буду очень мало“, еще ничего не доказываютъ: предисловіе написано не серьезнымъ тономъ, и Новиковъ увѣряетъ въ немъ, будто „лѣность“ послужила причиною появленія въ свѣтъ его журнала; онъ говоритъ, будто не могъ избрать себѣ никакой службы

[1]) Трутень Н. И. Новикова, изд. 3 (Ефремова). Спб., 1865 г. Предисловіе стр. 8—10.

[2]) Новиковъ и московс. мартин., Лонгинова, стр. 073. — Доп. Пекарскаго, стр. 11—21.

и вообще никакого занятія; „наконецъ (заключаетъ онъ) вспало (мнѣ) на умъ, чтобы хотя изданіемъ чужихъ трудовъ принесть пользу моимъ согражданамъ“ [1]). Слова эти, очевидно, носятъ на себѣ характеръ шутки. — Замѣтимъ, что изысканія такого опытнаго библіографа, какъ г. Ефремовъ, о сотрудникахъ „Трутня“ и „Живописца“ не привели почти ни къ какимъ результатамъ. Изъ прекрасныхъ примѣчаній г. Ефремова къ его изданію „Трутня“ узнаемъ мы, что въ этомъ журналѣ помѣстили свои произведенія слѣдующіе писатели: Эминъ напечаталъ Письмо „Пламя войны и между сочинителями возгорѣлось“ (стр. 87), Аблесимовъ—два письма (стр. 107 и 175) и можетъ быть замѣтку „По сіе время“ (стр. 124) и Мих. Поповъ — одну эпиграмму (стр. 25), стихи Беклешову (стр. 133) и, можетъ быть, Пѣсню (стр. 245) и статью „Любезный племянничекъ“ (стр. 2); кѣмъ написано все остальное въ Трутнѣ — неизвѣстно. Также неизвѣстны и сотрудники „Живописца“. Рубану принадлежатъ въ этомъ журналѣ: Надпись на положеніе флага, На день рожденія В. Кн. Павла Петровича и Стихи на воздвиженіе обелиска гр. Румянцеву;—Имп. Екатеринѣ—письмо къ издателю Живописца съ обѣщаніемъ статей; Поповскому—Письмо о пользѣ наукъ; затѣмъ перепечатано въ „Живописцѣ“ „Слово на выздоровленіе В. Кн. Павла Петровича“ Фонъ-Визина; и, наконецъ, можетъ быть, принадлежатъ: А. П. Сумарокову—Стихи на прогулку воспитанницъ Воскресенскаго монастыря (вторые), М. С. Сушковой — Письма г-жи М. С., Мих. Попову — Письма къ Ѳалалею, и И. Тургеневу или Радищеву—„Путешествіе въ *** И. Т.“ (послѣднее предположеніе основано на заглавіи статьи и на подписныхъ буквахъ, которыя, впрочемъ, могутъ означать и—Издателя Трутня [2]). При этомъ нужно замѣтить, что всѣ исчисленныя статьи (за исключеніемъ Писемъ къ Ѳалалею и Путешествія въ *** И. Т.) для журнала не существенны, и играютъ въ немъ роль чисто случайныхъ гостей. Если предположить, что у Новикова были сотрудники, то совершенно непонятно, почему онъ ихъ скрылъ, непонятно, потому что такое скрываніе авторовъ было совершенно не въ духѣ Новикова. Въ своихъ „Санктпетербургскихъ Ученыхъ Вѣдомостяхъ“ онъ иной разъ намеками открываетъ читателямъ имена даже такихъ авторовъ, которые желали въ данномъ случаѣ остаться неизвѣстными. Такъ, напр., благодаря писателя, приславшаго въ Вѣдомости надписи къ изображеніямъ Ѳеофана Прокоповича, Кантеміра и Поповскаго, Новиковъ говоритъ: „перо, писавшее сіи надписи, не можетъ быть намъ незнакомо, хотя

[1]) Трутень, изд. 3-е (Ефремова). Спб. 1865 г., стр. 10.

[2]) Примѣч. къ „Живописцу“, изд. 7-е (Ефремова). Спб., 1864 г.

г. Сочинитель и не поставилъ своего имени... Мы просимъ г. Сочинителя быть сотрудникомъ нашимъ, и предложимъ трудъ, пера его достойный, а именно писать о сочиненіяхъ славнѣйшихъ нашихъ стихотворцевъ: т. е. М. В. Ломоносова, г. Сумарокова, г. Хераскова, г. Петрова и другихъ... Но можетъ быть вознегодуетъ кто-нибудь на насъ, что пропустили мы здѣсь г. Майкова; на сіе скажемъ, что учинено ето не оплошностію, но съ намѣреніемъ. По извѣстнымъ намъ причинамъ, мы не хотѣли препоручить сему г. сочинителю разсмотрѣніе трудовъ г. Майкова, но просимъ другихъ, если кому угодно, предпріять сей трудъ“ [1]). Очевидно, надписи присланы Майковымъ. Есть въ Ученыхъ Вѣдомостяхъ и еще примѣры подобнаго открытія авторовъ [2]). Для указанія своихъ сотрудниковъ Новикову представлялся въ высшей степени удобный случай при изданіи имъ (уже послѣ Трутня) „Опыта Историческаго Словаря о Россійскихъ Писателяхъ“. Въ этомъ словарѣ названы сотрудники многихъ журналовъ [3]); но ни слова нѣтъ о писателяхъ, печатавшихъ свои произведенія въ Трутнѣ. О трехъ писателяхъ, впрочемъ, говоритъ Новиковъ неопредѣленно, что они помѣщали свои стихи, мелкія сочиненія и сатирическія письма въ разныхъ еженедѣльникахъ 1769 года; эти писатели: Мих. Поповъ, Сумароковъ и Александръ Храповицкій; очень можетъ быть, что они были сотрудники Трутня, что подтверждается, относительно двухъ первыхъ, и изысканіями г. Ефремова; но едва ли они помѣстили въ Трутнѣ многое,—Новиковъ бы не умолчалъ объ этомъ. Далѣе изъ Опыта Словаря узнаемъ мы, что издатели еженедѣльниковъ 1769 года были въ то-же время и ихъ авторами. Такъ, Словарь говоритъ про Эмина, что онъ *сочинилъ* „ежемѣсячнаго сочиненія на 1769 годъ, подъ именемъ Адской почты, 6 мѣсяцевъ“; про Тузова, что онъ „*сочинилъ* нѣсколько сатирическихъ писемъ, изданныхъ подъ заглавіемъ: Поденщина 1769 г. въ Санктпетербургѣ“; Чулковъ (издатель „И то И сьо 1769 г.“ и „Парнасскаго щепетильника 1770 г.“) написалъ много стиховъ „и много сатирическихъ писемъ, напечатанныхъ въ еженедѣльномъ его *сочиненіи*“; хваля слогъ Козицкаго, Словарь прибавляетъ: „по сему-то нѣкоторые и заключаютъ, что Всякая Всячина,

[1]) Спб. Уч. Вѣдом. на 1777 г., № 22, стр. 172 — 173 (по об. изд. — 1777 и 1873 гг.).

[2]) Тамъ-же, стр. 175; № 21, стр. 168 и 165.

[3]) *Полезнаго увеселенія* 1760, 61 и 62 гг., М.: Богдановичь, Булгаковъ, Веревкинъ, Домашневъ, Каринъ, Нарышкинъ Сем., Нарышкинъ Ал., Приклонскій, Ржевскій, Херасковъ, Хрущовъ, Шишкинъ. *Добраго намѣренія* 1764 г., М.: Вершницкій. Перепечинъ, Петровъ, Санковскій (издатель), Фонъ-Визинъ Павелъ. *Трудолюбивой пчелы* 1759 г., Спб.: Дмитревскій, Аблесимовъ, Княжнинъ, Козицкій. *Ни то Ни сьо* 1769 г.: Рубанъ (издатель), Башиловъ. И другіе журналы.

еженедѣльное сочиненіе 1769 г., приобрѣтшее толикую похвалу, есть произведеніе его пера“ [1]). Изъ всего этого ясно, что понятіе *издатель журнала* имѣло въ 18-мъ вѣкѣ не то значеніе, какое имѣетъ теперь; оно соотвѣтствовало нашему понятію *авторъ*. Отсюда болѣе чѣмъ вѣроятно, что издатель Трутня, Живописца и Кошелька былъ ихъ авторомъ; не говоритъ же онъ объ этомъ въ Словарѣ потому, что вообще не говоритъ тамъ о себѣ.— Затѣмъ Карамзинъ въ своей „Запискѣ о Н. И. Новиковѣ“, писанной для имп. Александра I, положительно свидѣтельствуетъ, что Новиковъ былъ писатель; а Карамзинъ могъ знать объ этомъ очень хорошо, ибо былъ не только современникъ Новикова, но и близкій къ нему человѣкъ. „Г. Новиковъ, говоритъ знаменитый историкъ, въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ сдѣлался извѣстенъ публикѣ своимъ отличнымъ авторскимъ дарованіемъ: безъ воспитанія, безъ ученія, писалъ остроумно, пріятно и съ цѣлію нравственною“ [2]). — Наконецъ, всякое сомнѣніе въ принадлежности перу самого Новикова статей его сатирическихъ журналовъ должно разсѣяться по прочтеніи слѣдующихъ словъ предисловія къ I ч. перваго изданія Древней Россійской Вивліоѳики: „Благосклонное принятіе отъ общества (говоритъ Новиковъ) [3]) нѣкоторыхъ маловажныхъ моихъ *сочиненій*, ободрило меня и было поощреніемъ къ важнѣйшимъ трудамъ. Въ нынѣшній 1773 годъ (напомню, что Живописецъ выходилъ въ 1772 году) увидятъ читатели мои ежемѣсячное изданіе подъ заглавіемъ Древнія Россійскія Вивліоѳики; и когда приняты были благосклонно собственныя мои творенія, то въ разсужденіи вещества, сіе изданіе наполняющаго, почти не сомнѣваюсь я о благосклонномъ онаго принятіи“.—Ко всему этому можно еще прибавить, что въ предисловіи къ 3-му изданію Живописца (1775 г.) Новиковъ называетъ этотъ журналъ своимъ „сочиненіемъ“.

3.

Сатира Фонъ-Визина не всегда была сатирой сознательной; за смѣхомъ великаго комика не крылось иногда ясной, опредѣленной мысли, онъ самъ не всегда зналъ — во имя чего обличаетъ различные пороки. Поэтическое чутье часто подсказывало ему истину; но излишнее желаніе смѣшить и путаница понятій и нравственныхъ воззрѣній въ го-

[1]) Опытъ Историческаго Словаря о Россійскихъ Писателяхъ... Собралъ Ник. Новиковъ. Спб. 1772 г. („Матеріалы для исторіи рус. лит-ры. Изд. Ефремова. Спб. 1867 г.“).

[2]) Новиковъ и моск. март., Лонгинова, стр. 0161.

[3]) Древняя Россійская Вивліоѳика, ч. I, мѣс. Январь. Спб. 1773 г. Предисл. „Къ читателю“.

ловѣ поэта, приводили его также часто къ утрировкѣ, къ каррикатурѣ, и заставляли его порой смѣяться надъ тѣмъ, надъ чѣмъ нельзя смѣяться, и съ уваженіемъ проходить мимо явленій и лицъ, вполнѣ достойныхъ сатиры (такъ, напр., неправильны отношенія его къ нѣкоторымъ чертамъ характера Бригадирши и къ цѣлому образу Софьи той же комедіи). Только въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ Фонъ-Визинъ пытается провести опредѣленное міросозерцаніе; но это міросозерцаніе, во 1-хъ, не совсѣмъ вяжется съ художественными образами, къ которымъ онъ его насильственно привязываетъ, а во 2-хъ, стоитъ гораздо ниже этихъ образовъ. Въ художественно нарисованныхъ лицахъ „Недоросля“ поэтъ правильно обличаетъ отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ; но онъ самъ подрываетъ свои обличенія, высказывая устами добродѣтельныхъ лицъ комедіи, что для облегченія положенія крестьянъ еще не надо ихъ освобождать, а достаточно устроить надъ дурными помѣщиками надзоръ изъ добродѣтельныхъ чиновниковъ. Фонъ-Визинъ, какъ мыслитель, дорожитъ преимуществами привиллегированнаго сословія: „дворянинъ, недостойный быть дворяниномъ,— подлѣе его ничего на свѣтѣ не знаю!“—восклицаетъ добродѣтельный Стародумъ [1]). „Я видѣлъ, въ чемъ большая часть носящихъ имя дворянина полагаетъ свое любочестіе (говоритъ самъ Фонъ-Визинъ въ статьѣ „Къ г. Сочинителю Былей и Небылицъ“)[2]). Я видѣлъ отъ почтеннѣйшихъ предковъ презрительныхъ потомковъ. Словомъ, я видѣлъ дворянъ раболѣпствующихъ. Я дворянинъ, — и вотъ что растерзало мое сердце“; т. е. если бы поэту приходилось видѣть раболѣпствующихъ мѣщанъ, то сердце его не растерзалось бы: онъ не видѣлъ въ человѣкѣ просто человѣка, онъ видѣлъ—дворянина, мѣщанина, кущца... Въ лицахъ Простаковой, Митрофана и др. поэтъ предаетъ посмѣянію невѣжество; а изъ разсужденій его добродѣтельныхъ лицъ узнаемъ мы, что воспитаніе безконечно выше образованія, и что будто-бы бываютъ случаи, когда умъ оказывается „сущей бездѣлицей“, и что вообще умомъ величаться нельзя.

Подобнаго противорѣчія между смѣхомъ и сознательной мыслью вовсе нѣтъ въ сатирѣ Новикова, равно какъ сатира эта не была никогда безсознательной и никогда серьезныя цѣли не приносились въ ней въ жертву желанію смѣшить.

Двѣ опредѣленныя, ясныя идеи проходятъ сквозь все содержаніе перваго журнала Новикова; во имя ихъ сатирикъ обличаетъ современную ему дѣйствительность. Во множествѣ большихъ статей и мел-

[1]) Соч. Фонъ-Визина. Спб. 1866 г., стр. 89.
[2]) Тамъ-же, стр. 209.

кихъ замѣтокъ „Трутень“ высказываетъ ту мысль, что мы, отказавшись отъ всего прошлаго нашей жизни, отъ нравовъ и обычаевъ предковъ, сдѣлавшись слѣпыми подражателями всему французскому, вмѣстѣ съ тѣмъ потеряли и добродѣтели нашихъ предковъ, въ большинствѣ случаевъ промѣняли наше старое родное добро на новое чужое зло, какъ промѣниваемъ „разныя домашнія наши бездѣлицы, какъ-то пеньку, желѣзо, юфть, сало, свѣчи, полотна и проч.“ на „нужныя намъ товары: шпаги французскія разныхъ сортовъ, табакерки, черепаховыя, бумажныя, сургучныя; кружевы, блонды, бахромки, манжеты, ленты, чулки, пряжки, шляпы, запонки и всякія такъ-называемыя галантерейныя вещи“ [1]).—„Въ старину думали (говоритъ сатирикъ) [2]), что для украшенія разума науками надлежитъ цѣлый жить вѣкъ, то есть посвятить себя наукамъ, отстать отъ всѣхъ должностей въ обществѣ, вѣкъ учиться и быть проповѣдываніемъ добродѣтели согражданамъ своимъ, а наконецъ и самому себѣ въ тягость; изъ чего здѣлали пословицу: *Вѣкъ живи, и вѣкъ учися*. Но молодые наши дворяне, увидя ясно невѣжество предковъ своихъ, изъ сего заблужденія вышли, и изъ стараго правила сдѣлали новое: *Недѣлю учися и вѣкъ живи*“. Явилась новая наука, называемая „*Украсить голову по Французски*. О приведеніи въ совершенство сея науки Франція нѣсколько лѣтъ прилагаетъ попеченіе. И хотя въ Парижѣ заведена Академія *Волосоподвивательной науки*, изданы въ народъ печатныя о томъ книги; но однакожъ и по сіе время также, какъ и Философія, въ совершенство не пришла; изъ чего слѣдуетъ, что быть совершеннымъ волосоподвивателемъ также трудно, какъ и Философомъ; да и науки сіи одинакія, одна украшаетъ голову съ наружи, а другая внутри; а что къ перьвой нынѣ больше прилѣпляются, тому причиною мода. Да сіе и весьма справедливо, украшенная съ наружи голова гораздо почтеннѣе украшенной внутри, потому, что мы всегда хвалимъ, почитаемъ и удивляемся тому, что прежде другова лучшимъ намъ покажется. А въ томъ и никакова нѣтъ сомнѣнія, что хорошо завитыя волосы скорѣе ума примѣтить можно; волосы съ наружи, а умъ внутри“.— Какъ разошлись мы съ предками во взглядѣ на ученье, на мысль, на умъ, такъ разошлись мы съ ними и въ чувствѣ: прежде люди любили серьезно, всею душею; теперь это дѣлается иначе. Трутень рисуетъ [3]) портретъ молодаго человѣка, который прежде „имѣлъ веселой нравъ и живые поступки; въ бесѣдахъ душею собранія почитался, и словомъ во всѣхъ между молодыми людьми веселостяхъ былъ перьвой; но съ нѣкотораго времени совсѣмъ перемѣ-

[1]) Трутень. Изд. 3-е (Ефремова). Спб., 1865 г. стр. 38.
[2]) Тамъ-же. „Статьи изъ Русскаго Словаря“, стр. 31—33.
[3]) Тамъ-же, годъ II, 241.

нился: сталъ задумчивъ, скученъ и иногда не только другимъ, но и самому себѣ тягостенъ бываетъ. Поступки его не имѣютъ уже прежней живости, но вмѣсто того видна робость и смятеніе, и часто въ задумчивости отвѣчаетъ не то, о чемъ спрашиваютъ". Это онъ, поясняетъ сатирикъ, „влюбленъ *по дѣдовски*", т. е. онъ человѣкъ отсталый, потому что „любовь нынѣ у насъ (говорится въ другой статьѣ, въ которой предварительно нарисовано трогательное прощанье искренно любящихъ другъ друга молодыхъ людей), любовь нынѣ у насъ завелась большою частью модная, что значитъ: увидѣть, влюбиться, получить склонность, и тотчасъ сдѣлаться невѣрнымъ; а еще моднѣе: влюбляться и измѣнять разъ по сту на день" [1]. „Нынѣшняя любовь весьма далека отъ любви нашихъ предковъ. Многія женщины нашего вѣка не почитаютъ преступленіемъ, одного любить и шестерыхъ обманывать, и говорятъ, что истинная любовь требуетъ отъ любовника вѣры, или слѣпой довѣренности, т. е. видѣть и быть слѣпу. Модныя любовники такъ и поступаютъ: они притворяются, будто во всемъ вѣрятъ своимъ любовницамъ, хотя думаютъ совсѣмъ противное" [2]. Слѣдствіемъ такого взгляда на чувство явилось паденіе семейнаго начала: любовь супруговъ другъ къ другу стала считаться дѣломъ неприличнымъ, непринятымъ въ свѣтѣ. „Есть женщина лѣтъ пятидесяти (объявляютъ „Вѣдомости" Трутня [3]). Она уже двухъ имѣла мужей, и ни одново изъ нихъ не любила, послѣдуя модѣ", теперь ищетъ третьяго. „Кто хочетъ на ней жениться, тотъ можетъ явиться у свахъ здѣшняго города". Мѣсто семейнаго счастья предковъ заняла чудовищная чувственность: „Вѣдомости" Трутня объявляютъ о такого рода подрядахъ: „для наполненія порожнихъ мѣстъ, по положенному у одной престарѣлой кокетки о любовникахъ штату, потребно поставить молодыхъ, пригожихъ и достаточныхъ дворянъ и мещанъ до 12 человѣкъ; кто пожелаетъ въ поставкѣ оныхъ подрядиться, или и сами желающіе заступить тѣ убылые мѣста, могутъ явиться у помянутой кокетки, гдѣ и кондиціи имъ показаны будутъ" [4]. Образы кокетокъ и щеголихъ, съ ихъ невѣжествомъ, безграмотностью, пустотою и легкомысліемъ, съ ихъ пристрастіемъ къ нарядамъ, модамъ, сплетнямъ, любовнымъ приключеніямъ, художественно нарисованы Трутнемъ [5]. Не лучше кокетокъ и молодые щеголи: 16-й номеръ Трутня объявляетъ, что продаются по дорогой цѣнѣ сочиненія гг. Искушателева

[1]) Тамъ-же, 303—304.
[2]) Тамъ-же, 227.
[3]) Тамъ-же, годъ I, 35.
[4]) Тамъ-же, 39.
[5]) Укажу на одну изъ кокетокъ: тамъ-же, годъ II, стр. 235, 292 и 304.

и Соблазнителева: „Атака сердца кокеткина" и „Проектъ о взятіи сердецъ штурмомъ"; въ то-же время „раздаются безденежно: ибо оныхъ никто не покупаетъ" старыя (т. е. предковъ) книги: „Наставленіе о добропорядочной жизни молодымъ людямъ, напечатанное въ 1748 году, и еще другія подобныя оной" [1]. Ложь царитъ въ современной жизни вообще, въ мысли, въ чувствѣ и во всемъ. „Ваше къ неучтивой истинѣ пристрастіе (пишетъ издателю Трутня кокетка) [2]), происходитъ отъ того, что вы недовольно обращались во свѣтѣ; что не имѣли времени разобрать обычаи нашихъ современниковъ; и слѣдовательно, слѣдуя обычаямъ предковъ, не умѣете угождать намъ".—Главной причиной паденія нравовъ Новиковъ считаетъ дурное воспитаніе русскаго юношества, воспитаніе, получаемое отъ французовъ—гувернеровъ. „На сихъ дняхъ въ здѣшній портъ (говоритъ извѣстіе изъ Кронштадта) [3]) прибылъ изъ Бурдо корабль: на немъ кромѣ самыхъ модныхъ товаровъ, привезены 24 Француза, сказывающія о себѣ, что они всѣ Бароны, Шевалье, Маркизы и Графы"; на самомъ дѣлѣ эти Французы—ремесленники. „Многія изъ нихъ въ превеликой жили ссорѣ съ Парижскою Полиціею, и для того она по ненависти своей къ нимъ здѣлала имъ привѣтствіе, которое имъ не полюбилось", „хотя было и очень искренно", т. е. она хотѣла посадить ихъ въ Бастилію; „и ради того пріѣхали они сюда, и намѣрены вступить въ должности учителей и Гофмейстеровъ молодыхъ благородныхъ людей. Они скоро отсюда пойдутъ въ Петербургъ. Любезныя согражданѣ, спешите нанимать сихъ чужестранцовъ для воспитанія вашихъ дѣтей! Поручайте немѣдленно будущую подпору государства симъ побродягамъ, и думайте, что вы исполнили долгъ родительской, когда наняли въ учители Французовъ, не узнавъ прежде ни знанія ихъ, ни поведѣнія". Эти слова показываютъ намъ, какъ у Новикова остроумная и живая сатира тѣсно сливалась съ серьезной мыслью даже въ формѣ рѣчи.—„Какою благодарностью должны мы французамъ (пишетъ въ Трутень щеголиха) [4]); они насъ просвѣщаютъ". „Мы и съ хлѣбомъ и съ деньгами нашими безъ французовъ были бы дураки. Они еще дьошево продаютъ о насъ свои попеченіи". Эта щеголиха выросла въ деревнѣ, подъ надзоромъ своего отца, деревенскаго хозяина. „Онъ воспиталъ меня такъ худо, говоритъ она, какъ хуже трудно и придумать. Я знала только какъ и когда хлѣбъ сѣютъ; когда садятъ капусту, огурцы, свеклу, горохъ, бобы и всьо то, что

[1]) Тамъ-же, годъ I, 102.
[2]) Тамъ-же, годъ II, 238.
[3]) Тамъ-же, годъ I, 100.
[4]) Тамъ-же, годъ II, 255—259.

нужно знать дураку прикащику — Ужасное знаніе! а того, что дѣлаетъ нашу сестру совершенною, я не знала. По смерти батюшкиной пріѣхала въ Москву и увидѣла, что я была совершенная дура. Я не умѣла ни танцовать, ни одѣваться, и совсѣмъ не знала, что такое *мода*. Вотъ до какой глупости отцы, подобныя моему, дѣтей своихъ доводятъ! Повѣришь ли Г. Издатель?—мнѣ стыдно тебѣ признаться:— я такъ была глупа, что по пріѣздѣ только моемъ въ Москву узнала, что я хороша". Въ Москвѣ щеголиху осмѣяли столичныя кокетки за ея простоту и невѣжество, и она принуждена была 3 мѣсяца, не выѣзжая изъ дому, учиться по-модному одѣваться. „Мнѣ кажется, говоритъ она, ты удивляешься, какъ могла я въ такое короткое время всему, да еще сама научиться? Я тебѣ ето таинство открою, послушай: по щастію попалась мнѣ одна французская мадамъ, которыхъ у насъ въ Москвѣ довольно. Она еще до просьбы моей предложила мнѣ свои услуги: разсказала мнѣ въ какомъ я нахожусь невѣжествѣ, и что она въ состояніи изъ меня сдѣлать самую модную щеголиху. Вотъ какое изъ насъ Французы дѣлаютъ превращеніе! изъ деревенской дуры въ три мѣсяца сдѣлать модную щеголиху, для человѣка невозможность, а французы дѣлаютъ". Изъ этого разсказа мы видимъ, что деревенскому воспитанію, даже обошедшемуся безъ образованія, Новиковъ отдаетъ предпочтеніе передъ воспитаніемъ моднымъ, французскимъ.—Вообще онъ съ сочувствіемъ относится къ деревнѣ: тамъ видитъ онъ слѣды нашей прежней жизни, остатки добродѣтелей предковъ, отъ которыхъ отреклось городское офранцузившееся общество. „Съ пріятностью деревенской жизни ничто сравниться не можетъ (говоритъ одна статья Трутня)[1]: тамъ встаютъ рано не для того, чтобы просидѣвъ 3 или 4 часа надъ убором головы, и отягчивъ оную саломъ и пудрою шататься по переднимъ комнатамъ знатныхъ бояръ; но для того, чтобъ пользоваться пріятнымъ утреннимъ временемъ, присматривать за своимъ домостроительствомъ, и примѣромъ своимъ, служителей своихъ поощрять къ трудамъ". Тамъ нѣтъ огромной музыки, садовъ со статуями и водометами; но вмѣсто этого тамъ поютъ птицы, зеленѣютъ рощи и луга, испещренные цвѣтами. Новикову нравится въ деревнѣ дѣятельная и простая жизнь, близкая къ природѣ, чуждая лести и лжи.—Нравамъ городскаго, по-французски образованнаго общества противополагаетъ сатирикъ нравы сельскаго сословія, крестьянства. Молодая замужняя госпожа Прелеста бесѣдуетъ съ разнощикомъ; „бываютъ ли между крестьянами мужья рогоносцы?" спрашиваетъ она. „Какъ же, сударыня, быть тому межь крестьянами, что

[1]) Тамъ-же, годъ I, 44.

дѣлаютъ господа, отвѣчалъ крестьянинъ". Прелеста удивлена, какъ это мужъ можетъ усмотрѣть за женою; но дѣло разъясняется тѣмъ, что въ деревняхъ мужъ и жена не живутъ *по модѣ* на разныхъ половинахъ [1]).

Вопросомъ о положеніи крестьянина, о крѣпостномъ правѣ помѣщика Трутень интересовался очень сильно. Мысль о томъ, что крестьянинъ такой же человѣкъ, какъ и всѣ другіе, что онъ имѣетъ право на свободу и что положеніе его слишкомъ тяжело, есть вторая идея, положенная Новиковымъ въ основу его журнала.—„Безразсудъ болѣнъ мнѣніемъ, что крестьяне не суть человѣки, но крестьяне (говорится въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Рецепты" [2]); а что такое крестьяне о томъ знаетъ онъ только потому, что они крепостныя ево рабы.... Онъ думаетъ: Я господинъ, они мои рабы, они для того и сотворены, чтобы претерпѣвая всякія нужды и день и ночь работать и исполнять мою волю исправнымъ платежемъ оброка: они памятуя мое и свое состояніе должны трепетать моего взора. Въ дополненіе къ сему прибавляетъ онъ, что точно о крестьянахъ сказано: въ потѣ лица своего снѣси хлѣбъ твой". „Безразсудной! (восклицаетъ сатирикъ), развѣ забылъ то, что ты сотворенъ человѣкомъ, не уже ли ты гнушаешься самимъ собою во образѣ крестьянъ, рабовъ твоихъ? развѣ не знаешь ты, что между твоими рабами и человѣками больше сходства, нежели между тобою и человѣкомъ". Безразсуду отъ его „вредной болѣзни" Трутень даетъ такой „рецептъ": „Безразсудъ долженъ всякой день по два раза разсматривать кости господскія и крестьянскія до тѣхъ поръ, покуда найдетъ онъ различіе между господиномъ и крестьяниномъ". Не нужно было быть очень проницательнымъ, чтобы въ вышеприведенныхъ словахъ прочесть прямое отрицаніе крѣпостнаго права. Но должно замѣтить, что, по обстоятельствамъ времени, Новиковъ не могъ высказать свою мысль прямо; мало того,—и къ той формѣ, въ которой она явилась на свѣтъ, онъ долженъ былъ прибавить оговорки: крестьяне твои, говоритъ статья, обращаясь къ Безразсуду, не смѣютъ любить тебя какъ отца; а есть помѣщики—отцы, подъ властью которыхъ крестьяне „наслаждаются вождѣленнымъ спокойствіемъ, не завидуя никакому на свѣтѣ щастію, ради тово, что они въ своемъ званіи благополучны"; „истинные человѣки", продолжаетъ статья, должны гнушаться тобою, „яко извергомъ человѣчества, преобращающаго (sic) *нужное подчиненіе* въ несносное иго рабства". — Что Новиковъ сострадалъ не только крестьянамъ дурныхъ, безчеловѣчныхъ

[1]) Тамъ-же, 54—55.
[2]) Тамъ-же, 147—149.

помѣщиковъ, что онъ считалъ крѣпостное право вообще явленіемъ ненормальнымъ объ этомъ положительно свидѣтельствуютъ два мѣста Трутня: въ одномъ, разсказывая о смерти помѣщика, сатирикъ выражается: онъ „переселился въ то жилище, въ которомъ *чужихъ душъ никто не желаетъ*“ [1]); въ другомъ мѣстѣ—Правдинъ пишетъ издателю Трутня [2]): „изъ вашихъ сочиненій примѣтилъ я, что вы къ состоянію крестьянъ чувствительны. Вы о нихъ сожалѣете вообще: похвально; но коликагожъ достойны сожалѣнія тѣ, кои во владѣніи у худыхъ помѣщиковъ!“ и т. д. Т. е., значитъ, Трутень сожалѣетъ и тѣхъ, которые находятся во власти добрыхъ помѣщиковъ, сожалѣетъ о томъ, что они рабы, будучи совершенно такими же „человѣками“. какъ и помѣщики. Эту послѣднюю мысль журналъ проводитъ особенно настоятельно, благородно и умно стараясь разбить силой логики нелѣпое предъубѣжденіе о какихъ-то природныхъ преимуществахъ благороднаго сословія. Его Превосходительство г. Недоумъ боленъ духовною горячкою: „тотчасъ начинаетъ его трясти лихорадка, естьли кто предъ нимъ упомянетъ о мещанахъ или крестьянахъ. Онъ ихъ въ противность моднаго нарѣчія не удостоиваетъ ниже имени подлости, а какъ ихъ называть, того еще въ пятьдесятъ лѣтъ безплодной своей жизни не выдумалъ; не ѣздитъ онъ ни въ церковь, ни по улицамъ, опасаяся смертельнаго обморока, которой непремѣнно, думаетъ онъ, съ нимъ случится встрѣтившись съ неблагороднымъ человѣкомъ“. Онъ ежечасно негодуетъ на судьбу, что долженъ пользоваться тѣмъже воздухомъ и солнцемъ, которымъ пользуется простой народъ. Онъ желаетъ „чтобъ простой народъ со всемъ былъ истребленъ; о чемъ неоднократно подавалъ онъ проекты, которые многими ради хорошихъ и отмѣнныхъ мыслей были похваляемы“. Болѣзнь Недоума сатирикъ ставитъ въ тѣсную связь съ его невѣжествомъ: „вельможа нашъ (говоритъ онъ) ненавидитъ и презираетъ всѣ науки и художества, почитаетъ оныя безчестіемъ для всякой благородной головы. По его мнѣнію всякой шляхтичъ можетъ все знать ни чему не учася: философія, математика, физика и прочія науки суть бездѣлицы, нестоящія вниманія дворянскаго. Гербовники и патенты, едва, едва отъ моли и моля спасшіяся, суть однѣ книги, кои онъ безпрестанно по складамъ разбираетъ“. Благородное негодованіе при этомъ приводитъ Новикова къ рѣзкимъ выраженіямъ, объясняемымъ горячей молодостью сатирика: нѣтъ, говоритъ онъ, на родословныхъ деревьяхъ Недоума „такова гнилова сучка, каковъ онъ самъ, и нѣтъ такой во всѣхъ фа-

[1]) Тамъ-же, годъ I, 43.
[2]) Тамъ-же, стр. 158.

мильныхъ его гербахъ скотины, каковъ его превосходительство“ [1]).— Новиковъ былъ совершенно свободенъ отъ всякихъ сословныхъ предразсудковъ,— обстоятельство, ставящее его очень высоко, ибо этихъ предразсудковъ не были чужды и такіе его современники, какъ Полѣновъ, Фонъ-Визинъ, даже Радищевъ. Читатель могъ замѣтить въ вышеприведенныхъ выпискахъ отношенія Новикова къ слову „моднаго нарѣчія“ — *подлый*. Въ одной статьѣ Трутня [2]) разсказывается, что явилось три охотника занять „порожнее мѣсто“, дающее въ годъ 2000 рублей безгрѣшнаго дохода: „первый изъ нихъ дворянинъ безъ разума, безъ науки, безъ добродѣтели и безъ воспитанія.... Душъ за нимъ тысячи двѣ; но самъ онъ безъ души. Короче сказать, все достоинство сего молодца въ томъ только и состоитъ, что онъ дворянинъ и родня многимъ знатнымъ боярамъ“. Другой охотникъ—дворянинъ, не имѣющій важнаго родства, „поведѣнія добраго, разума хотя не пылкаго, однако наукою подкрѣпленнаго“; крестьянъ своихъ не грабитъ; словомъ, онъ—человѣкъ порядочный. „Третей проситель мѣста, *по нарѣчію нѣкоторыхъ глупыхъ дворянъ, есть человѣкъ подлой: ибо онъ отъ добродѣтельныхъ и честныхъ родился мещанъ*. Природной ево разумъ, соединенный съ долговременнымъ и въ Россіи и въ чужихъ краяхъ ученіемъ, учинили его мужемъ совершеннымъ. Мало такихъ наукъ, которыхъ бы онъ не зналъ, или о которыхъ бы онъ не имѣлъ понятія; защитникъ истинны, помогатель бѣдности, ненавистникъ злыхъ нравовъ и роскоши, любитель человѣчества, честности, наукъ, достоинства и отечества“. „Читатель! угадай (заключаетъ авторъ статьи): глупость ли, подкрѣпляемая родствомъ съ боярами, или заслуги съ добродѣтелію наградятся?“ — Такимъ образомъ, *подлымъ*, по мнѣнію Новикова, можетъ называть простаго человѣка лишь глупый; а дѣлаютъ насъ благородными, возвышаютъ надъ другими только образованность и нравственныя достоинства. Въ глубокомъ уваженіи къ наукамъ, которое выразилъ Новиковъ, характеризуя третьяго искателя мѣста, выказался будущій просвѣтитель своего отечества. — Трутень не упустилъ изъ виду показать своимъ читателямъ и тяжелое экономическое положеніе крестьянина, его бѣдность, доходящую до обнищанія, вслѣдствіе громадныхъ оброковъ помѣщику, которые онъ, наконецъ, не въ силахъ выплатить, не смотря на невѣроятныя усилія въ работѣ и на безчеловѣчныя наказанія за недоимки. Съ этой стороны крестьянская жизнь художественно нарисована въ статьяхъ подъ заглавіемъ „Копіи съ отписокъ“, состоящихъ изъ переписки кресть-

[1]) Тамъ-же, стр. 139—141.
[2]) Тамъ-же, стр. 26—27.

янъ съ ихъ помѣщикомъ [1]).—Я ссылался только на главнѣйшія статьи Трутня о крестьянахъ и помѣщикахъ; цѣлый рядъ подобныхъ статей проходитъ сквозь весь первый годъ изданія журнала [2]), свидѣтельствуя, какое важное значеніе придавалъ Новиковъ вопросу о крѣпостномъ правѣ.

Не должно думать, что, говоря о „добродѣтеляхъ предковъ", Новиковъ проповѣдовалъ отчужденіе отъ иностранныхъ земель и національную исключительность. Онъ, напр, готовъ отдать должную дань уваженія иностраннымъ писателямъ: благоразумный помѣщикъ, воспитавшій дочь свою въ деревнѣ не по-модному, составилъ себѣ небольшую, но хорошую библіотеку; въ нее входятъ между прочимъ слѣдующія книги, которыя дочь его, обратившись въ кокетку, не можетъ читать: „Ѳеофаны да Кантемиры, *Телемаки*, *Роллени*, Лѣтописцы" [3]) и т. п.—Въ первыхъ номерахъ Трутня мы встрѣчаемъ объявленіе: „Молодаго Россійскаго поросенка, которой ѣздилъ по чужимъ землямъ для просвѣщенія своего разума, и которой объѣздивъ съ пользою, возвратился уже совершенною свиньею; желающіе смотрѣть, могутъ его видѣть безъ денежно по многимъ улицамъ сего города" [4]). Но не должно изъ этого заключать, что Новиковъ считаетъ путешествія заграницу вредными; напротивъ,—мы видѣли, что его идеальный мѣщанинъ сдѣлался „мужемъ совершеннымъ" вслѣдствіе долговременнаго „и въ Россіи *и въ чужихъ краяхъ*" ученія [5]). Если же иной „поросенокъ" воротится изъ-за границы уже „совершенною свиньею", то это потому, „что всѣ наши молодыя дворяне, путешествующія въ чужія земли, привозятъ (говоритъ Трутень) [6]) только извѣстіи, какъ тамъ одѣваются, пространное дѣлаютъ описаніе всѣмъ увеселеніямъ и позорищамъ того народа; но рѣдкой изъ нихъ знаетъ на какой конецъ путешествіе предприниматься должно. Я почти ни отъ одного изъ нихъ не слыхалъ, чтобы сдѣлали они свои примѣчанія на нравы того народа, или на узаконеніи, на полезныя учрежденіи и протч., *дѣлающее путешествіе толико нужнымъ*. Мнѣ ето совсѣмъ не нравится: лучше совсѣмъ не ѣздить, нежели ѣздить безъ пользы; а еще паче и ко вреду своего отечества".—Глазаса тирика не закрыты и на наши

[1]) Тамъ-же, годъ I, 158—162 и 181—186.

[2]) См. слѣд. №№ (кромѣ указанныхъ выше): VI, стр. 35 и 36; XXII, 133 и 142; XXV, 155; XXVII, 164 и 167; XXXV, 212; XXXVI, 218.—1770 г.: I, 228; 232.

[3]) Тамъ-же, годъ II, 255.

[4]) Тамъ-же, годъ I, стр. 38.

[5]) Тамъ-же, стр. 27.

[6]) Тамъ-же, годъ II, 272. См. о томъ-же: годъ I, стр. 56.

родные, національные недостатки. Среди деревенской жизни, за наружнымъ благочестіемъ, онъ видитъ такіе пороки, которые не изъ чужихъ земель пришли къ намъ. „Въ нашемъ уѣздѣ есть дворянинъ (говоритъ извѣстіе изъ Коширы) [1]): онъ имѣетъ за собою три тысячи душъ, получаетъ шесть тысячь рублей годоваго дохода, и живетъ такъ, какъ научилъ его покойный родитель... Домъ господской дѣдушка его построилъ было на время, но они такъ въ немъ обжились, что новаго и по сіе время не построили; ибо батюшка сего дворянина отягощенъ былъ дѣлами; а именно пилъ, ѣлъ и спалъ; а сынокъ къ строенію не имѣетъ охоты: но въ мѣсто того упражняется въ весьма полезныхъ дѣлахъ для пользы земныхъ обитателей: ибо онъ изыскиваетъ, можетъ ли боецъ гусь побѣдить на поединкѣ лебедя".—Помѣщикъ, живущій въ деревнѣ по старымъ обычаямъ, пишетъ къ племяннику въ городъ пространное письмо съ цѣлью спасти его отъ погибели и вернуть на путь добродѣтели: откуда взялись твои пороки? говоритъ онъ; „ты, подъ присмотромъ горячо любившаго тебя родителя, жилъ дома до двадцати лѣтъ, и учился не пустымъ нынѣшнимъ и неприносящимъ никакой прибыли наукамъ, но страху Божію; книгъ, совращающихъ отъ пути истиннаго, никакихъ ты не читывалъ; а читалъ житія святыхъ отецъ и библію". Теперь же ты совсѣмъ развратился: не хочешь вступать въ приказную службу, читаешь свѣтскія книги. „Отъ тѣхъ книгъ погибнешь ты не возвратно. Я самъ грѣшникъ, вѣдаю, что беззаконія моя превыдоша главу мою; знаю, что я преступникъ законовъ, что окрадывалъ Государя, раззорялъ ближняго, утѣснялъ сираго, вдовицу и всѣхъ бѣдныхъ, судилъ на мздѣ; и короче сказать, грѣшилъ, и по слабости человѣческой еще и нынѣ грѣшу почти противу всѣхъ заповѣдей, данныхъ намъ черезъ пророка Моисея, и противу гражданскихъ законовъ: но не погасилъ любве къ Богу, исповѣдываю бо Его предъ всѣми Творцемъ всея вселенныя... посты среды и пятки всѣ сохраняю, не только самъ, но и домочадцевъ своихъ къ тому принуждаю..." Вы говорите, что „за взятки надлежитъ наказывать, надлежитъ исправлять слабости". „Знаете ли вы, что такія слова ничто иное, какъ первородный грѣхъ, *гордость*?" А гордыми дѣлаютъ васъ книги. „Къ чему потребно тебѣ богопротивное умствованіе, какъ и изъ чего созданъ міръ? Вѣдаешь ли ты, что судьбы Божія неиспытанны, и какъ познавать вамъ небесное, когда не понимаете и земнова? Помни только то, что земля еси, и въ землю отъидеши. На что тебѣ учитися реченіямъ иностраннымъ; языкъ намъ данъ для прославленія величія Божія, такъ и на при-

[1]) Тамъ-же, годъ I, 99.

родномъ нашемъ можемъ мы его прославляти: но вы учитесь онымъ для того, чтобы читать ихъ книги, наполненныя расколами противу закона: они васъ прельщаютъ, вы ихъ читаете съ жадностью... вы еще тѣмъ недовольны, что на тѣхъ языкахъ ихъ читаете; но чтобы совратить съ пути истиннаго и незнающихъ чужеземныхъ изреченій: вы такія книги переводите и печатаете“ [1]).— Изъ этого видно, что Трутень не только восхищался простотою и дѣятельностью деревенской жизни,—онъ видѣлъ и грубые недостатки старосвѣтскихъ людей, живущихъ какъ жили предки; онъ видѣлъ ихъ праздную, грубую, почти животную жизнь, прикрываемую ханжествомъ, невѣжество и отвращеніе отъ мысли, грубый эгоизмъ и произволъ, дозволяющіе тѣснить и грабить ближняго [2]).—Въ связи съ этимъ стоятъ въ Трутнѣ обличенія неправосудія и взяточничества судей. Въ многочисленныхъ статьяхъ и замѣткахъ о кривизнѣ судейской совѣсти Трутень нигдѣ не предполагаетъ, чтобы эта язва нашей жизни явилась къ намъ изъ чужихъ земель, какъ слѣдствіе нашего слѣпаго преклоненія предъ Западомъ. Онъ, напротивъ, скорѣй склоненъ думать, какъ это видно изъ сейчасъ приведенной мною выписки, что неправду нашего суда мы наслѣдовали отъ предковъ. Я не буду приводить выписокъ изъ статей, обличающихъ эту неправду,—желающіе могутъ прочесть все это въ самомъ Трутнѣ [3]) или въ книгѣ Аѳанасьева; замѣчу только, что обличенія Трутня чрезвычайно остроумны и порой даже художественны [4]).

За статьи о судьяхъ на Новиковѣ тяготѣетъ обвиненіе, что сатира его лишена самостоятельности, а потому и живой силы, что его Трутень, вмѣстѣ съ другими сатирическими листками, обличалъ заднимъ числомъ, обличалъ то, что̀ уже, по его мнѣнію, отживало, убитое правительственными распоряженіями. Дѣйствительно, въ Трутнѣ встрѣчаются судьи, жалующіеся на то, что теперь нельзя такъ брать взятки, какъ прежде; встрѣчаются и судьи, отрѣшенные за взятки отъ долж-

[1]) Тамъ-же, 91—96.

[2]) См. о томъ-же, слѣд. №№ 1769 г.: XVIII, стр. 110 (изъ Москвы); XXIX, 117; XXXI, 191.

[3]) Въ слѣд. №№ 1769 г.: I, стр. 8; II, 13; III, 16; VI, 40; VII, 42; IX, 55 и 57; XIII, 79; XV, 91; XVI. 101 и 102; XVIII, 113; XXI, 132; XXIII, 142; XXV, 151; XXVI, 157; XXX, 172; XXXIII, 200 и 201; XXXIV, 206; XXXV, 214.— 1770 г.: I, 228 и 229; VII, 261; VIII, 270 — 271; XI, 287; XII, 294 и 295; XIII, 299; XIV, 305; XVII, 325.

[4]) Напр. 1769 г. № 1, стр. 55: Судья *Забылъ-честь* „подчиненнымъ своимъ ничего не приказываетъ, не сказавъ *во святой часъ*, и не прочитавъ молитву *пресвятой Троицѣ*... дѣла подписываетъ перекрестясь, говоря: *честной де крестъ на враги побѣда*, не смотря, что тѣ его враги бываютъ иногда законы, истина, правосудіе, честь и добродѣтель“.

ностей; есть тамъ нѣсколько идеальныхъ прокуроровъ [1]). Но во 1-хъ, далеко не во всѣхъ обличеніяхъ высказываются подобныя мысли: въ большинствѣ статей говорится, что взятки берутся по-прежнему. А во 2-хъ, Новиковъ могъ вѣрить въ возможность улучшенія правосудія: Трутень выходилъ въ первые годы царствованія Екатерины; императрица явно выражала желаніе преобразовать государство; собрана была знаменитая Коммиссія, которая хотя и остановила свои работы въ 1769 году, но, какъ тогда казалось, лишь на время; Екатерина вовсе не хотѣла терпѣть лихоимство;—увлеченіе Новикова, какъ и всѣхъ почти его современниковъ, знаменитою Государыней было совершенно законно и весьма понятно. — Что же касается до самостоятельности воззрѣній Трутня, то, чтобы убѣдиться въ этой самостоятельности, стоитъ только прослѣдить его полемику со Всякой Всячиной. Изслѣдованія пок. Пекарскаго [2]) доказали, что имп. Екатерина не только участвовала своими статьями во Всякой Всячинѣ, но и была ея главнымъ редакторомъ. Взгляды же Всякой Всячины и Трутня на состояніе у насъ правосудія и на то, какъ должна къ этому относиться литтература, расходятся слишкомъ рѣзко. Всякая Всячина въ 52 статьѣ своей [3]) такъ говоритъ о какомъ-то г. А., отказываясь помѣстить у себя его письмо: „любовь его къ ближнему болѣе простирается на исправленіе, нежели на снисхожденіе и человѣколюбіе; а кто только видитъ пороки, не имѣвъ любви, тотъ не способенъ подавать наставленія другому... И такъ просимъ г. А. впредь подобными присылками не трудиться; нашъ полетъ по землѣ, а не на воздухѣ, еще же менѣе до небеси: сверьхъ того мы не любимъ меланхолическихъ писемъ“. Слѣдующая статья Всякой Всячины [4]), осмѣивая человѣка, который „вездѣ видѣлъ пороки, гдѣ другіе... на силу приглядѣть могли слабости“, сравниваетъ этого человѣка по злости съ Калигулой, и говоритъ, что „всѣ разумные люди признавать должны, что одинъ Богъ только совершенъ; люди же смертные безъ слабостей никогда не были, не суть и не будутъ“. И потому надо поставить себѣ слѣдующія правила: „1) Никогда не называть слабости порокомъ. 2) Хранить во всѣхъ случаяхъ человѣколюбіе. 3) Не думать, чтобъ людей совершенныхъ найти можно было, и для того 4) Просить Бога, чтобъ намъ далъ духъ кротости и снисхожденія“. — Въ отвѣтъ на эти статьи въ

[1]) Трутень. 1769 г., № II, стр. 14; IX, 57; XVIII, 113; XXX, 172; 1770: I, 228; VII, 263; XVII, 325.

[2]) Матеріялы для исторіи журн. и литерат. дѣятельности Ек. II, Пекарскаго. Прилож. къ III т. Зап. Ак. Наукъ, Спб. 1863 г.

[3]) Всякая Всячина, 1769 г., стр. 139—140.

[4]) Тамъ же, стр. 140—143.

Трутнѣ появилось письмо Правдулюбова [1]), рѣзко и благородно опровергающее мысли Всякой Всячины: „Я самъ того мнѣнія, говоритъ Правдулюбовъ, что слабости человѣческія сожалѣнія достойны; однакожь не похвалъ, и никогда того не подумаю, чтобъ на сей разъ не покривила своею мыслію и душою Госпожа ваша прабабка, давъ знать. что похвальнѣе снисходить порокамъ, нежели исправлять оныя. Многіе слабой совѣсти люди никогда не упоминаютъ имя порока, не прибавивъ къ оному человѣколюбія. Они говорятъ, что слабости человѣкамъ обыкновенны, и что должно оныя прикрывать человѣколюбіемъ; слѣдовательно они порокамъ сшили изъ человѣколюбія кафтанъ; но такихъ людей человѣколюбіе приличнѣе назвать пороколюбіемъ. По моему мнѣнію, больше человѣколюбивъ тотъ, кто исправляетъ пороки. нежели тотъ, который онымъ снисходитъ или (сказать по Руски) потакаетъ; и ежели смѣли написать, что учитель, любви къ слабостямъ неимѣющій, оныхъ исправить не можетъ, то и я съ лучшимъ основаніемъ сказать могу, что любовь къ порокамъ имѣющій никогда неисправится“. И что такое слабость? продолжаетъ авторъ письма: часто слабостью называютъ самые возмутительные пороки. Въ концѣ своей статьи Правдулюбовъ сводитъ споръ изъ отвлеченной области на реальную почву: вы не послѣдовали, обращается онъ къ Издателю Трутня, правилу Всякой Всячины — что писатель долженъ стараться всѣмъ угождать, — вы „криводушнымъ приказнымъ и не къ стати умствующему Прокурору, не великое здѣлали угожденіе“.—Всякая Всячина тоже заговорила о приказныхъ: она напечатала [2]) письмо *Занапрасно ободраннаго*, гдѣ выражается желаніе, перевести, всѣхъ приказныхъ. „Подъячихъ не можно и не должно перевести (отвѣчаетъ журналъ на это письмо)... Они менѣе другихъ изключены изъ пословицы, которая говоритъ, что нѣтъ рода безъ урода, для того, что они болѣе многихъ подвержены изкушенію. Подлежитъ еще и то вопросу: если бы менѣе было около нихъ изкушателей, не умалилася ли бы тогда и на нихъ жалоба“. А избавиться отъ ихъ притѣсненій очень просто: „не обижайте ни кого; кто же васъ обижаетъ, съ тѣмъ полюбовно миритеся безъ подъячихъ; сдерживайте слово и избѣгайте всякаго рода хлопотъ“. На письмо Правдулюбова Всячина отвѣчаетъ въ 66 статьѣ [3]) (заявивъ предварительно, что на „ругательства“ Трутня отвѣчать не хочетъ) слѣдующее: „Г. Правдулюбовъ не догадался, что изключая снисхожденіе онъ изтребляетъ милосердіе. Но добросердечіе его не понимаетъ, чтобы гдѣ нинаесть быть могло снисхожденіе; а

[1]) Трутень, 1769 г., стр. 29—31.
[2]) Всякая Всячина, стр. 159—160.
[3]) Тамъ-же, стр. 174—175.

можетъ статься что и умъ его не достизаетъ до подобнаго нравоученія. Думать надобно, что ему бы хотѣлось за все да про все кнутомъ сѣчь“. Затѣмъ Правдулюбову дается совѣтъ „лѣчиться“ отъ „черныхъ паровъ и желчи“, а про его „меланхолію“ говорится, что она нужна бы въ трагедіи, а въ сатирѣ долженъ быть смѣхъ, веселье.— На все это Правдулюбовъ отвѣтилъ [1]) замѣчаніемъ, что противница его менѣе виновата, нежели онъ думалъ: „вся ея вина состоитъ въ томъ, что на Рускомъ языкѣ изъясняться не умѣетъ, и Рускихъ писаній обстоятельно разумѣть не можетъ“. „Въ пятомъ листѣ Трутня, поясняетъ онъ, ничего не писано, какъ думаетъ г-жа Всякая Всячина, ни противу милосердія, ни противу снисхожденія... Ежели я написалъ, что больше человѣколюбивъ тотъ, кто исправляетъ пороки, нежели тотъ, кто онымъ потакаетъ, то не знаю, какъ такимъ изъясненіемъ я могъ тронуть милосердіе?“ Что же касается до ругательствъ, то „ругательство есть брань гнусными словами выраженная; но въ моемъ прежнемъ письмѣ, которое заскребло по сердцу сей пожилой дамы, нѣтъ ни кнутовъ, ни висѣлицъ, ни прочихъ слуху противныхъ рѣчей, которыя въ изданіи ея находятся“.— Прямаго отвѣта на объясненіе Правдулюбова мы не находимъ во Всякой Всячинѣ; но въ 81 статьѣ ея [2]) напечатанъ отрывокъ „изъ писма къ г. сочинителю Трутня отъ Тихона Добросовѣтова“. Здѣсь говорится, что „добросердечный сочинитель, во всѣхъ намѣреніяхъ, поступкахъ и дѣлахъ котораго блистаетъ красота души добродѣтельнаго и непорочнаго человѣка, изъ рѣдка касается къ порокамъ, чтобы тѣмъ подъ примѣромъ какимъ не оскорбити человѣчества; но располагая свои другимъ наставленія, поставляетъ примѣръ въ лицѣ человѣка украшеннаго различными совершенствами, т. е. добронравіемъ и справедливостью... присовокупляетъ къ тому пользы изъ того проистекающія, и сладкое сіе удовольствіе, какое чувствуетъ хранящій добродѣтель... Вотъ славный способъ исправляти слабости человѣческія!“ А „изо всего составляти поношеніе“, „бранити всѣхъ“ — есть „предмѣтъ злонравнаго человѣка“.—Хотя Издателя Трутня и называютъ въ этомъ письмѣ дурнымъ человѣкомъ, но все-таки эта статья Всякой Всячины не такъ заносчива, какъ прежнія, и выказываетъ нѣкоторую уступчивость, особенно если вспомнимъ рѣзкость словъ Правдулюбова.— Еще болѣе уступчивости и вмѣстѣ съ тѣмъ литературнаго такта выказалъ Трутень: онъ напечаталъ [3]) письмо Милосерда съ такого рода мыслями: „Скажите,

[1]) Трутень, 1769 г., 47—49.
[2]) Всякая Всячина, 213—215.
[3]) Трутень, 1769 г., 125—127.

за что вы всѣ, господа издатели журналовъ, бранитеся? развѣ не можно писать, не дѣлая вамъ безполезныхъ и намъ непріятныхъ браней: или задумали вы спорить о первенствѣ? такъ пожалуйте сіе оставьте на наше рѣшеніе; мы знаемъ, кто пишетъ хорошо и кто худо: вѣдаемъ кого хвалить и кого хулить надлежитъ... Вы всѣ разныя имѣете способности: пусть одинъ изъ васъ проповѣдываетъ добродѣтель, и пишетъ наставленія; а другой пусть осмѣиваетъ пороки, и писавъ сатирическія сочиненіи исправляетъ нравы; третей пускай разсказываетъ сказки, и тѣмъ забавляетъ малосмысленныхъ людей... Вотъ вамъ мирныя договоры, согласитесь ихъ подписать и исполнять: исполняя сіе вы всѣ будите полезны и намъ милы".

На этомъ и покончилась прямая полемика двухъ журналовъ; противники остались, повидимому, при своихъ мнѣніяхъ, изрѣдка дѣлая легкія выходки другъ противъ друга. Въ нѣсколькихъ статьяхъ своихъ Трутень проводитъ ту мысль, что сатира не должна обличать пороки въ общихъ чертахъ, не указывая на опредѣленныя личности, она должна быть сатирой „на лице", если не хочетъ быть безплодной [1]). Всякая Всячина, напротивъ, заявляла, что „всякое задѣваніе особъ, что по чужестранному персоналитетъ называется, показываетъ невѣжливость, глупость и злость того, который пишетъ" [2]). Еще раньше этого заявленія она помѣстила у себя серьезную статью, въ которой развивала свою прежнюю мысль о причинахъ неправосудія у насъ. „Гдѣ же болячка, на которую жалуются? (спрашиваетъ она [3]). Въ законахъ ли? Въ судьяхъ ли? Въ насъ ли самихъ?" Законы у насъ запутаны, какъ и въ Европѣ; „но предъ ней имѣемъ мы выгоду ту, что Ея Величествомъ созвана вся нація для составленія новаго проекта узаконеній". Судьи у насъ „безъ великаго знанія"; но въ Европѣ покупаютъ судейскія мѣста за деньги. Жалобы на неправосудіе судей, дѣйствительно, отчасти справедливы; но главнымъ образомъ неправосудіе заключается въ насъ самихъ: неправая сторона всегда жалуется на неправосудіе суда; а чтобы часто была осуждена справедливая сторона,—„тому вѣрить не можно", ибо во 1-хъ, дѣло проходитъ „сквозь строгое разсмотрѣніе трехъ апелляцій", во 2-хъ, совершается въ присутствіи тяжущихся,—судьи побоятся оставить „на бумагѣ писанныя свидѣтельства своего плутовства, за которое подобные имъ получили возмездіе". Приведя такія мысли, Всячина сознается однако, что „сіе доказательство слабо. Но долгъ нашъ, замѣчаетъ она, какъ Христіанъ и какъ согражданъ, велитъ имѣти повѣренность и почте-

[1]) Тамъ-же, 151, 175.
[2]) Всякая Всячина, стр. 292.
[3]) Тамъ-же, 276—280.

ніе къ установленнымъ для нашего блага правительствамъ, и не поносить ихъ такими поступками и несправедливыми жалобами, коихъ право я еще не видалъ, чтобъ съ умысла случались". „Нѣкоторые дурные шмели на сихъ дняхъ нажужжали мнѣ уши своими разговорами о мнимомъ неправосудіи судебныхъ мѣстъ". Изъ всего этого статья выводитъ заключеніе: больше всего неправосудія въ насъ самихъ. „Любезные сограждане! перестанемъ быти злыми, не будемъ имѣти причины жаловаться на неправосудіе". Все это письмо Патрикія Правдомыслова носитъ на себѣ характеръ не только серьезной статьи, но какого-то чуть не административнаго распоряженія. Всякая Всячина продолжала держаться и той своей мысли, что писателю лучше рисовать примѣры добродѣтели, чѣмъ дѣйствовать на общество сатирой: „безпрестанные выговоры и брани со временемъ бываютъ привыкшему къ нимъ неощутительны. Страшныя угрозы и побои... не имѣютъ столько силы, чтобъ вести къ добру, но подаютъ только поводъ скрывати зло: да они же теперь почти вездѣ уже и выведены изъ обыкновенія, кромѣ что въ семинаріяхъ, да въ госпиталяхъ, и то не знаю, на долго ли, остался. Степенныхъ же поученій не много видно, не много и слышно; не худо бы кажется было, если бы и сихъ поумножилось побольше" [1]). Въ 148 статьѣ своей [2]) Всякая Всячина рисуетъ, должно быть, образъ Издателя Трутня, какимъ онъ ей представлялся: „Человѣкъ, который для показанія остроты не жалѣетъ матери, жены, сестеръ, братьевъ, друзей, каковъ бы уменъ ни былъ, достоинъ уничиженія честныхъ людей; ибо онъ нарушаетъ добронравіе и всѣ должности": сочиненія его „мѣстами будутъ слабы, а мѣстами съ огнемъ. Отгадать же легко можно, что слабыя мѣста будутъ всѣ тѣ, гдѣ добросердечіе и добродѣтели должны блистать; а наполненныя жаромъ будутъ тѣ, гдѣ острота со злостію мѣсто имѣть могутъ. Сверьхъ того такое нещастное сложеніе, наполненное злостію и злословіемъ, при свободности языка, и съ острыми выраженіями, вредъ великій нанести можетъ молодымъ людямъ". Статья оканчивается совѣтами изображенному писателю—заняться серьезно науками.— Въ ноябрскихъ листахъ Трутня [3]) есть подобная же выходка, должно быть, противъ Всякой Всячины: нѣкто, г. Спорщикъ, боленъ — „онъ отъ природы весьма слабаго сложенія, но повреждаетъ свое здоровье еще больше безпрестаннымъ смѣхомъ и спорами". Для унятія безпрестаннаго смѣха Трутень прописываетъ больному давать, сколько

[1]) Всякая Всячина, стр. 289.
[2]) Тамъ-же, стр. 402.
[3]) Трутень, 1769 г., 187.

возможно чаще, „нюхать спиртъ, дѣлаемой *изъ благоразумія и здраваго разсужденія*“; „для утоленія же охоты ко спорамъ—давать ему въ холодномъ чаю по 30 горькихъ капель въ день. Капли сіи именуются *истинное о вещахъ понятіе*“.

Я съ умысломъ изложилъ подробно полемику Трутня со Всякой Всячиной; эта полемика—не простой журнальный споръ: это — борьба двухъ серьезныхъ убѣжденій. Въ этой полемикѣ встрѣтились и поняли другъ друга представители двухъ направленій русской мысли екатерининскихъ временъ; эта полемика объясняетъ намъ ихъ дальнѣйшія отношенія другъ къ другу.—Новиковъ въ этомъ спорѣ былъ, конечно, болѣе правъ, чѣмъ Всякая Всячина: онъ былъ правъ, благородно отстаивая высокую мысль, что терпимость къ пороку есть дѣло нехорошее, и что эта терпимость вовсе не то-же самое, что милосердіе; онъ былъ также правъ, говоря, что писателю должно быть предоставлено право дѣйствовать на нравы общества тѣмъ путемъ, какимъ онъ хочетъ,—путемъ ли сатиры на пороки, или путемъ представленія образцовъ нравственныхъ доблестей. Наконецъ, отчасти правъ былъ Новиковъ даже утверждая, что сатира должна быть сатирой „на лице“. „Меня никто не увѣритъ въ томъ, говоритъ Трутень [1]), чтобы Моліэровъ Гарпагонъ писанъ былъ на общій порокъ“,—и дѣйствительно, мы теперь очень хорошо знаемъ, что не только сатирикъ, но и вообще поэтъ для своихъ созданій нуждается, подобно живописцу, въ натурщикахъ; только Трутень ошибся, думая, что натурщикъ есть оригиналъ, а художественное произведеніе — копія, — онъ отнялъ такимъ образомъ у художественныхъ созданій ихъ типическое значеніе; причемъ слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что такъ дѣйствовалъ Трутень только въ теоріи, на-дѣлѣ его кокетки, судьи, помѣщики — часто живыя, типическія лица. — Оружіе, которымъ боролся Новиковъ, было такъ-же благородно, какъ и то, за что онъ поднималъ его; это оружіе—ясная и строго-логическая мысль.—Всякая Всячина отстаивала въ полемикѣ ту идею, что свѣтъ вовсе не такъ худъ, какъ онъ представляется инымъ людямъ, что вовсе нѣтъ нужды его передѣлывать, что со слабостями, которыя мы видимъ въ людяхъ, легко примириться, ибо совершеннымъ никто быть не можетъ; оттого нѣтъ нужды предаваться „меланхоліи“ и негодованію; добрый человѣкъ долженъ въ жизни веселиться и быть ко всему снисходительнымъ. Эта мысль журнала есть матерьялистическая мысль волтерьянства, — она проведена, напр., самимъ Вольтеромъ въ его повѣсти „Свѣтъ какъ онъ есть“. Всякая Всячина совершенно справедливо

[1]) Тамъ-же, 152.

сказала про себя: нашъ полетъ по землѣ, а не на воздухѣ, *еще же менѣе до небеси*“ [1]). И оружіемъ для борьбы послужило Всякой Всячинѣ тоже оружіе волтерьянства,—софизмъ. Положенія, которыми она отстаиваетъ свою идею,— чисто софистическія; таковы, напр., мысли: что приказные не были бы мздоимцами, если бы ихъ не соблазняли взятками сами истцы; что обличать взяточничество—значитъ не имѣть „повѣренности и почтенія къ установленнымъ правительствамъ“; что снисхожденіе къ слабостямъ или порокамъ есть то-же самое, что милосердіе; что относящійся къ порокамъ съ негодованіемъ и казнящій ихъ смѣхомъ есть человѣкъ злой души. — Послѣ всего сказаннаго чрезвычайно странной представляется намъ мысль, утверждающая, что Новиковъ какъ сатирикъ не отличался самостоятельностью воззрѣній и обличеній. Кажется, съ полной достовѣрностью можемъ мы утверждать, что Новикову было извѣстно, кто стоялъ во главѣ изданія Всякой Всячины; такъ думалъ акад. Пекарскій: онъ указалъ, что Новиковъ въ своемъ Словарѣ, называя поименно издателей всѣхъ сатирическихъ листковъ, про одну только Всякую Всячину отозвался уклончиво, что сочиненіе ея *нѣкоторые приписываютъ* Козицкому [2]). Къ этому соображенію можно прибавить еще слѣдующія: Всякая Всячина, какъ увидимъ далѣе, посылала письма къ издателю Трутня, т. е. значитъ знала его; по всей вѣроятности и Новиковъ также зналъ своихъ литературныхъ противниковъ; это тѣмъ болѣе вѣроятно, что издатели Всякой Всячины были извѣстны издателю журнала Кое-Что: въ 63 статьѣ Всячины [3]) упоминается о присылкѣ ей отъ этого издателя письма съ какимъ-то приложеніемъ. Наконецъ издатели Всячины, какой бы таинственностью они ни прикрывались, едва ли могли быть неизвѣстны Новикову, какъ ревностному собирателю матерьяловъ для своего Словаря: отъ современниковъ труднѣе скрыться, чѣмъ отъ потомства [4]).

Но если Новиковъ зналъ, что главный редакторъ Всякой Всячины — императрица, то какъ примирить въ такомъ случаѣ противорѣ-

[1]) Всякая Всячина, стр. 140.

[2]) Матер. для ист. журн. и лит. дѣятельности Ек. II, Пекарскаго. Прил. къ III т. Зап. Ак. Н., 1863 г.

[3]) Всякая Всячина, стр. 168.

[4]) Что Трутню было извѣстно участіе имп-цы во Всячинѣ, видно, быть можетъ, и изъ слѣдующихъ словъ письма Правдулюбова (Трут. 1769 г., стр. 48): „Госпожа Всякая Всячина написала, что пятый листъ Трутня уничтожаетъ..... уничтожить, т. е. въ ничто превратить, есть слово самовластію свойственное; а такимъ бездѣлицамъ, какъ ея листки, никакая власть не прилична; уничтожаетъ верьхняя власть какое нибудь право другимъ. Но съ госпожи Всякой Всячины довольно бы было написать, что презираетъ, а не уничтожаетъ мою критику“.

чивые факты: съ одной стороны рѣзкую полемику Трутня со Всякой Всячиной, съ другой — слова его, что теперь брать взятки стало не такъ легко, какъ прежде, что явились идеальные прокуроры и т. д.? Если даже допустить, что Новикову было неизвѣстно, что полемическія статьи противъ него пишетъ сама государыня [1]), то во всякомъ случаѣ онъ долженъ же былъ понимать, что Всякая Всячина проводитъ взгляды угодные ей.—Дѣло въ томъ, что противорѣчіе здѣсь только кажущееся. Въ полемикѣ съ Трутнемъ императрица высказывала отвлеченную теорію, которой она увлечена была подъ вліяніемъ идей Вольтера; но она была далека еще въ это время отъ осуществленія подобныхъ идей на практикѣ: еще не закрыта была знаменитая Коммиссія, и императрица, противорѣча себѣ, указывала на нее, въ одной изъ полемическихъ статей, какъ на средство къ поправленію правосудія; личный характеръ Екатерины высоко цѣнился всѣми, и Новиковъ былъ одинъ изъ наиболѣе увлеченныхъ личностью молодой государыни; наконецъ, сама Всякая Всячина далеко не строго придерживалась въ своихъ статьяхъ идей, проводимыхъ ею въ полемикѣ: мы встрѣчаемъ въ ней, впродолженіи этой борьбы ея съ Трутнемъ и послѣ, довольно сильныя обличенія взяточничества [2]). Все это, конечно, Новиковъ очень хорошо видѣлъ,—и онъ рѣшился вступить въ литературный споръ съ императрицей, надѣясь разбить въ ея собственномъ сознаніи отвлеченную теорію, навѣянную ей ученіями энциклопедистовъ; онъ, по всей вѣроятности, думалъ, что правда его словъ будетъ поддержана въ глазахъ императрицы благородствомъ ея личнаго характера, возвышенными стремленіями ея чувства и ума. Этимъ объясняется и рѣзкая смѣлость полемики.—Послѣдствія тотчасъ показали, что Новиковъ, можетъ быть, не ошибся: на самую рѣзкую статью Трутня, гдѣ Всякая Всячина обвинялась въ непониманіи русской рѣчи и неумѣніи изъясняться по-русски, или, лучше сказать, въ неумѣніи логически мыслить, императрица отвѣтила уступкой: оставивъ враждебный тонъ, бросивши споръ, она заявила свою мысль, что лучше рисовать примѣры доблестей, чѣмъ дѣйствовать на нравы сатирой; смѣяться постоянно надъ недостатками можетъ только злой человѣкъ. Новикова признала она, такимъ образомъ, человѣкомъ дурнымъ; но видно, что мысль его на нее подѣйствовала. До конца изданія Трутня Екатерина оставалась при томъ мнѣніи, что издатель его—человѣкъ съ злымъ сердцемъ, что онъ своими статьями можетъ

[1]) Нѣкоторыя изъ этихъ статей подписаны Патрикіемъ Правдомысловымъ; а изъ ст. Пекарскаго „Матер. для ист. журн. дѣят. Ек. II“ видно, что это псевдонимъ Екатерины.

[2]) Всякая Всячина, стр. 306, 376, 395.

быть даже вреденъ молодымъ людимъ, она даже остановила изданіе Трутня, какъ сейчасъ увидимъ. Но мысль Новикова не переставала дѣйствовать въ ея умѣ: уже во Всякой Всячинѣ она признала своего литературнаго противника остроумнымъ писателемъ и умнымъ человѣкомъ [1]); а черезъ нѣсколько времени она стала сообщать ему историческія рукописи для его изданій, и, наконецъ, письменно обѣщала свое сотрудничество въ его новомъ сатирическомъ журналѣ — Живописцѣ, — ясно, что мнѣніе ея о нравственныхъ свойствахъ Новикова измѣнилось, готовъ былъ измѣниться и ея взглядъ на сатиру и, быть можетъ, вообще ея міросозерцаніе. Только такимъ образомъ можно объяснить—какъ это случилось, что черезъ полтора года по запрещеніи Трутня явилась возможность издавать Живописецъ.

Но если мысль Новикова такъ подѣйствовала на императрицу, то въ свою очередь и ея мысль повліяла, быть можетъ, на молодаго издателя Трутня,—я разумѣю мысль о дѣйствіи на нравы изображеніемъ добрыхъ примѣровъ. Вскорѣ послѣ Трутня Новиковъ начинаетъ издавать памятники русской исторіи съ цѣлью показать своимъ современникамъ образцы хорошей жизни, доблестныхъ дѣлъ и характеровъ нашихъ предковъ. А черезъ нѣсколько времени онъ даже отрекается, какъ увидимъ, отъ сатиры.

Все вышесказанное совершенно убѣждаетъ насъ въ самостоятельности воззрѣній Новикова. О томъ же свидѣтельствуютъ и другіе факты. Такъ, напр., въ Трутнѣ встрѣчается довольно часто сатира на придворныхъ, на вельможъ [2]). Это не могло нравиться императрицѣ. Во взглядѣ на знатныхъ людей Новиковъ сильно расходился со Всякой Всячиной. На вопросъ: „По чему узнать можно придворнаго человѣка?“ послѣдній журналъ отвѣчаетъ: „потому, если онъ вѣжливѣе другаго“ [3]). Трутень иначе опредѣляетъ придворнаго, а именно: „одѣвается по модѣ, низко кланяется, говоритъ ласково и учтиво; часто улыбается, всѣмъ обѣщаетъ, рѣдкому исполняетъ, въ глаза всякаго хвалитъ, а за глаза бранитъ; проживаетъ больше, нежели получаетъ, и всему на свѣтѣ завидуетъ“ [4]). Слова Фонъ-Визина о вельможахъ въ „Недорослѣ“ могли быть благосклонно приняты Екатериной, ибо въ то время она во многомъ разочаровалась, въ томъ числѣ и въ своихъ приближенныхъ; не то было въ 1769 году. Знатные люди на-

[1]) Всякая Всячина, стр. 402.

[2]) Трутень, 1769 г.: №№ I, стр. 8; IV, 23, 28; VIII, 50; XVII, 104 и 105; XX, 124; XXIII, 139; XXIV, 146; XXVIII, 170; XXXII, 193; XXXV, 211.—1770 г.: I, 228, 230; II, 231, 232; III, 238, 241; VIII, 267 и 268.

[3]) Всякая Всячина, стр. 254.

[4]) Трутень, 1770 г., стр. 241.

дѣялись на защиту императрицы: уже въ 8 № Трутня напечатано письмо Чистосердова, извѣщающее издателя объ этомъ; въ письмѣ говорится про одного знатнаго „господчика“, что онъ выражалъ такого рода мысли: „не въ свои де етотъ Авторъ садится сани... Такая де смѣлость ничто иное есть какъ дерзновеніе. Полно де ево недавно отпряла Всякая Всячина очень хорошо: да ето еще ничево, въ старыя времена послали бы де ево потрудиться для пользы государственной описывать нравы какова нинаесть царства Рускаго владѣнія“ [1]).—Только слѣдуетъ замѣтить, что надежды подобныхъ „господчиковъ“ не оправдались; и очень ошибется тотъ, кто подумаетъ, что императрица въ то время раздѣляла взгляды этихъ господчиковъ. Въ полемикѣ Всякой Всячины съ Трутнемъ не зашло и рѣчи о придворныхъ и знатныхъ людяхъ, и Новиковъ продолжалъ обличать ихъ послѣ предостереженія Чистосердова такъ-же, какъ и прежде, даже еще съ большей рѣзкостью и безъ оговорокъ. И едва ли эти обличенія особенно повліяли на прекращеніе Трутня. Другое дѣло статьи о помѣщикахъ и крестьянахъ.

Обѣ идеи, положенныя Новиковымъ въ основу его журнала, вовсе не были идеями правительства. Императрица совершенно не сочувствовала взгляду Трутня на нашихъ предковъ. Что-же касается до идеи освобожденія крестьянъ, то она согласна была съ нею въ принципѣ, но осуществить ее считала дѣломъ преждевременнымъ и не возможнымъ; Трутень, какъ мы видѣли, думалъ иначе. Вслѣдствіе этого онъ долженъ былъ, какъ указано мною выше, проводить мысль о крестьянской свободѣ съ различными уловками и оговорками. Эта мысль наконецъ его и погубила. Трутень 1770 года значительно слабѣе Трутня 1769 года; но въ немъ есть еще статьи, и довольно сильныя, довольно рѣзкія, не только о нашей подражательности Западу, но и о придворныхъ, о знатныхъ „боярахъ“, о взяточничествѣ и неправосудіи; въ немъ нѣтъ только статей о крестьянскомъ вопросѣ, о крѣпостномъ правѣ [2]),—очевидно, эти-то статьи и были самыми вредными и опасными.—Императрица, надо думать, сама остановила изданіе журнала. Въ 15-мъ листѣ его напечатано [3]) письмо къ Издателю, извѣщающее о скрываемой еще кончинѣ Всякой Всячины и обѣщающее прислать къ нему похвальное слово о покойницѣ. По тону этого письма, по скрытымъ въ немъ намекамъ, и, наконецъ, по короткому, недосказанному и загадочному отвѣту Новикова на него видно, что

[1]) Трутень, 1769 г., стр. 50.

[2]) Если не считать двухъ замѣтокъ, высказанныхъ мимоходомъ въ №№ I, стр. 228 и II, 232.

[3]) Трутень 1770 г., стр. 312—313.

письмо прислано изъ Всякой Всячины и Новиковъ зналъ, что оно идетъ отъ лицъ—власть имѣющихъ. Письмо подписано псевдонимомъ: „Съ превеликой печали... право позабылъ какъ меня зовутъ“. Въ 17 № Новиковъ объявляетъ [1]) о прекращеніи Трутня въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „письмо г. съ печали позабывшаго свое имя, и при немъ сообщенное на погребеніе Всякой Всячины похвальное слово..... напечатаны не будутъ, ради того, что Трутень съ превеликой печали..... и самъ умираетъ“. Въ упоминаемомъ Новиковымъ письмѣ вѣроятно были высказаны такія вещи, послѣ которыхъ существованіе журнала оказалось невозможнымъ. — Ак. Пекарскій открылъ въ бумагахъ имп. Екатерины отрывокъ письма къ какому-то издателю, писанный ея собственною рукою; вотъ этотъ отрывокъ: „Господинъ издатель! Имѣлъ терпѣніе до сего дня, но скучно мнѣ становится отъ вашихъ листовъ. Я старъ и много на свѣтѣ видывалъ. Я чаю вы безъ бороды еще: по молодости и вздумали чаю, что весь свѣтъ перемѣнится, кой часъ еженедѣльно вы начнете писать, и для того выдумали тонкости, кои однако отъ насъ, стариковъ, право не скрылися — мы небось съ перваго листа узнали, куда цѣлите. Поздравленіе съ Новымъ годомъ было сдѣлано, дабы чѣмъ ни на есть начать; предисловіе ваше одна есть рѣзвость; привѣтствіе публикѣ была критика легкомысленныхъ, кои таскаются съ новизнами.....“ [2]). Пекарскій думаетъ, что это письмо писано ко Всякой Всячинѣ, и указываетъ, что въ 1 № этого журнала дѣйствительно напечатано поздравленіе съ Новымъ годомъ. Но мы не можемъ согласиться съ покойнымъ академикомъ: во-1-хъ, императрица говоритъ: „имѣлъ терпѣніе до сего дня“; а поздравленіе съ Новымъ годомъ напечатано въ первомъ номерѣ перваго года Всякой Всячины, — рѣчь о терпѣніи была бы преждевременна; во-2-хъ, тонъ письма — враждебный: императрица не могла такъ писать въ свой журналъ. Заключеніе наше не будетъ слишкомъ смѣлымъ, если мы скажемъ, что разсматриваемое письмо писано къ издателю Трутня. Это, очевидно, послѣднее слово полемики Всякой Всячины съ Новиковымъ. Съ этимъ согласно и содержаніе письма и всѣ его намеки: поздравленіе съ Новымъ годомъ напечатано въ первомъ № Трутня 1770 года; слова: „я чаю вы безъ бороды: по молодости и вздумали“ и т. д., совершенно подходятъ къ Новикову; выраженіе: „вздумали чаю, что весь свѣтъ перемѣнится, кой часъ еженедѣльно вы начнете писать“ напоминаетъ одно правило Всякой Всячины: „чтобъ никому не думать, что онъ одинъ весь свѣтъ можетъ исправить“, правило, высказанное послѣ изо-

[1]) Тамъ-же, стр. 324.

[2]) Мат. для ист. журн. и лит. дѣят. Ек. II, Пекарскаго.

браженія человѣка, который видитъ пороки тамъ, гдѣ другіе замѣчаютъ лишь слабости [1]),—а такимъ человѣкомъ, какъ извѣстно, Всячина считала Новикова; подъ упоминаемыми въ письмѣ „тонкостями“ разумѣются вѣроятно оговорки Новикова въ статьяхъ о крестьянахъ и увѣренія его, что онъ печатаетъ большею частью присылаемыя къ нему статьи; затѣмъ по тону письмо очень похоже на напечатанное въ 15 № Трутня письмо изъ Всякой Всячины, и наконецъ, содержаніе его дѣйствительно таково, что Новиковъ, если-бы получилъ его, долженъ былъ остановить свой журналъ. Вслѣдствіе этого, болѣе чѣмъ вѣроятно, что найденный Пекарскимъ отрывокъ есть то самое письмо, о которомъ говоритъ Новиковъ, объявляя о прекращеніи Трутня.

4.

Всякая Всячина ошибалась, обвиняя Трутень въ заносчивости и излишнемъ самолюбіи. Новиковъ былъ очень скромнаго мнѣнія о своемъ изданіи. Это изданіе встрѣтило въ обществѣ съ одной стороны ожесточенныя нападки, даже брань, съ другой стороны — восторженныя похвалы [2]), т. е. имѣло огромный успѣхъ [3]). Издатель, разумѣется, не раздѣлялъ мнѣнія бранившихъ его журналъ; но онъ не соглашался и съ неумѣренными похвалами. „Вы предпочитаете моего Трутня (писалъ онъ одной читательницѣ) такимъ славнымъ Сочинителямъ, у которыхъ *недостоинъ я отрѣшить ремень сапогъ ихъ;* и такъ отъ принятія сей похвалы прошу меня уволить“ [4]). Упоминаемые имъ сочинители были: Ѳеофанъ, Кантемиръ, Фенелонъ, Роллень и лѣтописцы. „Мое самолюбіе не такъ велико (говоритъ Новиковъ въ статьѣ, заключающей 1769 годъ Трутня) [5]), чтобы сими бездѣлками льстился заслужить безсмертную славу. Нѣтъ, я увѣренъ, что сіе оставлено къ чести нашего вѣка прославившимся въ Россіи писателямъ, г. Сумарокову и по немъ г. Ломоносову..... А Трутень и протчія подобныя же ему бездѣлки нынѣ есть и впредь останутся бездѣлкамижъ“. — Изъ этихъ скромныхъ отзывовъ Трутня о себѣ самомъ видно въ то-же время, съ какимъ уваженіемъ относился Новиковъ къ достойнымъ писателямъ, какъ цѣнилъ онъ заслуги на поприщѣ слова. Развитіе у насъ литературы, образованности, научныхъ знаній было ему дорого. И вотъ, послѣ Трутня онъ принимается за нелегкій трудъ собиранія свѣдѣній о нашихъ писателяхъ; и какъ результатъ этихъ занятій

[1]) Вс. Всяч., стр. 143.

[2]) Трутень 1769 г., листъ 36 (послѣдній).

[3]) Послѣ 10 перв. №№ Трутня потребовалось второе ихъ изданіе. См. Труг. 114 и Предисл. г. Ефремова.

[4]) Трут., годъ II, стр. 260.

[5]) Тамъ-же, годъ I, стр. 219.

является въ свѣтъ въ 1772 г. его „Опытъ историческаго словаря о Россійскихъ писателяхъ“ [1]). Въ этой книгѣ Новиковъ относится сочувственно ко всѣмъ дѣятелямъ нашей словесности, за очень немногими исключеніями. „Опытъ словаря“ важенъ какъ замѣчательное библіографическое сочиненіе и какъ выраженіе взглядовъ Новикова въ данный періодъ его дѣятельности; — проповѣдникъ идей, Новиковъ проводитъ ихъ и въ этомъ своемъ произведеніи.—Мы видѣли въ Трутнѣ, какъ высоко ставилъ онъ образованіе; мысль о важности и пользѣ образованія проходитъ, какъ основная мысль, сквозь все новое сочиненіе издателя Трутня. Говоря о писателяхъ, Новиковъ обыкновенно начинаетъ съ перечисленія ихъ знаній, называя извѣстныя имъ науки, языки и похваляя ихъ за ученость; затѣмъ уже онъ переходитъ къ перечисленію литературныхъ трудовъ. Съ патріотическою гордостью и благороднымъ удовольствіемъ говоритъ онъ въ Предисловіи къ Словарю, что, „погруженная прежде въ невѣжество“, Россія теперь „о преимуществѣ въ наукахъ споритъ съ народами, цѣлые вѣки ученіемъ прославлявшимися; науки и художества въ ней распространяются, а писатели наши прославляются“. Въ Словарѣ, какъ и въ Трутнѣ, Новиковъ выражаетъ ту мысль, что только образованіе возвышаетъ человѣка. „Онъ былъ изъ числа тѣхъ (говоритъ авторъ Словаря про писателя Степана Крашенинникова), кои не знатностію породы, ни благодѣяніями щастія возвышаются; но сами собою, своими качествами, своими трудами и заслугами прославляютъ свою породу, и вѣчнаго воспоминанія дѣлаютъ себя достойными“. Словарь хвалитъ писателя кн. Козловскаго потому, что онъ „по великой склонности ко словеснымъ наукамъ, ничего такъ не желалъ, какъ умножить то просвѣщеніе своего разума, которое пріобрѣлъ своими трудами“. Къ Вас. Кир. Тредьяковскому Новиковъ относится съ глубокимъ уваженіемъ, умалчивая объ его плохихъ поэтическихъ сочиненіяхъ, какъ бы прощая ему его бѣдное риѳмичество, ибо „сей мужъ былъ великаго разума, многаго ученія, обширнаго знанія и безпримѣрнаго трудолюбія..... При томъ не обинуясь къ его чести сказать можно, что онъ первый открылъ въ Россіи путь къ словеснымъ наукамъ; а паче къ стихотворству: при чемъ былъ первый Профессоръ, первый стихотворецъ, и первый положившій толико труда и прилѣжанія въ переводѣ на Россійскій языкъ преполезныхъ книгъ“. Кн. Мих. Мих. Щербатовъ, по мнѣнію Словаря,— „просвѣщенный и достойный великаго почтенія мужъ“, ибо онъ — „къ

[1]) „Опытъ историческаго словаря о Россійскихъ писателяхъ. Изъ разныхъ печатныхъ и рукописныхъ книгъ, сообщенныхъ извѣстій и словесныхъ преданій собралъ Николай Новиковъ. Въ Спб. 1772 г.“. См. „Матеріалы для исторіи рус. лит-ры. Изд. Ефремова. Спб. 1867 г.“.

чести своего имени и рода — знаменитый любитель и изыскатель древностей Россійскихъ и писатель исторіи своего отечества". Сочувствіе и уваженіе къ занятію русской исторіей выражаетъ Словарь еще, говоря о Бантышѣ-Каменскомъ, Миллерѣ, Никитѣ Ивановѣ. За покровительство наукѣ и литературѣ Словарь прославляетъ имп. Екатерину. Счастливо Государство, говорится въ Посвященіи книги Наслѣднику Престола, въ которомъ цари премудры, философы, насаждаютъ, распространяютъ и укореняютъ науки, покровительствуютъ занимающимся ими! Счастлива Россія, созерцая „въ особѣ премудрыя своея Государыни Великія Императрицы, истинныя Матери, и въ Вашемъ Императорскомъ Высочествѣ" всѣ сіи добродѣтели! „Нынѣ наступило (замѣчаетъ Предисловіе къ Словарю) то время, въ которое неусыпнымъ попеченіемъ премудрыя нашія Императрицы исправляются погрѣшности предковъ нашихъ" [1]).

Замѣчательно, что Словарь, упомянувъ о „погрѣшностяхъ" предковъ нашихъ, не говоритъ о ихъ доблестяхъ, подобно Трутню. Едва ли это можно объяснить случайностью, т. е. тѣмъ, что въ Словарѣ не представлялось повода говорить о нашихъ старинныхъ добрыхъ нравахъ: въ такомъ случаѣ Новиковъ могъ бы не упоминать и о „погрѣшностяхъ". Едва ли не находился Новиковъ въ это время подъ вліяніемъ идей императрицы, высказанныхъ ею въ полемикѣ съ Трутнемъ. Въ Словарѣ замѣтны слѣды этого вліянія. Такъ, напр., авторъ его съ сочувствіемъ, иногда съ глубокимъ уваженіемъ, говоритъ объ иностранныхъ писателяхъ. Конечно, это уваженіе видно и въ Трутнѣ,—національной исключительности въ Новиковѣ никогда не было; но въ Трутнѣ дѣло идетъ о писателяхъ вродѣ Фенелона, Словарь же отзывается почтительно не только о Плутархѣ, Анакреонѣ, Попе, Локкѣ, Шекспирѣ [2]), но и о Жанъ-Жакѣ-Руссо [3]), и еще болѣе—о Вольтерѣ, Дидро, Монтескье и Мармонтелѣ [4]). Какъ-то странно читать, что Новиковъ, говорившій, что мы, увлекшись Франціей, потеряли наши добрые нравы, называетъ Вольтера „славнымъ Европейскимъ писателемъ" и восхищеніе кн. Козловскаго Вольтеромъ объясняетъ „великой склонностью къ словеснымъ наукамъ" и желаніемъ „умножить просвѣщеніе". Нарышкинъ, говоритъ Словарь, „сочинилъ во вкусѣ Дидеротовомъ комедію Истинное дружество, которая много похваляется"; если, по словамъ Новикова, „много похваляется" подражаніе Дидро, то какъ

[1]) См. еще: Словарь. Щербатовъ, кн. М. Мих.

[2]) Словарь: Глѣбовъ; Нартовъ; Поповскій; Шуваловъ; Потемкинъ.

[3]) Тамъ-же: Потемкинъ.

[4]) Тамъ-же: Домашневъ; Дубровскій, Адр.; Ельчаниновъ; Козловскій, кн; Майковъ, Вас. Ив.; Мятлевъ, Алексѣй; Нартовъ; Нарышкинъ, Сем.

же, по его мнѣнію, должны похваляться оригинальныя пьесы этого автора!—Имп. Екатерина въ своей полемикѣ съ Трутнемъ старалась умалить значеніе сатиры, набросить тѣнь на этотъ видъ литературы. Замѣчательно, что сочинитель Словаря какъ-то холодно относится къ сатирическимъ произведеніямъ и ихъ авторамъ; а между тѣмъ Словарь вообще щедръ на похвалы. Очень можетъ быть, что здѣсь видно начало разочарованія Новикова въ сатирѣ. Холодные отзывы Словаря о Чулковѣ и Лукинѣ еще можно объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что этихъ писателей не долюбливалъ и осмѣивалъ Трутень [1]); но Словарь также равнодушенъ и къ сатирическимъ произведеніямъ Аблесимова, бывшаго сотрудника Трутня, и къ сатирамъ Кантемира. Новиковъ прославляетъ Кантемира за его нравственныя достоинства, понимаетъ значеніе и правду его произведеній („въ нихъ и духовныя особы по достоинству осмѣиваются" [2]); но къ самымъ сатирамъ его онъ холоденъ: „въ стихотворствѣ упражнялся онъ (говоритъ Словарь про Кантемира) хотя съ самыхъ молодыхъ лѣтъ до своей кончины, но почиталъ оное не инако, какъ забавою. Въ протчемъ стихи его были средняго Россійскаго стихотворства; но изъ всѣхъ того времени стиховъ были наилучшіе"; это — похвала, но похвала слишкомъ сомнительная, и первый нашъ сатирикъ безъ всякихъ сомнѣній имѣлъ всѣ права на лучшій отзывъ.—Въ самомъ Словарѣ сатиры нѣтъ, за исключеніемъ остраго и злаго отзыва о Петровѣ [3]) и тонкой насмѣшки надъ Лукинымъ [4]).—Наконецъ, вліяніе Всякой Всячины на Новикова, можетъ быть, выразилось и въ снисходительности взгляда на людскія „слабости", какъ выражалась Всячина. Такъ, напр., отзывъ Словаря объ извѣстномъ Барковѣ слишкомъ мягокъ: онъ писалъ, говорится тамъ, „множество цѣлыхъ и мелкихъ стихотвореній въ честь Вакха и Афродиты, къ чему веселый его нравъ и безпечность много способствовали. Всѣ сіи стихотворенія не напечатаны, но у многихъ хранятся рукописными". Конечно, Новиковъ исключилъ изъ своего отзыва похвалы фривольнымъ стихотвореніямъ Баркова, встрѣчающіяся въ замѣткахъ

[1]) Трутень: о Лукинѣ—стр. 18, 23, 65, 142 и 144; о Чулковѣ — 76, 89—90. (См. Примѣчанія г. Ефремова).

[2]) Словарь. Θеоф. Прокоповичь.

[3]) „Хотя нѣкоторые и называютъ уже его вторымъ Ломоносовымъ, но для сего сравненія надлежитъ ожидать важнаго какого-нибудь сочиненія, и послѣ того заключительно сказать, будетъ ли онъ второй Ломоносовъ или останется только Петровымъ".

[4]) „Она (ком. „Мотъ") принята была изрядно, но сочинитель сей комедіи весьма много одолженъ Актерамъ ее представлявшимъ, какъ о томъ самъ онъ въ предисловіи на сію комедію изъясняется".

Дмитревскаго (автора „Извѣстія о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ“, напечатаннаго въ одномъ Лейпцигскомъ журналѣ и побудившаго Новикова написать Словарь) [1],— но онъ исключилъ и замѣчаніе послѣдняго объ оскорбленіи ими чувства приличія; и вообще отзывъ Словаря объ этихъ стихотвореніяхъ слишкомъ снисходителенъ, особенно если принять въ разсчетъ благородную личность Новикова, горячаго проповѣдника чистоты нравовъ.—Снисходительность отзывовъ Словаря о произведеніяхъ всѣхъ писателей вообще можетъ быть тоже слѣдъ вліянія Всякой Всячины (Трутень не былъ такъ снисходителенъ [2]); хотя, впрочемъ, эта мягкость отзывовъ скорѣе объясняется желаніемъ Новикова высказать уваженіе свое къ литературнымъ занятіямъ, къ мысли, къ просвѣщенію: уваженіе къ просвѣщенію, какъ мы видѣли, есть основная идея Словаря.

Указывая на нѣкоторое какъ-бы подчиненіе Новикова идеямъ Всякой Всячины, я вовсе не хочу сказать, что онъ отрекся отъ своихъ идей. Изданіе въ томъ-же 1772 году Живописца показываетъ, что Новиковъ еще не потерялъ вѣры въ силу сатиры и былъ убѣжденъ въ высотѣ нравовъ нашихъ предковъ, сравнительно съ нашими нравами. Я хотѣлъ только показать, что на впечатлительную и живую душу молодаго писателя произвела нѣкоторое впечатлѣніе мысль его литературнаго противника, — что лучше дѣйствовать на нравы указаніемъ добрыхъ примѣровъ, чѣмъ сатирой, и что въ отношеніяхъ къ людямъ надо руководствоваться снисходительностью. Эта мысль тѣмъ скорѣе могла подѣйствовать, что Всякая Всячина, уговаривая писателей дѣйствовать не „угрозами и побоями“, а добромъ, въ то-же время совѣтовала имъ прилежно учиться, стремиться къ просвѣщенію [3])... А Новиковъ былъ такой горячій поборникъ просвѣщенія. Онъ и въ Трутнѣ, какъ мы знаемъ, видѣлъ, что въ чтимой имъ русской старинѣ мало было уваженія къ наукѣ, онъ и тамъ выражалъ почтеніе къ иностраннымъ писателямъ, какъ представителямъ образованности; онъ и въ Трутнѣ говорилъ, что дѣйствовать на нравы можно не только сатирой; а въ заключительной статьѣ 1769 года даже назвалъ статьи, составившія Трутень, „бездѣлками“. И вотъ въ Словарѣ, не отрекаясь отъ своихъ прежнихъ взглядовъ, онъ высказываетъ только тѣ изъ нихъ, которые не противорѣчатъ взглядамъ его литературнаго противника.

[1]) „Матеріалы для исторіи рус. лит-ры. Изд. П. А. Ефремова. Спб. 1867 г.“— „Новиковъ, авт. ист. слов.“, г. Сухомлинова (VI т. Зап. Ак. Н. 1865 г.).

[2]) Трутень 1869 г. №№ III, стр. 18; V, 33, 34; VI, 40; XI, 65; XII, 71, 76; XIV, 87—90; XVI, 102; XVII, 105; XVIII, 109, 110, 112, 113; XIX, 119; XX, 121; XXIII, 143; XXXV, 215. — 1770 г. №№ III, 240; IX, 277, 278; XVII, 322.

[3]) Вс. Всяч. Стр. 289—294.

Прекрасный сатирикъ и проповѣдникъ идей, Новиковъ, какъ литературный критикъ, не можетъ быть поставленъ такъ-же высоко; въ этомъ отношеніи онъ даже уступаетъ Дмитревскому, автору „Извѣстія о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ“. — Новиковъ цѣнитъ въ произведеніяхъ словесности, — и это сильная сторона его критики, — вѣрность изображенія нашихъ нравовъ, выдержанность характеровъ, простоту и естественность завязки и дѣйствія [1]); но одного этого ему казалось мало,— естественность, близость къ жизни должны были быть еще, по его мнѣнію, украшены искусствомъ: говоря про Волкова, перваго нашего актера, и его товарищей, онъ замѣчаетъ, что они играли хорошо, „хотя игра ихъ и была только что природная и не весьма украшенная искусствомъ“; точно также, хваля нѣкоторыя піесы, указывая на ихъ достоинства, Новиковъ первымъ изъ этихъ достоинствъ ставитъ обыкновенно то, что они написаны „въ правилахъ театра“ [2]). Вѣрность произведенія нравамъ изображаемой жизни не была, кажется, въ глазахъ Новикова, особеннымъ достоинствомъ; по крайней мѣрѣ, достиженіе ея не казалось ему дѣломъ труднымъ: переводную піесу можно было, по его мнѣнію, „съ великимъ успѣхомъ склонить на наши нравы“ [3]). На переводы авторъ Словаря смотрѣлъ довольно странно: про переводъ книги Локка о воспитаніи, сдѣланный Поповскимъ, онъ выражается: „сей переводъ, по мнѣнію знающихъ людей, едва не превосходитъ ли и подлинникъ“. Такой приговоръ переводу совершенно согласуется съ взглядомъ Новикова на слогъ: внѣшней сторонѣ литературнаго произведенія, его языку, онъ придавалъ такое же значеніе, какъ и его содержанію; оттого ему случалось хвалить сочиненія, ничтожныя по мысли, хвалить только за внѣшность [4]); оттого его не удивляло странное обстоятельство, что профессора университета Барсовъ и Третьяковъ только и сочинили, что — первый: „на предпріятое и съ благополучнымъ успѣхомъ оконченное прививаніе оспы Ея Имп. Величествомъ весьма изрядное слово“, а второй—такое же „слово на выздоровленіе Ея Величества отъ прививной оспы“; Новиковъ даже похвалилъ авторовъ, ибо „слова“ ихъ отличались „чистотою“ слога и прочими красотами. Возвеличеніе слога въ ущербъ содержанію приводило къ страннымъ для насъ выраженіямъ; напр., Словарь такъ говоритъ о Елагинѣ:

[1]) Словарь. Фонъ-Визинъ, Ден. Ив.; Бибиковъ, Вас. Ил.; Майковъ, В. Ив.

[2]) Тамъ-же. Бибиковъ, Вас. Ил.; Майковъ, Вас. Ив.

[3]) Тамъ-же. Дмитревскій.

[4]) Тамъ-же. Зубова.

„слогъ его чистъ и текущъ, а изображенiи нѣжны и пріятны, а гдѣ потребно важны и сильны“, или о Козицкомъ: „слогъ его чистъ, важенъ, плодовитъ и пріятенъ“ [1]). Сужденія Новикова о нашихъ тогдашнихъ первоклассныхъ писателяхъ—неудачны. Къ начинавшему Фонъ-Визину отнесся онъ правильно, высоко оцѣнивъ его; но мы видѣли, что о Кантемирѣ сдѣланъ былъ отзывъ незаслуженно-холодный;—Сумарокова, наоборотъ, онъ неумѣренно возвеличилъ: этотъ писатель „приобрѣлъ себѣ (по его мнѣнію) великую и безсмертную славу не только отъ Россіянъ, но и отъ чужестранныхъ Академій и славнѣйшихъ Европейскихъ писателей“; еклоги его равняются съ Виргиліевыми, а въ притчахъ „далеко превосходитъ онъ Федра и де ла Фонтена, славнѣйшихъ въ семъ родѣ“. Сумарокова, какъ писателя, поставилъ Новиковъ въ Трутнѣ даже выше Ломоносова [2]); въ Словарѣ онъ этого не дѣлаетъ; но Ломоносовъ оцѣненъ все-таки ниже его достоинства; такъ, Новиковъ болѣе указываетъ на его похвальныя оды и слова, а оды духовныя отодвигаетъ на второй планъ; про стремленія Ломоносова учиться Словарь выражается такимъ образомъ: „получилъ желаніе обучаться стихотворству. Почему сталъ онъ навѣдываться, гдѣ можно обучиться сему искусству; услышавъ же, что въ Москвѣ есть такое училище, гдѣ преподаются правила сей науки, взялъ непремѣнное намѣреніе уйти отъ своего отца“. Ученое значеніе Ломоносова вѣрнѣе понято Словаремъ, чѣмъ его литературные труды. — Дмитревскій лучше Новикова цѣнилъ поэтическія сочиненія Ломоносова, напр. духовныя его оды. Дмитревскій лучше понималъ и нѣкоторыхъ другихъ писателей; такъ, онъ говоритъ о томъ, что стихотворенія Тредьяковскаго очень плохи,—Новиковъ объ этомъ умалчиваетъ; Херасковымъ Новиковъ восторгается безусловно,—Дмитревскій говоритъ, чта его не-сатирическія произведенія не болѣе какъ „посредственны“. О Платонѣ Дмитревскій высказываетъ сужденіе весьма содержательное и опредѣленное: въ сочиненіяхъ его онъ видитъ „очень здравую и чистую мораль, безъ обычныхъ педантическихъ и схоластическихъ ухищреній“. Новиковъ замѣняетъ этотъ приговоръ неопредѣленными похвалами: „мысли избранныя, изображенія сильны и поражающи“; сказываетъ проповѣди „съ такимъ плѣняющимъ искусствомъ, что всегда и всѣхъ слушателей преклоняетъ къ своему намѣренію“.—Литературная критика — единственная точка, на которой Новиковъ стоитъ не выше своего поколѣнія.

Въ Словарѣ выражаются взгляды Новикова; въ немъ можно подмѣтить и нѣкоторыя черты его характера. Говоря о кн. Кантемирѣ: „въ отправленіи политическихъ дѣлъ поступалъ онъ праводушно и искренно, почитая лукавство за недостойное своего разума, и всегда до намѣреній своихъ достигалъ прямою дорогою“, Новиковъ высказалъ свое убѣжденіе, что вездѣ, не исключая и политики, должно дѣйствовать честно и прямо. Разсказывая о писателѣ Крашенинниковѣ, онъ не упустилъ случая замѣтить, что „сдѣлаться достойнымъ вѣчнаго воспоминанія“ человѣкъ можетъ только „своими трудами и заслугами“, а „не знатностью породы“. Въ статьѣ о епископѣ Питиримѣ видимъ мы религіозность Новикова: „Сочинитель сей, говоритъ онъ, особливо достоинъ и почтенія и благодарности за неоспоримые и ясные доводы противу лжеучителей, и можетъ почитаться за одинъ отъ протчихъ столповъ церкви“. Скромный въ оцѣнкѣ своихъ трудовъ, Новиковъ, прося всѣхъ присылать ему для Словаря извѣстія, прибавляетъ: „я не изключаю изъ сего и критикъ (т. е. критикъ на Словарь), на благоразуміи и справедливости основанныхъ; они тѣмъ пріятнѣе для меня будутъ, чѣмъ болѣе способствовать станутъ къ приведенію въ совершенство сея книги“ [1]). Чувство справедливости было одною изъ причинъ написанія имъ Словаря: онъ замѣтилъ, что „сообщенное однимъ русскимъ путешественникомъ въ Лейпцигской журналъ извѣстіе о нѣкоторыхъ россійскихъ писателяхъ“ — „индѣ не весьма справедливо, а въ другихъ мѣстахъ пристрастно написано“ [2]).

Благоговѣйное уваженіе къ Петру Великому проходитъ сквозь всю дѣятельность Новикова. Оно замѣтно уже въ Словарѣ. Словарь обыкновенно хвалитъ писателей современныхъ; относительно писателей старыхъ онъ ограничивается указаніемъ на ихъ произведенія. Для Симеона Полотскаго и Ѳеофана Прокоповича сдѣлано исключеніе изъ этого правила, — ибо первый былъ учителемъ Петра, а другой отличался многими достоинствами учености и краснорѣчія, „и что больше всего“, былъ „поборникомъ и провозвѣстникомъ великихъ трудовъ и преславныхъ дѣлъ Петра Великаго“. Новиковъ, по всей вѣроятности, былъ согласенъ съ мыслями напечатаннаго имъ въ Словарѣ стихотворенія наборщика Академической типографіи Рудакова:

Хочу изчислить ихъ (русскихъ писателей); но что я обрѣтаю?
Изчислити мнѣ ихъ не можно; не щитаю!
И вмѣсто всѣхъ ПЕТРА: Онъ солнце ихъ Наукъ.
О звѣзды Росскія! Его вы дѣло рукъ;
Его стараніемъ вы стали просвѣщенны...

[1]) Тамъ-же см. еще: Нарышкинъ; Платонъ, арх.; Храповицкая.
[2]) Трутень, годъ I, 220.

[1]) Словарь. Предисловіе.
[2]) Тамъ-же.

Новиковъ благоговѣлъ передъ Петромъ, какъ передъ просвѣтителемъ Россіи: уважая старинные русскіе нравы, Новиковъ въ то-же время видѣлъ, какъ мы знаемъ, что эти нравы чуждались науки.

Начиная Трутень, Новиковъ обратился ко всему русскому обществу съ просьбою присылать ему статьи, замѣтки, переводы [1]); такъ-же поступилъ онъ и издавая Опытъ Историческаго Словаря [2]). Съ первыхъ же изданій Новикова выказалось его стремленіе дѣйствовать не одиноко, а цѣлымъ обществомъ, стремленіе будить общественныя силы, стремленіе, развившееся потомъ до огромныхъ размѣровъ и приведшее къ блестящимъ результатамъ.

5.

Тотчасъ за появленіемъ Словаря стали выходить въ свѣтъ листы „Живописца“, знаменитѣйшаго изъ журналовъ Новикова. — Живописецъ проводитъ, нѣсколько видоизмѣняя ихъ, тѣ-же двѣ идеи, которыя мы видѣли въ Трутнѣ.—Подобно этому послѣднему, Живописецъ рисуетъ нравы кокетокъ и щеголей. Если эти лица встаютъ передъ нами изъ Трутня какъ живые, то изображеніе ихъ чувствъ, мыслей, языка, образа жизни въ Живописцѣ достигаетъ замѣчательной степени художественности; таковы напр.: Письмо щеголихи къ издателю (Mon coeur, Живописецъ!), Опытъ моднаго словаря щегольскаго нарѣчія [3]).—Кокетки и щеголи являются жаркими отрицателями науки, мысли, всякаго ученья вообще: „Щеголиха говоритъ: какъ глупы тѣ люди, которыя въ наукахъ самыя прекрасныя лѣта погубляютъ. Ужесть какъ смѣшны ученыя мущины; а наши сестры ученыя—О! они то совершенныя дуры. *Безпримѣрно*, какъ они смѣшны!.... Пусть ученая женщина покажется въ ту бесѣду, въ которой будутъ всѣ наши *щеголи*, украшающія собою мужеской полъ: пусть она туда покажется: чортъ меня возми! ежели тамъ съ нею хотя одно слово промолвятъ... Ученая женщина! ученая женщина! фуй! какъ ето *неловко*“. „*Волокита* разсуждаетъ такъ: какая польза мнѣ въ наукахъ. Науками ли приходятъ въ любовь у прекраснова пола? Науками ли имъ нравятся?.... науками ли украшаютъ лобъ?.... Нѣтъ: такъ они для меня и не годятся. Моя наука состоитъ въ томъ, чтобы умѣть одѣваться со вкусомъ, чесать волосы по модѣ... воздыхать къ статѣ, хохотать громко, *сидѣть разбросану*, имѣть пріятный видъ, плѣняющую походку, быть *совсемъ развязану*... Вотъ моя наука! она безъ сомнѣнія важнѣе всѣхъ наукъ; и я знаю ее въ совершенствѣ“ [1]).

[1]) Трутень. Предисловіе, стр. 10.

[2]) Словарь. Предисловіе.

[3]) Живописецъ Н. И. Новикова, 1772 — 1773 гг. Изд. 7-е, Ефремова. Спб., 1864 г.—№№ IX, стр. 53 и X, стр. 59.

Съ первыхъ же страницъ новаго изданія Новиковъ заявилъ себя горячимъ преслѣдователемъ невѣжества.— Между кокетками и щеголями совсѣмъ неизвѣстны: искреннее чувство, добрая нравственность, супружеская вѣрность, цѣломудріе. Въ одной статьѣ Живописца 1773 г. муза, представляющая собою „образъ вѣрныя и цѣломудренныя супруги“, говоритъ автору статьи: „я должна признаться, что я больше всѣхъ желала... открыть тебѣ мое неудовольствіе въ разсужденіи нынѣшнихъ женщинъ... Всѣ списки добродѣтельныхъ женщинъ всѣхъ народовъ и вѣковъ у меня хранятся. По смотри же на списокъ нынѣшняго полустолѣтія, а наипаче послѣднихъ годовъ, и признайся чистосердечно, много ли найдешь теперь *Лукрецій*? — — Вотъ тебѣ моя роспись, прочти ее прилѣжно.—..Ну... сколько нашелъ *Лукрецій*? Извините, сударыня, я право здѣсь...“ [2]). Живописецъ Лукрецій не нашелъ вовсе.—„Я *никакъ* не ушла отъ бѣды (пишетъ щеголиха Издателю): мужъ мой *въ умѣ очень развязанъ*, да ето бы и ничего; чѣмъ глупѣе мужъ, тѣмъ лучше для жены: но вотъ что меня *терзаетъ до невозможности*; онъ *влюбленъ въ меня* до *дурачества*, а къ томужъ еще и ревнивъ. Фуй! какъ ето *не ловко*: мужъ *разтрепанъ* отъ жены: *ето радость гадко*! О еслибъ не помогло мнѣ разумное нынѣшнее обхожденіе, то давно бы я *протянулась*“ [3]).—Каждая замужняя женщина должна была имѣть, по требованіямъ свѣтскаго обхожденія, любовника, или *болванчика*. Подобная любовь, разумѣется, не имѣла и тѣни серьезнаго смысла: въ одной изъ первыхъ статей Живописца [4]) щеголь разсказываетъ, какъ онъ устраиваетъ свои любовныя связи: съ женщиной, которая ему понравится, онъ становится „смѣлъ до безстыдства и живъ до дерзости“, причемъ, говоритъ онъ, „слово—я не могу владѣть собою, меня въ такомъ случаѣ извиняетъ“; затѣмъ, прерывая какой-нибудь начатой пустой разговоръ, онъ щегольскимъ языкомъ, отнюдь не допуская въ слова свои чувства, сообщаетъ своему предмету *между прочимъ*, *кстати*, что онъ влюбленъ въ нее „до дурачества“. Она отвѣчаетъ шутками; онъ бросаетъ на нее „гнилые взгляды“, даетъ полную свободу языку, затѣмъ такую же свободу рукамъ; — потомъ они бываютъ „нѣсколько дней смертельно другъ въ друга влюблены“. Я „держу ее своимъ *болванчикомъ* (говоритъ щеголь) до того времяни, какъ встрѣтится другая“. Въ „Опытѣ моднаго словаря“ въ числѣ примѣровъ щегольскаго нарѣчія встрѣчаются такія выраженія: „Ха, ха, ха: ахъ монкьоръ,

[1]) Живописецъ, стр. 19, 20, 21, 22 и 24.

[2]) Тамъ-же, стр. 230.

[3]) Тамъ-же, стр. 55.

[4]) Тамъ-же, стр. 22—24.

ты уморилъ меня! онъ живетъ три года съ женою, и по сю пору ее любитъ! Перестань душенька, ето никакъ не можетъ быть: три года имѣть въ головѣ своей вздоръ".—„Ахъ, какъ онъ славенъ; съ чужою женою и памахаться не смѣетъ—еще и за грѣхъ ставитъ!" — „Мущина притащи себя ко мнѣ, я до тебя охотница"[1]).—Уровень нравовъ былъ такъ низокъ, что дамы, занимавшія довольно почетное положеніе въ обществѣ и притомъ богатыя, не считали предосудительнымъ даже продавать свою любовь за деньги. Нѣкоторая дама „не послѣдняго класса" объявляетъ въ Живописцѣ [2]) для свѣдѣнія молодаго дворянина, сдѣлавшаго ей любовное предложеніе на прогулкѣ въ Гостиномъ дворѣ, „что ежели онъ говорилъ ето не въ шутку, то справясь бы съ ежегодными своими доходами, явился въ собственномъ сея госпожи домѣ, о которомъ ему объявлено".— Отсутствіе правды въ обществѣ, господство лжи въ мысли, въ чувствѣ, въ словѣ превосходно изображено въ одной статьѣ [3]), объясняющей, въ какомъ смыслѣ употребляютъ обыкновенно въ свѣтѣ коротенькое словечко: „А!"; за этимъ „А!" кроется много заднихъ мыслей; даже молодая дѣвушка не говоритъ его просто: если она выражаетъ этимъ словомъ радость при встрѣчѣ съ мужчиной, значитъ — она знаетъ, что этотъ мущина богатъ, хочетъ за него выдти и думаетъ уже объ украшеніи его головы „скотскимъ уборомъ";—въ устахъ замужней женщины это слово значитъ, что она хочетъ мущинѣ понравиться, обобрать его и потомъ одурачить. Съ разнообразными задними мыслями произносятъ его — пріятель, начальникъ, судья, вельможа.

Живописецъ, подобно Трутню, думалъ, что нравственный упадокъ русскаго общества есть слѣдствіе нашего слѣпаго увлеченія всѣмъ иностраннымъ. Онъ объявлялъ [4]), что въ Петербургѣ и въ Москвѣ укоренилась болѣзнь, называемая „слѣпое пристрастіе ко всѣмъ иностранцамъ"; онъ указывалъ [5]) на отвращеніе „Россійскихъ господчиковъ къ чтенію Рускихъ книгъ", потому только, что онѣ русскія, и остроумно совѣтовалъ печатать ихъ „Французскими литерами". Но однако въ вопросѣ о нашихъ отношеніяхъ къ Западу Живописецъ довольно сильно расходится съ Трутнемъ. Этотъ послѣдній винилъ въ паденіи нашихъ нравовъ не только насъ самихъ, но и Францію,— онъ говорилъ о существованіи въ ней Академіи Волосоподвивательной науки, о развитіи которой „Франція нѣсколько лѣтъ прилагаетъ по-

[1]) Тамъ-же, стр. 61—62.
[2]) Тамъ-же, стр. 127.
[3]) Тамъ-же, стр. 98—101.
[4]) Тамъ-же, стр. 33—34.
[5]) Тамъ-же, стр. 35.

печеніе"; если онъ и хвалилъ ея писателей, то это отнюдь не передовыхъ, знаменитыхъ ея „философовъ", а такихъ людей, какъ напр. Фенелонъ. Не то видимъ мы въ Живописцѣ: Живописецъ благоговѣетъ передъ Вольтеромъ. Осмѣявъ нашихъ стариковъ, отвергающихъ пользу науки, онъ восклицаетъ: „Прорицалище нашего вѣка, славный *Вольтеръ*, познай свое заблужденіе: старики наши, паче тебя тягостію лѣтъ обремененныя, никогда неговорятъ, что на четырехъ ногахъ ходить поздно" [1]). Правда, къ другимъ французскимъ „философамъ", какъ напр. къ Д'Аламберту, Живописецъ отнесся отрицательно, напечатавъ переводъ изъ сочиненной королемъ прусскимъ книги—„Утреннія размышленія Королевскія" [2]); но во 1-хъ, этотъ переводъ появился во второмъ годѣ журнала, когда взгляды Новикова, какъ увидимъ, нѣсколько измѣнились, а во 2-хъ, Вольтеръ является въ этомъ отрывкѣ изъ „Утреннихъ размышленій" съ выгодной стороны, — король говоритъ, что Вольтеръ не льстилъ ему.—Во всѣхъ нашихъ грѣхахъ Живописецъ винитъ насъ самихъ. Всякій народъ, говоритъ онъ, выходя „изъ тьмы невѣденія и жестокосердія", долженъ перенимать отъ того народа, у котораго „заимствуетъ свое просвѣщеніе", во-первыхъ — добродѣтели, а потомъ науки, художества и промыслы [3]). А мы поступаемъ иначе: „мы привыкли перенимать съ жадностью все отъ иностранныхъ, но по нещастію нашему *по часту перенимаемъ только пороки ихъ*; напримѣръ, когда были у насъ въ модѣ Французы, то отъ обхожденія съ ними остались у насъ легковѣрность, непостоянство, вертопрашество, вольность въ обхожденіи... Французовъ смѣнили Англичане: нынѣ женщины и мущины взапуски стараются перенимать что нибудь отъ Англичанъ... Французскую наглость называли мы благородною вольностію, а нынѣ Англискую грубость именуемъ благородною великостію духа. Я говорю ето (замѣчаетъ сатирикъ) не въ поношеніе обоихъ сихъ народовъ: ибо всякъ вѣдаетъ, что *Французы и Англичане весьма много имѣютъ добраго*; но говорю единственно въ доказательство пристрастнаго нашего къ иностраннымъ порокамъ прилѣпленія" [4]). Конечно, Живописецъ не увлеченъ безусловно Франціей,—онъ говоритъ о ея недостаткахъ; но онъ указываетъ и на ея хорошія стороны. Въ Трутнѣ этого почти не было, равно какъ не было и не могло быть сочувственныхъ отзывовъ о Вольтерѣ. Трутень винилъ наше общество за подражательность Франціи, Живописецъ — за то, что мы переняли только ея пороки. Трутень не прочь былъ,

[1]) Тамъ-же, годъ I, стр. 15.
[2]) Тамъ-же, годъ II, стр. 167.
[3]) Тамъ-же, 223.
[4]) Тамъ-же, годъ I, 81—82.

чтобы мы путешествовали во Францію, изучали ея нравы; но онъ не хотѣлъ, чтобы мы отъ нея что-нибудь заимствовали;—Живописецъ находилъ, что не мѣшаетъ намъ брать изъ чужихъ земель ихъ добродѣтели, науки, художества; онъ и хвалилъ Вольтера какъ представителя французской мысли и образованности. Идея о близкой связи нашихъ старинныхъ нравовъ съ невѣжествомъ, которую мы замѣтили уже въ Трутнѣ, заставила Новикова сильно призадуматься надъ нашими отношеніями къ Западу, къ народамъ, отъ которыхъ со временъ Петра Великаго шла къ намъ образованность [1]). Въ этомъ смыслѣ можетъ быть имѣло большое значеніе литературное столкновенье издателя Трутня съ издателемъ Всякой Всячины; по крайней мѣрѣ отношенія имп. Екатерины и Живописца были, какъ увидимъ, весьма сочувственныя, и направленіе Живописца согласно съ направленіемъ Опыта Историческаго Словаря.

Второй сатирическій журналъ Новикова указываетъ на добрые нравы нашихъ предковъ и на остатки этихъ нравовъ по деревнямъ: но такихъ указаній въ немъ гораздо меньше, чѣмъ въ Трутнѣ, и они не такъ рѣшительны и опредѣленны. На языкѣ щеголей и щеголихъ любить сердцемъ значитъ „дурачиться по-дѣдовски“ [2]); кокетка со смѣхомъ говоритъ о своей матери, что она 40 лѣтъ любила своего мужа и не умѣла и не хотѣла отъ него „ретироваться въ свѣтъ“, не смотря на то, что онъ ей „дѣлалъ грубости палкою“ [3]). Живописецъ утверждаетъ, что прежде, когда въ нашей литературѣ были только „Романы и Сказки“, ихъ покупали очень много и читали охотно; теперь же, когда „многія наилучшія книги переведены съ разныхъ иностранныхъ языковъ“ и у насъ есть много хорошихъ оригинальныхъ сочиненій, ихъ мало покупаютъ и мало читаютъ [4]). „Опытъ моднаго словаря“ утверждаетъ, что прежде мы говорили лучше,—многія слова прежде употреблялись у насъ въ ихъ прямомъ, опредѣленномъ и серьезномъ значеніи; теперь они получили условный и пустой смыслъ [5]). Старинѣ отдаетъ Новиковъ предпочтеніе предъ новизною. Но какой старинѣ? легко замѣтить, что это старина недавняя; и точно также легко замѣтить, что похвалы ей весьма сдержанны и весьма условны, — въ этой старинѣ, напр., по указанію прославляющаго ее сатирика, не

[1]) „Кто бы во Франціи повѣрилъ, ежели бы сказали, что Волшебныхъ Сказокъ разошлось больше сочиненій Расиновыхъ? А у насъ ето сбывается: Тысяча одной ночи продано гораздо больше сочиненій г. Сумарокова“. Живоп., годъ I, 33.

[2]) Живописецъ, годъ I, 22.

[3]) Тамъ-же, 54.

[4]) Тамъ-же, 32.

[5]) Тамъ-же, 59. См. также: годъ I, 69 и 145; II, 189 и 231.

было серьезной литературы и мужья колотили любящихъ ихъ женъ палками.—Что же касается деревни, то щеголиха, упрекая издателя Живописца за невѣжливость къ дамамъ, т. е, къ кокеткамъ, дѣлаетъ предположеніе, что вѣрно эта невѣжливость есть слѣдствіе воспитанія въ Сибирской деревнѣ [1]). Еще два-три подобныхъ указанія на деревню [2]),—вотъ и все, что нашелъ сказать Живописецъ въ пользу жизни, близкой къ природѣ; — это далеко не то, что въ Трутнѣ. Впрочемъ, Живописецъ 1773 года уважаетъ деревенскую жизнь гораздо больше, чѣмъ въ первый годъ своего изданія; но это потому, что въ 1773 г. взгляды Новикова, какъ увидимъ, опять нѣсколько измѣнились.

Сдержанный въ похвалахъ нашей старинѣ, Живописецъ съ бо́льшей опредѣленностью и ясностью, чѣмъ Трутень, представляетъ наши старинные недостатки. Письма къ Θалалею его отца, матери и дяди художественно рисуютъ бытъ нашихъ деревенскихъ дворянъ, простыхъ людей, живущихъ по-старому [3]). Самыми мрачными красками изобразилъ Живописецъ грубые пороки этой жизни: глубочайшее невѣжество и суевѣріе, ханжество и внѣшнее благочестіе, жадность, дикій произволъ, выражающійся въ семейной жизни побоями отъ рукъ главы семьи жены и всѣхъ домашнихъ, въ служебной и общественной дѣятельности—казнокрадствомъ и взяточничествомъ, непониманіемъ общественныхъ интересовъ, наглымъ отниманіемъ сосѣдскихъ земель, въ отношеніяхъ къ крестьянамъ — безчеловѣчной жестокостью. Живописецъ, подобно Трутню, обличаетъ взяточничество и неправосудіе, и еще болѣе, чѣмъ этотъ послѣдній журналъ, сближаетъ ихъ съ нашими старинными пороками[4]).—Указывая на родные наши недостатки дворянскаго сословія, Живописецъ не щадитъ и сословій другихъ. Такъ, онъ печатаетъ письмо къ издателю, рисующее грубую и грязную жизнь купца, его жадность, семейный деспотизмъ [5]). Въ перепискѣ съ „пречестнымъ отцемъ Тарасіемъ“ изображено самолюбіе и корыстолюбіе монашествующихъ [6]); от. Тарасій хвалитъ Живописца за обличенія пороковъ, но грозитъ карою, если онъ вздумаетъ обличать духовныхъ; затѣмъ онъ проситъ — „нѣчто провозвѣстити и въ нашу пользу: сирѣчь, еже умножитися подаянію во обитель нашу“. Поддѣлываясь

[1]) Тамъ-же, 1773 г., стр. 219.

[2]) Тамъ-же, 1772 г., стр. 104. — 1773 г., стр. 231, 291 и 293.

[3]) Тамъ-же, 1772 г. Письма къ Θалалею: № XV, стр. 91; XXIII, 139; XXIV, 145 и 148. См. также: III, 13; XVIII, 109; XIX, 115; XXV, 151.

[4]) Тамъ-же, 1772 г.: Письма къ Θалалею отъ отца и дяди: № XV, 91; XXIV, 148. См. также: III, 13; XIV, 85; XVI, 98; XX, 127.—1773 г.: V, 189 и X, 223.

[5]) Тамъ-же, 1773 г., стр. 257.

[6]) Тамъ-же, 1772 г., стр. 129—131.

подъ языкъ своего корреспондента, Живописецъ отвѣчаетъ: „не исправятся убо поучаемые, дондеже не исравятся поучающіи“, и потомъ: „со смиреніемъ рѣку тебѣ словеса священная: удобѣе есть вельбуду проити сквозѣ иглины уши, неже богату внити въ царствіе небесное“.— Даже простыхъ людей, къ которымъ всегда благоволилъ Новиковъ, не щадитъ Живописецъ: въ статьѣ о кофе-гадательницахъ между прочимъ говорится: „когда бы такіе вздоры были только во обыкновеніи между простымъ народомъ, такъ, чтобъ только простолюдимъ искалъ себѣ вопросами у сихъ ворожей помощи, то бы я не принялъ труда сего и описывать. Отъ простаго народа ничего лучшаго и не ожидаютъ, какъ опытовъ крайнія глупости и сумазброднаго суевѣрія“ [1]). Конечно, эту статью, какъ видно по дурному языку и топорнымъ мыслямъ, писалъ не самъ Новиковъ; но однакожь Новиковъ почелъ нужнымъ напечатать вышеприведенныя слова, и притомъ безъ всякихъ оговорокъ.

Очевидно, горячее увлеченіе издателя Трутня нашими старинными народными нравами въ значительной степени охладѣло въ то время, когда онъ издавалъ Живописецъ. Издатель этого послѣдняго журнала болѣе благоговѣетъ передъ образованностью, которую мы можемъ заимствовать съ Запада. Но изъ этого отнюдь не должно заключать, что въ Новиковѣ ослабѣла любовь къ родной землѣ и что онъ хотѣлъ-бы сдѣлать Русь простою подражательницею другимъ землямъ. „Желалъ бы я (напечатано въ 13 листѣ Живописца 1772 года) [2]), чтобъ Россія, любезное мое отечество, меньше имѣло нужды въ типографическихъ товарахъ, выписываемыхъ по милости иностранцовъ! Естьли какое находитъ она препятство къ тому, чтобы нарещися ей за превосходныя свои совершенства несравненною подъ солнцемъ страною, то другаго нѣтъ, кажется, какъ сей токмо недостатокъ“. Изъ этихъ словъ, равно какъ и изъ многаго вышеприведеннаго, видно, что Живописецъ вовсе не разочарованъ въ высотѣ духовныхъ началъ нашей народности; онъ указываетъ только, что эти начала не развиты еще, что ихъ глушитъ невѣжество.

Подобно Трутню, Живописецъ сильно и горячо ратовалъ противъ крѣпостнаго права. Въ 5 листѣ его напечатанъ „Отрывокъ путешествія въ ***, И. Т., глава XIV“. Здѣсь серьезнымъ, не-сатирическимъ тономъ нарисовалъ авторъ безотрадную картину непомѣрнаго крестьянскаго труда и безъисходной нищеты подъ властью жестокаго помѣщика. „О господство! (говоритъ авторъ) ты тиранствуешь надъ подобными себѣ человѣками“. Статья указываетъ читателямъ на важное значеніе крестьянъ для государства вообще,—съ горькимъ чувствомъ говоритъ она, что крестьяне — „бѣдныя твари, которыя богатство и величество цѣлаго государства составлять должны“. „Помѣщики (восклицаетъ авторъ) вы никакого не имѣете попеченія о сохраненіи здоровья *своихъ кормильцевъ!*“ „Кричите бѣдныя твари (обращается путешественникъ къ младенцамъ, оставленнымъ въ избахъ ушедшими на работу родителями), произносите жалобы свои! наслаждайтесь послѣднимъ симъ удовольствіемъ во младенчествѣ: когда возмужаете, тогда и сего утѣшенія лишитесь“. Слова эти—быть можетъ—смѣлый намекъ на указъ 1767 года, запрещавшій крестьянамъ подавать жалобы на помѣщиковъ. — Въ Послѣсловіи издателя Живописца къ „Отрывку путешествія“ говорится, что „блюдо“ это „приготовлено очень солоно, и для нѣжныхъ вкусовъ благородныхъ невѣждъ горьковато“. Издатель не ошибся: поднялись со стороны дворянства крики неудовольствія противъ смѣлаго писателя. Объ этихъ крикахъ говоритъ онъ самъ въ 13 листѣ, въ статьѣ „Англиская прогулка“. Оказывается, что многіе возстали на него, „будучи побуждаемы слѣпымъ пристрастіемъ ко преимуществу дворянскому“. „Но коль чудно и странно сіе пристрастіе! (замѣчаетъ издатель). Какъ? защищать упорно такое преимущество, которымъ сами они, и всѣ честныя и добросердечныя дворяне никогда не пользуются?...“ Крики недовольныхъ сдѣлали, однако, то, что издатель въ послѣдующихъ статьяхъ о крестьянахъ сталъ выпускать нѣкоторыя рѣзкія мѣста. — Полное отрицаніе крѣпостнаго права въ Живописцѣ, какъ и въ Трутнѣ, прямо не высказано; но его можно подмѣтить въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ; какъ напр.: „для прихотей *одного человѣка* всѣ они (т. е. крестьяне) въ прошедшій день много сработали“ [1]), или: „дворянинъ съ одною душою“ (подпись подъ статьей) [2]); или: „не видно здѣсь (пишутъ съ того свѣта „любителямъ добродѣтели“) [3]) тѣхъ прихотей одного человѣка, для удовольствованія коихъ тысяча въ потѣ лица трудится и смерть жизни своей предпочитаетъ“.—Вопросъ о положеніи крестьянъ Живописецъ тѣсно связалъ съ нашими старинными помѣщичьими нравами и съ нравами кокетокъ и щеголей. Отецъ Θалалея заставляетъ крестьянъ работать на него 5 дней въ недѣлю, и ему все кажется мало,—онъ „сѣчетъ ихъ нещадно“, чтобы лучше работали. „Што за живописецъ такой у васъ проявился! (пишетъ онъ сыну) [4]) какой-нибудь Нѣмецъ,

[1]) Тамъ-же, стр. 120.
[2]) Тамъ-же, стр. 83.

[1]) Тамъ-же, 86.
[2]) Тамъ-же, 1773 г., стр. 151.
[3]) Тамъ-же, 284.
[4]) Тамъ-же, 1772 г., 94—95.

а православной етова не написалъ бы. Говоритъ, что помѣщики мучатъ крестьянъ, и называетъ ихъ тиранами, а того проклятой и не знаетъ, што въ старину тираны бывали не крещеные, и мучили святыхъ: посмотри самъ въ Чети-Минеи; а наши мужики вить не святые; какъ же намъ быть тиранами?.... И во святомъ писаніи сказано: *Другъ другу тяготы носите, и тако исполните законъ Христовъ*: они на насъ работаютъ; а мы ихъ сѣчомъ, ежели станутъ лѣниться: такъ мы и равны — да на што они и крестьяне: его такое и дѣло, што работай безъ отдыху". Мать Өалалея умерла оттого, что надсадилась, наказывая крестьянъ. Таковъ же и его дядя—Ермолай [1]).—Не лучше старосвѣтскихъ помѣщиковъ и модныя щеголихи. „Онъ и со мною хотѣлъ поступать также, какъ съ мужиками (говоритъ кокетка про своего отца) [2]); но я ему показала, что я не такое животное, какъ ево крестьяне". „Не за безуміе ли должно почесть (пишетъ „ненавистница Живописца") [3]), если данныя намъ (т. е. женщинамъ) очи обозрѣвать всѣ преизящныя творенія, потушимъ мы въ землю, устроенную для разсматриванія подлымъ хлѣбопашцамъ". Въ статьѣ „Слѣдствія худаго воспитанія" [4]) Живописецъ женилъ дворянина простаго нрава, живущаго въ деревнѣ съ малыхъ лѣтъ, на щеголихѣ, воспитанной на французскій ладъ;—и трудно сказать, кто изъ супруговъ хуже обращается съ крестьянами. „Матушка моя (говоритъ сынъ этихъ супруговъ), пришедши изъ конюшни, въ которой по обыкновенію ежедневно дѣлала расправу крестьянамъ и крестьянкамъ, читаетъ бывало Французскую любовную книжку и мнѣ всѣ прелести любви и нѣжность любезнаго пола по Руски ясно пересказываетъ".— Замѣчательно, что въ Живописцѣ Новиковъ указываетъ на то обстоятельство, что въ иностранныхъ государствахъ на крестьянъ, на простой народъ смотрятъ иначе, чѣмъ у насъ. Читатель замѣтилъ въ вышеприведенной выпискѣ, что отецъ Өалалея, браня Живописца за нападки на жестокихъ помѣщиковъ, назвалъ его нѣмцемъ; удивляясь, какъ знатные люди позволяютъ Живописцу такъ своевольничать, онъ прибавляетъ: „вить и бояра съ мужиками та своими поступаютъ *не по Нѣмецки, а все-таки такъ же по Руски*, и ихъ крестьяне не богатѣе нашихъ" [5]). Въ статьѣ „Англиская прогулка" вельможа, довольный сочиненіями Живописца о крестьянахъ, говоря съ издателемъ о

[1]) См. еще Жив., 1772: стр. 117. — 1773: стр. 189 (объясненіе слова „подлость") и 223.

[2]) Тамъ-же, 1772, стр. 54.

[3]) Тамъ-же, 69.

[4]) Тамъ-же, 109.

[5]) Тамъ-же, 1772, стр. 94—95.

толкахъ про эти сочиненія и о нашемъ увлеченіи всѣмъ англійскимъ, дѣлаетъ такое заключеніе: „когдажъ все Англиское въ такой у насъ превеликой модѣ, то для чего любители иностранныхъ вкусовъ не почитаютъ пятый вашъ листокъ (т. е. „Путешествіе И. Т.") въ Англискомъ вкусѣ написаннымъ: *тамъ дворяне критикуются также какъ и простолюдимы*" [1]).— И такъ, по мнѣнію Живописца, въ иностранныхъ государствахъ лучше смотрятъ на простолюдина, чѣмъ у насъ. Впрочемъ, относительно Франціи онъ думалъ, кажется, нѣсколько иначе: печатая „Путешествіе И. Т.", Новиковъ прибавляетъ: „Естьли бы ето было въ то время, когда умы наши и сердца заражены были Французскою націею, то не осмѣлился бы я читателя моего поподчивать съ етого блюда" [2]).

Невольно возникаетъ вопросъ—какъ могли появиться въ Живописцѣ столь рѣзкія и прямыя статьи о крестьянахъ послѣ того, какъ Трутень за подобныя, главнымъ образомъ, статьи былъ прекращенъ, вѣроятно, по волѣ самой императрицы?—Дѣло въ томъ, что отношенія императрицы къ Новикову измѣнились. При окончаніи Трутня, она считала Новикова, какъ мы видѣли, острымъ писателемъ и человѣкомъ умнымъ, но со злымъ сердцемъ; ея статьи, обращенныя къ издателю Трутня, проникнуты желчью и непріязнью. Но скоро все это измѣнилось. Первый номеръ Живописца состоитъ изъ посвященія новаго журнала императрицѣ, какъ автору комедіи „О время!" Въ этомъ посвященіи Новиковъ проводитъ, только другимъ тономъ, ту же мысль, которую высказывалъ онъ въ полемикѣ со Всякой Всячиной, — мысль о необходимости безпристрастнаго преслѣдованія пороковъ сатирой, и притомъ сатирой „на лице", какъ онъ выражался. „Слѣдуйте его (Мольера) [3]) примѣру, говоритъ онъ императрицѣ: взгляните безпристрастнымъ окомъ на пороки наши, закоренѣлыя худыя обычаи, злоупотребленія, и на всѣ развратныя наши поступки; вы найдете толпы людей достойныхъ вашего осмѣянія..... Изтребите изъ сердца своего всякое пристрастіе; не взирайте на лица: порочный человѣкъ во всякомъ званіи равно достоинъ презрѣнія". Зачѣмъ, продолжаетъ онъ, скрываете вы свое имя? „Не уже ли, оскорбя толь жестоко пороки и вооружа противъ себя порочныхъ, опасаетесь ихъ злословія. — Нѣтъ, такая слабость никогда не можетъ имѣть мѣста въ вашемъ сердцѣ". На такія слова императрица не отвѣтила, какъ бывало, замѣчаніемъ, что лучше представлять примѣры добродѣтели, чѣмъ осмѣивать по-

[1]) Тамъ-же, стр. 82.

[2]) Тамъ-же, стр. 30.

[3]) Вспомнимъ, что примѣромъ Мольера доказывалъ Трутень необходимость сатирѣ быть сатирой „на лице".

роки, что надо быть снисходительнымъ къ человѣческимъ слабостямъ и т. д. Она отвѣтила письмомъ къ издателю Живописца, въ которомъ выразила сочувствіе свое и его изданію, и его личности; она объявила, что посвященіе ей Живописца считаетъ для себя честью и что охотно приметъ сотрудничество въ этомъ журналѣ [1]). Въ письмѣ императрица высказываетъ, по поводу своей комедіи „Имянины г-жи Ворчалкиной", взглядъ на сословные предразсудки, совершенно согласный со взглядомъ Новикова. „Дошло до меня, говоритъ она, что нѣкоторыя критики за непристойно поставляютъ, что господинъ Фирлифюшковъ, за безстыдное слово нездержаніе, наказанъ палкою. Говорятъ они, что, *какъ дескать дворянина за безчестное дѣло бить палкою*. Я не стану приводить здѣсь бывалоль таковое гдѣ нибудь дѣйствіе, или нѣтъ: ниже хочу извинять поступокъ господина Геркулова. Онъ дѣйствительно въ обыкновенномъ общежитіи жестокъ. Но себя я легко оправдать могу, сославшись на самое уложеніе. Въ немъ господа критики найдутъ, чему за несдержаніе слова и за бездѣльство люди подвергаются". Изъ этихъ словъ мы видимъ, что императрица готова была перестать слѣдовать въ своихъ сочиненіяхъ мысли о необходимости снисходить слабостямъ. Тонъ всего письма не похожъ на тонъ полемическихъ статей во Всякой Всячинѣ; тѣ статьи, равно какъ впослѣдствіи „Были и Небылицы", написаны въ „улыбательномъ родѣ", въ нихъ императрица смотрѣла на сатиру какъ на веселую забаву; письмо писано серьезно, и едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что императрица смотрѣла въ это время на сатиру почти такъ-же, какъ Новиковъ. — Все это издатель Живописца очень хорошо понималъ, и во все время существованія своего журнала онъ не упускалъ случая указать на сходство взглядовъ Живописца и взглядовъ императрицы. Такъ, его кокетка недовольна, что Екатерина въ своей комедіи „Имянины г-жи Ворчалкиной" осмѣяла щеголихъ: „ты всегда стараешься, пишетъ она Живописцу [2]), оказывать намъ учтивости; не такъ какъ нѣкоторой грубіянъ, сочиня Комедію, одну изъ подругъ моихъ *вытащилъ* на театръ: Куда какъ онъ много выигралъ?..... Онъ хотѣлъ насъ одурачить, да не удалось. *Ужесть какъ славно* онъ забавлялся надъ бѣднымъ мальчикомъ Фирлифюшковымъ: совсемъ тѣмъ подобныя ему люди останутся всегда у насъ въ почтеніи; а его Дремовъ никогда не выдетъ изъ дураковъ. Еслибъ узнала я етова Автора, то *оттънила* бы сама его *безподобно*". Въ „Опытѣ моднаго словаря" Новиковъ говоритъ о Дремовѣ, какъ о человѣкѣ почтенномъ, заслуживающемъ

[1]) Живоп., 1772 г. листъ 7, стр. 37—39.

[2]) Тамъ-же, стр. 53—54.

уваженіе за свой умъ, за радушіе и „за разумное дѣтей воспитаніе" [1]). „Сносно ли ето! (восклицаетъ одинъ самолюбивый авторъ въ письмѣ къ Живописцу по поводу комедій Екатерины—„О время", „Имянины" и „Вѣстникова"). Я бѣшусь и прихожу въ отчаяніе! Вотъ, сударь, до чего мы дожили: вотъ какой вкусъ въ комедіяхъ утверждается: Русской, Русской — Какая глупость! Французской театръ по старѣе нашего, такъ намъ ли принятое ими перемѣнять; и можетъ ли Русской человѣкъ, не закраснѣвшись осмѣлиться подумать, что онъ можетъ въ чемъ нибудь поровняться со Французомъ?" [2]). Въ 18 листѣ втораго года Живописца Новиковъ прославляетъ Екатерину за учрежденіе „собранія старающагося о переводѣ иностранныхъ книгъ на Россійскій языкъ" и за опредѣленіе „ежегодно по пяти тысячь рублей для заплаты переводчикамъ за труды ихъ"; это лучше, говоритъ онъ, чѣмъ если-бы дали переводчикамъ опредѣленное жалованье: „гдѣ должность, тутъ принужденіе; а науки любятъ свободу, и тамъ болѣе распространяются, гдѣ свободнѣе мыслятъ (замѣчательны благородство и смѣлость этого взгляда Новикова). Сколько же произтекло (продолжаетъ онъ) пользы отъ переведенныхъ книгъ, подъ смотрѣніемъ сего собранія? Безпристрастный и любящій свое Отечество читатель, тебѣ сіе извѣстно". — И такъ мы видимъ, что во многихъ взглядахъ сходились имп. Екатерина и Новиковъ. Если полемика Трутня и Всякой Всячины подѣйствовала на издателя Трутня, то еще сильнѣе и благотворнѣе повліяла она на образъ мыслей императрицы Екатерины. 1772 годъ обѣщалъ русской литературѣ вольное и могущественное развитіе; это было время, въ которое казалось легко осуществимымъ разумное соглашеніе приверженцевъ нашихъ старинныхъ нравовъ съ приверженцами новаго, западно-европейскаго просвѣщенія, соглашеніе— въ лицѣ двухъ главнѣйшихъ представителей этихъ направленій.

Этимъ объясняется и существованіе въ Живописцѣ массы прозаическихъ статей и стихотвореній, прославляющихъ Екатерину [3]), равно какъ и увѣренія журнала, что въ нынѣшнія времена гораздо лучше, чѣмъ прежде. Но изъ всего этого отнюдь не должно заключать объ отсутствіи самостоятельности въ воззрѣніяхъ Новикова. Отзываясь сочувственно о новомъ времени, онъ однакожь, если замѣчалъ, что оно въ чемъ-либо стоитъ ниже старыхъ временъ, заявлялъ объ этомъ очень

[1]) Тамъ-же, стр. 63.

[2]) Тамъ-же, стр. 132.

[3]) Тамъ-же 1772 г. №№ I, стр. 3; V, 30; VI, 33 и 34; IX, 53; X, 63; XII, 73; XIII, 84; XIV, 89; XXI, 131; XXII, 134 и 137; XXIV, 145; XXVI, 157 и 162. — 1773 г. №№ I, 165; III и IV, 178; XVIII, 265; XIX, 266; XXIV, 295, XXV и XXVI, 301.

опредѣленно и рѣзко. „Похищеніе и воровство не одно (пишетъ Живописцу дядя Θалалея)[1]): первое ничто иное какъ только утайка; а другое преступленіе противъ законовъ, и достойно кнута и висѣлицы. Правда, бывали и такіе примѣры, что и за утайку сѣкали кнутомъ: блаженной памяти при ****** (по всей вѣроятности при Петрѣ Вел.) ето случалось; но нынѣ благодаря Бога люди стали разсудительнѣе и за рѣченную утайку кнутомъ сѣкутъ только тѣхъ, которые малое число утаятъ: да ето и дѣльно; не заводи дѣла изъ бездѣлицы. А прочихъ, которые приличаются въ утайкѣ большихъ суммъ, отпущаютъ жить въ свои деревни". Затѣмъ Новиковъ, какъ и въ первомъ своемъ журналѣ, не упускаетъ случая указать на пороки вельможъ, придворныхъ[2]); если въ Живописцѣ встрѣчаются и похвалы знатнымъ людямъ[3]), то это только потому, что между вельможами временъ Екатерины было нѣсколько лицъ дѣйствительно достойныхъ глубокаго уваженія; таковы, напр., были гр. Румянцевъ, Бибиковъ, Панины. Не должно думать, что похвалы вельможамъ печаталъ Живописецъ съ чисто практическимъ разсчетомъ—сохранить себя отъ погибели: во 1-хъ, такой способъ дѣйствій былъ бы недостоинъ благороднаго характера Новикова; во 2-хъ, Живописецъ, какъ мы видѣли, и не стоялъ въ такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, какъ Трутень.

Съ большой достовѣрностью можно предположить, что статьи Живописца о крестьянахъ нравились имп. Екатеринѣ. Письмо ея къ издателю Живописца съ выраженіемъ ему сочувствія напечатано въ 7 № журнала, т. е. черезъ двѣ недѣли по выходѣ въ свѣтъ „Отрывка изъ путешествія И. Т."; вѣроятно, письмо это писано императрицей уже по прочтеніи ею „Путешествія"; если даже предположить, что оно написано раньше, то императрица имѣла время запретить Новикову печатанье его,—однако-жь она этого не сдѣлала. Въ самомъ письмѣ Екатерины есть, какъ указано выше, нападеніе на сословные предразсудки. Затѣмъ, если-бы слова Живописца о крѣпостномъ правѣ императрицѣ не понравились, она бы остановила журналъ или, по крайней мѣрѣ, запретила печатать подобныя вещи, — но ничего такого не случилось, и статьи о крестьянахъ продолжали появляться. Отношенія императрицы къ Новикову вслѣдствіе этихъ статей повидимому не измѣнились къ худшему. — Если раздавались крики неудовольствія противъ писателя, поднявшаго живой и великій вопросъ,

[1]) Тамъ-же, 1773 г., 190.

[2]) Тамъ-же, 1772 г. №№ IV, стр. 21; VI, 31; XII, 77; XVI, 98; XVII, 104; XX, 123 и 127; XXV, 151. — 1773 г, X, 221 и 223; XII, 235.

[3]) Тамъ-же, 1772 г. №№ XIII, 79; XIV, 88 и 89; XVI, 101. — 1773 г. XIX, 269 и 270; XX, 275.

то это неудовольствіе шло со стороны дворянства, сословія, близко въ этомъ вопросѣ заинтересованнаго. Но, могутъ замѣтить, если императрица была въ этомъ дѣлѣ на сторонѣ Новикова, то чего же было ему бояться? зачѣмъ же было ему пропускать и замѣнять точками наиболѣе рѣзкія мѣста въ дальнѣйшихъ статьяхъ о крестьянахъ? Замѣчаніе справедливое, но отвѣтъ на него довольно простъ: Екатерина хотѣла свободы крестьянъ, но она видѣла, что эта мысль встрѣчаетъ слишкомъ мало сочувствія въ средѣ дворянскаго сословія (вспомнимъ Коммиссію), и она не рѣшилась осуществить свою мысль въ дѣйствительности силою власти. Въ статьѣ Живописца „Англиская прогулка" вельможа, бесѣдующій съ издателемъ, говоритъ ему: „я знаю еще недовольныхъ вашимъ листкомъ (рѣчь идетъ о „Путешествіи И. Т."); но неудовольствіе сихъ людей достойно того, чтобы вы имѣли къ нимъ почтеніе: ибо они не вѣдая вашей цѣли, никакова не могли по началу сдѣлать правильнаго заключенія; и потому изъ любви ко ближнему болѣе сожалѣли, нежели охуждали, что вы не съ той стороны принялися за сію сатиру"[1]). Едва ли подъ этими людьми, сожалѣвшими о слишкомъ прямой и рѣзкой постановкѣ Новиковымъ, совершенно правильнаго однакожь по ихъ мнѣнію, вопроса, не подразумѣвается сама имп. Екатерина.—Въ томъ же № Живописца, гдѣ напечатано письмо къ нему Екатерины, встрѣчаемъ мы еще письмо „Осмидесятилѣтняго старика"; письмо это, выражая глубокое сочувствіе журналу, въ то-же время предостерегаетъ его и совѣтуетъ ему быть осторожнѣе: „ты пишешь сатиры на тѣхъ людей (говоритъ старикъ)[2]), которыхъ давно уже пожурить надлежало: сказать ли тебѣ? читая твой листокъ, я плакалъ отъ радости, что нашолся человѣкъ, которой противъ господствующаго ложнаго мнѣнія, осмѣлился говорить въ печатныхъ листахъ..... Однакожь пиши поосторожнѣе; любя тебя, я сожалѣть буду, естьли перервется твой журналъ". Это предостереженіе, можетъ быть, прислано Живописцу самимъ авторомъ комедіи „О время",—оно напоминаетъ намъ тѣ письма, которыя получалъ Трутень изъ Всякой Всячины; и тогда императрица любила называть себя старикомъ сравнительно съ Новиковымъ; тонъ этого предостереженія другой, но это потому, что отношенія императрицы къ Новикову измѣнились;—языкъ же письма „Осмидесятилѣтняго старика" могъ быть языкомъ императрицы[3]). Если это и не такъ, если я ошибаюсь,

[1]) Тамъ-же, 1772, стр. 81.

[2]) Тамъ-же, стр. 43—44.

[3]) Ср. съ языкомъ Письма сочинителя комедіи „О время"; см. также выраженія: „сказать ли тебѣ? читая твой листокъ...", „пожурить", „пиши поосторожнѣе; любя тебя, я сожалѣть буду естьли перервется твой журналъ".

приписывая Екатеринѣ не ея сочиненіе, то едва-ли можно сомнѣваться, что императрица такъ или иначе предупредила и предостерегла Новикова.—Крики недовольныхъ не могли остановить появленія въ Живописцѣ статей о крѣпостномъ правѣ; являясь съ пропусками, эти статьи все-таки были довольно сильны и рѣзки, все-таки онѣ являлись. Онѣ прекратились лишь съ напечатаніемъ въ предпослѣднемъ листѣ журнала на 1772 года письма „дворянина съ одною душею“. Письмо это какъ будто имѣло какую-то силу остановить разработку Живописцемъ вопроса о положеніи крестьянъ. Письмо это предостерегаетъ журналъ, что дворяне не будутъ его покупать, что они будутъ его сжигать;—оно невольно напоминаетъ опять тѣ предостереженія и письма, которыя получалъ Трутень.—Н. М. Карамзинъ въ въ своей запискѣ о Новиковѣ, писанной имъ для имп. Александра I, положительно говоритъ, что въ Живописцѣ „напечатаны нѣкоторыя произведенія собственнаго пера“ Екатерины [1]). Не написано ли ею письмо „дворянина съ одною душею“? Въ пользу этого мнѣнія, кромѣ вышеприведенныхъ соображеній, свидѣтельствуетъ языкъ „Письма“, похожій на языкъ писемъ Екатерины къ издателю Трутня, и вообще на языкъ ея сатирическихъ статей: тотъ же полушутливый тонъ, тѣ-же восклицательныя и вопросительныя предложенія, тѣ-же довольно быстрые переходы съ одного предмета на другой; разница въ томъ только, что содержаніе „Письма“ значительно серьезнѣе другихъ сатирическихъ сочиненій Екатерины и относится „Письмо“ къ Живописцу весьма сочувственно; но мы знаемъ причину того и другого обстоятельства [2]). „Дворянинъ съ одною душею“ разказываетъ, что задумалъ онъ жениться, и дѣло, было, пошло на ладъ; но будущая теща его, узнавъ, что онъ изъ „ученыхъ“ и пріятель Живописца, наотрѣзъ ему отказала; съ величайшимъ трудомъ онъ убѣдилъ ее, „что чрезъ ученость дворянская кровь ни мало не повреждается“; послѣ этого она на бракъ согласилась, но съ условіемъ: „избирай любое (сказала она жениху), или чтобъ я у тебя ни одной книги не видала, не исключая и благороднаго Живописца; или прошу не знать моего дома“. На

[1]) Новиковъ и моск. март. Лонгинова. Стр. 0161.

[2]) Вотъ примѣры языка разбираемой статьи: „Не громовый ли то ударъ будетъ для васъ, когда я вамъ чистосердечно открою, что купленные мною 20 листовъ вашей живописи преданы уже отъ парикмахера моего на всесожженіе! Признайтесь сами, не представляется ли въ сію же минуту вашимъ глазамъ тотъ жестокій пламень, поядающій творенія ваши!“ (Жив. 151—152). „Давно уже пылалъ я желаніемъ, сыскать себѣ друга; но друга богатаго, пригожаго, и если можно разумнаго, и женскаго пола. Петербургскія свахи за нѣсколько времени проповѣдуютъ уже имя, нравъ и добродѣтели мои. Третьяго дня пришедши одна изъ сихъ посланницъ сказала: ну теперь дѣло сдѣлано“. (152).

размышленіе дала она 24 часа. Подумавъ, „дворянинъ съ одною душею“ рѣшился сжечь Живописецъ. „Господинъ Живописецъ! (пишетъ онъ послѣ этого) поудержите Бога ради отмщеніе ваше за сожженіе двадцати листочковъ: ибо то учинено было въ первомъ жару, и въ крайней задумчивости: а теперь при таковыхъ обстоятельствахъ потребенъ мнѣ вашъ совѣтъ; совѣтъ, отъ котораго зависитъ все мое благополучіе. Скажите, что долженъ я здѣсь предпріять?“ [1]). Подъ этою притчей, быть можетъ, кроется такая мысль государыни: я сочувствую взглядамъ Живописца на крѣпостное право; но обстоятельства нашей жизни таковы, что не только нельзя осуществить на дѣлѣ идею крестьянской свободы, но ея нельзя и проповѣдовать такъ прямо и рѣзко, какъ дѣлаетъ Живописецъ; лучше замолчать.—Письмо императрицы, если это только ея письмо, не останавливаетъ силою журналъ, какъ нѣкогда другое письмо остановило Трутень; но это потому, что отношенія Екатерины къ Новикову теперь иныя: издателю Трутня она просто запрещала говорить; съ издателемъ Живописца она совѣтуется, прибѣгаетъ къ его благоразумію. Слѣдующій затѣмъ, послѣдній листъ Живописца на 1772 годъ наполненъ двумя одами, воспѣвающими *могущество* Екатерины. Этимъ какъ-бы указаніемъ императрицѣ на ея власть и силу быть можетъ хотѣлъ Новиковъ отвѣтить на вопросъ „дворянина съ одною душею“: „скажите, что долженъ я здѣсь предпріять?“ Но прибѣгнуть въ крестьянскомъ вопросѣ къ своему могуществу императрица не рѣшилась.

Живописецъ 1773 года совершенно не похожъ на Живописецъ 1772 года: мѣсто живой сатиры на современные нравы заняли въ немъ различныя серьезныя статьи, часто переводныя, съ отвлеченнымъ содержаніемъ. Что было причиною этой перемѣны? „Письмо дворянина съ одною душею“ могло быть поводомъ ея; но думать, что журналъ измѣнилъ свой видъ, а потомъ и прекратился только вслѣдствіе „стѣсненія гласности“ было бы, послѣ всего вышесказаннаго, совершенно неосновательно. Причины страннаго явленія кроются гораздо глубже. Дѣло въ томъ, что къ 1773 году въ убѣжденіяхъ Новикова произошла нѣкоторая перемѣна. Издатель Живописца, какъ и издатель Трутня, былъ увѣренъ въ высокомъ значеніи сатиры: въ посвященіи Живописца императрицѣ говорится, что сатирическія произведенія очень важны и полезны, и достойны великой похвалы, потому что они „съ благородною смѣлостью“ нападаютъ на пороки. „Живучи давно въ свѣтѣ, я примѣтилъ (напечатано въ 7 листѣ журнала [2]),

[1]) Живописецъ, 1772, стр. 156.

[2]) Тамъ-же, стр. 39.

что осмѣяніе порока умаляетъ силу его болѣе, нежели иногда нравоученіе со скукою смѣшанное". Такъ думалъ Новиковъ въ 1772 году. Но въ началѣ 1773 въ Предисловіи къ 1 тому Вивліоѳики онъ какъ-бы отрекается отъ сатиры, называя свои прежнія сочиненія „маловажными". — Живописецъ, по блистательному развитію въ немъ сатирическаго таланта его автора, стоитъ выше Трутня; но въ журналѣ этомъ уже съ самаго начала его существованія кроется зародышъ его смерти. Въ Трутнѣ Новиковъ былъ твердо убѣжденъ въ нравственной высотѣ и силѣ старыхъ русскихъ началъ; во имя ихъ, во имя этого идеала и казнилъ онъ смѣхомъ современные нравы. Въ Живописцѣ, какъ мы видѣли, Новиковъ нѣсколько охладѣлъ къ нашей старинѣ, нѣсколько усомнился въ ея идеальномъ значеніи; издатель Живописца— горячій поклонникъ *образованности*, идущей къ намъ съ Запада. Но идея образованности-вообще есть идея слишкомъ отвлеченная; надо быть не-живымъ человѣкомъ, чтобы на ней вполнѣ успокоиться; Новиковъ былъ не таковъ: втеченіи всей своей жизни онъ былъ великимъ борцемъ за просвѣщеніе, но ему всегда нужно было для проповѣди живое жизненное начало, могшее служить идеаломъ, во имя котораго онъ дѣйствовалъ на жизнь; и въ этомъ онъ былъ, конечно, совершенно правъ: высокая проповѣдь, равно какъ и поэзія, какъ и сатира, безъ идеала немыслимы. Живописецъ могъ еще держаться старою вѣрою въ древнюю русскую жизнь. Но съ ослабленіемъ этой вѣры что оставалось Новикову? что въ этомъ отношеніи могъ представить ему тогдашній Западъ? Два борющихся направленія — волтерьянство и масонство. Но Новиковъ не сочувствовалъ ни тому, ни другому. Онъ могъ съ уваженіемъ отозваться о Вольтерѣ, какъ о представителѣ образованности вѣка, но сдѣлаться волтерьянцемъ онъ не могъ,—онъ былъ человѣкъ религіозный и возвышенно смотрѣлъ на жизнь; съ другой стороны замѣчательная трезвость его здраваго ума, живая способность подмѣчать смѣшное не допускали его увлечься масонствомъ. Положеніе было безвыходное,— и Новиковъ пришелъ къ нѣкоторому разочарованію, къ нѣкоторому даже отчаянью. Вторая часть Живописца и выражаетъ это состояніе его духа.—Въ ней Новиковъ очень опредѣленно отрекается отъ „философіи" мудрецовъ вѣка, отъ ученія энциклопедистовъ. Авторъ одной статьи разсказываетъ о таинственномъ своемъ сновидѣніи: видѣлось ему, что онъ шелъ съ толпами людей къ храмамъ; „но лишь только сталъ я приближаться къ одному изъ нихъ (говоритъ онъ) [1]), то встрѣтили чрезвычайно ласково какъ меня, такъ и другихъ для богомолія идущихъ

[1]) Тамъ-же, годъ II, 280—281.

людей мудрецы, которые то Французскими, то Русскими выраженіями по фисикѣ доказывали, что солнце, луна, звѣзды, земля, и все вообще строеніе міра могло получить свое бытіе и безъ посредства Божія. Многіе изъ тѣхъ, которые твердо знали Французской языкъ, принимали доказательства ихъ за справедливыя, и не входя во храмъ возвращались домой съ сердцами гордыми, памятозлобными, и равномѣрно какъ на друзей, такъ и на недруговъ своихъ неугасимою ненавистію пылающими. Другіе напротивъ того не слушали мечтательныхъ и богопротивныхъ ихъ доказательствъ, но проходили, оглядываясь на нихъ съ презрѣніемъ, во внутренность храма".—Но, отрекаясь отъ волтерьянства, Живописецъ точно также отрекался и отъ масонства: въ 8 и 9 №№ его напечатана статья, въ которой нѣкто, называющій себя „Неудобо-разумо-и-духодѣятельнымъ", разсказываетъ про себя и про цѣлое общество подобныхъ ему людей, что они „всеминутно стенаютъ, погружены въ глубокую задумчивость и въ черную тѣнь думъ", не любятъ ничего веселаго; на собраніяхъ своихъ они производятъ „странныя, а часто ужасъ наводящія тѣлодвиженія" и произносятъ такія же слова. По этимъ признакамъ, а равно и по нѣкоторымъ намекамъ (какъ напр.: общество учредило своимъ сборищемъ *каменный* брегъ; Неудобо-разумо-и-духодѣятеленъ, запершись у себя въ комнатѣ и предавшись своимъ мыслямъ, „бѣгалъ по комнатѣ съ обнаженною шпагою" [1]); общество названо въ примѣчаніи къ статьѣ— темноумствующимъ ликомъ"); по всему этому слѣдуетъ признать, что статья осмѣиваетъ масонство. Статья написана по всей вѣроятности имп. Екатериной: она похожа и по содержанію своему, и по языку на извѣстныя сочиненія императрицы о масонствѣ,—въ ней такъ-же, какъ и тамъ, масонство является въ очень неопредѣленномъ видѣ, сатира лишена ѣдкости и остроумія и впадаетъ въ непріятную утрировку; о принадлежности статьи Екатеринѣ свидѣтельствуетъ и неудачно изобрѣтенное, не въ духѣ русскаго языка, слово „неудобо-разумо-и-духодѣятеленъ", и неловкій скачекъ отъ изображенія мрачныхъ мыслей героя къ разсказу о переправленіи имъ черезъ рѣку дровъ, скачекъ, напоминающій неожиданные переходы съ предмета на предметъ въ „Быляхъ и Небылицахъ".

Вмѣсто сатиры на современные нравы русскаго общества, въ Живописцѣ 1773 года являются отвлеченныя указанія на пороки человѣка вообще. Сюда относятся статьи: Странствіе Музъ по землѣ [2]);

[1]) Извѣстно, что масоны назывались каменщиками и въ обрядахъ ихъ употреблялись шпаги.

[2]) Живописецъ, годъ II, 169.

Картина изъ самой далечайшей древности [1]); Сатира на человѣка, Боало [2]); его же Сатира на женщинъ [3]); Письмо Россіянина [4]); Извѣстіе полученное съ Еликона [5]). Въ этихъ сочиненіяхъ говорится о господствѣ низкихъ страстей въ человѣческой жизни, что часто ставитъ человѣка ниже животныхъ, унижаетъ его и лишаетъ истиннаго счастья; люди — злы, глупы и невѣжественны, подозрительны, мстительны, развратны, клеветники, низкопоклонники; они отказываются отъ принесенныхъ Музами на землю—разума, добродѣтели и здравія, зависящаго отъ умѣренной жизни, и съ жадностью кидаются за увеселеніями, богатствомъ, честью, понимая подъ послѣднею не истинную честь, а пустыя титла и знаки.—Мрачная картина пороковъ человѣчества приводитъ журналъ къ мистическимъ стремленіямъ удалиться прочь отъ грязной жизни земнаго міра, приводитъ къ увѣренности въ ничтожествѣ и этой жизни, и человѣческой личности, къ презрѣнію и той и другой. „Удалясь я отъ свѣта (пишетъ нѣкто изъ другаго міра „любителямъ добродѣтели“) [6]), удалился отъ онаго суетъ и наслаждаюсь здѣсь вѣчнымъ блаженствомъ“; видѣлъ я при жизни, продолжаетъ онъ, какъ добродѣтель „съ пространнаго круга земли была изгнана. Долгое время странствовала она по городамъ и не нашедъ ни въ одномъ себѣ пристанища, прибѣгнула къ сельскимъ жителямъ; однако и тамъ возненавидѣвъ ее изгнали“. — „Внемлите, о пресмыкающіеся черви! (слышитъ божественный голосъ авторъ одной статьи въ своемъ мистическомъ сновидѣніи) [7]) вы, жизнь которыхъ прерывается какъ паутина: вы, вмѣстилище души которыхъ есть вихремъ носимый прахъ: вы, которые быстро смотрите на землю, а не можете проникнуть песка ее покрывающаго... внемлите, вѣщаю вамъ, и не ищите напрасно долговременныхъ веселій и удовольствій въ такомъ свѣтѣ, гдѣ все перемѣнамъ подвержено... ждите суетою дышущія животныя, пока переселитесь въ поля вѣчнаго благополучія, въ зданія бурными вѣтрами никогда неколеблемыя“.—Мы должны однако замѣтить, что среди этихъ отвлеченно-мистическихъ статей встрѣчаются порою возвышенныя мысли; таковы, напр., мысли, что завоевательная политика вызывается тщеславіемъ [1]), что не должно быть смертной казни [2]).

[1]) Тамъ-же, 193.
[2]) Тамъ-же, 195.
[3]) Тамъ-же, 236—257.
[4]) Тамъ-же, 221.
[5]) Тамъ-же, 225.
[6]) Тамъ-же, стр. 284.
[7]) Тамъ-же, стр. 278.

Таково преобладающее содержаніе второй части Живописца. Но не должно думать, что въ ней совсѣмъ нѣтъ прежней новиковской сатиры. Съ ослабленіемъ вѣры писателя въ свой прежній идеалъ должна была ослабѣть и сатира и вѣра въ нее. Но нельзя сказать, что прежній идеалъ совсѣмъ исчезъ изъ души Новикова: я указалъ выше, что во второй части Живописца усилилось сочувствіе издателя къ деревенской жизни, къ ея простотѣ и мирной дѣятельности [3]). Въ этой части журнала есть и сатира на кокетокъ и щеголей [4]), на придворныхъ и вообще знатныхъ людей [5]), на нечестныхъ судей и приказныхъ [6]), на различные современные недуги (какъ напр. обычай жестоко наказывать солдатъ палками) [7]); въ ней есть, наконецъ, хотя и мимоходомъ сдѣланныя, но опредѣленныя и ясныя указанія на тяжелое положеніе крестьянина [8]). Даже въ самыхъ отвлеченно-мистическихъ статьяхъ попадаются порою сатирическія выходки и выраженія сочувствія къ старинѣ [9]).

Въ заключеніе мы должны обратить вниманіе еще на двѣ статьи втораго года Живописца. Нѣкто Любомудровъ извѣщаетъ издателя [10]), прося „дать знать объ этомъ всѣмъ мыслящимъ Россіянамъ“, объ учрежденіи „Общества, старающагося о напечатаніи книгъ“. Издатель выражаетъ, въ отвѣтъ, полное сочувствіе свое какъ обществу, такъ и мысли Любомудрова, что книгопечатаніе есть величайшее изобрѣтеніе, которое будитъ человѣческую мысль и „соблюдаетъ наилучшимъ образомъ всѣ истинны, доставляетъ наибольшему количеству народа объ оныхъ свѣденіе, чрезъ то очищаетъ общество отъ заблужденій и предразсудковъ всегда вредныхъ“. „Но по моему мнѣнію, государь мой, прибавляетъ Новиковъ, не довольно сего, чтобы только печатать книги... а надобно имѣть попеченіе о продажѣ напечатанныхъ книгъ“; въ столицахъ русскія книги идутъ туго, а „въ провинціяхъ ихъ не могутъ достать,—нужно создать книжную торговлю въ провинціяхъ. При этомъ Новиковъ высказываетъ двѣ замѣчательныя

[1]) Тамъ-же, стр. 198.
[2]) Тамъ-же, стр. 206.
[3]) Тамъ-же, стр. 291 и 293.
[4]) Тамъ-же, 219, 221, 229, 231, 233, 234, 282 и 286.
[5]) Тамъ-же, 221, 223, 235.
[6]) Тамъ-же, 189 (Письмо отъ дяди Θалалея) и 223.
[7]) Тамъ-же, 207.
[8]) Тамъ-же, стр. 189, 223 и 284.
[9]) Тамъ-же, 171, 223; 222 и 172.
[10]) Тамъ-же, 260—265.

идеи: „о разпространеніи сей торговли, не Государю, но частнымъ людямъ помышлять должно“, и: „науки любятъ свободу, и тамъ болѣе распространяются, гдѣ свободнѣе мыслятъ“. Мы видимъ, такимъ образомъ, въ 1773 г. начало той идеи, которую осуществилъ потомъ Новиковъ въ колоссальныхъ размѣрахъ, создавши издательскую дѣятельность и книжную торговлю на Руси. — Другая изъ упомянутыхъ мною статей есть отвѣтъ Новикова генералъ-маіору Щербинину, „находящемуся со властію Губернатора въ Слободской губерніи“, отвѣтъ на предложеніе участвовать въ учрежденіи типографіи при Харьковскихъ училищахъ [1]). Статья эта замѣчательна по многимъ причинамъ. Во 1-хъ, въ чей Новиковъ высказываетъ свой взглядъ на значеніе типографій: народное просвѣщеніе, говоритъ онъ, пріобрѣтается посредствомъ заведенія училищъ; „однако всегда оно какъ изъ источника почерпается изъ книгъ помощію типографіи въ свѣтъ издаваемыхъ“. Во 2-хъ, статья свидѣтельствуетъ о томъ, что Новиковъ былъ близокъ въ эту эпоху къ императрицѣ, что онъ былъ въ это время *силой*; она свидѣтельствуетъ объ этомъ и самымъ появленіемъ своимъ съ нижеслѣдующими выраженіями, и самыми этими выраженіями; вотъ они: „я за особливое щастіе и честъ почитаю о матеріи толь важной, и для здѣшнихъ мѣстъ особливо полезной, *обще съ вами представленіе учинить*. Такъ не соизволитель приказать... изготовить оное, и при письменномъ видѣ *мнѣ сообщить для донесенія и отъ меня, кому должно, съ изъясненіемъ мыслей моихъ* съ предпріятими вашими сходственныхъ. *Я обязываюсь довольно внушить и изъяснить пользу* и нужду заведенія при здѣшнихъ училищахъ типографіи. *Не сумнюсь, что вы сіе мое мнѣніе одобрить изволите...* Я уповаю, что *верховныя наши правительства не оставятъ вникнуть* во всѣ подробности сего дѣла“.—Обращеніе Щербинина съ своимъ предложеніемъ къ Новикову показываетъ намъ, какое значеніе сталъ пріобрѣтать Новиковъ въ обществѣ.

6.

Съ самаго начала 1773 года стала появляться въ свѣтъ „Древняя Россійская Вивліоѳика, или собраніе разныхъ древнихъ сочиненій, яко то: Россійскія посольства въ другія государства, рѣдкія грамоты, описанія свадебныхъ обрядовъ и другихъ историческихъ и географическихъ достопамятностей, и многія сочиненія древнихъ Россійскихъ Стихотворцевъ, издаваемая помѣсячно Николаемъ Новиковымъ“.

Я уже упоминалъ, что въ новомъ своемъ изданіи Новиковъ отказался отъ сатиры, — этимъ Вивліоѳика похожа на Опытъ Историче-

[1]) Тамъ-же, стр. 271—273.

100

скаго Словаря. Но она рѣзко отличается отъ этого послѣдняго изданія, равно какъ и отъ Живописца, своею основною идеей. — Цѣлью Вивліоѳики было, какъ говоритъ Новиковъ въ предисловіи „Къ читателю“, — „начертаніе нравовъ и обычаевъ“ нашихъ предковъ, чтобы мы познали „великость духа ихъ, украшеннаго простотою“. Такимъ образомъ въ Вивліоѳикѣ Новиковъ вернулся къ тому идеалу, во имя котораго онъ дѣйствовалъ въ Трутнѣ. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: идеи живучи въ душѣ человѣка, а тѣмъ болѣе въ душѣ живой и впечатлительной; все, чѣмъ мы жили когда-либо, не умираетъ въ насъ, оно только уходитъ въ глубь души, уступая первое мѣсто новымъ идеямъ, но оно всегда можетъ воскреснуть. Западъ, увлекшій Новикова своей образованностью, не далъ ему однако-же, какъ мы видѣли, новаго жизненнаго убѣжденія; тѣмъ понятнѣе былъ возвратъ его къ старому идеалу. Но должно замѣтить при этомъ, что побужденіемъ Новикову издавать памятники древней русской жизни служилъ не только этотъ идеалъ, но и идея объ образованности, органически слившаяся съ чувствомъ патріотизма. „Полезно знать нравы, обычаи и обряды древнихъ чужеземныхъ народовъ (говоритъ предисловіе); но гораздо полезнѣе имѣть свѣдѣніе о своихъ прародителяхъ; похвально любить и отдавать справедливость достоинствамъ иностранныхъ; но стыдно презирать своихъ соотечественниковъ, а еще паче и нушаться оными“. „Кощунами“ называетъ Новиковъ людей „ненавидящихъ свое отечество“ и „пересмѣхающихъ и презирающихъ самыя добродѣтели предковъ нашихъ“. Чувство патріотизма и увлеченіе стариною сливается въ издателѣ Вивліоѳики съ стремленіемъ *изучить* по историческимъ памятникамъ нравы и обычаи этой старины. — Къ Франціи Вивліоѳика, подобно Трутню, относится съ предъубѣжденіемъ: выражая надежду на благосклонное принятіе обществомъ своего новаго изданія, Новиковъ говоритъ: „не всѣ у насъ еще, слава Богу! заражены Франціею“, не всѣ сограждане наши, прибавляетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, „напоены Сенскимъ воздухомъ“.— Чуждый крайняго преувеличенія и односторонности, Новиковъ, какъ видно изъ сдѣланной выше выписки, вовсе не проповѣдуетъ невѣжества относительно чужихъ земель,—онъ, напротивъ, находитъ полезнымъ изучать новые и древніе нравы другихъ народовъ; въ то-же время онъ видитъ и недостатки нашей старины. Такъ, изъ этихъ недостатковъ указываетъ онъ на наше старинное *суевѣріе*. Но „пусть припомнятъ господа наши полуфранцузы (замѣчаетъ онъ при этомъ) день св. Варѳоломея; тогда не должно будетъ удивляться, что у насъ нѣкоторые частные люди отъ суевѣрія пострадали“. Эта попытка про-

веденія параллели между нашей исторіей и исторіей чужою дѣлаетъ большую честь научному и жизненному чутью Новикова.

Вивліоѳика, какъ и Живописецъ, свидѣтельствуетъ о добрыхъ отношеніяхъ между Новиковымъ и имп. Екатериной. Вивліоѳика посвящена императрицѣ. Изъ переписки Новикова съ Козицкимъ [1]) узнаемъ мы, что черезъ этого послѣдняго испрашивалъ Новиковъ у Екатерины дозволенія посвятить ей свой новый трудъ, и что она сама вычеркнула изъ посвященія нѣкоторыя выраженія,—„все то (по словамъ ея), что свѣту показаться можетъ ласкательство". — „Ея Имп. Величество, Всемилостивѣйшая наша Матерь и Государыня, пекущаяся о просвѣщеніи нашемъ (говоритъ Новиковъ въ Предисловіи), и въ семъ случаѣ первая соизволила ободрить меня самымъ дѣломъ, указавъ сообщить мнѣ изъ Вивліоѳики Ея книгу, содержащую множество рѣдкихъ писаній". — Октября 26-го 1773 года императрица дала Миллеру, завѣдывавшему Архивомъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, указъ, повелѣвающій „сообщать г. Новикову копіи съ описаній посольствъ, съ разныхъ обрядовъ или чиновъ и другихъ достопамятныхъ вещей не меньше какъ и любопытныхъ" [2]). Объ приведеніи этого указа въ исполненіе Миллеръ донесъ 7 ноября того-же года. Не ограничиваясь этимъ, императрица поддерживала изданіе Новикова и матерьяльными средствами. „Издавая два года Вивліоѳику помѣсячно (заявляетъ Новиковъ въ 1774 году въ VI части при мѣсяцѣ октябрѣ) [3]), имѣлъ я щастіе видѣть, что сіи Труды мои удостоены Высочайшаго вниманія и благоволенія Ея Имп. Величества, Всемилостивѣйшей Покровительницы Мусъ Россійскихъ". И дѣйствительно, императрица ежегодно подписывалась на 10 экземпляровъ Вивліоѳики, и кромѣ того помогала изданію значительными денежными субсидіями. Императрица „соизволила подкрѣпить мое Изданіе знатною суммою денегъ", писалъ Новиковъ при объявленіи объ изданіи своего сборника въ 1775 году [4]). Въ перепискѣ Новикова съ Козицкимъ есть двѣ росписки Новикова: одна отъ 3 ноября 1773 года—въ полученіи пожалованной Ея Имп. Величествомъ тысячи рублей; другая отъ 1 января 1774 года—въ таковомъ же полученіи 200 голландскихъ червонцевъ [5]).— Изъ той же переписки видно, что Новиковъ сообщалъ императрицѣ томы Вивліоѳики черезъ Козицкаго тотчасъ же по выходѣ ихъ изъ типографіи.

[1]) Лѣтописи рус. лит-ры и древности. Изд. Тихонравова. Т. IV, М. 1862 г. Стр. 40—41.

[2]) Тамъ-же, стр. 42 и 43.

[3]) Вивліоѳика, изд. I, ч. VI, стр. 162—165.

[4]) Тамъ-же.

[5]) Лѣт. рус. лит-ры и древности, т. IV, М. 1862 г., стр. 44.

Стремясь всегда дѣйствовать не одиноко, стараясь будить самодѣятельность въ обществѣ, Новиковъ и въ Предисловіи къ Вивліоѳикѣ [1]) обращается съ просьбою къ „благосклоннымъ читателямъ" „о вспомоществованіи" ему въ его изданіи; онъ проситъ присылать ему для списанія рукописи, если у кого таковыя найдутся: „хотя я уже и имѣю много разныхъ любопытныхъ и достойныхъ списковъ для наполненія сего изданія (пишетъ онъ), но можетъ быть у охотниковъ хранятся еще достойнѣйшіе оныхъ". Изъ этихъ словъ между прочимъ видно, что, если ученыя изданія Новикова и не выдержатъ строгой критики съ точки зрѣнія нынѣшнихъ требованій отъ изданія памятниковъ, то все-таки его изданія не были лишены научныхъ пріемовъ: Новиковъ сличалъ различные списки одного и того-же памятника, и это сличеніе считалъ дѣломъ важнымъ.—На призывъ Новикова вспомоществовать ему въ его изданіи откликнулись, должно быть, не многіе. Изъ примѣчаній къ изданнымъ памятникамъ мы узнаемъ — изъ какихъ мѣстъ и отъ какихъ лицъ получалъ ихъ Новиковъ. Такихъ мѣстъ и лицъ — не много; вотъ они: собственная библіотека императрицы, Архивъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, Патріаршая Книгохранительница въ Москвѣ [2]), Кіевопечерская Книгохранительница [3]), библіотека бригадира Павла Сергіевича Потемкина [4]), книгохранительницы Ѳед. Ив. Миллера [5]) и князя Петра Никитича Трубецкаго [6]), и наконецъ библіотека самого Новикова [7]); затѣмъ еще нѣкоторыя лица присылали свои родословія. — Началъ Новиковъ изданіе Вивліоѳики, по всей вѣроятности, одинъ; но уже въ октябрѣ 1773 года онъ дѣйствовалъ не одиноко, а въ цѣломъ обществѣ: 30 октября 1773 года онъ писалъ Козицкому письмо съ просьбою: „подать Ея Величеству посланную при семъ книгу *Золотыхъ часовъ* 1-ю часть, *отъ имени нашего общества*" [8]). Должно быть, или по крайней мѣрѣ можетъ быть, это то самое „общество, старающееся о напечатаніи книгъ", о которомъ говорилось въ Живописцѣ, въ разсмотрѣнной выше статьѣ его, — вѣроятно, Новиковъ примкнулъ къ нему и сталъ во главѣ его.

Будучи „поощренъ и заохоченъ" вниманіемъ и благоволеніемъ Государыни и „всѣхъ Особъ знающихъ цѣну и важность таковыхъ Изда-

[1]) Вивліоѳика, изд. I, ч. I.

[2]) Тамъ-же, ч. III, стр. 149; IV, 139, 174, 351; V, 36, 70; VI, 161; VIII, 125 и 207.

[3]) Тамъ-же, ч. VI, стр. 315.

[4]) Тамъ-же, ч. IV, стр. 41.

[5]) Тамъ-же, ч. IV, стр. 13, 94, 156, 384; VIII, 362, 375.

[6]) Тамъ-же, ч. VIII, стр. 388.

[7]) Тамъ-же, ч. VII, стр. 444; IX, 169.

[8]) Лѣт. рус. лит-ры, т. IV, стр. 43.

ній“, „предпріялъ я продолжать сіе Изданіе и на будущій 1775 годъ“, объявилъ Новиковъ въ октябрѣ 1774 года[1]). Но не много, вѣрно, было людей, понимающихъ пользу Вивліоѳики: въ этомъ же самомъ объявленіи Новиковъ говоритъ, что подписчиковъ на 1774 годъ было такъ мало, что онъ не былъ бы въ состояніи продолжать изданіе исправно, если бы не помогла императрица „знатною суммою денегъ“. Дѣйствительно, количество подписчиковъ, небольшое и въ первомъ году изданія, значительно уменьшилось во второмъ. Изъ списковъ лицъ и мѣстъ, получавшихъ Вивліоѳику (списки эти печатались при различныхъ томахъ ея), узнаемъ мы, что такихъ лицъ и мѣстъ въ первомъ году было 198 и подписались они на 246 экземпляровъ[2]); въ 1774 году подписчиковъ было только 133 и они получали 167 экземпляровъ[3]); наконецъ въ послѣднемъ году изданія Вивліоѳики только 57 человѣкъ получали 77 экземпляровъ[4]). Для привлеченія бо́льшаго числа подписчиковъ Новиковъ объявлялъ, что подписная цѣна будетъ значительно ниже цѣны отдѣльныхъ томовъ по выходѣ ихъ въ свѣтъ (такъ на простой бумагѣ 6 т. 1775 г. должны были стоить по подпискѣ 7 р. 50 к., по выходѣ съ свѣтъ по 1 р. 50 к. томъ); — но и это не помогало. „Новостей здѣшнихъ никакихъ сообщить вамъ не могу (писалъ Нозиковъ Козицкому 26 марта 1775 года)[5]), кромѣ того, что отъѣздъ Двора произвелъ въ дѣлахъ моихъ такое замѣшательство, что я не знаю, какъ могу окончить Вивліоѳику на нынѣшній годъ, ибо не только что не прибавляются подпищики, но и другихъ книгъ почти совсѣмъ не покупаютъ“. „Что дѣлать (говорится въ томъ-же письмѣ), когда усердіе мое во оказаніи услугъ моему отечеству сограждданами моими такъ худо пріемлется!“ Это-то обстоятельство, вѣроятно, и было причиною, что, вмѣсто обѣщанныхъ въ объявленіи на 1775 годъ 6 томовъ, Новиковъ выпустилъ только 4 (отъ 7-го до 10-го).— И такъ, Вивліоѳика имѣла мало успѣха. Но слѣдуетъ замѣтить, что большаго успѣха она и не могла имѣть по полной неприготовленности общества къ такому серьезному чтенію; надо удивляться, что она имѣла хоть какой-либо успѣхъ, — и этому, безъ сомнѣнія способствовало уже очень извѣстное тогда, даже славное имя издателя, равно

[1]) Вивліоѳика, изд. I, ч. VI.

[2]) Тамъ-же, ч. I, янв., мартъ, апр., май (въ Спб. 128 чел. на 167 экз.; въ М. 70 чел. на 79 экз.).

[3]) Тамъ-же, ч. III, янв., февр.; ч. IV, апр. (въ Спб. 99 чел. на 133 экз.; въ М. 34 чел. на 34 экз.).

[4]) Тамъ-же, ч. VII и ч. IX (въ Спб. 42 чел. на 62 экз., въ М. 15 чел. на 15 экз.).

[5]) Лѣт. рус. лит-ры, т. IV, стр. 45 и 46.

какъ и его предисловіе къ изданію и умѣнье повести дѣло: онъ умѣлъ выбрать статьи, могшія до нѣкоторой степени заинтересовать даже неподготовленныхъ читателей[1]). Первое изданіе Вивліоѳики, равно какъ и нѣсколько слѣдовавшихъ за нею подобныхъ ей книгъ, не было изданіемъ только спеціально-ученымъ; Новиковъ хотѣлъ сдѣлать изъ него и книгу для чтенія общества. Онъ погнался такимъ образомъ за двумя зайцами; но это былъ именно такой случай, когда слѣдовало поступить такъ; продолжая дѣйствовать въ томъ-же направленіи съ свойственной ему неутомимой энергіей, не смущаясь неудачами, Новиковъ достигъ того, что пробудилъ въ обществѣ интересъ къ родной исторической старинѣ, и такимъ образомъ подготовилъ, быть можетъ, читателей для Исторіи своего ученика — Карамзина.

Кто были подписчики на Вивліоѳику? — Во-первыхъ, какъ было упомянуто выше, императрица подписывалась ежегодно на 10 экземпляровъ. Ея примѣру слѣдовали нѣкоторые знатные люди, или вообще нѣкоторые придворные; такъ въ числѣ подписчиковъ значатся: гр. Ан. Карл. Воронцова, графъ Кир. Гр. Разумовскій, Ад. Вас. Олсуфьевъ, кн. Александръ Мих. Голицынъ, княг. Ел. Никит. Вяземская, Пав. Серг. Потемкинъ, Григ. Вас. Козицкій, Сем. Вас. Нарышкинъ, Алексѣй Петр. Мельгуновъ, Александръ Васил. Храповицкій, кн. Григ. Григ. Орловъ[2]), гр. Петръ Бор. Шереметевъ, Ив. Перф. Елагинъ, Григ. Ник. Тепловъ, граф. Праск. Александр. Брюсова, гр. Петръ Григ. Чернышевъ, Мих. Ник. Кречетниковъ[3]), кн. Ник. Бор. Юсуповъ[4]), Петръ Дмитр. Ерпкинъ, его свѣтлость Егоръ Вахтангеевичъ царевичъ Грузинскій[5]), гр. Остерманъ, кн. Петръ Ив. Репнинъ, камеръ-лакей Тюлпинъ, гр. Ром. Лар. Воронцовъ, граф. Ек. Мих. Румянцева[6]), гр. Зах. Григ. Чернышевъ, Ѳед. Богдан. Пассекъ, Александръ Романовичъ Воронцовъ[7]), Григ. Алекс. Потемкинъ, гр. Ѳед. Алекс. Апраксинъ[8]), кн. Александръ Борис. Куракинъ[9]) и другіе. Затѣмъ получали Вивліоѳику нѣкоторые извѣстные писатели и общественные дѣятели; напр., Мих. Матв. Херасковъ, кн. Ник. Никит. Трубецкой (извѣстный впо-

[1]) Таковы, напр., различныя посольства, описанія царскихъ браковъ, чинъ патріаршаго шествія на осляти, и т. п.

[2]) Вивліоѳика, изд. I, ч. I, январь.

[3]) Тамъ-же, мартъ.

[4]) Тамъ-же, апрѣль.

[5]) Тамъ-же, май. Нѣкоторые изъ всѣхъ вышеназванныхъ подписались и на слѣд. года.

[6]) Тамъ-же, ч. III, январь.

[7]) Тамъ-же, февраль.

[8]) Тамъ-же, ч. IV, апр.

[9]) Тамъ-же, ч. VII.

слѣдствіи масонъ), Алексѣй Мих. Кутузовъ (тоже знаменитый масонъ), Александръ Никол. Радищевъ, Ив. Аѳон. Дмитревскій (актеръ), Вас. Ив. Майковъ [1]), Вас. Григ. Рубанъ [2]), кн. Мих. Мих. Щербатовъ [3]), Як. Ив. Булгаковъ. Нельзя сказать, чтобы многіе писатели подписались на Вивліѳику. Были въ числѣ подписчиковъ архіереи и архимандриты, семинаріи и даже монастыри; напр.: архіеп. псковской Инокентій, Невскій монастырь [4]), архіеп. крутицкій Самуилъ, еп. суздальскій Геннадій, архиман. новоспасскій Іоаннъ, архиман. Кіево-золотоверхо-Михайловскаго монастыря Ѳеоктистъ [5]), Троицко-Сергіевы лавры семинарія, свящ. Левишновъ [6]), ректоръ Москов. Академіи Ѳеофилактъ [7]), архіеписк. москов. и тверской Платонъ, архим. соловецкій Досиѳей [8]). Здѣсь, значитъ, начинаются уже сношенія Новикова съ архіереями, которые, какъ увидимъ потомъ, были распространителями журнала его „Утренній свѣтъ“. — Нѣсколько купцовъ подписалось на Вивліѳику: Андреевъ (петербургскій купецъ) [9]), Шехъ-урдинъ (московскій), Ананьевъ (ростовскій) [10]), Ситниковъ, Добрынинъ, Камановъ (арменскій купецъ) [11]), Гебгардъ (ревельскій), Галактіоновъ (петербургскій) [12]); одинъ крестьянинъ — Алексѣй Баневъ, холмогорскаго уѣзда [13]). Остальные подписчики (благородія, высокоблагородія и превосходительства) — лица неизвѣстныя. — Изъ списковъ подписчиковъ видимъ мы, что Вивліѳика расходилась въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ общества и притомъ не только въ столицахъ, но и по другимъ городамъ. Разумѣется, и заѣзжіе въ столицы люди, случалось, покупали ее; такъ, на принадлежащемъ Спб. Университету экземплярѣ Вивліѳики есть такого рода надпись (на I ч.): „сіи десять книгъ присланы изъ Петербурга отъ Сергея Сидоровича Попова купца Коломенскаго Петру Жукову въ Коломну 1777 года въ Генварѣ мѣсяцѣ въ первыхъ числахъ“. — Надобно замѣтить, что сравнительная многочисленность въ средѣ подписчиковъ лицъ придворныхъ и родовитыхъ (многихъ еще графовъ и

[1]) Тамъ-же, ч. I, январь.
[2]) Тамъ-же, мартъ.
[3]) Тамъ-же, ч. Ш, январь.
[4]) Тамъ-же, ч. I, мартъ.
[5]) Тамъ-же, май.
[6]) Тамъ-же, ч. Ш, январь.
[7]) Тамъ-же, ч. IV, апрѣль.
[8]) Тамъ-же, ч. IX.
[9]) Тамъ-же, ч. I, мартъ.
[10]) Тамъ-же, апрѣль.
[11]) Тамъ-же, май.
[12]) Тамъ-же, ч. VII.
[13]) Тамъ-же, ч. IX.

князей я не назвалъ) далеко не всегда объясняется безкорыстнымъ стремленіемъ этихъ лицъ къ просвѣщенію; многіе подписывались, конечно, потому только, что изданію покровительствовала императрица; другимъ лестно было прочесть въ Вивліѳикѣ свою родословную, ибо Новиковъ задумалъ печатать тамъ родословія князей и дворянъ. Въ концѣ 1773 года черезъ Козицкаго испрашивалъ онъ на это разрѣшеніе императрицы [1]). — Это намѣреніе Новикова можетъ показаться страннымъ и даже бросить на него нѣкоторую тѣнь: неужели хотѣлъ онъ поддержать свое изданіе льстя родовой гордости? Но такъ можетъ только показаться; на самомъ дѣлѣ Новиковымъ руководили въ этомъ намѣреніи чисто научные интересы: „для меня (писалъ онъ Козицкому) кажется сіе (т. е. печатаніе „извѣстій о родахъ“) весьма важнымъ и полѣзнымъ предметомъ, потому особливо, что ничемъ такъ преуспѣть невозможно къ собранію полной книги родословной, какъ симъ изданіемъ. Многіе дворяне въ Москвѣ о семъ просили меня и обѣщались прислать книги родословныя, *чего въ другое время и получить не возможно*“ [2]). До какой степени Новиковъ дорожилъ всякими историческими памятниками и извѣстіями, видно, напр., изъ одного случайно вырвавшагося у него слова: въ числѣ немногихъ въ Вивліѳикѣ примѣчаній есть одно (при Діаріушѣ св. Димитрія Ростовскаго) [3]) такого рода: „слѣдующаго листа не имѣется: оной ко *крайнѣйшему нещастію* потерянъ, ибо въ книгѣ сей расклѣены были въ нѣкоторыхъ мѣстахъ листы“.

Новиковъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые имѣютъ право на полное вниманіе наше къ каждому ихъ слову. Въ майской книжкѣ IV части Вивліѳики въ примѣчаніи къ родословію кн. Голицыныхъ говорится: „Въ Россійскихъ Родословныхъ книгахъ, обыкновенно ни о женахъ, ни о дочеряхъ не упоминается..... потому и мы въ древнія времена толь рѣдко о женскомъ полѣ упоминать случай имѣемъ“ [4]). Новиковъ какъ будто извиняется за это передъ читателемъ. Это, повидимому, ничтожное, примѣчаніе есть, быть можетъ, зародышъ вопроса о положеніи женщины въ обществѣ, вопроса, поднятаго впослѣдствіи Новиковымъ. Впрочемъ нѣчто подобное встрѣчалось уже въ Живописцѣ: кокетка бранитъ „ученыхъ женщинъ“ [5]), т. е., значитъ, Новиковъ допускалъ возможность существованія подобныхъ женщинъ и сочувствовалъ имъ. Въ другомъ мѣстѣ, въ отвѣтъ на письмо отца

[1]) Лѣтоп. рус. лит-ры, т. IV, стр. 43.
[2]) Тамъ-же.
[3]) Вивліѳика, изд. I, ч. VI, стр. 343.
[4]) Тамъ-же, ч. IV, стр. 180.
[5]) Живописецъ. Изд. 7-е (г. Ефремова). Стр. 19.

семейства, гдѣ онъ проситъ Живописца прочесть его дочерямъ наставленіе, чтобы онѣ, вышедши за-мужъ, не покидали своихъ мужей, Новиковъ отвѣчаетъ, что „удовольствуетъ“ его желаніе, „но при томъ однакожъ (замѣчаетъ онъ) съ прибавленіемъ критики на тѣхъ мужей, которыя безпорядочнымъ своимъ житіемъ выводятъ женъ своихъ изъ терпѣнія, и по нуждѣ заставляютъ покинуть мужа, въ которомъ вмѣсто друга, находятъ себѣ мучителя“ [1]). Это замѣчаніе есть, быть можетъ, въ то-же время намекъ на семейныя обстоятельства императрицы, письмо которой напечатано въ томъ-же номерѣ журнала.

Лишенный возможности гласно высказывать свои идеи о крѣпостномъ правѣ, Новиковъ не пропускалъ случая проводить ихъ путями иными. Въ маѣ 1773 года, поднося въ свои именины императрицѣ черезъ Козицкаго одну рѣдкую книгу, Новиковъ пишетъ Козицкому, надѣясь, вѣроятно, что письмо это будетъ извѣстно и императрицѣ, слѣдующее: издавая древности Россійскія о обрядахъ у нашихъ предковъ, мнѣ полюбилось болѣе всего обыкновеніе ихъ подносить Государю пирогъ въ день Ангела; удаленный отъ своей деревни, я подношу вмѣсто этого книгу. Далѣе Новиковъ такъ разъясняетъ старинное обыкновеніе: хлѣбъ есть человѣку при рожденіи его самонужнѣйшая вещь; „всякій человѣкъ наиболѣе всего долженъ имѣть попеченіе о хлѣбопашествѣ, а *дворяне* еще и наиболѣе прочихъ, потому что *они ни что иное, какъ люди, которымъ государь ввѣрилъ нѣкоторую часть людей же, во всемъ имъ подо'ныхъ, въ ихъ надзираніе*. Далъ бы Богъ, чтобы почтенныя мои собратія сему повѣрили!“ [2]). Новиковъ хотѣлъ провести ту мысль, что дворяне не владѣльцы крестьянъ, а лишь надзиратели, приставленные къ нимъ верховною властью, которая, вслѣдствіе этого и можетъ во всякую минуту уволить ихъ отъ этого надзиранія, какъ вообще отъ должности, отъ службы. Быть можетъ письмо къ Козицкому было одною изъ попытокъ Новикова побудить императрицу къ такому увольненію.

7.

Въ первый годъ изданія Вивліоѳики появилось еще въ свѣтъ, трудами Новикова, одно старинное русское сочиненіе—„Древняя Россійская Идрографія, содержащая описаніе Московскаго Государства рѣкъ, протоковъ, озеръ, кладязей и какіе по нихъ городы и урочища, и на какомъ оныя разстояніи“.—Выпуская въ свѣтъ это сочиненіе, Новиковъ, какъ и во всѣхъ своихъ ученыхъ изданіяхъ, имѣлъ въ виду двѣ

[1]) Тамъ-же, стр. 42.

[2]) Лѣт. рус. лит. и др., т. IV, стр. 41.

цѣли. Въ Предисловіи отъ издателя говорится, что „Идрографія“ напечатана для сохраненія самаго списка и для удержанія въ памяти именъ нѣкоторыхъ бывшихъ городовъ, урочищъ и прочихъ достопамятныхъ извѣстій, т. е. она напечатана съ цѣлью ученою, какъ памятникъ старины, какъ матерьялъ для изученія древней русской исторіи. Но въ то-же время ея изданіемъ Новиковъ подкрѣпляетъ, доказываетъ свою постоянную идею: Идрографія появилась въ свѣтъ, говоритъ онъ въ Предисловіи, „паче всего для обличенія несправедливаго мнѣнія тѣхъ людей, которые думали и писали, что до временъ Петра Великаго Россія не имѣла никакихъ книгъ окромѣ церковныхъ, да и то будто только служебныхъ“.

„Идрографія“ издана по шести спискамъ (одинъ—принадлежащій Хлѣбникову, два—изъ библіотеки Академіи Наукъ, два—изъ библіотеки Александра Григ. Сабакина, и одинъ—„списокъ со списка находящагося въ Патріаршей ризницѣ“; три послѣдніе присланы Новикову изъ Москвы „стараніемъ друга“ его). За основаніе изданія Новиковъ взялъ хлѣбниковскій списокъ (ибо нашелъ его старѣе другихъ), „исправивъ только противъ другихъ находившіеся въ немъ описки и погрѣшности“. Но не должно думать, что исправленія эти были слишкомъ смѣлы или произвольны: издатель Идрографіи былъ въ этомъ отношеніи чрезвычайно остороженъ: онъ замѣчалъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ памятниковъ явныя ошибки (напр. однѣ рѣки двумя наименованіями означены), но онъ этихъ ошибокъ не исправлялъ, „опасаясь, чтобы поправками не погрѣшить болѣе самого перепищика“. — Изъ этого видно, что Новиковъ былъ не слишкомъ далекъ отъ правильныхъ пріемовъ для изданія памятниковъ: онъ умѣлъ цѣнить историческіе документы и понималъ, что съ ними надо обращаться осторожно.

Подписчиками на Идрографію были тѣ-же лица, которыя подписались на Вивліоѳику; только ихъ было значительно менѣе: 50 человѣкъ на 75 экземпляровъ. Эти лица: императрица (10 экземпл.) Григ. Вас. Козицкій, кн. Александръ Алексѣевичь Вяземскій, гр. Петръ Григор. Чернышевъ, граф. Анна Карловна Воронцова, кн. Александръ Мих. Голицынъ; епископы: могилевскій—Георгій и крутицкій—Самуилъ; затѣмъ: Мих. Мат. Херасковъ, кн. Ник. Никит. Трубецкой, Ив. Аѳ. Дмитревскій, Ал. Ник. Радищевъ, и другіе.

8.

Вернувшись къ прежней своей идеѣ о нравственной высотѣ древней Руси, Новиковъ вскорѣ вернулся и къ сатирѣ. Въ 1774 году начался третій сатирическій журналъ его—„Кошелекъ“.—Если прибѣгнуть къ старому, избитому, но прекрасному сравненію, то можно ска-

зать, что, какъ лампада, догорая, вспыхиваетъ на мгновенье яркимъ блескомъ, такъ мысль, проходящая черезъ весь первый періодъ литературной дѣятельности Новикова, умирая, уступая свое мѣсто иной мысли, вспыхнула, также на мгновенье, яркимъ пламенемъ въ послѣднемъ изъ его сатирическихъ журналовъ, въ „Кошелькѣ“.—По сатирѣ своей, по художественности „Кошелекъ“ значительно слабѣе не только Живописца, но и Трутня, — обстоятельство, свидѣтельствующее, что вѣра издателя въ свою идею уже не тверда и близко граничитъ съ сомнѣніемъ, что страстное увлеченіе его своей идеей есть уже увлеченіе лихорадочное, болѣзненное: намъ всегда становится дороже подъ-конецъ то, чѣмъ мы когда-то жили, и что, мы чувствуемъ, уходитъ отъ насъ.—Но, уступая во многомъ своимъ предшественникамъ, Кошелекъ замѣчателенъ по строгой и рѣзкой опредѣленности своего направленія.

Съ благоговѣйнымъ уваженіемъ относится Новиковъ въ своемъ новомъ изданіи къ русской старинѣ. Онъ говоритъ, что Праотцевъ нашихъ (это слово написано даже съ большой буквы) украшали „великія добродѣтели“ [1]), которыя онъ сравниваетъ съ „истинными драгоцѣнными жемчугами“[2]); какъ великаго счастья, желаетъ издатель Кошелька своимъ читателямъ — „пользоваться древними Россійскими добродѣтелями“ [3]). — „Надлѣжитъ дѣлать добро не по принужденію, но по склонности сердца (говоритъ Русскій въ разговорѣ съ Французомъ, которому онъ помогъ въ нуждѣ, слѣдуя обычаю предковъ). Предки наши во сто разъ были добродѣтельнѣе насъ, и Земля наша не носила на себѣ исчадій, не имѣющихъ склонности къ добродѣянію и не любящихъ своего Отечества“ [4]). — „И въ древнія времена Россіяне свои имѣли пороки“ (говоритъ Французу безпристрастный Нѣмецъ); но „всѣ народы во всякія времена имѣли особые пороки: прочитай со вниманіемъ свою исторію, увидишь тамъ варварства еще болѣе, нежели сколько его было въ Россіи“. Древніе русскіе нравы были чисты, и если бы можно было теперь возвратить ихъ, „тогда бы можно было поставить ихъ образцемъ человѣку“ [5]).—Слѣды древнихъ нашихъ доблестей видитъ Новиковъ и въ современной ему русской дѣйствительности: добродѣтели предковъ нашихъ, говоритъ онъ, „нѣкоторыхъ изъ нашихъ соотечественниковъ еще и нынѣ осіяваютъ“ [6]). Эти доблести

[1]) Кошелекъ, сатирич. журналъ Новикова 1774 года. Изд. А. Аѳанасьева. М., 1858 г. Предисл., стр. 7—8.
[2]) Тамъ-же, стр. 9—10.
[3]) Тамъ-же, стр. 11.
[4]) Тамъ-же, стр. 24.
[5]) Тамъ-же, стр. 52—54.
[6]) Тамъ-же, стр. 8.

и добродѣтели Новиковъ не считаетъ явленіемъ случайнымъ, — онъ признаетъ ихъ свойствами нашего народнаго характера. Идея народности была для него совершенно ясна: осмѣивая наше увлеченіе чужестраннымъ, онъ говоритъ: „какъ будто бы природа, устроившая всѣ вещи съ такою премудростію, и надѣлившая всѣ Области свойственными климатамъ ихъ дарованіями и обычаями, столько была несправедлива, что одной Россіи не давъ свойственнаго народу ея характира, опредѣлила ей скитаться по всѣмъ Областямъ и занимать клочками разныхъ народовъ разныя обычаи, что бы изъ сей смѣси составить новый ни какому народу несвойственный характиръ, а еще наипаче Россіянину“ [1]). Новиковъ указываетъ и существенныя свойства нашего народнаго характера. Въ „Разговорѣ между Россіяниномъ и Французомъ“ [2]) Французъ изображенъ человѣкомъ увлекающимся безъ достаточныхъ для увлеченія поводовъ, онъ быстро переходитъ отъ отчаянья къ радости, отъ благодарности къ холодной насмѣшливости; это отражается и въ его рѣчи, состоящей изъ восклицательныхъ предложеній. Русскій, напротивъ, спокойно владѣетъ собою, говоритъ благоразумно и здраво и останавливаетъ неосновательные порывы своего собесѣдника. Русскій оказывается человѣкомъ добрымъ и довѣрчивымъ: онъ помогаетъ Французу своими деньгами, вѣритъ его слову, считаетъ его честнымъ и благодарнымъ человѣкомъ, между тѣмъ какъ тотъ его нагло обманываетъ. „Русскіе люди въ разсужденіи наукъ и художествъ (говоритъ честный и безпристрастный Нѣмецъ) [3]) столькожъ имѣютъ остроты, разума и проницанія, сколько и Французы, но гораздо болѣе имѣютъ твердости, терпѣнія и прилѣжанія“.—Изъ этой характеристики и вообще изъ приведенныхъ выше выписокъ мы можемъ сдѣлать заключеніе, что нашъ народный характеръ считаетъ Новиковъ въ Кошелькѣ высшимъ, чѣмъ характеры другихъ народовъ; еще въ Живописцѣ называлъ онъ Русь „несравненною подъ солнцемъ страною“. — Но въ то-же время Новиковъ видитъ, что наша довѣрчивость, граничащая съ легковѣріемъ, есть добродѣтель весьма сомнительная: она приводитъ насъ къ самымъ печальнымъ результатамъ, — къ слѣпому увлеченію всѣмъ французскимъ, къ рабскому преклоненію передъ нимъ. „Сіе весьма достойно примѣчанія (съ удивленіемъ говоритъ самъ Французъ) [4]), что хотя Нѣмецъ и Англичанинъ русскихъ не обманываютъ, и обходятся съ ними правдиво и честно, однакожъ они ихъ не любятъ... на противъ того Фран-

[1]) Тамъ-же, стр. 8—9.
[2]) Тамъ-же, стр. 20—27.
[3]) Тамъ-же, стр. 51.
[4]) Тамъ-же, стр. 47.

цузу открыта внутренность души и сердца Русскаго человѣка". Русскій понимаетъ, что Французъ „хочетъ надъ нимъ господствовать и управлять имъ по своимъ выгодамъ", но онъ ему „повинуется и притворяется того не примѣчающимъ: словомъ сказать, обхожденіе Русскаго съ Французомъ можно уподобить человѣку порабощенному порокамъ, который иногда чувствуетъ, что дѣлаетъ порочное; однакожъ дѣлать онаго не перестаетъ". — Изъ приведенныхъ словъ видно, что къ Нѣмцамъ и Англичанамъ Кошелекъ относится сочувственно. Въ статьѣ „Разговоръ между Нѣмцомъ и Французомъ" [1]) Нѣмецъ нарисованъ человѣкомъ дѣйствительно ученымъ, честнымъ и трудолюбивымъ, неимѣющимъ сословныхъ предразсудковъ, цѣнящимъ добрыя свойства русскаго характера и негодующимъ на обманы Француза.— Совсѣмъ иначе относится Кошелекъ къ Франціи: онъ не видитъ въ ней истинныхъ добродѣтелей, — въ ней есть только, по его мнѣнію, внѣшній ложный блескъ: „если бы Франція столько имѣла жемчуговъ (говоритъ онъ), сколько имѣла Россія, то никогда бы не стала выдумывать бусовъ; *нужда и бѣдность мать вымысловъ*". „А нынѣ (продолжаетъ сатирикъ) развращеніе во нравахъ учителей нашихъ столь велико, что они и изъясненіе нѣкоторыхъ добродѣтелей совсѣмъ потеряли, и столь далеко умствованіями своими заходятъ, что во адѣ рай свой найти уповаютъ" [2]). Многіе Французы, „пропитанія неимѣющіе", или ремесленники, преимущественно „волосоподвиватели", пріѣзжаютъ въ Россію съ купленными дворянскими паспортами [3]), выдаютъ себя за ученыхъ людей, и, будучи круглыми невѣждами, беззастѣнчиво берутся воспитывать дѣтей знатныхъ лицъ, „будущую опору государства". Представителемъ подобныхъ личностей является въ Кошелькѣ „Шевалье-де-Мансонжъ" [4]). Они научаютъ своихъ воспитанниковъ болтать по-французски и ненавидѣть все русское. И они не считаютъ себя поступающими нечестно. „Глупо дѣлаютъ родители (нагло говоритъ Шевалье-де-Мансонжъ") [5]), что поручаютъ воспитаніе дѣтей своихъ мнѣ; а я напротивъ того дѣлаю очень умно, желая получать деньги даромъ". Обманывая русскихъ, онъ разсуждаетъ такимъ образомъ: „вѣть они не соотечественники мои; да если бы возможность человѣческая была, такъ бы я и единоземца своего перехитрилъ: моя философія гласитъ: *обманывай дурака, въ томъ ни грѣха, ни*

[1]) Тамъ-же, стр. 28—54.
[2]) Тамъ-же, стр. 10.
[3]) Тамъ-же, стр. 116—121.
[4]) Тамъ-же, стр. 28—54.
[5]) Тамъ-же, стр. 40.

стыда нѣтъ" [1]). — И вотъ вліянію такихъ то лицъ мы подчиняемся, говоритъ Кошелекъ, мы увлекаемся „нѣкоторыми снаружи блестящими дарованіями иноземцовъ" [2]), мы становимся ихъ обезьянами, и начинаемъ презирать и ненавидѣть все русское: нашу старину, добрыя свойства нашего народнаго характера, нашъ языкъ, — рѣчь наша до того испещрена иностранными словами, что, если мы не примемъ противъ этого сильныхъ мѣръ, то „Россійскій языкъ никогда не дойдетъ до совершенства своего" [3]). Увлекшись французскими нравами, мы стали—„живы, остры, вѣтряны, насмѣшливы" [4]); мы научились порядочно одѣваться, узнали правила „нѣжнаго, учтиваго и пріятнаго обхожденія". Безъ Французовъ „не знали бы мы (пишетъ въ Кошелекъ щеголь), что такое танцованье, какъ войти, поклониться, напрыскаться духами, взять шляпу, и одною ею разныя изъявлять страсти и показывать состояніе души и сердца нашего. Если бы не переняли мы отъ Французовъ пріятнаго и вольнаго обхожденія съ женщинами, то могли ли мы безъ сего пріятную вести жизнь" [5]). Взамѣнъ этого (думаетъ Кошелекъ) потеряли мы наши старинныя добродѣтели. „Россія тогда только можетъ называться просвѣщенною, когда Петербургъ сдѣлается Парижемъ (заключаетъ свое письмо щеголь) и когда всѣ наши крестьяне будутъ разумѣть по Французски: чему, сей патріотъ (прибавляетъ Новиковъ) въ свободное отъ чесанія волосовъ время, обѣщается сдѣлать проектъ" [6]). — Картина нашихъ пороковъ вышла весьма мрачной. „О когда бы силы человѣческія возмогли" (говоритъ Новиковъ устами Нѣмца) [7]) возвратить намъ наши погубленные нравы! „Кажется мнѣ, что мудрые древніе Россійскіе Государи, яко бы предчувствовали, что введеніемъ въ Россію Наукъ и Художествъ наидрагоцѣннѣйшее Россійское сокровище, нравы, погубятся *безвозвратно!*"—Но тутъ выходитъ въ словахъ журнала замѣчательное противорѣчіе: какъ могли наши нравы „погибнуть безвозвратно", если народный характеръ нашъ такъ идеально прекрасенъ? Ихъ погубили науки? Но Новиковъ, горячій борецъ за просвѣщеніе, не могъ въ „наукахъ и художествахъ" видѣть вреда. Въ Кошелькѣ онъ относится къ просвѣщенію съ такимъ же благоговѣніемъ, какъ и всюду: „Франція за разпространеніе наукъ и художествъ одолжена (говоритъ онъ) [8]) вѣку Людовика XIV; а въ Рос-

[1]) Тамъ-же, стр. 43.
[2]) Тамъ-же, стр. 8.
[3]) Тамъ-же, стр. 13.
[4]) Тамъ-же, стр. 59.
[5]) Тамъ-же, стр. 73—74.
[6]) Тамъ-же, стр. 78.
[7]) Тамъ-же, стр. 52—53.
[8]) Тамъ-же, стр. 51—52.

сіи судьбою предоставлена была *сія слава* Екатеринѣ Великой"; далѣе онъ предсказываетъ быстрые успѣхи наукъ въ Россіи и выражаетъ желаніе, чтобы эти предсказанія сбылись.—Новиковъ не могъ, въ то-же время, не видѣть страннаго противорѣчія,— и въ душу его должно было закрасться сомнѣніе въ полной правдѣ его идеала. Это сомнѣніе должно было явиться тѣмъ болѣе, что довольно сильное проявленіе его мы замѣтили уже раньше,—во 2-й части Живописца; въ самомъ Кошелькѣ, какъ мы знаемъ, указывается на нашу излишнюю довѣрчивость и снисходительность, какъ на источникъ различныхъ пороковъ. Сомнѣніе, дѣйствительно, и явилось: проведеніе идеи, которую хотѣлъ Новиковъ положить въ основаніе Кошелька, не могло спокойно идти дальше, какъ только была высказана мысль, что наши нравы погибли „безвозвратно". Тотчасъ вслѣдъ за этимъ, съ 4-го № журнала, начинаетъ Новиковъ печатать письмо какого-то щеголя, приверженца Франціи и ея языка; письмо защищаетъ новые наши нравы и указываетъ на недостатки древней Руси. Многія мысли письма, дѣйствительно, таковы, что ихъ могъ высказать пустоголовый франтъ, не знающій и презирающій свое отечество; такъ, напр., тамъ говорится, что лучшіе писатели о древней Россіи — иностранные, и изъ нихъ самые безпристрастные — Французы вродѣ „Абе де-Ш..." (т. е. аббата де-Шаппа) [1]); что любовь къ Отечеству есть смѣшное и устарѣвшее чувство [2]); что помощью обхожденія съ Французами можно „ничему не учась, сдѣлаться ученымъ человѣкомъ" и „критиковать дѣла военныя, гражданскія и политическія; осмѣивать государственныя учрежденія, и показывая себя все знающимъ, ни чему не удивляться" [3]). Но съ другой стороны письмо слишкомъ умно, чтобы его могъ написать щеголь; возраженія, сдѣланныя въ немъ „Кошельку", слишкомъ серьезны. „Вамъ было должно родиться (говоритъ издателю врагъ нашей старины) давно давно; то есть, когда древнія Россійскія добродѣтели были въ употребленіи, а именно: когда Русскіе Цари, въ первой день свадьбы своей волосы клеили медомъ, а на другой день парились въ банѣ вмѣстѣ съ Царицами, и тамъ же обѣдали; когда всѣ науки заключалися въ однихъ святцахъ; когда разныя меды и вино пивали ковшами; когда женилися, не видавъ невѣсты своей въ глаза; когда всѣ добродѣтели замыкалися въ густотѣ бороды; когда за различное знаменованіе — — — сожигали въ срубахъ, или изъ особливаго благочестія живыхъ закапывали въ землю; словомъ сказать, когда было великое изобиліе

[1]) Тамъ-же, стр. 60 и 64.
[2]) Тамъ-же, стр. 58 и 59.
[3]) Тамъ-же, стр. 76.

всѣхъ тѣхъ добродѣтелей, кои отъ просвѣщенныхъ людей именуются нынѣ варварствомъ" [1]). Что было въ Россіи въ древнія времена при множествѣ мелкихъ князей? (говоритъ авторъ письма). Времена эти не блистали „добродѣтельми человѣколюбивыми", а славились междоусобными войнами, жестокостью, братоубійствомъ, вѣроломствомъ въ договорахъ и коварствомъ [2]). Царь Иванъ Васильичь свергъ иго Татарское и распространилъ свои владѣнія; но нравы въ Россіи остались тѣ-же и невѣжество то-же: „ибо бичемъ, ярмомъ и мечемъ нравы никогда не исправляются" [3]). При послѣдующихъ царяхъ Россія стала просвѣщаться; но въ чемъ состояло это просвѣщеніе? „Только въ томъ, что Россіяне иностранныхъ стали почитать за человѣковъ:— какое просвѣщеніе! Какая рѣдкая добродѣтель!" [4]). „Скажите мнѣ (спрашиваетъ ненавистникъ древней Руси), были ли въ Россіи науки и художества, чемъ всѣ просвѣщенные народы славятся? Были ли великіе Полководцы, Министры, Политики?... словомъ сказать, во всѣхъ частяхъ наукъ, художествъ и просвѣщенія были ли великіе люди? — Никакъ" [5]). Вы восторгаетесь древнею Русью (обращается авторъ письма къ издателю), утверждаясь только „на словесныхъ объявленіяхъ старожиловъ, которые говорятъ: *въ старину-то было хорошо жить*; *въ старину-то были люди богаты*; *въ старину-то хлѣбъ родился*; *въ старину-то были люди умны*, и проч."; но „не всѣ словесныя извѣстія (замѣчаетъ онъ) заслуживаютъ вѣроятіе" [6]). Таковы мысли защитника Франціи; и нельзя не сознаться, что между ними есть много дѣльныхъ и умныхъ. Могъ ли все это говорить щеголь?! Да на „щегольскомъ нарѣчіи" не хватило бы ни словъ, ни оборотовъ для выраженія подобныхъ идей. Вотъ почему Новиковъ и выразился, что онъ *перевелъ* „Французскія реченія" письма. Онъ не перевелъ ихъ,—онъ просто не могъ, при всѣхъ своихъ знаніяхъ въ модномъ нарѣчіи, написать письмо этимъ нарѣчіемъ (я говорю *написать*, ибо едва ли можетъ быть сомнѣніе, что письмо не прислано въ Кошелекъ щеголемъ, а сочинено въ редакціи). А между тѣмъ Новикову написать письмо моднымъ языкомъ было бы выгодно, ибо тогда враждебныя ему мысли явились бы на свѣтъ въ роняющей ихъ достоинство смѣшной формѣ.—Но дѣло въ томъ, что Новиковъ самъ не считалъ этихъ мыслей смѣшными и ничтожными: въ предисловіи къ

[1]) Тамъ-же, стр. 59 и 60.
[2]) Тамъ-же, стр. 68.
[3]) Тамъ-же, стр. 70.
[4]) Тамъ-же.
[5]) Тамъ-же, стр. 72.
[6]) Тамъ-же, стр. 64.

письму онъ называетъ ихъ „сильными“; „я не смѣлъ утаить (говоритъ онъ) [1]) сильныхъ выраженій и доказательствъ въ защищеніе моего Француза въ томъ письмѣ находящихся; а при томъ не хотѣлось мнѣ оставить писавшаго ко мнѣ писмо безъ отвѣта, что бы не возмнилъ онъ, что возраженія его справедливыя и опровержены быть немогущія: къ тому въ прибавокъ немалое участіе имѣло и желаніе показать читателю моему, что не злословіе, но любовь къ Отечеству побудила меня издать сіи разговоры, которые писавшему ко мнѣ писмо не понравились“. Новиковъ здѣсь какъ будто оправдывается; онъ какъ будто старается остановить сильныя сомнѣнія, которыя, кажется ему, могутъ быть возбуждены письмомъ въ душѣ читателя; онъ обѣщаетъ опроверженія... Но мы знаемъ, что этихъ опроверженій не послѣдовало. И едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что ихъ и не могло послѣдовать: болѣе чѣмъ вѣроятно, что за „сильными выраженіями и доказательствами“ письма кроются не мысли литературныхъ враговъ Новикова, а его собственныя сомнѣнія, въ идеальномъ значеніи древнихъ русскихъ началъ. Это, вѣроятно, и было причиной прекращенія Кошелька на девятомъ листѣ, или, лучше сказать, на пятомъ, потому что четыре послѣднихъ уже не проводятъ идеи, которую хотѣлъ проповѣдовать Кошелекъ. — Есть, впрочемъ, извѣстіе, будто Кошелекъ скончался не своею смертью, а былъ остановленъ,—будто „эпиграммы на французовъ дошли до свѣдѣнія французскаго посольства и посланникъ началъ смотрѣть на Новикова, какъ на орудіе англичанъ“ [2]). Но извѣстіе это весьма сомнительнаго достоинства: во-первыхъ, оно бездоказательно; во-вторыхъ, отношенія Новикова и имп. Екатерины были въ 1774 году, какъ мы знаемъ, весьма хороши; черезъ Козицкаго поднесъ онъ императрицѣ въ началѣ іюля этого года первый, а въ концѣ—третій листы Кошелька [3]); хорошія отношенія сохранились и по прекращеніи этого журнала,—мы видѣли, что Вивліоѳика на 1775 годъ издавалась при поддержкѣ императрицы. Въ письмѣ къ Козицкому отъ 22 іюля 1774 года [4]), при которомъ были приложены два экземпляра третьяго листа Кошелька, Новиковъ проситъ Козицкаго увѣдомить его—„угодны ли сіи листы Ея Величеству, ибо сіе одно (говоритъ онъ) и есть моею цѣлію, чтобы всегда дѣлать ей угодное. Сіе бы самое увѣдомленіе послужило мнѣ одобреніемъ къ продолженію оныхъ“. Изъ этихъ словъ

[1]) Тамъ-же, стр. 54 и 55.

[2]) Сборн. издав. студ. Спб. Унив. Вып. I, 1857 г. Библіогр. замѣтки, стр. 322—323.—Отеч. Зап., 1839 г., № 1, статья о Кошелькѣ.

[3]) Лѣт. рус. лит. и древн., т. IV, 1862 г., Письма къ Козицкому, стр. 45.

[4]) Тамъ-же.

видно, что Новиковъ надѣется на одобреніе.—Но если даже предположить, что этого одобренія не послѣдовало, что императрица остановила Кошелекъ, какъ остановила прежде Живописецъ, то нельзя не признать, что внѣшній толчекъ явился какъ нельзя болѣе кстати: онъ сдѣлалъ только то, что и безъ того должно было сдѣлаться: Кошелекъ не могъ бы существовать дольше.

Въ послѣднемъ изъ своихъ сатирическихъ журналовъ Новиковъ не касается крѣпостнаго права. Причиною этого была, конечно, невозможность говорить о положеніи крестьянъ послѣ судьбы крестьянскаго вопроса въ Живописцѣ; кромѣ того, въ этомъ обстоятельствѣ имѣло значеніе, быть можетъ, и время, въ которое издавался Кошелекъ,—1774 годъ, годъ пугачевскаго бунта. Впрочемъ вопроса о сословіяхъ, о сословной гордости журналъ коснулся: „стыдно дѣлать безчестные дѣла (говоритъ умный и благородный Нѣмецъ) [1]): на противъ того, ни какова безчестія не дѣлаетъ низкое состояніе“.

Въ 6, 7 и 8 листахъ Кошелька напечатана комедія изъ народнаго быта, подъ заглавіемъ „Народное игрище“. Комедія—плоха, но мысль, вызвавшая ее, достойна замѣчанія: авторъ пьесы говоритъ въ письмѣ къ издателю, что онъ задумалъ сочинить нѣсколько комедій для народнаго „Ѳеатра“, ибо находитъ иностранныя комедіи, „де Тушевы и другія“, „для народа мало полезными“. Новиковъ выражаетъ полное сочувствіе мысли автора и желаетъ, чтобы онъ „устоялъ въ своемъ словѣ, и сочинилъ бы нѣсколько Комедій для народа. Нѣтъ нужды въ томъ (прибавляетъ Новиковъ), что въ нихъ не будутъ сохранены ѳеатральныя правила, лишь бы замыкалось въ оныхъ нравоученіе, и по чаще представлялись бы примѣры, къ подражанію народному годные: то есть добрый слуга, честный купецъ, трудолюбивый хлѣбопашецъ и симъ подобные. Сіе было бы весьма не худо“ [2]). Изъ этихъ словъ видно довольно заурядное, слабое литературно-критическое пониманіе Новикова; но въ то-же время здѣсь высказанъ здравый, жизненный взглядъ на театръ, какъ на школу для народа.

Въ первомъ листѣ Кошелька напечатана статья, осмѣивающая пристрастіе наше къ иностраннымъ словамъ и оборотамъ рѣчи. Въ этой статьѣ Новиковъ призываетъ все общество на исправленіе русскаго языка; каждый изъ насъ, говоритъ онъ, долженъ слѣдить за своей рѣчью, изгонять изъ нея все не-русское,—тогда только, при общихъ усиліяхъ, русская рѣчь можетъ придти къ совершенству. Съ сильной ироніей говоритъ онъ о тѣхъ людяхъ, которые думаютъ, буд-

[1]) Кошелекъ, стр. 31.

[2]) Тамъ-же, стр. 79—80.

то это—не дѣло частныхъ лицъ, а дѣло „особо учрежденныхъ мѣстъ, которыя денноночно о томъ пекутся, или по малой мѣрѣ печися долженствовали бы“[1]); съ такой же ироніей отзывается онъ и о медленности трудовъ этихъ „особо учрежденныхъ мѣстъ“, подъ которыми, по всей вѣроятности, должно разумѣть Академію Наукъ. — Въ этой статьѣ, какъ и во многихъ другихъ, въ Новиковѣ сказывается писатель, задавшійся высокой цѣлью — будить общественную самодѣятельность: Новикова совсѣмъ не можетъ коснуться упрекъ, — будто онъ желалъ опеки правительства надъ каждымъ движеніемъ общества.

Въ 1775 году Новиковъ выпустилъ въ свѣтъ третье изданіе Живописца[2]). Изданіе это весьма замѣчательно. Изъ него выброшены всѣ серьезныя статьи, въ которыхъ, какъ мы это видѣли, выразилось разочарованіе Новикова въ своей идеѣ и въ древней русской жизни; взамѣнъ ихъ въ этомъ изданіи напечатаны многія сатирическія статьи Трутня; такъ что обновленный Живописецъ явился чисто-сатирическимъ сборникомъ, похожимъ, по духу и направленію своему, болѣе на Трутень, чѣмъ на себя самого въ первомъ изданіи. Новый Живописецъ снабженъ и новымъ предисловіемъ, тоже весьма замѣчательнымъ: въ этомъ предисловіи успѣхъ своего журнала Новиковъ приписываетъ тому обстоятельству, что онъ „попалъ на вкусъ мѣщанъ нашихъ“; только эти простосердечные люди, говоритъ онъ, читаютъ и поддерживаютъ серьезныя книги, вродѣ Троянской исторіи, Синопсиса, Юности честнаго зерцала, Совершеннаго воспитанія дѣтей, Азовской исторіи и другихъ,—они не знаютъ „чужестранныхъ языковъ“; „люди же разумы свои знаніемъ Французскаго языка просвѣтившіе, полагая книги въ число головныхъ украшеній, довольствуются всѣми головными уборами привозимыми изо Франціи: какъ-то пудрою, помадою, книгами и проч.“—Въ этомъ предисловіи видно, во-первыхъ, отсутствіе въ Новиковѣ сословныхъ предразсудковъ; во вторыхъ, такое осмѣяніе нашего увлеченія Франціей, которое доходитъ до крайности, до отрицанія пользы знанія французскаго языка.—А между тѣмъ ни въ какую эпоху своей литературной дѣятельности Новиковъ не былъ такъ близокъ къ духовной жизни Франціи, какъ въ это именно время, т. е. въ 1775 году. Самая крайность отрицанія (а Новиковъ обыкновенно былъ чуждъ крайностей) свидѣтельствуетъ уже, что это отрицаніе неспокойное, болѣзненное. Третье изданіе Живописца есть послѣдняя, отчаянная попытка Новикова удержать уходящую отъ него идею, идею, въ которой онъ уже разочаровался и которая, поэтому, не можетъ уже одушевить его для новыхъ созданій.

[1]) Тамъ-же, стр. 16.

[2]) Живописецъ, изд. 7-е (г. Ефремова), стр. XI—XIV.

Душевное состояніе Новикова въ 1775 году было самое тяжелое и безотрадное: старая вѣра исчезла, а новой не являлось. „Находясь на распутіи между волтеріанствомъ и религіей (говорилъ впослѣдствіи объ этомъ времени самъ Новиковъ), я не имѣлъ точки опоры, или краеугольнаго камня, на которомъ могъ бы основать душевное спокойствіе“[1]). Мы видѣли у Новикова еще во 2-й части Живописца состояніе души, близкое къ этому: усомнившись тогда въ своемъ древне-русскомъ идеалѣ, онъ обратился къ Западу, и тамъ встрѣтили его два жизненныхъ начала, которыми жила Европа, — волтерьянство и масонство. *Тогда* онъ отвернулся отъ этихъ обоихъ началъ и вновь обратился къ своей идеѣ.... *Теперь* подобный возвратъ былъ невозможенъ: старая идея была изжита,—Новикову предстояло или отказаться отъ дальнѣйшей нравственной жизни, или остановиться на одной изъ представившихся ему новыхъ идей. Выборъ былъ для него, при его живомъ чувствѣ и здравомъ умѣ, слишкомъ труденъ и слишкомъ тяжелъ; онъ колебался, онъ терялся въ сомнѣніяхъ.—И вотъ въ это-то время онъ, по его собственнымъ словамъ, „неожиданно попалъ“[2]) въ масонство. „Въ масонство такъ называемое Англинское вступилъ я (разсказываетъ Новиковъ въ своихъ отвѣтахъ Шешковскому въ Шлиссельбургѣ, въ іюнѣ 1792 года)[3]) не по собственному исканію или побужденію, но по приглашенію, сколько могу упомнить, въ 1775 году и то на такихъ условіяхъ, чтобы не дѣлать ни какой присяги и обязательства, чтобы мнѣ открыть три первые градуса напередъ, и ежели я найду что противное совѣсти, то чтобы меня не щитать въ числѣ масоновъ, что мнѣ одинъ изъ масоновъ и сдѣлалъ, но кто именно не помню, ибо предложеніе сіе мнѣ нѣсколько человѣкъ дѣлали, я не уважилъ сіе и не согласился ѣхать въ ложу“. И такъ, ясно, что Новиковъ очень хорошо понималъ ложныя, нелѣпыя и смѣшныя стороны масонства,—вступая въ общество, онъ обошелъ дикіе обряды принятіи въ первые три степени и присягу; самое вступленіе его въ масоны не было даже, какъ мы видимъ, настоящимъ, рѣшительнымъ вступленіемъ,—это была только попытка, вызванная желаніемъ узнать сущность масонства, что безъ вступленія въ орденъ было положительно невозможно.—Но Новиковъ въ масонствѣ остался,—значитъ не нашелъ въ орденѣ что-либо „противное совѣсти“; какъ объяснить это?—Объяснить это вовсе нетрудно. Волтерьянство не прибѣгало къ тайнѣ; оно, при широкомъ своемъ распространеніи, было, конечно,

[1]) Новиковъ и моск. мартин. Лонгинова, стр. 99.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Тамъ-же, стр. 074.—См. еще разказъ объ этомъ въ Сборн. студ. Спб. Унив. Вып. 1-й, 1857 г. Стр. 322.

очень хорошо извѣстно Новикову, и онъ не могъ найти въ этомъ ученіи ничего, что-бы привлекло къ себѣ его сочувствіе. Другое дѣло масонство: за нелѣпой, дикой внѣшностью Новикову чудилось въ немъ и присутствіе чего-то добраго, истиннаго. Съ самаго начала вступленія своего въ братство Новиковъ уже почувствовалъ недовольство той системой, въ которую попалъ; онъ сталъ искать масонства иного, „истиннаго“, и ему показалось, что онъ нашелъ его у Рейхеля; въ актахъ, сообщенныхъ ему и его товарищамъ этимъ послѣднимъ, „было *все* обращено, говоритъ Новиковъ, на *нравственность и самопознаніе*, говоренныя же рѣчи и изъясненія произвели великое уваженіе и привязанность“ [1]).— Вотъ эта-то проповѣдь „нравственности и самопознанія“ и примирила Новикова съ масонствомъ и удержала его въ орденѣ; Новиковъ не зналъ, да и не могъ знать, что сущность орденскаго ученія вовсе не въ этомъ. Отъ елагинской системы онъ потому именно и отсталъ, что тамъ занимались чѣмъ-то инымъ,— „изъясненіемъ гіероглифовъ и алегоріи“, а „изъясненія на нравственность и самопознаніе“ тамъ „были весьма недостаточны и натянуты“ [2]).

И такъ, съ 1775 года для Новикова начался новый періодъ нравственной жизни, началось служеніе новой идеѣ. Но пока онъ не отыскалъ еще вполнѣ правды въ этой идеѣ, онъ не могъ явиться въ литературныхъ изданіяхъ своихъ ея проповѣдникомъ. Онъ сталъ проводить ее только съ 1777 года, въ новомъ журналѣ своемъ „Утренній Свѣтъ“.

9.

Въ годъ, предшествовавшій этому, Новиковъ тремя изданіями отдалъ послѣднюю дань уваженія своему прежнему идеалу. Эти изданія: „Исторія о невинномъ заточеніи Ближняго Боярина Артемона Сергіевича Матвѣева“, „Скиѳская исторія Стольника Андрея Лызлова“ и „Повѣствователь Древностей Россійскихъ“.—Два первыя изданія печатались уже въ 1773 году, какъ показано въ „Росписи книгамъ“, приложенной при „Древней Россійской Идрографіи“; какія-то причины задержали только выходъ ихъ въ свѣтъ.—„Скиѳская исторія, изъ разныхъ иностранныхъ историковъ, паче же изъ Россійскихъ вѣрныхъ исторій и повѣстей, отъ Андрея Лызлова прилѣжными трудами сложенная и написанная лѣта 1692“, приготавливаема была Новиковымъ къ изданію, конечно, съ тою же цѣлью,какъ и „Идрографія“, т. е. съ цѣлью „обличенія несправедливаго мнѣнія тѣхъ людей, которые думали и писали, что до времени Петра Великаго Россія не

[1]) Новиковъ и моск. март., Лонгинова, стр. 075.
[2]) Тамъ-же.

имѣла никакихъ книгъ окромѣ церковныхъ“. Но замѣчательно, что Новиковъ молчитъ объ этомъ въ предисловіи къ „Скиѳской исторіи“; онъ говоритъ тамъ только о научныхъ цѣляхъ изданія. По всей вѣроятности, въ 1776 году онъ не могъ уже сказать того, что говорилъ въ 1773: какъ Скиѳскую исторію, такъ и Идрографію онъ, быть можетъ, считалъ въ это время явленіями одиночными и исключительными.

„Исторія о невинномъ заточеніи Ближняго Боярина Артемона Сергіевича Матвѣева, состоящая изъ челобитенъ, писанныхъ имъ къ Царю и Патріарху, также изъ писемъ къ разнымъ особамъ, съ пріобщеніемъ объявленія о причинахъ его заточенія и о возвращеніи изъ онаго“ издана въ свѣтъ съ цѣлью воздать дань должнаго отъ потомства уваженія высокой исторической личности. Матвѣевъ великъ, по словамъ Новикова [1]), „неутомимыми услугами, вѣрностію и преданностію къ Государю, безпредѣльною любовію къ Отечеству“, что все онъ „запечатлѣлъ кровію своею“ [2]). Народъ любилъ Матвѣева и выразилъ разъ свою любовь ему принесеніемъ для постройки его дома камней съ могилъ родителей. „Прими, другъ мой, сей подарокъ отъ Народа (сказалъ царь Алексѣй Михайловичь)[3]); знатно, что они тебя любятъ, что гробы родительскіе обнажили, для того чтобъ сдѣлать тебѣ угодность. Такой подарокъ и я бы охотно принялъ отъ Народа“. Выражая уваженіе свое къ народу, Новиковъ указываетъ на то-же чувство въ душѣ царя Алексѣя Михайловича; замѣчательно при этомъ, что слово „народъ“, какъ и слово „отечество“ Новиковъ пишетъ съ большой буквы.—Другое качество, высоко ставящее Матвѣева въ глазахъ Новикова, есть любовь его къ „Свободнымъ Художествамъ“ и Наукамъ: иконостасъ въ его домовой церкви „написанъ наилучшимъ Италіанскимъ письмомъ“; а любовь къ наукамъ доказывается всегдашнимъ „обращеніемъ его съ иностраннными Учеными Мужами“. Какъ на высокое достоинство человѣка старой русской жизни, указываетъ Новиковъ на дружескія сношенія Матвѣева съ иностранцами.—Горячій поклонникъ Петра Великаго, Новиковъ между прочимъ замѣчаетъ: къ чести Матвѣева надо приписать и то, что Наталья Кириловна, мать имп. Петра Великаго, воспитывалась и жила до замужества у него. — Исторія Матвѣева посвящена потомку знаменитаго человѣка—фельдмаршалу Румянцеву. Писатели и издатели часто посвящаютъ труды свои, говоритъ Новиковъ, лишь поро-

[1]) Ист. о невин. зат. Бл. Бояр. Арт. Серг. Матв. „Къ читателю“.
[2]) Тамъ-же, „Посвященіе“.
[3]) Тамъ-же, „Къ читателю“.

дою знаменитымъ людямъ; я же посвящаю эту книгу тому, кто дѣлами своими „еще и превышаетъ своего прадѣда“. Можетъ быть похвала эта нѣсколько и преувеличена, но должно замѣтить, что Румянцевъ былъ дѣйствительно замѣчательно-благородною личностью. Своимъ посвященіемъ Новиковъ какъ-бы предсказываетъ знаменитому фельдмаршалу славу въ потомствѣ. Онъ смотрѣлъ на исторію, какъ на нравственный судъ потомства надъ общественными дѣятелями.

Какъ Скиѳская исторія, такъ и Исторія Матвѣева издавались Новиковымъ, какъ это видно изъ предисловій, не только для ученыхъ людей, для историковъ—спеціалистовъ, но и для всего общества, для чтенія обыкновенныхъ читателей.

Въ письмѣ отъ 26 марта 1775 г. Новиковъ проситъ Козицкаго поднести императрицѣ VIII ч. Вивліоѳики и вмѣстѣ съ тѣмъ объявленіе о новомъ изданіи: „Сокровища Россійскихъ Древностей“. Какъ видно изъ письма, Новиковъ надѣялся на поддержку новаго изданія императрицей; „безъ сея же помощи я нахожусь въ крайнемъ принужденіи (писалъ онъ)[1]) бросить всѣ мои дѣла неоконченными“. Новое изданіе не состоялось, конечно — за недостаткомъ подписчиковъ; да и императрица, должно быть, охладѣла къ подобнаго рода книгамъ: изъ отвѣтнаго письма Козицкаго[2]) узнаемъ мы, что она подписалась только на 6 экземпляровъ „Сокровищъ“, между тѣмъ какъ всѣхъ трехъ годовъ Вивліоѳики она получала 10 экземпляровъ. — Въ программу „Сокровищъ Россійскихъ Древностей“[3]) между прочимъ вошелъ отдѣлъ такого рода: „извѣстія о выданныхъ на Россійскомъ языкѣ книгахъ, касающихся до Исторіи и Географіи Россійскія“. Этотъ отдѣлъ сталъ являться въ свѣтъ въ 1777 году въ видѣ особаго изданія, подъ заглавіемъ „Санктпетербургскія Ученыя Вѣдомости“; только въ „Вѣдомостяхъ“ появилась критика не однихъ ученыхъ сочиненій, а и сочиненій литературныхъ вообще. — Вмѣсто же остальныхъ отдѣловъ „Сокровищъ“ Новиковъ напечаталъ въ 1776 году „Повѣствователь Древностей Россійскихъ, или Собраніе разныхъ достопамятныхъ записокъ, служащихъ къ пользѣ Исторіи и Географіи Россійской..... Часть I“. Другихъ частей напечатано не было. — Въ предисловіи къ этому изданію Новиковъ сравниваетъ „любителя Россійскихъ Древностей“, находящаго „довольно свободнаго времени, для прочтенія..... листковъ, ознаменяющихъ нѣкоторыя черты нравовъ, обычаевъ и обрядовъ знаменитыхъ нашихъ Пред-

[1]) Лѣтоп. рус. лит. и древн., т. IV, 1862 г. Письма къ Козицкому, стр. 45—46.
[2]) Тамъ-же, стр. 48.
[3]) Тамъ-же, стр. 46—47.

ковъ“, съ человѣкомъ, который „зараженъ Французскими Натуральной Системы книгами, пудрою, помадою, картами, праздностію и всякими наружными украшеніями и безполезными увеселеніями“; „разность“ между этими людьми (говоритъ онъ) „происходитъ отъ *воспитанія, здраваго разсужденія и порядочнаго расположенія обыкновеннаго нашего времени*“. Такимъ образомъ матерьялистическая философія вѣка, волтерьянство поставлено издателемъ на одну доску съ „благовонными разноцвѣтными помадами“ и „душистою паръ фюмъ пудрою“: и то и другое признано проявленіемъ невѣжества и праздности. Въ этой мысли уже слышится вліяніе новой идеи, овладѣвшей Новиковымъ; между тѣмъ какъ въ уваженіи его къ нравамъ и обычаямъ „знаменитыхъ нашихъ Предковъ“ еще видно старое направленіе. Но и при новой, какъ и при старой идеѣ Новиковъ является тѣмъ же горячимъ приверженцемъ образованности, просвѣщенія. — Замѣчателенъ подборъ статей въ „Повѣствователѣ“; едва ли этотъ подборъ—случайный. Первая статья, напечатанная въ этомъ изданіи, есть „Грамота, жалованная отъ Царя Алексія Михайловича, гостю Михайлѣ Иванову сыну Гурьеву“; въ этой, грамотѣ, царь жалуетъ Гурьева различными льготами за службу дѣда его, отца и его самого. Вторая статья — „Выписки изъ Розрядной архивы“ (семь выписокъ, отъ Мих. Ѳедор. до Петра Алексѣевича); въ этихъ выпискахъ встрѣчается между прочимъ приказаніе переписать всѣхъ московскихъ Стольниковъ, Стряпчихъ, Дворянъ и Жильцовъ, сколько за кѣмъ помѣстьевъ и вотчинъ и *кто каковъ будетъ на Государеву службу;* а въ одной выпискѣ говорится: стало извѣстно, что многіе считаются въ полкахъ, а не служатъ, и потому посылаются (во Владиміръ, Суздаль и друг. города) бояринъ и подъячій провѣрить и исправить все это, съ помощью выбранныхъ отъ дворянъ окладчиковъ. Напечатаніемъ этихъ двухъ статей Новиковъ хотѣлъ, быть можетъ, сказать, что въ древней Руси заслуги награждались, но въ то-же время требовалось, чтобы люди служили дѣйствительно, а не считались только на службѣ; такая мысль могла быть укоромъ современности: мы знаемъ, что номинальная служба была весьма обычнымъ явленіемъ въ вѣкъ имп. Екатерины.—Третья статья „Повѣствователя“ — „Чинъ бываемый, како подобаетъ, егда кто хощетъ Государю Царю служити всею правдою, у его Государевыхъ дѣлъ“— содержитъ въ себѣ простые и вмѣстѣ величественные обряды и слова старой присяги при вступленіи въ службу; эта статья, можетъ быть, явилась въ свѣтъ какъ упрекъ служащему сословію екатерининскихъ временъ, отличавшемуся непомѣрнымъ казнокрадствомъ и взяточничествомъ. — Четвертая статья есть старое русское „Сказаніе како со-

стави святый Кириллъ Философъ Азбуку, по языку Словенску, и книги преведе отъ Греческихъ на Славенскій языкъ". Въ этой статьѣ авторъ съ благоговѣйнымъ уваженіемъ разсказываетъ о изобрѣтеніи „святымъ мужемъ" славянскихъ письменъ. Здѣсь Новиковъ, можетъ быть, хотѣлъ представить современникамъ примѣръ должнаго уваженія къ старинѣ.— За этимъ сочиненіемъ слѣдуютъ „Четыре письма, найденные въ Патріаршей Книгохранительницѣ, въ Москвѣ". Это — переписка Петра съ патріархомъ Адріаномъ. Образъ Петра рисуется здѣсь въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ: мы видимъ изъ этой переписки — религіозность Великаго Царя, простоту его души, трудолюбіе и уваженіе къ чужеземнымъ народамъ. — Есть мнѣніе, будто „все изданіе Повѣствователя было истреблено вскорѣ послѣ выхода его въ свѣтъ"[1]). Но едва-ли это мнѣніе можно считать основательнымъ. Для доказательства его справедливости ссылаются на рѣдкость Повѣствователя и на то, что всѣ статьи его были перепечатаны во второмъ изданіи Вивліоѳики. Но, во-первыхъ, Повѣствователь былъ изданъ, по всей вѣроятности, въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, потому что, какъ мы знаемъ, ученыя изданія Новикова не имѣли большаго успѣха и не могли существовать безъ поддержекъ императрицы; во-вторыхъ, есть изданія Новикова, представляющія не меньшую, скорѣй даже бо́льшую библіографическую рѣдкость, чѣмъ Повѣствователь; таковы напр. Санктпетербургскія Ученыя Вѣдомости[2]), или Кошелекъ. Что же касается до перепечатки статей въ Вивліоѳикѣ, то эта перепечатка просто замѣнила второе изданіе Повѣствователя; а самая возможность этого вторичнаго напечатанія статей уже свидѣтельствуетъ, до нѣкоторой степени, о томъ, что едва ли на статьяхъ этихъ лежала опала.

1776-мъ годомъ оканчивается первый періодъ литературной дѣятельности Новикова. Надо всѣмъ этимъ періодомъ господствуетъ одна опредѣленная идея, идея русской народности. — Лжи современной жизни, лжи въ нравахъ, въ чувствѣ, въ мысли, въ языкѣ, въ бытѣ, противо-

[1]) Библіогр. Зап. 1861 г., № 3, стр. 68—70.

[2]) „Повѣств. Древн. Рос." есть въ Спб. Публичной Библ., въ Библіот. Спб. Университета и, кажется, въ Чертковской Библ. въ Москвѣ. Между тѣмъ полнаго экземпляра „Спб. Уч. Вѣд." нѣтъ ни въ одномъ общественномъ книгохранилищѣ Петербурга: въ Публ. Библ. имѣется 14 № вмѣсто 22; а въ Библ. Ак. Наукъ — всего 2 первыхъ номера.

полагаетъ Новиковъ свѣтлыя стороны нашего народнаго характера. Онъ указываетъ на простоту и правду древнихъ русскихъ нравовъ, на серьезность и постоянство чувства и мысли въ древней Руси; въ деревнѣ видитъ онъ остатки добрыхъ свойствъ старины: дѣятельность и трудолюбіе, простую жизнь, близкую къ природѣ и согласную съ ея законами. Характеръ русскаго народа считаетъ онъ высшимъ всѣхъ другихъ: онъ указываетъ въ душѣ русскаго человѣка — доброту сердца, трезвость здраваго ума и спокойное самообладаніе, острое „проницаніе" и вмѣстѣ терпѣніе и прилежаніе. — Но въ то-же время съ перваго журнала своего Новиковъ является горячимъ провозвѣстникомъ просвѣщенія; это обстоятельство заставляетъ его, съ одной стороны, съ сочувствіемъ относиться къ Западу, съ другой стороны—подмѣтить недостатки нашей старины и нашего народнаго характера; эти недостатки: отчужденіе древней Руси отъ науки, склонность наша къ самоуправству, и недостатокъ душевной твердости, — податливость на всякія, даже самыя дурныя вліянія. Весь первый періодъ дѣятельности Новикова проходитъ въ борьбѣ между увлеченіемъ нашими національными свойствами и сомнѣніемъ въ ихъ идеальной высотѣ. Борьба эта оканчивается разочарованіемъ. — Новиковъ проводитъ свою идею въ сочиненіяхъ и изданіяхъ перваго періода не отвлеченно, а жизненно, вполнѣ реально: онъ художественно рисуетъ передъ обществомъ современную дѣйствительность и знакомитъ общество съ историческими документами нашей старины. Въ то-же время онъ поднимаетъ различные общественные вопросы, тѣсно связывая ихъ съ своею идеей; такъ, онъ говоритъ о неправдѣ крѣпостнаго права, о неправосудіи служащаго сословія, о необходимости хорошаго воспитанія и образованія, о необходимости изученія русской исторіи, — онъ кладетъ основы этого изученія своими историческими изданіями, равно какъ онъже начинаетъ своимъ „Словаремъ" изученіе исторіи русской словесности; онъ указываетъ и на необходимость и пользу ознакомленія съ Западомъ, съ жизнью, нравами и бытомъ чужихъ народовъ,— онъ сочувствуетъ путешествіямъ, предпринятымъ съ разумною цѣлью; осмѣивая рабскую подражательность нашу иностранцамъ, онъ указываетъ— каковы должны быть истинныя отношенія одного народа къ другому: народъ не долженъ терять своей духовной самобытности. Въ тѣсной области словесности Новиковъ затрогиваетъ вопросъ о назначеніи, содержаніи и смыслѣ сатиры, вопросъ, за которымъ кроется другой, болѣе широкій: о назначеніи и смыслѣ литературы вообще. Наконецъ, въ первомъ періодѣ литературной дѣятельности Новикова мы можемъ подмѣтить и зародыши иныхъ вопросовъ, которые развиты имъ впо-

слѣдствіи въ позднѣйшихъ его изданіяхъ; таковъ, напр., вопросъ о положеніи женщины въ обществѣ.

Согласно со смысломъ идеи перваго періода своей дѣятельности, согласно со способностью русскаго человѣка подмѣтить смѣшное, Новиковъ является въ первыхъ своихъ изданіяхъ сатирикомъ.

ГЛАВА IV.

Второй періодъ литературной дѣятельности Новикова.

(1777—1780).

Санктпетербургскія Ученыя Вѣдомости на 1777 г.—Утренній Свѣтъ. 1777—1780 гг.

Съ 1777 года совершенно ясно видно новое направленіе въ издательской дѣятельности Новикова. Въ этомъ году появляются въ свѣтъ два новыя періодическія сочиненія: „Санктпетербургскія Ученыя Вѣдомости“ и „Утренній Свѣтъ“. Эти изданія Новикова рѣзко отличаются отъ предъидущихъ: они не говорятъ объ особенностяхъ нашего народнаго характера и въ нихъ нѣтъ сатиры; они проникнуты направленіемъ отвлеченнымъ; въ нихъ видно увлеченіе Новикова западно-европейской мыслью; вмѣсто стремленія къ національной обособленности въ нихъ высказывается стремленіе къ образованности вообще и къ выясненію отвлеченнаго, общечеловѣческаго идеала.

1.

„Санктпетербургскія Ученыя Вѣдомости“ есть журналъ ученой и литературной критики. Онѣ стали выходить съ марта мѣсяца. Первый номеръ ихъ занятъ предисловіемъ, объясняющимъ цѣли изданія. Главною изъ этихъ цѣлей оказывается стремленіе издателей (Новиковъ дѣйствуетъ не одинъ, а во главѣ цѣлаго общества), стремленіе сблизить нашъ ученый міръ, нашу науку и литературу съ ученымъ міромъ Запада. „Распространеніе наукъ въ Россіи, и успѣхи въ оныхъ

единоземцевъ нашихъ (говоритъ Новиковъ) [1]), во всѣхъ Ученыхъ Европѣйскихъ Мужахъ ежедневно умножаютъ любопытство къ достовѣрному узнанію оныхъ. Правда, что къ заплатѣ сея дани требовалося бы перо гораздо искустнѣйшее нашего, но усердіе къ пользѣ и славѣ Отечества замѣнитъ намъ сей недостатокъ, предвареніемъ другихъ въ изданіи Ученыхъ Вѣдомостей".—Другая цѣль „Ученыхъ Вѣдомостей" есть та-же, которую преслѣдовалъ „Опытъ Историческаго Словаря", это — ободреніе и прославленіе отечественныхъ писателей, желаніе создать ученую и литературную критику и исторію русской словесности. „Ученыя Вѣдомости" приглашаютъ „Господъ Россійскихъ Стихотворцевъ" сочинить надписи къ личнымъ изображеніямъ „Россійскихъ Ученыхъ Мужей и Писателей" а также „въ Художествахъ отличныхъ Мужей" [2]). Онѣ обѣщаютъ „вносить и касающееся до описанія жизни Россійскихъ Писателей, которое бы могло служить споможеніемъ ко приведенію въ лучшее совершенство Опыта Историческаго Словаря" [3]). — Предисловіе къ „Вѣдомостямъ" показываетъ—до какой степени непривычны были еще къ критикѣ и писатели и общество. Издатели „Вѣдомостей" боятся вызвать чувство обиды: прося у общества позволенія на „вольность благородныя критики", они дѣлаютъ различныя оговорки: прибѣгаютъ къ „благоразумію" писателей, издателей и переводчиковъ, обѣщаютъ наблюдать „крайнюю умѣренность" и заявляютъ о готовности своей съ охотою печатать присылаемыя имъ отъ сочинителей, издателей и переводчиковъ—опроверженія. Кромѣ того: „ни что сатирическое, говорятъ они, относящееся на лица, не будетъ имѣть мѣста въ Вѣдомостяхъ нашихъ" [4]).

Ученыя Вѣдомости не были доведены до конца года; вмѣсто обѣщанныхъ 52 №№ вышло только 22. Но и тутъ журналъ успѣлъ разобрать около 37 сочиненій и изданій самаго разнообразнаго содержанія. Между ними встрѣчаются и сочиненія научныя, преимущественно историческія (напр. Древняя Россійская Вивліоѳика; Извѣстія Византійскихъ историковъ; Существенное изображеніе естества народ-

[1]) „Санктпетербургскія Ученыя Вѣдомости на 1777 годъ", стр. 3. — Первое изданіе этой книги составляетъ величайшую библ. рѣдкость (въ библ. Ак. Н. есть только 2 первыхъ №; въ Публ. Библ. 14 первыхъ №№). Прекрасное изд. г. Неустроева (Спб. 1873 г.), сдѣланное страница въ страницу, пополнило этотъ недостатокъ. Къ сожалѣнію только г. Неустроевъ не перепечаталъ посвященія „Вѣдомостей" Калужскому Дворянству.

[2]) Тамъ-же, стр. 4 и 5.

[3]) Тамъ-же, стр. 5.

[4]) Тамъ-же, стр. 6.

ныхъ Обществъ и всякаго рода Законовъ, Юсти; Описаніе всѣхъ въ Россійскомъ Государствѣ обитающихъ Народовъ, Скиѳская исторія, Древній лѣтописецъ, Первыя основанія металлургіи, и друг.), и сочиненія поэтическія (напр. Досуги, или Собраніе Сочиненій г. Михайла Попова, Нитета опера, Ироиды Музамъ Посвященныя), и сочиненія нравоучительныя и педагогическія (напр. Сущая правда или мысли изъ уединенія на свѣтъ взирающаго человѣка; Алцестъ излѣчившійся отъ своенравія, нравоучительная сказка г. Мармонтеля; Краткая Миѳологія съ Овидіевыми Превращеніями и т. д.), и переводы классическихъ писателей (Публія Виргилія Марона Георгикъ 4 книги, К. Светонія Транквилла Жизни 12 первыхъ Цесарей Римскихъ), и произведенія духовныя, какъ напр., Великопостный Конфектъ или Слово на вопрошеніе о смерти, и сочиненія съ практическимъ характеромъ, вродѣ Наказа императрицы, или Начертанія общія Ссудныя казны; есть даже разборъ чисто спеціальнаго сочиненія: Изображеніе тактики.

По большей части статьи „Ученыхъ Вѣдомостей" суть обстоятельныя библіографическія описанія книгъ, съ подробнымъ указаніемъ ихъ содержанія, различныхъ изданій и т. п. Но этимъ „Вѣдомости" не ограничиваются: онѣ высказываютъ, при удобныхъ случаяхъ, свои научные и литературные взгляды. — Съ особеннымъ интересомъ и любовью относятся „Вѣдомости" къ русской исторіи; и это связываетъ ихъ съ прежними изданіями Новикова: въ Новиковѣ—ученомъ критикѣ видится намъ ревностный собиратель памятниковъ нашей старины. Вѣдомости, разбирая подробно различныя изданія памятниковъ, стараются показать пользу подобныхъ изданій. Такъ авторъ разбора Вивліоѳики между прочимъ говоритъ: польза отъ изданія Манускриптовъ такъ извѣстна всѣмъ ученымъ и „благоискуснымъ во Исторіи Читателямъ", что изъясненіемъ боимся оскорбить ихъ. „Исторіи всѣхъ Государствъ въ свѣтѣ шествовали по сей стезѣ, и достигали того совершенства, въ которомъ мы нынѣ ихъ видимъ" [1]). — Вѣдомости сообщаютъ и правила, которымъ должно слѣдовать при изданіи памятниковъ, пріемы подобныхъ работъ; эти пріемы можно назвать дѣйствительно научными (мы знаемъ, что этого не чуждъ былъ и издатель Вивліоѳики). Въ сейчасъ упомянутой статьѣ говорится: „желали бы мы, чтобы при изданіи подобныхъ симъ Записокъ наблюдаемо было слѣдующее: чтобы прилагаемы были, ко всякой части, алфавитныя росписи находящимся въ оной части матеріямъ, которыя при книгахъ сего рода весьма нужны, для пріисканія же-

[1]) Тамъ-же, стр. 27.

лаемыхъ вещей; чтобы сколько возможно дѣлаемы были примѣчанія на темныя и невразумительныя мѣста и слова; чтобы въ лѣтосчисленіи всегда прибавляемъ былъ годъ отъ Р. Х. [1]); чтобы древнее правописаніе не было измѣняемо на новое, а наипаче, чтобы ничего прибавляемо, убавляемо, или поправляемо не было, но напечатано было бы точно такъ, какъ обрѣтается въ подлинникѣ; и наконецъ, чтобы означаемо было точно, откуду полученъ списокъ, гдѣ находится подлинникъ, и какимъ почеркомъ писанъ, старинным или новымъ" [2]).— При разборѣ различныхъ изданій памятниковъ Вѣдомости часто указываютъ, какое данный памятникъ имѣетъ значеніе, что изъ него можетъ быть извлечено; такъ, при разсмотрѣніи относящейся ко временамъ Алексія Михайловича Записи крестоцѣловальной (напечатанной въ Вивліоѳикѣ) сказано: „въ семъ обязательствѣ и Приписяхъ къ оному весьма много находится слѣдовъ старыхъ обычаевъ; а сверьхъ того особенно Приписи изъясняютъ нѣсколько должности старинныхъ чиновъ" [3]). — Вѣдомости указываютъ и на осторожность, съ которою нужно довѣрять различнымъ памятникамъ; превознося „Скиѳскую исторію" какъ достовѣрный историческій источникъ, онѣ тѣмъ не менѣе указываютъ, „что усматривается въ ней нѣсколько басенъ" [4]). — Поистинѣ замѣчателенъ взглядъ Ученыхъ Вѣдомостей на народные обычаи и вѣрованія: онѣ видятъ въ современномъ бытѣ народа матерьялъ для исторіи,—взглядъ, стоящій въ-уровень съ научнымъ пониманіемъ исторіи въ наше время. При разборѣ книги „Описаніе всѣхъ въ Россійскомъ Государствѣ обитающихъ Народовъ" сдѣлано такое замѣчаніе: „до нынѣ усматриваемъ еще въ сихъ различныхъ Народахъ превеликіе остатки нравовъ первобытныхъ вѣковъ; а чѣмъ болѣе мы, и сосѣдствующіе намъ Народы, удаляемся отъ образа жизни Праотцевъ нашихъ, тѣмъ достойнѣе и праведнѣе заслуживаютъ сіи остатки вниманіе наше" [5]). Вотъ почему Вѣдомости съ сочувствіемъ отнеслись къ сочиненію Попова: „Описаніе языческаго баснословія", въ которомъ авторъ собралъ изъ разныхъ пѣсень и игръ „все, что касается сей матеріи". Издатели Вѣдомостей, по всей вѣроятности, понимали и всю серьезность и трудность историческихъ выводовъ изъ народной поэзіи и быта: мы бы желали, говоритъ авторъ разбора сочиненія Попова, чтобы къ „Описанію языческаго баснословія" присовокуплены

[1]) Въ другой статьѣ (стр. 158—159) обстоятельно разъяснено, какъ отъ не соблюденія этого правила читатель можетъ ошибиться на годъ.
[2]) Спб. Уч. Вѣд., на 1777 годъ, стр. 28.
[3]) Тамъ-же, стр. 158.
[4]) Тамъ-же, стр. 124.
[5]) Тамъ-же, стр. 106—107.

были самыя пѣсни и игры, оставшіяся отъ языческаго суевѣрія, „дабы Читатели не могли имѣть сумнѣнія на догадки Сочинителевы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ употреблены оныя, и могли бы дѣлать свои заключенія" [1]). Говоря про различные обряды, о которыхъ мы читаемъ въ старинныхъ памятникахъ, Ученыя Вѣдомости указываютъ на остатки ихъ въ народной жизни; такъ, по ихъ словамъ, въ отдаленныхъ городахъ и въ деревняхъ, „между небогатымъ Дворянствомъ и Купечествомъ, а наипаче между крестьянами, и по нынѣ видны еще превеликіе остатки" обряда, совершавшагося при царской свадьбѣ [2]). То-же говорятъ они и про нѣкоторые обряды, „бывшіе между Государемъ и Патріархомъ" [3]). Такъ широко понимали „Ученыя Вѣдомости" вопросъ объ историческихъ источникахъ. — Занятія исторіей ставили онѣ очень высоко, и считали долгомъ своимъ прославлять нашихъ историковъ; онѣ видѣли и трудность подобныхъ занятій. „Безпредѣльная ревнительность" кн. Щербатова, говорится въ одной статьѣ [4]), „недовольна была однимъ издаваніемъ Рукописей, но сей достохвальный Мужъ возложилъ на себя сверхъ того бремя Атлантово, предпріявъ сочинить Россійскую Исторію". Въ той же статьѣ (разбирающей изданныя Штриттеромъ „Извѣстія Византійскихъ Историковъ") представленъ сжатый, но весьма дѣльный, историческій очеркъ трудовъ по русской исторіи, начиная съ Байера и Татищева [5]); и не должно думать, что этотъ очеркъ есть рядъ простыхъ восхищеній: вмѣстѣ съ восхваленіемъ историковъ въ немъ идетъ дѣйствительно-научная оцѣнка ихъ трудовъ; такъ напр., вотъ что сказано про Байера и Татищева: „оба оставили знаменитые плоды долговременныхъ и неутомимыхъ трудовъ своихъ"; но первый не зналъ Славенороссійскаго языка, другой—древнихъ и новыхъ иностранныхъ языковъ и правилъ строгой Критики, нужной для очищенія Лѣтописей нашихъ отъ вкравшихся въ нихъ погрѣшностей. „Однакожъ со всѣми означенными здѣсь недостатками, труды достохвальнаго Мужа Татищева, изданныя въ свѣтъ г. Ст. Сов. Миллеромъ, пребудутъ навсегда доказательствомъ непоколебимыя его любви къ Отечественной Исторіи; а похвала, безпристрастными Читателями ему воздаваемая, да будетъ его возмездіемъ" [6]). Въ занятіяхъ русской исторіей Вѣдомости видѣли подвигъ патріотизма. — Мы знаемъ, что Новиковъ свои изданія памятниковъ

[1]) Тамъ-же, стр. 65.
[2]) Тамъ-же, стр. 29.
[3]) Тамъ-же, стр. 131.
[4]) Тамъ-же, стр. 54.
[5]) Тамъ-же, стр. 50—54.
[6]) Тамъ-же, стр. 50—51.

стремился сдѣлать занимательными книгами для чтенія общества, чтобы пробудить въ обществѣ любовь къ исторіи;—того-же желали и „Ученыя Вѣдомости“: такъ онѣ не упускаютъ случая при разборѣ различныхъ историческихъ источниковъ указать на тѣ изъ нихъ, которые могутъ представить особенно занимательное чтеніе, какъ напр. „Записки нѣкоторымъ обрядамъ между Государемъ и Патріархомъ“, или „Новое Уложеніе и устроеніе чина Сокольничья пути“ (замѣчательное по „красотѣ“ слога)[1]).

Что касается до литературныхъ взглядовъ „Спб. Ученыхъ Вѣдомостей“, то въ этомъ отношеніи онѣ очень похожи на „Опытъ Историческаго Словаря“. Я уже упоминалъ о желаніи Вѣдомостей прославить знаменитыхъ нашихъ писателей и художниковъ надписями къ ихъ изображеніямъ; такія надписи были неоднократно присылаемы въ редакцію и печатаемы [2]); эти надписи прославляли: Ѳеоф. Прокоповича, Кантемира, Поповскаго, Ломоносова, Лосенкова и Чемезова. Иныя изъ присланныхъ надписей были слабы, по мнѣнію издателей; но Вѣдомости отнеслись къ нимъ снисходительно, какъ и вообще критика Вѣдомостей была снисходительна, что объясняется постояннымъ желаніемъ ихъ ободрить, поддержать начинающихъ авторовъ;— объ этомъ пишетъ одинъ изъ приславшихъ надписи: „имѣвъ счастіе (говоритъ онъ) [3]) насмотрѣться у нашихъ прославившихся своими сочиненіями Писателей, съ какимъ снисхожденіемъ принимаютъ они молодыхъ людей, въ которыхъ возбуждается любовь ко Свободнымъ Наукамъ, ласкаю себя надеждою найти тоже самое и въ вашемъ почтенномъ Сообществѣ“. „Мы оставляемъ судить о достоинствѣ сихъ Надписей просвѣщеннымъ нашимъ Читателямъ (отвѣтили Вѣдомости); что-же касается до насъ, то мы мнѣніе наше сообщимъ самому г. Сочинителю писменно чрезъ почту“.—Критико-литературныя мнѣнія Вѣдомостей не имѣли прочныхъ основъ. „Критическое наше разсмотрѣніе какія-либо книги (говорится въ предисловіи къ журналу) [4]) не есть своенравное опредѣленіе участи ея, но объявленіе только нашего мнѣнія объ оной“. Разборъ поэтическихъ произведеній по большей части ограничивался разборомъ слога, указаніемъ въ общихъ выраженіяхъ внѣшнихъ достоинствъ произведенія; съ этой точки зрѣнія, напр., сдѣлана оцѣнка „Ироидъ Музамъ Посвященныхъ“ и стихотвореній Мих Попова [5]). Нѣсколько выше (но это исключительный слу-

[1]) Тамъ-же, стр. 131 и 75.
[2]) Тамъ-же, стр. 87—88, 113—117, 171—174.
[3]) Тамъ-же, стр. 114.
[4]) Тамъ-же, стр. 6.
[5]) Тамъ-же, стр. 174—176, 63.

чай) стоитъ разборъ оперы Попова — „Анюта“: „крестьяне въ сей Оперѣ разговариваютъ (говорится здѣсь) [1]) хотя и справедливымъ своимъ нарѣчіемъ, въ отдаленныхъ Провинціяхъ употребляемымъ, но для Оперы сіе нарѣчіе кажется намъ нѣсколько дико. Стихотворцы, хотя и обязаны въ такихъ случаяхъ Подражать Натурѣ, но имъ оставлена вольность избирать лучшую: а Россійскіе крестьяне не все одинакимъ нарѣчіемъ говорятъ. Есть Провинціи, въ коихъ употребляютъ такое нарѣчіе, которое ни въ какой Ѳеатральной піесѣ не будетъ противнымъ нѣжному слуху Зрителей“.— Вѣдомостямъ при разсмотрѣніи различныхъ сочиненій пришлось сдѣлать отзывы о нѣкоторыхъ иностранныхъ писателяхъ. Про Виргилія онѣ выразились, что „Отмѣнныя дарованія Римскаго писателя Георгикъ, уже нѣсколько тому вѣковъ, доставили ему славное названіе Отца Латинскаго Стихотворства“ [2]). Светонія назвали „однимъ изъ лучшихъ Классическихъ Писателей“ [3]). Къ этимъ классическимъ писателямъ онѣ относились, какъ и вообще 18 вѣкъ, съ благоговѣніемъ; въ стихотвореніяхъ древнихъ поэтовъ онѣ видѣли изобиліе „важности слога, высокости мыслей и сильныхъ изрѣченій“ [4]). Здѣсь кстати будетъ упомянуть, что древнихъ поэтовъ Вѣдомости считали необходимымъ переводить стихами бѣлыми; риѳму же, говорили они [5]), надо „оставить на украшеніе тѣхъ Сочиненій, въ которыхъ живость мыслей, острота изображенія и игра словъ суть наилучшимъ ихъ украшеніемъ“.— Изъ французскихъ писателей о Мармонтелѣ Вѣдомости отозвались съ глубокимъ сочувствіемъ: „какое могущество имѣетъ перо славнаго Писателя! (восклицаетъ авторъ разбора нравоучительной сказки Алцестъ) все разуму и искусству его покоряется: удивленіе, восхищеніе и плески Читателей препровождаютъ его во храмъ Славы.— И сказать правду, Мармонтель сего достоинъ“ [6]). Отнестись сочувственно къ Вольтеру „Вѣдомости“ не могли; правда, мы не встрѣчаемъ въ нихъ прямаго осужденія его сочиненій, но онѣ нашли, однакожь, нужнымъ, по поводу разбора книжки: „Сущая правда, или мысли изъ уединенія на свѣтъ взирающаго человѣка“, сказать, что эта книжка можетъ болѣе принести пользы молодымъ людямъ, „нежели острозамысловатыя Сочиненія, каково есть *Кандидъ* и подобныя оному“ [7]). — Изъ русскихъ писателей прекрас-

[1]) Тамъ-же, стр. 64.
[2]) Тамъ-же, стр. 36.
[3]) Тамъ-же, стр. 118.
[4]) Тамъ-же, стр. 37.
[5]) Тамъ-же, стр. 37.
[6]) Тамъ-же, стр. 84.
[7]) Тамъ-же, 40.

ными и славнѣйшими Вѣдомости считаютъ: Ломоносова, Сумарокова, Хераскова, Ѳеоф. Прокоповича, Кантемира, Поповскаго, Петрова, Попова, Майкова [1]). Изъ этого перечня именъ видно, что во взглядахъ Новикова въ этомъ отношеніи произошла нѣкоторая перемѣна: такъ, въ Опытѣ Словаря о Петровѣ былъ сдѣланъ насмѣшливый отзывъ,— Вѣдомости называютъ его однимъ изъ славнѣйшихъ нашихъ стихотворцевъ; къ Кантемиру Вѣдомости относятся съ бо́льшимъ сочувствіемъ, чѣмъ Словарь. Измѣнился, кажется, нѣсколько и взглядъ на Ломоносова: Вѣдомости ставятъ его раньше Сумарокова при перечисленіи знаменитыхъ авторовъ [2]); называютъ его „славнѣйшимъ Россійскимъ Писателемъ“ [3]), между тѣмъ, какъ прежде Сумароковъ стоялъ въ глазахъ Новикова выше Ломоносова [4]).—Замѣчательно, что при разборахъ различныхъ книгъ Вѣдомости никогда не упускаютъ случая обратить вниманіе на правописаніе. Хваля сочиненія Попова, онѣ хвалятъ ихъ между прочимъ и за строгое соблюденіе правилъ и тонкостей грамматическихъ [5]); при разборѣ книги „Римскій Дворянинъ“ сказано, что слогъ ея былъ бы изряденъ, если бы получше наблюдаемо было правописаніе [6]). Признавая высокія достоинства въ „Ироидахъ Музамъ Посвященныхъ“ Вѣдомости выражаютъ сожалѣніе, что въ нихъ не соблюдено „единство во правописаніи“ [7]). Много можно было бы привести примѣровъ подобныхъ отзывовъ. Вѣдомости постоянно при удобномъ случаѣ совѣтуютъ русскимъ авторамъ и переводчикамъ побольше стараться о наблюденіи свойствъ языка и правилъ грамматики и сообразоваться съ наилучшими нашими Писателями [8]). Необходимость такихъ совѣтовъ и частыхъ напоминаній о грамотности свидѣтельствуетъ о томъ, какъ слабо было у насъ тогда образованіе, даже въ средѣ писателей.

„Ученыя Вѣдомости“ съ величайшимъ уваженіемъ и благодарностію отзываются постоянно объ императрицѣ Екатеринѣ за ея покровительство наукѣ и литературѣ. Второй номеръ Вѣдомостей начинается „Вступленіемъ“, которое все состоитъ изъ восторженнаго панегирика императрицѣ. „О благополучная Россія! о счастливое отечество наше! (восклицаетъ авторъ панегирика). Совершается пророчество Петра Великаго, что Науки и Художества, преходя изъ Страны въ Страну, изъ Государства въ Государство, пріидутъ наконецъ въ Россію и въ ней водворятся. Не видимъ ли мы счастливаго событія сего славнаго предсказанія во дни наши, во дни благополучія Россійскаго, во дни царствованія Премудрыя Екатерины? Наступили въ Россіи дни златые: цвѣтутъ Науки и Художества: появляются Россійскіе Орфеи, Архимеды, Птоломеи, Плиніи, Ливіи, Апеллесы и Праксители. Хранилища *Россійскихъ Древностей* отверзаются десницею Премудрыя Екатерины, и *Исторія Россійская* исходитъ предъ лице всего Свѣта. Отправляются Ученые Мужи во всѣ концы пространныя Имперіи Россійскія: описуются Области, открываются богатыя сокровища“. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что все это сказано искренно; самая восторженность тона свидѣтельствуетъ объ этомъ: такъ льстить *Новиковъ* не могъ. И въ такомъ случаѣ этотъ панегирикъ есть сильное свидѣтельство въ пользу Екатерины. Новиковъ былъ очень увлеченъ покровительствомъ императрицы ученымъ, преимущественно историческимъ занятіямъ (онъ самъ, какъ мы знаемъ, на опытѣ испыталъ это покровительство). Новиковъ такъ высоко цѣнилъ умственный трудъ и всякое поощреніе его, что прославлялъ Екатерину даже за покровительство ея иностраннымъ писателямъ, т. е. энциклопедистамъ. Панегирикъ оканчивается словами: „не одноя только Россіи, но всея почти Европы Ученые Мужи, щедротами Ея облагодѣтельствованы. О чемъ цѣлый міръ гремитъ, о томъ да умолкнетъ слабое перо наше.—Н.“ [1]).—Эти слова, съ другой стороны, свидѣтельствуютъ, какъ слабо было въ то время масонство Новикова, если онъ могъ восхищаться покровительствомъ Екатерины Дидро, Гримму и другимъ.—„Ученыя Вѣдомости“ посвящены Дворянамъ Калужскаго Намѣстничества [2]), вслѣдствіе того, что они пожертвовали 50,000 руб. „для сооруженія Монумента Преславной и Премудрой Законодательницѣ нашего Отечества и также для заведенія Дворянскихъ Училищъ“. Это посвященіе, такъ-же какъ и вышеприведенный панегирикъ, опять никакъ не можетъ быть заподозрѣно въ неискренности, равно какъ не могутъ быть заподозрѣны въ ней и всѣ похвалы императрицѣ, разсѣянныя по многимъ статьямъ „Ученыхъ Вѣдомостей“ [3]).

„Мы просимъ и приглашаемъ всѣхъ Ученыхъ Мужей и Любителей Россійскихъ Писменъ быть нашими сотрудниками“, напечатали Ученыя Вѣдомости въ Предисловіи, составляющемъ первый ихъ номеръ. Въ этомъ обращеніи къ публикѣ сказалось всегдашнее стрем-

[1]) Тамъ-же, 173, 87—88, 113—117, 171—174.
[2]) Тамъ-же, 173.
[3]) Тамъ-же, стр- 165.
[4]) См. еще отзывы о Лом-вѣ: тамъ-же, 52 и 161—165.
[5]) Тамъ-же, стр. 66.
[6]) Тамъ-же, 166.
[7]) Тамъ-же, 176.
[8]) Тамъ-же, 66, 60, 87.

[1]) Тамъ-же. стр. 12.
[2]) Спб. Учен. Вѣдомости. Изд. I.
[3]) Тамъ-же, (по обоимъ изд.), стр. 26—27, 54, 57—58, 63, 84.

леніе Новикова дѣйствовать цѣлымъ обществомъ, призывать къ дѣятельности, будить общественныя силы. На этотъ призывъ откликнулись. Мы знаемъ, что издателямъ нѣсколько разъ были присылаемы надписи къ портретамъ знаменитыхъ писателей; имъ были присылаемы и статьи критическія. Такова статья, разбирающая нравоучительную сказку Мармонтеля Алцестъ[1]).—Въ предисловіи къ Вѣдомостямъ сказано, что присылаемыя статьи будутъ печатаемы только въ томъ случаѣ, если онѣ будутъ согласны съ принятыми въ Вѣдомостяхъ правилами; въ числѣ же этихъ правилъ было и такое: „ничто сатирическое, относящееся на лица, не будетъ имѣть мѣста въ Вѣдомостяхъ“. Названная выше статья объ Алцестѣ, по сознанію самихъ издателей, нѣсколько не подходитъ подъ ихъ правила (по всей вѣроятности, вслѣдствіе сатирическихъ отзывовъ автора о переводѣ); но тѣмъ не менѣе эта статья появилась въ журналѣ, даже въ сопровожденіи похвалъ ей отъ издателей,—такъ цѣнили эти послѣдніе авторскій трудъ, умственную работу. „Наипаче всего побудилъ насъ къ помѣщенію сего артикула (пишутъ они)[2]) весьма неискусный переводъ Алцеста“. Дорога на Парнассъ стала крута, трудна, скользка и наполнена колючимъ терніемъ. „Аполлонъ ничѣмъ такъ не раздражается, какъ отвѣтами нѣкоторыхъ Переводчиковъ: *этова на Руской языкъ перевесть нельзя*, и всегда отвѣтствуетъ таковымъ: *ты не знаешь Россійскаго языка*;ибо онъ, какъ сказываютъ, увѣренъ въ томъ, что Россійскій языкъ ко всѣмъ родамъ писаній весьма удобенъ“. Эти прекрасныя слова показываютъ, что, если Новиковъ отказался отъ проповѣданія національной идеи и обратился къ идеямъ общечеловѣческимъ, къ отвлеченной проповѣди образованности - вообще, то тѣмъ не менѣе онъ остался настоящимъ патріотомъ, горячо вѣрующимъ въ твердость нравственныхъ силъ своего народа.—Читатель замѣтилъ, конечно, въ вышеприведенныхъ словахъ сатиру, иронію, отъ которой Вѣдомости, повидимому, совсѣмъ отреклись. Этотъ проблескъ смѣха, какъ и указанная выше любовь Вѣдомостей къ занятіямъ русской исторіей, сближаетъ ихъ съ прежними изданіями Новикова.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что въ „Ученыхъ Вѣдомостяхъ“ есть нѣсколько статеекъ съ нравоучительнымъ характеромъ; это разборы книгъ: „Сущая правда“, „Великопостный конфектъ“, „Наука къ познанію роскоши, Гюма“, „Добродѣтельная душа“ и „Китайскій мудрецъ“ [3]). Впрочемъ, нравоучительный элементъ въ Вѣдомостяхъ развитъ мало, весьма слабъ, — онъ гораздо сильнѣе въ „Утреннемъ Свѣтѣ“.

[1]) Тамъ-же, № 11, стр. 81—87.
[2]) Тамъ-же, стр. 85—87.
[3]) Тамъ.же, стр. 39—40, 96, 125—126, 146, 167—171.

2.

Съ сентября 1777 года сталъ выходить „Утренній Свѣтъ“. Это, вѣроятно, и было причиною прекращенія „Санктпетербургскихъ Ученыхъ Вѣдомостей“: мы видѣли уже выше, что Новиковъ не могъ долго держаться на слишкомъ отвлеченной точкѣ зрѣнія; онъ горячо былъ преданъ образованности и наукѣ, но уйти въ науку отъ жизни онъ не могъ; онъ не могъ жить безъ опредѣленнаго взгляда на міръ и человѣка и безъ проповѣданія этого взгляда.

„Утренній Свѣтъ“ принято считать журналомъ мистическимъ и масонскимъ. Образованію такого мнѣнія способствовали, конечно, нѣкоторыя выраженія Предисловія или „Предъувѣдомленія“ къ журналу. Въ этомъ Предисловіи издатели говорятъ, что хотя они „и великую полагаютъ надежду на свое прилежаніе и трудолюбіе, однакожь не смѣютъ уповать, что по желанію удостоятъ ихъ многіе своимъ чтеніемъ“; эта неувѣренность происходитъ отъ „младости“ издателей, младости, которая „едва достигаетъ и до Утренняго Свѣта въ жизни“[1]); касательно этой младости въ другомъ мѣстѣ Предисловія говорится, что всѣмъ десяти издателямъ вмѣстѣ не болѣе 30 лѣтъ, — очевидно, здѣсь счетъ годамъ жизни ведется отъ времени вступленія въ масонство. — Но если мы отбросимъ всѣ эти масонскія слова, то окажется, что взгляды, которые, по словамъ „Предъувѣдомленія“, будетъ проводить журналъ, могутъ безразлично принадлежать и масону и не-масону. Вотъ цѣли, которыми задался Утренній Свѣтъ: „мы оставимъ (говорится въ „Предъувѣдомленіи“) перукмахерамъ, портнымъ и изобрѣтательницамъ модъ украшать наружность“ нашихъ соотечественниковъ; „оставимъ искуснымъ Врачамъ имѣть попеченіе о пользованіи ихъ тѣлесныхъ болѣзней; но *души* и *духъ* ихъ да будутъ единственными предметами нашими; имъ-то врачеваніе, укрѣпленіе и т. п. предлагать станемъ“. Показать величіе человѣческой личности — вотъ къ чему будетъ стремиться журналъ: человѣкъ, говоритъ Предисловіе, есть „истинное средоточіе сей сотворенной земли и всѣхъ вещей“, нѣтъ „ничего преизящнѣе, величественнѣе и благороднѣе человѣка и его отъ Источника благъ происходящихъ свойствъ». Современные философы, энциклопедисты, по мнѣнію Утренняго Свѣта, своими идеями унижаютъ человѣческую личность; и вотъ—

[1]) „Утренній Свѣтъ. Ежемѣсячное изданіе“. 9 ч. 1777—1780 г. (до апр. 1779 въ Спб., потомъ—въ М.) Изд. I, ч. I.—Первое изд. отличается отъ втораго тѣмъ, что во 2-мъ нѣтъ списковъ подписчиковъ. Въ Публ. Библ. перваго изданія нѣтъ.

журналъ будетъ противодѣйствовать «нѣкоторымъ иностранныхъ писателей сочиненіямъ», подобнымъ „блеску сусальнаго золота“; „обольщенные“ ими читатели (говоритъ Предисловіе) „скоро могутъ придти сами въ себя, если мечтательныя оныхъ красоты, подобно въ нашемъ воздухѣ зимою блещащимъ снѣжнымъ частицамъ, увидятъ разтаевающими и въ ничто обращающимися при восхожденіи *Солнца правды*“.— Возвышенную идею свою Утренній Свѣтъ хочетъ выражать и въ возвышенныхъ формахъ: такъ какъ человѣкъ очень важенъ (говоритъ Предисловіе), то и „должны мы важности сего дѣла соразмѣрныя писанія употреблять и важно о таковыхъ свойствахъ вѣщати“. „Все пространство поля высокаго, средняго и общаго *нравоученія*, говорится въ другомъ мѣстѣ, открыто нашему предпріятому труду“. Но такъ какъ бываютъ такіе люди, „кои сами свое высокое человѣческое достояніе ногами попираютъ“ и потому заслуживаютъ, чтобы ихъ считали „за дикихъ въ человѣческомъ только образѣ скитающихся звѣрей“, то для нихъ „всеобщая сатира да будетъ бичемъ, коимъ мы станемъ (говоритъ Предъувѣдомленіе) пороки и сихъ нечеловѣковъ наказывать“.—

Чуждая національныхъ стремленій, общечеловѣческая идея, положенная въ основу „Утренняго Свѣта“, выразилась и въ выборѣ матерьяла для журнала: въ немъ есть сочиненія оригинальныя, но ихъ гораздо менѣе, чѣмъ переводовъ изъ всевозможныхъ европейскихъ литературъ. Въ объявленіи о подпискѣ при второй книжкѣ журнала [1]) сказано, что изданіе будетъ содержать произведенія прозаическія и стихотворныя, переводимыя изъ наилучшихъ Греческихъ, Латинскихъ, Нѣмецкихъ, Англинскихъ, Французскихъ, Итальянскихъ и Шведскихъ Писателей; равномѣрно помѣщаемы будутъ и „новѣйшія Россійскія творенія“. Дѣйствительно, въ Утреннемъ Свѣтѣ помѣщены переводы изъ сочиненій слѣдующихъ писателей: *Платона* (Федонъ или разговоръ о безсмертіи [2]), Первый Алкивіадъ [3]), *Плутарха* (Разсужденіе о суевѣріи [4]), О случаѣ [5]), *Ксенофонта* (Повѣсть о Геркулесѣ или путь къ благополучной жизни [6]), *Сенеки* (Разсужденіе о честномъ житіи, Разсужденіе о счастливой жизни [7]), *Виргилія* (Еклога [8]), *Юнга* (Нощи, Имнъ на правосудіе Божіе, Различныя состоянія человѣческаго сообщества, Письма о невѣрствіи, утѣхахъ и т. п., Посланіе Юнгово къ Вольтеру, Эвзебъ или добродѣтельный богачь, нравственная повѣсть, Различныя состоянія человѣческаго сообщества [1]), *Бакона* (О мудрости древнихъ, Нѣкоторыя главы изъ сокращенія Баконовой философіи о Сцептицизмѣ [2]), *Паскаля* (Мнѣнія [3]), *Виланда* (О симпатіи, Видѣніе міра невинныхъ человѣковъ [4]), *Геснера* (Идиллія; Меналкъ и Алексисъ [5]), *Мозера* (Даніилъ во рвѣ львиномъ [6]), *Геллерта* (Басня Пчела и Курица, Размышленіе Геллертово въ день его рожденія, Юноша и старикъ; Добродѣтель, басня [7]), *Долликоффера* (Проповѣдь о высокомъ достоинствѣ и превосходствѣ человѣческой души [8]), *Деліуса* (Удовольствіе безъ богатства [9]), *Августа Ернестія* (Разсужденіе о сравненіи дарованій Грековъ и Римлянъ, Разсужденіе о сравненіи военныхъ искусствъ съ мирными [10]), *Федера* и *Кампе* (педагогическая переписка ихъ, два письма [11]). Кромѣ того встрѣчается много статей, при которыхъ показано, что онѣ переведены съ языковъ — англійскаго, латинскаго, французскаго, шведскаго, но не указано изъ какихъ авторовъ или журналовъ (одинъ только разъ названъ журналъ: Еженедѣльные листки увеселенья, разума и остроты [12]). Затѣмъ помѣщено два стихотворенія Майкова [13]) и нѣсколько, быть можетъ даже много, неподписанныхъ оригинальныхъ произведеній (я говорю такъ неопредѣленно о количествѣ этихъ произведеній потому, что иной разъ нельзя разобрать — переводъ передъ нами или оригинальная статья). Библіографія оказала бы большую услугу русской литературѣ, если бы открыла или хотя попыталась открыть авторовъ оригинальныхъ статей Утренняго Свѣта. Къ числу этихъ авторовъ, болѣе чѣмъ вѣроятно, принадлежитъ самъ Новиковъ, бывшій авторомъ первыхъ своихъ журналовъ. Можно съ большою достовѣрностью назвать и еще одно лице, это — Ив. П. Тургеневъ, знаменитый масонъ и другъ Новикова: къ переводной статьѣ „Сонъ Марка Аврелія“ [14]) прибавлено примѣчаніе переводившаго, опровергающее нѣко-

[1]) Утренній свѣтъ. Изд. I, ч. I, октябрь.
[2]) Тамъ-же, ч. I.
[3]) Тамъ-же, ч. II.
[4]) Тамъ-же, ч. IV.
[5]) Тамъ-же, ч. I.
[6]) Тамъ-же, ч. IX.
[7]) Тамъ-же, ч. I и II.
[8]) Тамъ-же, ч. V.

[1]) Тамъ-же, ч. III, IV, VII, VIII.
[2]) Тамъ-же, ч. IX.
[3]) Тамъ-же, ч. VI и слѣд.
[4]) Тамъ-же, ч. II.
[5]) Тамъ-же, ч. III и IV.
[6]) Тамъ-же, ч. V.
[7]) Тамъ-же, ч. VIII.
[8]) Тамъ-же, ч. VIII.
[9]) Тамъ-же, ч. VIII.
[10]) Тамъ-же, ч. VII и VIII.
[11]) Тамъ-же, ч. VIII.
[12]) Тамъ-же, ч. VIII, статья: Женитьба.
[13]) Тамъ-же, ч. I, Ода Счастіе; ч. II, Пѣснь: Судъ Паридовъ.
[14]) Тамъ-же, ч. IV.

торыя мысли статьи, и все это подписано буквами: Ив. Т. [1]). — Изъ приведеннаго списка авторовъ и сочиненій, переведенныхъ въ Утренномъ Свѣтѣ, видно, что журналъ этотъ черпалъ изъ чистыхъ источниковъ: отвлеченная философія шла къ нему изъ классическаго міра и изъ Англіи, примѣненіе философіи къ явленіямъ жизни изъ Франціи, статьи нравоучительныя, поэтическія и педагогическія — изъ Германіи. Но не должно думать, что какая либо изъ этихъ странъ, а тѣмъ болѣе какой-либо одинъ изъ названныхъ авторовъ имѣли рѣшительное вліяніе на направленіе журнала: ни одна статья и ни одинъ авторъ не могутъ быть названы представителями духа журнала; этотъ духъ выражается лишь въ совокупности всѣхъ статей, въ подборѣ ихъ, сдѣланномъ редакціей.

Согласно обѣщанію „Предъувѣдомленія“ Утренній Свѣтъ проводитъ мысль о величіи человѣка. — Высшее знаніе есть самопознаніе: *познай себя самого*, говорятъ многія статьи журнала [2]). Человѣкъ — „слабое чадо праха“, „червь“; но въ то-же время онъ — „Богъ“: если Богъ пролилъ Свою кровь, то не для червя Онъ это сдѣлалъ, — и Ангелы удивляются человѣческому величію [3]). Природа человѣка — совершенна [4]) и достойна высочайшаго почитанія [5]). Богъ поставилъ человѣка вѣнцомъ творенія; для насъ существуетъ вся природа. Если человѣкъ не будетъ почитать себя важною частью творенія, то онъ не можетъ ни мыслить, ни поступать благородно [6]); думая о величіи души, онъ становится нравственнѣе [7]). Каждый человѣкъ самъ создаетъ свое величество [8]); онъ—свободенъ: не случай, а мужество, разумъ, цѣломудріе управляютъ человѣческими дѣлами [9]); человѣкъ созданъ для блаженства, и это блаженство—въ насъ самихъ; поэтъ обращается къ нашему счастью со словами:

Не въ могуществѣ и власти,
Не въ высокой самой части,
Не въ богатствѣ, не въ чинахъ,
Не на знатности дорогахъ,
И не въ царскихъ ты чертогахъ,
Но живешь у насъ въ сердцахъ.
. . . . . .
Если малымъ кто доволенъ,
Кто не гордъ, спокоенъ, воленъ,
Тотъ есть счастливъ человѣкъ [1]).

Человѣкъ счастливъ и въ оковахъ, если „добродѣтеленъ“ и „искусенъ въ знаніяхъ“ [2]), — душу заковать нельзя. Мы выше всѣхъ бѣдствій земной жизни: можно ли назвать несчастнымъ невольника, который на-завтра будетъ королемъ,—мрачная ночь подаетъ болѣе свѣту звѣздамъ [3]). Но особенно высокъ человѣкъ нравственнымъ долгомъ: исполненіе этого долга приближаетъ его къ высочайшему примѣру совершенства—уподобляетъ нашему небесному Отцу [4]). Человѣкъ — цѣль міроздания, но для его величія мало быть только *цѣлью*, — онъ долженъ быть и *средствомъ*, т. е. долженъ способствовать благу всего окружающаго его, — въ этомъ наше „сообразованіе“ съ Богомъ [5]). Извинять въ себѣ погрѣшности — унизительно для человѣка: это все равно, что считать себя дуракомъ [6]).—Но будучи такъ высокъ, человѣкъ въ то-же время исполненъ противорѣчій: онъ превосходитъ всѣхъ тварей по своей природѣ—и въ то-же время всякое существо можетъ быть ему предпочтено, если мы подумаемъ о тѣхъ бѣдствіяхъ, которымъ онъ подверженъ. Онъ ничего не въ состояніи сдѣлать (по причинѣ ошибокъ своего ума, овладѣвающихъ имъ страстей, и т. д.)— и въ то-же время все для него возможно [7]). Откуда же это противорѣчіе? Оно происходитъ отъ обстоятельствъ, окружающихъ насъ въ земной нашей жизни,—не то будетъ въ будущемъ мірѣ: здѣсь на землѣ духъ нашъ стѣсненъ тѣломъ и разными временными условіями жизни [8]). Но время (или земная жизнь) есть только „краткое предисловіе нашего

[1]) Отсюда можно сдѣлать заключеніе, что ему же принадлежитъ и переводъ статьи „Разсужденіе Сенекино о честномъ житіи“ (ч. I), подпис. буквами И. Т. Эти буквы тѣмъ болѣе нельзя прочесть: Издатель Трутня, что едва ли сталъ бы такъ называть себя Новиковъ послѣ цѣлаго ряда изданій, слѣдовавшихъ за Трутнемъ. А отсюда, можетъ быть, можно сдѣлать заключеніе, что и „Путешествіе И. Т.“, напечатанное въ Живописцѣ, принадлежитъ тому-же Тургеневу, тѣмъ болѣе, что оно написано худшимъ языкомъ, чѣмъ писалъ Новиковъ, какъ мы знаемъ по его предисловіямъ къ изданіямъ.

[2]) Утр. Св. ч. II, Разсужденіе на новый годъ.—Ч. IV—Юнговы нощи.—Ч. VI Мнѣнія Паскаля.—Ч. IX Нравоучительныя правила, и друг.

[3]) Тамъ-же, ч. IV, ноябрь, и VI, іюль, Юнговы нощи.

[4]) Тамъ-же, ч. VIII, О противорѣчіяхъ въ челов. природѣ.

[5]) Тамъ-же, ч. VII, сент., Юнговы нощи.

[6]) Тамъ-же, ч. I, О достоинствѣ чел-ка въ отношеніи къ Богу и міру.

[7]) Тамъ-же, ч. VIII, Проповѣдь Цолликоффера.

[8]) Тамъ-же, ч. VII, сент., Юнговы нощи.

[9]) Тамъ-же, ч. I, О случаѣ, Плутарха.

[1]) Тамъ-же, ч. I, Ода Счастіе, Майкова.

[2]) Тамъ-же, ч. II, Разсужденіе на новый годъ.

[3]) Тамъ-же, ч. IX, Временныя бѣдствія.

[4]) Тамъ-же, ч. IX, О благодѣяніяхъ.

[5]) Тамъ-же, ч. I, О достоинствѣ чел-ка въ отношеніи къ Богу и міру.

[6]) Тамъ-же, ч. IV. Истинны.

[7]) Тамъ-же, ч. VI, Мнѣнія Паскалевы.

[8]) Тамъ-же, ч. VIII, Проповѣдь Цолликоффера.

пребыванія", и потому—презирать время стоитъ славы [1]).—Эти слова приводятъ насъ къ другой идеѣ „Утренняго Свѣта"—идеѣ крайняго идеализма, идеѣ противорѣчія между духомъ и тѣломъ.

Отвлеченный идеализмъ играетъ въ Утреннемъ Свѣтѣ большую роль, и ему посвящено много статей. Съ точки зрѣнія этого идеализма земной міръ представляется преходящею мечтою [2]); временная жизнь наша въ этомъ мірѣ полна несчастій: самое завидное состояніе нуждается въ терпѣливости [3]). Двумя путями шествуютъ люди „въ теченіи сея жизни": пріятнымъ и полезнымъ (говоритъ статья, заключающая послѣдній томъ Утренняго Свѣта). Первый путь по прямой, легкой дорогѣ, обсаженной деревьями съ Содомскими плодами, приводитъ къ бѣдности и отчаянью; — второй по утесистой, трудной дорогѣ, на которой надо много душевной твердости, ведетъ къ спокойствію..... Но это спокойствіе—не надолго: приходитъ смерть, и зарываютъ человѣка на пищу червямъ; такъ ничтожно *все* земное: „суета суетъ и всяческая суета".—Жизнь дѣлаетъ душу рабою праха; смерть даетъ ей крылья. Жизнь низвергаетъ самого человѣка, а смерть уничтожаетъ только тѣло, и зато освобождаетъ душу. Мы напрасно боимся смерти: смерть и образъ ея въ нашемъ воображеніи—не одно и то-же [4]). Смерть лучше и легче жизни:

О бренный человѣкъ! познай ты въ жизни сей,
Что ты есть узникъ нуждъ, поверженный въ неволю;
Оковы сниметъ смерть, и силою своей
Дастъ чувствовать тебѣ сей тлѣнной жизни долю [5]).

Не только смерть прекрасна, но прекрасно и все то въ жизни, что напоминаетъ смерть: мрачность лучше свѣта, ибо удаляетъ душу отъ суеты и заставляетъ погрузиться въ себя [6]). Противоположность жизни и смерти — то-же, что противоположность тѣла и духа: тѣло есть часто „пища сластолюбивыхъ взоровъ" [7]); всякое тѣлесное наслажденіе, напр. пиры, не есть что-либо высокое, — лучше не нуждаться въ матеріи; когда душа освободится отъ тѣла, она будетъ созерцать истину и жить внутри себя самой [8]),—въ этомъ и заключается блаженство человѣка. Съ этой точки зрѣнія взаимная любовь мужчины и женщины считается зломъ: она рождаетъ пороки; она относится къ

[1]) Тамъ-же, ч. IX, Время.
[2]) Тамъ-же, ч. I, Ода Міръ; О симпатіи, Виланда.
[3]) Тамъ-же, ч. VII, дек., Юнговъ плачь, нощь VIII.
[4]) Тамъ-же, ч. V мартъ и ч. VII сент. Юнговы нощи.
[5]) Тамъ-же, ч. V, Надгробная пѣснь Перуанцевъ.
[6]) Тамъ-же, ч. VI, Юнговы нощи.
[7]) Тамъ-же, ч. II, О симпатіи, Виланда.
[8]) Тамъ же, ч. I, Пиръ седми мудрецовъ.

тѣлу, къ „сложенію" человѣка, и вѣчно ведетъ борьбу съ добродѣтелью; и въ этомъ случаѣ она для насъ очень опасна: удержать насъ отъ паденія изъ-за нея можетъ только „необыкновенное дѣйствіе милости Божіей" [1]). Стыдливость говоритъ намъ, „чтобы мы старалися сокрыть восхищенія исполненное сродство наше со скотами", а это показываетъ, „что человѣкъ, даже и на высочайшей степени блаженства *земнаго* себя унижаетъ" [2]).—Изъ этихъ словъ, возвышенно отвергающихъ матерьяльную сторону любви, мы къ сожалѣнію видимъ, что Утренній Свѣтъ отвергаетъ и самую любовь, или, лучше сказать, понимаетъ ее матерьяльно, точно такъ, какъ понимало ее волтерьянство, матерьялизмъ 18-го вѣка. Здѣсь произошло то, что очень часто бывало съ крайнимъ идеализмомъ: этотъ идеализмъ, самъ того не замѣчая, впалъ въ матерьялизмъ. То-же самое видимъ мы тутъ и въ нѣкоторыхъ другихъ его отрицаніяхъ; такъ, въ „Юнговыхъ нощахъ" отрицается въ двухъ мѣстахъ—дарованіе, разумъ, искусство. „Земная премудрость (говорится тутъ) причинила много пользы въ художествахъ и наукахъ, въ войнѣ и въ мирѣ, да еще и болѣе учинить можетъ; но художество и наука, яко твоя собственность, оставитъ тебя по смерти твоей сугубымъ нищимъ" [3]). Точно также отрицается и *смѣхъ*: „смѣхъ есть едва ли не преступленіе", говорится въ томъ-же сочиненіи [4]). — Но, впадая въ такія ошибки, идеализмъ проповѣдовалъ и дѣльныя мысли; такъ, онъ постоянно указывалъ на тщету земнаго богатства и величія, — титловъ, власти, сословныхъ предразсудковъ и родовой гордости. Заботьтесь о нравственномъ совершенствѣ, а богатство, знатность и царская власть, все это *ничто*, говоритъ „Проповѣдь о высокомъ достоинствѣ и превосходствѣ человѣческой души" [5]). Слава нравственная выше орденовъ, богатствъ и т. п.,—она дѣлаетъ насъ независимыми [6]). Земной міръ пройдетъ,—и у престола Божьяго всѣ будутъ равны между собою:

Престолъ и посохъ позабудетъ
И въ ликѣ Серафимовъ будетъ
Сіять безгрѣшный человѣкъ [7]).

Достоинство не состоитъ въ дипломахъ предковъ [8]). Происхожденіе

[1]) Тамъ-же, ч. IV, Борьба любви съ добродѣтелью; ч. III, іюнь, Путешествіе добродѣтели.
[2]) Тамъ-же, ч. VII, дек., Юнговы нощи, стр. 286—295.
[3]) Тамъ-же, ч. VIII, февр., стр. 162—172; ч. VII, сент., 13, Юнговы нощи.
[4]) Тамъ-же, ч. VIII, февр., стр. 138.
[5]) Тамъ-же, ч. VIII.
[6]) Тамъ-же, ч. VII, сент., Юнговы нощи.
[7]) Тамъ-же, ч. II, Ода Міръ.
[8]) Тамъ-же, ч. VI, май, Мнѣнія Паскаля.

отъ древняго рыцарства—преимущество, но не заслуга [1]); слава наша идетъ не отъ предковъ, а отъ нашихъ собственныхъ добрыхъ дѣлъ; многіе тщеславятся своимъ дворянствомъ, иные мѣщане даже поддѣлываютъ себѣ родословныя; но ничего не можетъ быть смѣшнѣе тщеславія родомъ,—въ Турціи считаютъ лошадиные роды [2]).—Что касается до богатства, то, по мнѣнію статьи „Отрывки изъ разговоровъ Діогена Синопійскаго", бѣдные имѣютъ право требовать помощи у богатыхъ. „Вы, сыны счастія! (обращается статья къ богачамъ) скоро умѣете расчисляти. Исчислите же, сколько тысящь тварей вашаго рода должны нищенствовать для того, чтобы одинъ изъ васъ могъ ежегодно 40 или 50 талантовъ проѣсть? Не должны ли вы добро дѣлать, ежели и для того только, чтобы устранить отъ себя ненависть, вдыхаемую видомъ сластолюбія и расточенія вашаго въ согражданъ вашихъ, съ тягчайшимъ трудомъ едва могущихъ приобрѣсти дѣтямъ своимъ толико хлѣба, сколько вы псамъ своимъ къ обѣду дать можете. Подумайте не много о семъ, когда осмѣлюсь васъ попросити!" [3]) Статья допускаетъ, какъ кажется, возможность революціи бѣдныхъ.—Утренній Свѣтъ не обольщается блескомъ высшихъ сословій—служащаго и придворнаго: мудрость рѣдко бываетъ въ Сенатахъ и Сунодахъ, говоритъ онъ [4]). Придворные же — пусты, льстецы, корыстолюбивы [5]). Правила добродѣтели легко потерять при дворахъ Государскихъ [6]).—„Ужасное рабство Принцевъ! Мы видимъ ихъ обладательми свѣта, мы почитаемъ ихъ вольными, но насильственныя страсти не совершенно ль ими владѣютъ? Они народомъ самовластно повелѣваютъ, а гордости своей съ большимъ униженіемъ покоряются" [7]). Въ „Исторіи Троглодитовъ" разсказывается, что Троглодиты жили свободные, покоряясь одной добродѣтели; но вотъ добродѣтель стала у нихъ падать, — и они захотѣли царя; они предложили этотъ санъ одному добродѣтельному старцу; но тотъ отказался: сдѣлаться мнѣ царемъ, сказалъ онъ, значитъ оскорбить народъ; вы ищете царя потому, что не хотите болѣе повиноваться добродѣтели, а желаете поддаться по-

[1]) Тамъ-же, ч. VII, Мысли на древнее одно надписаніе.

[2]) Тамъ-же, ч. I, Увѣщател. письмо Ерасма Роттердамскаго; О достоинствѣ чел-ка въ отношеніи къ Богу.—Ч. VI, авг., Мнѣнія Паскаля.—Ч. III іюль, Путешествіе добродѣтели.

[3]) Тамъ-же, ч. III, стр. 369—370.

[4]) Тамъ-же, ч. VIII, Юнговы нощи.

[5]) Тамъ-же, ч. VI, май. Мнѣнія Паскаля.

[6]) Тамъ-же, ч. IX, О добродѣтели.

[7]) Тамъ-же, ч. VI, май, Мнѣнія Паскаля, стр. 153. См. также ч. III, Имнъ на правосудіе Божіе.

рокамъ [1]).—Монархамъ и министрамъ надо оказывать внѣшнее высокопочитаніе (совѣтуютъ „Юнговы нощи"); но сердца наши (говорятъ они) преклоняются только передъ достоинствомъ; глупцы одни багряноцвѣтную порфиру предпочитаютъ достоинству. Монархъ—нищій въ сравненіи съ человѣкомъ [2]). Цари, какъ и простые люди, передъ Богомъ прахъ и пепелъ [3]). Будучи добродѣтельными мы равны царямъ и „всѣмъ гордымъ комедіантамъ, которые на позорищѣ семъ играютъ роли владыкъ" [4]). Смерть царей уничтожаетъ все ихъ величіе:

Едва лишь общій рокъ исторгнетъ духъ изъ нихъ,
То все величіе надменныхъ смертныхъ сихъ,
Отъ конхъ гордый блескъ всю освѣщалъ вселенну,
Преобратится въ прахъ..... [5])

Не должно, однако, думать, что подобныя отвлеченныя идеи могли привести издателей Утренняго Свѣта къ какой-либо политической дѣятельности: политическихъ цѣлей журналъ не имѣлъ, и когда ему приходилось въ этомъ вопросѣ сходить на реальную почву, онъ высказывалъ обыденные общіе взгляды. Христіанинъ повинуется князю, даже употребляющему во зло власть свою, говоритъ одна статья [6]). Другая статья [7]) съ сочувствіемъ относится ко взгляду Ессеянъ: „нѣсть бо власть аще не отъ Бога". Въ „Проповѣди о высокомъ достоинствѣ человѣческой души" [8]) признается, что царская власть скоропреходяща и ничто передъ добродѣтелью; но умъ Государя (говорится тамъ) озаряетъ и оживляетъ милліоны; они смотрятъ на своего Обладателя какъ на преблагодатнаго отца. Одно „Разсужденіе", напечатанное въ Утреннемъ Свѣтѣ, высказываетъ такого рода идею: государи должны „людей поощрять къ преуспѣянію въ наукахъ, вывѣдывать склонности подданныхъ и пороки ихъ больше предупрежденіемъ, нежели наказаніемъ прекращать: вкоренять любовь къ добродѣтели" [9]). Авторъ статьи „Путешествіе добродѣтели" обращается даже къ монархамъ съ воззваніемъ: истребите невѣріе, распространяющееся черезъ вольность печатанія. Впрочемъ должно замѣтить, что то-же сочиненіе сочувственно отзывается объ англійской конституціи: отъ англійскаго короля, говоритъ оно, отнято право вредить, а оставлено ему право

[1]) Тамъ-же, ч. IV.

[2]) Тамъ-же, ч. VII., сент., Юнговы нощи.

[3]) Тамъ-же ч. VIII, О величествѣ Божіи,

[4]) Тамъ-же, ч. VII, Письма Юнга (3-е, О утѣхахъ).

[5]) Тамъ-же, ч. VIII, стр. 270—271. Стансъ. П.

[6]) Тамъ-же, ч. VII, Христіанинъ.

[7]) Тамъ-же, ч. VIII, О Ессеанахъ.

[8]) Тамъ-же, ч. VIII.

[9]) Тамъ-же. ч. VIII, стр. 231—232.

дѣлать добро [1]). Эта послѣдняя мысль о конституціи есть единственный примѣръ нѣкотораго соглашенія между отвлеченнымъ взглядомъ Утренняго Свѣта на монархическую власть и реальнымъ къ ней отношеніемъ.

Мы видѣли, что идеализмъ въ журналѣ дошелъ до высшей степени своего развитія, даже до крайности, до отрицанія науки и искусства, земной жизни, природы и свѣта въ ней. Но въ то-же время мы знаемъ изъ разсмотрѣнія перваго періода дѣятельности Новикова, что, доводя всякую идею до ея конечныхъ разультатовъ, свѣтлый умъ знаменитаго издателя всегда умѣлъ удержаться отъ безповоротнаго увлеченія односторонностью. И вотъ, согласно съ этимъ, мы видимъ въ Утреннемъ Свѣтѣ цѣлый рядъ статей, восхваляющихъ природу, возвращающихъ человѣка на ея лоно изъ отвлеченныхъ областей идеализма. Этихъ статей «Предъувѣдомленіе» даже не обѣщало, онѣ явились невольно, быть можетъ, неожиданно для самихъ издателей: въ появленіи ихъ сказалось чувство правды и мѣры, жившее постоянно въ душѣ Новикова. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что между этими статьями и идеализмомъ есть прямая, непосредственная связь: идеализмъ проповѣдуетъ пользу и необходимость уединенія; въ названныхъ статьяхъ говорится, что жизнь близкая къ природѣ, жизнь деревенская лучше городской, потому что въ первой человѣкъ можетъ уединиться отъ общества и потому быть нравственнѣе; первобытный человѣкъ не зналъ лицемѣрія, — съ появленіемъ общества явились: роскошь, удовольствія, неравенство состояній и лицемѣріе [2]).— Но эта связь только кажущаяся, только внѣшняя. Идеализмъ требовалъ уединенія въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова, онъ говорилъ о блаженствѣ смерти и мрака. Названныя статьи говорятъ, что природа, земная природа можетъ дать человѣку блаженство, и притомъ блаженство чистое и угодное Богу, ибо она сама есть созданіе Божіе и учитъ насъ о Богѣ, свидѣтельствуетъ намъ о Его бытіи. Если страсти не мѣшаютъ тихому ощущенію красотъ природы, человѣкъ счастливъ этими красотами [3]). Въ городахъ люди несчастны; въ деревнѣ, напротивъ, они окружены свободою, простотою, добродушными людьми [4]). То обстоятельство, что люди не вполнѣ потеряли любовь къ природѣ, что они бѣгутъ еще смотрѣть нарисованныя художниками картины ея,

[1]) Тамъ-же, ч. II, стр. 253.

[2]) Тамъ-же, ч. VI, май, „Мнѣнія Паскаля“, гл. 4 (о уединеніи), стр. 135—146.— Ч. IX, „На вопросъ: можетъ ли кто быть лицемѣрнымъ, не зная объ себѣ, что онъ таковъ“.

[3]) Тамъ-же, ч. I, Иринъ, повѣсть.

[4]) Тамъ-же, ч. III, Стансъ.

есть добрый знакъ, знакъ, что люди не совсѣмъ потеряли душевный свѣтъ [1]). — Природа учреждена отъ Бога (говоритъ Псаммитъ, „Мудрецъ нѣкоего селенія во благополучной Аравіи“) [2]), и «она хощетъ, да вы о бытіи своемъ радуетеся. Радость есть конечное желаніе всѣхъ чувствительныхъ существъ... Послушайте меня, о чада природы! Ибо симъ, а не инымъ именемъ да нарицается народъ вашъ. Природа устроила орудіемъ веселія и радости всѣ ваши понятія, чувства, каждый сосудецъ чудеснаго сплетенія существа вашего, мозгъ вашъ и сердце. Можетъ ли удобопонятнѣе сего сказать она вамъ, къ чему она васъ сотворила? Ежели бы возможно было учинить васъ способными ко удовольствію, не учиня способными къ скорьби, то непремѣнно бы сіе и было. Но заключила она входъ скорьби къ вамъ, елико было возможно..... Въ любьви, извѣстной вамъ прежде, подъ видомъ низкія необходимости, явилъ я вамъ душу жизни, источникъ прекраснѣйшаго восхищенія и чистѣйшую роскошь сердца. О чада мои! возбраню ли я вамъ какое удовольствіе или пріятное чувствіе? Конечно ни единаго изъ опредѣленныхъ вамъ самою природою. Не уподобляясь напыщеннымъ мудрецамъ, желающимъ раззорить человѣка, дабы—о суетное и смѣшное стараніе! — дабы произвести изъ развалинъ его Божество! Совѣтую вамъ умѣренность; но не для инаго чего, какъ по тому, что она есть необходимость къ сохраненію васъ отъ скорбей, и къ учиненію васъ удобными къ забавамъ. — Не потворствуя слабости естества вашего, позволяю я вамъ — Нѣтъ, но покорствуя законамъ его повелѣваю вамъ услаждать ваши чувства. Уничтожаю я обманчивое оное различіе между полезнымъ и пріятнымъ“. Затѣмъ Псаммитъ совѣтуетъ людямъ внести искусство въ жизнь; а искусство, по его словамъ, должно быть взято изъ природы. „Приобучайте очи ваши ко всякой красотѣ природы..... Старайтесь впечатлѣть знаменіе природы на всѣхъ дѣлахъ и произведеніяхъ рукъ и разума вашего“.—Не трудно замѣтить, что въ этихъ прекрасныхъ, одушевленныхъ словахъ, сказанныхъ какъ-бы въ противорѣчіе отвлеченнымъ крайностямъ идеализма, встрѣчается въ свою очередь тоже крайность, крайность поклоненія природѣ, какъ-бы обоготвореніе ея; это — нѣчто вродѣ пантеизма. Та-же крайность сказалась и въ преувеличеніи блаженства, даваемаго людямъ природой: въ Утреннемъ Свѣтѣ встрѣчаются статьи съ сантиментально-идиллическимъ характеромъ, — въ нихъ говорится о блаженствѣ трудовой жизни пастуха и крестьянина [3]), которымъ,

[1]) Тамъ-же, ч. IX, Ученіе природы, письмо къ В. В. Ханыкову.

[2]) Тамъ-же, ч. IV, Законъ Псаммита, стр. 359—368.

[3]) Тамъ-же, ч. V, Утреннее размышленіе, ода. — Ч. VIII, Удовольствіе безъ богатства. И друг.

разумѣется, не до блаженства среди тяжелыхъ работъ. Крайность суроваго аскетизма вызвала въ противоположность себѣ — сантиментальность. — Но въ сочиненіяхъ Утренняго Свѣта, содержаніемъ которыхъ служитъ прославленіе природы, есть и много прекрасныхъ мыслей, какъ напр. мысль о томъ, что близость съ природою дѣлаетъ насъ нравственнѣе. Городская жизнь исполнена пороковъ, деревенскіе нравы гораздо чище [1]). Деревенское воспитаніе выше городскаго: оно чуждо лжи, въ немъ больше простоты, правды, естественности [2]). Природа научаетъ пастуха доброй нравственности, напр. уваженію чужой собственности — заставляя его ненавидѣть хищника волка, трудолюбію и искусству — показывая ему работы пчелы, и т. д. [3]). Природа не только учитъ насъ добродѣтели, — она учитъ и вѣрѣ: „созерцай сей видимый міръ, сниди въ самого себя, и ты найдешь довольно причинъ вѣрить въ творящаго повседневно чудеса предъ очами твоими“,— мы живемъ среди чудесъ: вселенная съ ея дивнымъ цѣлесообразнымъ устройствомъ — чудо [4]). Весна, возобновляющая лице земли, наводитъ насъ на мысль о Богѣ и Его благодати, возобновляющей душу [5]). Восходящее солнце возноситъ нашу душу къ Богу и учитъ насъ добродѣтели: оно „восходитъ надъ благодарными и неблагодарными и освѣщаетъ равно глубокія долины и высокія горы“ [6]). „Есть ли что-нибудь на небеси и на земли, чтобъ не отверзало мнѣ пути къ познанію Тебя (обращается къ Богу авторъ одной статьи), и что-бъ не приводило мнѣ на память Твоея силы, Твоея премудрости, Твоея благости“ [7]).

Статьи Утренняго Свѣта, прославляющія природу, сближаютъ этотъ журналъ Новикова съ его первыми, сатирическими журналами, въ которыхъ, какъ мы видѣли, тоже превозносилась природа, деревенская жизнь; эти статьи до нѣкоторой степени сводятъ Утренній Свѣтъ на ту реальную почву, на которой стояли Трутень и Живописецъ. Нѣкоторая соприкосновенность Утренняго Свѣта съ житейской дѣйствительностью выражается и въ томъ, что журналъ этотъ, при всей отвлеченности своего содержанія, касается иногда (правда, слегка, вскользь и мимоходомъ) различныхъ общественныхъ вопросовъ. Такъ, напр., въ нѣкоторыхъ статьяхъ говорится о пользѣ путешествій и о

[1]) Тамъ-же, ч. III, іюль, Путешествіе добродѣтели.

[2]) Тамъ-же, ч. IV, Мисса и бабочка.

[3]) Тамъ-же, ч. II, Пастухъ и философъ.

[4]) Тамъ-же, ч. VII, Чудеса, творимыя Господомъ повседневно. — Тамъ-же, ноябрь, Мнѣнія Паскаля.

[5]) Тамъ-же, ч. VII, Весна возобновляетъ лице земли (70—73).

[6]) Тамъ-же, ч. VII, Восхожденіе солнца (73—76).

[7]) Тамъ-же, ч. VII. Поощреніе искать Бога въ произведеніяхъ природы, стр. 86.

пользѣ сближенія народовъ. Чѣмъ болѣе люди будутъ сближаться, тѣмъ болѣе будутъ близки къ совершенству, ибо совершенство является вслѣдствіе взаимодѣйствія противоположныхъ причинъ [1]). Но путешествія полезны только людямъ уже образованнымъ и развитымъ умственно, — они съумѣютъ во всякой странѣ отличить хорошее и дурное. Такъ, въ сочиненіи „Путешествіе добродѣтели“ путешествующему просвѣщенному принцу и его мудрому наставнику роскошь французской столицы кажется болѣзненнымъ явленіемъ и въ то-же время они удивлены искусствомъ французскаго народа въ купечествѣ, мореходствѣ, фабрикахъ; Англія плѣнила ихъ своимъ превосходнымъ хозяйствомъ, своей свободой, добродушіемъ и умомъ жителей; въ Китаѣ обратили они вниманіе на земледѣліе, торговлю, фарфоровыя постройки, на горы, превращенныя въ сады [2]). — Нужно, впрочемъ, замѣтить, что идея о путешествіяхъ и сближеніи народовъ, будучи близка къ идеямъ сатирическихъ журналовъ Новикова по своей жизненности, въ то-же время далека отъ нихъ по своему космополитическому характеру. — Идеи русской народности въ Утреннемъ Свѣтѣ нѣтъ; только въ началѣ журнала, въ I части его, напечатана статья („О письменахъ Славенороссійскихъ и тисненіи книгъ въ Россіи“), въ которой выражается уваженіе и любовь къ древней Руси. Въ этой статьѣ говорится, что, когда другіе народы молились на чуждомъ языкѣ, Русскіе издревле молились на своемъ родномъ; только гордость и самолюбіе заставляли думать другіе народы, будто русскіе „во глубинѣ невѣжества пресмыкались“. Авторъ обѣщаетъ, если обстоятельства и случай дозволятъ, сравнить нашихъ историковъ съ повѣствователями внѣшними. Но обѣщаніе его, разумѣется, не могло быть исполнено въ Утреннемъ Свѣтѣ при извѣстномъ намъ характерѣ этого журнала. — Въ двухъ-трехъ мѣстахъ Утренняго Свѣта попадается нѣсколько мимоходомъ сказанныхъ словъ о крѣпостномъ правѣ. Такъ, въ статьѣ „Мысли на древнее одно надписаніе“ встрѣчается выраженіе: „Калигулы двухъ или трехъ несчастныхъ деревень“ [3]). Въ „Разсужденіи на новый годъ“ при перечисленіи различныхъ желаній, которыя мы обыкновенно высказываемъ другъ другу 1-го января, между прочимъ говорится: иногда желанія бываютъ (надо признаться) просты, но мѣтки: крестьянинъ желалъ немилосердному помѣщику вѣчнаго блаженства, да еще какъ можно скорѣе. Впрочемъ здѣсь издатели Утренняго Свѣта, какъ бы чувствуя, что эти слова не под-

[1]) Тамъ-же, ч. VIII, О противорѣчіяхъ въ человѣч. природѣ.

[2]) Тамъ-же, ч. III, іюль, Путешествіе добродѣтели.

[3]) Тамъ-же, ч. VII, стр. 344.

ходятъ къ духу ихъ журнала, спѣшатъ прибавить: но таковыя желанія лишены искренней и нелицемѣрной, строгой добродѣтели [1]).

Читатель замѣтилъ, конечно, въ сейчасъ приведенномъ пожеланіи крестьянина сатиру, иронію, — это проблескъ смѣха въ Утреннемъ Свѣтѣ, вообще далекомъ отъ смѣха. Журналъ обѣщалъ въ „Предъувѣдомленіи“ сатиру на общіе пороки; и дѣйствительно, мы встрѣчаемъ ее во многихъ статьяхъ; но это — сатира, чуждая живаго смѣха, иной разъ негодующая, но чаще холодно-нравоучительная и даже резонерствующая; она обличаетъ не опредѣленные пороки опредѣленнаго общества, а недостатки общечеловѣческіе, отвлеченные: корыстолюбіе, тщеславіе, погоню за суетнымъ счастьемъ, зависть и т. п. [2]). Съ этой сатирой тѣсно связаны по духу своему вообще нравоучительныя статьи, которыхъ много встрѣчаемъ мы въ журналѣ во всѣ три года его изданія [3]). Нравоученіе, резонерство нравилось 18-му вѣку: объ этомъ свидѣтельствуетъ какъ существованіе въ тогдашней литературѣ множества нравоучительныхъ сочиненій, такъ и положительное показаніе Фонъ-Визина (въ „Другѣ честныхъ людей“), что его „Недоросль“ имѣлъ успѣхъ главнымъ образомъ благодаря разсужденіямъ Стародума [4]). Между нравоучительными сочиненіями Утренняго Свѣта особенно замѣчательны тѣ, которыя прославляютъ дружбу, говорятъ объ ея блаженствѣ и пользѣ: въ нихъ, какъ и въ статьяхъ, восторгающихся идиллическимъ счастьемъ пастуха и земледѣльца, выражается сантиментальность.

Я говорилъ до сихъ поръ о положительной сторонѣ идеи, положенной въ основу журнала; но въ ней есть еще сторона отрицательная, полемическая: Утренній Свѣтъ ведетъ борьбу съ волтерьянствомъ. — Развратъ есть теперь (говоритъ одна статья) [1]) „за ни-что почитаемая модная глупость“; „цѣломудріе исключено изъ числа добродѣтелей..... безсупружеское состояніе всеобще“. „Когда бывало болѣе въ обыкновеніи (говоритъ другая статья) [2]) осмѣивать Законъ, учредителей и блаженныя учрежденія Онаго, какъ не въ сіе время? Въ которое время равнодушіе къ Вѣрѣ было всеобщее (sic)? Когда имѣли менѣе Вѣры о Провидѣніи, Вѣчности и Судіѣ? — Никогда; развѣ токмо во времена Ноя, когда уже духъ человѣковъ учинился весь плотію, и Проповѣдникъ Правосудія былъ осмѣянъ“. Развратъ нравовъ и упадокъ вѣры Утренній Свѣтъ тѣсно связываетъ, считаетъ однимъ явленіемъ. Развращеніе и невѣріе (пишетъ Юнгъ въ Письмѣ — О невѣрствіи) [3]) всегда соединены и производятъ другъ друга. Въ нашъ вѣкъ распространено всюду (даже въ деревняхъ) то и другое. „Сей вѣкъ (замѣчаетъ Письмо), гдѣ кромѣ восклицаній сластолюбія и проницательнаго вопля нещастныхъ ничего болѣе не слышно..... гдѣ богатство нѣсколькихъ частныхъ хищниковъ бѣдности государства насмѣхается“.— Представителями паденія вѣры и нравовъ и главными дѣятелями въ этомъ несчастіи Утренній Свѣтъ считаетъ такъ называемыхъ „философовъ“ 18-го вѣка. „Все что человѣкъ до сего времени писалъ въ пользу души своея, все то множествомъ *чувственныхъ нравоучителей* сихъ днесь опровергается (свидѣтельствуютъ „Юнговы нощи“) [4]). Половина ученаго свѣта исполненна цвѣтомъ краснорѣчія, которымъ они пятна пороковъ полными руками засыпаютъ“. Деисты отвергаютъ таинства (говоритъ тотъ-же писатель) [5]), но собственно не то имъ не нравится,— имъ не нравится нравственная сторона Христіанства. Въ своемъ „Посланіи къ Вольтеру“ [6]) Юнгъ напоминаетъ знаменитому философу о тщетѣ земнаго величія: возражая противъ Мильтона (говоритъ онъ), „нѣжно покоясь на пуховикахъ Дорсетскихъ, ты съ гнѣвомъ отвергалъ привидѣніе грѣха и смерти; сіи произведенія его разума нѣжному вкусу твоему были не пріятны“; но придетъ смерть, — и ты предашь забвенію „тотъ златый ключь, которымъ Пруссія твои ученыя руки почтила“.— Въ сочиненіи „Путешествіе добродѣтели“ есть глава, озаглавленная:

[1]) Тамъ-же, ч. II, стр. 1—10.

[2]) Тамъ-же, Повѣсть о полуполтинникѣ (ч. III); Юнговы нощи (ч. VI и VII, сент.); Мнѣнія Паскаля (VI, авг., и VII, ноябрь); Письма Юнга, письмо 2-е, о утѣхахъ (ч. VII); Мысли на древнее одно надписаніе (ч. VII); Различныя состоянія человѣчес. сообщества (ч. VIII); Женидьба (ч. VIII).

[3]) Тамъ-же, Разсужденіе Сенеки о честномъ житіи. Бобабдалъ, восточн. повѣсть. Идиллія (ч. I). Разсужденіе на новый годъ. Простирать желанія свои превыше необходимости есть напопасн. суетность. Видѣніе міра невин. человѣковъ, Виланда. Путешествіе добродѣтели. О дружбѣ. Разсужденіе Сенеки о счастл. жизни (ч. II). Авелева смерть. Идиллія Геснерова. Видѣніе Мирзы. Отрывки изъ разговоровъ Діогена (ч. III). Зависть. Нахальство и вѣжливость. Гнѣвъ. Кабулъ. Сонъ Марка Аврелія. Меналкъ и Алексисъ. Юнговы нощи. Мекахефа ч. IV). О дружбѣ (ч. V). Мнѣнія Паскаля (ч. VI и VII). Веселіе нравственное. Письма Юнга (ч. VII). Абенакизецъ, нравоуч. пов. — Благодѣяніе, восточ. повѣсть. — Награжденіе добродѣтели, драма (ч. VIII). Повѣсть Пирринъ и Лусета. — Мысли гр. Оксенштерна О добродѣтели. — О благодарности (ч. IX). И друг.

[4]) Соч. Фонъ-Визина.

[1]) Утр. Св., ч. II, Путешествіе добродѣтели, стр. 129.

[2]) Тамъ-же, ч. III, Имнъ на правосудіе Божіе, стр. 324. См. также ч. VI, августъ, Мнѣнія Паскаля, гл. IX, О модѣ.

[3]) Тамъ-же, ч. VII, Письма Юнга.

[4]) Тамъ-же, ч. VI, іюль, стр. 218—219.

[5]) Тамъ-же, ч. VII, Письма Юнга. I. О невѣрствіи.

[6]) Тамъ-же, ч. IX, стр. 264—266.

„Подлые“ [1]); здѣсь перечислены писатели, достойные порицанія; это: Свифтъ, „унижающій природу человѣческую передъ конскою“; Рошефукольтъ, учащій, что нравы составлены изъ страстей, какъ тѣло изъ стихій; Руссо съ его софистическими парадоксами, Вольтеръ съ его остроуміемъ, Бель и Ламетрій, Гельвецій съ его краснорѣчіемъ.— Но не должно думать, что борьба Утренняго Свѣта съ энциклопедистами состояла въ подобномъ порицаніи этихъ писателей; названіе ихъ „подлыми“ въ одной статьѣ есть фактъ единичный, можно сказать случайный. Журналъ велъ полемику инаго рода: онъ возражалъ противъ сущности ученія новыхъ философовъ. При этомъ всѣ возраженія его клонились къ одной цѣли — къ доказательству безсмертія души.

Безсмертіе души доказывалъ онъ самыми разнообразными положеніями, которыя всѣ могутъ быть сведены къ слѣдующимъ категоріямъ: во-1-хъ, душа, по самому опредѣленію своему, есть нѣчто противоположное тѣлу; „существо наше состоитъ изъ пространства и движенія различно прообразованнаго вещества; движеніе-жь и пространство не могутъ никогда производить мысль. Пространство есть раздѣлимо, а раздѣлимое не можетъ быть простое“. Человѣколюбіе, благосклонность, страхъ Божій и т. п. „суть нѣчто болѣе волненія крови“ [2]).—Во-2-хъ, безсмертіе наше доказывается нашею ненасытимою жаждою его: „кто *желаетъ* жизни безсмертныя, тотъ и *доказываетъ* оную. Почто блаженство ищется безпрестанно, хотя никогда не обрѣтается? Человѣческая жадность къ оному показуетъ, что *блаженство существуетъ;* (никогда бо природа къ *ничему* не стремится); сія ненасытимая жадность доказываетъ, *что не здѣсь оно находится*“ [3]). Человѣкъ ничѣмъ на землѣ не можетъ удовлетвориться: мысль наша ненасытима, чувство красоты ищетъ безконечнаго [4]); никакое счастье для насъ не достаточно, — оттого „*полученіе* блага не столь сладостно, какъ *желаніе* онаго“ [5]). Природа не знаетъ печали: при восходѣ солнца, напр., или весною она радуется полной радостью.

Лишь стонетъ и груститъ единый человѣкъ.

Конечно для него назначена другая жизнь, гдѣ онъ почувствуетъ свое счастье [6]). Съ вѣчнымъ, ненасытнымъ желаніемъ безсмертія тѣсно связана безконечность развитія человѣка на землѣ: умъ нашъ развивается, но никогда въ здѣшней жизни не доходитъ до конца этого

[1]) Тамъ-же, ч. III, іюль.
[2]) Тамъ-же, ч. III, іюнь, Путешествіе добród-ли, гл. 16.
[3]) Тамъ-же, ч. VII, дек., Юнговъ плачь, стр. 299—300.
[4]) Тамъ-же, ч. III, іюнь, Путеш. добród-ли. гл. 16.
[5]) Тамъ-же, ч. VII, дек., Юнговъ плачь, стр. 276—277.
[6]) Тамъ-же, ч. VII, Стансы.

прогрессивнаго процесса; неужели же человѣкъ долженъ никогда не доходить до полнаго развитія, и быть, такимъ образомъ, ниже животнаго? [1]). Человѣкъ и созданъ для будущей жизни; онъ не можетъ исчезнуть, ибо силы души его не вполнѣ проявляются здѣсь, стѣсненныя земными обстоятельствами,— тѣломъ, жизнью, воспитаніемъ [2]).— Въ 3-хъ, если душа человѣческая смертна, то скотъ, превосходящій человѣка чувствами, пользующійся всею природою, не воюющій, не судящійся, и счастливѣе, и выше человѣка [3]). — Въ 4-хъ, становится безсмыслицей признаваніе добродѣтели, если душа наша смертна; тогда люди несчастнѣйшія созданія, ибо всякій можетъ дѣлать всякія несправедливости [4]). Къ чему тогда природа обманываетъ насъ внутреннимъ голосомъ совѣсти, и къ чему разумъ попускаетъ себя быть помощникомъ сей лжи? Нѣтъ безсмертія — нѣтъ и добродѣтели. Если человѣкъ смертенъ, то, напр., умереть за отечество есть преступленіе противъ своей природы [5]). Если духъ умираетъ, то премудрость и достоинство суть несчастія. Зачѣмъ человѣку переносить страданія тѣла, если онъ не вѣритъ въ будущую жизнь? Стоики отвергали безсмертіе души, но выдумали, что мы должны переносить всякія страданія тѣла, — они были удивлены, когда ихъ мечта была исполняема христіанами; ихъ безуміе, будущимъ разумомъ быть назначенное, вызвано истиной, лежавшей въ человѣческомъ духѣ въ разрушеніи подъ властію прихотей [6]). — Въ 5-хъ, ничто не умираетъ, не уничтожается даже и въ физической природѣ. Человѣкъ, жившій добродѣтельно, при концѣ жизни — совершеннѣе, чѣмъ какимъ явился въ жизнь; какъ же эти совершенства превратятся въ ничто, когда малѣйшая солнечная пылинка не можетъ потеряться? Разумное устройство міра объ этомъ свидѣтельствуетъ [7]). Безсмертіе наше доказывается круговымъ безсмертіемъ природы [8]). — Въ 6-хъ, то обстоятельство, что есть много непонятнаго въ безсмертіи и вообще въ духовномъ мірѣ, еще не доказываетъ несуществованія этого міра. „Естьлибъ человѣкъ могъ понимать, что онъ видитъ, я бъ ему простилъ, что онъ сомнѣвается въ томъ, чего онъ видѣть не можетъ (говорится во 2-й главѣ „Мнѣній Паскаля“) [9]). Токмо наималѣйшая вещь такая для него бездна тем-

[1]) Тамъ-же, ч. VII, дек., Юнговъ плачь, нощь 7-я, стр. 271—275.
[2]) Тамъ-же, ч. VIII, Проповѣдь изъ Цолликоффера.
[3]) Тамъ-же, ч. VII, Юнговъ плачь, стр. 284—285.
[4]) Тамъ-же, ч. III, Путешествіе добродѣтели.
[5]) Тамъ-же, ч. VII, дек., Юнговъ плачь, стр. 279, 276—278, 281.
[6]) Тамъ-же, стр. 298—299.
[7]) Тамъ-же, ч. III, іюнь, Путешествіе добродѣтели, гл. 19.
[8]) Тамъ-же, ч. VII, дек., Юнговъ плачь, стр. 269.
[9]) Тамъ-же, ч. VI, май, стр. 104.

ноты, что разсудку его на то не достанетъ". Непонятное объяснится въ томъ мірѣ; въ этомъ смыслѣ нѣтъ доказательства безсмертія сильнѣе и утѣшительнѣе Свящ. Писанія [1]). Противорѣчіе же между научными открытіями (какъ напр., обращеніе земли около солнца, или остатки въ землѣ отъ различныхъ геологическихъ переворотовъ) и сказаніями Библіи (напр. объ Іисусѣ Навинѣ, о всемірномъ потопѣ), противорѣчіе это — кажущееся: нужно только правильнѣе изъяснять Свящ. Писаніе [2]). — Въ 7-хъ, Утренній Свѣтъ заподозриваетъ даже существованіе искреннихъ атеистовъ и невѣрующихъ въ безсмертіе. Ты не вѣришь изъ боязни (обращается Паскаль къ такому человѣку) [3]). „Я еще не могу представить (продолжаетъ онъ), чтобы были подлинные атеисты". Природа наша побуждаетъ насъ вѣрить; если мы не вѣримъ, то это изъ боязни (подтверждаетъ Юнгъ) [4]). — Наконецъ, если-бы безсмертіе было *сомнительно* (говоритъ тотъ-же писатель) [5]), то все-таки оно „пребыло бы намъ гораздо драгоцѣннѣе, нежели всѣ прочія вещи, кои никакому *сомнѣнію* не подвержены; если-бы оно было *ложно*, то какая же *истина* на землѣ сей можетъ быть изящнѣе, какъ ложь сія?" „О оставь мнѣ мечту мою! оставь навсегда мнѣ заблужденіе мое!" — Безсмертіе души нашей доказываетъ существованіе Бога: „есть-ли человѣкъ безсмертенъ, то будетъ и Богъ на небесахъ" [6]). — Таковы возраженія, сдѣланныя Утреннимъ Свѣтомъ ученію матерьялистовъ. Какъ мы видимъ, журналъ противопоставилъ волтерьянству не фантастическія вѣрованія масонства, какъ это обыкновенно дѣлалось въ жизни въ 18-мъ вѣкѣ, а серьезную мысль.

Масонство и вообще мрачный мистицизмъ въ Утреннемъ Свѣтѣ есть; но они далеко не составляютъ сущности журнала; они въ немъ вполнѣ второстепенныя явленія.— „Грубое невѣдѣніе и очень высокая наука вредительны въ разсужденіи закона"; надо „вѣрить слѣпо", говорится во II главѣ „Мнѣній Паскаля" [7]). Люди населены на землѣ, чтобы обожать и удивляться, а не для того, чтобы много знать (учитъ статья, называющаяся „Нравоучительныя правила") [8]). Подобныя мысли, выражающія неуваженіе къ уму, разумѣется, ведутъ къ суевѣрію. Въ Утреннемъ Свѣтѣ встрѣчается суевѣрное представленіе „зависти": порокъ этотъ аллегорически изображенъ въ образѣ

[1]) Тамъ-же, ч. III, іюнь, Путешествіе добродѣтели.
[2]) Тамъ-же, ч. VIII, О противорѣчіяхъ въ человѣческой природѣ, стр. 33—34.
[3]) Тамъ-же, ч. VI, май, Мнѣнія Паскаля, гл. 2, стр. 109.
[4]) Тамъ-же, ч VII, дек., стр. 335.
[5]) Тамъ-же, стр. 301—302.
[6]) Тамъ-же, стр. 319.
[7]) Тамъ-же, ч. VI, май.
[8]) Тамъ-же, ч. IX.

чудовища, изрыгающаго изъ себя разныхъ гадовъ. Зависть отдѣляетъ отъ тѣла своего (говоритъ статья, о которой идетъ рѣчь) [1]) оживотворенные духи, идущіе въ людей. — Но вотъ и все, въ чемъ выражается какъ бы протестъ журнала противъ свободы мысли. — Собственно масонскихъ статей въ Утреннемъ Свѣтѣ такъ-же мало. Ихъ всего четыре. Двѣ изъ нихъ — историческія: О Терапевтахъ и О Ессеанахъ [2]), которыхъ масоны считали, какъ видно, своими предшественниками. Терапевты, по свидѣтельству статьи, были мыслители надъ Священнымъ Писаніемъ и отечественными философами, гдѣ искали таинственнаго смысла за простыми словами; они думали, „что весь законъ подобенъ животному, котораго тѣло суть правила, а душа сокровеннѣйшія ихъ содержанія, подъ прикрытіемъ словъ заключающіяся" [3]). Образъ жизни Терапевтовъ былъ аскетическій; они въ супружество не вступали, не ѣли мяса, а только хлѣбъ да соль. На собраніяхъ они занимались разсужденіями и пѣніемъ; кто-нибудь разсуждалъ, остальные слушали: „о понятіи давали знать наклоненіемъ головы, а о согласіи веселіемъ и возвышеніемъ чела"; сомнѣніе „изъявляли чрезъ тихое движеніе головы и большаго на правой рукѣ пальца" [4]). Такія собранія бывали въ 7-й день недѣли; 6 дней они по своимъ кельямъ занимались размышленіемъ, и иные такъ углублялись въ науку, что не ѣли два, три, даже всѣ 6 дней. — Ессеане отличались отъ Терапевтовъ тѣмъ, что были не отвлеченными мыслителями, а на дѣлѣ упражнялись въ добродѣтели. Занимались они работою. Имущество у нихъ было общее. Начальникамъ они безусловно повиновались. Они „прилежно старались о сохраненіи древнихъ монументовъ, а наипаче касающихся до пользы душевной и тѣлесной. Здѣсь узнаваемы были корни врачующіе человѣческіе болѣзни, полезныя травы и свойства камней" [5]). Они были тоже аскеты; но между ними были, впрочемъ, и такіе, которые, боясь прекращенія человѣческаго рода, женились, причемъ „какъ только зачинался у женъ младенецъ, то переставали имѣть съ ними сообщеніе", потому что „не для любострастія, но для произведенія на свѣтъ потомковъ въ супружество вступали" [6]). (Утренній Свѣтъ не видѣлъ безсознательнаго, скрытаго „любострастія" Ессеанъ, воображавшихъ, будто они заботятся объ интересахъ человѣческаго рода). Ессеане вѣрили, что душа состоитъ изъ

[1]) Тамъ-же, ч. IV, О зависти.
[2]) Тамъ-же, ч. IX, стр. 291—308.
[3]) Тамъ-же, стр. 297,
[4]) Тамъ-же, стр. 297.
[5]) Тамъ-же, стр. 304.
[6]) Тамъ-же, стр. 308.

тонкаго эѳира, и по смерти человѣка переходитъ въ солнце и другія планеты. (Такимъ образомъ вѣрованія ихъ были матерьялистическаго свойства, на что Утренній Свѣтъ тоже не обратилъ вниманія). Ессеане занимались предсказаніями. Принимали они желавшихъ вступить въ ихъ общество не иначе, какъ по трехлѣтнемъ испытаніи.— Третья масонская статья Утренняго Свѣта, „Списокъ съ одного весьма рѣдкаго манускрипта“, есть подробное описаніе мистическаго рисунка храма Природы и Премудрости. Наконецъ, четвертая и главная статья того-же порядка есть письмо „Къ издателямъ Утренняго Свѣта“ по поводу книги Крата Репоа [1]). Здѣсь говорится о „таинствахъ“ масонства и о связи ихъ съ таинствами древнихъ, съ мистеріями. Авторъ вооружается противъ тѣхъ „всезнающихъ“, которые кричатъ, что древнія таинства — дѣло самое простое; эти „всезнающіе“, по его словамъ, говорятъ: въ древности „весь человѣческій родъ находился въ невѣжествѣ, и наималѣйшее Метафисическое и Богословское познаніе отъ многолюдства скрыто и по многолюдныхъ и страшныхъ опытахъ сообщаемо было. Но теперь уже другое: храмъ наукъ отверстъ; всѣ части оныхъ каждому извѣстны и оныя, въ тогдашнее время толь важныя таинства, теперь почти уже ни отъ кого не скрыты: ибо что иное содержалось въ оныхъ, какъ что *кошка* и *собака*, которыхъ они почитали за боговъ, не были боги, но точно были *кошка* и *собака*“ [2]). Противъ этого авторъ статьи весьма разумно возражаетъ: въ древности простой народъ не былъ невѣжественъ: передъ нимъ старались показать свое знаніе Димосѳенъ и Есхинъ, „Грахій“ и Цицеронъ; школы философовъ были открыты каждому; древніе писатели превосходятъ несравненно нашихъ современныхъ, — писатели же — соль народа, и по нимъ можно судить о его просвѣщеніи. Наконецъ, таинства открывались героямъ, спасшимъ отечество, и мудрецамъ, которые краснорѣчіемъ и примѣрами вкореняли добродѣтель; „и сіи ли должны только чрезъ толь трудные и продолжительные опыты научаться, что собака есть ничто иное какъ собака?“ [3]) Авторъ письма предполагаетъ, что таинства имѣли болѣе глубокое содержаніе. Мы многаго очень важнаго не знаемъ, говоритъ онъ: исторія наша начинается съ паденія высоко-цивилизованнаго Египетскаго государства, — и намъ неизвѣстно, что было ранѣе, какъ образовалась эта цивилизація; далѣе: человѣкъ возносится надъ животными и всему творецъ — черезъ огонь, — но неизвѣстно — какъ изобрѣтенъ огонь; затѣмъ: земной шаръ несомнѣнно претерпѣвалъ великія перемѣны, что видно „изъ достопамятностей природы, найденныхъ въ нѣдрахъ горъ“,— мы ничего не знаемъ и объ этихъ перемѣнахъ. Все это „въ таинствахъ древнихъ, какъ многія примѣчанія показываютъ, открывалось“ [1]). Далѣе авторъ высказываетъ мысль, что быть можетъ эти тайны сохраняются теперь въ масонствѣ; но въ то-же время онъ въ этомъ сильно сомнѣвается: „о сколь бы желательно! (восклицаетъ онъ) естьли-бъ подобныя таинства еще понынѣ находились, *хотя я и самъ сомнѣваюсь находятся ли они*; но не во вредъ служили бы просвѣщеннымъ временамъ“ [2]).— Таково масонство Утренняго Свѣта. Легко замѣтить, во-1-хъ, что оно далеко не доходитъ до тѣхъ нелѣпыхъ бредней, которыми отличался, какъ извѣстно, орденъ свободныхъ каменщиковъ; во-2-хъ, что издателя Утренняго Свѣта привлекали въ масонствѣ тѣ еще неизвѣстныя ему тайны, которыми, быть можетъ, думалъ онъ, владѣетъ орденъ; эти тайны казались ему совершенно разумными; т. е. очевидно, что, если-бы онъ узналъ то, чѣмъ дѣйствительно владѣлъ орденъ, онъ бы разочаровался въ масонствѣ. Наконецъ, въ 3-хъ, онъ сомнѣвался — владѣетъ ли орденъ этими тайнами: Новикову не доставало слѣпой вѣры въ высшихъ начальниковъ ордена, — онъ былъ несомнѣнно плохой масонъ. — Сомнѣніе видно не только въ письмѣ „Къ издателямъ Утренняго Свѣта“: оно замѣтно еще въ напечатанномъ въ I части журнала „Письмѣ г. Іакова Всегдатута“; здѣсь оно сопровождается даже ироніей надъ орденомъ: масонство сближается съ вѣрованіями глупой „тетушки“, которая вѣритъ гадательнымъ книгамъ и не можетъ жить безъ картъ, гадаетъ предварительно даже передъ самымъ пустымъ дѣломъ.

Повторяю, что, хотя въ Утреннемъ Свѣтѣ есть масонство, но не его противопоставилъ журналъ ученію матерьялизма. Серьезную мысль выставилъ онъ противъ волтерьянства. Сквозь всѣ три года журнала проходитъ рядъ серьезныхъ философскихъ статей. Въ нихъ выражается уваженіе къ мысли и къ уму. Обоготвореніе разума—не хорошо (говорится въ „Юнговыхъ нощахъ“ [3]); но если вѣра добродѣтель, то такою дѣлается она посредствомъ разума; разумъ—корень, вѣра—цвѣтъ.— Суевѣріе хуже невѣрія (учитъ другая статья) [4]), ибо суевѣрный вѣритъ, что боги — начало зла, онъ желаетъ, чтобы ихъ не было. — Полнаго несчастія нѣтъ, утверждаютъ „Паскалевы мнѣнія“ [5]), ибо, испытывая

[1]) Одна изъ мас-хъ книгъ, конфискованныхъ впослѣдствіи у Новикова, — см. Новиковъ и московс. мартинисты, Лонгинова.

[2]) Утрен. Свѣтъ, ч. VIII, стр. 178.

[3]) Тамъ-же, стр. 179.

[1]) Тамъ-же, стр. 181—182.

[2]) Тамъ-же, стр. 182.

[3]) Тамъ-же, ч. VI, іюль.

[4]) Тамъ-же, ч. IV, Разсужденіе о суевѣріи.

[5]) Тамъ-же, ч. VII, ноябрь.

сильное несчастіе, мы познаемъ черезъ это истину; а потому несчастливъ не бывшій несчастливымъ: истина есть счастье.—Истина имѣетъ въ то-же время великое нравственное значеніе: „непросвѣщеніе ума и необузданность сердца (говорится въ одномъ сочиненіи [1]) всегда находятся вмѣстѣ..... столько то находится согласія между добродѣтелью и истиною!“ Но просвѣщенные бываютъ иногда весьма порочны. Это потому, что можно познать истину и не любить ее, и можно любить добродѣтель не узнавши ее. — Премудрость и истина, по мнѣнію Утренняго Свѣта, не составляютъ привиллегіи немногихъ: премудрость—достояніе всѣхъ, всякаго состоянія и возраста, малыхъ, слабыхъ и несмысленныхъ и совершенныхъ въ наукахъ. [2])—По философіи журнала въ душѣ человѣка важенъ не одинъ разумъ,—важны и другія ея способности: мы видѣли сейчасъ указаніе на вѣру; такъ-же важно и чувство, страсти. Страсти—вѣтры, разсудокъ—кормчій; оба необходимы для человѣка, утверждаетъ 20-ое изрѣченіе статьи, называемой „Истинны“ [3]).— Любить отечество и къ его художникамъ имѣть пристрастіе есть заблужденіе съ точки зрѣнія разума (говоритъ сочиненіе „Дщицы для записыванія“) [4]); но этому заблужденію слѣдуетъ народъ, цѣлыя тысячи не требуютъ лучшаго вожака, какъ чувство; *заблужденіе ли это?*—Печатая философскія сочиненія, Утренній Свѣтъ какъ будто соблюдалъ историческую послѣдовательность ихъ, быть можетъ—случайно. Въ первыхъ двухъ годахъ изданія появились статьи изъ философіи древнихъ: Федонъ, Первый Алкивіадъ, Ѳеагесъ или разговоръ о мудрости, Пиръ Платоновъ о любви [5]). Вмѣстѣ съ тѣмъ издатели знакомили общество съ біографіями знаменитыхъ мыслителей древности: Сократа, Солона, Платона, Хилона, Епименида, Аристиппа, Ксенократа, Аристотеля, Анаксимандра и др. [6]). — Въ третій годъ своей жизни журналъ перешелъ къ философіи новыхъ временъ. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ упомянуть о „Нѣкоторыхъ главахъ изъ Баконовой философіи о Сцептицизмѣ“ [7]). Вмѣстѣ съ этой статьей Утренній Свѣтъ узаконяетъ скептицизмъ, сомнѣніе: „сомнѣніе есть основаніе истины“, говорится тамъ [8]) (идея, совершенно несогласная съ масонствомъ, противорѣчащая ему). Статья вооружается противъ ложнаго скепти-

[1]) Тамъ-же, ч. IX, О добродѣтели, стр. 240.
[2]) Тамъ-же, ч. VII, ноябрь, Паскал. мнѣнія, гл. 23.
[3]) Тамъ-же, ч. IV.
[4]) Тамъ-же, ч. IV.
[5]) Тамъ-же, чч. I, II, IV и V.
[6]) Тамъ-же, чч. I, III, V и VI.
[7]) Тамъ-же, ч. IX.
[8]) Тамъ-же, стр. 146.

цизма, или Пирронизма, „который утверждаетъ, что нѣтъ ничего истиннаго, все ложно“. „Самовластіе Философовъ Догматиковъ и независимость Пирроніевъ могли равно учинить человѣческій разумъ не дѣйствительнымъ“; въ первомъ случаѣ все, даже и истина, становится „предразсужденіемъ“; во второмъ случаѣ нерѣдко бываетъ то бѣдствіе, что сомнѣніе продолжается до безконечности, „такъ что истина превращается въ знакъ къ брани и въ гласъ Тріумфа“, или въ забаву для препровожденія времени. Истинный скептицизмъ есть тотъ, которымъ дѣйствовалъ Сократъ, которому училъ Платонъ; этотъ скептицизмъ „пресѣкаетъ путь къ заблужденіямъ, освобождаетъ истину отъ мглы ее покрывающей“. „Истина не есть бѣдственное иго. Властвованіе оныя природное и кроткое, не только не лишаетъ духъ вольности, но оную при немъ удерживаетъ“.—Затѣмъ въ третьемъ годѣ журнала помѣщено нѣсколько статей психологическихъ. Замѣчательна статья „О воображеніи“ [1]). Авторъ этого сочиненія находитъ, что воображеніе бываетъ иногда причиною многихъ бѣдствій и нелѣпостей: суевѣріе, фанатизмъ дѣйствуютъ на воображеніе. Многое сверхъестественное есть просто слѣдствіе возмущеннаго вздорными и нелѣпыми мнѣніями воображенія. Нелѣпыя вѣрованія въ Симпатію и въ Астрологію—тоже созданія воображенія (опять идея, вполнѣ противорѣчащая масонству): воображеніе предвѣщаетъ ли утвердительно все то, что мы не надѣемся получить? Что же касается до Астрологіи, то „весьма легко станется (замѣчаетъ авторъ), что звѣзда, во время моего рожденія тутъ, подъ такою точкою и такимъ видомъ положеніе имѣвшая, и тысящи другихъ причинъ, имѣющихъ нѣкоторую связь, показываютъ его щастливымъ или злощастнымъ. Но пусть астрологи могутъ читать вашъ рокъ на облакахъ и пусть притворства дерзкаго заставляютъ разговаривать планеты!..... Вотъ злоупотребленіе и обманъ“. — Воображеніе приводитъ насъ иногда къ безотрадному взгляду на жизнь, къ отчаянью. Въ жизни все оканчивается печально и ужасно, говоритъ одинъ изъ героевъ статьи „Разговоръ объ опредѣленіи къ смерти“ [2]). „Я слѣдую всякой жизни, всякой силѣ дѣйствующей въ природѣ, и она кончится разрушеніемъ; я примѣчаю всякое восклицаніе, всякій радостный смѣхъ, и онъ оканчивается голосомъ вопля; я смотрю на всякую улыбку, на всякій видъ утѣхъ, и между тѣмъ какъ я обозрѣваю, пріемлетъ онъ трепетъ смертнаго часа. Все, все въ природѣ основано на погибели, раззореніи, уничтоженіи..... Когда я говорю ко всякой пылинкѣ предо мною подымающейся: ты была жила чувствова-

[1]) Тамъ-же, ч. IX.
[2]) Тамъ-же, ч. IX, авг.

въ немъ.—Статья „О перемѣнѣ человѣческихъ дѣлъ“[1]) старается указать причины историческихъ событій, переворотовъ. Паденіе нравовъ (говорится тутъ) играетъ въ этомъ отношеніи большую роль: отъ него вѣра претерпѣваетъ соблазны и расколы, и при этомъ, если вѣкъ впадетъ въ невѣжество и варварство, то произойдетъ новая секта, которая вооружается „ослѣпленіемъ, велерѣчіемъ и мечемъ“, являются чудеса, мученики. При такомъ бѣдствіи „утишить расколы заранѣе посредствомъ примиренія, а не гоненія, которое дѣлаетъ легковѣрнаго и непостояннѣйшаго въ своихъ мысляхъ упрямымъ Энтузіастомъ, привести на свою сторону начальниковъ новостей, вмѣсто того, чтобы ихъ казнить, суть средства къ предупрежденію и остановленію бѣдствій, соединенныхъ съ суевѣріемъ“.—Причинами войнъ часто бываютъ мѣстныя физическія условія жизни народовъ: южные народы рѣдко выходятъ изъ своего пояса, ибо ихъ граничатъ моря; сѣверные народы подъ вліяніемъ климата, сжимающаго тѣло, пріучаютъ его къ перенесенію трудовъ и опасностей и, разогрѣвая умы, стремятся внизъ.—Въ заключеніе упомяну еще объ одной научной статьѣ: „Разсужденіе Михайла Гисмана о Естественныхъ законахъ“ [2]). Она направлена противъ идей Руссо. У первобытнаго человѣка (говорится въ ней) были только: независимость, неподлежаніе законамъ, самолюбіе и право сильнаго; въ тѣ времена мать кормитъ дѣтей пока безпокоитъ ее молоко, затѣмъ дѣти сами все себѣ добываютъ; власть (надъ слабыми) появляется изъ права сильнаго, а не вслѣдствіе условія и договора. „А что природа кромѣ сихъ побужденій вкоренила въ человѣка и законы (т. е. естественные законы, сознаніе права и не-права), сіе ложно; поелику законы неограниченную независимость уничтожаютъ, а природа толь явно сама себѣ никакъ противорѣчить не можетъ“ [3]). Также несправедливо, будто законы естественные общи у всѣхъ людей: у европейцевъ естественный законъ—заботиться о дѣтяхъ, у китайцевъ—родители могутъ убить ребенка при его рожденіи;—„не укради есть гласъ природы, который въ пятой части свѣта совсѣмъ еще не былъ слышенъ“ [4]). — Можетъ быть въ этихъ мысляхъ „Михайла Гисмана“ много несправедливаго; но во всякомъ случаѣ это замѣчательныя по трезвости своей мысли, и замѣчательно появленіе ихъ въ журналѣ Новикова, появленіе въ вѣкъ всякихъ мистическихъ вѣрованій, которыя мы привыкли искать и въ этомъ журналѣ. — „Изъ всѣхъ описаній естественнаго состоянія

[1]) Тамъ-же, ч. IX, стр. 167—173.
[2]) Тамъ-же, ч. IX.
[3]) Тамъ-же, стр. 192.
[4]) Тамъ-же, стр. 189.

(говорить Гисманъ) нѣтъ ни одного несправедливѣе и ложнѣе сего, которое всѣ свои задачи выводитъ изъ предложеній, какъ то, что граждане, попавшись въ состояніе сходное съ природою, сдѣлались бы сынами природы, когда бы государство разрушилось и гражданскіе союзы прервались.—Они сдѣлались бы плутами и негодными людьми, а не дѣтьми природы“ [1]), ибо они знаютъ нужды и выгоды, которыхъ не зналъ сынъ природы; онъ не зналъ также ни коварства, ни презрѣнія, ни злости внутренней, ни ненависти, ни зависти, ни гордости и прочихъ пороковъ гражданскаго общества.

Обозрѣвъ содержаніе Утренняго Свѣта, мы должны теперь подвести итоги, сдѣлать общее заключеніе. — Мы видѣли, что основная идея, проходящая сквозь все изданіе, есть идея отвлеченнаго идеализма. Эта идея была полезна русскому обществу екатерининскихъ временъ. До 1777 года Новиковъ изображалъ реальную дѣйствительность нашей жизни, искалъ идеала въ нашей исторической старинѣ: этимъ оружіемъ хотѣлъ онъ бороться съ язвами вѣка. Онъ увидѣлъ, что оружіе было слабо; онъ увидѣлъ, что русской жизни, древней и новой, недоставало многаго, недоставало науки, отвлеченныхъ интересовъ. Онъ и кинулся (благо тутъ подвернулось масонство) въ міръ отвлеченнаго идеализма. — Путь этотъ былъ очень опасенъ: высокій въ свой сущности, идеализмъ могъ привести, какъ это и случилось съ масонами, къ мистическимъ вѣрованіямъ въ разныя бредни, къ презрѣнію ума, къ матерьялизму..... въ Утреннемъ Свѣтѣ и начали уже появляться статьи съ масонскимъ характеромъ.—Но здѣсь спасло Новикова его постоянное живое чувство мѣры: мы видѣли въ журналѣ цѣлый послѣдовательный рядъ статей, прославляющихъ природу. Эти статьи свели изданіе съ заоблачныхъ высей на реальную почву; вмѣсто мистическихъ бредней въ Утреннемъ Свѣтѣ появилась философія: ее то и противопоставилъ Новиковъ матерьялистическимъ вѣрованіямъ волтерьянства. Философія привела къ наукѣ, къ наукѣ въ высокомъ смыслѣ этого слова: читатель замѣтилъ, конечно, изъ вышесказаннаго, что ученыя статьи журнала проникнуты философскимъ началомъ. Наука была въ журналахъ Новикова и раньше: въ Опытѣ Историческаго Словаря, въ изданіяхъ памятниковъ, въ Спб. Ученыхъ Вѣдомостяхъ; но то была наука чисто практическая; въ Утреннемъ Свѣтѣ явилась наука съ

[1]) Тамъ-же, стр. 177.

философской закваской. Въ этомъ журналѣ Новиковъ нашелъ и далъ русскому обществу то, чего не могъ найти онъ въ русской жизни, чего ей несомнѣнно недоставало и что ей было нужно. — Процессъ обрѣтенія философіи и науки совершился медленно и постепенно, безсознательно для самого Новикова, т. е. совершился органически: Утренній Свѣтъ обѣщалъ въ началѣ только нравоучительныя статьи съ идеалистическимъ направленіемъ,—въ концѣ изданія явились философско-научныя сочиненія. Жизненность, органичность процесса ручается за его серьезное значеніе для русской жизни.

3.

Мы видѣли изъ содержанія Утренняго Свѣта—какое вліяніе оказалъ на Новикова отвлеченный идеализмъ, лежащій въ основѣ масонства. Такъ-же сильно, или даже сильнѣе, повліяла на знаменитаго издателя еще одна, хорошая сторона ордена, это—проповѣдь помощи ближнимъ. Утренній Свѣтъ издавался съ благотворительной цѣлью, именно—въ пользу основываемыхъ въ Петербургѣ первоначальныхъ училищъ для бѣдныхъ и сиротствующихъ дѣтей. Одно мѣсто „Предъувѣдомленія“ къ журналу указываетъ даже, будто помощь бѣднымъ была его единственой цѣлью: „Мы весьма склонны вѣрить (говорятъ издатели), что не любопытство ко узнанію новости въ литературѣ, но истинное патріотическое усердіе ко вспомоществованію своимъ единоземцамъ, было побужденіемъ къ подпискѣ на сей Журналъ“. Но, знакомые съ содержаніемъ Утренняго Свѣта, мы очень хорошо видимъ, что онъ имѣлъ не однѣ благотворительныя цѣли: Новиковъ никогда не могъ весь отдаться односторонней идеѣ, какъ-бы ни была она прекрасна. Даже самыя, заводимыя на средства журнала, училища имѣли назначеніемъ своимъ не одну помощь бѣднымъ, но и нѣчто другое: намѣреніе учредителей училища состоитъ не только въ обученіи сихъ бѣдныхъ дѣтей (говорится въ Объявленіи объ учрежденіи Екатерининскаго училища) [1]), но и въ заведеніи „порядочнаго и постояннаго Училища, въ которомъ бы наилучшимъ и кратчайшимъ способомъ дѣти научались, приобыкали ко благонравію и заохочивались къ дальнѣйшему ученію, для собственной своей и Отечества своего пользы“, т. е. училища имѣли, кромѣ благотворительныхъ, еще и научно-педагогическія цѣли.

Легко замѣтить, что въ выборѣ предмета благотворительности Новиковъ далеко вышелъ за предѣлы масонскихъ понятій о добромъ дѣлѣ. Еще болѣе вышелъ онъ за предѣлы этихъ понятій въ способѣ

[1]) Утрен. Свѣтъ. Изд. I, ч. 1, ноябрь 1777 г., стр. 281—284.

приведенія въ исполненіе задуманнаго добраго дѣла. Благотворительность масоновъ обыкновенно ограничивалась умѣренными денежными пожертвованіями братьевъ въ концѣ засѣданія ложи, да отвлеченными поученіями о необходимости помогать бѣднымъ. Издатели Утренняго Свѣта задумали привлечь къ поддержанію своихъ училищъ все русское общество, всѣхъ желающихъ, — масоновъ и не-масоновъ, безъ всякаго различія. Объявляя въ октябрѣ 1777 года о подписной цѣнѣ на годовое изданіе журнала (3 р. 50 к.), издатели выразили надежду, что найдутся такіе благотворители, которые пожертвуютъ и болѣе. Извѣщая общество въ послѣдней книжкѣ перваго года журнала [1]) объ учрежденіи втораго училища, издатели, „по совѣту нѣкоихъ достопочтенныхъ, добродѣтелями и милосердіемъ знаменитыхъ мужей“, предложили „почтеннымъ“ читателямъ — не соблаговолитъ ли кто принять на свой счетъ питомца въ училищѣ, платя 40 рублей въ годъ на пищу и все содержаніе. — Призывъ къ благому дѣлу не остался безъ отвѣта: училища поддерживались не только на счетъ издателей и сотрудниковъ Утренняго Свѣта, не получавшихъ платы за свой трудъ [2]), но и довольно многочисленными и щедрыми пожертвованіями частныхъ лицъ. Такъ, въ первый же годъ существованія Утренняго Свѣта генералъ-аудиторъ-лейтенантъ Петръ Кирил. Хлѣбниковъ пожертвовалъ бумагу на цѣлое годовое изданіе журнала [3]) (обстоятельство, позволившее между прочимъ пустить изданіе рублемъ дешевле, чѣмъ въ послѣдующіе года); архіепископъ санктпетербургскій Гавріилъ, освящая помѣщеніе Владимірскаго училища въ февралѣ 1778 г., пожертвовалъ на содержаніе его 200 рублей; гофъ-фуріеръ Ив. Павлов. Купреяновъ далъ „для училища безденежно покои въ своемъ домѣ“ и обѣщалъ впредь „споспѣшествовать“ училищу „по силамъ своимъ“ [4]). Многія вещи, нужныя для воспитанниковъ (платье, бѣлье, мебель и т. п.) пріобрѣтены дешево потому, что „нѣкоторыя благотворительныя Особы доставляли оныя самою нискою цѣною или и даромъ, имѣя предметомъ спомоществовать бѣднымъ“ [5]). Наконецъ, многіе, подписываясь на Утренній Свѣтъ, платили болѣе назначенной за годъ цѣны, а именно: отъ 5 руб. до 10 [6]). — Во второй годъ журнала уже можно было открыть второе училище (Александровское, при церкви

[1]) Тамъ-же, ч. 3, авг. 1778 г., стр. 381.

[2]) См. отчеты въ суммахъ журнала и училищъ въ 3 и 6 чч. Утр. Св., изд. I, въ авг. кн.

[3]) Утр. Св., изд. I, ч. I, сент. 1777 г., стр. XXIV.

[4]) Тамъ-же, ч. 2, стр. 187—190.

[5]) Тамъ-же, ч. 3, авг. 1778, отчетъ.

[6]) Тамъ-же, ч. 1, окт. 1777 г., стр. VII—X.

Благовѣщенія на Васил. остр.); а между тѣмъ пожертвованія еще умножились. Многія лица стали посѣщать училища, и при этомъ жертвовали деньги на ихъ содержаніе [1]). Издатели Утренняго Свѣта сочувственно относились къ посѣщеніямъ ихъ училищъ: „благодаря Бога и мы при показывающейся тѣни нашихъ трудовъ (писали они въ іюлѣ 1779 г.) [2]) начинаемъ чувствовать душевное удовольствіе“ и отъ благотвореній, и отъ „любопытственнаго посѣщенія съ примѣчательнымъ воззрѣніемъ нашихъ соотчичей на препровождаемое здѣсь временемъ ученіе“. Они приглашали посѣщать ихъ училища [3]). — Многія лица, во второй и въ третій годъ изданія журнала, принимали на свой счетъ содержаніе питомцевъ; такихъ лицъ можно насчитать до 14, а „питомцевъ“, принятыхъ ими на свое иждивеніе, — до 25 человѣкъ. (Трое прислали по 40 рублей, двое по 50, одинъ — 120, одинъ — 125 (арх. Гавріилъ), остальные — по 80 р.) [4]). Были и болѣе крупныя пожертвованія: такъ, одинъ „многими своими благотвореніями знаменитый въ Обществѣ Мужъ“, пожелавшій остаться неизвѣстнымъ, пожертвовалъ 800 рублей; другой, тоже пожелавшій утаить свое имя, оказалъ такую значительную помощь, что издатели Утренняго Свѣта могли начать постройку „особеннаго дома для Екатерининскаго Училища“ [5]). Пожертвованія и имена благотворителей печатались обыкновенно въ журналѣ; но такъ какъ многіе, подобно двумъ вышеупомянутымъ лицамъ, пожелали скрыть свои имена, то мы и не можемъ съ достовѣрностью сказать, къ какимъ сословіямъ принадлежали преимущественно жертвователи; впрочемъ, можно замѣтить, что между ними были и лица духовныя, и дворяне, и купцы. — Издатели Утренняго Свѣта стремились придать своему дѣлу чисто общественный характеръ. Бѣдные родители, желавшіе опредѣлить своего сына на полное содержаніе училища, должны были представить „свидѣтельство, подписанное *священникомъ ихъ прихода и двумя обывателями достойными вѣроятія*, что представленныя ими дѣти подлинно ихъ, и что они сами не могутъ ихъ ни воспитать, ни научить“ [6]). (Иногда ограничивались при пріемѣ свидѣтельствомъ и одного лица, извѣстнаго, вѣроятно, издателямъ). Въ концѣ года журналъ печаталъ обыкно-

[1]) Тамъ-же, ч. 4, сент. 1778, стр. 99—106; — ч. 5, янв. 1779, Извѣстіе; — ч. 6, іюль 1779 г. Для извѣстія, меж. стр. 174 и 175.

[2]) Тамъ-же, ч. 6., меж. 174 и 175 стр.

[3]) Тамъ-же, изд. 2-ое, ч. 7, нояб. 1779. Объявленіе.

[4]) Тамъ-же, изд. 1-ое, ч. 4, стр. 99—106;—ч. 5, янв. 1779, Извѣстіе; февр. 1779, стр. III—V;—ч. 6, іюль 1779 г., Для извѣстія, меж. 174 и 175 стр.;—ч. 7 (изд. 2-ое), дек. 1779 г. Письмо; — ч. 8, (изд. 2-ое) мар. 1780, Письмо къ изд—мъ.

[5]) Тамъ-же, ч. 4, (изд. I) дек. 1778 г. Извѣстіе, меж. стр. 286 и 287.

[6]) Тамъ-же, ч. 1, стр. 284.

венно подробный и обстоятельный отчетъ обществу въ приходѣ и расходѣ денежныхъ суммъ по журналу и училищамъ, а также и отчетъ о состояніи училищъ [1]). Новиковъ и его сотрудники считали себя отвѣтственными лицами передъ обществомъ — настоящимъ хозяиномъ, по ихъ мнѣнію, затѣяннаго ими дѣла. „Издатели Утренняго Свѣта безпрестанно имѣютъ своимъ предмѣтомъ (говорится въ Извѣстіи объ открытіи Александровскаго Училища) [2]), чтобы высокопочтенное Общество было довольно попеченіями ихъ о обѣщанномъ ученіи Питомцевъ“.

Изъ отчетовъ, напечатанныхъ въ журналѣ, видно, что развитіе училищъ шло довольно быстро: въ ноябрѣ 1777 года объявлено объ учрежденіи училища при церкви Владимірской Божіей Матери на 30 или 40 человѣкъ, изъ которыхъ 10 могутъ быть приняты на полное содержаніе; — въ августѣ 1778 года въ этомъ училищѣ (получившемъ названіе Екатерининскаго) показано 13 мальчиковъ на полномъ содержаніи, 24 приходящихъ обучающихся безплатно (изъ нихъ 5 дѣвочекъ) и 5 чел., обучающихся за плату по 12 р. въ годъ. Въ сентябрѣ 1778 года открыто Александровское училище при церкви Благовѣщенія, въ которое, по удобству его помѣщенія, переведены 13 пансіонеровъ перваго училища, и принято 22 человѣка безплатныхъ приходящихъ (изъ нихъ 16 мальчиковъ). Въ отчетѣ же въ августовской книжкѣ 1779 года показано: въ Екатерининскомъ училищѣ — 32 человѣка приходящихъ; въ Александровскомъ — 26 пансіонеровъ, 26 безплатныхъ приходящихъ и 9 обучающихся за плату, — т. е. всего въ обоихъ училищахъ въ это время обучалось 93 человѣка, — число, при тогдашнемъ состояніи нашей образованности, не малое.—Общество было довольно ходомъ дѣлъ: это видно какъ изъ постоянно увеличивавшагося числа пожертвованій, такъ и изъ получаемыхъ редакціею Утренняго Свѣта писемъ. Одна корреспондентка пишетъ издателямъ, что посылаетъ 40 р. на содержаніе питомца, „желая хотя въ маломъ сдѣлаться участницею человѣколюбивыхъ вашихъ предпріятій (говоритъ она), подавшихъ многимъ случай къ споспѣшествованію въ призрѣніи бѣдныхъ“ [3]). И конечно не одно такое письмо получили издатели. — Сами они тоже были довольны успѣхомъ дѣла: ободренія въ предпріятіи нашемъ, оказанныя и на этотъ годъ всѣми Особами, имѣющими нѣжныя и чувствительныя къ состраданію сердца (говорится

[1]) Тамъ-же, ч. III и VI, авг. См. также ч. I стр. 283; ч. IV, стр. 99 и 102; — ч. VII, ноябрь 1779, стр. 264—268.

[2]) Тамъ-же, ч. IV, стр. 99.

[3]) Тамъ-же, ч. VIII, мартъ 1780 г.

въ „Извѣстіи“, напечатанномъ при декабрьской книжкѣ 1778 г. [1]), „ежечастно воспламеняютъ желанія наши, поощряютъ къ неутомимымъ попеченіямъ о благѣ сихъ училищъ, подкрѣпляютъ наши силы и подаютъ надежду положить твердое основаніе симъ заведеніямъ“.

Все, по-видимому, обѣщало блестящій успѣхъ начатому высокому дѣлу: изъ двухъ училищъ въ Петербургѣ, какъ изъ зерна, могло явиться, при извѣстномъ стремленіи Новикова широко распространять свои предпріятія, множество школъ по всей Россіи, т. е. могло быть положено основаніе народному образованію по иниціативѣ общества и на общественныя средства. — Но ничему этому не пришлось сбыться: духъ эпохи не далъ проснуться такой самодѣятельности общества. Императрица, кажется, неблагосклонно посмотрѣла и на Утренній Свѣтъ, и на его училища: въ числѣ подписчиковъ журнала мы не встрѣчаемъ ея имени, хотя, по всей вѣроятности, она знала о журналѣ, по всей вѣроятности Новиковъ поднесъ ей экземпляръ Утренняго Свѣта, какъ подносилъ прежнія свои изданія (на это указываетъ между прочимъ и то обстоятельство, что нѣсколько экземпляровъ журнала было переплетено въ тафту съ золотымъ обрѣзомъ, какъ показано въ отчетѣ, напечатанномъ въ августѣ 1778 г.) [2]). Императрица не любила масонства, и, начиная съ изданія Утренняго Свѣта, никакихъ слѣдовъ покровительства ея Новикову и его предпріятіямъ мы не находимъ. А между тѣмъ Екатерининское училище названо такъ въ честь ея, учреждено въ день ея Ангела, посвящено ей, какъ объ этомъ говорятъ и стихи, напечатанные вмѣстѣ съ объявленіемъ объ учрежденіи училища [3]):

Сей малый храмъ Твоимъ воззрѣньемъ освяти!
Что лучше въ даръ Тебѣ имѣемъ принести?
Какъ Ты о насъ пеклась, какъ Ты о насъ рачила,
Другъ друга просвѣщать взаимно научила:
Тебѣ приносимъ то, Тобой дано что намъ:
Минервѣ мы своей Минервинъ ставимъ храмъ.

Но, не смотря на все это, не смотря на то, что оба училища были торжественно открыты и освящены самимъ архіепископомъ Гавріиломъ, который шелъ въ нихъ изъ церквей, при которыхъ они учреждены, по совершеніи имъ литургіи, въ мантіи, въ сопровожденіи духовенства и всѣхъ прихожанъ, не смотря на все это, императрица ничѣмъ не выразила, на-сколько мы знаемъ, своего сочувствія училищамъ. — Новиковъ предчувствовалъ, кажется, что императрица не

[1]) Тамъ-же, ч. VI.
[2]) Тамъ-же, ч. III.
[3]) Тамъ-же, ч. I, стр. 277—280.

одобритъ его новаго предпріятія, что она не признаетъ за обществомъ права иниціативы въ такомъ дѣлѣ, какъ народное образованіе. Въ вышеприведенныхъ стихахъ говорится, что Екатерина сама научила насъ „просвѣщать другъ друга“, что ей приносится теперь въ даръ то, что ею же дано намъ; — однако въ „Объявленіи отъ издателей Утр. Свѣта о учрежденіи училища“ сдѣлана оговорка, представляющая нѣчто въ родѣ оправданія этого учрежденія отъ могущихъ возникнуть обвиненій: „какъ не взирая на всѣ милосердія и щедроты отъ престола Великія Монархини Нашея изливаемыя (говорится тамъ) [1]), чаятельно могутъ еще сыскаться и такія сиротствующія дѣти, кои или лишась родителей, или же хотя и имѣютъ оныхъ, но удрученныхъ старостію и болѣзнями, слѣдовательно и неимѣвшихъ случая пользоваться Монаршими щедротами; то *если бы* таковыя въ городѣ сыскались“ и т. д., такъ для нихъ-то и учреждается училище.—Школы Новикова существовали еще въ 1781 и 1782 годахъ (въ пользу ихъ издавались слѣдовавшія за Утреннимъ Свѣтомъ „Московское Изданіе“ и „Вечерняя Заря“); но дальнѣйшее развитіе этого дѣла остановилось [2]). Въ 1782 году правительство обратило вниманіе на народное просвѣщеніе, выписанъ былъ изъ-за границы, какъ извѣстно, Янковичъ-де-Миріево. Но Новиковъ не былъ приглашенъ къ участію въ организаціи народнаго образованія.

Мы видѣли, что училища Утренняго Свѣта имѣли въ виду научно-педагогическія цѣли. Педагогическая практика ихъ находится въ связи со взглядами статей объ обученіи и воспитаніи, которыя появлялись время отъ времени въ журналѣ. Такихъ статей, впрочемъ, очень немного, и въ нихъ мы находимъ только зародыши тѣхъ педагогическихъ взглядовъ, которые обстоятельно развились потомъ въ дальнѣйшихъ изданіяхъ Новикова.—Въ 23 главѣ „Паскалевыхъ мнѣній“ [3]) говорится объ обязанности родителей воспитывать своихъ дѣтей; никакія отговорки не могутъ имѣть тутъ смысла: Римляне имѣли не менѣе насъ дѣла, а занимались воспитаніемъ.—Относительно того, чему надо учить дѣтей, нѣсколько отрывочныхъ мыслей встрѣчаемъ мы въ сочиненіяхъ: „Путешествіе добродѣтели“ и „Природа и искусство“. Въ первомъ изъ нихъ говорится, что наилучшее упражненіе для юношества—чтеніе „превосходныхъ твореній древнихъ“, затѣмъ изученіе природы, занятіе законами и чтеніе историческихъ рукописей; но авторъ вы-

[1]) Тамъ-же, ч. I, стр. 282.
[2]) Къ сожалѣнію, мы не знаемъ дальнѣйшей судьбы этихъ училищъ, за недостаткомъ матерьяловъ. Разслѣдованіе этого дѣла представило бы большой интересъ.
[3]) Утр. Св., ч. VII, ноябрь 1779 г.

сказывается противъ изученія древнихъ языковъ и метафизическихъ наукъ [1]). Въ статьѣ „Природа и искусство“ дается совѣтъ обучать бѣдныхъ дѣтей ремеслу. Здѣсь же говорится о преимуществѣ простаго деревенскаго воспитанія надъ городскою изнѣженностью [2]).—О воспитаніи говорятъ два прекрасныхъ письма проф. Федера и совѣтника Кампе другъ къ другу [3]). Федеръ утверждаетъ, что должно въ дѣтяхъ развивать честолюбіе, потому что оно даетъ имъ увѣренность въ себѣ и заставляетъ стремиться къ „симпатіи“, т. е. къ пріобрѣтенію любви и участія другихъ людей. Кампе возражаетъ на это, что честолюбіе, пожалуй, можетъ быть допущено въ воспитаніе какъ средство, но не какъ цѣль, и что гораздо лучше вмѣсто него прямо развивать въ дѣтяхъ самолюбіе и „симпатію“, ибо честолюбіе можетъ обратиться въ желаніе быть обожаемымъ или въ славолюбіе. Затѣмъ онъ развиваетъ ту мысль, что одними словами дѣйствовать на дѣтей нельзя: должно, чтобы они сами многое испытали.—Касательно взаимнаго отношенія воспитанія и ученія Утренній Свѣтъ высказался въ драмѣ, представленной питомцами Александровскаго училища и называющейся „Награжденіе добродѣтели“ [4]). Слуга Степанъ совѣтуетъ господину Постоянову воспитывать дѣтей — чтобы они были нравственны. „А это-то всѣхъ вашихъ наукъ лучше (говоритъ онъ); хоша и много ихъ хто знаетъ, да душа погана, такъ провалъ ево побери“. „Однакожь, Степанъ (возражаетъ Постояновъ), безъ наукъ очень дурно, а особливо благородному человѣку и всякому желающему служить съ пользою своему отечеству, онѣ необходимо нужны“. Мы видимъ такимъ образомъ, что Утренній Свѣтъ не согласенъ съ идеей, будто воспитаніе безконечно выше образованія, съ идеей, положенной, какъ извѣстно, въ основаніе учрежденій Бецкаго. Это обстоятельство, быть можетъ, было второю причиной, по которой Новиковъ не былъ приглашенъ къ участію въ устроеніи народнаго образованія въ Россіи. — Согласно со взглядами журнала, въ „Объявленіи“ объ открытіи Екатерининскаго училища объ ученіи говорится какъ о такомъ же важномъ дѣлѣ, каково и воспитаніе: дѣти будутъ обучаться (говоритъ „Объявленіе“)—Россійскому чтенію и письму „самократчайшимъ и ближайшимъ способомъ“, а затѣмъ, когда понятіе позволитъ, первымъ основаніямъ Христіанскаго закона съ толкованіями, „кратчайшимъ и нужнѣйшимъ правиламъ Россійской грамматики, также и арифметики“. Притомъ (продолжаетъ „Объявленіе“) будетъ приложено попеченіе и о нравахъ сихъ дѣтей,

[1]) Тамъ-же, ч. III, іюнь, гл. 16 и 29.
[2]) Тамъ-же, ч. VII, стр. 87—89.
[3]) Тамъ-же, ч. VIII, стр. 48—97.
[4]) Тамъ-же, стр. 351.

и чтобы не отвращались отъ ученія, а заохочивались къ дальнѣйшему продолженію онаго [1]). — Издатели Утренняго Свѣта желали не оставлять безъ призрѣнія дѣтей, принятыхъ на все содержаніе общества, и по окончаніи ими ученья. „Объявленіе“ обѣщаетъ, что дѣти мѣщанъ и разночинцевъ, если родственники ихъ пожелаютъ, „будутъ отдаваемы для обученія ремёсламъ удобнѣйшимъ къ доставленію имъ вѣчнаго пропитанія“, причемъ общество не откажется помогать имъ и тогда, если окажется нужнымъ. Дѣти лицъ другихъ состояній, если родственники пожелаютъ, будутъ отдаваемы „для обученія другимъ наукамъ и языкамъ, что нужно и соотвѣтствовать будетъ ихъ состоянію“, и общество поможетъ имъ „въ нужныхъ случаяхъ иждивеніемъ своимъ“ [2]). Мы видимъ изъ этого—на какихъ широкихъ основаніяхъ задумано было дѣло училищъ Утренняго Свѣта; предпріятіе это должно было въ будущемъ принять широкіе размѣры. Здѣсь слѣдуетъ упомянуть и о намѣреніи редакціи журнала завести богадѣльни, чему положено уже было и начало: въ отчетѣ въ августовской книжкѣ 1779 г. показано въ расходѣ отъ Училища 38 руб. 71 коп. на жалованье одному малолѣтнему глухонѣмому и на содержаніе двухъ увѣчныхъ стариковъ.

Такимъ образомъ училища Утренняго Свѣта мы можемъ считать началомъ тѣхъ знаменитыхъ просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учрежденій въ Москвѣ, которыя прославили имя Новикова и его друзей и заставили сочувственно отнестись къ масонству нѣкоторыхъ нашихъ изслѣдователей этого направленія умовъ 18-го вѣка. Но только едва ли масонство играетъ большую роль въ этихъ учрежденіяхъ. Правда, можно думать, что оно натолкнуло Новикова на мысль о благотворительности своей отвлеченной проповѣдью помощи ближнимъ; но едва ли оно само было способно къ устроенію какихъ либо учрежденій, а тѣмъ болѣе къ привлеченію цѣлаго общества къ участію въ этомъ дѣлѣ: масонство было увлечено слишкомъ спеціальными занятіями и цѣлями, оно было слишкомъ эгоистично, исключительно, оно гордо выдѣляло себя изъ общества и полагало рѣзкую границу между „братьями“ ордена и простыми смертными. Въ высшей степени важно было бы прослѣдить въ устроеніи знаменитыхъ московскихъ учрежденій вліяніе *личности* Новикова, стремившагося, какъ мы знаемъ, еще раньше принятія имъ масонства дѣйствовать не-одиноко, стремившагося привлечь русское общество къ самодѣятельности. Къ сожалѣнію—дѣло это пока невозможно за недостаткомъ матерьяловъ.

[1]) Тамъ-же, ч. I, стр. 282.
[2]) Тамъ-же, 283.

4.

Утренній Свѣтъ содержалъ на свои средства училища; въ свою очередь существованіе училищъ способствовало, можетъ быть, распространенію журнала. Объявляя въ августѣ 1778 года о подпискѣ на журналъ въ различныхъ городахъ у различныхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, редакція Утренняго Свѣта выражается такимъ образомъ: „слѣдующія духовныя (или свѣтскія) Особы по благочестію своему и любви Христіанской, *побуждаясь соболѣзнованіемъ къ бѣднымъ*, приняли на себя трудъ подкрѣпить намѣреніе наше“ и т. д., т. е. эти особы согласились и вызвались принимать у себя подписку.—Главными распространителями подобнымъ путемъ журнала Новикова были архіереи различныхъ епархій: въ спискахъ подписчиковъ (печатавшихся при различныхъ книжкахъ Утренняго Свѣта) можно встрѣтить указанія—у какого архіерея сколько лицъ подписалось. Въ вышеуказанномъ объявленіи о подпискѣ на 2-ой годъ журнала [1]) названо 12 городовъ, въ которыхъ можно было подписаться у тамошнихъ преосвященныхъ. Принимали подписку и лица свѣтскія: въ томъ же объявленіи названо еще 8 городовъ, гдѣ подписку принимали—въ одномъ генералъ, въ двухъ—купцы, а въ остальныхъ—благородія и высокоблагородія.—Читателями Утренняго Свѣта были лица различныхъ званій, занятій и слоевъ общества, а именно: академики Академіи Наукъ (это ученое учрежденіе подписалось въ январѣ 1778 года на два экз. перваго года журнала, а въ томъ же году въ ноябрѣ на 2 экз. втораго года.) На оберткѣ августовской кн. Утренняго Свѣта 1778 года, принадлежащей Академіи Наукъ, сохранилась интересная собственноручная, должно быть, запись различныхъ академиковъ, обозначающая мѣсяцы и числа, въ которые кто изъ нихъ получалъ журналъ для чтенія; въ этой записи мы встрѣчаемъ слѣдующія имена: Euler, Rumovskj, Lexell, Golovin, Stritter, Laxmann, Lepechin, Inochodzow, Protasow, Wolff, Tresscott и Georgi. Въ числѣ подписчиковъ попадаются имена извѣстныхъ писателей, ученыхъ, артистовъ: Г. Р. Державинъ, Ив. Аѳ. Дмитревскій, лейбъ-медикъ Рожерсонъ, доктора медицины Татариновъ и Тихорскій, академикъ Ф. И. Шубинъ, академикъ Ѳед. Ст. Рокотовъ, моск. актеръ Калиграфовъ, Ник. Ник. Бантышъ-Каменскій. Читали журналъ и нѣкоторыя знатныя лица, напр., Осипъ Петр. Козодавлевъ, гр. Ѳед. Андр. Остерманъ, кн. Праск. Ив. Голицына, и друг.; но такихъ лицъ было не много. Пріобрѣла второй годъ Утренняго Свѣта Придворная Библіотека. Подписывалось на журналъ весьма много духовныхъ лицъ; такъ, въ первый годъ его получали 18 архіереевъ, во второй — 12

[1]) Тамъ-же, ч. III, августъ.

(изъ нихъ замѣчательны: Платонъ, архіеп. Московскій и Калужскій; Веніаминъ, митрополитъ Казанскій и Свіяжскій; Гавріилъ, митроп. Кіевскій; Тихонъ, еписк. Воронежскій и Елецкій); вслѣдъ за архіереями подписывались многіе архимандриты, игумены, священники и діаконы, монахи. Получали Утренній Свѣтъ различныя учрежденія: Святѣйшій Сунодъ, Духовныя Академіи—Московская и Кіевская, Семинаріи различныхъ городовъ (числомъ 16, изъ нихъ нѣкоторыя получали по 2 и даже по 3 экземпляра), Духовныя консисторіи—Тверская и Тамбовская, Церковныя школы въ гг. Кашинѣ, Бѣжецкѣ, Торжкѣ и Осташковѣ, Вольное Россійское Собраніе, Санктпетербургское купечество, Псковской Благородный Клубъ. Въ числѣ подписчиковъ находимъ довольно много купцовъ, фабрикантовъ, прикащиковъ; такихъ лицъ въ первомъ годѣ изданія встрѣчаемъ мы 52, во второмъ годѣ — 49. Получали журналъ два мѣщанина (рижскій — Фастовъ и тверской—Митюревъ), два казака въ мѣстечкѣ Березное—Ерковскій и Котляревскій; нѣкоторые даже иностранцы: пасторъ Аглицкой церкви въ Спб. Тукъ и пасторъ Витнебенъ въ Казани, иностранные купцы: Риттеръ, Томсенъ, Пудерсъ; Грекъ Фед. Иванычь Циценина. Наконецъ въ числѣ читателей Утренняго Свѣта, а слѣдовательно и благотворителей его училищъ, встрѣчаемъ мы знаменитаго сыщика Степана Ивановича Шешковскаго (Степанъ Ивановичь былъ человѣкъ благочестивый!) [1]).—Утренній Свѣтъ получался въ слѣдующихъ городахъ и мѣстечкахъ: [2])

Архангельскъ.	Кашинъ.
Астрахань.	Кіевъ.
Березное, мѣст.	Козловъ.
Бѣжецкъ,	Коломна.
Бѣлгородъ.	Король, мѣст.
Владиміръ	Кунгура.
Вологда	Курскъ.
Воронежъ	Миргородъ.
Вязьма	Москва.
Дорогобужъ.	Наровчъ.
Екатеринославль.	Нижній-Новгородъ.
Епифань.	Новгородъ Сѣверскій.
Звѣнигородъ.	Нѣжинъ.
Казань.	Орелъ.
Калуга.	Оренбургъ.

[1]) Тамъ-же, ч. VII.

[2]) Списокъ этотъ не совсѣмъ полонъ.

Осташковъ.
Острогожскъ.
Пенза.
Переславль Залѣскій.
Переславль Рязанск.
Полтава.
Починокъ, сел.
Псковъ.
Ростовъ.
Рязань.
Свіяжскъ.
Седнево, мѣст.
Сімеоновка, мѣст.
Смоленскъ.
Сосница, мѣст.
С.-Петербургъ.
Стародубъ.
Сызрань.
Тамбовъ.
Тверь.
Тихвинъ.
Торжокъ.
Троиц-Серг. пустынь.
Тула.
Харьковъ.
Чебоксары.
Черниговъ.
Ярославль.

Изъ всего вышесказаннаго уже можно заключить, что число подписчиковъ Утренняго Свѣта было, по тогдашнему времени, довольно значительно. Въ отчетѣ за первый годъ журнала показано, что отъ подписчиковъ получено — 3386 руб.; въ отчетѣ за второй годъ — 3346 рублей. Полагая, что шестую часть этихъ суммъ составляютъ деньги, внесенныя подписчиками сверхъ номинальной цѣны изданія, и раздѣливъ затѣмъ, по вычетѣ этой суммы, получку 1-го года на 3 р. 50 к. (подписная цѣна перваго года), а получку 2-го года на 4 р. 50 к. (подписная цѣна втораго года), мы получимъ для перваго года Утренняго Свѣта около 800 подписчиковъ, для втораго—около 620.

И такъ, идеи Утренняго Свѣта распространялись среди довольно многочисленнаго круга читателей (каждый экземпляръ читался, разумѣется, не однимъ подписчикомъ его, но и многими другими лицами), онѣ распространялись въ различныхъ и многихъ мѣстахъ Россіи и, что особенно важно, среди учащагося поколѣнія.

ГЛАВА V.

Третій періодъ литературной дѣятельности Новикова.

(1781—1785).

Московское Изданіе, 1781 г.—Вечерняя Заря, 1782 г.—Прибавленія къ Московскимъ Вѣдомостямъ 1783 и 1784 гг. — Покоящійся Трудолюбецъ, 1784 и 1785 гг.

1.

Въ августѣ 1780 года окончился Утренній Свѣтъ, и послѣ четырехмѣсячнаго промежутка, съ января 1781 г., стало выходить „продолженіе“ его подъ заглавіемъ—„Московское Изданіе“[1]).—Но это „продолженіе“ Утренняго Свѣта есть въ сущности не только самостоятельный журналъ съ своимъ особымъ направленіемъ, но и начало новаго, третьяго и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдняго періода литературной дѣятельности Новикова.

Редакція „Московскаго Изданія“ въ предисловіи къ журналу говоритъ, что „предметъ“ ея останется тотъ-же, что и въ предъидущемъ журналѣ, но она принуждена до нѣкоторой степени перемѣнить „планъ“ изданія, „дабы чрезъ то удовлетворить“ тѣхъ читателей, которые „ску-

[1]) „МОСКОВСКОЕ ежемѣсячное ИЗДАНІЕ. Въ пользу заведенныхъ въ Спб. Екатерининс. и Александровс. Училищъ, заключающее въ себѣ Собраніе разныхъ лучшихъ статей, касающихся до Нравоученія, Политической и ученой Исторіи, до Философическихъ и словес. наукъ и другихъ полезныхъ знаній, служащее продолженіемъ Утренняго Свѣта. Москва. Въ Университетс. Типогр. у Н. Новикова. 1781 г.“.

чали высокими матеріями". Подъ этими читателями должно, по всей вѣроятности, разумѣть недовольныхъ крайней отвлеченностью Утренняго Свѣта. — Но редакція ошибается, объясняя причины перемѣны въ изданіи желаніемъ нѣкоторыхъ читателей; она ошибается также, говоря, что перемѣны коснутся лишь „плана" журнала. Знакомые съ развитіемъ идей въ Утреннемъ Свѣтѣ, мы можемъ заранѣе сказать, что должна была произойти перемѣна въ самомъ духѣ изданій Новикова. Такъ, дѣйствительно, и случилось.

Въ прекрасно написанномъ „Предисловіи" къ Московскому Изданію (принадлежащемъ, по всей вѣроятности, перу самого Новикова)[1]) говорится, что цѣль новаго журнала — борьба съ тѣми лицами, „отъ природы великими способностями одаренными, въ воспитаніи ученостью украшенными, и между людьми почтенными", которые „хулятъ съ надмѣннымъ и увѣрительнымъ видомъ законъ, ко спасенію рода человѣческаго первыми людьми свыше полученный", и потому думаютъ, что побѣдили „всѣ народные предразсудки и низское суевѣріе" искоренили. Подъ этими лицами разумѣются, конечно, энциклопедисты.—Но „Предисловіе" не ограничивается заявленіемъ о борьбѣ съ „философами" вѣка,—оно представляетъ и возраженія противъ ихъ идей. „Причина всѣхъ заблужденій человѣческихъ (говоритъ оно) есть невѣжество, а совершенства—знаніе". Можетъ быть „покровители и защитники необдѣланной грубости" скажутъ, что многіе ученые предаются болѣе порокамъ и заблужденію, нежели невѣжды, и что вся мерзость на землѣ и самое невѣріе — плоды учености. „Такъ, конечно: но сіе не отъ наукъ происходитъ, но отъ невѣжества". Ученые бываютъ двухъ родовъ: одинъ ищетъ истины, и потому „съ великимъ смиреніемъ выслушиваетъ мнѣніе всякаго, не презирая ни кого"; другой занимается науками изъ гордости и тщеславія, и пріобрѣтя случайно знаніе, кричитъ, не слушая словъ другихъ, и стараясь только свое пересказать. „Всѣхъ познаній и наукъ предметъ есть троякой: мы сами, природа или натура и Творецъ всяческихъ. Ежели ученый не соединитъ оныхъ трехъ предметовъ во едино, и всѣ свои познанія не устремитъ къ совершенному разрѣшенію оной загадки: на какой конецъ человѣкъ родится, живетъ и умираетъ....., то достоинъ сожалѣнія, и со всѣмъ своимъ знаніемъ есть сущій невѣжда". Т. е., если мы переведемъ это на языкъ современныхъ понятій, Новиковъ требуетъ отъ занимающагося науками, какими-бы то ни было, философскаго взгляда на міръ, философской общей идеи, руководящей частными, спеціальными занятіями. — Многіе „философы" нынѣшняго вѣка (продолжаетъ „Предисловіе") всего этого не признаютъ, называютъ это „химерою или сплетеніемъ пустыхъ, не понятныхъ и безполезныхъ Метафизическихъ изреченій или терминовъ, а прославляютъ систему, состоящую въ послѣдованіи склонностямъ своимъ, каковы бы онѣ ни были и куда бы ни стремились, говоря, что природа, естество или натура къ тому насъ побуждаетъ, и что безумно налагать оковы на природу, виновницу толикихъ удовольствій и сладости". Но эти „философы" слишкомъ грубо ошибаются: да, человѣкъ былъ бы безуменъ, если бы отрекался отъ удовольствій и услажденій, „дыханіе и жизнь промѣнялъ бы на ничтожество"; онъ, по природѣ своей, имѣетъ общее съ растеніями и животными, и живетъ ихъ жизнью; но въ природѣ его есть и другая сторона: „ежели кто выходилъ когда-нибудь изъ чувственнаго круга общенія со скотами, въ собственно человѣческій кругъ умозрѣнія, тотъ конечно не можетъ сомнѣваться, что онъ рожденъ не для тѣлесныхъ и минутныхъ сладостей, которыя безконечныя его желанія и стремленія не только не могутъ удовольствовать, но еще предавшагося онымъ болѣе раздражаютъ и унижаютъ передъ неразумными тварями, слѣдующими всегда порядочно своему побужденію". Затѣмъ авторъ „Предисловія" приводитъ въ систематическомъ порядкѣ нѣкоторыя изъ тѣхъ доказательствъ безсмертія души, съ которыми мы познакомились въ Утреннемъ Свѣтѣ.—Таковы философскія возраженія „Предисловія" противъ энциклопедистовъ. Къ сожалѣнію оно ими не ограничилось, а привело еще возраженія масонскаго характера, состоящія въ указаніи мудрости древнихъ, переходившей по преданію отъ Адама и утрачиваемой людьми съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе; мудрость эта скрыта въ іероглифахъ, и потому желающій воспріять ее „необходимо долженъ имѣть свѣдѣніе о языкѣ Іероглифическомъ".

И такъ, „Предисловіе" къ Московскому Изданію обѣщаетъ въ новомъ журналѣ — философское опроверженіе идей энциклопедистовъ и сообщеніе читателямъ масонскихъ таинственныхъ знаній. Съ одной стороны журналъ выполнилъ болѣе, чѣмъ обѣщалъ: кромѣ опроверженія энциклопедистовъ мы встрѣчаемъ въ немъ и еще много дѣльныхъ вещей. Съ другой стороны — масонства въ немъ гораздо менѣе и оно гораздо слабѣе, чѣмъ можно ожидать, судя по „Предисловію".

Утренній Свѣтъ, какъ мы видѣли, въ концѣ своего существованія изъ области отвлеченнаго идеализма пришелъ къ философіи и наукѣ. Съ этого, т. е. съ философіи и науки, и начинаетъ „Московское Изданіе". — Философскія статьи этого послѣдняго, какъ и таковыя же статьи Утренняго Свѣта, не представля-

[1]) Какъ ему принадлежатъ предисловія къ изданіямъ историческихъ памятниковъ.

ютъ еще опредѣленной системы идей, опредѣленнаго философскаго міросозерцанія; онѣ только подготовляютъ читателя къ философіи, служатъ введеніемъ въ ея область.—Нѣкоторыя изъ нихъ показываютъ высокое значеніе мышленія въ человѣческой жизни: ничто не можетъ быть такъ неприлично разумному творенію (говорится въ Епиктетовыхъ рѣчахъ) [1]), какъ неразумныя дѣянія; ничто человѣку столь не оскорбительно, какъ неразуміе; ничего нѣтъ столь пріятнаго, какъ то, что согласно съ здравымъ разсудкомъ. Мышленіе есть жизнь: истинно живутъ только одни любители премудрости (свидѣтельствуетъ Сенека въ сочиненіи „О краткости жизни“) [2]).—Въ одномъ изъ первыхъ мѣсяцевъ Московскаго Изданія [3]) напечатана переведенная изъ Энциклопедіи статья „Философъ“; въ этой статьѣ сдѣлано обстоятельное опредѣленіе и разъясненіе того, что такое философія. Сначала говорится здѣсь, какъ древность понимала философію, причемъ съ сочувствіемъ упомянуто о Сократовомъ взглядѣ на нее, какъ на „знаніе нравственной мудрости“. Далѣе повѣствуется о средневѣковомъ невѣжествѣ, о схоластической философіи, которая была лишь игрою словъ, о фанатизмѣ духовенства, которое преслѣдовало разумъ и смѣшивало философа и атеиста, о противникахъ духовенства, которые, въ свою очередь, стали безъ изслѣдованія все отвергать. „Отъ сего-то произошло (замѣчаетъ статья) оное нещастливое противоборство, продолжающееся еще и до сего времени, между Философіею и Богословіею, между вѣрою и разумомъ“, противоборство, котораго въ сущности не должно быть. Но вѣки невѣжества прошли: и богословы и противники ихъ сдѣлали уступки: одни стали отдѣлять „извѣстное отъ сомнительнаго, доказательное отъ положительнаго“; другіе признали, что худой это разсудокъ, который отъ своего непониманія предмета заключаетъ о его несуществованіи. Явилась новая философія. Но съ нѣкотораго времени родилась секта, которая „гордится титломъ философическимъ“, но приверженцы которой скорѣе могутъ быть названы „философистами“; они хвастаютъ, что „могутъ преодолѣть всѣ предразсужденія“, но вмѣсто того, чтобы разсудить—что надлежитъ разумѣть подъ именемъ предразсужденія, они рѣшили, „будто должно откинуть всѣ положенія относительныя до Божества, не прилагая труда въ распознаваніи, справедливы ли они или ложны, и равно отрицать все что ложно и не согласно, что сумнительно и что вѣроятно, что извѣстно и что довольно доказано“; они дѣйствуютъ при этомъ софизмами. Эти люди не философы. —Кто же такое философъ?

[1]) Московск. Изданіе, ч. II, стр. 215.
[2]) Тамъ-же, ч. I, стр. 195.
[3]) Тамъ-же, ч. I, мартъ, стр. 212—240.

Это не тотъ, кто живетъ уединенно и имѣетъ нѣкоторыя познанія; или кто, отвергнувъ нѣкоторые дѣйствительные предразсудки и погрѣшности, готовъ отвергать все, что признаютъ люди; или кто Астрономъ, Математикъ, Физикъ, Богословъ, Діалектикъ и т. д.; или кто имѣетъ хорошій нравственный характеръ. Философъ тотъ, кто „ищетъ истины, чтобъ быть въ состояніи узнать свое предопредѣленіе и оное познавши показать прочимъ..... Онъ хочетъ все знать, потому что хочетъ быть въ состояніи оцѣнить всякое благо, чтобы не выбрать худаго, и знать всѣ отношенія существъ, чтобы лучшее отобравши по оному учредить свои поступки“. „Другіе люди дѣйствуютъ не чувствуя и не зная причинъ ими движущихъ, ниже помышляя объ онихъ, напротивъ того Философъ разбираетъ причины сколько можетъ и часто оныя предупреждаетъ и съ осторожностью онымъ повинуется“. Философъ, „когда не имѣетъ собственнаго побудительнаго къ разсужденіямъ движенія, умѣетъ быть не рѣшимымъ“. Онъ не полагаетъ мудрости въ постоянномъ умствованіи, не думаетъ, что разумный человѣкъ можетъ все знать, „онъ довольнѣе собою бываетъ, когда сомнѣвается, нежели когда рѣшится безъ собственнаго побужденія къ заключенію“. „Философъ не столько привязанъ къ своему мнѣнію, чтобы не чувствовать силы противныхъ предложеній“, онъ „понимаетъ то мнѣніе, которое онъ отвергаетъ, въ такой же обширности и чистотѣ, какъ и то, которое онъ принимаетъ“. — Философъ „умѣетъ себя дѣлить между уединеніемъ и обхожденіемъ съ людьми“, онъ думаетъ: „Homo sum, humani a me nihil alienum puto“.— Истинный философъ исполненъ человѣколюбія. „Въ человѣкѣ чѣмъ болѣе разума, тѣмъ болѣе честности. Напротивъ того, гдѣ царствуетъ суевѣріе и пристрастіе, тутъ царствуютъ страсти и своенравіе“. — Мы видимъ такимъ образомъ, что Московское Изданіе убѣждено въ тѣсной связи истинной мудрости съ доброй нравственностью. Оно убѣждено въ то-же время, какъ мы видимъ изъ вышеприведеннаго опредѣленія истиннаго философа, что философія и вѣра не противорѣчатъ другъ другу.—Въ человѣкѣ обитаетъ божество (говорится въ „Письмѣ Луція Сенеки къ Луцилію“). Безстрашіе въ опасности, непричастіе сладострастію, благополучіе въ несчастіяхъ, спокойствіе среди волненій, явленія, часто встрѣчающіяся въ человѣческой жизни, суть нѣчто высшее, чѣмъ можно ожидать отъ тѣла. „Великій и священный духъ“ человѣка „прилѣпленъ къ источнику и началу своему“, т. е. къ Богу, подобно тому, какъ лучи солнца связаны съ великимъ свѣтиломъ[1]). Разумъ доказываетъ бытіе Бога, т. е. предметъ нашей вѣры: о томъ, что есть Богъ, свидѣтельствуютъ:

[1]) Тамъ-же, ч. II, стр. 222—226.

порядокъ въ мірѣ, внутреннее сознаніе нами добра и зла, жизнь Христа, побѣда Его ученія. Въ свою очередь вѣра вовсе не идетъ противъ разума: она не дѣлаетъ насъ своими собственными врагами и не похищаетъ у насъ удовольствій жизни; она требуетъ лишь отреченія отъ излишествъ, которыя и сами по себѣ ведутъ насъ не къ радости, а къ печали. Вѣра состоитъ не только въ томъ, чтобы молиться, но и въ томъ, чтобы развивать наши способности, не зарывать (по Евангельской притчѣ) таланта въ землю [1]).—Эта близость разума и вѣры есть причина того, что невѣрующіе менѣе опасны, чѣмъ прославляющіе законъ, но не знающіе его и не исполняющіе, т. е. поступающіе неразумно. Одна изъ главныхъ причинъ незнанія многими закона есть то, что мы учимся ему лишь въ дѣтствѣ [2]): вѣра должна быть предметомъ размышленія человѣка во всѣхъ возрастахъ его жизни.

Опредѣливъ—что такое философія, Московское Изданіе нѣкоторыми статьями своими показываетъ, какъ она, ведя насъ къ истинѣ, разрушаетъ различныя предразсудки, нелѣпыя вѣрованія и желанія. Такъ, въ статьѣ „Симпатія“ [3]) опровергаются вѣрованія тѣхъ людей, которые думаютъ, будто симпатія есть „природная склонность, невольное побужденіе, приводящее насъ къ предмету“, „непреодолимая любовь“. Эти люди хотятъ (говоритъ журналъ), „чтобъ можно было вдаваться безъ поношенія и угрызенія совѣсти въ различные свои вкусы“. Но это „ничто иное, какъ нелѣпость“. Существуетъ физическая симпатія между неодушевленными предметами („отъ сложенія частей, отъ вида по взаимной тяжести, расположенія поровъ“ и т. д.), но она не изслѣдована. Есть симпатія и между предметами одушевленными, но она, „говоря физическимъ образомъ“, состоитъ въ томъ, что предметы намъ нравятся по соотношенію съ нашими чувствами, по пользѣ ихъ для насъ, наконецъ, вслѣдствіе привычки или своенравія; „говоря же нравственнымъ образомъ“, она есть то влеченіе, которое мы чувствуемъ по природѣ своей къ красотѣ и совершенству, а также и къ „сходственности“ предмета съ кѣмъ-нибудь любимымъ нами (это послѣднее обстоятельство не объясняетъ ли, замѣчаетъ статья, „союзъ явленій, происходящихъ отъ крови?“).—Другое сочиненіе, подъ заглавіемъ „Почему не хорошо предузнавать судьбу свою“ [4]), рядомъ остроумныхъ соображеній доказываетъ нелѣпость желанія знать будущее. Между этими соображеніями замѣчательно то, которое указываетъ на логическое противорѣчіе въ подобномъ желаніи: если, при знаніи будущаго, у человѣка останется свободная воля, то онъ, значитъ, узнаетъ „имѣющее приключиться ему, что однакожь не приключится“, ибо онъ все это будущее передѣлаетъ по-своему. Составители гороскоповъ, если есть таковые, для человѣческаго рода ужаснѣе язвы, глада и меча (замѣчаетъ сочиненіе), ибо они путаютъ мысль и вносятъ въ жизнь зло: „какой произойдетъ развратъ отъ единыя токмо извѣстности образа смерти и дня, въ который она приключится“; никто, при знаніи будущаго, не будетъ работать,— одни—опьяненные радостью, другіе—горемъ; совершаться будутъ страшныя вещи: отецъ убьетъ младенца сына, чтобы тотъ не погибъ впослѣдствіи на плахѣ; другъ убьетъ друга, чрезъ котораго онъ лишился бы счастья; явится зависть: многіе не сдѣлаютъ своихъ хорошихъ дѣлъ, зная, что получатъ за нихъ воздаяніе злобою, и т. д. и т. д..

[1]) Тамъ-же, ч. II, стр. 260 - 263.

[2]) Тамъ-же, ч. III, стр. 26—47. Примѣчанія на Св. Пис., выбранныя изъ соч. славн. Нѣм. писат. Госп. Геллерта.

[3]) Тамъ-же, ч. II, стр. 154 - 160.

[4]) Тамъ-же, ч. III, стр. 47—70.

Признавая согласіе и равноправность философіи и богословія, Московское Изданіе въ области психологіи признавало равноправность душевныхъ способностей; оно думало, что чувство, или „страсть“ имѣетъ такое-же право на существованіе, какъ и разумъ. Философъ (сказано въ статьѣ того-же имени) [1]) отличается отъ стоика тѣмъ, что не „стыдится человѣчествомъ“; стоики „хотѣли глупо уничтожить всѣ страсти“; истинный философъ „не мыслитъ о химерической славѣ въ истребленіи страстей, ибо сіе не возможно, но онъ старается о томъ, чтобъ не быть ихъ невольникомъ, но чтобъ и чрезъ нихъ получить себѣ пользу, и изъ нихъ сдѣлать разумное употребленіе, потому что сіе возможно, да и самый разсудокъ сіе учинить повелѣваетъ“.— Въ одной статьѣ журнала [2]) дѣвушка пишетъ жениху, котораго навязываютъ ей родители, что она любитъ другаго, что она хотѣла заставить себя повиноваться родителямъ, полюбить ихъ избранника, но все было напрасно: любовь не подвержена никакимъ законамъ, замѣчаетъ она. Въ другой статьѣ [3]) дочь, полюбившая бѣднаго человѣка и противъ воли отца вышедшая за него за-мужъ, пишетъ отцу: „грѣхъ-ли не совсѣмъ слѣдовать разуму, когда природа сильнѣе его?“— Вслѣдствіе такого признанія высокаго значенія чувства въ жизни, Московское Изданіе, при всемъ указанномъ выше пониманіи имъ силы разума, напечатало на своихъ страницахъ мысль Ларошфуко: философія легко торжествуетъ надъ прошедшимъ и будущимъ, но настоящее торжествуетъ надъ нею [4]).

[1]) Тамъ-же, ч. I, стр. 239—240.

[2]) Тамъ-же, ч. III, стр. 128—134. Письмо Серены къ Смирнону.

[3]) Тамъ-же, ч. III, стр. 83—94. Письмо Климены къ ея отцу.

[4]) Тамъ-же, ч. I, стр. 244. Разсужденія и мысли господина де ла Рошіефоко.

Чтобы покончить съ философскими статьями Московскаго Изданія, укажу еще на прекрасное (по всей вѣроятности оригинальное) психологическое сочиненіе — „О пріятности грусти“ [1]). Какъ физически намъ пріятно не одно сладкое, но иногда и горькое, и кислое, такъ и грусть бываетъ пріятна. Чувства наши соединяются съ представленіями; иногда представленіе не можетъ быть вызвано безъ печальныхъ чувствъ; напр. я не имѣю желаемаго, и потому печаленъ, но эта печаль часто пріятна, вслѣдствіе моего сознанія, что я достоинъ желаемаго, она и произведена-то даже этимъ сознаніемъ.

Перейдемъ къ научнымъ статьямъ журнала. Какъ философію Московское Изданіе тѣсно связываетъ съ нравственностью, такъ оно связываетъ съ нею и науки. Стыдно въ наше время доказывать пользу наукъ для ума, памяти, воображенія (говоритъ авторъ одной статьи) [2]); я буду доказывать пользу ихъ для развитія въ душѣ добродѣтели. Чрезъ изученіе наукъ человѣкъ пріобрѣтаетъ добрый вкусъ, тонкое чувство хорошаго, стройнаго, согласнаго, добраго, и нестройнаго, дурнаго; съ этимъ соединяются чувства удовольствія и отвращенія; все это переходитъ въ жизнь человѣка. Скажутъ, что бываютъ ученые педанты и дурные люди; но это — тѣ, кто занимались науками изъ тщеславія, а не изъ любви къ истинѣ. Далѣе авторъ приводитъ историческое доказательство своей главной мысли: Аѳины и Римъ поднялись нравственно съ развитіемъ наукъ (говоритъ онъ). Такъ-же полезно и искусство: возбуждаемыя имъ въ душѣ чувства порядка, простоты, согласія, натуры вносимъ мы и въ дѣятельность нашу, изгоняя дикое и принужденное изъ нравовъ и мыслей.— Но не должно думать что Москов. Изд., признавая тѣсную связь науки и нравственности, фанатически держалось этой мысли: въ статьѣ „Жизнь Едуарда Вортлея“ говорится, что хотя этотъ ученый былъ человѣкъ дурнаго характера и велъ магометанскій образъ жизни, но не должно забывать, что онъ имѣлъ истинныя, рѣдкія и полезныя дарованія, изъяснилъ надписи при подошвѣ горы Сіонской, доказывающія преимущества христіанскаго закона, и сочинилъ два важныя произведенія: о началѣ и паденіи Римской имперіи и о причинахъ землетрясеній [3]). — Занятіе науками даетъ человѣку счастье: кто искалъ на землѣ истину, „у того, куда только ни обратитъ взоръ свой, процвѣтетъ тамо радость, изъ каждаго утвержденнаго познанія, изъ всякаго уничтоженнаго сумнѣнія, изъ всякой открытой тайны, изъ всякаго изчезнувшаго заблуж-

[1]) Тамъ-же, ч. III, стр. 141—153.

[2]) Тамъ-же, ч. II, стр. 294—312, О дѣйствіи наукъ надъ сердцемъ и нравомъ челов-мъ, проф. Лейпциг. ун-та.

[3]) Тамъ-же, ч. I, стр. 81—95.

денія“. Мудрость изобилуетъ и здѣсь, на землѣ, въ небесныхъ радостяхъ, оттого-то мы взираемъ „изъ ея нѣдра столь спокойно на всю суетность мірскую“. Такъ говоритъ Галилей Копернику, который въ видѣніи несъ его на облакѣ по мірозданію [1]). — По мнѣнію Моск. Изданія человѣкъ долженъ непремѣнно учиться. Познаніе необходимо душѣ, какъ здоровье тѣлу, говоритъ Ларошфуко [2]). „Какое пространное разстояніе находится между ученаго и невѣжды! (свидѣтельствуетъ статья подъ заглавіемъ „Совѣты Наби Ефендія сыну“). Свѣтъ самый блистательный, сравненной съ глубочайшею тьмою, жизнь со смертью и бытіе съ ничтожествомъ суть только слабыя изображенія пространства, которое раздѣляетъ человѣка знающаго съ незнающимъ. Невѣжество есть ядовитый источникъ, отъ коего проистекаютъ всѣ мученія, обременяющія вселенную: слѣпое суевѣріе, беззаконіе и варварство, уничижающее искусствы, суть его сопутники“ [3]). — Прекрасная статья „О главныхъ причинахъ относящихся къ приращенію художествъ и наукъ“ [4]) говоритъ о зарожденіи наукъ и искусствъ въ человѣчествѣ и о томъ, что способствуетъ ихъ развитію и распространенію въ народѣ. Они создались тогда, когда явилось общество и вмѣстѣ съ нимъ безопасность, — успокоенный человѣкъ сталъ разсматривать природу, сталъ разсуждать и о самомъ себѣ. Чтобы быть сильной и плодотворной, наука должна быть органически связана съ народною жизнью: народъ — первый собиратель плодовъ науки; къ знатнымъ она приходитъ весьма поздно. Выписанные изъ чужихъ странъ ученые люди могутъ украсить дворъ, но весьма рѣдко они сдѣлаютъ государство ученымъ. Перенесенная наука высыхаетъ какъ полевые цвѣты: Птоломей Филадельфъ, Константинъ Порфирородный, Карлъ Великій и Альфредъ покровительствовали наукамъ, но онѣ съ ихъ смертью „испытали всю суровость чуждаго климата“. Науки развиваются очень медленно. Для ихъ успѣха должна быть тишина въ государствѣ: долго не должно быть перемѣнъ въ управленіи. „Вольностью онѣ процвѣтаютъ“. „Въ благополучномъ вѣкѣ Рима вольность была душею краснорѣчія, и заставила Силловъ и Помпеевъ дрожать предъ народнымъ Трибуномъ. Но когда послѣ благородной гордости сихъ республиканцевъ послѣдовало подлое рабство во времена Императоровъ: то сей благороднѣйшій жаръ вдругъ погасъ, и разумъ Римлянъ вмѣстѣ съ ихъ вольностью погребенъ былъ на поляхъ Фарсаль-

[1]) Тамъ-же, ч. III, Сонъ Галилеевъ, стр. 101 и 104.

[2]) Тамъ-же, ч. I, стр. 241.

[3]) Тамъ-же, ч. II, стр. 172.

[4]) Тамъ-же, ч. I, стр. 281—287.

скихъ". Англичане оказали великіе успѣхи въ философіи; причина тому гордая вольность ихъ мыслей и сочиненій, которыя могутъ быть примѣромъ цѣлому свѣту". „Да и ни гдѣ, гдѣ только рабство, хотя бы оно было и законно, связываетъ душу, какъ бы оковами, не должно ожидать, чтобы оно могло произвесть что-нибудь великое" [1]). Наконецъ климатъ имѣетъ сильное вліяніе на развитіе наукъ: холодъ и жаръ ослабляютъ тѣло и разумъ. — Главнѣйшими изъ всѣхъ наукъ Моск. Изд. считало — философію и исторію. Безъ исторіи и философіи ни одинъ ученый обойтись не можетъ, говорится въ „Наставленіи отца сыну" [2]). Читатель, конечно, замѣтилъ, что многія изъ вышеприведенныхъ мыслей журналъ доказывалъ примѣрами изъ исторіи.

Всѣ, указанныя мною до сихъ поръ научныя статьи нельзя назвать сочиненіями по какимъ-нибудь опредѣленнымъ наукамъ; всѣ эти статьи разъясняютъ значеніе и пользу науки вообще. Онѣ служили читателямъ Моск. Изданія, подобно философскимъ статьямъ этого журнала, введеніемъ въ область науки. Такъ что и съ этой стороны, какъ со стороны своей философіи, разбираемый журналъ Новикова составляетъ какъ бы введеніе въ третій періодъ литературной дѣятельности знаменитаго писателя. — Собственно сочиненій по опредѣленнымъ наукамъ въ Моск. Изд. не много. По этнографіи помѣщены тамъ прекрасныя статьи объ Испаніи [3]); въ нихъ между прочимъ говорится о фанатизмѣ и пустосвятствѣ испанскаго духовенства, не заботящагося о нравственности своей и народной, а занимающагося лишь суевѣрными чудесами да преступленіями; — статьи эти довольно живо рисуютъ жизнь и нравы испанскаго народа. По педагогикѣ въ Моск. Изд. еще менѣе статей, чѣмъ въ Утреннемъ Свѣтѣ. Укажу на одну изъ нихъ — „Наставленіе отца сыну, котораго отправляетъ онъ въ Академію". Совѣты отца здѣсь разумны и дѣльны: онъ говоритъ сыну, что учиться надо не изъ практическихъ разсчетовъ, а для исправленія разума и сердца; учись, говоритъ онъ, самостоятельно, иначе „хотя вѣчно слушать коллегіи будешь, никогда однакожь на пути наукъ не успѣешь". „Забавляй" себя музыкой, рисованьемъ, живописью, природой, „имѣй очи и ухо для красотъ природы". Замѣчательны отношенія статьи къ классицизму: отецъ совѣтуетъ сыну изучать древнихъ писателей, ибо они — источники и образцы въ исторіи и философіи; но онъ предостерегаетъ его отъ неумѣреннаго увлеченія древ-

[1]) Тамъ-же, стр. 285—286.

[2]) Тамъ-же, ч. II, стр. 278.

[3]) Тамъ-же, ч. II, стр. 81—90, Краткое извѣстіе о Кадиксѣ, О нравахъ Испанцевъ, О правительствѣ и монахахъ въ Испаніи.

ностью: „знаю, говоритъ онъ, что почтеніе къ древнимъ простираютъ далѣе надлежащихъ предѣловъ, что боготворятъ сочиненія ихъ, для униженія писателей новыхъ", что многіе читаютъ ихъ изъ тщеславія, педантизма, сладострастія, доходятъ до презрѣнія языка своихъ писателей, до непризнанія истиннымъ и хорошимъ всего новаго [1]). — Наконецъ, по исторіи Моск. Изд. напечатало нѣсколько нравоучительныхъ историческихъ анекдотовъ [2]) и въ превосходной статьѣ „О поединкахъ" [3]) представило соединенный съ сатирою историческій очеркъ происхожденія и развитія обычая выходить на поединокъ. Это послѣднее сочиненіе направлено противъ сильно распространеннаго въ екатерининскія времена предразсудка о необходимости на дуели защищать честь свою. Древніе (т. е. Греки и Римляне) должно быть не знали чести (иронически говоритъ статья), ибо у нихъ не было поединковъ. Готы, Остроготы, Визиготы, Вандалы, уничтоживъ науки, „на развалинахъ сихъ воздвигли высокопочтенное и благородное училище человѣкоубійства". Въ средніе вѣка все рѣшалось поединкомъ; „симъ краткимъ способомъ рѣшенія всѣ споры, замедленія и иждивенія въ тяжбахъ прекращались, и отъ скучныхъ справокъ въ Евангеліи люди тѣмъ отбивались, поставляя единую честь рѣшительницею во всемъ". „Когда науки и художества въ Европѣ начали процвѣтать, тогда и наука человѣкоубійства приходила въ большее совершенство"; она пріобрѣла, стараніями писателей Итальянскихъ и Испанскихъ, точность, ясность и красоту; были изслѣдованы всѣ случаи, касающіеся до чести, „при чемъ слишкомъ до 30 родовъ многообразной лжи раздѣлено, и которымъ соравномѣрное удовольствіе надлежащее каждой съ великой непреложностію и точностію было опредѣлено". Если въ наше время возстановить всѣ эти правила и статуты поединковъ, то законъ отечественный сдѣлается безполезнымъ; но „въ настоящемъ развращенномъ вѣкѣ главнѣйшія такія законоположенія касающіяся до чести возненавидѣны и поруганы: и поединокъ сочтенъ за весьма невѣрное и также несправедливое рѣшеніе въ гражданской собственности, въ женской непорочности и уголовныхъ обвиненіяхъ". — Такимъ образомъ, какъ мы видимъ изъ этой прекрасной статьи, Моск. Изданіе стремилось науку, исторію поставить основаніемъ для разрѣшенія современныхъ вопросовъ общественной жизни: дуель, дѣйствительно,

[1]) Тамъ-же, ч. II, стр. 289—294. Друг. педаг. ст.: Письмо Епихарма къ дочери своей Евхаріи — ч. III, стр. 172—187. — Сновидѣніе — ч. I, стр. 31—39.

[2]) Тамъ-же: Печальныя слѣдствія непостоянства — ч. I, стр. 40—58. Краткія повѣсти — ч. I, стр. 71—80. — Приключенія Эгингардта и Эммы — ч. III, стр. 227—230.

[3]) Тамъ-же, ч. II, стр. 42—54.

должна была показаться смѣшною и нелѣпою тому, кто со вниманіемъ прослѣдилъ бы по статьѣ журнала за ея происхожденіемъ и развитіемъ.

Тотъ переходъ Новикова изъ отвлеченной области идеализма къ реальной дѣйствительности, который мы замѣтили въ концѣ Утренняго Свѣта, въ Москов. Изданіи ярче всего выражается въ интересѣ журнала къ современной жизни, къ ея живымъ вопросамъ. Я указалъ сейчасъ на попытку Москов. Изданія противодѣйствовать дуелямъ. Есть въ журналѣ много и другихъ подобныхъ вещей. — Такъ, онъ касается положенія крестьянъ. Двѣ-три статьи говорятъ объ этомъ положеніи; правда, говорятъ робко и нерѣшительно, ибо Новиковъ помнилъ, конечно, судьбу крестьянскаго вопроса въ Трутнѣ и Живописцѣ. Въ числѣ „Краткихъ повѣстей“, напечатанныхъ въ 1-мъ же № Моск. Изданія [1]), есть двѣ весьма интересныя въ этомъ смыслѣ: въ одной изъ нихъ разсказывается, какъ нѣкоторая Графиня Мансфельдская видѣла въ Линебургскихъ степяхъ, что крестьянинъ хотѣлъ зарыть своего стараго отца, не имѣя средствъ пропитать его и семью. „Смотрите вы-бѣдность сихъ бѣдныхъ крестьянъ! (восклицаетъ авторъ повѣсти) какая нужда, какая печаль!.... Вельможи и богачи грѣшатъ, естьли они затворяютъ свое сердце смотря на бѣдность своихъ подданныхъ, и вмѣсто того, чтобы имъ помочь милостиво, то дѣлаютъ еще оную день ото дня несноснѣе налаганіемъ податей на нихъ, тиранствомъ и угнѣтеніями“. Въ другой повѣсти приводится экспромтъ, сказанный „кавалеромъ Буфлеромъ, знатнымъ французскимъ стихотворцемъ“, послѣ прочтенія имъ у г. Фольбесенваля своей рѣчи о народномъ голодѣ:

De mon discours sur la famine
Qui mieux que vous pourra juger,
Puisqu' il fut fait dans notre cuisine
Et dit dans notre salle à manger?

Перевода этихъ прекрасныхъ стиховъ редакція журнала, быть можетъ изъ осторожности, не сдѣлала. — Въ августовской книжкѣ напечатано письмо „О льстецахъ и о всѣхъ людяхъ вообще“ [2]); письмо говоритъ, что „честолюбіе есть коршунъ, приставленный у людей къ сердцу, которое онъ безпрестанно терзаетъ“, всякій завидуетъ тому, кто выше его, и унижается передъ нимъ. „У людей есть степень, которая устрояетъ и уничтожаетъ честолюбіе: знатный господинъ низокъ и подлъ предъ Самодержцемъ; простой дворянинъ дѣлается невольникомъ придворнаго; мѣщанинъ терпѣливо сноситъ высокомѣріе дворянина; *а крестьянинъ опредѣленъ быть рабомъ всѣхъ прочихъ состояній. И такъ люди противъ природы отдались одинъ другому въ неволю*, происхожденія которой одна ихъ слабость причиной; малѣйшій разборъ ума, сложенія и силы знатныхъ уничтожаетъ всѣ высокія мнѣнія, которыя простой дворянинъ объ оныхъ имѣетъ“. — Считай за порокъ повелѣвать рабами, говоритъ Исократъ въ своей „Рѣчи къ Демонику“ [1]).

Въ Моск. Изданіи мы встрѣчаемъ и такъ называемый женскій вопросъ. Въ наше время вопросъ этотъ ставился часто фальшиво, что, быть можетъ, и было причиною сомнѣнія многихъ въ самой возможности его существованія. Новиковъ поставилъ его на истинную почву, на которую онъ лишь начинаетъ становиться въ наши дни: онъ свелъ его на вопросъ объ образованіи. Статья „Разговоръ Аспазіи съ Аристиппомъ о томъ, прилично ли женщинамъ быть учеными“ [2]) доказываетъ, что женщина можетъ и должна получать такое-же образованіе, какъ и мущина. „Для чего бы наукамъ не быть сдѣланнымъ для женщинъ, равнымъ образомъ какъ и для мущинъ? (говоритъ Аспазія Аристиппу). Не имѣютъ ли и онѣ также разумъ, память, воображеніе и здравый разсудокъ? Не ужъ ли мало сихъ дарованій къ тому, чтобъ имъ быть способными къ упражненію въ наукахъ! Чудны мущины!.... они присвояютъ себѣ много такого, что сродно имъ не почему иному, какъ потому только, что они такъ желаютъ, и потому съ такимъ же насиліемъ, и по столь же малымъ причинамъ объявляютъ насъ неспособными къ такимъ вещамъ, въ которыхъ самый опытъ показываетъ, что мы успѣваемъ столько-жъ, какъ и они, или еще и больше“. Науки не для женщинъ (замѣчаетъ Аристиппъ); „женщины должны думать объ однихъ только веселостяхъ“, да „смотрѣть за домомъ и экономіею“. „Когда ученая хозяйка только что сидѣть будетъ въ своемъ кабинетѣ и проводить все свое время въ чтеніи Греческихъ и Римскихъ Авторовъ, то каковы будутъ ея дѣти, слуги, домашнія и другія въ общей жизни необходимыя дѣла?“ — Что касается веселостей, возражаетъ Аспазія, то пріятность жизни состоитъ въ разумѣ, а не во благахъ внѣшнихъ; а домашнія дѣла пойдутъ худо не отъ наукъ, а „когда госпожа живетъ по вашему вкусу, дѣлаетъ изъ ночи день, когда она, окружена будучи толпою игроковъ..... своими поступками разрушаетъ только свое здоровье и раззоряетъ мужа и дѣтей; или занявшись одними веселостями, какъ-бы бѣгая отъ дома, ни-

[1]) Тамъ-же, ч. I, стр. 71—80, повѣсти 7 и 8.
[2]) Тамъ-же, ч. II, стр. 239—245.

[1]) Тамъ-же, ч. I, стр. 145.
[2]) Тамъ-же, ч. II, стр. 121—138.

когда въ ономъ не бываетъ. Въ какомъ состояніи будутъ всѣ сіи дѣла, зависящія отъ управленія такой суетной женщины, у которой вся голова набита одними только нарядами, модами и распространившеюся нынѣ вездѣ пагубною роскошью?“ Я не требую, продолжаетъ Аспазія, чтобы женщина для книгъ оставила свои обязанности: она не должна забывать своихъ должностей къ мужу, къ дѣтямъ, ближнимъ; ничто не разрѣшаетъ насъ отъ нашихъ должностей. Доказывая свою мысль, вы ссылаетесь на обычай: обычаемъ защищаться нельзя, — „можно ли лучше защитить всѣ злоупотребленія, какія вкрались въ общество?“ „Вы знаете сами скуку, какая обыкновенно сопряжена бываетъ съ супружествомъ. Часто случается, что мужъ съ женою не знаютъ чѣмъ бы имъ начать разговоръ; находитъ на нихъ нѣкоторый родъ унынія; скучаютъ другъ другомъ, и каждый изъ нихъ ищетъ особеннаго себѣ увеселенія, но нигдѣ онаго не находитъ“. Причина этой скуки — неравенство образованія. — Въ концѣ разговора Аристиппъ соглашается, что слова Аспазіи совершенно справедливы, „но при всемъ томъ я повторяю (говоритъ онъ), что естьли-бъ я имѣлъ жену, то бы желательно было, чтобъ она не была книжницею“ Въ этихъ словахъ, оканчивающихъ статью, авторъ заключилъ злую иронію, которая, равно какъ и всѣ доводы статьи, до-нынѣ, по прошествіи почти ста лѣтъ, не потеряла своего значенія и живаго интереса.

Журналъ въ цѣломъ рядѣ статей разсматриваетъ взаимныя отношенія родителей и дѣтей, по вопросу о вступленіи послѣдними (собственно дочерями) въ бракъ. Дѣти обязаны благодарностью родителямъ за жизнь; но родители обязаны заботиться о томъ, чтобы эта жизнь была счастлива. Вступать въ бракъ должно (думаетъ журналъ) совершенно самостоятельно и свободно. „Мы, мы одни себѣ причиняемъ либо благополучіе, либо нещастіе (говорится въ одномъ сочиненіи)[1]; то должны ли другіе для насъ избирать? Во угожденіе ихъ желанію должны ли мы быть жертвою? По причинѣ ихъ заблужденія должны ли мы страдать?.... Никакая справедливость не можетъ насъ въ семъ дѣлѣ подвергнуть послушанію кого-нибудь другаго, и все почтеніе къ приставникамъ и родителямъ оканчивается здѣсь. Извиненіе, что старые люди разсуждаютъ зрѣлѣе молодыхъ, что родители лучше предвидятъ пользу своихъ дѣтей, нежели они, и все то, что только обыкновенно говорятъ, есть единая отговорка, которая не даетъ никакого права избирать для другихъ“. Родители имѣютъ право только совѣтовать. Можетъ быть мы ошибемся, увлекшись, и „съ лишкомъ поздо

[1]) Тамъ-же, ч. III, стр. 70—82, Письмо Харитесакъ Аристодемону.

усмотримъ наше ослѣпленіе“, но — „все сноснѣе думать, что мы сами выбрали, нежели что мы сдѣлались другихъ жертвою“. Въ дѣлѣ брака все рѣшаетъ любовь. — Мы знаемъ уже, какъ Москов. Изданіе смотрѣло на чувство вообще. Любовь считало оно чувствомъ высокимъ и сильнымъ: она умѣряетъ всѣ страсти, исправляетъ сердце отъ пороковъ, обуздываетъ самолюбіе [1]). Людямъ, полюбившимъ другъ друга, трудно противиться своему чувству, ибо „можетъ быть небо вложило взаимную любовь въ оба сердца, устроенныя имъ къ согласному союзу. Они уже любятся, не зная еще другъ друга, и любовь ихъ изключаетъ каждой другой предметъ: на подобіе двухъ равно настроенныхъ струнъ, другъ другу только отвѣчающихъ, а при всякомъ другомъ голосѣ безмолвными бывающихъ“. [2]) Мы встрѣчаемъ, такимъ образомъ, въ журналѣ Новикова, можетъ быть впервые въ новой русской литературѣ, то, что играло въ ней потомъ такую большую роль, — романтизмъ. — Мысль о свободѣ выбора при вступленіи дѣтей въ бракъ журналъ проводилъ настоятельно, какъ я упомянулъ выше, — въ цѣломъ рядѣ статей [3]).

Помощь бѣднымъ, дѣло, такъ близкое сердцу Новикова, интересовало и Московское Изданіе. „Рѣчь перваянадесять, о щедрости, читанная въ нѣкоторомъ Христіянскомъ обществѣ“ [4]) убѣждаетъ помогать нуждающимся; но помогать надо (говоритъ она) не безъ разбора, а разумно, тѣмъ, кто дѣйствительно бѣденъ, а не тѣмъ, кто осаждаютъ жилища, показывая преломленные члены свои и язвы, и по полученіи подаянія въ „сообществѣ воровъ и разбойниковъ“ проводятъ часы ночи въ пьянствѣ.

Военная слава, блескъ побѣдъ русскаго оружія сильно увлекали нашихъ прадѣдовъ екатерининскаго вѣка. Частыя войны распаляли страсти. Москов. Изданіе старалось умѣрить этотъ воинственный пылъ, или, лучше сказать, направить его на истинный путь. Оно (надо сознаться), быть можетъ — поддаваясь общему увлеченію, благосклонно относилось къ войнѣ вообще: война полезна (говорится въ одномъ „Разсужденіи“ о ней) [5]); она не возбуждаетъ пороки (порочный совершалъ бы дурныя дѣла и безъ нея), она, напротивъ, даетъ поводъ къ проявленію добродѣтелей; она развиваетъ науки (примѣръ — Архимедъ), защищаетъ общество и вольность граж-

[1]) Тамъ-же, ч. I, стр. 259—260 (О любви и дружбѣ).
[2]) Тамъ-же, ч. III, стр. 131 (Письмо Серены къ Смирнону).
[3]) Тамъ-же, ч. III, стр. 83—94 (Письмо Климены къ ея отцу), 128—134 (Пис. Серены къ Смирнону), 208—213 (Письма (3) Сильвіи къ Парменіду).
[4]) Тамъ-же, ч. III, стр. 109—120.
[5]) Тамъ-же, ч. II, стр. 182—208.

данъ; она просвѣщаетъ разумъ и развиваетъ многія способности заразъ: смѣлость, проворство, умъ; она питаетъ множество народа; наконецъ, она даетъ занятіе людямъ знатнаго рода, дѣлаетъ ихъ достойными тѣхъ выгодъ, которыя дала имъ природа (замѣтимъ мимоходомъ, что послѣднія слова какъ-то странно встрѣтить въ Моск. Изданіи, — это дань времени). — Но войны бываютъ разныя. Не честолюбіе и любовь къ славѣ должны побуждать къ войнѣ (говоритъ та-же указанная выше статья), а любовь къ отечеству и къ благу общественному. Война, когда она не оборонительная, есть простое кровопролитіе и достойна ужаса. Война вообще производитъ ужасныя вещи: „я умираю на ратномъ полѣ (пишетъ въ другой статьѣ [1]) сынъ къ отцу), гдѣ жестокій непріятель уничтожалъ труды стѣнящаго хлѣбопашца; гдѣ ненависть людей раззоряла то, что милость Творца производила изъ земли; гдѣ геройской конь топталъ богатыя жатвы опредѣленныя ко удовольствованію голода". — Сочиненія о войнѣ въ Московскомъ Изданіи можно считать какъ-бы зародышемъ политическихъ статей, которыя мы встрѣтимъ въ послѣдующихъ журналахъ Новикова. Сюда же относятся и статьи о государяхъ и взаимныхъ отношеніяхъ ихъ и ихъ подданныхъ. Московское Изданіе рисуетъ въ нихъ идеалъ монарха. Мы бы избѣгли многихъ бѣдъ (говоритъ оно), если бы всякій имѣлъ доступъ къ государю и могъ сообщать ему нужды народа и давать совѣты; обыкновенно государя окружаютъ льстецы, которые закрываютъ отъ него истину. Государь долженъ остерегаться увлеченія страстностью, любовью: „всякое государство лучше управляемо быть можетъ празднымъ государемъ, нежели страстнымъ. Ежели первый имѣть будетъ искуснаго Министра, тогда праздность его обратиться можетъ въ пользу народа; страстный же самъ управлять не силенъ, и будучи невольникомъ, повинуется волѣ любовницы, и самъ приказать не въ состояніи. Какъ скоро Государь отдается любви, то весь его дворъ почитаетъ за долгъ чувствовать туже страсть. Временщики, Министры, придворные, однимъ словомъ — всѣ показываютъ нѣжное сердце. Чтожь будетъ изъ сей прилипчивой любви? женщины овладѣютъ правительствомъ. Любовницы Государя, Министровъ и временщиковъ, сдѣлавъ союзъ, станутъ раздавать чины, и всѣ дѣла расположатъ по своимъ прихотямъ". „Такое правленіе бывало при Государяхъ, которые великую надежду подавали въ началѣ своего владѣнія". (Возможность высказать въ журналѣ екатерининскихъ временъ эти смѣлыя слова сильно свидѣтельствуетъ, замѣтимъ кстати, въ пользу императрицы, не запретившей послѣ нихъ

[1]) Тамъ-же, ч. I, стр. 274.

изданія). Государь долженъ опасаться попасть подъ вліяніе духовныхъ (продолжаетъ журналъ); онъ не долженъ „смѣшивать законовъ Божескихъ съ нелѣпыми мыслями нѣкоторыхъ богослововъ". Безсмертіе государь можетъ заслужить скорѣй правосудіемъ и справедливостью, нежели „завоеваніемъ многихъ государствъ, раззореніемъ ста городовъ и истребленіемъ ста тысячъ человѣкъ". Власть государя должна быть основана на справедливости и законѣ; всякій, „утверждающій власть свою на неправосудіи, скрываетъ пропасть, которою онъ или его преемники поглощены будутъ. Самыя великія и жесточайшія возмущенія не отъ чего инаго произошли, какъ отъ своенравія и жестокости Государей" [1]). Это ложь и заблужденіе — видѣть все свое величество въ страхѣ сосѣдей и невольничествѣ подданныхъ [2]). Наконецъ, государь долженъ отдалить отъ себя роскошь, — только тамъ въ народѣ изобиліе, гдѣ нѣтъ роскоши при дворѣ [3]). — Таковъ идеалъ царя, нарисованный Московскимъ Изданіемъ. — „Естьлижъ, отвергая даруемое намъ небомъ..... вмѣсто пастыря народа, сдѣлается Монархъ расхитителемъ онаго; то покорность сему тирану учинится измѣною противъ рода человѣческаго", говорится въ сочиненіи „Отшельникъ" [4]). Но кто, прочитавъ эти слова, подумаетъ, что Новиковъ возбуждалъ общество къ политической дѣятельности, тотъ очень ошибется: эти слова сказаны совершенно отвлеченно. „Подражай обычаямъ Государей, и ихъ прилежно разсматривай..... Царскимъ законамъ повинуйся и ихъ волю почитай за твердѣйшій законъ", совѣтуетъ „Рѣчь Исократа къ Демонику" [5]). „Не наслаждается ли добродѣтельный во *всякомъ* государствѣ равною свободою? (говоритъ „Стратонъ" въ „Письмѣ къ сыну") [6]). Порочной и злодѣй только никогда не свободенъ". Подъ словомъ „всякое" журналъ разумѣлъ, конечно, различныя формы государствъ: республику, монархію конституціонную, монархію неограниченную. Новиковъ не имѣлъ опредѣленныхъ политическихъ взглядовъ.

Съ возвращеніемъ къ дѣйствительной жизни въ изданія Новикова вернулась и сатира. Утренній Свѣтъ считалъ смѣхъ дурнымъ дѣломъ. Московское Изданіе заявило, что „уязвить порочнаго до внутренности сердца и мучить его возбужденною его совѣстію" есть „должность человѣколюбія"; „небо позволяетъ сіе мщеніе добродѣтели" [7]). Но

[1]) Тамъ-же. ч. II, стр. 248—258. Письмо о Государяхъ.
[2]) Тамъ-же, ч. II, стр. 6.
[3]) Тамъ-же, ч, I, стр. 312.
[4]) Тамъ-же, ч, III, стр. 261—262.
[5]) Тамъ-же, ч. I, стр. 151.
[6]) Тамъ-же, ч. III, стр. 166.
[7]) Тамъ-же, ч. III, стр. 232, Пис. Софроніи къ Федону.

сатира Москов. Изданія еще несмѣла и нерѣшительна; это нѣчто среднее между осмѣяніемъ пороковъ и серьезнымъ негодованіемъ на нихъ; кромѣ того сатира эта довольно отвлеченна. Она преслѣдуетъ чаще всего пороки общечеловѣческіе, не принадлежащіе опредѣленному времени или мѣсту: глупость, эгоизмъ, злость, лицемѣріе [1]); она смѣется надъ педантами - учеными, замужними кокетками, стряпчими, капелланами, надъ людьми, которые учатся только для пріобрѣтенія чиновъ и богатствъ, надъ ростовщиками [2]). Произведенія этой общечеловѣческой сатиры иной разъ весьма остроумны; таковъ, напр., прекрасный разсказъ объ ученомъ, который 7 лѣтъ занимался изслѣдованіями — почему буква *i* меньше всѣхъ другихъ. — Затѣмъ въ Моск. Изданіи мы находимъ переводъ сатирическихъ произведеній древности: „Сатиру вторую Авла Персія“ [3]) и „Нравоучительныя разсужденія вел. философа Сенеки О краткости жизни“ [4]); послѣднее сочиненіе, впрочемъ, не есть собственно сатирическое, но въ немъ встрѣчается негодующее осмѣяніе пороковъ Рима: жестокости, страсти къ нарядамъ, франтовства, педантизма ученыхъ.—Наконецъ, журналъ коснулся въ нѣсколькихъ статьяхъ и пороковъ современной жизни: легкости нравовъ 18-го вѣка, пристрастія его къ модамъ и ко всему французскому. Сочиненіе „Модная вдова“ [5]) разсказываетъ, какъ одна парижанка, дочь танцмейстера, вдова стараго купца, проводила все время съ любовниками, называя такой образъ жизни—модною добродѣтелью; она привлекала къ себѣ многихъ учащихся, и взяла въ свой домъ молодаго кандидата богословія, чтобы онъ пѣлъ и молился съ нею. Одинъ изъ ея обожателей захотѣлъ на ней жениться; этимъ онъ и насмѣшилъ, и разсердилъ ее; она его, однако, простила, объяснивъ, что это дурачество, женитьба, выходитъ изъ моды; обожатель почувствовалъ свою вину и просилъ прощенія. Статья „Письмо Сильвіи къ Парменіду“ [6]) свидѣтельствуетъ, что и мущины придерживаются обычая—не связывать себя надолго съ любимою женщиною,—они бросаютъ ее, какъ только наскучитъ; „они называютъ сіе обыкновеніемъ нынѣшняго свѣта“. — Въ упомянутомъ мною выше сочиненіи „Сновидѣніе“ осмѣивается между прочимъ воспитаніе дѣтей „по-Французски“, которое состоитъ въ томъ, что ребенка до 7 лѣтъ носятъ на рукахъ, одѣваютъ въ теплое платье, кормятъ наилучшими кушаньями, и не позволяютъ никому показывать ему угрюмаго вида и противиться его волѣ [1]). — Всѣ эти нападенія Москов. Изданія на легкость нравовъ и на подражательность французамъ напоминаютъ намъ сатиру Трутня и Живописца.—Съ возвращеніемъ этой сатиры въ изданія Новикова вернулось и уваженіе къ старинѣ, къ нравамъ предковъ. Мы потеряли (говоритъ „Письмо Алцеста къ Эдону“) [2]) въ безумной праздности и пустыхъ нарядахъ благородную простоту и добродѣтели предковъ нашихъ. „Герой сдѣлался щоголемъ: разумъ, вольность и благочестіе вышли изъ обыкновенія“, съ тѣхъ поръ, какъ мы „сдѣлались обезьянами Французовъ“. Лучше въ деревнѣ заниматься обработкою своего сада и огорода, нежели проводить время среди нездоровой роскоши въ городѣ, „гдѣ всѣ раболѣпствуютъ золоту, гдѣ взорами торгуютъ и улыбки продаются“. Если же не жить въ деревнѣ, такъ по крайней мѣрѣ „облегчимъ себѣ сатирами пребываніе наше въ городахъ“.

Таково въ общихъ чертахъ главное содержаніе Московскаго Изданія. Но въ немъ есть еще статьи другаго порядка, статьи, сближающія его съ Утреннимъ Свѣтомъ, остатки прежняго направленія. И это весьма понятно: во 1-хъ, въ этомъ прежнемъ направленіи, въ отвлеченномъ идеализмѣ, есть доля правды; во 2-хъ, идея, которою жилъ человѣкъ, не умираетъ въ немъ скоро: она уступила уже свое мѣсто новой идеѣ, но она живетъ еще въ душѣ, и мы обыкновенно не сознаемъ этого противорѣчія, ибо донынѣ всякое органическое развитіе человѣческой мысли совершается въ области темнаго сознанія. Такъ Новиковъ, перейдя къ новому направленію мыслей, не вполнѣ ясно сознавалъ это, какъ мы видѣли изъ предисловія къ Москов. Изданію, и считалъ нужнымъ помѣщать въ новомъ журналѣ статьи, не совсѣмъ подходящія къ его духу. Таковы сочиненія нравоучительныя [3]), которыхъ, впрочемъ, въ Москов. Изданіи несравненно менѣе, чѣмъ въ Утр. Свѣтѣ; таковы сочиненія, прославляющія прелесть уединенной жизни въ пустынѣ, или счастье первобытнаго, дикаго человѣка [4]).

[1]) Тамъ-же, ч. I, стр. 241—258, Разс. и мысли г. де ла Рошіефоко.

[2]) Тамъ-же, ч. I, стр. 9 — 31 (О тайныхъ желаніяхъ человѣческихъ), стр. 31—39 (Сновидѣніе).

[3]) Тамъ-же, ч. I, стр. 130—132.

[4]) Тамъ-же, ч. I, стр. 180—192.

[5]) Тамъ-же, ч. I, стр. 95—107. См. еще сат. на женщ. 18 в. въ „Разс. и мысли г. де ла Рошіефоко“ (ч. I, стр. 241—258).

[6]) Тамъ-же. ч. III, стр. 218.

[1]) Тамъ-же, ч. I, стр. 39.

[2]) Тамъ-же, ч. I, стр. 298—307.

[3]) Тамъ-же, ч. I, стр. 59—71 (Изъ нравственныхъ сочиненій Аглинскихъ и Нѣмец. Нравоучителей), 114—126 (Салагъ, или Опасность отъ привычки), 137—157 (Рѣчь Исократа къ Демонику), 163 — 209 (Нравоуч. разсужденіе вел. фил. Сенеки О краткости жизни), 258—263 (О любви и дружбѣ); ч. II, стр. 54—79 (Разс. о дружбѣ, г-жи Маркизши де-Ламбертъ); ч. III, стр. 286—325 (Письма Церима къ Харитесу). Къ концу изданія число нравоуч. соч-ій уменьшается.

[4]) Тамъ-же, ч. I, стр, 114—126 (Салагъ, или опасность отъ привычки); ч. III, стр. 239—285 (Отшельникъ).

Сюда же относятся статьи, идеализирующія смерть. Смерть—лучшее наставленіе (говоритъ сочиненіе „Христіанинъ у гробовъ“) [1]), могила учитъ премудрости, которую нельзя узнать въ исторіи и естествѣ, или у мудрецовъ: у Невтона, у стихотворцевъ. Мудрость, или разумъ статьи этого порядка ставятъ не очень высоко: вѣра выше разума, вѣра поддерживается совѣстью (говорится въ одной изъ нихъ) [2]), разумъ полагается только на себя, и оттого часто отъ надменности падаетъ и уступаетъ привычкѣ.—Читатель видитъ, что подобныя разсужденія совершенно не вяжутся съ философіей Москов. Изданія, которая не противополагаетъ вѣру разуму, а стремится согласить ихъ.—Наконецъ, есть въ журналѣ статьи сантиментальныя; такова, напр., Эклога кн. Козловскаго „Что въ красотѣ есть лучшее или Миртиллъ“ [3]), въ которой нарисовано блаженство пастуховъ и пастушекъ. Таковы сочиненія, возвеличивающія дружбу. Мы видѣли, какъ Москов. Изданіе смотритъ на любовь; но съ точки зрѣнія разсматриваемыхъ теперь статей дружба безконечно выше любви, ибо она — „тихое и правильное чувствіе“, а любовь — волнующая страсть, которая „вливаетъ въ душу радость скоротечную, за которой слѣдуетъ иногда страшная печаль; дружба есть веселіе разсудительное, всегда свѣтлое и постоянное, ничто не въ силахъ воспалить его, ниже ослабить. Она есть пища душевная“ [4]). Въ одной (прекрасной въ литературномъ отношеніи) эпиграммѣ [5]) такъ говорится про эти два чувства:

Почто щитается любовь тоской и ядомъ,
А дружба сладостью гонящей грусти прочь?
Любовь безумія всегда бываетъ чадомъ,
А дружба здраваго ума прекрасна дочь!

Двойственность взгляда журнала на любовь выражается иной разъ въ одной статьѣ. Такъ напр., сочиненіе „О любви и дружбѣ“ [6]), говорящее, что любовь благотворно дѣйствуетъ на нравственную сторону человѣка, въ то-же время называетъ ее „возмутителемъ жизни“, утверждаетъ, что она „подобна пріятностями Сиренѣ, а жестокостію—Фуріи“, и что „родившійся для великихъ дѣлъ“ рѣдко бываетъ къ ней склоненъ. — Сантиментальность и соединенный съ нею ложный взглядъ на любовь привели журналъ къ напечатанію повѣсти „Геро

[1]) Тамъ-же, ч. II, стр. 91—102.
[2]) Тамъ-же, ч. I, стр. 123 (Салагъ),
[3]) Тамъ-же, ч. II, стр. 226—231.
[4]) Тамъ-же, ч. II, стр. 63.
[5]) Тамъ-же, ч. II, стр. 234.
[6]) Тамъ-же, ч. I, стр. 258 — 263. См. еще о дружбѣ въ „Рѣчи Исократа къ Демонику“ (I, 137—157).

и Леандръ“ [1]), въ которой любовь понимается чисто въ чувственномъ смыслѣ. Сантиментальность и чувственность, какъ извѣстно, родныя сестры.

Я сказалъ, что нѣкоторыя изъ сочиненій съ отвлеченно-идеалистическимъ направленіемъ напечатаны въ Московскомъ Изданіи потому, что въ самомъ этомъ направленіи есть доля правды. Къ числу такихъ сочиненій можно отнести различныя религіозныя стихотворенія журнала [2]), изъ которыхъ иныя не лишены литературныхъ достоинствъ; такъ, въ „Пѣсни кающагося грѣшника“ [3]) мы встрѣчаемъ слѣдующіе стихи:

Ты грѣшниковъ спасти снизшелъ,
Простилъ блудницу умиленну,
И пищу съ мытарями ѣлъ,
Далъ зрѣнье съ слѣпотой рожденну.

Меня худѣйшаго прими,
Твои объемлющаго ноги,
И въ ризу свѣта облеки,
Чтобъ въ ней я могъ войти въ чертоги.

Сюда же относятся и стихотворенія, говорящія о противоположности между духомъ и тѣломъ человѣка, которыя иной разъ тоже возвышаются до поэзіи.

Усмиряй страстей волненье,
Ты Владыка, Царь земной!

обращается къ человѣку авторъ стихотворенія „Ночь“ [4]):

Тѣлу давъ, душѣ цѣленье,
Вознеси ты ихъ съ собой!
Иль подобясь безсловеснымъ,
Міра сладости вкушай.
Чадомъ быть преставъ Небеснымъ,
Прахъ и пепелъ обожай!

Остается разсмотрѣть масонскія статьи журнала. Масонства въ Москов. Изданіи болѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ журналѣ Новикова, и все-таки надо сказать, что его и здѣсь немного. Оно выразилось всего въ четырехъ сочиненіяхъ, изъ которыхъ притомъ два суть ничто иное, какъ общія нравственныя поученія, изложенныя очень недурно, о щедрости и о братской любви; это рѣчи, очевидно говорен-

[1]) Тамъ-же, ч. II, стр. 102—121.
[2]) Тамъ-же, ч. II, стр. 232—233; ч. III, стр. 107—109, 121—127, 191—208.
[3]) Тамъ-же, ч. III, стр. 200—202.
[4]) Тамъ-же, ч. III, стр. 285 — 286. См. еще стих. „Пѣснь Покаянія“ (III, 198—199).

ныя въ какихъ-нибудь масонскихъ ложахъ [1]). Собственно же догматы, принципы масонства высказались въ сочиненіяхъ: „Празднаго времени упражненіе“ и „Состояніе человѣка предъ грѣхопаденіемъ“ [2]). Послѣднее изъ этихъ произведеній повѣствуетъ о преемственной передачѣ таинственныхъ знаній со временъ Адама. Адамъ въ раю понималъ сущность всѣхъ вещей, что для насъ недоступно. Съ паденіемъ и изгнаніемъ изъ рая умъ его затмился, у него явилась подозрительность къ очевидной истинѣ, и заключенія его стали основываться лишь на наружности вещей. Но у Адама сохранилась память. Посредствомъ ея онъ и наставлялъ своихъ потомковъ въ наукахъ, почерпнутыхъ изъ Едема. Съ уменьшеніемъ продолжительности человѣческой жизни, съ размноженіемъ и разселеніемъ людей, эти наставленія перестали переходить въ прежней чистотѣ; человѣчество пришло къ заблужденіямъ и почти совершенной погибели едемскихъ познаній, которыя и сохраняются теперь лишь у немногихъ въ прежней силѣ и совершенствѣ.—Одно изъ такихъ познаній состоитъ въ умѣніи приготовлять универсальное или всеобщее лѣкарство. „Есть на землѣ (говоритъ статья „Празднаго времени упражненіе“) нѣкоторые Богомъ избранные Альхимистскіе адепты, могущіе внутренніе наши болѣзни и пороки поправить универсальнымъ, или всеобщимъ лекарствомъ. Но то нещастіе наше, что таковыхъ праведныхъ весьма мало находится. И хотя бы оные сыскаться могли, но пока до главной всеобщей Медицины они дойтить могутъ, находятся уже всѣ въ крайнемъ изнеможеніи и бѣднѣйшемъ состояніи, потому что правительство или лучше сказать общество воспѣщается таковымъ отъ Бога избраннымъ людямъ помогать“ [3]).—Очевидно, послѣ такихъ словъ, что Москов. Изданіе вѣритъ въ существованіе въ масонствѣ различныхъ таинственныхъ знаній. Но почти такъ-же очевидно, что оно ни однимъ изъ этихъ знаній не владѣетъ и не очень ими интересуется, ибо говоритъ объ нихъ слишкомъ рѣдко, увлеченное идеями другаго рода, не имѣющими ничего общаго съ масонствомъ.

И такъ, въ Московскомъ Изданіи мы встрѣчаемъ какъ-бы два направленія: съ одной стороны передъ нами статьи философскія, научныя, сатирическія, статьи по общественнымъ вопросамъ; съ другой стороны — сочиненія отвлеченно-идеалистическія и масонскія. Между этими двумя направленіями нѣтъ ничего общаго и никакого примиренія быть не можетъ, — одно изъ нихъ должно уступить другому. Безъ всякаго сомнѣнія, направленіе философско-научное и жизненное должно одержать верхъ надъ масонскимъ, ибо статей, выражающихъ первое, несравненно болѣе, и *онъ* даютъ журналу характеръ, характеръ изданія, *вводящаго* своихъ читателей въ область философіи, науки и общественной сатиры.

[1]) Тамъ-же, ч. III, стр. 109—120 (Рѣчь перваянадесять, о щедрости. Читанная въ нѣкот. Христіанск. обществѣ), 153 — 160 (Рѣчь вторыянадесять. О любви братской. Говоренная въ нѣкот. Христ. обществѣ).

[2]) Тамъ-же, ч. I, стр. 133—137; ч. II, стр. 235—238.

[3]) Тамъ-же, ч. I, стр. 136.

Въ Моск. Изданіи, какъ и въ Утр. Свѣтѣ, преобладаютъ статьи переводныя; но въ немъ менѣе переводовъ изъ извѣстныхъ европейскихъ писателей, чѣмъ въ этомъ послѣднемъ журналѣ. Сюда относятся только слѣдующія сочиненія: Сатира вторая *Авла Персія* (I, 130—132); Нравоучительное разсужденіе О краткости жизни, *Сенеки* (ч. I, стр. 163—209); *его-же* Письмо къ Луцилію (II, 222—226); *Епиктетовы* рѣчи (II, 208—222); Безуміе идущихъ противъ воли Божіей и невѣрующихъ Его провидѣнію, *Іерузалима* (II, 1—42); Примѣчанія на Свящ. Писаніе, *Геллерта* (III, 26—47); Мессія, священная еклога, *Попе* (III, 203—208), и Разсужденія и мысли г. *де ла Рошіефоко* (I, 241—258). Затѣмъ изъ „*Аглинскаго Спектатора*“ переведенъ „Разговоръ Г. Бикерштафа съ своимъ духомъ Хранителемъ“ (I, 1—9) и изъ „*Энциклопедіи*“ — „Философъ“ (I, 212—240). Относительно другихъ переводныхъ сочиненій указано только, что они переведены съ того или другаго языка, но не сказано изъ какого автора или изданія. — Есть въ журналѣ и сочиненія оригинальныя: „Что въ красотѣ есть лучшее или Миртиллъ“, *кн. Ѳед. Алексѣев. Козловскаго* (II, 226—231); „Почему не хорошо предузнавать судьбу свою“ и „О пріятности грусти“, *А. К.* (можетъ быть — Алексѣя Кутузова) (III, 47— 70 и 141—153). большая часть религіозныхъ стихотвореній. Наконецъ возможно, что принадлежатъ къ числу оригинальныхъ слѣдующія произведенія: Предисловіе къ журналу; „Симпатія“ (II, 154 — 160); „О главныхъ причинахъ, относящихся къ приращенію художествъ и наукъ“ (I, 281—287); „Разговоръ Аспазіи съ Аристиппомъ о томъ, прилично ли женщинамъ быть учеными“ (II, 121 — 138); „Письмо Харитеса къ Аристодемону, Мих. Жукова“ (ср., впрочемъ, съ слѣд. въ журналѣ статьею) (III, 70— 82); „О любви и дружбѣ“ (I, 258—263); „Модная вдова“ (I, 95—107); „Письмо Алцеста къ Эдону“ (I, 298—307); „Христіанинъ у гробовъ, Размышленіе“ (навѣянное Аглинскимъ Спектаторомъ и Гервеемъ) (II, 91 — 102); „Празднаго времени упражненіе“ (I, 133—137); „Состояніе человѣка предъ грѣхопаденіемъ“ (II, 235 — 238). При всѣхъ этихъ статьяхъ не указано, что онѣ переводы, и въ самомъ содержаніи ихъ нѣтъ никакихъ данныхъ для заключенія, что онѣ не оригинальныя.

2.

Непосредственно за Московскимъ Изданіемъ послѣдовала „Вечерняя Заря“ [1]). Духъ въ новомъ журналѣ остался тотъ-же, что былъ въ предъидущемъ; но то, что въ Москов. Изданіи мы видѣли въ зародышѣ, въ Вечерней Зарѣ развилось въ опредѣленную систему взглядовъ.

Новый журналъ представилъ цѣлый рядъ психологическихъ статей, тѣсно связанныхъ между собою внутренней связью одного, проводимаго черезъ всѣ ихъ, убѣжденія. Интересъ новиковскихъ изданій къ философіи - вообще опредѣлился теперь въ интересъ къ психологіи; это объясняется мнѣніемъ Новикова, высказаннымъ уже, какъ мы видѣли, въ Предисловіи къ Моск. Изданію, что главнѣйшее знаніе наше есть знаніе себя самого: человѣкъ—центръ міросозданія; размышляя о немъ, мы должны размышлять и объ отношеніяхъ его съ одной стороны къ Богу, съ другой къ внѣшней природѣ [2]). — На мысль о томъ, что самопознаніе выше всего, можетъ быть, или, лучше сказать, по всей вѣроятности, навело Новикова масонство, благоговѣвшее передъ мыслью древности: познай самого себя; но должно замѣтить, что въ психологическихъ статьяхъ Вечерней Зари нѣтъ совершенно ничего масонскаго.

Прежде всего новый журналъ счелъ нужнымъ напомнить читателямъ тѣ доказательства безсмертія души, которыя были высказаны прежде въ Утр. Свѣтѣ и Моск. Изданіи. Авторъ статьи „Разсужденіе о безсмертіи души“ [3]) приводитъ въ систематическомъ порядкѣ уже извѣстныя намъ положенія, и затѣмъ прибавляетъ къ нимъ положеніе новое и весьма важное, служащее какъ-бы выводомъ изъ всего предъидущаго: если будущая жизнь все-таки сомнительна (говоритъ онъ), такъ какъ человѣкъ не можетъ съ очевидной ясностью доказать, что она есть, то лучше ей *вѣрить*, ибо на основаніи *вѣроятности* мы дѣйствуемъ въ жизни постоянно; отрекшись же отъ вѣроятности безсмертія души, мы принуждены будемъ или согласиться на менѣе вѣроятную мысль—что этого безсмертія нѣтъ, или остаться навсегда въ сомнѣніяхъ и нерѣшимости; но это послѣднее состояніе „разрушило-бы Систему человѣчества“, т. е. оно противно природѣ человѣка. Такимъ образомъ Вечерняя Заря съ первой же статьи своей заявляетъ, что разумъ и вѣра должны быть согласны и должны дополнять другъ друга. Изъ этого никакъ нельзя заключить о недостаткѣ уваженія въ журналѣ къ мысли: во 1-хъ, вѣру выдвигаетъ онъ тамъ, гдѣ уже умолкаетъ умъ; во 2-хъ, въ разбираемомъ взглядѣ журнала много очевидной и несомнѣнной правды: въ жизни, дѣйствительно, мы на каждомъ шагу поступаемъ на основаніи вѣры; а сомнѣнія, хотя весьма естественны и необходимы и полезны въ жизни человѣка, сдѣлаться навсегда содержаніемъ этой жизни, очевидно, не могутъ.—Вслѣдъ за статьей о безсмертіи души журналъ представилъ три разсужденія объ отношеніяхъ души и тѣла [1]). Въ нихъ говорится, что, хотя душа имѣетъ свое собственное существованіе и болѣе принадлежитъ къ существу человѣка, чѣмъ тѣло, но однако въ этомъ мірѣ она нуждается въ тѣлѣ и безъ него почти мертва, она не хочетъ никогда разлучиться съ тѣломъ, смерть для нея тяжела; она любитъ тѣло и сохраняетъ его. Тѣло даетъ душѣ впечатлѣнія отъ матеріальныхъ вещей и позволяетъ имѣть съ ними сообщеніе. Душа соединяется съ тѣломъ посредствомъ особаго свойства своего, такъ называемаго душевнаго темперамента, который показываетъ нѣкоторое сходство души съ матеріею тѣлесною; душевный темпераментъ соединяется съ темпераментомъ тѣлеснымъ; изъ соединенія души и тѣла образуется третье—натуральная, естественная или скотская жизнь. Нравственныя свойства человѣка состоятъ въ связи съ тѣлеснымъ темпераментомъ; такъ напр. сангвиники бываютъ обыкновенно искренни, вѣрны, дружелюбны, чувствительны, щедры, мягкосерды, веселы, безпечны, неустрашимы. Въ темпераментахъ возможны перемѣны; эти перемѣны зависятъ: отъ мѣстныхъ физическихъ условій (напр. сырости или сухости воздуха), отъ образа жизни, привычки. Душа распространена по всему тѣлу: разумъ, воображеніе, память находятся въ головѣ, сила видѣнія — въ глазахъ, хотѣнія — въ сердцѣ, страсти—во внутренности тѣла (такъ напр., гнѣвъ сопровождается перемѣною въ печенкѣ). Душа, очень вѣроятно, какъ и тѣло, создается родителями; это доказывается, во 1-хъ, тѣмъ, что дѣти часто наслѣдуютъ душев-

[1]) „ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ, ежемѣсячное изданіе въ пользу заведенныхъ въ Спб. Екатерининскаго и Александровск. училищъ Заключающее въ себѣ Лучшія мѣста изъ древнихъ и новѣйшихъ Писателей, открывающія человѣку путь къ познанію Бога, самаго себя и своихъ должностей, которыя представлены какъ въ нравоученіяхъ, такъ и въ примѣрахъ оныхъ, т. е. не большихъ Исторіяхъ, Повѣстяхъ, Анекдотахъ и другихъ Сочиненіяхъ стихами и прозою; служащее продолженіемъ УТРЕННЯГО СВѢТА. Въ М. Въ Унив. Тип. у Новикова, 1782 г.“.

[2]) См. еще: Вечерняя Заря, ч. II, стр. 241—251. Здѣсь напечатано „Разсужденіе О познаніи самого себя“, гдѣ говорится, что это познаніе учитъ насъ о нашемъ началѣ, нашихъ способностяхъ, должностяхъ, правахъ и цѣли, и въ тоже время способствуетъ намъ къ снисканію счастья, показывая, что не должно поступать безразсудно, и что силы наши ограничены.

[3]) Тамъ-же, ч. I, стр. 1—26.

[1]) Тамъ-же, ч. I: Филозофическое разсужденіе о душѣ (стр. 81 — 110), Разс. о соединеніи души съ тѣломъ и о дѣйствіи сего соединенія (169—184), Филозоф. разс. о Троицѣ въ человѣкѣ и т. д. (265—309).

ныя склонности родителей, какъ наслѣдуютъ болѣзни; во 2-хъ, Свящ. Писаніемъ: „растителся и множитеся“ сказано цѣлому человѣку, а не тѣлу только; затѣмъ — въ 7-й день Богъ почилъ отъ трудовъ Своихъ, и слѣдовательно не творитъ болѣе; наконецъ, порча въ душу переходитъ черезъ рожденіе.—Таковы взгляды двухъ первыхъ статей. Читатель, конечно, замѣтилъ въ нихъ какъ-бы нѣкоторый оттѣнокъ матерьялизма. Болѣе идеалистическимъ характеромъ отличается третье изъ разбираемыхъ сочиненій. Это разнообразіе въ объясненіяхъ одного и того-же явленія и та странность, что идеи Новикова приняли какъ-бы окраску матерьялизма, объясняются противорѣчіями взглядовъ психологовъ 18-го вѣка: Вечерняя Заря не хотѣла оставить безъ вниманія ни одного изъ этихъ взглядовъ. О ихъ разнообразіи и противорѣчіяхъ говорится въ началѣ упомянутой третьей статьи: „Философическое разсужденіе о Троицѣ въ человѣкѣ, или опытъ доказательства, почерпнутаго изъ разума и Откровенія, что человѣкъ состоитъ изъ тѣла, души и духа“. Авторъ этого сочиненія говоритъ объ интересѣ 18-го вѣка къ психологіи, называетъ различныхъ психологовъ, и заявляетъ, что его разсужденіе есть попытка примирить ихъ разнообразные взгляды. Разсужденіе это признаетъ въ человѣкѣ три начала: тѣло, душу и духъ. Душею называется здѣсь то, что въ двухъ выше разсмотрѣнныхъ статьяхъ называлось темпераментомъ, что служитъ связью тѣла и духа. Духъ отличается отъ души тѣмъ, что онъ, во 1-хъ, невещественъ и безсмертенъ, во 2-хъ, обладаетъ разумомъ и волей, мыслитъ всеобщія истины; а душа имѣетъ лишь настоящія и прошедшія чувствованія. Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, отъ духа человѣческаго взято здѣсь то, что предъидущія статьи считали въ немъ матерьяльнымъ, и отнесено къ особому началу—душѣ, а духъ остался вполнѣ невещественнымъ. — Тройственность природы человѣка статья доказываетъ, во 1-хъ, доводами „философическими или естественными“: три царства природы (говоритъ она) различаются между собою такъ-же, какъ три элемента человѣческаго существа: человѣкъ не принадлежитъ ни къ одному изъ царствъ природы, онъ составляетъ особое царство;—затѣмъ: философы вообще допускаютъ высшія и низшія душевныя силы,—высшія относятся къ духу, низшія къ душѣ; — ребенокъ, дикій и глухо-нѣмой проявляютъ въ своей жизни только тѣло и душу; духъ есть у нихъ, но онъ еще не выражается явно. Во 2-хъ, доводами богословскими: человѣкъ созданъ по образу Божію, а образъ Божій тройственъ; въ апостольскихъ посланіяхъ (къ Солунянамъ 1 посл. гл. V, ст. 23; къ Евреямъ гл. IV, ст. 12) различаются душа и духъ; священномученики и самъ Христосъ говорили: пріими *духъ* мой; если иногда въ Свящ.

Писаніи вмѣсто *духъ* говорится *душа*, то это, быть можетъ, для народнаго пониманія, подобно тому, какъ про Іисуса Навина сказано, что онъ остановилъ солнце. Въ 3-хъ, разсужденіе основывается еще на доводахъ филологическихъ: во всѣхъ „ученыхъ языкахъ“, говоритъ оно, существуетъ три слова для обозначенія трехъ элементовъ человѣка, и приводитъ эти слова изъ языковъ: греческаго, латинскаго, русскаго, еврейскаго.—Собственно и двѣ первыя статьи объ отношеніяхъ души и тѣла, не смотря на нѣкоторый матерьялизмъ ихъ, вовсе не сводятъ душу на равную степень съ тѣломъ: натуральная жизнь (учитъ „Разсужденіе о соединеніи души съ тѣломъ“) есть созданіе души; если возразятъ, что воля души и воля натуральной жизни часто противны одна другой, и душа не въ состояніи, напр., заставить кровь двигаться скорѣе, то можно отвѣтить, что это происходитъ вслѣдствіе паденія души, отъ грѣха: душа наша теперь не всегда имѣетъ во власти и душевную волю. Спаситель для того сошелъ на землю, чтобы примирить разладъ души и тѣла и въ свое время возстановить ихъ согласіе; душа теперь слаба, но впослѣдствіи она дастъ тѣлу нетлѣніе и величіе.

Превосходство духа надъ тѣломъ журналъ старается между прочимъ показать въ прекрасномъ „Разсужденіи о истинномъ человѣческомъ благѣ“. [1]) Истинное наше благо должно быть вѣчно (говоритъ онъ), и потому оно находится въ области духа, а не тѣла. Просвѣщеніе и добродѣтель — истинные источники нашего удовольствія; а средства, которыми они снискиваются,—разумъ и воля, причемъ разумъ долженъ царствовать надъ волей, иначе она можетъ подчиниться различнымъ страстямъ. Такимъ путемъ можетъ быть счастливъ всякій; но кто руководствуется наукою и закономъ (т. е. живетъ въ образованномъ обществѣ), для того путь къ благу короче.—Изъ этихъ разсужденій мы видимъ, какъ высоко ставитъ Вечерняя Заря разумъ и науку. Это еще виднѣе изъ другаго сочиненія о счастьѣ [2]), направленнаго противъ тѣхъ людей, которые, вѣруя въ существованіе Бога, говорятъ, что Богъ не хотѣлъ или не могъ сдѣлать насъ блаженными. — Надо разсмотрѣть сущность природы ограниченнаго разумнаго существа (говоритъ „Разсужденіе О блаженствѣ“), чтобы найти причины нашихъ неудовольствій и удовольствій, и затѣмъ статья указываетъ, въ строго логической системѣ, на тѣ и на другія. Причины нашихъ неудовольствій: 1) слабость нашего разума, 2) нужда въ помощи другихъ, 3) то обстоятельство, что желанія наши

[1]) Тамъ-же, ч. I, стр. 185—199.
[2]) Тамъ-же, ч. I, стр. 15—51, „Разсуж. О блаженствѣ“.

часто превосходятъ наши силы, 4) порокъ, и наконецъ, 5) безобразные и вредные предметы въ природѣ. Причины удовольствій: познанія, разсужденіе, непрерывное преуспѣяніе въ познаніяхъ, дѣятельность, вниманіе къ состоянію другихъ и сила вліянія на другихъ, красота во внѣшнемъ мірѣ. Для избѣжанія неудовольствій нужно: или уничтожить все, что ихъ возбуждаетъ, или сдѣлаться нечувствительнымъ и безумнымъ. Но послѣднее условіе въ то-же время уничтожаетъ и удовольствія; значитъ, надо прибѣгнуть къ условію первому, и мы замѣчаемъ тогда, что нужное къ отвращенію неудовольствій есть въ то-же время нужное къ пріобрѣтенію удовольствій. Прямой логическій выводъ отсюда: человѣкъ можетъ быть блаженъ, приводя въ „лучшее совершенство“ свои умственныя и нравственныя способности. Мы смотримъ на міръ съ ограниченной точки зрѣнія; чѣмъ болѣе будемъ мы успѣвать въ познаніи міра, тѣмъ менѣе будемъ желать невозможныхъ вещей, тѣмъ самостоятельнѣе мы будемъ, тѣмъ разумнѣе, тѣмъ нравственнѣе, и тѣмъ лучше будемъ понимать его красоту.—Могутъ спросить (говоритъ авторъ): отчего Богъ не сразу сдѣлалъ насъ блаженными? Это было бы (отвѣчаетъ онъ) противорѣчіемъ природѣ ограниченнаго существа. — Нельзя ли достигнуть совершенства безъ непріятностей? — Опять логическое противорѣчіе: непріятности и происходятъ отъ несовершенства.

Въ сочиненіяхъ о связи души съ тѣломъ, разсмотрѣнныхъ выше, указаны главнѣйшія „свойства“ (или способности) души; это: познаніе, любовь, желаніе и отвращеніе (говоритъ „Филозофическое разсужденіе о душѣ“) [1]); познанія бываютъ двухъ родовъ (объясняетъ оно): предчувствія и умственныя заключенія, основанныя на чувствахъ (по словамъ Аристотеля — ничто не приходитъ въ разсудокъ, не бывши прежде въ чувствахъ). — Въ дальнѣйшихъ психологическихъ статьяхъ своихъ Вечерняя Заря разсматриваетъ отдѣльно различныя душевныя способности, такъ что совокупность всѣхъ этихъ философскихъ статей журнала представляетъ нѣчто вродѣ цѣлаго курса психологіи.— „Философическое разсужденіе о разсудкѣ“ [2]) показываетъ разницу между разсудкомъ и разумомъ. Разсудокъ — дѣйствіе, происходящее отъ естественной жизни; со стороны тѣла здѣсь участвуютъ чувства, со стороны духа — разумъ; — разумъ принадлежитъ къ области чистаго духа. Напр., человѣкъ знаетъ и увѣренъ, что душа живетъ въ тѣлѣ и управляетъ имъ, — это дѣйствіе разума; но яснаго представленія объ этомъ человѣкъ не имѣетъ, ибо это дѣло не разсудка. Говорящіе, что сущность души состоитъ въ томъ, что она мыслитъ,

[1]) Тамъ-же, ч. I, стр. 81—110.
[2]) Тамъ-же, ч. II, стр. 1—15.

или разсуждаетъ, не касаются существа ея: разсужденіе, это такое же частное дѣйствіе, какъ, напр., писаніе. Разсудокъ ограниченъ чувствами, грубостью органовъ ихъ, ихъ поврежденіями, обманами, умоображеніемъ; оттого онъ понимаетъ лишь поверхность и скорлупу вещей, и о внутренней сущности ихъ судитъ какъ слѣпой; онъ не доходитъ до истины, а ограничивается догадками и правдоподобіемъ. „Посему — коль рѣдкая и благородная вещь истина“. Полезнѣйшія и величайшія истины открыты не разсудкомъ: разумъ нашелъ ихъ, по допущенію Божьяго промысла, изъ самыхъ простыхъ, обыденныхъ явленій: до Невтона (Ньютона) тысячи людей видѣли упадающіе съ яблони яблоки, но никто не размышлялъ притомъ о законахъ системы міра [1]). Великая истина, будучи открытой, становится достояніемъ разсудка: понявъ ее, онъ начинаетъ выводить изъ нея другія, частныя истины. — Какъ-бы дополненіемъ къ статьѣ о разсудкѣ можетъ служить напечатанное значительно позже прекрасное сочиненіе „О понятіяхъ и источникѣ оныхъ“ [2]). Авторъ отвергаетъ врожденность понятій, слѣдуя, какъ говоритъ онъ, Локку и всѣмъ новѣйшимъ философамъ. Врожденность понятій называетъ онъ заблужденіемъ древности и общаго мнѣнія. Понятія являются изъ „опытности“ (experientia). Они являются двумя способами: во 1-хъ, отъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ (таковы понятія о цвѣтахъ, теплотѣ, мягкости, горечи и т. п.); во 2-хъ, отъ наблюденія дѣйствій нашего ума, т. е. „отъ раздробленія внутреннихъ понятій (reflexio)“; сюда относятся — помышленія, сомнѣнія, утѣшеніе и проч. Что понятія не врождены намъ, доказываетъ опытъ каждаго и наблюденія надъ ребенкомъ: мы часто помнимъ — съ которыхъ поръ получили то или другое понятіе; — если бы стоило, можно бы было такъ воспитать ребенка, что онъ не зналъ бы, напр., краснаго и зеленаго цвѣтовъ.

Отъ разсудка журналъ переходитъ къ волѣ. „Философическое разсужденіе о человѣческой волѣ вообще“ [3]) дѣлаетъ опредѣленіе этой душевной способности, указываетъ различіе между ею и умомъ, представляетъ логическое дѣленіе воли, указываетъ ея предметы, средства. Приэтомъ разсужденіе говоритъ о различіи между человѣкомъ и животнымъ: животное не знаетъ ни удовольствія, ни неудовольствія, ибо причина того и другаго — отношеніе вещи къ волѣ духа, а животное не имѣетъ свѣдѣнія о себѣ самомъ и о томъ, что въ немъ

[1]) Тамъ-же, ч. III, стр. 296, «Разсужденіе о томъ, что можетъ ли чрезвычайное божеское въ вѣрѣ (Религіи) наставленіе или откровеніе согласоваться съ премудростію Божіею».
[2]) Тамъ-же, ч. III, стр. 313—319.
[3]) Тамъ же, ч. II, стр. 83—116.

происходитъ. — Статья оканчивается опредѣленіемъ добра и зла: согласное съ волею духа — добро, несогласное — зло; добро бываетъ — метафизическое, физическое, нравственное. Но нельзя (говоритъ авторъ) сказать, что воля есть сила хотѣть всякаго добра, ибо нравственнаго добра мы хотимъ не по необходимости.—Какъ-бы пополненіемъ къ разсмотрѣнію воли служитъ превосходное сочиненіе „Философическое разсужденіе о совѣсти вообще“ [1]). Авторъ этого сочиненія говоритъ, что есть три опредѣленія совѣсти, въ сущности согласныя между собою: „Вольфіевы послѣдователи“ опредѣляютъ совѣсть какъ способность судить о нравственности дѣйствій; другіе нравоучители считаютъ ее самымъ судомъ; третьи говорятъ, что она есть душа судящая. Три вещи составляютъ сущность совѣсти (замѣчаетъ разсужденіе): познанія, природное расположеніе одобрять то, что мы почитаемъ нравственно добрымъ, и воля, благоволящая о бытіи того, что мы почитаемъ сходственнымъ съ естественнымъ порядкомъ. И такъ, „совѣсть есть человѣческая душа, упражняющая, относительно къ нравственности дѣйствій, способности: познавать, чувствовать и хотѣть всего того, что состоитъ въ ея власти“ [2]). Въ трехъ вопросахъ, относящихся къ совѣсти (продолжаетъ авторъ сочиненія), не согласны между собою философы: во 1-хъ, откуда происходятъ познанія о нравственности дѣйствій? во 2-хъ, одобреніе или охужденіе дѣйствія есть ли заключеніе „подробнаго понятія“ или бываетъ безъ всякаго размышленія? и въ 3-хъ, всегда ли воля слѣдуетъ суду совѣсти? — Само разсужденіе такъ отвѣчаетъ на эти вопросы: на 1-ый—познанія не врождены намъ, ибо младенецъ не понимаетъ нравственности, и чѣмъ человѣкъ просвѣщеннѣе, тѣмъ лучше судитъ о добрѣ и худѣ; на 2-ой — бываютъ такія дѣйствія совѣсти, которыя не соединены съ размышленіемъ, но для вѣрнаго отличія добра и зла надо знать — что способствуетъ къ нашему сохраненію, совершенству, выгодѣ и удовольствію; на 3-ій—дѣйствія воли не всегда согласны съ совѣстью, ибо воля свободна въ выборѣ; но надо замѣтить, что мы не можемъ не одобрить дѣйствія, если знаемъ, что оно ведетъ къ совершенству и счастью, и въ этомъ смыслѣ воля наша ограничена. — Общій выводъ изъ всѣхъ этихъ соображеній тотъ, что совѣсть есть нашъ вождь, но ее надо просвѣщать, ибо она можетъ ошибаться. — Читатель видитъ изъ всего вышеприведеннаго — съ какимъ уваженіемъ Вечерняя Заря относилась къ уму: она придавала ему въ высшей степени важное значеніе даже въ дѣйствіяхъ совѣсти, которая, по мнѣнію журнала, можетъ ошибаться безъ его свѣта. — Нравственность и мышленіе

[1]) Тамъ-же, ч. II, стр. 163—194.
[2]) Тамъ-же, стр. 170.

тѣсно связаны въ понятіяхъ Вечерней Зари. Такъ, *доброту* считаетъ она высшею добродѣтелью [1]) потому, что доброта не есть страсть, „непроизвольная и механическая“, какъ, напр., состраданіе, а есть чувство, управляемое разумомъ.

Легко замѣтить, что многія положенія въ разсмотрѣнныхъ до сихъ поръ философскихъ статьяхъ журнала опираются на вѣру и Священное Писаніе. Но такъ-же легко замѣтить, что нигдѣ въ этихъ статьяхъ вѣра не становится въ противорѣчіе съ умомъ: она или является тамъ, гдѣ умъ умолкаетъ, или доводы изъ ея области дополняютъ, подтверждаютъ доводы умственные, согласуясь съ ними. Отношенія Веч. Зари къ вѣрѣ и Свящ. Писанію лучше всего видны изъ двухъ прекрасныхъ сочиненій: „Разсужденіе о томъ, что можетъ ли чрезвычайное божеское въ вѣрѣ (Религіи) наставленіе или откровеніе согласоваться съ премудростію Божіею“ [2]) и „Разсужденіе объ основаніяхъ и утвержденіи распространенной пророкомъ Моисеемъ чистой во единаго Бога вѣры и истиннаго Богослуженія“ [3]). Первое изъ этихъ разсужденій, „во многомъ основанное на Гюмѣ“ (какъ замѣчаетъ авторъ) [4]), а также часто ссылающееся на Платона, Локка и Бэля, говоритъ, что трудно опредѣлить границы, до которыхъ можетъ идти человѣческій разумъ; это значило бы то-же самое, что по составу глаза опредѣлить всѣ предметы, могущіе впредь ему встрѣтиться,—а кто могъ, напр., предвидѣть изобрѣтеніе телескопа и микроскопа? Но, обратясь къ исторіи, мы замѣтимъ, что, вопреки мнѣніямъ Руссо и Вольтера, разуму всегда мало было однѣхъ его собственныхъ силъ для обрѣтенія Бога, онъ нуждался въ откровеніи. Язычество признавало многихъ боговъ; съ нимъ соединялось обыкновенно суевѣріе, иногда и обманъ,—жрецы входили въ союзъ съ государями. Философы древности повидимому приходили къ единобожію, но это единобожіе оказывалось въ сущности пантеизмомъ, который, въ-добавокъ, и не переходилъ изъ философскихъ школъ въ народъ: религія оставалась у народа старая, съ богами-людьми. Правда, въ народныхъ массахъ существовало смутное вѣрованіе въ единое всемірное существо, но это вѣрованіе все терялось болѣе и болѣе. Гюмъ, Бэль и Локкъ согласны, что разумъ не могъ открыть единаго Бога, не смотря на свое развитіе: Платонъ признавалъ многихъ боговъ; а въ народѣ религія падала нравственно: Овидій по-справедливости совѣтуетъ всякой молодой добро-

[1]) Тамъ-же, стр. 116—131, «Разсужденіе о благости Божіей, выведенное изъ разсужденія о добротѣ человѣческой».
[2]) Тамъ-же, ч. III, стр. 169—225, 255—306.
[3]) Тамъ-же, стр. 85—113.
[4]) Тамъ-же, стр. 206.

дѣтельной женщинѣ отдаляться отъ храмовъ. — Руссо говоритъ, что природа есть живая книга, въ которой легко можно прочитать о Богѣ. Но отчего же Кафръ и Гуронъ не читаютъ по этой книгѣ такъ же хорошо, какъ Руссо? — Вольтеръ утверждаетъ, что въ древности въ язычествѣ люди признавали единаго Бога: Финикіяне и Египтяне—Егову, Греки—Зевеса, Римляне—Юпитера; другіе же боги существовали „ради поощренія къ добродѣтели“. Но, если были другіе, низшіе боги, то гдѣ же единобожіе? и хорошо поощреніе къ добродѣтели—похожденія Юноны, Венеры, Марса!—Нѣкоторые спросятъ, можетъ быть: зачѣмъ же Богъ не далъ сразу человѣческому разуму силъ для познанія Его? На это можно отвѣтить: мы не знаемъ плана всего мірозданія, и судимъ только по малой частицѣ;—кромѣ того, необходима въ мірѣ постепенность развитія,—мы забываемъ разницу между нами и дикими. (Здѣсь не мѣшаетъ указать кстати—какъ разсматриваемое разсужденіе разбиваетъ различныя мечтанія указаніемъ на существующую дѣйствительность).—Другіе возразятъ (продолжаетъ сочиненіе), что откровеніе понятно, если оно дано первому человѣку: этотъ человѣкъ погибъ-бы безъ помощи Божіей, ибо онъ не имѣлъ никакихъ познаній, и современный дикарь — Прометей въ-сравненіи съ нимъ; но зачѣмъ же откровеніе въ дальнѣйшей жизни человѣчества, при развитіи разума, зачѣмъ эти поправки въ мірозданіи? На это можно отвѣтить, что разумъ человѣческій не все идетъ впередъ, онъ можетъ падать подъ дѣйствіемъ равнодушія, лѣности, внѣшнихъ перемѣнъ жизни, тиранства, войнъ, чувственности. Древняя философія возбудила разумъ и духъ испытанія, но и она упала: она Христіанство приняла за нелѣпость. Философовъ смѣнили софисты, а затѣмъ наступилъ долгій умственный мракъ. Въ прошломъ столѣтіи философія просіяла; но народъ не знаетъ ея, и среди самихъ философовъ явились ученія, отвергающія провидѣніе или даже самое существованіе Бога (Evangile du jour). — Необходимость откровенія не унижаетъ ума: вѣдь и великими открытіями въ области наукъ и жизни мы обязаны обстоятельствамъ или допущенію Божію. Скажутъ, что допущеніе входитъ, быть можетъ, въ предъустановленный порядокъ міра. Но можетъ быть и откровеніе, чудо, входитъ въ этотъ порядокъ, котораго мы не знаемъ. Въ мірѣ дѣйствуютъ: движеніе, слѣпое побужденіе и разумъ,—и этотъ послѣдній слабѣе другихъ. Нельзя ничего отвергать на основаніи непониманія.—Изъ этихъ послѣднихъ словъ мы ясно видимъ—почему, на какихъ основаніяхъ Вечер. Заря придерживалась руководства вѣры въ тѣхъ областяхъ, въ которыя не можетъ проникнуть или не проникъ еще умъ. — Священное Писаніе журналъ понималъ разумно, и былъ слишкомъ далекъ отъ фанатической приверженности къ буквѣ. Мы видѣли это отчасти въ вышеупомянутомъ намекѣ на то, какъ должно понимать остановленіе солнца Іисусомъ Навиномъ; но вполнѣ выясняется пониманіе журнала въ „Разсужденіи объ основаніяхъ и утвержденіи распространенной пророкомъ Моисеемъ чистой во единаго Бога вѣры и истиннаго Богослуженія“. Моисей дѣйствовалъ (говоритъ сочиненіе) на народъ грубый и дикій, и потому, называя Бога духомъ, онъ не дѣлаетъ метафизическаго опредѣленія духа, а говоритъ языкомъ чувственнымъ: Богъ его обитаетъ выше облаковъ, и, взирая оттуда на людскія дѣла, дѣлаетъ свои опредѣленія, соображаясь съ каждымъ дѣяніемъ человѣка; Онъ возбуждается поступками людей къ гнѣву и мщенію, пылаетъ ревностью къ ложнымъ богамъ, дѣлаетъ все непосредственно: повелѣваетъ дождю идти, восходить солнцу. Выраженія: теченіе естества, законы естества не употребляются въ книгахъ Моисея, ибо они удалили бы Бога отъ народа, явились бы у Евреевъ представленія о слѣпомъ рокѣ, о случайности, о вліяніи злаго существа. Моисей хотѣлъ научить главному: что есть Богъ единый, творецъ и правитель міра, святѣйшій. Это—не Юпитеръ, человѣкъ съ человѣческими слабостями. Богъ Моисея—не отецъ *всѣхъ* людей, а Богъ Израиля; это сдѣлано Моисеемъ для того, чтобы отстранить неразвитой народъ свой отъ общенія съ язычниками; но Моисей вовсе не презиралъ инородцевъ: онъ покровительствовалъ имъ, если они поселялись среди Евреевъ.— У Давида и пророковъ уже не чувственный языкъ Моисея, ибо народъ къ тому времени значительно развился умственно, — у нихъ языкъ отвлеченный. — Къ этимъ объясненіямъ, какъ нужно понимать писанія Моисея, статья прибавляетъ свои соображенія—почему эти писанія можно считать откровеніемъ. „Гумій“ говоритъ (замѣчаетъ она), что дикіе начинаютъ съ многобожія и потомъ приходятъ къ единобожію, которое есть „послѣдствіе философіею уже очищеннаго разсудка“. Это вѣрно. А такъ какъ Евреи начали съ единобожія, оно было у нихъ, когда сами они были грубы и дики, то значитъ ихъ единобожіе не есть послѣдствіе человѣческаго размышленія.

Къ числу философскихъ статей Вечерней Зари слѣдуетъ отнести еще два разсужденія о бытіи Бога, изъ которыхъ одно принадлежитъ знаменитому англійскому мыслителю Локку. — Есть Богъ? или въ мірѣ царствуетъ слѣпой случай, мертвенная необходимость, вѣчное ничтожество? (спрашиваетъ одно изъ этихъ разсужденій) [1]). Существованіе Бога доказывается (говоритъ оно) цѣлесообразностью и стройностью мірозданія, его единствомъ въ разнообразіи. Неужели въ мірѣ

[1]) Тамъ-же, ч. III, стр. 1 — 18. Разсужденіе о бытіи Бога, выведенное изъ разсмотрѣнія природы.

„совершеннѣйшіе порядокъ и красота безъ разума? вѣчное движеніе безъ Строителя? всякая жизнь, происходящая изъ вѣчной смерти?“ Безъ существованія Бога непонятны противорѣчія въ человѣкѣ, существѣ, „ограниченномъ со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ и желаніяхъ безконечномъ“, существѣ, многія желанія котораго не согласуются съ его-же совѣстью и разумомъ. Безъ Бога — человѣкъ „мертвенный прахъ, исполненный божественной силы“. — Локкъ въ своемъ разсужденіи [1]) говоритъ, что бытіе Божіе есть истина, основанная на разумѣ и столько-же, несомнѣнная, какъ истина математическая. Никто не сомнѣвается въ своемъ существованіи; но нѣчто не могло быть создано ничѣмъ (каждый знаетъ это изъ опыта). А такъ какъ все непредвѣчное имѣло начало, то, значитъ, есть существо *предвѣчное*; оно *всемогуще*, потому что имъ создано все непредвѣчное; оно *разумно*, потому что имъ созданы и разумныя существа. Далѣе слѣдуютъ прекрасныя логическія возраженія противъ мнѣнія матерьялистовъ, что вѣчное разумное существо—вещественно, возраженія, опирающіяся на безконечную дѣлимость матеріи. Оканчивается разсужденіе замѣчаніемъ, что Богъ и созданіе Имъ міра непостижимы; но допускать непостижимое не противно уму, а даже сходно съ нимъ: мы знаемъ, напр., что тѣло перемѣняетъ мѣсто лишь вслѣдствіе столкновенія съ сильнѣйшимъ тѣломъ; въ то-же время мы видимъ, что рука наша движется безъ всякаго столкновенія, вслѣдствіе одной нашей воли; это непостижимо, однако мы это допускаемъ.

Почти всѣ философскія статьи Вечерней Зари по духу своему служатъ опроверженіемъ философіи энциклопедистовъ. Но есть въ журналѣ одно сочиненіе, которое прямою цѣлью своей имѣетъ опроверженіе этой философіи. Я разумѣю „Слово о вольнодумцахъ и невѣрующихъ“ Жака Сорена [2]). Въ вѣрѣ одинаково важны три догмата (говоритъ авторъ „Слова“): бытіе Бога, провидѣніе Его и существенное различіе между правостью и неправостью; потому я буду одинаково возражать противъ системъ: „безбожнаго, Эпикура и Деиста“. Затѣмъ дѣлаются самыя возраженія, изъ которыхъ иныя знакомы намъ по предъидущимъ статьямъ. Изъ всѣхъ этихъ возраженій я укажу лишь на два слѣдующія: невѣрующій (говоритъ „Слово“) одинъ идетъ противъ всѣхъ людей; хотя вѣра человѣка разумнаго не всегда должна основываться на множествѣ голосовъ, однако то мнѣніе достойно уваженія, которое принято во всѣхъ мѣстахъ, во всѣхъ временахъ, и которое противно страстямъ человѣка; такова вѣра: она противоположна

[1]) Тамъ-же, ч. III, стр. 18—42. О познаніи Божія бытія. Разсужд. г. Локка, извѣст. славн. Агл. Писателя.

[2]) Тамъ-же, ч. III, стр. 113—151.

страстямъ и существовала и существуетъ всегда и вездѣ. Это не то, что предразсужденія, которыя мѣняются по временамъ и мѣстамъ, отъ климата, воображенія, крови. Другое возраженіе „Слова“ состоитъ въ указаніи на разрушительное дѣйствіе безвѣрія на основы общества: безъ вѣры каждый могъ бы дѣлать, что ему угодно,—личная польза не остановила бы его, ибо въ нѣкоторыхъ случаяхъ „добродѣтель и польза личная совмѣстны быть не могутъ“. «Правительство отъ васъ желаетъ (обращается авторъ къ проповѣдникамъ невѣрія) [1]), чтобы вы не обнародовали началъ, которыя поколеблютъ достояніе его. Народъ васъ проситъ не разглашать мнѣній, утверждающихъ, что кромѣ правительства земнаго, нѣтъ инаго судіи“.

Таковы философскіе взгляды Вечерней Зари. Въ основѣ этихъ взглядовъ, какъ легко теперь видѣть, лежитъ, во 1-хъ, глубокое уваженіе къ уму, а во 2-хъ, убѣжденіе—что мысль и вѣра не должны и не могутъ противорѣчить другъ другу: вѣра дополняетъ изысканія ума, умъ поддерживаетъ своими доводами вѣру. Умъ нашъ ограниченъ; гдѣ кончается доступная ему область, тамъ начинается область вѣры. Умъ (или „разсудокъ“) и вѣра примиряются и сливаются въ человѣческомъ „разумѣ“. Точно также тѣсно и неразрывно связаны умъ и совѣсть. Истинная нравственность не можетъ существовать безъ поддержки мысли.—Я очень подробно остановился на изложеніи всѣхъ этихъ взглядовъ журнала, во 1-хъ—потому, что вліяніе ихъ отразилось, какъ увидимъ, на многихъ важныхъ положеніяхъ новиковскихъ изданій, а во 2-хъ—потому, что имъ принадлежитъ, быть можетъ, весьма важное мѣсто въ исторіи развитія нашей мысли: въ нихъ, кажется, должно видѣть зародыши той философіи, которая такъ цѣлостно развилась въ новѣйшее время въ сочиненіяхъ Кирѣевскаго и Хомякова.

Вечерняя Заря продолжала разработывать тѣ-же вопросы общественной жизни, что и Московское Изданіе.—Свѣтлая мысль журнала ясно видѣла всю нелѣпость сословныхъ предразсудковъ. „Любомудріе“ не смотритъ на родословіе (говоритъ первое „Письмо отъ Люція Аннея Сенеки къ Люцилію“ [2]). „Премудрость для всѣхъ открыта и мы всѣ чрезъ нее быть можемъ благородными. Любомудріе никого отъ себя не отвергаетъ, ни избираетъ, но для всѣхъ сіяетъ равно“. Сократъ, Клеантъ и Платонъ не были благородными по рожденію. „Платонъ говоритъ: всякій Государь происходитъ отъ рабовъ, и всякій рабъ отъ Государей. Все сіе превратность временъ смѣшала и щастіе преобратило“.—Смѣлѣе и обстоятельнѣе, чѣмъ Московское Изданіе, за-

[1]) Тамъ-же, стр. 145.

[2]) Тамъ-же, ч. I, стр. 57—61.

говорилъ журналъ о крестьянахъ, объ ихъ положеніи, объ отношеніяхъ къ нимъ привиллегированныхъ сословій. Правда, вначалѣ крестьяне не называются ихъ настоящимъ именемъ, но потомъ журналъ рѣшился и на это. Второе письмо Сенеки къ Луцилію „О томъ, что должно благосклонно поступать съ рабами“ [1]), напечатанное въ первой книжкѣ Вечерней Зари, говоритъ, что рабы—не рабы, а сожители, покорные друзья, сослужители наши. Нужно обращаться съ ними дружески, позволять имъ говорить, садить ихъ за столъ съ собою (но впрочемъ „письмо“ дѣлаетъ здѣсь оговорку: не всѣхъ, а по заслугамъ, какъ дѣтей.) Наши предки (продолжаетъ оно) почти уничтожили рабство, слугъ называли они домашними, а господина хозяиномъ,—домъ былъ какъ бы маленькою республикой. „Думаешь ли ты о томъ (спрашиваетъ Сенека), что называемый у тебя слугою человѣкъ рожденъ отъ такого-же сѣмени, какъ и ты, что онъ питается однимъ съ тобою воздухомъ, и что также дышетъ, также живетъ и одинаково умираетъ“? Тотъ глупъ, „кто судитъ о человѣкѣ по платью, или по состоянію, которое носимъ мы на себѣ на подобіе одѣянія. Рабъ ли кто? но можетъ быть онъ вольный духомъ. Рабъ ли кто? и сіе поставляется ему въ вину? такъ покажи же мнѣ, кто бы былъ чуждъ рабства. Иной служитъ похоти, иной скупости, иной славолюбію, а страху всѣ“. Между тѣмъ „нѣтъ гнуснѣе рабства какъ самопроизвольное“. — Въ августовской книжкѣ журналъ высказалъ, правда, все еще въ отвлеченныхъ формахъ, свой взглядъ на важное значеніе крестьянскаго сословія въ государствѣ: „престолъ цѣлаго свѣта не принудилъ бы меня забыть людей, оный укрѣпляющихъ (говоритъ Аристидъ въ статьѣ, озаглавленной его именемъ) [2]). Тогда бы я его занялъ, когда бы сходилъ и облобызалъ плугъ, пилу и серпъ, твердость его составляющіе“. — Въ томъ-же номерѣ журнала, въ стихотвореніи „Быль“ [3]), крестьянинъ является уже не въ одеждѣ древняго раба, а въ своемъ собственномъ образѣ. Баринъ дурно обращается съ усерднымъ крѣпостнымъ слугою: бранитъ и бьетъ его, и при этомъ разсуждаетъ:

Онъ долженъ милостью моею быть доволенъ,
Что въ томъ, что онъ не воленъ?
Онъ пьетъ и ѣстъ мое
Онъ носитъ не свое,
Его я одѣваю,
Заботы всей лишаю.
. . . . . .

[1]) Тамъ-же, ч. I, стр. 61—68.
[2]) Тамъ-же, ч. II, стр. 268—269.
[3]) Тамъ-же, ч. II, стр. 307—310.

Но ты бранишь и бьешь его, иной мнѣ скажетъ.
Да, такъ: но Ѳеодотъ на то вить и рожденъ:
Не господиномъ онъ, рабомъ произведенъ.

Выведенный изъ терпѣнія, Ѳедотъ однажды на брань барина: „Хамово ты племя!“ отвѣтилъ замѣчаніемъ: а вы хоть рождены отъ Іафета или Сима, но я знаю, что Хамъ братъ Симу и Іафету, и я вамъ, потому, братъ. Барину это показалось обидно („Глаза вить правда колитъ“), и онъ велѣлъ отодрать Ѳедота на конюшнѣ плетьми. — Въ одной изъ эпиграммъ той-же книжки Вечерней Зари („На Мечтона“)[1]) мы встрѣчаемъ такого рода стихи:

Мечтонъ душъ съ тысячу крестьянъ однихъ имѣетъ,
Но самъ онъ безъ души.

Это живо напоминаетъ намъ сатиру на помѣщиковъ въ Трутнѣ и Живописцѣ.

Подобно Московскому Изданію, Вечерняя Заря напечатала прекрасное сочиненіе „О поединкахъ“ [2]), основная мысль котораго заключена въ словахъ: „Остерегайся смѣшивать священное имя благородна чувства въ защищеніи своея чести съ тѣмъ звѣрскимъ предразсужденіемъ, которое всѣ добродѣтели поставляетъ въ шпагѣ“. Честь защитить можно только „трезвою и непорочною жизнью“. Храбрость не заключаетъ въ себѣ всѣхъ должностей, и не заставитъ ложь быть истиною, воровство законнымъ и т. д.; доказывать убійствомъ невиновность въ убійствѣ нельзя. „Нѣтъ больше никакого права, кромѣ силы“,—это—звѣриное разсужденіе. Въ древнія времена, во времена доблести, поединковъ не было,—Цезарь не вызывалъ на дуель Катона. (Мы видимъ здѣсь опять, замѣтимъ кстати, что для изданій Новикова исторія служитъ основой для рѣшенія современныхъ вопросовъ). Гражданинъ обязанъ сохранять свою жизнь для отечества. Отказаться отъ дуели—не стыдно: презирать за это будутъ лишь празднолюбцы и злобные, — добрый и честный человѣкъ зависитъ не отъ мнѣнія другихъ, а отъ природы вещей. Истинное мужество презираетъ поединокъ. Военные, продающіе кровь свою за деньги, достойны позора со всѣми ихъ криками о чести. (Вспомнимъ, что такихъ искателей приключеній и золота много являлось въ Россію во времена Екатерины).

Разсужденіемъ пришедши, какъ мы видѣли [3]), къ заключенію, что высшая добродѣтель есть доброта, ибо она распространяется на *всѣхъ*, Вечерняя Заря не могла, подобно Москов. Изданію, признать войну по-

[1]) Тамъ-же, ч. II, стр. 316.
[2]) Тамъ-же, ч. I, стр. 113—121.
[3]) Тамъ-же, ч. II, стр. 116—131.

лезной, дающей случай проявляться добродѣтелямъ. Война осуждается въ Вечерн. Зарѣ безусловно. Она противна правдѣ и человѣческой природѣ (говорится въ сочиненіи „Антрополитъ“)[1]),—человѣкъ назначенъ украшать себя новыми познаніями и приводить душу въ совершенство, а не для войны. Слава героевъ—ложная слава.—Другое сочиненіе отрицаетъ величіе Александра Македонскаго, „не внявшаго стенаніямъ отечества“ и ввергшаго его въ бѣдствія войнъ.—Война погубила многія царства (говоритъ „Ода къ войнѣ“)[2]); она губитъ образованность, свѣтъ наукъ, искусства, свободу. Не ее, а миръ надо прославлять[3]), миръ, среди котораго земледѣлецъ спокоенъ, поля цвѣтутъ, цвѣтетъ торговля, развиваются науки и искусства; старцы умираютъ спокойно, поддерживаемые своими сыновьями; жены не оплакиваютъ мужей; „законный чинъ процвѣтаетъ въ вещахъ“. О, если бы миръ овладѣлъ всѣми сердцами, и превратилъ мечи въ серпы! — Мудрый царь подымаетъ мечь лишь для защиты народа[4]).—Пріятно умереть защищая отечество (говоритъ эпиграмма „Любовь къ отечеству“)[5]),

Но для отечества еще пріятнѣй жить.

Царь и народъ не имѣютъ никакого права угнетать другіе народы[6]). — Такое рѣзкое и настойчивое осужденіе войны и прославленіе мира въ новиковскомъ изданіи, быть можетъ, можно считать оппозиціей этого изданія войнолюбивымъ и славолюбивымъ стремленіямъ многихъ дѣятелей тѣхъ временъ.

Журналъ коснулся нѣкоторыхъ вопросовъ внутренней политики государства, правда — коснулся мимоходомъ, въ отвлеченныхъ формахъ: но, быть можетъ, таковы были условія тогдашняго времени. — Статья „Аристидъ, разсуждающій о политическихъ дѣлахъ“ [7]) говоритъ о налогѣ. Налогъ долженъ распространяться на всѣхъ; „я не знаю (замѣчаетъ Аристидъ) ничего такъ нелѣпаго, какъ изключить отъ тягостей сына за отцовскія услуги, или жреца, потому что его должность состоитъ въ призываніи боговъ на помощь отечеству“. Налогъ долженъ быть основанъ на ежегодномъ доходѣ; а такъ какъ такой доходъ даетъ земля, то, слѣдовательно, налогъ долженъ быть на землю. Притомъ его надо налагать съ согласія гражданъ, — не

[1]) Тамъ-же, ч. II, стр. 216—230, Восточ. анекдоты. Анек. 3-й.
[2]) Тамъ-же, ч. II, стр. 152—155.
[3]) Тамъ-же, ч. II, стр. 155—158, Ода къ миру.
[4]) Тамъ-же, ч. II, стр. 152—155.
[5]) Тамъ же, ч. II, стр. 79—80.
[6]) Тамъ-же, ч. II, стр. 198—199.
[7]) Тамъ-же, ч. II, стр. 196—216.

надо думать, „что человѣкъ могъ потерять право на законно имъ владѣемое“.

„Разсужденіе О познаніи самого себя“ между прочимъ говоритъ о законахъ: государи (замѣчаетъ оно) не должны «предписывать законы по своему произволенію и склонности“. Но, къ сожалѣнію, вслѣдствіе неясности слога нельзя понять — желаетъ ли разсужденіе, чтобы законы во всѣхъ странахъ были одинаковы, или чтобы законы всякаго народа были согласны съ обычаями этого народа [1]). — Въ сочиненіи „Аристидъ на Марѳонскомъ полѣ, или истинный Патріотъ“ журналъ выразилъ свое мнѣніе, что государство можетъ воспользоваться церковнымъ имуществомъ въ случаѣ нужды: лучше церковное достояніе употребить „на поддержаніе необходимо нужной войны, или на облегченіе рушительнаго бѣдствія“, чѣмъ „приказывать продажу хижины нищаго, плуга земледѣльцева и пшена, питающаго дѣтей его“ [2]).

Нравственность Вечерняя Заря считала выше политическихъ расчетовъ и подчиняла послѣдніе первой. Въ статьѣ „Великодушіе и неблагодарность“ разсказывается, какъ одинъ знатный испанецъ, побуждаемый политическими соображеніями, отплатилъ индѣйскому князю, спасшему ему жизнь, согласіемъ на его казнь; статья осуждаетъ этотъ поступокъ: нравственный долгъ, по ея мнѣнію, долженъ быть выше „непоколебимыхъ опредѣленій правленія“ и „возстановленія всеобщей тишины“ [3]).

Относительно формъ государственнаго правленія, Веч. Заря, кажется, подобно предшествовавшимъ ей изданіямъ, не имѣла опредѣленныхъ взглядовъ. По окончанію статьи „Аристидъ, изгоняемый изъ отечества“ [4]) можно, повидимому, подумать, что журналъ сочувствуетъ республикѣ или ограниченной монархіи. Но едва-ли это такъ: 18-ый вѣкъ былъ до такой степени привязанъ къ резонерству и фразѣ, что они забрались даже въ новиковскія изданія. Въ Вечерней Зарѣ мы видимъ ту-же двойственность въ отношеніяхъ къ монархической власти, къ государямъ, какую мы видѣли въ Московс. Изданіи и Утреннемъ Свѣтѣ.

[1]) Тамъ-же, ч. II, стр. 250—251.
[2]) Тамъ-же, ч. II, стр. 143—145.
[3]) Тамъ-же, ч. I. стр. 157.
[4]) Тамъ-же, ч. II, стр. 279—280: „Одинъ человѣкъ можетъ быть душею республики: но республика должна полагать границы его духу, посылать его предъ собою и попускать, чтобы онъ царствовалъ, естьли тебѣ угодно, повелѣвая самимъ собою. Наша Республика, изгнавъ Царей, сопрягла ненависть съ властительствомъ, и сія ненависть должна жить въ сердцѣ всякаго Аѳинянина съ вольностію. Впрочемъ, любезный сынъ, закроемъ сіе завѣсою“.

„Царь царствуетъ надъ вольнымъ народомъ“, говоритъ одно сочиненіе [1]). „Безпредѣльная власть была бы обидою цѣлому свѣту“, добавляетъ другое [2]). Слава государя не въ томъ, замѣчаетъ третье [3]), чтобы всякій дрожалъ передъ нимъ какъ передъ тигромъ, не въ роскоши, не въ дерзости безъ ума, не во владѣніи многими народами. Аѳиняне чувствовали презрѣніе къ невольникамъ и вѣчную ненависть къ тиранамъ [4]). Союзъ людей произошелъ вслѣдствіе необходимости и для пользы, удобства и пріятности; но въ него замѣшались сила и роскошь, и стали являться люди, попирающіе человѣческія должности и народныя права для достиженія вѣнца. Повинуйся не произволу такихъ лицъ, а законамъ, совѣтуетъ Аристидъ [5]), помни, что ты рожденъ свободнымъ и не бойся тюрьмы. Слезы, вызванныя правителемъ, подроютъ основаніе престола и причинятъ паденіе скиптру [6]). Такъ говоритъ журналъ съ одной стороны. — Съ другой стороны, онъ-же находитъ, что государи до такой степени высоко стоятъ надъ народомъ, что могутъ научать его своими законами доброй нравственности [7]). — Что дѣлать, если монархъ употребляетъ во зло свою власть? (задается вопросъ въ статьѣ „Аристидъ, разсуждающій о политическихъ дѣлахъ“) „Покориться и лить слезы (отвѣчаетъ статья); слезы тогда становятся свидѣтельствомъ и всегдашними упреками на его забвеніе..... Когда уже учинена присяга и дана вѣрность, въ какой бы ты степени ни приближился къ Трону, прикосновеніе къ оному есть осквернѣніе. Возмутитель есть вѣроломецъ, стыдъ Государя и ужасъ государства“. Если бы я былъ подъ правленіемъ государя достойнаго моего презрѣнія (говоритъ Аристидъ), то все-таки я пронзилъ бы всякаго, кто обагрится кровью его, хотя бы потомъ былъ принесенъ я въ жертву. „Нѣтъ ничего священнѣе Государя, ничего нѣтъ мерзостнѣе бунтовщика“. Кто-же будетъ судіей государя (спрашиваетъ Аристида Клисѳенъ), если онъ будетъ угнетать народъ? — Законъ, отвѣчаетъ тотъ. — Но кто исполнитъ опредѣленіе закона и приговоръ? — Тѣ лица, „которыя опредѣлены были внести условія въ договоры“. — Но есть государства, которыя, „учинивъ обязательства предъ олтаремъ, ввѣрили оныя Государю“. — „Можетъ быть у нихъ-то (поканчиваетъ споръ Аристидъ) они ни малѣйше не повреждены“, потому что „польза Государя требуетъ не употреблять ихъ во зло“, сверьхъ того — государи также подлежатъ власти боговъ и имѣютъ совѣсть... [1]). Свое, такъ-сказать, равнодушіе къ формѣ правительства Веч. Заря всего яснѣе выразила въ сочиненіи „Отвѣты восьми Греческихъ Философовъ на данный запросъ: какое народное правленіе счастливо“? [2]) Та страна счастлива (по общему смыслу отвѣтовъ Философовъ), гдѣ виновный выходитъ изъ суда со вредомъ, граждане боятся закона, гдѣ нѣтъ излишне бѣдныхъ и богатыхъ, „гдѣ все равно для всѣхъ, гдѣ казни не страшатъ“, гдѣ всѣ предпочитаютъ всему добродѣтель, гдѣ стыдъ страшнѣе закона, гдѣ управляютъ народомъ добрые, гдѣ исполняются требованія законовъ, а не законниковъ. Т. е. выходитъ, что счастье народа совершенно не зависитъ отъ формы правленія. — Бороться противъ утѣсняющихъ народъ (говоритъ статья „Аристидъ, изгоняемый изъ отечества“) можно только *наставленіемъ* людей: природа ихъ не испорчена, а лишь виновна ихъ воля; если не послушаютъ, ты не имѣешь права ихъ наказывать [3]).

Изъ этихъ послѣднихъ словъ видно, во 1-хъ, что къ Новикову вовсе не могли идти упреки въ возбужденіи въ обществѣ какихъ-либо революціонныхъ стремленій; во 2-хъ, изъ нихъ можно понять — какое значеніе придавалъ онъ слову. Въ Вечерней Зарѣ между загадками, служащими по большей части для забавы или нравоученія, есть одна (на слово „перо“), имѣющая серьезный смыслъ и прекрасная по литературной формѣ своей; она выражаетъ взглядъ журнала на значеніе и силу литературы:

Умѣю я ругать, умѣю я хвалить

(говорится въ ней про перо въ рукахъ писателя):

Узду на всѣхъ я налагаю,
Сердца могу къ любви и гнѣву воспалить,
Царямъ и мудрымъ помогаю.
Я часто въ вышнюю тѣхъ степень возвожу,
Кто мною дѣйствуетъ разумно;
Но въ посмѣяніе того я привожу,
Кто мною властвуетъ безумно [4]).

Уже Моск. Изданіе признало пользу и необходимость сатиры. Еще яснѣе выразила свое сочувствіе къ ней Вечерняя Заря. Сатира и законъ родились вслѣдствіе паденія людей (говоритъ одна эпиграмма) [5]); цѣль и той и другаго — „поправить свѣтъ“. „Castigat ridendo

[1]) Тамъ-же, ч. II, стр. 199.
[2]) Тамъ-же, ч. II, стр. 201.
[3]) Тамъ-же, ч. III, стр. 332—333.
[4]) Тамъ-же, ч. II, стр. 199.
[5]) Тамъ-же, ч. II, стр. 275—276.
[6]) Тамъ-же, ч. II, стр. 202.
[7]) Тамъ-же, ч. II, стр. 251.

[1]) Тамъ-же, ч. II, стр. 199—201. См. тоже II, 270—271.
[2]) Тамъ-же, ч. I, стр. 112—113.
[3]) Тамъ-же, ч. II, стр. 271—273.
[4]) Тамъ-же, ч. II, стр. 317—318. Загадка 3-ья.
[5]) Тамъ-же, ч. I, стр. 74—76. Эпигр. 2-ая.

mores, т. е. смѣхъ исправляетъ нравы", свидѣтельствуетъ одинъ „Ученый анекдотъ" [1]). Нѣкто „Несмыслъ" (въ эпиграммѣ на него) [2]) не посѣщаетъ театра потому, что тамъ осмѣиваются пороки, а онъ не терпитъ насмѣшекъ надъ собою. — Сатира Веч. Зари преслѣдуетъ самолюбіе и безучастіе къ бѣднымъ [3]), педантизмъ [4]), пристрастіе къ картежной игрѣ [5]), тщеславіе своимъ родомъ и положеніемъ [6]), жизнь, чуждую нравственныхъ интересовъ [7]). Но она не ограничивается этими общечеловѣческими пороками; главное вниманіе ея обращено на пороки современной ей русской жизни. Такъ, мы встрѣчаемъ въ журналѣ обличеніе невѣжества людей, которые въ ученьѣ, въ наукѣ не видятъ пользы. Въ „Рондо" [8]), стихотвореніи очень схожемъ съ знаменитой сатирой Кантемира „На хулящихъ ученіе", скупой говоритъ, что учиться и читать, это значитъ „проводить время въ пустомъ"; онъ ссылается на нашихъ прадѣдовъ, которые не знали русской грамотѣ, да жили себѣ; отъ ученья богатъ не будешь; а между тѣмъ отъ него происходятъ болѣзни, ереси (у просвѣщенныхъ не Илія пророкъ посылаетъ громъ, а нѣкія силы). Брось ученье (совѣтуетъ всякому скупой), исчисли всѣ протори и убытки отъ него, и „загладь сіи грѣхи молитвой и постомъ". — Встрѣчаются въ Веч. Зарѣ (впрочемъ, такихъ сочиненій не много) и обличенія взяточничества. Въ одной загадкѣ [9]) совѣсть говоритъ: нынѣче, когда всѣ прилѣпились къ внѣшности, къ наружности, и стыдятся видѣть во мнѣ свою душу,

Презрѣннѣй всѣхъ вещей на свѣтѣ стала я,
Клянетъ теперь меня и самъ иной судья.

Здѣсь (гласитъ „Эпитафія Взятколюбову") [10]) лежитъ судья, который не подъячій былъ, а сущій сатана; онъ былъ крючкотворецъ и бралъ со всѣхъ взятки, безъ денегъ не дѣлалъ ничего; правый былъ у него виноватъ и виноватый правъ; — прохожій, ты не мало досаждаешь ему — даромъ читая его надгробную. — Болѣе, чѣмъ о вышеприведенныхъ, родныхъ нашихъ порокахъ, говорила Веч. Заря о порокахъ заимствованныхъ нами, о распутствѣ нашего общества 18-го вѣка, о пристрастіи его къ французскимъ модамъ и нравамъ. „Цѣломудренныя Виргиніи нынѣ суть сокровище почти намъ неизвѣстное (говоритъ авторъ разсказа „Виргиній и Аппій") [1]). Мы не хотимъ быть столько несправедливыми, чтобъ противъ всякихъ опытовъ охулить всѣхъ нашего времени дѣвицъ, относительно до цѣломудрія; а хотимъ сказать только то, что мы въ наши дни не столько счастливы, чтобъ сладострастіе и распутство почитаемы были рѣдкими пороками..... Волокиты не имѣютъ нужды употреблять ясное насиліе и ломать себѣ голову въ изысканіи хитрыхъ способовъ, ибо постыдная ихъ страсть безъ малѣйшаго затрудненія находитъ себѣ еще больше пищи, нежели сколько ей потребно, и, что еще болѣе достойно сожалѣнія, то премногіе родители столь мало пекутся о цѣломудріи своихъ дочерей, что они, воспитывая ихъ слабо, сами бываютъ причиною порочной ихъ жизни". Въ цѣломъ рядѣ эпиграммъ, эпитафій, стансовъ [2]) журналъ осмѣиваетъ роскошныхъ и распутныхъ тунеядцевъ, а также лишенныхъ стыда и всякой способности къ истинному чувству красавицъ, для которыхъ привлекательно одно только золото. — Щеголихи и щеголи, такъ хорошо знакомые намъ по Трутню и Живописцу, снова являются передъ нами въ Веч. Зарѣ. — Щеголиха Разврата [3]), зашедши въ русскую лавку, не хочетъ купить тамъ ни лентъ, ни булавокъ, ни шпилекъ, потому что купецъ не дорого спросилъ за нихъ, и онѣ, вслѣдствіе этого, кажутся ей русскими; она даже бранитъ за это купца, и спѣшитъ во французскую лавку, гдѣ ей все нравится и гдѣ она съ удовольствіемъ платитъ въ-три-дорога.

А вы, издатели французскихъ разныхъ модъ,
Достойны всякой славы!

(обращается журналъ къ французамъ-торговцамъ),

Вы русскій учите перемѣнять народъ
Свои на ваши нравы.

Одинъ изъ такихъ достойныхъ славы французовъ, Ле-Пти-Дьяблетъ (разсказываетъ сочиненіе „Французскій променадъ") [4]) былъ въ отечествѣ сперва пивоваромъ, потомъ кузнецомъ; но, пріѣхавъ въ Россію съ предметами роскоши, сталъ тотчасъ дворяниномъ и началъ торговать и обогащаться посредствомъ плутней; а мы, конечно, цѣнимъ товары его несравненно дороже нашихъ муки и сала (прибавляетъ сочиненіе).— Стихотвореніе „Байрамъ на Сѣверѣ" [5]) сообщаетъ читателямъ журнала

[1]) Тамъ-же, ч. I, стр. 71.
[2]) Тамъ-же, ч. II, стр. 316, Эпигр. 2-ая.
[3]) Тамъ-же, ч. I, стр. 162—163, „Рондо".
[4]) Тамъ-же, ч. I, стр. 165—166, эпигр. 2-я; 346—347, эпигр. 1-ая.
[5]) Тамъ-же, ч. II, стр. 158—159, эпигр. 2-ая
[6]) Тамъ-же, ч. I, стр. 157—162, анек. 1-ый.
[7]) Тамъ-же, ч. II, стр. 317. Эпитафія Столѣтнему младенцу.
[8]) Тамъ-же, ч. I, стр. 343—345.
[9]) Тамъ-же, ч. II, стр. 160, загадка 3-ья.
[10]) Тамъ-же, ч. II, стр. 80—81.

[1]) Тамъ-же, ч. III, стр. 60—61.
[2]) Тамъ-же, ч. II, стр. 80—81, эпит. 2-ая; 158—159, эпигр. 4 и 5-ая; 234—235, эпигр. 1 и 2-ая; ч. III, стр. 162, стансъ; 164—165, эпигр. 2-ая (Дряхлонъ къ Цвѣтидѣ).
[3]) Тамъ-же, ч. II, стр 230—233, „Быль, Французская лавка".
[4]) Тамъ-же, ч. II, стр. 311—314.
[5]) Тамъ-же, ч. III, стр. 243—246.

о страшномъ несчастіи, постигшемъ всѣхъ модницъ и французскихъ торговокъ: перестали носить широкія накладки и нѣкоторые другіе модные наряды!

О сколь теперь убогъ Россійскій сталъ народъ!

Мы, было, нашли себѣ во французахъ друзей, которые, сожалѣя о Россіи, стали удѣлять намъ отъ своихъ богатствъ,—

За то, что мы лишь хлѣбъ и злато имъ давали,
Они нарядами насъ щедро снабдѣвали...

И вдругъ — такое несчастіе! Но стихотвореніе совѣтуетъ французскимъ торговкамъ утѣшиться: изобрѣтите (говоритъ оно) накладки поуже и уловляйте Россіянокъ въ другую сѣть. „Байрамъ на Сѣверѣ“, перечисляя различные модные наряды, между прочимъ упоминаетъ о „филе“; это по-русски — сѣть (объясняетъ примѣчаніе), изобрѣтенная для уловленія и задержанія сердецъ; „а какъ сіе нынѣ чуть ли не малымъ ребенкамъ уже извѣстно, то сочинитель по скромности дальнѣйшее объясненіе умалчиваетъ, а между прочимъ совѣтуетъ только госпожамъ носительницамъ сихъ сѣтей находящихся въ отлучкѣ отъ своихъ должностей, какъ-то отъ полковъ, отъ разсудка и благонравія, праздно шатающихся вѣтренныхъ бездѣльниковъ уловлять и отсылать куда надлежитъ; за труды же въ награжденіе могли бы онѣ получить новоизобрѣтенное украшеніе головы, называемое *разумъ*, къ груди пучекъ цвѣтовъ, называемый *непорочность*, и рѣдкое новоманерное платье, именуемое *наблюденіе своихъ должностей*“. — Еще въ менѣе привлекательномъ свѣтѣ, чѣмъ кокетокъ, изобразила Вечерняя Заря модныхъ франтовъ, этихъ упомянутыхъ выше людей, „находящихся въ отлучкѣ отъ разсудка“. Отвяжись отъ меня съ наукой! говоритъ 20-лѣтній щеголь [1]), я и романы съ трудомъ читаю.

Не въ философіи дворяне родились;

дворянину довольно умѣть болтать по-французски, „обходиться съ вертопрахами“, одѣваться щегольски, причесываться и поступать по модѣ, показываться въ свѣтъ франтомъ. — Эпитафія одному „Щеголеватому красавцу“ [2]) свидѣтельствуетъ, что этотъ красавецъ умеръ твердо, но съ горестнымъ чувствомъ:

„Ахъ! въ чемъ мнѣ умереть? Не сшитъ мой модный фракъ!“

произнесъ его коснѣющій языкъ. — Удивительно — отчего Вечерняя Заря ничего почти не говоритъ объ учителяхъ-французахъ; въ одной только „Эпитафіи Великому мужу“ [3]) встрѣчается намекъ на нихъ:

[1]) Тамъ-же, стр. 246—247.
[2]) Тамъ-же, стр. 165.
[3]) Тамъ-же, стр. 250—251.

здѣсь лежитъ (сказано въ ней) человѣкъ великій именемъ и дѣлами, которому между нами нѣтъ равнаго:

Портной, учитель и Французъ.

Всѣ упомянутыя до сихъ поръ сатирическія сочиненія совершенно схожи съ такими-же произведеніями первыхъ журналовъ Новикова, уступая, впрочемъ, часто этимъ послѣднимъ въ литературномъ достоинствѣ. Но есть въ Вечерней Зарѣ одна сатира, которая далеко превосходитъ все, что до тѣхъ поръ появлялось въ этомъ родѣ въ новиковскихъ изданіяхъ. Я разумѣю—„Наставленіе молодому Суетону, вступающему въ свѣтъ“ [1]). Это не простодушный, непосредственный, хотя живой и художественный смѣхъ, къ какому мы привыкли въ Трутнѣ и Живописцѣ, это смѣхъ инаго рода — проникнутый серьезною думой; сквозь живую иронію въ немъ слышится глубокое негодованіе и твердая вѣра сатирика въ могучую силу своего убѣжденія, выработаннаго путемъ философской мысли и не-даромъ прожитой жизни. Этотъ смѣхъ отчасти напоминаетъ намъ, теперь, ту сатиру, которая появилась 40 лѣтъ спустя послѣ Вечерней Зари въ поразившей все русское общество знаменитой комедіи Грибоѣдова. „Наставленіе молодому Суетону“ рисуетъ тишъ щеголя. Если ты желаешь почесться въ свѣтѣ благороднымъ, совѣтуетъ сатирикъ франту, то чешись и одѣвайся по модѣ, румянься и бѣлись, заведи щегольской экипажъ и скачи въ немъ по улицамъ, давя народъ,

Французскимъ языкомъ и въ русскомъ щеголяй,

ничего не думай никогда,

Ты долженъ стыдъ изгнать, ученіе оставить,
Безстыдство вмѣсто нихъ съ невѣжествомъ возставить;
Себя ты внутренно всѣхъ лучше почитай,
Не слушай никого, одинъ лишь все болтай;
Суди о всѣхъ вещахъ, хоть ничего не знаешь, —
Ты симъ почтеніе себѣ пріобрѣтаешь.

Читай только пустяки, а изъ философскихъ книгъ лишь тѣ, которыя отрицаютъ душу и вѣчность.

Богатымъ кланяйся, на бѣдныхъ не гляди;
Передъ чиновными ты подло унижайся,
Надъ нищими гордись, а часто и ругайся,
Подвластными тебѣ не очень дорожи,
Иль изрѣдка ты имъ видъ милости кажи.

Суди о людяхъ не по нравамъ ихъ, а по платью. Вступи въ военную службу и служи лишь по имени, лежа на боку—покупай чины. Под-

[1]) Тамъ-же, стр. 70—73.

бери съ полсотни любовницъ, гори притворной любовью, хвастайся, что, прельщая красавицъ, тотчасъ-же дѣлаешься имъ невѣрнымъ; и никогда не губи своей вольности женитьбой: останься холостымъ, или, женясь на богатой, тотчасъ-же разведись съ ней, какъ это водится въ дворянствѣ. Играй въ карты и плутуй при этомъ,—черезъ карты можно получить дружбу министра.

Крестьянъ ты раззоривъ продай иль заложи,
И деньги взявъ за нихъ на карту положи.

Не щади модныхъ ужимокъ и жестовъ: коверкайся, вертись, шаркай ногами, свисти, хохочи, бей въ ладоши, крехти, плюй, громко сморкайся. Говоря съ женщиной, мели ей всякій вздоръ, хвали ея уборы, тверди о любви.

Еще-жъ знать всякому потребно офицеру —
Оспорить въ полчаса и опорочить вѣру.

При этомъ будь непостояненъ:

Все дѣлай тлѣннымъ, все ты дѣлай безконечнымъ,
Сей міръ ты признавай то временнымъ, то вѣчнымъ;
То тѣломъ иногда ты душу называй,
То духа имя ей изъ милости давай.

Скажи, наконецъ, что нѣтъ Бога, что натура произвела свѣтъ, что вѣра есть обманъ. Притворись иногда, что жизнь тебѣ наскучила; говори, что сельскую тишину предпочитаешь ты городскому шуму. Скажись иногда, по модѣ, больнымъ и наблюдай діэту. Затѣмъ

Похвально, естьли ты обиды не прощаешь,
Безчестенъ будучи, честь шпагой защищаешь.
Ты смѣло безъ вины соперника рази,
За грубыя слова и друга грудь пронзи.

Въ концѣ концовъ:

Ѣшь, пей и веселись, во всѣ вдавайся страсти.
Надъ добродѣтелью побѣду одержи,
На совѣсть, здравый умъ оковы наложи.
Низвергнувъ сихъ враговъ, своей послѣдуй волѣ.—

Въ этомъ во всемъ и состоитъ прямое благородство человѣка, —

Симъ можешь ото всѣхъ ты отличить себя.
Какое счастіе, честь, слава для тебя!

Изъ моего подробнаго изложенія сатиры читатель замѣтилъ, конечно, въ ней слѣды почти всѣхъ тѣхъ идей, которыя развивались въ Моск. Изданіи и Вечерней Зарѣ. Юморъ сатирическихъ журналовъ Новикова явился здѣсь проникнутый и преображенный этими идеями.

Масонство выразилось въ Веч. Зарѣ въ „Предъувѣдомленіи“ къ журналу (что, къ сожалѣнію, набрасываетъ тѣнь масонства на все изданіе) и въ статьяхъ, оканчивающихъ каждый номеръ его и носящихъ общее названіе „Египетской Богословіи“ или „Египетскаго ученія“.— „Предъувѣдомленіе“ говоритъ о потерѣ людьми истиннаго свѣта знанія, которымъ владѣлъ Адамъ. Впрочемъ, этотъ свѣтъ не совсѣмъ потерянъ, замѣчаетъ оно, и заводитъ рѣчь о путяхъ къ его отысканію. Этими путями оказываются не какія-нибудь масонскія таинства и упражненія, сообщающія знанія помимо ученія и размышленія, а обыкновенные пути человѣческой мысли: изученіе себя самого, а затѣмъ природы и Св. Писанія. Такимъ образомъ, масонство „Предъувѣдомленія“—довольно сомнительное масонство.—Что касается до „Египетскаго ученія“, то это, по большей части, ничто иное, какъ отвлеченно-идеалистическія разсужденія о Богѣ, человѣкѣ и природѣ, о противоположности тѣла и духа [1]). Собственно масонскимъ въ „Египетскомъ ученіи“ должно признать слѣдующее: во 1-хъ, самое это общее названіе статей и источникъ, изъ котораго пріобрѣтены онѣ: онѣ напечатаны, по всей вѣроятности, съ какой-нибудь рукописи, хранившейся у братьевъ ордена и почитавшейся очень древнею. Во 2-хъ, положеніе о противоположности между истиннымъ, или Божественнымъ ученіемъ и ложнымъ, или мірскимъ ученіемъ. Всѣ познанія получаются, говоритъ одна статья [2]), или внѣшнимъ человѣкомъ, т. е. чувствами, или внутреннимъ человѣкомъ, т. е. внутренними чувствами и откровеніемъ; первыя познанія совершенно обманчивы и ложны, и утверждающійся на нихъ есть мірской Мудрецъ, противоположный истинному Ученому. Разумъ ни намъ, ниже кому-либо другому не принадлежитъ (учитъ глава „О душѣ міра“) [3]). „Онъ вездѣ присносущъ, вся исполняяй“. Божественная премудрость—мать, жизнь, душа міра, которая можетъ все вдругъ обозрѣть, имѣетъ попеченіе о всяческихъ, будучи притомъ еще присутственною въ твореніи своемъ. Эта Божественная премудрость напоминаетъ намъ ту Jungfrau Sophia, о которой было говорено при обозрѣніи нашего масонства.—Можно, повидимому, подумать, что указанное выше (при разсмотрѣніи философскихъ статей Вечерней Зари) ученіе журнала о различіи между разсудкомъ и разумомъ, между знаніемъ, доступнымъ нашему уму, и знаніемъ, которое дано откровеніемъ,

[1]) Среди этихъ разсужденій слѣдуетъ указать на одну очень дѣльную мысль: въ ученіи „О познаніи душевнаго безобразія и красоты“ между прочимъ говорится: всѣ наши дѣйствія и мысли не исчезаютъ безслѣдно для насъ, а производятъ въ нашей душѣ перемѣну, хотя мы и не совсѣмъ ее видимъ, по привязанности нашей къ плоти. Тамъ-же, ч. I, стр. 263.

[2]) Тамъ-же, ч. II, стр. 161—162.

[3]) Тамъ-же, ч. III, стр. 167—168.

есть ничто иное, какъ развитіе сейчасъ приведенной масонской идеи. Но это далеко не такъ: по философіи Веч. Зари познанія, пріобрѣтенныя нашимъ умомъ, не считаются обманчивыми и лживыми, они не противорѣчатъ откровенію, а согласны съ нимъ; что-же касается разума, то онъ признается принадлежащимъ человѣку, такъ-же, какъ и разсудокъ. Мысль журнала ушла слишкомъ далеко отъ масонства. — Въ 3-хъ, масонскимъ слѣдуетъ признать въ „Египетскомъ ученіи“ странный разсказъ о происхожденіи животныхъ: глава „О способѣ, какимъ родились въ свѣтъ животныя“ [1]) повѣствуетъ, что, создавая міръ, Богъ велѣлъ первоначально отдѣлиться землѣ отъ воздуха, а огню образовать солнце; послѣ этого, отъ безпрестаннаго обращенія земнаго шара вокругъ себя, вода отдѣлилась отъ земли; отъ сіянія солнца на земной поверхности вздулись такъ-сказать гнилыя опухоли; въ этихъ опухоляхъ были зародыши, получавшіе пищу изъ окружающаго ихъ ночью мрака, а укрѣпленіе днемъ отъ солнца. Когда „сіи порожденія достигли своего совершенства“, покрывающая опухоль кожица лопнула, и явились различные роды животныхъ. Разсказъ этотъ совершенно масонскій, и Веч. Заря помѣстила его, конечно, — вѣруя въ то, что орденъ владѣетъ нѣкоторыми древними знаніями. Но должно замѣтить, что разсказъ говоритъ о томъ, чего еще наука не знаетъ: журналъ Новикова едва ли бы рѣшился напечатать такія масонскія бредни, которыя по-своему толкуютъ о вещахъ, уже изслѣдованныхъ наукою, и, слѣдовательно, явно расходятся съ нею.—Наконецъ, въ 4-хъ, масонскимъ оказывается еще положеніе послѣдней главы Египетскаго ученія [2]), положеніе, гласящее, что міровой разумъ или Божество есть „совершеннѣйшій прямоугольный треугольникъ“, одна сторона котораго означаетъ мужское начало (|), другая — женское (—) и третья — ихъ порожденіе (\ ).

И такъ, масонство Вечер. Зари есть, во-1-хъ, масонство не полное, а во-2-хъ, оно явно расходится съ основными идеями журнала. Видно, что Новиковъ вѣритъ въ таинственныя знанія ордена; но въ то-же время видно, что вѣра эта—не живая: мысль у него идетъ совершенно независимо отъ ордена, обыкновенными путями человѣческаго ума. Онъ, должно быть, и мало свѣдущъ въ орденскихъ знаніяхъ: масонство извѣстно ему преимущественно со стороны своего отвлеченнаго идеализма.

Въ Веч. Зарѣ есть и сочиненія нравоучительныя и отвлеченно-

[1]) Тамъ-же, стр. 252—254.
[2]) Тамъ-же, стр. 335—338.

идеалистическія [1]). Но ихъ, во-1-хъ, менѣе, чѣмъ въ Моск. Изданіи, а во-2-хъ, въ нихъ не такъ рѣшительно проводится отрицаніе жизни, какъ прежде. „Мудрость“ въ нихъ не унижается, умъ не ставится низко, какъ мы видѣли это въ предъидущемъ журналѣ. Сочиненій, сантиментально прославляющихъ дружбу, въ Веч. Зарѣ совсѣмъ нѣтъ. Про смерть не говорится, что она безконечно выше жизни и что она одна учитъ истинной мудрости; журналъ наставляетъ только, что не должно ея бояться, ибо она ведетъ къ лучшему, а не къ худшему [2]); она кромѣ того показываетъ ничтожность земнаго величія и земной красы:

Взгляни на гробы ты, на пепелъ сей воззри,
И прахъ владѣтелей съ рабами разбери,

говоритъ „Душеспасительное размышленіе при воззрѣніи на гробы и прахъ мертвыхъ“ [3]):

Безумство распознай съ премудростью въ гробницахъ,
Пріятность, прелести найди въ истлѣвшихъ лицахъ!
Въ нихъ скрыта молодость, въ нихъ скрыты красоты,
Коль ты премудръ, смотри и различай ихъ ты!

Большая часть отвлеченныхъ сочиненій журнала состоитъ изъ религіозныхъ стихотвореній [4]), изъ которыхъ иныя не лишены поэтическаго достоинства:

И такъ потщись мой духъ престать
Во крѣпкихъ узахъ страстныхъ силъ,
Какъ въ вязкой тинѣ погружать
Полетъ своихъ душевныхъ крилъ!

[1]) *Ст. нравоучительныя*: Веч. Заря, ч. I, стр. 31 — 52 (Нравоучител. разсказы); 73—74 (Загадка,—добродѣтель); 78—79 (Эпиграммы); 124—124 (Каковъ долженъ быть человѣкъ съ достоинствами); 341 — 343 (Стансъ). Ч. II, 78 — 79 (Мадригалы, 3-ій); 216—230 (Восточные анекдоты, 1-ый). Ч. III, 155—156 (Кит. анекдоты, 1-ый); 233 — 242 (Китайск. анекдоты); 320—327 (Дѣтскіе анекдоты). *Ст. отвлеченно-идеалистическія*: ч. I, 74—76 (Эпиграммы, 4-ая); 200 (Эпигр. на безбожника). Ч. II, 64—76 (Кратк. повѣсти, 2-ая); 78—79 (Мадригалы, 2-ой); 131—133 (Три пути, вед. къ Премудрости); 195—196 (Мысли, почерпн. изъ бесѣды Іоан. Злат.); 252 — 264 (Разговоръ меж. Ал. и Діог. о равенствѣ благъ); 297—299 (Награжденное трудолюбіе). Ч. III, 49—50 Душеспасит. размышленіе); 74 (Мадригалы, 2-ой); 75—76 (Эпит., 1-ая).

[2]) Тамъ-же, ч. II, 64—76, 195—196.

[3]) Тамъ-же, ч. III, стр. 49—50.

[4]) Тамъ-же, ч. I, 26—27 (Преложеніе молитвъ), 29 (Рондо), 30—31 (Размышленіе обращающагося на путь истины); 110—112 (Преложенія Пѣсни Св. Дамаскина и Молитвы); 166 (Эпитафія Смерти), 199 (О Евангеліи), 200—202 (Стансы), 309—328 (Плачь Іереміевъ).—Ч. II, 51—55 (Пѣснь Всемогущему).—Ч. III, 43—46 (Гласъ Божій), 46—49 (Прелож. молитвы), 152—155 (Стансы и Перел. молитвъ).

говоритъ своей душѣ въ одномъ „Размышленіи“[1]) „обращающійся на путь истины“. Въ переложенномъ въ стихи „Плачѣ Іереміевѣ“ [2]) встрѣчается одна такого рода строфа:

Что днесь съ тобою я сравняю,
О, Іерусалимска дщерь?
Утѣшитъ кто тебя, не знаю,
И кто спасетъ тебя теперь?
Скажи ты, какъ себя избавишь,
И кѣмъ людей своихъ управишь,
Прервешь плѣненіе свое?
Твои пророки гнѣвъ твой знали;
Но о неправдѣ не сказали,
Сокрывъ злочестіе твое.

Должно еще замѣтить, что въ журналѣ есть двѣ-три статьи сантиментальныя [3]).

Присутствіе въ Веч. Зарѣ отвлеченно-холодныхъ нравоучительныхъ сочиненій есть, по всей вѣроятности, слѣдствіе пристрастія 18-го столѣтія къ резонерству и къ фразѣ безъ содержанія. Этимъ, а также присутствіемъ въ журналѣ сантиментальности можно объяснить—какъ попали въ него нѣкоторыя весьма нехорошія (въ умственномъ или нравственномъ отношеніи) цѣлыя сочиненія или отдѣльныя мысли. Приведу примѣры ихъ. Одинъ „Ученый анекдотъ“ [4]) говоритъ, что достигать „совершенствъ добродѣтели“ слѣдуетъ по прошествіи молодости: въ молодости же человѣка красятъ тѣлесныя совершенства.—Одна „Эпитафія безбожнику“ [5]) гласитъ: онъ сошелъ въ адъ, — туда ему и дорога. А „Слово о вольнодумцахъ“ Жака Сорена [6]) напоминаетъ, что книга Левитъ требуетъ побиванія каменьями невѣрующихъ и богохульниковъ. Имѣютъ ли Христіане бо́льшее право хулить Бога, чѣмъ Жиды? (спрашиваетъ „Слово“). Имѣютъ ли право Христіанскія правительства терпѣть богохульниковъ и дозволять изданіе книгъ ихъ? (Замѣтимъ при этомъ, что въ тѣхъ серьезныхъ сочиненіяхъ новиковскихъ журналовъ, гдѣ опровергаются ученія матерьялистовъ и деистовъ, обыкновенно не говорится о необходимости запрещать сочиненія, высказывающія эти ученія).—Мы видѣли, какъ изданія Новикова относились къ женщинѣ; но въ Веч. Зарѣ встрѣчается 2—3 мелкихъ произведенія (мадригалы, эпиграммы) [7]), гдѣ женщина поставлена какъ-

[1]) Тамъ-же, ч. I, стр. 30—31.
[2]) Тамъ-же, стр. 309—328.
[3]) Тамъ-же, ч. II, стр. 280—297 (Анек. 1-ый), 56—64.
[4]) Тамъ-же, ч. I, стр. 68—72 (Анек. 3-ій).
[5]) Тамъ-же, стр. 261.
[6]) Тамъ-же, ч. III, стр. 146.
[7]) Тамъ-же, ч. I, стр. 163—165 (мадр. 2-ой и 3-ій), 165 — 166 (эпигр. 1-ая): 260 (эпигр. 2-ая); 345—346 (мадр. 1-ый).

будто ниже мущины по способностямъ и нравственнымъ свойствамъ своимъ.—Въ одномъ „Китайскомъ анекдотѣ“ [1]) авторъ его съ сочувствіемъ разсказываетъ, что педагогъ, развратившій своего воспитанника, былъ приговоренъ къ *смертной казни*.—Одна эпиграмма, „Къ Г. Изыскоеву“ [2]), на вопросъ: какое животное менѣе всего похоже на человѣка? отвѣчаетъ: философъ. (Читателямъ извѣстны настоящія отношенія Веч. Зари къ философіи).—Въ дѣтскомъ анекдотѣ „Конрадъ и Людовикъ“ [3]) говорится, что ничего нѣтъ достойнѣе любви, какъ мальчикъ благородный родомъ, который показываетъ, что онъ таковъ, не на словахъ, а на дѣлѣ. (А между тѣмъ мы хорошо знаемъ, что Новиковъ всегда былъ свободенъ отъ сословныхъ предразсудковъ). — Всѣ эти странныя сочиненія свидѣтельствуютъ о томъ, какъ мало уважалъ 18-ый вѣкъ *слово*: даже Новиковъ, такъ глубоко понимавшій значеніе литературы, не доглядѣлъ, что въ его журналъ пробралось нѣсколько произведеній (правда, немного), содержаніе которыхъ есть ничто иное, какъ простая болтовня. Сюда слѣдуетъ отнести еще нѣкоторыя загадки Веч. Зари и два сонета, „показывающіе“ разныя мысли [4]) (если будемъ читать цѣлыя строки—выйдетъ одна мысль, первыя половины строкъ—другая, вторыя половины—третья).

Я не упоминалъ до сихъ поръ о научныхъ сочиненіяхъ Веч. Зари, потому, что ихъ очень мало. Мы видѣли, что при разработкѣ общественныхъ вопросовъ журналъ ссылается на исторію (въ статьѣ „О поединкахъ“) и что въ исторіи ищетъ иной разъ опоры его сатира (повѣсть „Виргиній и Аппій“). Кромѣ того онъ напечаталъ переводное сочиненіе „О началѣ и происхожденіи козаковъ Малороссійскихъ, Запорожскихъ, Слободскихъ, Донскихъ и ихъ перемѣнахъ“ [5]), нѣсколько историческихъ нравоучительныхъ анекдотовъ [6]); въ статьѣ „О постѣ“ [7]) разсказалъ про постъ у Египтянъ, Финикіянъ, Ассиріянъ, Грековъ, Римлянъ, Китайцевъ, Магометанъ; въ „Письмѣ Сенеки: О рабахъ“ [8]) при словѣ „кліентъ“ объяснилъ — что оно значитъ. Вотъ и всѣ его научныя сочиненія. Въ этомъ отношеніи какъ-бы однимъ журналомъ съ Веч. Зарею, прямымъ продолженіемъ ея въ истинномъ смыслѣ этого слова, можно считать „Прибавленія къ Московскимъ

[1]) Тамъ-же, ч. III, стр. 158—160.
[2]) Тамъ-же, стр. 248—250 (эпигр. 5-ая).
[3]) Тамъ-же, стр. 320—322.
[4]) Тамъ-же, ч. I, стр. 77—78; ч. II, стр. 233 -234.
[5]) Тамъ-же, ч. I, стр. 124—143.
[6]) Тамъ-же, стр. 31—57 (нѣкот. изъ анекдотовъ).
[7]) Тамъ-же, стр. 328—336.
[8]) Тамъ-же, стр. 60—68.

Вѣдомостямъ", выходившія въ 1783 и 1784 годахъ, и состоящія почти исключительно изъ статей научныхъ, которыхъ недостаетъ Вечерней Зарѣ.

Въ Веч. Зарѣ есть сочиненія оригинальныя; но указать съ точностью на всѣ ихъ въ настоящее время невозможно. Имена авторовъ означены лишь при самомъ маломъ числѣ произведеній, а именно: *Ѳ. Ключареву* принадлежитъ „Пѣснь Всемогущему (II, 51—55), *Ѳед. Поспѣлову* — „Элегія" (II, 303—307), *Пав. Икосову* — „Гласъ Божій къ человѣку" (III, 43—46), *Ант. Антонскому* — 3 загадки (III, 333—334), *Пав. Сохацкому*—1 загадка (III, 334—335). Затѣмъ несомнѣнно оригинальны: „Предъувѣдомленіе" къ журналу и сочиненія сатирическія: „Быль" (II, 307 — 310), „Французскій променадъ" (II, 311—314), „Байрамъ на сѣверѣ" (III, 243—246), „Наставленіе молодому Суетону" (III, 70—73), „Быль, Французская лавка" (II, 230—233), „Рондо" (I, 343 — 345), эпиграммы. По всей вѣроятности къ ихъ же числу относятся: религіозныя стихотворенія, стансы, загадки, мадригалы, эпитафіи, сонеты и вообще мелкія стихотворенія, „Ода къ войнѣ" (II, 152—155), „Ода къ миру" (II, 155—158), статья „О поединкахъ" (I, 113—121). Наконецъ, могутъ быть оригинальными: „Аристидъ, изгоняемый изъ отечества" (II, 265 — 280), „Аристидъ, разсуждающій о политическихъ дѣлахъ" (II, 196 — 216), „Аристидъ на Мараѳонск. сраженіи" (II, 133—152), „Отвѣты 8 греческихъ философовъ" (I, 112—113), „О постѣ" (I, 328—336), „Виргиній и Аппій", „Каковъ долженъ быть человѣкъ съ достоинствами" (I, 121 — 124) и слѣдующія изъ статей философскихъ: „Разсужденіе о безсмертіи души" (I, 1—26), „Разсужденіе о познаніи самого себя" (II, 241 — 251), „Разсужденіе о истинномъ человѣческомъ благѣ" (I, 185—199), „Разсужденіе о блаженствѣ" (II, 15—51), „Философическое разсужденіе о разсудкѣ" (II, 1—15), „О понятіяхъ и источникѣ оныхъ" (III, 313 — 319), „Философическое разсужденіе о совѣсти вообще" (II, 163—194), „Разсужденіе о благости Божіей, выведенное изъ разсужденія о добротѣ человѣческой" (II, 116 — 131), „Разсужденіе объ основаніяхъ и утвержденіи распространенной пророкомъ Моисеемъ чистой во единаго Бога вѣры" (III, 85—113), „Разсужденіе о бытіи Бога, выведенное изъ разсмотрѣнія природы" (III, 1 — 18). Всѣ исчисленныя сочиненія могутъ быть оригинальными, потому что въ содержаніи ихъ нѣтъ никакихъ данныхъ для заключенія, что они не таковы, между тѣмъ какъ „Филозофическое разсужденіе о Троицѣ въ человѣкѣ" (I, 265—309) скорѣй—переводъ, ибо въ немъ при словѣ *мегартическая* въ скобкахъ поставлено megartiſche; точно также не оригинальное сочиненіе „Филозофическое разсужденіе о душѣ" (I,

81—110), въ которомъ мы встрѣчаемъ не-русскую поговорку: я ѣмъ что мнѣ вкусно, терплю что долженъ. Сюда же относятся: „Разсужденіе о соединеніи души съ тѣломъ" (I, 169—184), гдѣ на 180 страницѣ попадается неясность въ слогѣ, происшедшая, вѣроятно, отъ несовершеннаго знанія переводчикомъ языка, съ котораго переводилъ, и наконецъ превосходное „Разсужденіе о томъ, что можетъ ли чрезвычайное божеское въ вѣрѣ наставленіе или откровеніе согласоваться съ премудростью Божіею" (III, 169 — 225, 255—306): въ этомъ сочиненіи на 275 стр. при словахъ: „система природы" стоитъ въ скобкахъ французское выраженіе: Systeme de la nature.

Переводы Веч. Зари сдѣланы по большей части изъ мало-извѣстныхъ писателей; по крайней мѣрѣ имена иностранныхъ авторовъ не названы въ журналѣ, за исключеніемъ: *Локка* („О познаніи Божія бытія", III, 18—42), *Жака Сорена* („Слово о вольнодумцахъ и невѣрующихъ" III, 113—151) и *Сенеки* („ Два письма къ Люцилію", I, 57—68). Это обстоятельство и заставляетъ насъ думать, что въ журналѣ много статей оригинальныхъ: если бы онъ печаталъ почти исключительно переводы, онъ бы бралъ, конечно, матерьялъ для себя изъ знаменитыхъ авторовъ, какъ это дѣлалъ Утренній Свѣтъ, и, подобно этому предшественнику своему, называлъ бы ихъ.

3.

„Прибавленія къ Московскимъ Вѣдомостямъ" 1783 и 1784 годовъ, служащія, какъ я сказалъ, дополненіемъ къ Вечерней Зарѣ, состоятъ изъ научныхъ статей о торговлѣ, изъ сочиненій по педагогикѣ, исторіи, географіи, естествовѣдѣнію.

Первое мѣсто среди всѣхъ этихъ произведеній принадлежитъ безъ сомнѣнія превосходному сочиненію „О воспитаніи и наставленіи дѣтей для распространенія общеполезныхъ знаній и всеобщаго благополучія", напечатанному въ 1783 году [1]). — Сочиненіе это оригинальное [2]), и написано, по всей вѣроятности, самимъ Новиковымъ, судя, во 1-хъ, по необыкновенной ясности и логичности мыслей и языка, напоминающимъ его предисловія къ прежнимъ изданіямъ; во 2-хъ, потому,

[1]) Прибавл. къ Моск. Вѣд. 1783 г. №№ 2, 6, 12, 15, 18, 24, 28, 34, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94.

[2]) Оригинальность сочиненія несомнѣнна, во-1-хъ, потому, что авторъ говоритъ въ немъ о Россіи какъ о родной странѣ (см., напр., тамъ-же, № 2, стр. 6 и 7; № 15, стр. 57 и № 18, выноска); во-2-хъ, потому, что въ сочиненіи съ знаніемъ дѣла обрисовано *русское* общество. Авторъ пользовался иностранными педагогическими сочиненіями, но *только какъ матерьялами*: главнымъ образомъ онъ ссылается на сочиненіе о воспитаніи Локка; но именно съ Локкомъ онъ и расходится очень сильно во взглядахъ.

что трудно приписать это сочиненіе кому-либо изъ студентовъ (сотрудниковъ новиковскихъ изданій того времени), — сочиненіе обличаетъ въ авторѣ большое знаніе русскаго общества и несомнѣнную зрѣлость мысли, и, въ 3-хъ, потому, что Новиковъ не редактировалъ въ этомъ году никакого журнала, кромѣ „Московскихъ Вѣдомостей“, и въ „Прибавленіяхъ“ къ нимъ, кромѣ этого сочиненія, помѣстилъ очень немного статей, занятый, должно быть, изученіемъ педагогики.

Авторъ сочиненія „О воспитаніи и наставленіи дѣтей“ пользовался въ своемъ трудѣ, какъ онъ самъ говоритъ, лучшими произведеніями иностранныхъ писателей [1]); къ сожалѣнію, онъ называетъ, надо полагать, не всѣхъ ихъ, а только Локка [2]), Цукерта, Винслова и Фогеля (и то на трехъ послѣднихъ встрѣчаются ссылки лишь въ главѣ „О тѣлесномъ воспитаніи“) [3]). — Сочиненіе отличается ясностью и простотою изложенія, не только потому, что авторъ отлично владѣетъ языкомъ, но и потому, что онъ знаетъ — для кого пишетъ; ему извѣстно глубокое невѣжество русскаго общества въ дѣлѣ воспитанія. У насъ родители не отличаются безпечностью и небреженіемъ относительно дѣтей своихъ, говоритъ онъ [4]); но дѣти, не смотря на это, выростаютъ худыми людьми и худыми гражданами, потому что родителямъ неизвѣстны истинныя правила образованія разума и сердца; они нанимаютъ дѣтямъ „гофмейстеровъ“ (странное слово нашего языка 18-го вѣка, означающее воспитателя), учатъ ихъ языкамъ, танцамъ и рисованію, знанію блистать въ свѣтѣ; наполняютъ голову вѣтромъ, вмѣсто пріученія разума къ правильному размышленію и познанію истины и добра; дѣлаютъ сердце чувствительнымъ къ „милостямъ“, глупостямъ и порокамъ, вмѣсто очищенія воли и направленія ея къ добру. Книгъ у насъ мало читаютъ — отъ излишней склонности къ увеселеніямъ, изъ ложной бережливости, отъ неумѣнія расположить время; разсужденіе Локка о воспитаніи переведено давно [5]), — но кому оно извѣстно? — Нѣсколько далѣе, [6]) разъясняя — почему первый отдѣлъ сочиненія будетъ посвященъ физическому воспитанію, авторъ находитъ нужнымъ замѣтить: можетъ быть нѣкоторымъ читателямъ покажется страннымъ, что образованіе тѣла причисляемъ мы къ воспитательной наукѣ; но бываютъ родители, думающіе, что стоитъ только хорошо кормить дѣтей, и все пойдетъ отлично. Можетъ быть непріятно будетъ инымъ (прибавляетъ онъ), что мы будемъ указывать не только на доброе и похвальное, что дѣлаютъ съ дѣтьми, но и на вредное, достойное хулы, упомянемъ о злоупотребленіяхъ; — но мы пишемъ не для сокращенія времени читателей или усыпленія ихъ въ предразсудкахъ, а съ искреннимъ намѣреніемъ сдѣлать общеизвѣстной истину. Очевидно, авторъ хорошо знаетъ невѣжественную обидчивость читателей: иныя слова его о злоупотребленіяхъ будутъ приняты многими за личное оскорбленіе. Это побуждаетъ его даже, при объясненіи сильнаго дѣйствія на дѣтей примѣра, который они видятъ въ жизни родителей, сдѣлать странную оговорку: мы пишемъ (говоритъ онъ) для просвѣщенныхъ людей, и потому не говоримъ о развратѣ, расточительности, пристрастіи къ картежной игрѣ, а упоминаемъ лишь о разсѣянной и легкомысленной жизни. Кому же какъ не Новикову, было извѣстно, что разсѣянная и легкомысленная жизнь нашего общества и соединялась съ развратомъ, расточительностью и другими пороками; — но онъ остерегался говорить слишкомъ прямо и рѣзко: обиженные читатели могли бросить недочитаннымъ его произведеніе.

Сочиненіе „О воспитаніи“ начинается введеніемъ, въ которомъ говорится о необходимости и трудности воспитанія и опредѣляется предметъ его. Воспитаніе необходимо, потому что дѣтскій возрастъ „столькоже удобно исполняется благородными чувствованіями..... какъ и предается механизму чувственныхъ похотей, огню страстей и заразѣ обманчивыхъ примѣровъ.“ [1]) Воспитаніе — дѣло трудное, запутанное; это — „тонкая наука“, требующая многихъ знаній, наблюдательнаго духа, вниманія, просвѣщеннаго практическаго разсудка; — ей нельзя научиться — ведя жизнь растенія или бабочки: для нея нужно чтеніе, опытъ, размышленіе [2]). — Всякое серьезное дѣло требуетъ (говоритъ авторъ), чтобы мы прежде представили себѣ предметъ его; тогда только мы можемъ разсуждать правильно о всякомъ шагѣ, когда не будемъ упускать предметъ изъ виду. Предметъ воспитанія: сдѣлать дѣтей благополучными и приготовить хорошихъ гражданъ [3]). То и другое достигается посредствомъ: 1) физическаго воспитанія, 2) нравственнаго воспитанія, и 3) „разумнаго“ воспитанія.

Но прежде, чѣмъ перейти къ первому изъ этихъ отдѣловъ педагогической науки, сочиненіе говоритъ „О нѣкоторыхъ главныхъ препятствіяхъ доброму воспитанію“. Бываютъ предметы (замѣчаетъ авторъ),

[1]) Тамъ-же, № 2, стр. 7.
[2]) Тамъ-же, выноска.
[3]) Тамъ-же, №№ 18, 24, 28, 34, 80 и 81.
[4]) Тамъ-же, № 2.
[5]) Дѣйствительно, сочиненіе Локка появилось на рус. яз. въ 1760 г. (О воспитаніи дѣтей, Г. Локка, пер. Поповскаго, М.): новое доказательство оригинальности разбираемой статьи.
[6]) Тамъ-же, № 6.

[1]) Тамъ-же, № 2, стр. 5.
[2]) Тамъ-же № 2.
[3]) Тамъ-же.

которые, хотя относятся не къ самому воспитанію, а къ „разпорядкамъ“ его, но могутъ однакожь имѣть сильное вліяніе на дѣтей; это: 1) родъ жизни родителей, 2) „внутреннее учрежденіе домостроительства“, 3) поступки родителей съ „Гофмейстерами“ и 4) выборъ „сихъ самыхъ особъ“. — Родители не должны увлекаться разсѣянной жизнью: примѣръ бездѣтныхъ супруговъ не указъ для имѣющихъ дѣтей.— Въ домѣ должна быть всегда чистота: мелочи имѣютъ иногда важное значеніе для достиженія великихъ предметовъ [1]).—Что же касается до воспитателя, то родители должны обращаться съ нимъ, „какъ съ высокоцѣннымъ другомъ ихъ фамиліи“: „почтеніе, любовь и основанная на оныхъ довѣренность дѣтей къ Гофмейстеру суть единственныя подпоры всего добра, которое онъ сдѣлать можетъ“ [2]). Въ дѣйствительности мы видимъ не то: контракты съ подробнѣйшими условіями со стороны воспитателей показываютъ — каково положеніе этихъ лицъ въ домѣ. Ими пренебрегаютъ даже слуги. — Необходимость изучать чужіе языки и недостатокъ русскихъ воспитателей принуждаютъ часто приглашать воспитателей-иностранцевъ. Но такимъ путемъ попадаютъ у насъ въ учителя простые ремесленники, что извѣстно и въ Германіи (авторъ ссылается на одно нѣмецкое сочиненіе); поэтому надо брать воспитателями лишь иностранцевъ, имѣющихъ университетскій дипломъ. Затѣмъ авторъ говоритъ о требованіяхъ отъ хорошаго воспитателя, между которыми замѣчательны три: 1) онъ долженъ имѣть ясныя и основательныя, а не глубокія и пространныя знанія въ языкахъ и наукахъ; 2) нѣтъ необходимости въ безукоризненномъ произношеніи въ иностранныхъ языкахъ, — можно довольствоваться сноснымъ выговоромъ; приэтомъ не должно думать, что всякій французъ хорошо произноситъ по-французски, и 3) воспитатель долженъ знать русскій языкъ, — иначе онъ испортитъ дѣтей.— Желательно бы было приготовить русскихъ „Гофмейстеровъ“ (замѣчаетъ сочиненіе): русскій человѣкъ способенъ къ изученію иностранныхъ языковъ, и неужели у насъ воспитаніе будетъ всегда въ рукахъ чужеземцевъ? Недостатокъ же русскихъ воспитателей происходитъ отъ незнанія учащимися молодыми людьми „обращенія“ въ обществѣ и отъ недостатка уваженія у насъ къ званію воспитателя. Нужно распространить въ обществѣ уваженіе къ воспитателямъ; а знатные и богатые люди должны „отворить домы свои“ русскому учащемуся юношеству. — Во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ сочиненія о воспитателяхъ такъ и видится Новиковъ — издатель сатирическихъ журналовъ и памятниковъ русской старины съ его горячей любовью къ родной землѣ.

[1]) Тамъ-же, № 6.
[2]) Тамъ-же, № 12, стр. 47.

Въ первомъ отдѣлѣ педагогической науки, въ главѣ „О тѣлесномъ или физическомъ воспитаніи“ [1]), дается очень много дѣльныхъ и практическихъ совѣтовъ, изъ которыхъ бо́льшая часть согласны съ современными намъ требованіями гигіены и медицины; таковы, напр., замѣчанія о кормленіи грудныхъ дѣтей коровьимъ молокомъ, о пеленаньи, о шнурованіи дѣвочекъ, объ исправленіи природныхъ недостатковъ тѣла, о предупрежденіи различныхъ тѣлесныхъ недостатковъ или уродствъ. Эта глава ближе подходитъ къ условіямъ истинной гигіены, чѣмъ соотвѣтствующій ей отдѣлъ въ знаменитомъ сочиненіи Локка о воспитаніи.

Далѣе слѣдуетъ главная часть сочиненія — „О нравственномъ воспитаніи“. Вѣрный строгой логикѣ въ своемъ изложеніи, авторъ начинаетъ эту часть опредѣленіемъ нравственнаго воспитанія: оно „состоитъ наипаче въ томъ, чтобы стараться образовать *разумъ* и *сердце* дитяти, и чрезъ то самолучшимъ образомъ приводить его къ добродѣтели, религіи и Христіанству“ [2]). Читатель видитъ уже изъ этого опредѣленія, что сочиненіе не раздѣляетъ тѣхъ взглядовъ вѣка, по которымъ умъ былъ сущею бездѣлицей и развитіе его должно было стоять на послѣднемъ планѣ: для автора умъ и нравственное чувство одинаково важны. Онъ даже прежде говоритъ объ „образованіи разума“. Это образованіе состоитъ въ томъ, чтобы человѣкъ научался правильно представлять предметы, разсуждать объ ихъ свойствахъ, сравнивать ихъ, соединять и раздѣлять; кромѣ того — въ обогащеніи познаніями. Для достиженія всѣхъ этихъ цѣлей сочиненіе даетъ только шесть простыхъ и ясныхъ, но весьма практичныхъ и глубокихъ по мысли правилъ [3]). Вотъ они: 1) „не погашайте любопытство дѣтей вашихъ или питомцевъ“; если когда не можете отвѣтить на ихъ вопросъ, — то сознайтесь въ своемъ невѣдѣніи, или укажите имъ на несовершенство человѣческихъ познаній, или скажите, что они для полученія отвѣта должны прежде пріобрѣсти извѣстныя познанія. 2) „Упражняйте дѣтей вашихъ или воспитанниковъ въ употребленіи чувствъ; научайте ихъ чувствовать справедливо“, — такимъ путемъ запасаются матерьялы для мышленія. Заинтересуется, напр., дитя цвѣткомъ, — обратите его вниманіе на цвѣта, на образованіе листковъ и т. п.; но не утомляйте вниманіе на одной вещи и избѣгайте неблаговременныхъ, издалека взятыхъ изъясненій. 3) „Остерегайтесь подавать дѣтямъ ложныя, или не довольно точно опредѣленныя понятія о какой-нибудь вещи, сколько бы ни была она маловажна. Гораздо лучше не

[1]) Тамъ-же, №№ 18, 24, 28, 34, 80 и 81.
[2]) Тамъ-же, № 82, стр. 321.
[3]) Тамъ-же, №№ 82, 83 и 84, стр. 323—329.

знать имъ совсѣмъ многихъ вещей, нежели несправедливо оныя себѣ представлять". Напр., не должно говорить имъ, будто громъ есть выраженіе гнѣва Божьяго. 4) „Не учите дѣтей ничему такому, чего онѣ по возрасту своему, или по недостатку другихъ предполагаемыхъ при томъ познаній разумѣть не могутъ". Не доказывайте имъ философскими доводами — что существуетъ душа; — не употребляйте въ бесѣдѣ съ ними непонятныхъ имъ словъ. 5) „Старайтесь не только умножить и распространить ихъ познаніе, но и сдѣлать его основательнымъ и вѣрнымъ", т. е. мало ребенку знать существованіе и свойства вещи, надо знать — для чего она существуетъ; учите его цѣнѣ вещей; и притомъ пусть научается не на вѣру вамъ, а по вашимъ доводамъ; — напр., удивляется дитя богатому, драгоцѣнному платью, — спросите его иногда: дѣлаетъ ли такое платье человѣка лучшимъ или умнѣйшимъ? такимъ образомъ научите его разницѣ между преходящими, бренными, внѣшними благами и тѣми, которыя собственно намъ принадлежатъ. 6) „Оберегайте дѣтей отъ скоропостижности въ заключеніи", доводите ихъ, пользуясь всякимъ случаемъ, „до осторожности и точности въ ихъ разсужденіяхъ". Этимъ избѣгнутъ они суевѣрій. Случилось, напр., несчастіе съ добрымъ человѣкомъ; ребенокъ не долженъ быстро заключать, что это — наказаніе Божіе.

Отъ правилъ для развитія ума авторъ переходитъ къ образованію сердца. Здѣсь особенно ясно видно вліяніе на разсматриваемое произведеніе философіи Вечерней Зари, учащей, что совѣсть должна руководиться размышленіемъ, что мысль и нравственность другъ безъ друга невозможны. „Въ натурѣ нашей основано (говоритъ сочиненіе)[1]), чтобы воля наша въ большей части случаевъ слѣдовала познаніямъ и предписаніямъ разума. *Мы желаемъ того только, что представляемъ себѣ добромъ; еслижъ иногда къ добру мы безпристрастны, или ненавидимъ его, а зла желаемъ и ищемъ, то почитаемъ мы тогда добро зломъ, а зло добромъ.* И такъ, чѣмъ справедливѣе мыслимъ мы и разсуждаемъ, и чѣмъ удобнѣе и натуральнѣе сдѣлался для насъ сей образъ мыслить и разсуждать, тѣмъ справедливѣе будутъ опредѣленія нашей воли и происходящія отъ того желанія и отвращенія. Слѣдовательно, чѣмъ рачительнѣе обработывается и образуется разумъ дитяти, или юноши, тѣмъ бо́льшаго можно надѣяться успѣха въ разсужденіи образованія его сердца". Выраженная въ этихъ словахъ мысль есть основная мысль всего сочиненія. — Читатель замѣтилъ, конечно, что и по идеѣ приведенныхъ выше правилъ для развитія ума ребенокъ, учась мыслить, этимъ самымъ научается отличать добро

[1]) Тамъ-же, № 84, стр. 331.

отъ зла и цѣнить то и другое. — Но мало однихъ свѣдѣній, говоритъ сочиненіе, — надо любить и снискивать добро, ненавидѣть зло и избѣгать его. Поэтому сочиненіе даетъ еще правила для образованія сердца[1]); эти правила тѣсно связаны съ тѣми, которыя развиваютъ умъ ребенка: уча добру, нравственности, они въ то-же время учатъ мыслить. Таково, напр., второе изъ нихъ: „приучайте дѣтей дѣйствовать *по усмотрѣніямъ и причинамъ*, а не по слѣпымъ побужденіямъ или по одному своемыслію. Дѣлайте имъ понятнымъ, что сіе есть великое преимущество, какое имѣетъ человѣкъ предъ неразумнымъ скотомъ"; потому, давая имъ какое-либо приказаніе, въ большей части случаевъ объясняйте причины его. Таковы еще слѣдующія правила: „научайте ихъ примѣчать *слѣдствія* ихъ дѣлъ и поступковъ", — такимъ путемъ они научатся почитать спокойствіе и бодрость духа, здравіе и крѣпость тѣла, и поймутъ вредъ страстей (гнѣва и другихъ). „Старайтесь сдѣлать должность для нихъ удовольствіемъ. Приучайте ихъ *соединять въ представленіяхъ своихъ* должность и удовольствіе столь тѣсно, какъ натура оныя соединила"; не разсказывайте дѣтямъ: злой бываетъ счастливъ на землѣ, но мы должны исполнять приказанія Бога; а учите: добродѣтельный всегда награждается и на землѣ, ибо онъ можетъ претерпѣвать вредъ лишь во внѣшнихъ и преходящихъ благахъ, — чистая совѣсть даетъ ему счастье. „*Доводите ихъ заблаговременно до испытанія самихъ себя*"; но не надлежитъ налагать на нихъ это какъ упражненіе, которое они должны ежедневно дѣлать. „*Научайте ихъ также пользоваться симъ образомъ и поведеніемъ другихъ людей*"; но не позволяйте судить ближняго со строгостью. — Изъ всего приведеннаго ясно, что по мнѣнію автора сочиненія „О воспитаніи" — воля и умъ человѣка тѣсно связаны, истинная нравственность должна основываться на логическомъ мышленіи и на знаніяхъ.

За отдѣломъ „Образованіе сердца вообще" слѣдуетъ другой: „Образованіе сердца въ особенности", который, въ свою очередь, распадается на двѣ главы: „Образованіе сердца къ добродѣтели" и „Образованіе сердца къ Религіи и Христіанству". Въ первой изъ этихъ главъ[2]) указываются различныя нравственныя свойства, которыя должно развивать въ дѣтяхъ, и пути къ этому развитію. Восемнадцатый вѣкъ былъ пристрастенъ къ резонерству и нравоученію; легко, поэтому, подумать, что въ данной главѣ совѣтуется возбуждать въ дѣтяхъ всякія добродѣтели посредствомъ нравоучительныхъ наставленій (какъ это дѣлаетъ, напр., Стародумъ въ „Недорослѣ"). Но ошибется тотъ,

[1]) Тамъ-же, №№ 84, 85 и 86, стр. 331—338.
[2]) Тамъ-же, №№ 86, 87, 88 и 89.

кто такъ подумаетъ: не даромъ въ Московск. Изданіи и Веч. Зарѣ нравоучительныя сочиненія стояли на послѣднемъ планѣ; какъ бы въ подтвержденіе того, что присутствіе ихъ въ новиковскихъ журналахъ есть лишь невольная дань знаменитаго писателя времени, въ разсматриваемой главѣ мы совсѣмъ не встрѣчаемъ резонерства. Добродѣтели могутъ быть пробуждены и укрѣплены въ дѣтяхъ, по ея мнѣнію, путемъ ихъ собственнаго опыта и ихъ собственной мысли. Такъ напр., чтобы пріучить дѣтей къ трудолюбію, порядку и прилежанію, надо, говоритъ авторъ, показать имъ — какъ люди необходимы другъ для друга, какъ трудолюбіе предохраняетъ отъ пороковъ; надо пріучить ихъ вставать рано, скоро и самимъ одѣваться и т. д. [1]). Чтобы въ дѣтяхъ развилось чувство сожалѣнія и готовность помогать бѣднымъ,— не удаляйте ихъ (совѣтуетъ сочиненіе) отъ „трогающихъ“ явленій изъ ложнаго опасенія оскорбить ихъ нѣжный вкусъ [2]). — Между многими добродѣтелями, которыя, по указанію этой главы, нужно „вліять“ въ дѣтей, названа „любовь ко всѣмъ человѣкамъ, безъ различія состоянія, религіи, народа или внѣшняго щастія“ [3]); это свидѣтельствуетъ о гуманности взгляда автора и о широтѣ его умственнаго кругозора. — Объ уваженіи автора къ человѣческому достоинству ребенка свидѣтельствуетъ совѣтъ его — не обременять дѣтей приказаніями: предоставьте много собственной волѣ дитяти (говоритъ онъ),— подражайте въ этомъ Богу, давшему намъ свободную волю [4]).

Глава „Образованіе сердца къ Религіи и Христіанству“ [5]) нападаетъ на современное статьѣ обученіе вѣрѣ и Свящ. Писанію. У насъ (говоритъ авторъ) заставляютъ дѣтей учить наизусть трудныя и невразумительныя молитвы, потомъ краткую или пространную систему религіи и много непонятныхъ мѣстъ изъ Свящ. Писанія; при этомъ стараются представить имъ зависимость и подчиненность человѣка въ отношеніи къ Богу, внушить имъ боязнь Бога. Такимъ путемъ дѣти дѣлаются или суевѣрами, или лицемѣрами, или невѣрующими. Учить вѣрѣ надо совсѣмъ иначе. И авторъ предлагаетъ для этого свои правила. Прежде всего „вливайте въ дѣтей своихъ, или учениковъ (совѣтуетъ онъ) съ первыхъ лѣтъ благое предразсужденіе о важности и истинѣ Религіи и Христіанства“. Такой совѣтъ сочли, вѣроятно, многіе изъ тогдашнихъ читателей противнымъ свободѣ умственнаго изслѣдованія, — авторъ это предчувствовалъ: высказавъ совѣтъ,

[1]) Тамъ-же, № 87, стр. 343.
[2]) Тамъ-же, № 88, стр. 346.
[3]) Тамъ-же, стр. 345.
[4]) Тамъ-же, № 86, стр. 340 и слѣд.
[5]) Тамъ-же, №№ 89, 90 и 91.

онъ тотчасъ прибавляетъ и объясненіе, замѣчательное по серьезности своей мысли: „не хотимъ мы чрезъ сіе сказать (говоритъ онъ), что дѣти должны только по предразсужденіямъ бояться Бога и быть Христіанами. Нѣтъ, онѣ сами должны изслѣдовать Религію и Христіанство и доводами утвердиться въ вѣрѣ своей, когда достигнутъ до совершеннаго употребленія своего разума“. Но „кто можетъ опорочить родителей, или учителей, которые сами дѣлали такое изслѣдованіе.... которые познали и испытали святость, утѣшительность, божественность своея религіи, кто опорочитъ ихъ, когда они съ сея же стороны захотятъ научить дѣтей своихъ или воспитанниковъ; кто не обвинитъ ихъ въ противорѣчащемъ самому себѣ поступкѣ, если они сего не сдѣлаютъ? Зная о какой-либо вещи, что она меня исправляетъ, успокоиваетъ и дѣлаетъ блаженнымъ, не возможно мнѣ представлять ее неважною тѣмъ людямъ, въ благополучіи которыхъ пріемлю я величайшее участіе; необходимо долженъ я доставлять имъ выгодныя понятія о сей вещи, хотя онѣ не въ состояніи судить о ней по своимъ познаніямъ и опытамъ“ [1]). — Затѣмъ вы не должны (совѣтуетъ авторъ) начинать „наставленіе, даемое вами дѣтямъ своимъ въ Религіи, самыми труднѣйшими и высочайшими ея таинствами“; — увидѣвъ много непонятнаго, ребенокъ можетъ придти только къ сомнѣніямъ и невѣрію, или по-крайней-мѣрѣ къ равнодушію въ дѣлѣ вѣры. Показывайте ему порядокъ, искусство и мудрость въ красотахъ природы; говорите ему о Богѣ — какъ о любящемъ отцѣ; указывайте на образъ Іисуса Христа, какъ на примѣръ совершенства, и учите его, что мы должны „въ состояніи и званіи нашемъ доказать такую же праводѣтельность и вѣрность, какую доказалъ Спаситель нашъ въ исполненіи порученнаго Ему дѣла“. По этому пути доводите ихъ до ученія о безсмертіи души и о будущей жизни. Послѣ, когда ребенокъ научится видѣть бездонныя глубины въ себѣ, узнаетъ— какъ непроницаемъ иногда мракъ, которымъ закрыта природа, — тогда не будетъ онъ пораженъ, что въ Религіи, а особливо въ божественномъ откровеніи, много темнаго, чего мы не можемъ совершенно понять [2]).

Сочиненіе „О воспитаніи“ оканчивается отдѣломъ: „Всеобщія правила“, могущія отчасти облегчать наблюденіе вышеозначенныхъ предписаній [3]). Приведу нѣкоторыя изъ этихъ прекрасныхъ правилъ: „помышляйте часто, какія суть тѣ творенія, которыхъ воспитаніемъ и

[1]) Тамъ-же, № 89, стр. 351.
[2]) Тамъ-же, № 90, стр. 354—356.
[3]) Тамъ-же, №№ 91, 92, 93 и 94.

образованіемъ вы занимаетесь..... Человѣкъ стоитъ на лѣствицѣ существъ между звѣремъ и Ангеломъ. Не долженъ онъ ни унижаемъ быть до перваго, ни возвышаемъ до другаго“ [1]). Человѣкъ есть существо, „котораго разсудокъ не изтреблять чувственныя побужденія и желанія долженъ, но только обладать и управлять ими“. Учите дѣтей „не изнѣживать тѣло свое, но также и не мучить его безъ нужды. Научайте ихъ почитать его, яко существенную часть человѣка, но не признавать никогда за важнѣйшую часть. Допускайте ихъ съ веселымъ духомъ наслаждаться красотами натуры, пріятностями общественной жизни, удовольствіемъ умѣреннаго движенія и свободы, и всѣми невинными радостями безпечнаго возраста..... не трудитесь тщетно изтребить натуральныя ихъ желанія удовольствія, похвалы, чести, спокойствія и свободы, а старайтесь только благоразумно оныя умѣрить, и мало по малу устремить на достойнѣйшіе роды удовольствія, похвалы, чести, покоя и вольности. Собственными ихъ и чужими опытами научайте ихъ отличать видъ отъ истины и соединять настоящее съ будущимъ“ [2]). Какъ далеко, замѣтимъ кстати, это наставленіе, отличающееся трезвостью взгляда, отъ отвлеченно-аскетическихъ отрицаній жизни, которыя мы видѣли въ Утр. Свѣтѣ. — Приведу еще нѣкоторыя правила: „слѣдуйте въ воспитаніи дѣтей своихъ (совѣтуетъ авторъ) нѣкоторому плану, или нѣкоторымъ созрѣлымъ разсужденіемъ принятымъ положеніямъ и правиламъ и сколько возможно никогда отъ оныхъ не отступайте“. „Будьте постоянны и неутомимы въ произведеніи своего плана, и неотстрашайтесь отъ него ни трудностями, ни худымъ успѣхомъ: иное сѣмя кажется заглохшимъ, а между тѣмъ оно еще можетъ дать ростокъ; юные годы назначены для посѣва, а не для жатвы“. Иной разъ, въ случаѣ неудачи, ищите ошибокъ въ себѣ самихъ. „Дабы не лишиться бодрости, представляйте себѣ часто многоразличныя и великія выгоды, которыя сами вы можете почерпнуть изъ разумнаго и христіанскаго воспитанія дѣтей, въ разсужденіи моральнаго вашего характера или нравственнаго совершенства“: человѣкъ „живетъ во всегдашнемъ воспитаніи“. Размышляйте, что, развивая дѣтей своихъ, вы служите человѣчеству [3]).

Я очень долго остановился на сочиненіи „О воспитаніи и наставленіи дѣтей“ потому, что сочиненіе это очень важно. Оно безспорно принадлежитъ къ числу лучшихъ произведеній, появившихся у насъ въ 18-мъ вѣкѣ. Читатель замѣтилъ, конечно, въ немъ высоту нравственныхъ воззрѣній автора, трезвость его взглядовъ и уваженіе его къ

[1]) Тамъ-же, № 91, стр. 360.
[2]) Тамъ-же, № 92, стр. 361.
[3]) Тамъ-же, №№ 92 и 93, стр. 363—368.

человѣческому достоинству дѣтской природы: довѣріе къ уму, нравственному чувству и волѣ ребенка. Кромѣ этихъ нравственныхъ достоинствъ оно отличается и еще многими: трудно найти другое сочиненіе, въ которомъ бы глубокое содержаніе было изложено въ такомъ удивительно логическомъ, строго-систематическомъ порядкѣ. Отдѣльныя мысли, положенія, правила сочиненія отличаются замѣчательной ясностью и простотою, и вмѣстѣ практичностью и цѣлесообразностью. Авторъ даетъ не много правилъ, во-1-хъ — потому (по его словамъ), что воспитаніе такое дѣло, въ которомъ въ различныхъ случаяхъ и съ различными лицами слѣдуетъ поступать различно; воспитатель долженъ дѣйствовать тутъ по своимъ соображеніямъ, руководствуясь лишь главными, *всеобщими* правилами: дать наставленіе на всякій частный случай нельзя [1]); во 2-хъ — потому, что боится, вѣроятно, обременить тѣхъ, кто захотятъ пользоваться на дѣлѣ его сочиненіемъ, массою отвлеченныхъ предписаній, боится, чтобы они не потерялись въ нихъ; и должно замѣтить, что въ немногомъ онъ съумѣлъ высказать все существенное. Желая сдѣлать свое сочиненіе общедоступнымъ, авторъ ко всякому правилу присоединяетъ много примѣровъ, доводящихъ дѣло до совершенной ясности.—И систематичностью, соединенною съ отсутствіемъ многословія въ изложеніи, и ясностью и немногосложностью своихъ правилъ, и своею основною идеей это русское сочиненіе далеко превосходитъ знаменитое сочиненіе Локка о воспитаніи. — По всѣмъ этимъ причинамъ едва ли я ошибусь, если скажу, что его не мѣшало бы издать въ наши дни вторымъ изданіемъ: оно многимъ бы пригодилось.—За нимъ есть еще, кромѣ всего этого, историческая заслуга: оно сослужило великую службу русскому обществу, поднявъ могущественный голосъ противъ пагубной мысли 18-го вѣка — будто воспитаніе выше образованія: оно доказало, что нравственное развитіе ребенка въ образованномъ обществѣ должно основываться на развитіи ума и на пріобрѣтеніи знаній, къ которымъ такъ свысока относилась сказанная мысль.

Въ „Прибавленіяхъ къ Моск. Вѣдом. 1783 года“, кромѣ оригинальнаго педагогическаго сочиненія, напечатано еще подобное ему переводное [2]), которое было прислано въ редакцію изъ Германіи на нѣмецкомъ языкѣ. Въ предисловіи къ этому сочиненію редакція Вѣдомостей говоритъ, что предпріятіе ея — прибавлять къ газетѣ особые листы для распространенія общеполезныхъ знаній—было поддержано въ самомъ началѣ благосклонными отзывами „почтенныхъ особъ“ и

[1]) Тамъ-же, № 84, стр. 331.
[2]) Тамъ-же, №№ 40, 43, 46, 50, 53, 56, 59, 60, 66, 70, 72 и 74. („О воспитаніи“).

обѣщаніями „вспомоществовать“. Въ присылкѣ нѣмецкой статьи редакція видитъ какъ бы исполненіе этихъ обѣщаній. Не слѣдуетъ ли отсюда заключить, что новиковскіе журналы были извѣстны и за предѣлами Россіи?

Редакція Вѣдомостей отнеслась къ присланному сочиненію съ большими похвалами, и совершенно справедливо: въ немъ много дѣльнаго. — Такъ, напр., оно совѣтуетъ до 7 или 8-лѣтняго возраста не учить дѣтей иностраннымъ языкамъ, а учить только своему родному: иначе нельзя достигнуть точности въ словѣ, а слѣдовательно, и въ мысли. Авторъ съ сожалѣніемъ говоритъ объ излишнемъ пристрастіи нѣмцевъ къ французскому языку: „изъ столичныхъ городовъ Германіи, гдѣ знатная госпожа стыдится между Нѣмцами говорить по-Нѣмецки, разпространяется сіи зараза и во всѣ провинціи. Въ провинціальномъ городѣ нѣтъ почти ни одной проповѣднической, или прикащичьей дочери, которая бы не почитала за важное преимущество знать дюжину Французскихъ словъ и проболтать по-Французски комплиментъ. Какъ скоро бѣдныя твари сіи достанутъ себѣ Grammaire des Dames, то можно примѣтить, что вселяется въ нихъ совсѣмъ другой духъ: онѣ становятся столь суетны и притворны, что всякій честный Нѣмецъ получаетъ отъ нихъ отвращеніе. О образованіи здраваго разсудка, о чтеніи разумной и полезной нѣмецкой книги..... думаютъ столь-же мало, какъ о многихъ другихъ полезныхъ упражненіяхъ и работахъ, либо и совсѣмъ не думаютъ. О Нѣмцы! величайшій вашъ національный порокъ былъ и нынѣ еще есть тотъ, что вы стараетесь подражать, не знаете и не чувствуете собственнаго вашего достоинства“ [1]). „Мы оставляемъ читателямъ (дѣлаетъ въ этомъ мѣстѣ въ выноскѣ свое примѣчаніе Новиковъ) судить о томъ, можно ли сказать то о нашей націи, что Сочинитель въ семъ параграфѣ говоритъ о своей. Думаемъ, что если есть какая-нибудь между оными въ разсужденіи сего разность, то по крайней мѣрѣ не весьма великая“. — Нѣмецкое сочиненіе признаетъ полезнымъ изученіе латинскаго языка съ 11 или 12-ти—лѣтняго возраста; но оно находитъ, что учить дѣтей говорить и писать по-латынѣ безполезно и даже вредно: „не можно удивляться тому (говоритъ оно), что Греки писали съ столь неподражаемою и недостижимою истинною, силою, достоинствомъ и цвѣтущею красотою; ибо они разсуждали, говорили и писали на отечественномъ только своемъ языкѣ“ [2]). — Безнравственно говорить дѣтямъ (замѣчаетъ авторъ сочиненія): учись — чтобы имѣть кусокъ хлѣба, или побуждать ихъ къ ученію игрою, либо возбужденіемъ честолюбія.

[1]) Тамъ-же, № 46, стр. 179.
[2]) Тамъ-же, стр. 180.

Если само ученіе не интересуетъ дѣтей, значитъ оно — преждевременно [1]).—Всеобщее опредѣленіе человѣка (утверждаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ) [2])—радостное чувствованіе своего бытія; потому дѣлайте дѣтей чувствительными къ радостямъ; говорите имъ, что блага въ жизни больше, чѣмъ зла, ибо счастье не зависитъ отъ состоянія человѣка и рода его жизни: оно въ душѣ. — Отстраняйте отъ дѣтей все, что непонятно для здороваго чувства; сюда относится „бо́льшая часть опредѣленныхъ для дѣтскаго возраста книгъ“, состоящихъ изъ „пріятныхъ исторіекъ“ и „трогательныхъ анекдотовъ о чрезвычайно добрыхъ дѣлахъ“ [3]).

Нѣкоторыя мысли изъ разбираемаго произведенія, можетъ быть, заимствовалъ авторъ оригинальнаго педагогическаго сочиненія Вѣдомостей. Нѣмецкое сочиненіе напечатано раньше, чѣмъ окончено русское; именно: русское сочиненіе прервано на первой половинѣ отдѣла „О тѣлесномъ или физическомъ воспитаніи“ въ № 34; съ 40 № по 74 включительно печатался переводъ нѣмецкой статьи; съ № 80 стало появляться продолженіе оригинальнаго произведенія. Къ числу заимствованныхъ русскимъ авторомъ мыслей можно, кажется, отнести слѣдующія: надо пріучать дѣтей терпѣливо сносить естественныя страданія и болѣзни и не увеличивать ихъ жалобами [4]). Надо удовлетворять дѣйствительнымъ потребностямъ ребенка прежде, чѣмъ разгоряченное желаніе заставитъ его кричать [5]).—Разсматривая съ ребенкомъ какую-либо вещь, надо сказать ему—къ чему она сдѣлана, для чего такъ „расположена“, откуда произошла, кто ее сдѣлалъ [6]). — Чтобы дитя повиновалось воспитателю, этотъ послѣдній не долженъ дѣлать трудныя или невозможныя приказанія [7]).—Знакомя дѣтей съ религіей, надо начинать съ понятнаго [8]).—Впрочемъ, всѣ эти мысли такого рода, что могли быть высказаны русскимъ писателемъ и самостоятельно, или могли быть заимствованы изъ другаго источника; напр., мысль о томъ, что должно отдавать дѣтямъ мало приказаній могла быть взята изъ сочиненія Локка.

Гораздо интереснѣе—различія между оригинальнымъ и переводнымъ сочиненіями. Эти различія весьма велики и существенны. Прежде всего замѣтна разница въ изложеніи: въ нѣмецкомъ сочиненіи нѣтъ

[1]) Тамъ-же, №№ 66 и 70.
[2]) Тамъ-же, № 70
[3]) Тамъ-же, № 72, стр. 283.
[4]) Тамъ-же, № 40.
[5]) Тамъ-же, № 43.
[6]) Тамъ-же.
[7]) Тамъ-же.
[8]) Тамъ-же, № 72.

и тѣни той строгой систематичности, какою отличается сочиненіе русское; запомнить, поэтому, предписываемыя имъ правила нелегко. Что касается содержанія, то сравниваемыя произведенія различаются, во-1-хъ, по своимъ основнымъ мыслямъ: русскій авторъ развитіе ума и развитіе нравственнаго чувства считаетъ одинаково важными и *неразрывными* дѣйствіями;—авторъ сочиненія нѣмецкаго въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что *разсудокъ* есть „существеннѣйшее человѣческое преимущество“ и „самый лучшій Божественный даръ“ [1]); а въ другомъ мѣстѣ [2]) совѣтуетъ воспитателямъ стараться о томъ, „чтобы дѣти болѣе здраваго разума, религіи и *добронравія* выносили изъ училища, нежели догматики и *учености*“, т. е. нравственному *воспитанію* какъ бы отдаетъ предпочтеніе предъ умственнымъ *образованіемъ*; согласно съ этимъ, въ одномъ мѣстѣ труда своего онъ совѣтуетъ разсказывать дѣтямъ небольшія повѣсти о благонравныхъ дѣтяхъ [3]), хотя самъ-же, какъ мы видѣли, отвергаетъ дѣтскія книги съ „трогательными анекдотами о чрезвычайно добрыхъ дѣлахъ“. — Затѣмъ нѣмецкій авторъ чрезмѣрно, почти до абсурда, поднимаетъ родительскій авторитетъ, и такимъ образомъ изгоняетъ задушевность и простоту изъ взаимныхъ отношеній дѣтей и родителей. Онъ совѣтуетъ не хвалить дѣтей, „паче всего“, за послушаніе: *они не должны знать, что могутъ быть непослушны* [4]). „Дѣтямъ не надлежитъ никогда просить у родителей прощенія (говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ) [5]), ибо *не должны онъ думать, что могутъ ихъ обидѣть*“. Въ этомъ отношеніи авторъ сходится съ Локкомъ, который въ одномъ мѣстѣ своей книги о воспитаніи [6]) совѣтуетъ такъ держать ребенка, чтобы онъ, имѣя право заявить родителямъ о своемъ голодѣ, не смѣлъ сказать: хочу жаренаго, или бѣлаго хлѣба, а предоставилъ бы выборъ пищи родителямъ; въ противномъ случаѣ слѣдуетъ ему непремѣнно отказать. Русскій авторъ смотритъ на дѣло иначе: мы видѣли, что онъ совѣтуетъ родителямъ сознаться передъ ребенкомъ въ невѣдѣніи, если они не могутъ удовлетворить его любопытству; въ другомъ мѣстѣ [7]) онъ совѣтуетъ имъ сознаться иногда передъ дѣтьми въ своей ошибкѣ, по крайней мѣрѣ сдѣланной при нихъ, чтобы научить ихъ „испытывать самихъ себя“;—

[1]) Тамъ-же, № 59, стр. 230.
[2]) Тамъ-же, № 74, стр. 290.
[3]) Тамъ-же № 53.
[4]) Тамъ-же, № 43, стр. 166.
[5]) Тамъ-же, № 53, стр. 219.
[6]) О воспитаніи дѣтей, Г. Локка. Пер. Поповскаго, М. 1760 г. Ч. I, стр. 231—232.
[7]) Приб. къ Моск. Вѣд. 1783 г. № 86, стр. 337.

вообще въ его сочиненіи родители не являются въ отношеніи къ дѣтямъ какими-то недоступными, почти божественными существами. — Вкореняйте въ дѣтей любовь къ отечеству и довольство правительствомъ (совѣтуетъ нѣмецкое сочиненіе) [1]), учите ихъ не жаловаться на отягощеніе, ограниченія и налоги; учите ихъ, что правленіе, подъ которымъ они имѣютъ счастіе жить, есть одно изъ „мудрѣйшихъ, правильнѣйшихъ и благодѣтельнѣйшихъ“ „по единогласному признанію опытнѣйшихъ и мудрѣйшихъ людей“. Мы видѣли — какъ далекъ Новиковъ отъ возбужденія въ обществѣ революціонныхъ стремленій; но онъ далекъ также и отъ идеализированія существующаго порядка вещей.—„Оберегайте дѣтей отъ употребленія простонародныхъ словъ, ибо простонародныя слова низкія имѣютъ понятія, или влекутъ ихъ за собою“ [2]), учитъ нѣмецкое сочиненіе. Въ русскомъ сочиненіи мы такого наставленія не встрѣчаемъ.—Въ нѣкоторыхъ случаяхъ нужны небольшія тѣлесныя наказанія, говоритъ иностранный авторъ [3]), и прибавляетъ, что опасаться этихъ наказаній нѣтъ причины. „Принуждены будучи употребить тѣлесныя наказанія (замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ) [4]), производите то съ важностію“. Локкъ вообще высказывается противъ тѣлесныхъ наказаній; но однако упрямство считаетъ онъ нужнымъ искоренять розгами, и при этомъ совѣтуетъ бить ребенка до тѣхъ поръ, пока не видно будетъ изъ его голоса, лица и положенія тѣла, что онъ плачетъ отъ истиннаго раскаянія, а не отъ боли [5]). Авторъ русскаго сочиненія Вѣдомостей обходитъ вопросъ о сѣченіи дѣтей и о „важности“ родительскаго вида при этомъ дѣйствіи молчаніемъ. Но взглядъ свой на тѣлесныя наказанія Новиковъ ясно высказалъ помѣщеніемъ въ Моск. Вѣд. 1784 года статьи: „Фамильный разговоръ“ [6]).

Эта статья есть одно изъ цѣлаго ряда педагогическихъ сочиненій, напечатанныхъ въ „Прибавленіяхъ къ Моск. Вѣд. 1784 года“, сочиненій по различнымъ частнымъ вопросамъ педагогики. „Фамильный разговоръ“ — произведеніе переводное, судя по именамъ дѣйствующихъ въ немъ лицъ. Мать (Емма) высѣкла сына (Фрица) за то, что онъ упрямо не хотѣлъ съѣсть того яблока, который она давала. Отецъ недоволенъ ея поступкомъ: можетъ быть нежеланіе ребенка было естественно (говоритъ онъ), можетъ быть онъ не могъ вдругъ преодолѣть себя; дѣти „должны учиться уступать необходимости, которая проис-

[1]) Тамъ-же, № 72, стр. 281.
[2]) Тамъ-же, № 50, стр. 193.
[3]) Тамъ-же, № 43, стр. 167.
[4]) Тамъ-же, № 72, стр. 283.
[5]) О восп. дѣтей, Г. Локка. Пер. Поповскаго, М. 1760 г.
[6]) Приб. къ. М. Вѣд. 1784 г. №№ 91, 93 и 94.

ходитъ изъ связи вещей и обстоятельствъ, а не непремѣнной волѣ своихъ родителей и воспитателей. Первое сдѣлаетъ ихъ кроткими и уступчивыми людьми, а другое подлыми рабами“ [1]). Принуждая ребенка, мы дѣлаемъ явную несправедливость: дитя одарено безсмертною, по образу Всевысочайшаго Существа, душею, какъ и всѣ люди; „оно имѣетъ такія-же права, какъ и мы, съ тѣмъ только различіемъ, что ему болѣе, нежели намъ, нужна чужая помощь. Мы знаемъ изъ естественнаго закона, что никакой человѣкъ не имѣетъ права принуждать безъ нужды другаго человѣка, чтобы онъ исполнялъ его волю противъ своей собственной“ [2]). Дѣти обязаны благодарностью родителямъ за жизнь, но человѣкъ не долженъ жертвовать изъ благодарности естественною свободою и человѣческими своими правами. „*Воспитатель долженъ больше наблюдать, нежели дѣйствовать*“ [3]). Противно смотрѣть, когда дѣти не могутъ слѣдовать своей волѣ и естественнымъ побужденіямъ. Никогда упрямаго не исправишь строгостью, жестокостью и принужденіемъ; такимъ образомъ сдѣлаешь его лишь либо совсѣмъ безчувственнымъ, отрубкомъ безъ чести и стыда, либо еще болѣе непреклоннымъ, твердымъ. Для испорченныхъ дѣтей бываютъ случаи необходимости лозы; но это — исключеніе; да и лоза нужна бываетъ лишь тамъ, гдѣ дѣтей къ этому пріучили. „Я очень часто примѣчалъ двѣ погрѣшности въ воспитаніи. Первая та, что *всегда хотятъ дѣлать больше, нежели сколько нужно и должно*; а другая та, что повидимому весь планъ воспитанія клонится къ тому, чтобы сдѣлать дѣтей пріятными, а не добрыми и честными людьми“ [4]).—Въ этихъ прекрасныхъ разсужденіяхъ редакція Моск. Вѣдомостей выразила свое мнѣніе о тѣлесныхъ наказаніяхъ и о томъ, каковы должны быть взаимныя отношенія дѣтей и воспитателей. Читатель замѣтилъ, вѣроятно, въ нихъ, какъ и вообще въ педагогическихъ сочиненіяхъ новиковскихъ журналовъ, нѣкоторое сходство взгляда Новикова на воспитаніе и образованіе съ тѣмъ взглядомъ, который въ наши дни развился съ такою блистательною силой въ педагогическихъ сочиненіяхъ гр. Л. Толстаго. — Впрочемъ, редакція Вѣдомостей далека отъ признанія ненадобности *воспитывать* дѣтей. Въ сочиненіи „Всеобщее описаніе Американскихъ нравовъ“ [5]) разсказывается, между прочимъ, про свободу въ воспитаніи у американскихъ дикарей, про отсутствіе у нихъ всякихъ наказаній; дикари говорятъ: выростетъ ребенокъ, такъ разсудокъ

[1]) Тамъ-же, № 91, стр. 699.
[2]) Тамъ-же, стр. 700.
[3]) Тамъ-же, стр. 703.
[4]) Тамъ-же.
[5]) Тамъ-же, стр. 516—517.

научитъ его добру. „Съ одной стороны сіе справедливо (дѣлаетъ свое замѣчаніе редакція); но съ другой стороны, между тѣмъ, пока разсудокъ достигнетъ своей власти, могутъ родиться нѣкоторыя склонности и способности, которыя послѣ и для разсудка непобѣдимы, напр. склонность къ мотовству“. Въ дѣтяхъ преступленія не могутъ быть велики, думаютъ дикари. „Иногда и дѣтскія преступленія бываютъ велики (замѣчаетъ опять редакція), напр. неблагодарность къ родителямъ. Да и кромѣ сего могутъ онѣ содержать въ себѣ корень будущихъ великихъ пороковъ“.

Сочиненіе „О воспитаніи и наставленіи дѣтей“ довольно много говорило, какъ мы видѣли, о воспитателяхъ. Имъ-же посвящено въ Моск. Вѣд. 1784 года двѣ статьи. Переводное сочиненіе „Нѣкоторыя правила для гофмейстеровъ“ [1]) рисуетъ идеалъ воспитателя, ставя этого послѣдняго на пьедесталъ недосягаемой высоты, выдѣляя его изъ ряда простыхъ смертныхъ. Примѣчанія редакціи къ сочиненію сводятъ воспитателя съ этого ложнаго пьедестала и требуютъ отъ него обыкновенныхъ человѣческихъ свойствъ и добродѣтелей. — Въ видѣ и поступкахъ воспитателя (говоритъ авторъ сочиненія) должна быть важность и ласка; приэтомъ онъ не долженъ смѣяться: смѣхъ приличенъ только празднымъ людямъ. „Сіе въ основаніи безъ сомнѣнія справедливо (замѣчаетъ редакція), хотя и кажется, будто *слишкомъ сильно выражено*“. Воспитатель долженъ наблюдать точный порядокъ и въ малостяхъ (продолжаетъ авторъ). „Но сія точность не должна превращаться въ педантическое своемысліе, въ несправедливую строгость и угрюмость (оговариваетъ редакція)..... естьли онѣ дѣйствительно суть малости“, то лучше не придавать имъ особеннаго значенія. — Но сдергиваніе съ воспитателя одежды мишурнаго величія не мѣшаетъ редакціи Вѣдомостей возвышеннѣе смотрѣть на природу человѣка, чѣмъ смотритъ авторъ сочиненія. Не должно воспитателю предаваться гнѣву, говоритъ этотъ послѣдній, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда надо быть болѣе человѣка, чтобы удержаться. „Вся важность состоитъ въ представленіи“ (возражаетъ примѣчаніе редакціи): если рѣшимся не вдаваться въ гнѣвъ, то не вдадимся наконецъ (хоть не сразу), какъ бы ни былъ силенъ поводъ. — Воспитатель долженъ имѣть искусство молчать (говоритъ авторъ), т. е. молчать — когда надо хулить тѣхъ, кого воспитанникъ долженъ уважать. „Здѣсь разумѣется такое молчаніе (дополняетъ съ своей стороны редакція), при которомъ говоритъ видъ. Посредствомъ онаго можно изъясняться пристойнѣе“. Очевидно, что это дополненіе совер-

[1]) Тамъ-же, № 27.

шенно измѣняетъ мысль статьи, ставя правду выше внѣшнихъ, повидимому благовидныхъ разсчетовъ.

Сочиненіе „Письмо о домашнихъ учителяхъ“ [1]) говоритъ объ обязанностяхъ этихъ учителей. Домашній учитель обязанъ не пропускать уроковъ, за которые взялся, ибо въ противномъ случаѣ дитя пріучается къ безпорядку, лѣни, неприготовленію уроковъ; у него являются желанія — чтобы учитель не приходилъ, огорченіе — когда онъ придетъ. Съ другой стороны сочиненіе поднимаетъ благородный голосъ за право учителей быть матерьяльно обезпеченными въ жизни, за необходимость этого права и для нихъ, и для пользы самого общества. Я желаю (говоритъ авторъ), чтобы учитель кромѣ нужнаго содержанія имѣлъ еще деньги и на покупку книгъ, ибо пословица „вѣкъ живи — вѣкъ учись“ говоритъ правду, и въ „Университетахъ не можно научиться всему тому, что знать надобно“. Учитель поэтому долженъ обдумать — сколько можетъ въ день работать безъ вреда для здоровья, и сообразно съ этимъ брать плату за свои уроки. Онъ въ состояніи, напр., давать въ день 4 урока и ему надо получать не менѣе 2 рублей; значитъ, онъ не можетъ брать за урокъ менѣе 50 копѣекъ [2]). „По моему мнѣнію, такой человѣкъ и способнѣе къ работѣ, нежели тотъ, кто работаетъ весь день безъ отдохновенія“. (Замѣтимъ кстати, что этотъ благородный голосъ за право учителей покупать книги и работать по-силамъ, безъ вреда для здоровья и для самого дѣла, тогда былъ и до-нынѣ остался — гласомъ вопіющаго въ пустынѣ).

„Письмо о домашнихъ учителяхъ“ касается нѣсколько различія между домашнимъ ученіемъ и ученіемъ въ школѣ. Публичное училище хорошо тѣмъ (говоритъ отецъ семейства), что дитя пріучается въ немъ къ порядку, работая по звонку столько, сколько можно требовать отъ него въ его возрастѣ [3]), хотя (прибавляетъ онъ) мы съ женою, имѣя время и достатокъ, рѣшились не отдавать дѣтей въ пансіонъ, пока можно. — Гораздо подробнѣе разсматриваетъ этотъ вопросъ прежде напечатанное сочиненіе „О раннемъ началѣ ученія дѣтей“ [4]). Оно, ссылаясь на Ликурга, Ксенофонта, на „мудрѣйшихъ законодателей всѣхъ временъ“, отдаетъ предпочтеніе „публичному“ воспитанію предъ „приватнымъ“. Оно указываетъ на важность *соревнованія* дѣтей. Нѣкоторые говорятъ (замѣчаетъ авторъ сочиненія), что дѣти, невинные дома, теряютъ эту невинность въ школѣ. Да (возражаетъ онъ), дѣти между множествомъ сверстниковъ лишаются видимой невинности; но дѣлаются ли они оттого злодѣями, предаются ли порокамъ безъ всякаго воздержанія? Нѣтъ. А между тѣмъ все это грозитъ воспитывающимся дома, именно вслѣдствіе ихъ незнанія опасности. „Дѣти, дома воспитываемыя, могутъ быть незлобивы и нелукавы какъ голуби; но быть мудрыми, какъ змѣи, научаетъ ихъ обхожденіе съ сверстниками своими..... Изъ него научаются онѣ нѣкоторымъ правиламъ благоразумія, за которыя въ большомъ свѣтѣ заплатили бы онѣ весьма дорого“ [1]).

Сочиненіе „О раннемъ началѣ ученія дѣтей“ главнымъ образомъ направлено противъ мысли — будто лучше учиться въ зрѣломъ возрастѣ, а не въ дѣтствѣ. Старая истина — что учиться лучше всего въ юности (говоритъ авторъ); но Бель, „тончайшій наблюдатель, имѣвшій также дарованіе ежедневнымъ истинамъ давать новый видъ“, правъ, ссылаясь „на сіе испытанное положеніе, что человѣки не всегда по своимъ правиламъ поступаютъ“ [2]). (Интересна, замѣтимъ кстати, эта характеристика Беля, напечатанная въ новиковскомъ изданіи: въ Новиковѣ никогда не было и тѣни фанатизма). Нѣкоторые утверждаютъ — будто все изученное въ лѣта дѣтства можно узнать въ зрѣломъ возрастѣ въ одинъ годъ. Они ссылаются на людей, которые начали учиться поздно и достигли ученой славы (таковы, напр., Ю. Ц. Скалигеръ, Исаакъ Казавбонъ). Но это мнѣніе совершенно несправедливо: поле учености пространно, жизнь человѣка кратка; много времени нужно на изученіе однихъ языковъ, этихъ вспомогательныхъ способовъ къ учености; здѣсь (по словамъ Квинтиліана) и однимъ годомъ пренебрегать не слѣдуетъ. Утверждающіе, что можно научиться поздно, должны знать таинство прививать науки какъ оспу. Энциклопедіи тутъ не помогутъ: иныя изъ нихъ „благонамѣренны“, но не обдуманны, другія — слишкомъ искусственны, третьи — принадлежатъ извѣстному только мѣсту, четвертыя слишкомъ общи, отвлеченны. Институты, основанные по идеямъ Руссо, „были подобны тѣмъ рѣдкимъ и далеко сіяющимъ метеорамъ, которые приводятъ свѣтъ на нѣсколько минутъ въ удивленіе, но вдругъ исчезаютъ, когда еще всѣ глаза устремлены на разсматриваніе ихъ, какъ говоритъ Виландъ“ [3]). Что же касается до знаменитыхъ ученыхъ, начавшихъ учиться въ зрѣлыхъ лѣтахъ, то подобными примѣрами нельзя „оспаривать раннее

[1]) Тамъ-же, № 78.

[2]) Судя по этому разсчету и по привед. выше пословицѣ, статья должна быть оригинальною.

[3]) Приб. къ М. Вѣд. 1784 г. № 78, стр. 593—594.

[4]) Тамъ-же, №№ 55 и 56. Трудно рѣшить — оригинал. это сочиненіе или переводъ.

[1]) Тамъ-же, № 55, стр. 440.

[2]) Тамъ-же, стр. 425.

[3]) Тамъ-же, стр. 431.

ученіе", потому что такіе примѣры рѣдки и сопровождались особыми обстоятельствами, какъ-то: пребываніемъ въ большомъ городѣ, при „знатномъ Дворѣ", покровительствовавшемъ наукамъ; „обхожденіемъ съ учеными людьми"; чрезвычайными природными способностями и т. п.

Говоря о воспитателяхъ и учителяхъ, о домашнемъ и школьномъ образованіи, о возрастѣ — когда надо учиться, Прибавленія къ Моск. Вѣд. 1874 года говорятъ и чему надо учиться, т. е. о содержаніи образованія. Изданія Новикова вообще сочувственно относятся къ древнему міру, къ его философіи и литературѣ; они, какъ мы видѣли [1]), находятъ полезнымъ учить дѣтей древнимъ языкамъ. Но точно также находятъ они полезнымъ для дѣтей и естествознаніе. Новикову неизвѣстно было, что образованіе можетъ дѣлиться на классическое и реальное. — „Разсужденіе о нѣкоторыхъ способахъ къ возбужденію любопытства въ юношествѣ" [2]) говоритъ о занятіяхъ съ дѣтьми изученіемъ природы и поэтическихъ произведеній, дѣйствующихъ на ихъ фантазію. Нѣкоторымъ дѣтямъ врождено сильное „любопытство" (замѣчаетъ авторъ разсужденія), у другихъ его мало. Воспитатель долженъ изучить способности и силы воспитанника, склонности его, и на основаніи этого возбуждать его любопытство и направлять на истинный путь. Ребенокъ разрушаетъ что-нибудь, убиваетъ животныхъ; онъ дѣлаетъ это часто не по злости, а вслѣдствіе потребности дѣйствовать, — дайте направленіе этой потребности: пусть онъ строитъ карточные домики; дайте ему въ руки орудія взрослыхъ, научивши ихъ названію, пользѣ, употребленію. Затѣмъ, пользуйтесь удовольствіями дѣтей: ребенку особенно нравятся, во-1-хъ, всякіе предметы, или изображенія ихъ, которыя чувства его могутъ ощущать ясно; во-2-хъ, всякая новая и чудесная вещь. Потому и надо обратиться къ природѣ, „которой указанію должны мы послѣдовать во всякомъ дѣлѣ, преимущественно-жь при воспитаніи дѣтей" [3]). Надо разсматривать съ дѣтьми животныхъ, растенія, произведенія человѣческаго прилежанія и искусства. Для переводовъ съ иностранныхъ языковъ надо брать статьи изъ натуральной исторіи, а не такъ называемые „полезные и пріятные діалогизмы", не дающіе пищи ни разуму, ни сердцу, и вперяющіе омерзѣніе къ языку. Новое и чудесное сильно вліяетъ на дѣтей; оттого полезны имъ: „исторіи и подобные исторіи вымыслы, равнымъ образомъ басни, а иногда и самыя сказки" [4]). — Скажутъ: возбуждаемыя къ чувственнымъ забавамъ, дѣти будутъ неспособны къ

[1]) См. напр. педагогич. соч. въ „Моск. Изданіи" или перев. педаг. сочиненіе въ „Приб. къ Моск. Вѣд., 1783 г.".

[2]) Прибав. къ Моск. Вѣд. 1784 г., №№ 51 и 52.

[3]) Тамъ-же, стр. 412—413.

[4]) Тамъ-же, стр. 415.

важнымъ дѣламъ. — Это было бы вѣрно, если бы „чувственное наставленіе" клонилось *только* къ доставленію удовольствія дѣтскимъ чувствамъ. Подобнымъ же путемъ ведетъ всѣхъ и Богъ: съ полезнымъ Онъ совокупилъ пріятное; но можемъ ли мы сказать, что пріятность при наслажденіи земными благами есть единая цѣль, для которой далъ Онъ намъ наслаждаться ими? Природа, вымыслы, басни и сказки благотворно дѣйствуютъ на всю душу ребенка. Чрезъ вліяніе ихъ на его чувства и вслѣдствіе знанія „толь многоразличныхъ вещей" „отвлеченіе, различеніе, проницаніе сдѣлаются для разума удобнѣйшими; воображеніе получитъ начертанія; въ сердцѣ возбудится чувствованіе изящнаго и добраго" [1]). — Къ сожалѣнію, трудно сказать съ достовѣрностью — оригинальное ли сочиненіе это „Разсужденіе", или нѣтъ [2]); но во всякомъ случаѣ въ немъ высказалось органически-жизненное пониманіе Новиковымъ образованія, долженствующаго, по его мнѣнію (какъ видимъ), дѣйствовать на *всѣ* душевныя силы человѣка. — Замѣчателенъ между прочимъ взглядъ статьи на сказки (на допущеніе которыхъ въ образованіе и до-нынѣ еще косятся иные люди). Переводное педагогическое сочиненіе „Прибавленій къ Моск. Вѣд. 1783 г." высказалось противъ сказокъ: „прислужницы или другіе люди (говорится тамъ) [3]) не должны отваживаться разсказывать имъ (т. е. дѣтямъ) басенки о бѣсахъ, вѣдьмахъ, мертвецахъ и волшебницахъ, разгорячать и запутывать силу воображенія ихъ неестественными чудными вещами. Опытъ научаетъ, что хотя разсудокъ взрослаго человѣка и признаетъ такія вещи за пустыя нелѣпости, однако живыя впечатлѣнія, сдѣланныя въ дѣтствѣ оными въ воображеніи его, смущаютъ еще и тогда оное и нарушаютъ спокойствіе и разсудливость его духа". Оригинальное сочиненіе „О воспитаніи" (въ тѣхъ-же „Прибавленіяхъ"), быть можетъ — подъ вліяніемъ сочиненія нѣмецкаго, тоже какъ-будто отвергаетъ сказки, впрочемъ въ выраженіяхъ неопредѣленныхъ: „опасно (говоритъ оно) [4]) оставлять часто и долго дѣтей подъ надзираніемъ и въ сообществѣ людей, имѣющихъ совсѣмъ грубой и занятой заблужденіями и предразсудками разумъ..... Не приучатся ли паче дѣти ваши въ обхожденіи съ ними употреблять слова,

[1]) Тамъ-же, стр. 416.

[2]) Слѣд. слова м. б. свидѣтельствуютъ объ его оригинальности: „Тѣснота сихъ предѣловъ и намѣреніе наше при изслѣдованіи сего вопроса сдѣлать извѣстнѣе между нами отъ другихъ уже предложенные способы..... извинятъ насъ въ томъ, если сіи листы будутъ имѣть недостатокъ какъ въ полнотѣ и подробности, такъ и въ новости" и т. д.

[3]) Прибавл. къ Моск. Вѣд. 1783 г., № 53, стр. 207.

[4]) Тамъ-же, № 84, стр. 330.

которыхъ онѣ не разумѣютъ, судить о вещахъ, которыхъ онѣ не знаютъ, соединять истинное съ ложнымъ, чудное предпочитать натуральному, таинственное понятному?“ Неопредѣленность выраженій показываетъ, что взглядъ Новикова на значеніе для дѣтей сказокъ, должно быть, не опредѣлился еще въ 1783 году. Въ 1784 году, какъ мы видимъ, онъ пришелъ къ заключенію, что сказки дѣтямъ полезны.

Въ близкой связи съ сейчасъ разсмотрѣннымъ „Разсужденіемъ“, въ связи по основной идеѣ, стоитъ сочиненіе „О эстетическомъ воспитаніи“ [1]). Подобно тому, оно требуетъ многосторонняго образованія для человѣка. При обученіи бываютъ иногда крайности (говоритъ оно); напр., съ побѣдою въ новѣйшее время философіи надъ предразсудками иные стали учить юношество только философіи. Это ошибка: истинно образованный человѣкъ долженъ знать важнѣйшее изъ всѣхъ наукъ, ибо всѣ онѣ связаны. Онъ долженъ ознакомиться и съ эстетикой, ибо искусства служатъ великимъ украшеніемъ ученому человѣку и могутъ быть полезны „въ особенныхъ случаяхъ“. Сочиненіе начинается съ прекрасныхъ доказательствъ возможности существованія эстетики и пользы ея: Логика и Мораль не могутъ сами собой сдѣлать человѣка разумнымъ и нравственнымъ, если въ немъ самомъ нѣтъ къ этому расположенія; такъ и Эстетика не можетъ дать вкуса; но эти три науки способствуютъ развитію и правильному ходу ума, нравственности и вкуса. Различіе вкуса у людей не исключаетъ возможности Эстетики, ибо „въ разсужденіи образа мыслей“ тоже существуетъ нѣкоторая разница у людей, однако это не мѣшаетъ существовать Логикѣ. Нѣкоторыя всеобщія правила красоты должны быть. Эстетика (продолжаетъ сочиненіе) далека отъ совершенства и даже отъ полноты: ей извѣстны теперь только правила краснорѣчія и отчасти живописи. Кромѣ краснорѣчія не мѣшало бы обучаться и другимъ изящнымъ искусствамъ; но этого нельзя требовать отъ всѣхъ: для разныхъ искусствъ нужны особыя способности, особые учителя. Краснорѣчію же должны учиться всѣ. При занятіи искусствами нужны практическія упражненія; но, разумѣется, нельзя заставить учащихся писать стихи: для этого должно имѣть дарованіе. — Всѣ приведенныя разсужденія сочиненія прекрасны. Но нельзя назвать такими-же соображенія его о томъ, какъ надо преподавать краснорѣчіе, или, говоря современнымъ языкомъ, словесность. Надлежитъ взять хорошіе образцы отечественныхъ сочиненій (говоритъ статья) въ прозѣ и стихахъ, и разбирать ихъ, т. е. изъяснять въ нихъ темное, показывать связь и порядокъ мыслей, всякія красоты, особенности выраженій, прибавляя правила. Надо читать такъ, какъ хорошій педагогъ сталъ бы читать латинскаго писателя. — Мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, что литературная критика — слабая точка Новикова; то-же должно сказать и про его взглядъ на преподаваніе отечественной словесности. — Это не относится, впрочемъ, къ совѣтамъ статьи объ упражненіяхъ учениковъ въ прозаическихъ сочиненіяхъ; эти совѣты хороши: начинать упражненія надо рано (говоритъ статья); — 10-ти-лѣтнему ребенку можно задать извлеченіе изъ басни или другаго легкаго сочиненія, читаннаго и объясненнаго ему, или написать о томъ, что онъ слышалъ „въ другихъ лекціяхъ“, особливо въ историческихъ. При задаваніи сочиненія надлежитъ давать небольшой планъ, который не долженъ быть ни искусственъ, ни пространенъ. Мало-по-малу „упражненіе сіе надо возвышать“. — Не дурны также совѣты автора статьи о разборѣ сочиненій — какъ подготовкѣ къ философіи: для такого разбора совѣтуетъ онъ избирать сочиненія прозаическія, и при этомъ нельзя показывать только порядокъ мыслей (говоритъ онъ), но надо бесѣдовать „объ ихъ истинѣ и исправности“, изслѣдовать понятія, мнѣнія и заключенія писателя. — На занятія отечественнымъ языкомъ и словесностью сочиненіе назначаетъ 2 часа ежедневно, и въ зависимость отъ этихъ занятій ставитъ успѣшное изученіе латинскаго языка: какъ разумѣть латинскихъ авторовъ (замѣчаетъ оно), когда отечественныхъ книгъ не понимаемъ.

Наконецъ, въ числѣ разбираемыхъ статей есть одна о методахъ преподаванія; она называется „О сократическомъ способѣ ученія“ [1]). Въ началѣ ея мы встрѣчаемъ краткій очеркъ исторіи педагогики, съ указаніями на Ликурга, Аристотеля, Плутарха, Квинтиліана, Оригена, Августина; на паденіе воспитанія въ средніе вѣка; на счастливую эпоху его во время реформаціи, на Лютера, Меланхтона и другихъ. Статья называетъ далѣе лучшихъ педагогическихъ писателей новыхъ временъ: Ролленя, Фенелона, г-жу де-Бомонтъ во Франціи, Локка и Фордиче въ Англіи, Базедова, Миллера, Резевица, Федера, Брауна, Фельбигера и Рохова въ Германіи. Педагогику она опредѣляетъ такимъ образомъ: предметъ этой науки—развивать способности дитяти, обогащать его душу понятіями и знаніями, образовывать сердце къ добродѣтели и „ежегодно приближать его къ тому опредѣленію въ свѣтѣ, котораго надлежитъ ему достигнуть въ юношествѣ, мужескихъ лѣтахъ и старости“ [2]). Одною изъ важнѣйшихъ частей Педагогики должно считать Методику (говоритъ статья), которая учитъ „образу

[1]) Прибавл. къ Моск. Вѣд. 1784 г., № 59. Это сочиненіе можетъ быть оригинальное.

[1]) Тамъ-же, №№ 56, 57, 58 и 59. Трудно сказать—переводъ это или оригинальное произведеніе.

[2]) Тамъ-же, стр. 445.

ученія, употребленію наблюденій и выводимыхъ изъ нихъ правилъ“ [1]). Методовъ ученія много: аналитическій, синтетическій, ероматическій, методъ Коменія, Базедова, и т. д. „Всякой учитель юношества долженъ о нихъ размышлять, испытывать ихъ и извлекать изъ нихъ самое лучшее“ [2]).—Эти прекрасныя слова свидѣтельствуютъ, что статья очень хорошо понимаетъ значеніе *личности* педагога въ дѣлѣ образованія: учителю нельзя предписать — какому методу онъ долженъ слѣдовать. — Ни одинъ методъ не сохраняется въ почтеніи столь долго (продолжаетъ сочиненіе), какъ Сократовъ. Сократовъ методъ состоитъ въ 2 главныхъ пунктахъ: во-первыхъ, Сократъ старался узнать природу души ученика, и затѣмъ не вкладывалъ въ этого послѣдняго свои мысли, а помогалъ въ родахъ его разуму, былъ не учитель, а соученикъ. А во-вторыхъ, онъ дѣйствовалъ такъ называемой сократовой ироніей. Здѣсь статья объясняетъ характеръ философіи Сократа, говоритъ объ отношеніяхъ его къ софистамъ, къ юношеству, и затѣмъ переходитъ къ ироніи. Иронія Сократа не значитъ (замѣчаетъ она), что его рѣчь можно было объяснять такъ и иначе. Иронія эта, съ одной стороны, „состояла въ мудромъ и благоразумномъ, но для другихъ не вредномъ искусствѣ притворяться“. Сократъ казался неимѣющимъ знаній, старающимся научиться, радующимся неожиданнымъ выводамъ; онъ представлялся любящимъ удовольствія, ведущимъ бесѣды не для наученія. Съ другой стороны, его иронія была искусствомъ разбивать противниковъ ихъ собственными словами, употреблять выраженія, означающія повидимому похвалу, но имѣющія другой, тайный смыслъ.

Изъ всего вышесказаннаго видно, что педагогическія статьи Прибавленій къ Моск. Вѣд. 1783 и 1784 гг. въ совокупности своей составляютъ нѣчто вродѣ цѣлаго курса науки о воспитаніи и образованіи; въ нихъ затронуты всѣ существенные пункты этой науки: взаимное отношеніе воспитанія и образованія; отношенія дѣтей къ родителямъ и воспитателямъ и, обратно, этихъ послѣднихъ къ дѣтямъ; положеніе учителей въ обществѣ; домашнее и общественное образованіе; содержаніе образованія и методы преподаванія. По всѣмъ этимъ пунктамъ редакція Вѣдомостей высказала такіе просвѣщенные взгляды, которые не только не уступаютъ современнымъ педагогическимъ понятіямъ нашего общества, но во многомъ стоятъ значительно выше достигнутаго нами на дѣлѣ.

Кромѣ двухъ большихъ педагогическихъ сочиненій въ „Приб. къ М. Вѣд. 1783 г.“ напечатано еще обширное сочиненіе подъ заглавіемъ „О торговлѣ вообще“ [1]). Это произведеніе оригинальное и написано отъ лица редакціи Вѣдомостей [2]). Въ нашъ вѣкъ, просвѣщенный болѣе всѣхъ прежнихъ столѣтій (говоритъ введеніе), торговля, „это важное для человѣчества дѣло“, извлечена изъ прежняго мрака и возведена на степень науки; „озарено свѣтомъ разсудка и Философіи то вліяніе, которое она можетъ имѣть во всякую часть Государственнаго состава“. (Замѣтимъ здѣсь кстати сочувственный отзывъ Новикова о 18 вѣкѣ; преслѣдуя смѣхомъ и негодованіемъ нравы этого вѣка, онъ вовсе не отчаявается въ немъ, въ его просвѣщеніи и стремленіяхъ). Сочиненіе указываетъ писателей, обратившихъ вниманіе на торговлю и открывшихъ правила ея; эти писатели: Невтонъ, Локкъ, Гюмъ, Шмитъ, Таубе, Зонненфелсъ, Пинто, Райналь, Фортбоне и мн. др. На основаніи ихъ русскій авторъ и составилъ свою статью; онъ ссылается, впрочемъ, еще на Руссо, на „Ремерову исторію древнихъ временъ“; Esprit des lois, Montesquieux; „Ролленеву древнюю исторію“ [3]). — Сочиненіе говоритъ о раздѣленіи торговли на внутреннюю и внѣшнюю, объ обстоятельствахъ, способствующихъ развитію ея, и о вліяніи торговли на благополучіе государства. При этомъ всюду выражаются тѣ просвѣщенные и благородные взгляды, съ которыми мы познакомились въ изданіяхъ Новикова. — Внутренняя торговля должна быть основаніемъ внѣшней (говоритъ авторъ). Когда нація „снабдена“ нужными потребностями, тогда полезно заводить чужеземный торгъ [4]).—Развитіе торговли зависитъ отъ положенія земли, предпріимчивости духа народа, отъ вольности и мирной политики [5]). Выгоды торга уничтожаются военною славою, утверждаетъ сочиненіе, ссылаясь на древній Карѳагенъ [6]). Голландцы, при всей предпріимчивости духа, только тогда сдѣлали огромные успѣхи въ торговлѣ, когда осмѣлились, по выраженію одного новѣйшаго писателя, „переломить желѣзный скиптръ, ихъ угнѣтавшій и поднять главу свою изъ водъ, дабы владычествовать надъ морями“, т. е. когда пріобрѣли вольность чрезъ войну съ Филиппомъ [7]). Англія съ ея мудрымъ правленіемъ служитъ примѣромъ торговли, основанной на разумныхъ и здра-

[1]) Тамъ-же, стр. 446.
[2]) Тамъ-же, стр. 447.

[1]) Приб. къ М. Вѣд. 1783 г. №№ 1, 4, 5, 8, 11, 14, 17, 25, 26, 28, 29, 30, 32, 33, 36, 38, 41, 44, 45, 47, 48, 50, 51, 54, 55, 57, 58, 60, 61, 64, 65, 68, 69, 71, 73, 74, 75 и 76.
[2]) Тамъ-же, № 1, стр. 1.
[3]) Тамъ-же, № 1, стр. 1, № 5 и № 28.
[4]) Тамъ-же, № 4.
[5]) Тамъ-же, №№ 8 и 11.
[6]) Тамъ-же, № 8.
[7]) Тамъ-же, № 11, стр. 41.

выхъ правилахъ [1]). Въ деспотическихъ государствахъ торговля слаба [2]). Положеніе Германіи весьма удобно для торговли, земля эта имѣетъ все потребное для нея, кромѣ „прянаго зелія и дорогихъ камней“; но разныя обстоятельства дѣлаютъ безполезными всѣ выгоды, и заставляютъ нѣмцевъ покупать „у иностранцевъ все то, что сіи продать имъ захотятъ“: „множество провинцій, столь многими управляемыхъ Князьями, ревность сихъ Князей, междуусобныя войны, безпрестанныя старанія наносить другъ другу препятствія, разность денежной монеты, множество податей, худыя дороги и проч.—все сіе препятствуетъ увеличенію нѣмецкаго торга“ [3]). — Полезное вліяніе торговли на благополучіе государства выражается, во-1-хъ, въ произведеніи кредита; опытъ показываетъ (говоритъ статья), что кредита болѣе имѣютъ республики, чѣмъ деспотическія государства, и происходитъ это отъ слабости торговли въ послѣднихъ; заемъ на войну возбуждаетъ менѣе кредита, чѣмъ заемъ на торговлю; — во-2-хъ, въ обращеніи денегъ;—въ 3-хъ, въ относительномъ богатствѣ;—въ 4-хъ, въ умноженіи процвѣтанія прилежанія;—въ 5-хъ, въ государственной экономіи; если государство не богато жителями, то торговля представляетъ случай къ пріобрѣтенію ихъ: чужеземные рукодѣльцы несутъ свои способности въ страну, гдѣ имъ покровительствуютъ; такъ напр., въ 1614 году Голландія пріобрѣла такимъ путемъ множество ткачей; — въ 6-хъ, въ роскоши; въ политическомъ смыслѣ роскошь ничто иное (объясняетъ статья), какъ излишнее употребленіе не необходимыхъ вещей; роскошь вредна государству, когда предметы ея суть иностранные товары; она вредна частному человѣку, когда расходы „превосходятъ его силы“, — но это уже будетъ мотовство;—въ 7-хъ, въ „нравственномъ просвѣщеніи и утонченіи“; — въ 8-хъ, въ упражненіи гражданъ;—въ 9-хъ, въ умноженіи народа, и въ 10-хъ, въ свободѣ [4]). — Съ 1-го до 29-го № Вѣдомостей сочиненіе говоритъ, какъ мы видѣли, объ общихъ положеніяхъ и условіяхъ торговли; съ № 29-го рѣчь идетъ „о состояніи торговли у разныхъ Европейскихъ народовъ и о товарахъ, какими торгуютъ они между собою и съ другими частями свѣта“. Здѣсь изображена торговля: Испаніи (№№ 29 и 30), Голландіи (№ 32), Англіи (№№ 32 и 33), Даніи (№ 36), Франціи (№№ 36 и 38), Швеціи (№ 41), Италіи (№ 41), Венгріи (№ 44), Польши (№ 44), Германіи (№№ 44 и 45), Австрійскихъ Нидерландъ (№ 47),

[1]) Тамъ-же, № 11.
[2]) Тамъ-же, № 14.
[3]) Тамъ-же, № 44, стр. 170 и 172 (примѣчаніе *a*.).
[4]) Тамъ-же, №№ 14, 17, 23 и 25.

Швейцаріи (№ 47); торговля Европейцевъ въ Левантѣ (№№ 47, 48, 49 и 50), на берегахъ Варваріи (№ 51), въ Африкѣ (№№ 51 и 54), въ Азіи (№ 55), въ Остъ-Индіи (№№ 57, 58, 6 , 61), въ Китаѣ (№ 64 и 65), на Азіатскихъ островахъ (№ 65), во владѣніяхъ Испаніи въ Америкѣ (№№ 68, 69, 71), владѣніяхъ Португаліи въ Америкѣ (№ 73), Франціи въ Америкѣ (№ 73), Англіи тамъ-же (№ 75), Голландіи тамъ-же (№ 75), Даніи тамъ-же (№№ 75 и 76). Нѣтъ только изображенія торговли Россіи, и весьма трудно сказать — почему его нѣтъ. — Во всѣхъ этихъ отдѣльныхъ описаніяхъ торговли различныхъ странъ есть много интереснаго; таковъ, напр., довольно подробный разсказъ о добываніи перловъ [1]), или о чаѣ, — сборѣ его, сортировкѣ и т. д. [2]). Статья о торговлѣ Европейцевъ въ Африкѣ говоритъ между прочимъ довольно подробно о торгѣ невольниками, „сими несчастными невольниками, погибающими въ Американскихъ рудокопныхъ или сахарныхъ заводахъ“. „Справедливость — естьли можетъ она быть при томъ, когда людей дѣлаютъ невольниками (замѣчаетъ статья) — благоразуміе и мудрая политика сочинили законы, изданные во Франціи подъ названіемъ *Чернаго уложенія* (code noir)“ [3]). — Мы видѣли отзывъ сочиненія о Германіи. Съ бо̀льшимъ сочувствіемъ относится оно къ Франціи; авторъ сочиненія выражаетъ удивленіе, что эта страна не превзошла въ торговлѣ всѣ другія страны: множество произведеній, плодородіе земли, многочисленныя мануфактуры и фабрики, „благоразумныя установленія въ разсужденіи оныхъ“, прилежаніе жителей, остроуміе множества художниковъ и работниковъ, вкусъ въ произведеніяхъ, „однимъ словомъ, дѣйствительное могущество и величество государства сего могло бы хотя не совсѣмъ уничтожить торговлю всѣхъ прочихъ націй, но по крайней мѣрѣ заключить въ весьма тѣсные предѣлы“ [4]). Сочувственно говоритъ авторъ также о голландцахъ; онъ указываетъ на ихъ прилежаніе, вслѣдствіе котораго, не имѣя лѣса, они не только строятъ корабли, но еще продаютъ строевой лѣсъ, подобно тому, какъ и хлѣбъ, вино и т. д. — Редакція Моск. Вѣдомостей напечатала сочиненіе о торговлѣ, конечно, съ цѣлью способствовать развитію этого дѣла въ Россіи и сдѣлать извѣстными

[1]) Тамъ-же, № 55, примѣч. *д*) (въ статьѣ опечатка: *а* вм. *д*.).
[2]) Тамъ-же, № 64.—Для исторіи медицины интересны два указанія сочиненія: 1) между товарами, которые пріобрѣтаютъ Европейцы въ Левантѣ, названы муміи, „нѣкоторыя части головъ которыхъ употребляются въ Медицинѣ» (№ 49). 2) при разсказѣ о птичьихъ гнѣздахъ въ Ост-Индіи замѣчено, что они почитаются (гдѣ?) питательными и полезными для больныхъ (№ 61).
[3]) Тамъ-же, № 54, стр. 210 и 211, примѣч. *т*.).
[4]) Тамъ-же, № 36, стр. 143—144.

условія и правила, необходимыя для его веденія. Между этими послѣдними особенно замѣчательно указаніе на необходимость *честности* въ торговлѣ: торговыя націи „строги въ наблюденіи своихъ выгодъ, говоритъ сочиненіе [1]), но не менѣе вѣрны и совѣстны противъ торгующихъ съ ними. Самое точное и строжайшее исполненіе справедливости необходимо торговымъ націямъ и всегда находится у нихъ при цвѣтущемъ ихъ состояніи".

Кромѣ разсмотрѣннаго сочиненія о торговлѣ, въ Приб. къ Моск. Вѣд. 1783 г. есть еще три о томъ-же предметѣ: неоконченное „Письмо нѣкотораго путешественника объ Остъ-Фрисландіи" [2]), обѣщающее „краткое описаніе достопамятныхъ вещей" въ этой странѣ, заслуживающихъ вниманіе купца. Статья „О употребленіи чаю" [3]), сообщающая о количествѣ вывоза его въ Европу и о торговлѣ имъ въ Англіи; и „Размышленія о предпріятіяхъ, касающихся до торговли съ Сѣв. Америкой" [4]). Въ этомъ послѣднемъ произведеніи авторъ, германскій профессоръ Бишъ, говоритъ, что свобода, пріобрѣтенная Сѣв. Америкой, подаетъ надежду всякому государству завести съ новой страною торгъ, и затѣмъ подробно объясняетъ выгоды и невыгоды этого торга.

Наконецъ Моск. Вѣдомости 1783 г. представили цѣлый рядъ довольно интересныхъ „Описаній знатнѣйшихъ городовъ въ свѣтѣ" [5]) (собственно только въ Европѣ) съ цѣлью, какъ говоритъ редакція [6]), сколько-нибудь пополнить недостатокъ у насъ помогающихъ чтенію вѣдомостей лексиконовъ и журналовъ, которые занимаютъ за-границей не послѣднее мѣсто между многими тамошними полезными изданіями. — Къ этимъ описаніямъ, какъ къ сочиненіямъ географическимъ, примыкаютъ еще два произведенія: описаніе „Ост-Индійскихъ компаній" (англійской и французской) [7]) и „Извѣстіе о Мароккскомъ Государствѣ" [8]), говорящее о границахъ этой страны, ея произведеніяхъ, о числѣ жителей, о ихъ вѣрѣ, обычаяхъ и нравахъ.

Въ „Прибавленіяхъ къ Моск. Вѣдомостямъ 1784 г." напечатанъ цѣлый рядъ географическихъ, или, лучше сказать, этнографическихъ

[1]) Тамъ-же, № 26, стр. 103.
[2]) Тамъ-же, №№ 76 и 77.
[3]) Тамъ-же, №№ 81 и 82.
[4]) Тамъ-же, №№ 77, 78 и 79.
[5]) Тамъ-же, №№ 3, 7, 18, 25, 27, 31, 33—35, 38, 39, 42, 45, 52, 55, 61, 62, 67, 94—100, 103 и 104.
[6]) Тамъ-же, № 3, стр. 9.
[7]) Тамъ-же, №№ 10, 13, 15; 19, 21 и 22.
[8]) Тамъ-же, №№ 79 и 80.

статей [1]). Въ нихъ мы находимъ очень хорошія и интересныя описанія различныхъ странъ Европы и другихъ частей свѣта; эти описанія знакомили читателей Моск. Вѣдомостей съ природою различныхъ мѣстностей, съ обычаями и нравами различныхъ народовъ. Не останавливаясь на содержаніи статей, замѣчу только, что всѣ онѣ такъ подобраны, что выражаютъ взгляды редакціи, взгляды просвѣщенные и возвышенно-благородные. Если гдѣ редакція не соглашается съ мнѣніемъ автора какого-нибудь произведенія, тамъ она дѣлаетъ оговорку, въ которой высказываетъ свое мнѣніе. — Въ сочиненіяхъ: „О произведеніяхъ Австрійскихъ Нидерландъ" [2]) и „О мануфактурахъ и торговлѣ Австрійскихъ Нидерландъ" [3]) выражается сочувствіе прилежанію и предпріимчивости жителей этой страны, и высказывается мысль, что развитіе промышленности и торговли въ народѣ зависитъ отъ развитія въ немъ *образованности:* началомъ процвѣтанія торговли въ Нидерландахъ послужило, говоритъ авторъ, заведеніе Академіи Наукъ въ Брюсселѣ, „ибо могущество и богатство Аѳинъ, Рима, Англіи, Франціи и проч. тѣмъ болѣе возвышалось, чѣмъ совершеннѣе процвѣтали науки" [4]). — Статья „О Цыганахъ" [5]) говоритъ, что, если это племя служитъ въ тягость крестьянамъ и путешественникамъ, занимаясь почти только кражей, ворожбой, да собираніемъ милостыни, то это потому, что мы не заботимся о его *просвѣщеніи;* а просвѣтить Цыганъ не трудно, — гораздо легче, чѣмъ Евреевъ, ибо они не имѣютъ ни книгъ, ни священниковъ, а придерживаются обыкновенно религіи народа, среди котораго кочуютъ. — Описавъ ужасы войнъ и убіенія плѣнныхъ у американскихъ дикарей, авторъ этого описанія [6]) дѣлаетъ отсюда выводъ о преимуществѣ просвѣщенія, цивилизаціи надъ первобытной простотою нравовъ; цивилизація можетъ быть ослабляетъ (говоритъ онъ) нѣкоторыя природныя добродѣтели, но Христіанская религія, науки, искусства и торговля „умягчаютъ нравы". — Преданность цивилизаціи не мѣшаетъ однако автору сейчасъ названной статьи и редакціи Вѣдомостей видѣть хорошее въ нравахъ дикарей: женщины у Американскихъ племенъ „не подвержены такому игу (говоритъ статья), подъ которымъ находится сей полъ въ тѣхъ земляхъ,

[1]) Приб. къ М. Вѣд. 1784 г. №№ 15—18, 25—29, 35—37, 44—46, 48—51, 65—68, 72—77, 83—86.
[2]) Тамъ-же, № 48.
[3]) Тамъ-же, № 49—51.
[4]) Тамъ-же, № 50, стр. 398.
[5]) Тамъ-же, № 74.
[6]) Тамъ-же, №№ 65—68 (Всеобщее описаніе Американскихъ нравовъ).

въ которыхъ онъ по видимому болѣе почитаемъ. Вся народная честь зависитъ отъ женщинъ. Онѣ имѣютъ даже свои собранія, и участвуютъ во всѣхъ совѣтахъ, касающихся до народнаго правленія; и способности ихъ сему соразмѣрны“ [1]). Въ другомъ сочиненіи [2]), авторъ его, разсказавъ о союзахъ дружбы у Морлаковъ, союзахъ — заключаемыхъ въ храмѣ, замѣчаетъ, что этотъ обычай „устыдителенъ“ для самыхъ просвѣщенныхъ націй и служитъ доказательствомъ нѣжности чувствованій, къ которой способны и тѣ люди, коихъ мы непросвѣщенными или необразованными называемъ“. — Невѣжество считаютъ обыкновенно этнографическія статьи Моск. Вѣдомостей источникомъ несчастій для народовъ. Въ числѣ причинъ упадка Турціи указываютъ онѣ [3]) на ея фанатическую религію, признающую неограниченный рокъ, „Fatum въ грубѣйшемъ смыслѣ“. Тотъ-же религіозный фанатизмъ губитъ, по ихъ мнѣнію, Испанію [4]), погубилъ Геную [5]). „Сіи люди (говоритъ одно сочиненіе про духовныхъ лицъ Испаніи), не работая, съѣдаютъ самолучшіе плоды человѣческихъ трудовъ и въ поноснѣйшей праздности утучняются мозгомъ государства. Они строятъ алтари суевѣрію и называютъ то религіею, чтобъ споспѣшествовать невѣжеству своихъ сочеловѣковъ и отнимать у здраваго разсудка изряднѣйшія его свойства“ [6]). Не купеческій духъ уронилъ Геную (говоритъ авторъ сочиненія объ этомъ городѣ): въ Германіи, Франціи, Голландіи, Англіи купцы покровительствуютъ просвѣщенію. Съ негодованіемъ разсказываетъ онъ, о паденіи въ Генуѣ науки и искусства, о невѣжествѣ тамошнихъ женщинъ, никогда ничего не читающихъ, о религіозномъ фанатизмѣ и формализмѣ народа. Въ противоположность этому, сочиненіе „Извѣстіе о Пенсильваніи“ [7]) сочувственно повѣствуетъ о квакерахъ, объ ихъ вѣротерпимости, простотѣ жизни, отсутствіи у нихъ нищенства, о всеобщемъ обученіи, о началѣ развитія у нихъ науки и искусства. — Въ 72, 73 и 74 №№ Прибавленій напечатана интересная статья „Понятіе о торгѣ невольниками“. Разсказывая о покупкѣ черныхъ рабовъ въ Африкѣ, о содержаніи ихъ на корабляхъ и т. п., авторъ статьи возмущается дурнымъ обращеніемъ съ ними, „системою“ торга; но самый торгъ въ принципѣ онъ

[1]) Тамъ-же, стр. 500—501.

[2]) Тамъ-же, №№ 35 и 36 (Отрывки изъ исторіи нравовъ и обычаевъ нѣкоторыхъ народовъ), стр. 276—277.

[3]) Тамъ-же, № 37 (Краткое опис. нынѣш. сост. Турція).

[4]) Тамъ-же, № 36 (Выписка изъ описанія путеш. въ Испанію).

[5]) Тамъ-же, № 29 (О Генуѣ).

[6]) Тамъ-же, № 36, стр. 288.

[7]) Тамъ-же, № 18.

оправдываетъ: продаютъ преступниковъ (замѣчаетъ онъ), невѣрныхъ женъ, непріятелей, осужденныхъ на смерть, дѣтей за долги родителей; въ новой для нихъ странѣ имъ будетъ лучше, чѣмъ на родинѣ; кромѣ того многіе изъ нихъ кое-чему научатся, просвѣтятся истинной религіей. Редакція Вѣдомостей въ выноскѣ при заглавіи сочиненія [1]) опровергаетъ всѣ эти разсужденія: „не выкрадываютъ ли многихъ невольниковъ изъ ихъ земли (говоритъ она); всѣ ли сіи невольники бываютъ преступники, въ лучшее ли переходятъ они состояніе; могутъ ли они когда либо быть щастливы въ невольничествѣ у Европейцевъ, или обыкновенно поступаютъ съ ними ужаснѣйшимъ образомъ? Извиненія, что *мы въ Европѣ дѣлаемъ подобныя несправедливости*; что посредствомъ торга невольниками производится много добра, которое безъ онаго должно бы оставлено быть; — всѣ сіи извиненія не уважаются предъ судилищемъ разсудка и человѣчества, и не доказываютъ еще справедливости права, присвояемаго бѣлыми человѣками надъ черными ихъ собратьями“. Въ этомъ заступленіи Новикова за человѣческія права черныхъ рабовъ читатель слышитъ, конечно, протестъ его и противъ крѣпостнаго права въ Европѣ.

Съ достовѣрностью можно сказать, что почти всѣ географическія статьи Вѣдомостей — переводы; но назвать авторовъ ихъ мы не можемъ, за исключеніемъ двухъ лицъ: *Року* принадлежитъ „Новое описаніе острова Іоанны“ (№№ 45 и 46) и *Ле-Жентилю* статья „О монсонахъ (мусонахъ) и о разныхъ годовыхъ времянахъ въ Пондишери“ (№№ 85 и 86).

Сочиненій по естествознанію въ Приб. къ Вѣдомостямъ не такъ много; вотъ ихъ названія: „О свойствахъ нѣкоего вѣтра въ Африкѣ, называемаго Гарматанъ“ (№№ 17 и 18), „Описаніе нѣкоего отмѣннаго несѣкомаго въ Африкѣ и другихъ жаркихъ странахъ“ (описаніе бѣлаго муравья, № 44), „Странное дружество кошки съ крысою“ (№ 44), „Натуральная исторія черепахъ, сочиненная въ Америкѣ самовидцемъ“ (№ 47), „О Турецкихъ предохраненіяхъ отъ моровой язвы“ (№№ 47 и 48), „О употребленіи піяйцы вмѣсто барометра“ (№ 49), „О старости“ (№ 53), „Достопамятное произшествіе“ (опущеніе земли на 20 фут. близь Фленсбурга; № 74), „О изобрѣтеніи компаса“ (№№ 81 и 82; впрочемъ, это скорѣе сочиненіе историческое, — оно имѣетъ предметомъ узнать — какой народъ сдѣлалъ это открытіе, и предполагаетъ, что Сарацины), и наконецъ „Всеобщія разсужденія Госп. *Де-Соссюра* о метеорологическихъ предсказаніяхъ“ (№№ 87—89). — По всей вѣроятности, всѣ эти сочиненія — переводныя; только въ послѣднемъ

[1]) Тамъ-же, стр. 545.

изъ нихъ къ тексту иностраннаго автора сдѣланы, вѣроятно переводчикомъ, нѣкоторыя дополненія и примѣчанія, довольно дѣльныя, сколько можно судить объ этомъ не-спеціалисту. — Всѣ названныя произведенія сообщали читателямъ Вѣдомостей много интересныхъ и полезныхъ свѣдѣній, и кромѣ того служили для редакціи газеты средствомъ при случаѣ проводить извѣстные взгляды. Такъ, во „Всеобщихъ разсужденіяхъ о метеорологическихъ предсказаніяхъ“ показано — какая огромная разница существуетъ между простымъ практическимъ знаніемъ и знаніемъ научнымъ: крестьянинъ предсказываетъ о погодѣ (говоритъ статья) по туману, по облакамъ, пѣнію и полету птицъ; но перенесенный за 10 миль — онъ путается. Физикъ-же не ограничивается какимъ-нибудь пространствомъ и кромѣ того дѣйствуетъ не слѣпо, а сознательно, — въ этомъ его преимущество. — Сочиненіе „О старости“ приводитъ примѣры жизни отъ 105 до 170 лѣтъ, и при этомъ замѣчаетъ, что долголѣтіе свойственно людямъ трудящимся, а не тѣмъ, кто злоупотребляютъ силами своего тѣла, проводятъ время въ праздности и распутствѣ.

Мы знаемъ, что наука въ изданіяхъ Новикова, оставаясь на подобающей ей высотѣ, не отказывалась служить интересамъ современной жизни: она помогала разрѣшенію общественныхъ вопросовъ. Особенно должно сказать это объ исторіи, что мы видимъ и въ Прибавл. къ Моск. Вѣд. 1784 года. Такъ напр., прекрасное историческое изслѣдованіе „О состояніи нѣмецкаго дворянства въ древнихъ и среднихъ вѣкахъ“ [1]) показываетъ въ заключительныхъ выводахъ своихъ нелѣпость тщеславія древностью рода. „Тѣлесная сила, способность духа, щастіе, или дары его (говоритъ названное сочиненіе), безъ сомнѣнія суть первые источники всего общественнаго различія между человѣками..... Иногда пропадаетъ различіе сіе купно съ первою своею причиною; иногда-жь предразсужденіе сохраняетъ его чрезъ долгое время послѣ оной. Нѣкоторые народы знаютъ только богатыхъ и бѣдныхъ, сильныхъ и слабыхъ; знаютъ только различіе обстоятельствъ, а не произхожденія. Воображеніе другихъ народовъ полагаетъ также неравенство въ произхожденіи, безъ отношенія къ обстоятельствамъ; и такимъ образомъ вся Сѣверная Европа съ самыхъ отдаленнѣйшихъ временъ воображаетъ наслѣдственное различіе между благородствомъ и неблагородствомъ. У Нѣмцевъ оно старѣе самой древнѣйшей ихъ исторіи“ [2]). Первоначально (продолжаетъ статья) дворянами были въ средней Европѣ всѣ свободные, не-дворянами — рабы. Съ раздѣле-

[1]) Тамъ-же, №№ 19—23.
[2]) Тамъ-же, стр. 145.

ніемъ монархіи Франконской нѣкоторые отдѣльные владѣтели захватили наслѣдственность должностей и земель; они и стали называться nobiles. Зависѣли отъ нихъ тоже благородные, и такимъ образомъ явилось два класса дворянъ. Затѣмъ образовался еще третій классъ ихъ; это — служители, которые иногда происходили изъ знатныхъ домовъ. Въ конное войско, во всадники, или рыцари вступали только благородные, но не одни nobiles, а и низшее дворянство. Статья повѣствуетъ затѣмъ о рыцаряхъ и вооруженіи ихъ и ихъ коней, объ оруженосцахъ, о дисциплинѣ на турнирахъ, поддерживаемой палками, о томъ, какъ рыцари стали тщеславиться своимъ родомъ, и на турниры начали допускать лишь тѣхъ, которые могли похвалиться рядомъ благородныхъ предковъ. Впрочемъ, рыцари, которыхъ мы представляемъ столь грубыми, имѣли просвѣщенный періодъ, прибавляетъ авторъ статьи, и говоритъ о ихъ поэзіи, набожности, о ихъ любви, въ которой искренность и воображеніе дѣлали ихъ „подлинными фантастами“, о проблескахъ науки. Но эта наука не могла вырваться изъ варварства, и за просвѣщеннымъ періодомъ настали вѣка густой тьмы, во время которой рыцарство глубоко пало и умственно и нравственно. Эта тьма стала разсѣеваться чрезъ возникновеніе средняго класса, который старался „замѣнить недостатокъ мнимаго преимущества породы истинными преимуществами учености“ [1]). Предки рыцарей, которыми они такъ тщеславились (замѣчаетъ статья) были „замки́, которыми тщеславіе запирало врата преимуществъ простой заслугѣ“ [2]). Духовенство средней Европы сперва „охотнѣе дворянъ утверждало, что всѣ человѣки суть братія“, но съ теченіемъ времени высшее духовенство сдѣлалось „столь же несправедливымъ противъ достойныхъ людей, какъ и рыцарскіе ордены“. Однако тѣмъ не менѣе какъ въ его среду, такъ и въ рыцарскіе ордена низшее дворянство (т. е. вообще всѣ свободные люди) „имѣло и имѣетъ приступъ, равно какъ и высшее“. Слѣдовательно (заключаетъ авторъ), „на чемъ же можетъ основываться первоначальное различіе породы, которое нѣкоторые изъ новыхъ публицистовъ утверждать хотятъ?“ [3]) — Ко всему вышесказанному въ концѣ статьи прибавлено, что поколѣнныя имена различныхъ родовъ — новы, а наслѣдственные гербы еще новѣе. Долго и обыкновенно всѣ назывались лишь именами, данными при крещеніи (говоритъ авторъ); затѣмъ къ этимъ именамъ стали прибавлять прозвища: Краснобородый, Левъ, Медвѣдь, Черный и т. д.; наконецъ, прозвища начали давать по мѣстамъ, а съ раздѣленіемъ помѣстій — по частямъ

[1]) Тамъ-же, стр. 174.
[2]) Тамъ-же, стр. 176.
[3]) Тамъ-же, стр. 177.

ихъ. Гербы — ничто иное, какъ девизы при турнирахъ, и давались различнымъ рыцарямъ потому, что они являлись на турниръ какъ-бы въ маскѣ;—гербы прежде не были наслѣдственны, даже, можетъ быть, давались на одинъ случай, — и только впослѣдствіи образовалась Геральдика, сдѣланная „изъ вздора наукою“ [1]). — Разсмотрѣнная статья указываетъ преимущественно, какъ мы видѣли, на темныя стороны рыцарства. Съ бо́льшимъ сочувствіемъ относится къ этому великому историческому явленію другое сочиненіе: „Историческія извѣстія о рыцарствѣ среднихъ вѣковъ“ [2]). „Духъ рыцарства (говоритъ сочиненіе) [3]), разпространившійся въ XII и XIII ст. по всей Европѣ, и, кромѣ вліянія, которое имѣлъ онъ въ воинскія дѣла, преобразившій совсѣмъ нравы, и при тогдашнемъ упадкѣ религіи, поддерживавшій права добродѣтели и человѣчества, столь достопамятенъ, что внутреннее его разположеніе заслуживаетъ нѣсколько быть изслѣдовано“. Затѣмъ авторъ сочиненія, указавъ предварительно на источники, по которымъ можно познакомиться съ жизнью рыцарей, повѣствуетъ о ихъ воспитаніи, посвященіи въ орденъ, о рыцарскихъ обязанностяхъ, турнирахъ, дамахъ сердца. Истинный рыцарь (говоритъ онъ) долженъ былъ быть храбрымъ, щедрымъ и скромнымъ и защитникомъ религіи, вдовъ, сиротъ и всѣхъ утѣсненныхъ и, наконецъ, чести женщинъ. Если такой рыцарь являлся на площади народу, то народъ „признавалъ въ немъ своего защитника и судію, поздравлялъ его громкимъ восклицаніемъ и плясалъ вокругъ него“ [4]). Къ рыцарской любви, къ романтическому обожанію рыцаремъ своей дамы сердца авторъ относится сочувственно: „сія чистая отъ всякихъ похотей любовь (говоритъ онъ) [5]) была матерью благороднѣйшихъ добродѣтелей и подвиговъ“. — Напечатаніе редакціей Моск. Вѣдомостей двухъ статей о рыцарствѣ, разсматривающихъ это историческое явленіе съ различныхъ точекъ зрѣнія, свидѣтельствуетъ о безпристрастіи во взглядахъ редакціи, о томъ, что для нея всего дороже истина: она не пожертвовала ею изъ-за того, что для ея собственныхъ идей казалось болѣе выгоднымъ помѣстить лишь ту статью, которая говоритъ о темныхъ сторонахъ рыцарства.

Извѣстно, что въ 80-хъ годахъ императрица Екатерина приняла подъ свое покровительство орденъ іезуитовъ. Редакція Моск. Вѣдомостей не думала, что этотъ орденъ — учрежденіе полезное, а, на-

[1]) Тамъ-же, стр. 181.
[2]) Тамъ-же, №№ 33, 34 и 35.
[3]) Тамъ-же, стр. 260.
[4]) Тамъ-же, стр. 266—267.
[5]) Тамъ-же, стр. 262.

противъ, находила нужнымъ ратовать противъ него. Въ Прибавленіи къ 28 № газеты (1784 г.) напечатано „Краткое описаніе жизни маркиза Танукчи“, главнаго министра Испанскаго короля. Въ этомъ жизнеописаніи между прочимъ говорится: „сей славный мужъ въ исторіи Европы дѣлается достопамятнымъ чрезъ великое участіе, которое имѣлъ онъ въ уничтоженіи Іезуитскаго ордена“ [1]). А въ №№ 69, 70 и 71 Прибавленій къ Вѣдомостямъ помѣщена не могшая быть пріятной Обществу Іисуса прекрасная статья „Исторія Ордена Іезуитовъ“, въ которой говорится объ основаніи ордена и объ особенностяхъ, отличающихъ его отъ другихъ монашескихъ орденовъ. Лойола названъ здѣсь энтузіастомъ со страннымъ образомъ мыслей, противнымъ правиламъ разсудка и духу истинной религіи. Такъ-же строго осуждается въ статьѣ и самое основанное имъ Общество Іисуса. Къ несчастію рода человѣческаго (говоритъ авторъ) іезуиты часто пользовались своимъ вліяніемъ для достиженія самыхъ дурныхъ цѣлей; они учили почитать пользу ордена выше всего (это — ключь къ ихъ глубокой и хитрой политикѣ); они проповѣдовали, чтобы привлечь къ себѣ знатныхъ особъ, уступчивое нравоученіе, потворствующее страстямъ, извиняющее пороки; они приписывали Римскому двору неограниченную подсудность; духовныхъ ставили въ независимость отъ свѣтской власти; они проповѣдовали возмущенія, заговоры съ ужаснѣйшими преступленіями; они сопротивлялись всякому кроткому учрежденію, отличающемуся вѣротерпимостью. Хотя другіе монашескіе ордена отваживались иногда преподавать тѣ-же вредныя ученія, но это дѣлалось съ бо́льшей умѣренностью и притомъ съ мéньшимъ успѣхомъ, ибо они не имѣли той силы, какую мы видимъ у іезуитовъ. Эти послѣдніе пріобрѣли могущественное вліяніе, захвативъ въ свои руки воспитаніе юношества и совѣсть многихъ монарховъ. Кто вспомнитъ о происшествіяхъ послѣднихъ двухъ столѣтій, „тотъ найдетъ (замѣчаетъ авторъ), что отъ Іезуитовъ по справедливости можно требовать отчета во вредныхъ дѣйствіяхъ, произшедшихъ отъ изпорченной опасной казуистики, отъ безпредѣльныхъ правилъ церковной власти и отъ ненависти къ терпѣнію, бывшихъ во все оное время поношеніемъ для Римской церкви, и навлекшихъ толико зла гражданскому обществу“ [2]). Наконецъ, братья ордена стремились постоянно избавиться отъ обѣта бѣдности; съ этою цѣлью они выхлопотали себѣ разрѣшеніе торговать съ обращенными странами; они задумали даже завести себѣ земное царство на югѣ Америки, и для этого не знакомили обращаемыхъ ими индѣйцевъ ни съ однимъ европейскимъ

[1]) Тамъ-же, стр. 222.
[2]) Тамъ-же, стр. 537.

лзыкомъ и учили ихъ военному искусству.—Но, осуждая такимъ образомъ іезуитовъ, сочиненіе относится къ нимъ въ-сущности довольно снисходительно, ибо признаетъ за ними нѣкоторыя заслуги: занявшись воспитаніемъ юношества (говоритъ оно), они основательно изучили древнюю литературу, и посредствомъ этого споспѣшествовали успѣху наукъ и нашли разные способы „къ облегченію юношескаго ученія“. Они дали изъ себя болѣе ученыхъ, нежели всѣ другіе монашескіе ордена. Въ новомъ свѣтѣ споспѣшествовали они пользѣ человѣческаго рода: въ Парагваѣ научили дикихъ обработывать поля, заводить домы, заниматься скотоводствомъ; они сдѣлали дикихъ способными къ наукамъ и художествамъ, пріучили ихъ къ выгодамъ безопасности и порядка, завели между ними равенство; они устроили въ Парагваѣ кроткое правленіе, безъ кровопролитныхъ казней; — однимъ словомъ, они правили индѣйцами „какъ отцы“.

„Исторія Ордена Іезуитовъ“ вызвала неудовольствіе императрицы Екатерины, выразившееся въ указѣ [1]), запрещающемъ эту „ругательную“ исторію. Такое запрещеніе совершенно невинной статьи объясняется прежде всего происками іезуитовъ, постаравшихся представить напечатаніе непріятнаго имъ сочиненія преступленіемъ, равнымъ неуваженію къ покровительствующей имъ императрицѣ, оскорбленіемъ величества [2]). Но одного этого объясненія недостаточно: конечно императрица не могла принять обнародованіе исторіи іезуитовъ за crimen laesae majestatis. Гораздо основательнѣе предположить, что Екатерина воспользовалась жалобой іезуитовъ просто какъ первымъ представившимся поводомъ для выраженія своего, уже давно накопившагося неудовольствія на Новикова: ей не могли нравиться многія изъ разсмотрѣнныхъ нами выше статей его журналовъ. Можетъ быть честные отцы Іисусова Общества это хорошо понимали, и поспѣшили представить поводъ для начала преслѣдованія Новикова.—Неудовольствіе императрицы выразилось уже нѣсколькими недѣлями ранѣе этого происшествія, но еще негласно, тайно: въ Прибавленіи къ 61 № Вѣдомостей Новиковъ началъ печатать статью: „О вліяніи успѣха наукъ въ человѣческіе нравы и образъ мыслей“; статьѣ этой не суждено было окончиться, и съ большой достовѣрностью можно предположить, что она остановилась въ самомъ началѣ вслѣдствіе запрещенія: прибавленій къ 62, 63 и 64 №№ Вѣдомостей, тѣхъ самыхъ прибавленій, въ которыхъ должно было быть продолженіе этой статьи, подписчики не получили. Въ экземплярѣ „Прибавленій“, при-

[1]) Новиковъ и моск. март., Лонгинова, стр. 016 (Указъ Архарову, 23 сент. 1784 года).

[2]) Вѣст. Евр. 1869 г. № 1, ст. г. Попова „Екатерина II и іезуиты“, 393—394 (Письмо Черневича къ кн. Потемкину отъ 15 сент. 1784 г.).

надлежащемъ Имп. Публич. Библіотекѣ, въ концѣ 61 № рукою подписчика, получавшаго этотъ экземпляръ, написано: „номеры 62, 63, 64 не присыланы, и извиненіе писано въ вѣдомостяхъ“. А между тѣмъ (замѣтимъ при этомъ) нумерація страницъ въ Прибавленіяхъ, составлявшихъ въ этомъ году отдѣльную отъ Вѣдомостей книгу, не прерывается отъ пропуска нѣсколькихъ номеровъ: значитъ, продолженіе сочиненія „О вліяніи успѣха наукъ“ было задержано прежде выхода его въ свѣтъ; судьба этого сочиненія была болѣе печальна, чѣмъ судьба „Исторіи Ордена Іезуитовъ“: эта послѣдняя была *вся* напечатана и получена подписчиками Вѣдомостей и у нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранилась, не смотря на обѣщаніе Архарова императрицѣ ревностно постараться объ отобраніи ея у читателей и объ ея уничтоженіи [1]).

Сочиненіе „О вліяніи успѣха наукъ въ человѣческіе нравы и образъ мыслей“ говоритъ прежде всего о варварствѣ, уничтожившемъ многіе прекрасные памятники древности, и затѣмъ переходитъ къ зарожденію въ 12 вѣкѣ новой образованности. Эта образованность (говоритъ сочиненіе) впала въ ошибку: она отступила отъ общаго правила развитія какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и народа, — прежде должны окрѣпнуть силы воображенія, а потомъ уже можетъ идти развитіе разума; но средневѣковые люди поступили иначе: они прямо бросились въ глубины труднѣйшихъ метафизическихъ изслѣдованій, и вмѣсто философіи и науки у нихъ явилось схоластическое богословіе. Этому способствовали слѣдующія обстоятельства: во-1-хъ, принятіе образованности отъ Византійскихъ Грековъ и отъ Арабовъ („первые сдѣлали богословіе Системою теоретической тонкости, или безконечныхъ споровъ. Послѣдніе ввели въ Философію склонность къ метафизической тонкости“) [2]); во 2-хъ, латинскій языкъ науки, загораживавшій многимъ доступъ къ ученью. Но все-таки, какъ ни худо были направлены размышленія, они производились отважно, съ сильной энергіей: открыто было множество училищъ, учащіе и учащіеся получали „знатныя“ привиллегіи; въ самой общественной жизни науки сдѣлались предметомъ почтенія. Ревность къ изслѣдованіямъ возбудила волненіе въ умахъ, которое „привело въ движеніе остроту и воображеніе“. Отсюда явился „вкусъ къ кротчайшей добродѣтели, свойственной тѣмъ народамъ, у которыхъ науки успѣхъ имѣютъ“ [3]).—Трудно сказать, что

[1]) Рус. Арх. 1864 г. вып. 9, стр. 890 (Отвѣтъ Архарова отъ 1 окт. 1784 г. на Указъ Ек. отъ 23 сент. 1784 г.).

[2]) Приб. къ Моск. Вѣд. 1784 г., стр. 486.

[3]) Тамъ-же, стр. 488.— Трудно опредѣлить—переводы или оригин. произведенія всѣ назв. выше историческія статьи.

показалось предосудительнымъ въ этомъ сочиненіи, начало котораго здѣсь разсказано. Можетъ быть, это объяснится связью его съ политическими статьями Прибавленій къ Моск. Вѣд. 1784 г.

Этихъ политическихъ статей не много, и онѣ вовсе не касаются, должно быть вслѣдствіе условій нашей тогдашней печати, политики Россіи. Онѣ знакомили читателей Моск. Вѣдомостей, и знакомили довольно обстоятельно, съ нѣкоторыми важнѣйшими политическими дѣлами чужихъ земель. Мы встрѣчаемъ тамъ нѣсколько статей о дѣйствіяхъ Англійской Остъ-Индской Компаніи въ завоеванномъ ею государствѣ Бенгальскомъ [1]); нѣсколько статей объ отдѣлившихся въ то время отъ Англіи Соединенныхъ Областяхъ Сѣверной Америки [2]); сочиненіе „Епохи Англійской морской силы“ [3]), объясняющее „новый родъ политики, названной *владычествомъ надъ моремъ*“ [4]), и нѣкоторыя другія произведенія.—Чрезъ всѣ эти статьи проходитъ одна опредѣленная идея, которая кратко можетъ быть выражена въ слѣдующихъ словахъ: благосостояніе и могущество народа зависятъ отъ развитія у него науки, отъ его свободы и отъ огражденія законами правъ собственности.—Сочиненіе „Епохи Англійской морской силы“, указавъ на различіе между современнымъ морскимъ могуществомъ Англіи и состояніемъ морскаго дѣла при Елизаветѣ, когда надо было покупать у Генуезцевъ и Венеціанъ корабли, предводителей, офицеровъ и ботсмановъ, замѣчаетъ при этомъ: „а нѣкоторые спрашиваютъ еще: *какое науки имѣютъ вліяніе въ государственную пользу*“ [5]). — Одна изъ указанныхъ выше статей объ Англійской Остъ-Индской Компаніи [6]) говоритъ, что въ новѣйшей исторіи нѣтъ такого замѣчательнаго по результатамъ событія, какъ завоеваніе Бенгаловъ Остъ-Индской Компаніей: образованное и богатое государство упало совершенно вслѣдствіе дурныхъ дѣйствій Компаніи, осмѣливающейся называть ихъ исполненіемъ требованій государственной экономіи. Эти дѣйствія со-

[1]) Тамъ-же, №№ 8—13 (Краткое повѣствованіе о приключеніяхъ съ Бенгалами подъ владѣніемъ Англ. Ост-Инд. Комп. и причинахъ оныхъ, ст. *Биша*), № 13 (Опис. жизни Бенг. Ген. Губ. Гастингса), №№ 13 и 14 (О прибыткахъ, получ. Англ. Ост.-Инд. Комп. и служителями ея въ Бенгалахъ), №№ 14 и 15 (Историч. извѣстіе объ Англ. Ост-Инд. Комп. и о нынѣшнемъ ея состояніи).

[2]) Тамъ-же, №№ 39—43 (О вліяніи независимости Соед. областей Сѣв. Америки въ политич. состояніе Европы, проф. *Геберлина*, взят. изъ „Гетингенскаго Магазина“), №№ 46 и 47 (Краткое описаніе жизни и характера Генер. Васингтона), № 71 (О новой Британской области въ Новой-Шотландіи), № 78 (Извѣстіе о нѣкоторомъ чрезвычайно достопамятномъ человѣкѣ, ст. *Шмита*).

[3]) Тамъ-же, №№ 31—33.

[4]) Тамъ-же, № 31, стр. 248.

[5]) Тамъ-же, № 32, стр. 252.

[6]) Тамъ-же, №№ 8—13 (Крат. повѣствов. о приключеніяхъ съ Бенгалами).

стояли въ отнятіи у жителей завоеванной страны вольности и правъ собственности. Жители Бенгала были лишены ихъ земли; агенты Компаніи насильно, при помощи солдатъ, забирали у нихъ произведенія по произвольной цѣнѣ, и дѣлали всякія другія насильства; Компанія ввела въ странѣ судъ по англійскимъ законамъ, не давъ туземцамъ, однако, англійской вольности и правъ собственности и не сообразя, что они этихъ законовъ не знаютъ. Все это и погубило страну. Англичанамъ надлежало бы знать изъ практики (говоритъ авторъ сочиненія), „что свобода и собственность (liberty and property) суть основаніе всего благосостоянія; но они думали, что имѣли дѣло съ людьми, которые отвыкли уже отъ сего великаго права, и съ которыми можно будетъ долго еще поступать по произволенію“ [1]).—Мы видѣли выше, что одною изъ причинъ печальнаго состоянія Турціи Моск. Вѣдомости считали религіозный фанатизмъ этой страны; онѣ указывали и на другія причины ея упадка: на деспотизмъ властей и рабство народа. „Народъ, безпрестанно притѣсняемый Государемъ, Пашами и ихъ подчиненными (говоритъ „Краткое описаніе нынѣшняго состоянія Турціи“) [2]), оставляетъ въ запустѣніи прекрасную землю и не хочетъ пріобрѣтать себѣ собственности, которая не осталась бы у него, но наконецъ перешла бы въ руки деспотическихъ его владѣльцевъ. Нація, знающая свое невольничество, становится лѣнива и ослабѣваетъ“. — У редакціи Моск. Вѣд. не образовалось еще опредѣленнаго взгляда на новое государство въ Сѣверной Америкѣ. Нѣкоторыя изъ сочиненій объ этомъ государствѣ, помѣщенныхъ въ Прибавленіяхъ 1784 года, предсказываютъ ему неудачи въ его самобытной жизни: переселеній въ новую страну будетъ мало (говоритъ статья „О вліяніи независимости Соединенныхъ областей Сѣв. Америки въ политическое состояніе Европы“); торговля новаго государства не будетъ въ состояніи сравняться съ торговлею европейскихъ странъ; различіе нравовъ, характеровъ, религіи и выгодъ едва ли удержитъ въ соединеніи 14 провинцій; наконецъ, демократическое правленіе можетъ, если члены Конгресса будутъ избираемы на всю жизнь, перейти въ аристократическое; „а что Аристократія по самому свойству своему есть одинъ изъ худшихъ образовъ правленія, сіе не требуетъ доказательства, ибо примѣры утверждаютъ истину сего положенія“ [3]); да если правленіе и останется демократическимъ, то все-таки, въ этомъ немного хорошаго: „власть давать самимъ себѣ законы, налагать подати и брать участіе

[1]) Тамъ-же, № 9, стр. 65.

[2]) Тамъ-же, № 37, стр. 275.

[3]) Тамъ-же, № 39, стр. 311.

во всѣхъ совѣтахъ о общемъ благѣ суть преимущества, которыми наслаждаются граждане Демократическихъ областей. Но скорость въ совѣтахъ и твердость въ вознамѣреніяхъ отдаютъ преимущество Монархіи, по причинѣ пользы, какую имѣютъ онѣ при всѣхъ учрежденіяхъ, касающихся до безопасности и благосостоянія земли; такъ что самые лучшіе политики предпочитаютъ Монархическое правленіе всякому другому“ [1]). — „Народъ во многихъ провинціяхъ по большей части недоволенъ правленіемъ Конгресса и нынѣшнимъ учрежденіемъ Областей (говоритъ другое сочиненіе о новомъ Сѣверо-Американскомъ государствѣ) [2]) и ищетъ только удобнаго и надежнаго случая безъ наказанія оныя оставить.“ — Но совсѣмъ другаго рода мысли высказываетъ о той же странѣ „Краткое описаніе жизни и характера Ген. Васингтона“. Сочиненіе относится къ знаменитому дѣятелю съ большимъ сочувствіемъ и ставитъ его выше Моисея, Камилла, Леонида, Густава, Русселя и Сиднея, за то, что онъ „основалъ республику, которая вѣроятно будетъ прибѣжищемъ свободы, изгнанной изъ Европы роскошью и развратомъ“ [3]), т. е. сочиненіе надѣется, что новая страна будетъ новымъ міромъ, въ которомъ обновится человѣчество. — Читатель видитъ изъ всего этого не только неустановленность во взглядахъ редакціи Вѣдомостей на Сѣверо-Американскую республику, но и неустановленность въ ея взглядахъ на различныя формы правленія [4]).

Мнѣ осталось сказать еще о двухъ сочиненіяхъ, касающихся общественной жизни. — Намъ извѣстно — какъ смотрѣлъ Новиковъ на положеніе женщины въ обществѣ; онъ требовалъ для женщины права на такое-же образованіе, какое получаетъ мущина. Но изъ этого отнюдь не должно заключать — будто онъ не видѣлъ различія между природою мущины и женщины. Объ этомъ различіи говоритъ статья „Наставленіе отъ отца дочерямъ“ [5]). „Я не почитаю васъ домашними работницами, или невольницами страстей нашихъ; но признаю васъ равными намъ (говоритъ здѣсь своимъ дочерямъ отецъ) [6]) и нашими сопутницами, опредѣленными ко вліянію въ сердца наши нѣжныхъ чувствованій, къ утонченію нашихъ нравовъ и, какъ говоритъ Томсонъ, къ возвышенію нашихъ добродѣтелей, къ одушевленію щастія человѣческой жизни и къ услажденію трудностей оной“. Мущина отличается твердостью сердца, женщина — нѣжностью его, соединенной

[1]) Тамъ-же, стр. 310—311.
[2]) Тамъ-же, № 71. (О новой Британск. области въ Нов. Шотландіи).
[3]) Тамъ-же, стр. 372.
[4]) По всей вѣроятности, всѣ указан. выше политическія статьи—переводы.
[5]) Тамъ-же, №№ 79—81, 89 и 90. Перев. съ англ. яз.
[6]) Тамъ-же, стр. 604.

съ живостью воображенія. Мущина, пораженный горемъ, найдетъ утѣшеніе въ дѣлѣ, въ весельи; женщина — только въ религіи: „религія есть болѣе для чувствованія, нежели для разума“; мущина уважаетъ въ женщинѣ религію. Женщина должна отличаться скромностью, стыдливостью, „краснѣющей даже отъ самаго взора удивленія“; это — признакъ чрезвычайной чувствительности, не идущей къ мущинѣ. Не думайте (продолжаетъ отецъ), что я хочу погасить въ васъ всякую искру натуры: женщинѣ свойственна любовь къ нарядамъ; но разсудокъ и добрый вкусъ покажутъ въ этомъ дѣлѣ границы: простота съ чистотою — свидѣтельство вкуса и тонкости чувствованій. — Нѣкоторыя женщины нашего вѣка хотятъ вернуть потерянное ими уваженіе посредствомъ „вольности обхожденія“ съ мущинами, старанія какъ можно болѣе имъ уподобиться; — но онѣ ошибаются: потерею особенностей своей природы заслужить уваженіе нельзя. — Читатель видитъ, такимъ образомъ, что, желая для женщины высшаго образованія, Новиковъ желалъ въ то-же время, чтобы она сохранила свою женственность; онъ былъ убѣжденъ, что одно другому нисколько не противорѣчитъ. — Московское Изданіе въ одной изъ своихъ статей говорило о помощи бѣднымъ и о необходимости отличать истинно нуждающихся отъ обманщиковъ. Прибавленія къ Моск. Вѣдом. 1784 г. вернулись къ этому вопросу о благотворительности. „Истинно бѣдные.... имѣютъ основательное право на всеобщее сожалѣніе (говоритъ статья „Объ учрежденіи Вѣнскаго института для бѣдныхъ“) [1]). Напротивъ того, нищіе совсѣмъ здоровые, не хотящіе работать только изъ лѣности и праздолюбія, и предпочитающіе ходьбу по-міру честному промыслу, заслуживаютъ подвержены быть строгости законовъ“. Необходимы поэтому учрежденія, съ одной стороны — „для призрѣнія подлинныхъ нищихъ“, съ другой — „для истребленія самовольныхъ бродягъ“; эти учрежденія должны быть тѣсно связаны одни съ другими, должны взаимно себя подкрѣплять. Безъ нихъ часто оказывались недѣйствительными всѣ личныя, частныя благодѣянія духовныхъ, дворянъ, купцовъ, мѣщанъ и „самаго трудолюбиваго простаго народа, старавшагося облегчить бѣдность своихъ сочеловѣковъ пріобрѣтеніями своего пота“ [2]). Однихъ правительственныхъ пособій бѣдности мало, — общество должно завести для этого свои учрежденія. (Этой послѣдней мыслью авторъ статьи заявляетъ солидарность своихъ идей со всегдашнимъ стремленіемъ Новикова будить общественную самодѣятельность). Послѣ такого предисловія сочиненіе довольно подробно разсказываетъ

[1]) Тамъ-же, №№ 90 и 91. Ст. очевидно оригинальная.
[2]) Тамъ-же, стр. 693.

объ учрежденіи въ Австріи общественныхъ „институтовъ“ для помощи бѣднымъ, выражая при этомъ увѣренность, что читатели такому событію порадуются, ибо „и другихъ странъ жители суть ихъ братія“. Устройство австрійскихъ „институтовъ для бѣдныхъ“ оказывается совершенно подобнымъ устройству начавшихъ лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ возникать у насъ братствъ при церквахъ. Мысль, заявленная Новиковымъ въ 1784 году, осуществляется только въ наши дни.

4.

Одновременно съ „Прибавленіями къ Моск. Вѣд. 1784 года“ сталъ выходить „Покоящійся Трудолюбецъ“ [1]), лучшій и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдній журналъ Новикова, т. е. послѣдній изъ бывшихъ подъ его собственною редакціей. Подобно „Кошельку“, журналъ этотъ посвященъ „Любезнѣйшему Отечеству и всѣмъ вѣрнымъ сынамъ его“. Онъ продолжался два года: 1784 и 1785.

Мы встрѣчаемъ въ „Покоящемся Трудолюбцѣ“ тѣ-же категоріи сочиненій, какія мы видѣли въ другихъ изданіяхъ послѣдняго періода дѣятельности Новикова. — Первое мѣсто среди нихъ принадлежитъ отдѣлу статей философскихъ. — Нѣкоторыя изъ этихъ статей относятся къ психологіи. Не останавливаясь на всѣхъ ихъ, я укажу лишь на главную, называющуюся „Разсужденіе о безпорядкахъ, производимыхъ страстями въ человѣкѣ, и о средствахъ, какія въ такихъ случаяхъ употреблять должно“ [2]). Въ Вечерней Зарѣ мы видѣли довольно много сочиненій объ умѣ, о волѣ, но въ ней мало говорилось о чувствѣ. Названное сочиненіе пополняетъ этотъ недостатокъ. Оно раздѣляется на 4 отдѣла: I. „естество страстей“, II. „ихъ безпорядки“, III. „средства, какія въ такихъ безпорядкахъ употреблять должно“ и IV. „побужденія, обязывающія насъ оставить оныя“. Страсти въ основѣ своей (говоритъ авторъ „Разсужденія“, разумѣя подъ словомъ страсти — чувства, какъ душевныя, такъ и тѣлесныя) „принадлежатъ къ порядку естества. Стоики, которые уничтожили страсти, не понимали человѣка, и тѣ учители школьные, кои для утѣшенія страждущаго каменною болѣзнію, или подагрою, сказываютъ ему, что благоразумный человѣкъ не долженъ взирать на произшествія, случающіяся въ грубомъ тѣлѣ, никогда не сыщутъ послѣдователей между благоразумными“ [1]). Чувства имѣютъ начало свое отъ „распоряженія Создателя“; напр. страхъ данъ человѣку для избѣжанія вредныхъ предметовъ, гнѣвъ — для сопротивленія непріятелю, и т. д. Но для того, чтобы всѣ эти душевныя и тѣлесныя движенія были въ порядкѣ, нужно три условія: 1) чтобы они не были возбуждаемы безъ управленія воли и разума, 2) чтобы были соразмѣрны (т. е. чтобы гнѣвъ, напр., возникалъ лишь при нападеніи, страхъ — только при дѣйствительно вредныхъ предметахъ) и 3) чтобы воля могла ихъ остановить когда захочетъ [2]). Но эти условія не всегда соблюдаются человѣкомъ, и въ такомъ случаѣ чувства выходятъ изъ должныхъ предѣловъ и становятся гибельны; они обращаются тогда въ страсти [3]). Въ области ума страсти выражаются въ томъ, что человѣкъ „вперяетъ всю внятность разума своего“ лишь въ тѣ стороны предмета, явленія или мысли, которыя льстятъ его страстямъ; ибо „нѣтъ лжи столь осязательной, которая бы съ какой либо стороны не казалась вѣроятною; нѣтъ истины столь доказанной, которая бы съ какой либо стороны не была подозрительною“. Такъ напр., желающій отомстить за что-либо думаетъ лишь о томъ, что этого требуетъ свѣтская честь, и не хочетъ сообразить, что мщеніе возмущаетъ общество, „похищаетъ право самодержца“ и нарушаетъ уставы благочестія. Въ какой-нибудь ереси — умъ обращаетъ вниманіе на одни доводы и не хочетъ замѣчать другихъ [4]). Чтобы избѣжать этихъ „непорядковъ“ должно: 1) „убѣгать торопливости“ въ заключеніяхъ и „останавливать свои разсужденія“: въ нашей власти не давать своего мнѣнія, пока ясно не познаемъ свойства предмета; 2) обращаться къ источнику нашихъ взглядовъ, припоминать — что намъ „вперили“ въ младенчествѣ, „восходить до нашего воспитанія“: нѣтъ семейства, не имѣющаго своихъ предразсудковъ, и 3) надо слушать совѣты просвѣщеннаго и великодушнаго друга. — Страсти въ своей собственной области, въ области чувствъ внѣшнихъ и внутреннихъ выражаются въ излишествахъ; такимъ путемъ произошли: объяденіе, жестокость на войнѣ, сребролюбіе, властолюбіе и т. д. Человѣкъ, одержимый такими страстями, иногда до-

[1]) ПОКОЯЩІЙСЯ ТРУДОЛЮБЕЦЪ, періодическое изданіе, служащее продолженіемъ Вечернія Зари. Заключающее въ себѣ Богословскія, Философическія, Нравоучительныя, Историческія, и всякаго рода какъ важныя, такъ и забавныя матеріи, къ пользѣ и удовольствію любопытныхъ читателей, состоящія изъ подлинныхъ сочиненій на Россійскомъ языкѣ и переводовъ съ лучшихъ иностр. писателей въ стихахъ и прозѣ.—М. Въ Унив. Тип. у Нов. 1784 г. (I и II ч.) и 1785 (III и IV ч.).

[2]) Тамъ-же, ч. III, стр. 1—56.—Др. психол. статьи: „Анекдотъ О состраданіи“ (ч. II, стр. 179—187). „Обхожденіе съ самимъ собою“ (доказат. безсмертія души; взаимн. отношенія души и тѣла, ч. III, стр. 135—150), „О причинѣ заблужденій или смѣшеніи понятій“ (ч. IV, стр. 106—118).

[1]) Тамъ-же, ч. III, стр. 3—4.

[2]) Тамъ-же, стр. 8—13.

[3]) Авторъ не точно употребляетъ слова: чувство, страсть; также часто смѣшиваетъ чувства тѣлесныя и душевныя. Это дѣлаетъ статью его не совсѣмъ ясной. Я позволилъ себѣ не слѣдовать автору въ смѣшеніи названныхъ словъ.

[4]) Пок. Трудол., ч. III, стр. 7—8.

стоинъ болѣе сожалѣнія, нежели негодованія: напр., „мы видимъ, что сердитые часто бываютъ исполнены любовію и человѣколюбіемъ, всегда готовы прощать и требовать прощенія“ [1]). Но не слѣдуетъ, злоупотребляя этимъ соображеніемъ, извинять и оправдывать свои страсти, говорить, что наша воля безсильна противъ нихъ: „познавъ, что мой нравъ склоняетъ меня къ нарушенію божескихъ законовъ, и жить спокойно, когда онъ воспалится, есть знакъ развратнаго сердца“ [2]). (Въ этихъ словахъ, замѣтимъ мимоходомъ, видна возвышенность взгляда автора „Разсужденія“ на достоинство человѣческой природы). — Средства противъ такихъ страстей слѣдующія: 1) убѣгать предметовъ, которые ихъ возбуждаютъ; — но (оговаривается авторъ) добродѣтель, обязанная своею твердостью лишь отсутствію случая, должна быть весьма слаба; кромѣ того — останавливаться на одномъ этомъ средствѣ нельзя уже потому, что тогда пришлось бы совсѣмъ удалиться изъ міра; 2) „ослаблять привычку органовъ“ или дѣйствовать на себя гигіенически: воздухомъ, тѣлесными упражненіями, условіями пищи; 3) избѣгать праздности; но это не значитъ (замѣчаетъ авторъ) — заниматься всегда глубокими размышленіями, — должно допустить въ жизнь и веселье; оттого хорошо учить дѣтей искусствамъ и тѣлеснымъ упражненіямъ; 4) умерщвлять чувства. Этимъ послѣднимъ положеніемъ авторъ вовсе не проповѣдуетъ аскетизма, какъ можно подумать, — еще въ началѣ сочиненія онъ говорилъ: „человѣкъ имѣетъ два естества: онъ имѣетъ и двѣ пользы, онъ долженъ по своей возможности, не нанося вреда вѣчной пользѣ, стараться о временной“. Только „если обѣ онѣ встрѣчаются вмѣстѣ, то надлежитъ большему жертвовать меньшимъ“ [3]). Подъ умерщвленіемъ чувствъ онъ разумѣлъ подчиненіе ихъ разумной волѣ.— Если бы чувства были возбуждаемы лишь присутствіемъ предмета, то страсти не были бы такъ пагубны;— (продолжаетъ сочиненіе);—но возникшая страсть поражаетъ воображеніе, а „дѣйствіе воображенія безпредѣльно“, — оно увеличиваетъ удовольствіе чувствъ, дополняетъ отъ себя „чего не достаетъ въ самыхъ веществахъ“. Противодѣйствовать страстямъ въ воображеніи надо двумя путями: если это послѣднее еще не поражено страстью, — надо приложить усиліе сохранить его неповрежденнымъ; если такъ поступить уже поздно, — надо обстоятельно ознакомиться съ предметомъ страсти. — Въ-заключеніе авторъ говоритъ, что разсужденіе о страстяхъ отличается отъ разсужденія о какомъ-либо умозрительномъ положеніи. Въ

[1]) Тамъ-же, стр. 33.
[2]) Тамъ-же.
[3]) Тамъ-же, стр. 5.

послѣднемъ довольно понять предметъ и привести на мысль вытекающія отсюда слѣдствія; — для владѣнія страстями мало одного пониманія, надо *постоянно имѣть въ умѣ* то, что можетъ побѣдить ихъ, ибо мы *всегда* окружены предметами страстей нашихъ. — Во всѣхъ приведенныхъ положеніяхъ и доводахъ статьи о страстяхъ легко замѣтить слѣдующіе признаки уже знакомой намъ философіи Новикова: во 1-хъ, мышленію, уму статья придаетъ очень важное значеніе въ области чувствъ и страстей (читатель помнитъ, что Веч. Заря придавала такое же значеніе уму въ области воли); во 2-хъ, философія „Разсужденія“ носитъ характеръ сократической, нравоучительной философіи; въ 3-хъ, изъ различныхъ умозаключеній статьи легко вывести нѣкоторыя педагогическія правила (напр., о предразсудкахъ, о дѣйствіи на воображеніе, о физическомъ воспитаніи дѣтей).

Но не психологическія статьи „Покоящагося Трудолюбца“ даютъ характеръ философіи этого журнала. Особенность мысли его выражается въ его скептицизмѣ. Этотъ скептицизмъ мы видимъ съ одной стороны въ разсужденіяхъ объ ограниченности силъ человѣческаго ума, съ другой стороны—въ блистательномъ разрушеніи всякаго рода предразсудковъ и суевѣрій.—У человѣка два рода понятій (говоритъ сочиненіе „О бытіи первоначальной высочайшей вины всѣхъ вещей“)[1]): понятія чувственныя и умственныя. Относительно первыхъ человѣкъ находится въ совершенной зависимости отъ чувствъ; относительно вторыхъ нѣтъ. Эти вторыя понятія: о законѣ, о могуществѣ управляющемъ вселенною, о гармоніи въ ней, о высочайшей силѣ и премудрости, о Центрѣ, откуда все истекаетъ (нѣтъ ни одного ученія, не исключая и безбожія, которое бы не имѣло цѣлью „сей чудныя Единицы“); этихъ умственныхъ понятій животныя не имѣютъ. Но ни чувственныя, ни умственныя понятія не возбуждаются въ человѣкѣ иначе, какъ „средствами внѣ его находящимися“; въ немъ есть сѣмена всѣхъ этихъ понятій, „но онъ долженъ ожидать, чтобы наружныя дѣйствія одушевляли и раждали оныя. Онъ не есть ни владыка, ниже творецъ оныхъ“ [2]). Авторъ хочетъ сказать этимъ, что какъ ни одно чувственное представленіе не можетъ возникнуть безъ дѣйствія предмета на чувства, такъ ни до одного изъ названныхъ выше умственныхъ представленій человѣкъ не можетъ дойти собственными силами одного своего разсудка. Но это нисколько не противорѣчитъ свободѣ воли человѣка. Надо различать (говоритъ авторъ) свободу какъ начало и свободу какъ дѣйствіе. Какъ начало, это— „способность

[1]) Тамъ-же, ч. IV, стр. 1—20.
[2]) Тамъ-же, стр. 14.

слѣдовать предписанному намъ закону, или дѣйствовать вопреки оному"; эта *начальная свобода* оказывается въ человѣкѣ всегда, даже и когда онъ сдѣлался рабомъ вліяній, чуждыхъ его закону, ибо и тогда прежде рѣшенія онъ сравниваетъ и выбираетъ. „Свобода же, принятая яко дѣйствіе, управляетъ себя единственно по законамъ предписаннымъ разумной природѣ; тогда она предполагаетъ независимость, совершенное изъятіе отъ всякаго дѣйствія, силы или вліянія, противнаго сему закону, изъятіе не многимъ людямъ извѣстное" [1]). Свобода Божества существенно различается отъ свободы человѣка: Божество само себѣ законъ, и потому не можетъ никогда уклоняться отъ него.— Изъ этихъ соображеній о свободѣ мы видимъ, что авторъ сочиненія вовсе не отнимаетъ высокаго достоинства у человѣческой природы, хотя и признаетъ умъ человѣка весьма ограниченною силой.

Эту ограниченность разсудка поясняетъ на примѣрахъ другое сочиненіе, озаглавленное: „Человѣкъ наединѣ разсуждающій о неудоборѣшимыхъ Пневматологическихъ, Психологическихъ и Онтологическихъ задачахъ" [2]). Я много времени тружусь надъ чтеніемъ Психологіи, говоритъ авторъ; но каждый шагъ, кажется, удаляетъ меня отъ моего предмета. „Я стараюсь найти Аксіомы; но вмѣсто ихъ попадаются мнѣ однѣ сомнѣнія; я желаю шествовать по ровному пути; но мнѣ встрѣчаются пропасти, отъ измѣренія глубины которыхъ содрогаются всѣ мои чувства. Сіи задачи, которыя намѣренъ я теперь предложить, для меня совершенно нерѣшимы; и я часто сердечно признаюсь въ невѣдѣніи моемъ. Пусть Философы, имѣющіе больше смѣлости, нежели я, провождаютъ меня безъ магнитной стрѣлы въ небесныя Метафизическія земли; но я увѣренъ, что ни Локкъ, ни Маллебраншъ не согласятся быть моими путеводителями" [3]). Затѣмъ авторъ высказываетъ свои нерѣшимые вопросы. Мы ничего не знаемъ (говоритъ онъ) о *существѣ* вещей; можетъ быть это происходитъ оттого, что мы по большей частей заимствуемъ понятія свои отъ однихъ чувствъ; оттого мы и не можемъ „проникнуть проходы и скважины огромной машины, которой одни только *дѣйствія* намъ видны" [4]). Все это можно примѣнить къ нашимъ понятіямъ о душѣ. „Душа, говорятъ Философы, есть существо; но что есть существо? Незнающіе при семъ вопросѣ молчатъ, а разумные сами себѣ противорѣчатъ, и молчаніе однихъ не яснѣе пустословія другихъ" [5]). — „Можно ли больше понимать о

[1]) Тамъ-же, стр. 17.
[2]) Тамъ-же, ч. II, стр. 65—75.
[3]) Тамъ-же, стр. 65.
[4]) Тамъ-же, стр. 66—67.
[5]) Тамъ-же, стр. 66.

рожденіи душъ, какъ и о ихъ существѣ?" Рождается ли душа отъ души? существуетъ ли душа до рожденія человѣка въ „сѣменникѣ"? имѣетъ ли она тогда понятіе о своемъ бытіи[1])? Все это намъ неизвѣстно, какъ неизвѣстно то—какъ переходитъ человѣкъ отъ состоянія, когда имѣлъ только способность чувствовать и мыслить, къ состоянію, въ которомъ свободно чувствуетъ и мыслитъ? — Затѣмъ точно также непонятны отношенія души и тѣла. „По какому особому Механизму существо безъ протяженія можетъ быть соединено съ существомъ имѣющимъ протяженіе?"—„Почему душевныя способности, которыя не сотворены изъ вещества, возрастаютъ по мѣрѣ чувствъ тѣлесныхъ, которые не суть духъ?"—„Какъ душа дѣйствуетъ во внутренности человѣка, и какое бываетъ отраженіе матеріи на духъ" [2])? — „Какъ зрительная жилка трогаетъ душу" [3])?—Гдѣ жилище души? Разные философы указываютъ на разныя части тѣла. „Но духовный человѣкъ не равно ли станетъ удивляться глупости отвѣтовъ, какъ и запросовъ. Для чего, скажетъ онъ, думаютъ они, яко бы душа заключена въ тѣлѣ, подобно какъ существо могущее быть содержимо въ сосудѣ. Помѣщать душу въ малѣйшихъ мозговыхъ сосудахъ есть заблужденіе столь же грубое, какъ и думать, что она обитаетъ въ солнцѣ" [4]).—Наконецъ также непостижимы нашему уму и самыя душевныя силы. Кто можетъ истолковать— для чего мои чувства меньше меня обманываютъ, чѣмъ разумъ: я розу не приму за алмазъ, а всякій день малыя причины принимаю за великія? отчего мнѣ кажется, что больше истины въ самыхъ предметахъ, чѣмъ въ моемъ разумѣ, который ихъ сравниваетъ [5])?—„Гдѣ тѣ предѣлы, которые различаютъ въ человѣкѣ свободное и несвободное дѣйствіе? Я свободенъ: но для чего мои глаза повинуются моей волѣ, а кровь не повинуется" [6])? — „Наше разсужденіе (заключаетъ авторъ) [7]) не далѣе простирается своимъ понятіемъ и о будущемъ состояніи души, какъ о ея началѣ и существѣ. Ибо намъ говорятъ философы, что она безсмертна, а болѣе ничего".

Мы видимъ такимъ образомъ, что по мнѣнію Пок. Трудолюбца вслѣдствіе ограниченности человѣческаго ума многое ему непонятно. Есть цѣлая область непостижимаго для человѣка. Къ этой области относится, напр., бытіе Божіе: въ человѣчествѣ искони сохранялось смутное знаніе о Божествѣ; но это знаніе никогда не могло сдѣлаться яснымъ, и вмѣсто ис-

[1]) Тамъ-же, стр. 69.
[2]) Тамъ-же, стр. 70.
[3]) Тамъ-же, стр. 72.
[4]) Тамъ-же, стр 74.
[5]) Тамъ-же, стр. 71—72.
[6]) Тамъ-же, стр. 73.
[7]) Тамъ-же, стр. 74.

тиннаго Бога одни народы поклонялись свѣтиламъ, другіе обоготворяли всю природу; съ развитіемъ науки въ древнемъ мірѣ—въ его Религіи все умножались суевѣріе и грубость, и все болѣе и болѣе люди удалялись отъ истины [1]).—Къ области непостижимаго Пок. Трудолюбецъ относитъ и такія явленія, какъ „симпатія“ и „предвѣщанія сердца“; это — таинства природы, говоритъ онъ [2]), какъ электрическая сила и сила магнита; ихъ существенное качество „не можетъ быть совершенно открыто въ семъ свѣтѣ“: мы знаемъ только дѣйствія вещей, но не ихъ естество.

Между тѣмъ человѣкъ не можетъ успокоиться на незнаніи. Духъ нашъ ненасытимо стремится къ истинѣ (свидѣтельствуетъ сочиненіе „О симпатіи, физіогноміи и предвѣщаніи сердца“) [3]), „мы хотимъ познать все въ тайныхъ его пружинахъ“; блаженство человѣка состоитъ не только въ нравственномъ совершенствѣ, но и въ распространеніи знаній.— И Покоящ. Трудолюбецъ находитъ, что тайная область, недоступная уму, не совсѣмъ недоступна человѣческому духу. Обильныя и свѣтоносныя истины существовали бы лишь для мученія человѣка, если бы влеченіе наше къ нимъ не могло никогда исполниться (говорится въ сочиненіи „О бытіи первоначальной высочайшей вины всѣхъ вещей“) [4]).—Но какъ же овладѣемъ мы этими истинами, когда онѣ не подъ-силу нашему уму? Если читатель припомнитъ философію Вечерней Зари, мысли этого журнала объ отношеніяхъ ума и вѣры, да обратитъ вниманіе на положеніе одной изъ вышеприведенныхъ статей [5]) разбираемаго журнала, положеніе — что мы потому ничего не знаемъ о существѣ вещей, что понятія наши заимствуемъ по бо́льшей части отъ однихъ внѣшнихъ чувствъ,— то онъ пойметъ — какой отвѣтъ дастъ Пок. Труд. на предложенный вопросъ. Этотъ отвѣтъ: человѣку въ его стремленіяхъ къ истинѣ одного разсудка недостаточно, ему нужна еще вѣра; *отвлеченный* умъ всего постигнуть не можетъ, онъ долженъ быть дополняемъ *живою* вѣрою; согласное дѣйствіе этихъ двухъ силъ есть прямой путь къ истинѣ. Этотъ отвѣтъ такъ прямо не высказанъ ни въ одной статьѣ журнала, но онъ вытекаетъ самъ собою изъ ихъ совокупности. — Можетъ возникнуть сомнѣніе — достаточно ли уважаетъ Покоящійся Трудолюбецъ права ума; не предлагаетъ ли онъ своимъ читателямъ рѣшать, и не рѣшаетъ ли онъ самъ

[1]) Тамъ-же, ч. II, стр. 6—25. (О исторіи Моисеевой и т. д.)
[2]) Тамъ-же, ч. I, стр. 37—66 (О симпатіи, физіогноміи и предвѣщаніи сердца).
[3]) Тамъ-же, стр. 39—40.
[4]) Тамъ-же, ч. IV, стр. 1—20.
[5]) Тамъ-же, стр. 66—67 (Человѣкъ наединѣ размышляющій о неудоборѣшимыхъ..... задачахъ).

всѣ затруднительные вопросы путемъ *слѣпой* вѣры? Это сомнѣніе совершенно опровергается цѣлымъ рядомъ статей, въ которыхъ журналъ высказываетъ свои отношенія къ *слѣпой вѣрѣ*. Кто приметъ какое-нибудь предложеніе безъ несомнѣнныхъ доводовъ (говоритъ сочиненіе „О энтузіазмѣ“) [1]), тотъ водимъ пристрастіемъ, тотъ не любитъ истины. Энтузіазмъ есть ложный путь къ ней. Многіе отвергаютъ умъ во имя откровенія потому, что „откровеніе есть кратчайшій путь къ подтвержденію мнѣній, нежели трудъ, который должно употребить для снисканія правильныхъ доказательствъ“. Но такъ поступать — значитъ грубо ошибаться, ибо *„разумъ* есть природное *откровеніе*, посредствомъ котораго вѣчное существо, источникъ всего свѣта и премудрости, сообщаетъ человѣческому роду нѣкоторую часть истины, соразмѣрную понятіямъ ума нашего. *Откровеніе* напротивъ того есть природный *разумъ*, обогащенный новыми нѣкоторыми открытіями, непосредственно дарованными отъ Бога, объ истинѣ которыхъ увѣряетъ насъ разумъ чрезъ свидѣтельства и доводы. Почему кто старается уменьшить силу *разума* съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ возвысить *откровеніе*, тотъ угашаетъ свѣтъ обоихъ и какъ бы лишаетъ человѣка очей для того, чтобы удобнѣе посредствомъ Телескопа примѣтить вдаль простирающіеся лучи невидимой планеты“ [2]). Это прекрасное сравненіе разума съ очами, а откровенія съ телескопомъ показываетъ намъ все уваженіе Новикова къ уму: откровеніе не упраздняетъ ума, а только расширяетъ область доступнаго ему вѣдѣнія.

Ясность и свобода мысли Новикова еще виднѣе въ „Письмѣ къ издателямъ Покоящагося Трудолюбца“, напечатанномъ въ IV части журнала [3]). Авторъ этого сочиненія преслѣдуетъ въ немъ всякаго рода фанатизмъ; а редакція Трудолюбца въ своемъ примѣчаніи выражаетъ ему за это признательность и благодарность, называетъ его статью „лѣкарствомъ къ изцѣленію отъ душевнаго недуга, коимъ множество заражено быть можетъ“ [4]). Фанатики или пустосвяты (говорится въ „Письмѣ“), присвоившіе себѣ святость, говорятъ, а иногда и сами вѣрятъ, что имъ бываютъ съ неба какія-то откровенія. Вслѣдствіе этого они презираютъ всѣхъ, „даже и добродѣтельнѣйшихъ людей“, и отвергаютъ мышленіе; „они, презрѣвши даръ природы, которымъ связь вещей, ихъ дѣйствія и причины дѣйствій правильно познавать можно, вперяютъ умъ свой въ пустые вымыслы, и вмѣсто законнаго пути, природнаго о вещахъ разсужденія, придерживаются нѣ-

[1]) Тамъ-же, ч. III, стр. 68—84.
[2]) Тамъ-же, ч. IV, стр. 70—71.
[3]) Тамъ-же, ч. IV, стр. 56—73.
[4]) Тамъ-же, стр. 72.

которыхъ ложныхъ воображеній, которые бываютъ различны, по различію вѣтренныхъ умовъ, полагающихся на одни пустыя свои мечты, а не хотящихъ употребить ни одной минуты на размышленіе о какой-либо вещи“ [1]). Здравая ученость, основанная на познаніи природы, вещей и ихъ дѣйствій, почитаетъ за ничто ихъ бредни. Зараза этихъ бредней противна истинной религіи. Въ таинственныхъ изгибахъ сердецъ пустосвятовъ—зло; они враги благости Творца, не имъ однимъ давшаго спасеніе; враги природы, ибо ихъ чудеса часто нарушаютъ связь вещей; они совращаютъ людей и портятъ нравы, увѣряя, что хорошо все, что они дѣлаютъ. Греческая монархія пала изъза нихъ. Въ прежніе вѣка пустосвятовъ было болѣе, но и въ наше время ихъ довольно: часто видимъ мы пастырскій жезлъ въ рукахъ фанатика, который нѣсколько пробормотанныхъ словъ съ согбеніемъ спины считаетъ выше добраго дѣла несчастному человѣку; — иногда какая-нибудь странница увлекаетъ въ святыя путешествія простолюдиновъ, бросающихъ для этого работу; хотя я не хочу (оговаривается авторъ) отвлечь отъ почитанія священныхъ предметовъ, но должно сказать, что истинная святость заключается во внутренней добродѣтели. Фанатики, читая Свящ. Писаніе и не разумѣя его, „при каждомъ словѣ восклицаютъ: *о глубина премудрости! Ужасная истина!*.... и пр. и всѣ слова перетолковываютъ или принаравливаютъ къ своему вкусу и въ поощреніе своея страсти“. Они говорятъ: нынѣче свѣтъ хуже сталъ, „нынѣ всѣ, будучи напоены Волтеровымъ духомъ, никакихъ мыслей не имѣютъ о набожности. О проклятой Волтеръ! со всѣми послѣдователями своими, развратившими міръ такъ, что нынѣ уже босыми ногами не ходятъ святые Божіи человѣцы!“ Вредны и нелѣпы подобные толки фанатиковъ: „они, разсѣвая въ народѣ худое мнѣніе о мужахъ, которымъ просвѣщенные вѣки одолжены вѣчною благодарностью, хотятъ, чтобы всѣ люди были подобными имъ пустосвятами. Кто бы ни былъ Волтеръ, хотя впрочемъ и онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ неизвинителенъ, при всемъ томъ онъ одинъ гораздо былъ полезнѣе для общества, нежели все полчище пустосвятовъ. По мнѣнію пустосвятства и по сію пору должны бы не угасать инквизиціонные костры и подземные заклепы должны бы наполняться стономъ людей, не состоящихъ или не хотящихъ быть въ полчищи Фанатиковъ“ [2]). — „О, вѣкъ просвѣщеннѣйшій, въ которомъ удалена вся сила мнимыя набожности! (обращается авторъ къ 18 вѣку). Всѣ страны свѣта, всѣ народы одолжены тебѣ всѣмъ, что ни имѣютъ они священнѣйшаго.

[1]) Тамъ-же, стр. 58.
[2]) Тамъ-же, стр. 67—69.

Твоимъ неусыпнымъ бдѣніемъ всѣмъ возвращена свобода, похищенная пустою набожностію человѣческаго рода“; благодаря тебѣ—явилось человѣколюбіе ко всѣмъ, „даже и къ иновѣрнымъ, токмо бы они были честные граждане“; „твой плодъ есть нынѣшнее распространеніе наукъ, которымъ величайшею препоною было пустосвятство“ [1]). — Читатель видитъ изъ этихъ словъ, что, вооружаясь постоянно противъ лжи ученія энциклопедистовъ, изданія Новикова готовы были признать, что это ученіе принесло міру большую долю пользы. Новиковъ не смотрѣлъ на свой вѣкъ какъ на время паденія человѣческаго рода.

Очень близко къ сейчасъ разсмотрѣнной статьѣ другое сочиненіе того-же характера, называющееся „О мнимомъ усердіи къ религіи“ [2]). Неосновательная ревность къ вѣрѣ есть великое зло, говоритъ оно. Эта ревность порождается гордостью, корыстолюбіемъ и злостью. Часто человѣкъ сходится съ дурными людьми, а отстраняется отъ иновѣрцевъ, какъ, напр., „упорные наши раскольники не могутъ ничего съѣсть или выпить съ нами безъ зазрѣнія совѣсти“; это — ничто иное какъ гордость: „естьли бы усердіе наше къ Религіи было истинно, то бы мы болѣе ожесточались на грѣшника, нежели на еретика; многіе случаи могутъ оправдать послѣдняго предъ верьховнымъ судіею, но перваго оправдать ничего не можетъ“ [3]). Наша ревность къ вѣрѣ иной разъ есть ничто иное, какъ самолюбивое желаніе привлечь другихъ къ нашему мнѣнію; это — корыстолюбіе въ широкомъ смыслѣ слова. Усердіе къ вѣрѣ возбуждается иногда и корыстолюбіемъ въ буквальномъ смыслѣ: „Испанцы не принялись бы съ такою ревностію обращать Американцевъ на путь истинны, естьли бы золото ихъ не воспламенило въ нихъ сего священнаго усердія къ вѣрѣ Христіанской“ [4]).

Этой неосновательной ревностью, этимъ духомъ „лжесвятости и суевѣрія“ [5]) заражены (по мнѣнію журнала) и атеисты, ибо ихъ ученіе есть та-же фанатическая вѣра. Атеисты отвергаютъ все, въ чемъ есть только малѣйшее затрудненіе для пониманія; они отвергаютъ даже согласное съ здравымъ разсудкомъ и основывающееся на понятіи вѣковъ и народовъ; вслѣдствіе этого ихъ системы „требуютъ безразсуднѣйшей легковѣрности къ принятію ихъ“. „Пріемля всѣ главнѣйшія положенія Атеизма, какъ-то: случайное и вѣчное міробытіе, мысленность вещества, смертность души, случайный составъ тѣла, движимость матеріи и тому подобное, и составивъ изъ нихъ особливый Символъ вѣры

[1]) Тамъ-же, стр. 70—71.
[2]) Тамъ-же, ч. II, стр. 48—55.
[3]) Тамъ-же, стр. 51.
[4]) Тамъ-же.
[5]) Тамъ-же, стр. 54.

славнѣйшихъ Атеистовъ, я охотно бы спросилъ ихъ (говоритъ авторъ статьи), гдѣ больше требуется вѣры: къ принятію ихъ ли Символа, или Символа вѣры? Ихъ ли положенія вразумительнѣе и вѣроятнѣе, или каждой Догматъ и каждое слово Религіи?" „Не увѣрившись на истиннѣ замѣнять ее меньше еще вѣроятія достойными выдумками не значитъ объяснять вещь"[1]). — Мы видимъ изъ этихъ словъ, что Покоящійся Трудолюбецъ обвинилъ „философовъ" 18-го вѣка въ фанатизмѣ, въ неразумной ревности къ своей „вѣрѣ". Это едва ли не самое сильное изъ всѣхъ возраженій, сдѣланныхъ новиковскими изданіями энциклопедистамъ. — И такъ, изъ разсмотрѣнія трехъ названныхъ сочиненій мы можемъ заключить, что, если послѣдній журналъ Новикова призналъ, что умъ безъ пособія вѣры не въ силахъ открыть человѣку важнѣйшія истины бытія, то онъ же призналъ, что вѣра, не поддержанная доводами ума, не оправданная ими, вѣра слѣпая ведетъ только къ фанатизму, къ суевѣрію и пустосвятству.

Покоящійся Трудолюбецъ поставилъ себѣ цѣлью разоблачать и преслѣдовать суевѣрія всякаго рода. Упомянутое уже выше сочиненіе „О симпатіи, физіогноміи и предвѣщаніи сердца"[2]) допускаетъ возможность по физіономіи человѣка судить объ его характерѣ; но не всякій, говоритъ сочиненіе, имѣетъ физіономическое чувство, — оно зависитъ отъ особаго, тонкаго расположенія органовъ, отчасти отъ „частаго пріобученія" и есть сокровенная сила души нашей читать внутреннія свойства и движенія другаго человѣка. Попытка „Лаватера" привести физіономическіе знаки въ систему есть заблужденіе, ибо онъ принимаетъ въ своемъ ученіи въ соображеніе и случайныя обстоятельства, вродѣ одежды, также силуеты и т. п.; а нѣкоторые судятъ о характерѣ и по строенію тѣла, говорятъ, что прекрасный духъ обитаетъ въ прекрасномъ тѣлѣ, — это заблужденіе легко опровергается примѣромъ Сократа. Сочиненіе допускаетъ и возможность существованія симпатіи, какъ взаимнаго чувствованія „нѣкоего родства или союза одинакихъ душъ"; оно допускаетъ даже, что симпатія можетъ развиться до такой степени, что явятся сердечныя предвѣщанія, ибо (говоритъ оно), душа наша можетъ жить и безъ тѣла, и если она въ состояніи дѣйствовать на свое тѣло, то отчего же ей не дѣйствовать и на другіе предметы; можетъ быть душа человѣка чрезъ сильное напряженіе духовной силы оставляетъ иногда мѣсто своего пребыванія для посѣщенія сродной души. Но, заключаетъ сочиненіе, „безполезно будетъ хотѣніе всячески стараться душу свою доводить

[1]) Тамъ-же, стр. 54—55.
[2]) Тамъ-же, ч. I, стр. 37—66.

до таковыхъ усилій, и, какъ бы въ парникѣ, нераскрывшіяся еще ея силы нудить ранѣе къ созрѣнію". Отъ этого „только разгорячится воображеніе, и родятся бредни, такъ что иной наконецъ и въ ясной полдень увидитъ призраки, и вмѣсто того, чтобы силы духа своего изострить и отончить, оныя такъ притупитъ, что въ будущей жизни первымъ его упражненіемъ будетъ излѣченіе себя только отъ вздорныхъ своихъ мечтаній..... Весьма будетъ худо, когда обращеніе съ духами сдѣлается такою повсемѣстною и всеобщею заразою, каковою дѣйствительно сдѣлалась наука угадывать по лиценачертаніямъ"[1]).— Въ первой же части журнала напечатано сочиненіе „О предвѣстіяхъ грядущихъ бѣдствій"[2]), осмѣивающее суевѣрія русской жизни: боязнь числа 13, дурныхъ словъ, „изурочливаго" глаза, тяжелыхъ дней и т. д. „Самыя бездѣльныя обстоятельства (говоритъ авторъ)[3]) обращаемъ мы въ несчастія, и отъ ничего не значущихъ приключеній претерпѣваемъ столько же, сколько и отъ дѣйствительныхъ золъ". „Какъ просвѣщенныхъ людей главное стараніе состоитъ въ томъ, чтобы уменьшать бѣдствіе жизни мудрыми разсужденіями; такъ напротивъ того невѣжды находятъ свое упражненіе въ углубленіи оныхъ суевѣрными мнѣніями"[4]).

Невѣжествомъ объясняетъ Покоящ. Трудолюбецъ и существованіе таинственныхъ наукъ — Астрологіи, Алхиміи, Всеобщаго врачеванія и т. д. „Смятеніе разсудка, незнаніе и заблужденіе (говоритъ „Бильфельдово разсужденіе О тщетныхъ наукахъ и художествахъ")[5]) суть общій жребій слабаго человѣческаго ума" и источникъ „всѣхъ химерическихъ познаній". Древніе люди отличались суевѣріями; въ позднѣйшее время сумазброды и обманщики привели суевѣрныя бредни въ систему наукъ. Къ чести 18-го вѣка, когда со дня на день распространяются „очищенная Христіанская Богословія и Философія", „уже и единое напоминовеніе мнимыхъ такихъ наукъ и знаній производитъ смѣхъ въ разумныхъ людяхъ"[6]). Затѣмъ авторъ разсужденія называетъ эти науки, объясняя ихъ содержаніе и дѣлая о нихъ свои отзывы. Приведу нѣсколько примѣровъ этихъ отзывовъ. *Астрологія* (начинаетъ онъ) была сначала наукою толкователей сновъ, а потомъ сдѣлалась наукою мошенниковъ, „какой судьбѣ обыкновенно подвержены всѣ тѣ химерическія науки, о которыхъ мы ниже говорить бу-

[1]) Тамъ-же, стр. 65.
[2]) Тамъ-же, стр. 171—177.
[3]) Тамъ-же, стр. 174.
[4]) Тамъ-же, стр. 176.
[5]) Тамъ-же, ч. II, стр. 75—96.
Тамъ-же, стр. 79.

демъ“ [1]). *Магія* прежде была нѣчто хорошее; маги въ древности были честные люди, которые „таинства природы старались испытывать чрезъ правильныя средства“; они соединяли Магію съ математикой, медициной и богословіемъ;—но впослѣдствіи маги стали прибѣгать къ астрологіи, предсказаніямъ будущаго, къ волшебству и колдовству; явились—ослѣпленіе, плутовство и мошенничество, и теперь Магія достойна презрѣнія [2]). *Волшебство* есть совершеніе чудныхъ дѣлъ при помощи вызываемыхъ дьяволовъ;—въ наше время философія прогнала колдовство, и мудрые законодатели запретили духовнымъ заклинать дьяволовъ: ихъ и нѣтъ теперь, какъ нѣтъ ни дьявольскаго навожденія, ни колдуновъ, ни колдуней [3]). *Алхимія* (продолжаетъ авторъ) заслуживаетъ строгости правительства и презрѣнія просвѣщенныхъ умовъ, если въ ней было что хорошее—то это перешло въ химію; а дѣланіе золота есть глупость, хотя 5000-лѣтній опытъ „еще не могъ вылѣчить людей отъ сего сумашествія“. „Не такъ же ли трудно создать камень, крупинку золота, какъ блоху, слона, одушевленное произведеніе“? [4]). — *Всеобщее врачеваніе, распускаемое для питья золото, квинта эссенція* и *всеобщее* или *Универсальное лекарство* — также химера, приверженцы которой или сумазброды, не заключенные еще въ сумашедшіе дома, или обманщики. Какъ можно исцѣлить тысячи золъ однимъ лѣкарствомъ [5])! — Таковы отношенія Покоящ. Трудолюбца къ различнымъ фантастическимъ вѣрованіямъ, которыми такъ изобиловалъ 18-ый вѣкъ.

Послѣ всего вышеприведеннаго мы видимъ, что скептицизмъ Новикова, заставившій его усомниться въ безграничности силъ человѣческаго ума, не привелъ его тогда къ мистицизму и слѣпымъ вѣрованіямъ, а, напротивъ, привелъ къ отрицанію и разоблаченію фанатизма и всяческихъ суевѣрій. Этотъ скептицизмъ произошелъ не отъ слабости мысли, а отъ ея силы, не поддающейся слѣпой вѣрѣ въ безграничное могущество отвлеченнаго разсудка.

Въ числѣ философскихъ статей журнала есть двѣ-три совершенно популярныхъ, въ которыхъ, быть можетъ, выразилась попытка Новикова заинтересовать философіей даже людей совсѣмъ къ ней не подготовленныхъ. Таково, напр., разсужденіе „О должности человѣка имѣть особливое попеченіе о своей душѣ“ [6]). Сюда же относятся „Элегія Человѣкъ“ [1]), и „Басня Чудовище въ солнцѣ“ [2]). Въ элегіи говорится о преимуществѣ животнаго предъ человѣкомъ, если предположить, что у послѣдняго нѣтъ безсмертной души (при этомъ сочиненіе не дѣлаетъ вывода о безсмертіи души изъ сравненія человѣка съ животнымъ, а предоставляетъ читателю самому сдѣлать этотъ выводъ, какъ отвѣтъ на вопросъ — чѣмъ намъ гордиться, когда послѣ „сей суетной жизни“ мы будемъ „прахъ одинъ“?). Басня, разсказавъ объ ошибкѣ астронома, принявшаго мошку въ телескопѣ за чудовище въ солнцѣ, заключаетъ: такъ людей обманываютъ предразсудки, пристрастія, зависть и злоба; надо вѣсить на надежномъ безмѣнѣ, — часто недостатокъ бываетъ не въ предметѣ, а въ душѣ „примѣчателя“.

Изъ разсмотрѣнія философскихъ сочиненій Покоящагося Трудолюбца мы видимъ — какъ мало идетъ къ этому журналу названіе журнала масонскаго: онъ отвергаетъ и осмѣиваетъ все то, что составляетъ сущность мистическихъ вѣрованій масонства: таинственныя науки, магію и алхимію, приготовленіе золота и универсальнаго лѣкарства, сношеніе съ духами, достиженіе истинъ путемъ энтузіазма, помимо размышленія, произвольное объясненіе Священнаго Писанія въ духѣ своихъ фанатическихъ вѣрованій, и т. д. — Въ сочиненіи „Сонъ“ [3]), напечатанномъ въ IV ч. журнала, разсказывается, какъ собрались различныя секты суевѣровъ вокругъ своего божества, закрытаго туманомъ, и стали воздавать ему почести; — въ одной изъ группъ поклонявшихся *великолѣпно одѣтыя* лица приглашали другихъ *„слѣдовать Богу во мракѣ“* и продавали имъ дары, состоящіе *„по большей части въ бумажкахъ и мертвыхъ костяхъ“* [4]); хотя покупающіе чувствовали отъ этихъ даровъ тягость въ своихъ дѣлахъ, однако покупали ихъ отчасу болѣе. Почти не можетъ быть сомнѣнія, что подъ этою группою суевѣровъ сочиненіе разумѣетъ масоновъ, хотя нигдѣ и не называетъ ихъ прямо по имени. Торжественное и свѣтлое появленіе Вѣры, сопровождаемой Разумомъ и Истиною, разогнало туманъ вокругъ божества суевѣрія, и на очистившемся мѣстѣ показалась простая ворона. „Богъ, существо разумное и истинное (сказала Вѣра изумленнымъ фанатикамъ) требуетъ служенія разумнаго и истиннаго. Онъ не есть властелинъ, дѣлающій благороднѣйшія творенія свои неразумными невольниками“ [5]). — Но впрочемъ кое-какіе слѣды вѣры въ масонство мы можемъ встрѣтить въ Покоящемся Трудолюбцѣ. Не остана-

[1]) Тамъ-же, стр. 81.
[2]) Тамъ-же, стр. 85.
[3]) Тамъ-же, стр. 87.
[4]) Тамъ-же, стр. 88—92.
[5]) Тамъ-же, стр. 93.
[6]) Тамъ-же, ч. III, стр. 56—67.

[1]) Тамъ-же, стр. 175—177.
[2]) Тамъ-же, стр. 198—201.
[3]) Тамъ-же, ч. IV, стр. 197—204.
[4]) Тамъ-же, стр. 199.
[5]) Тамъ-же, стр. 203—204.

вливаясь на „Письмѣ съ того свѣта въ Москву отъ Муміага къ сыну малыя земли Муравью, живущему въ Муравейникѣ“ [1]) (письмѣ, въ которомъ трудно разобрать — серьезно или иронически повѣствуется объ „электрической любви“ между духами и о томъ, какъ человѣческій духъ по смерти человѣка „химическимъ образомъ чистится“ или „сублимируется“ и, будучи тоньше стихій, которымъ былъ отданъ во власть, стремится къ-верьху, пока не „ощутитъ“ духовнаго себѣ мѣста, между тѣмъ какъ грубыя вещества тѣла осядаютъ внизъ, или „преципитируются“, и раздѣляются по четыремъ стихіямъ),—не останавливаясь на всемъ этомъ, я укажу, во 1-хъ, на сочувственный отзывъ одной статьи Трудолюбца о масонской книгѣ: „О заблужденіяхъ и истинѣ“ (въ этой книгѣ, говоритъ статья, „весьма ясно доказано“ различіе человѣка и животныхъ) [2]), и во-2-хъ, на сочиненіе: „О наукѣ называемой Кабалѣ“ [3]). Сочиненіе это раздѣляетъ Кабалу на священную и непозволенную. Первая есть познанія Божія закона, изустно ввѣренныя Моисеемъ 70 старцамъ, или, иначе сказать, искусство посредствомъ нѣкоторыхъ символовъ, оставивъ все земное, извлекать изъ формы форму до матеріи, которая есть единой формы и не имѣетъ никакой формы. Послѣднее неясное опредѣленіе науки поясняется примѣрами изъ ея дѣйствій, — такъ, первое слово Библіи — bereschith (въ началѣ) Кабала раздѣляетъ на слоги, полученныя изъ которыхъ слова въ переводѣ на русскій языкъ значатъ: отецъ, въ сынѣ, и чрезъ сына, начало, и конецъ, или покой, сотворилъ, главу, огнь, великаго, человѣка, благимъ, завѣтомъ; посредствомъ такого или подобнаго ему пріема священной Кабалы пр. Даніилъ прочелъ знаменитыя слова: Мани, Фекел, Фарес. Къ этой священной Кабалѣ статья журнала относится сочувственно, ссылаясь на „славнаго ученаго Пика“, добывшаго ее у Евреевъ и утверждающаго, что въ ней все согласно съ Евангеліемъ. Приверженцевъ же Кабалы непозволенной статья порицаетъ. Эта послѣдняя наука, по ея словамъ, „объясняетъ какое-то десятословіе о таинственныхъ Божіихъ именахъ и скрытыхъ въ нихъ силахъ, кои нѣкоторыми употребляются къ повелѣнію діаволами и очарованію“ [4]). Но, порицая эту „науку“, статья не рѣшается однакоже вполнѣ отвергнуть ее, признавъ собраніемъ бредней: разсказъ свой о различныхъ чудесахъ кабалистовъ авторъ статьи заключаетъ словами: „но есть ли что-либо изъ сего справедливаго, сіе развѣ одинъ Кабалистъ знать можетъ; мыжъ не могши утверждать, не можемъ за

[1]) Тамъ-же, ч. III, стр. 213—225.
[2]) Тамъ-же, ч. IV, стр. 11. (О бытіи первонач. высоч. вины всѣхъ вещей).
[3]) Тамъ-же, стр. 94—106.
[4]) Тамъ-же, стр. 102.

вѣрное и отрицать того, что всегда пребудетъ неизвѣстною тайною“ [1]). — Мы видимъ, такимъ образомъ, что, отвергая всѣ вѣрованія и таинственныя науки масонства, смѣясь даже надъ ними, Покоящійся Труболюбецъ все-таки не рѣшался окончательно признать, что орденъ не владѣетъ никакими таинственными знаніями. (Кабала была, какъ извѣстно, одною изъ наукъ, въ которыхъ упражнялись масоны высшихъ степеней). Эта нерѣшительность отрицанія Новикова есть дань знаменитаго писателя мистическому настроенію своего вѣка. — Настоящія отношенія Пок. Трудолюбца къ масонству кажется лучше всего поясняетъ прекрасное сочиненіе: „О таинствахъ Цереры Элевзинской“ [2]). Заступаясь за эти таинства, говоря, что въ основѣ ихъ лежала возвышенная идея, авторъ сочиненія замѣчаетъ, что эта идея затемнилась потомъ, во 1-хъ, странными обрядами (поступающій въ таинственное общество попиралъ ногами корону, падалъ подъ занесеннымъ на него ножемъ, билъ себя бичемъ и претерпѣвалъ другія мученія, и т. д.), во 2-хъ, различными суевѣріями, которыя ввели развращенность, навлекшую на таинства презрѣніе общества. „Но (печально заключаетъ авторъ) таковъ почти обыкновенно бываетъ конецъ всего, что ни было священнаго на сей извѣстной намъ половинѣ земнаго шара“ [3]). Едва ли, печатая это сочиненіе и особенно дѣлая приведенное заключеніе, авторъ и издатель журнала не думали о масонствѣ, не намекали на него. Если же это такъ, то отношенія Новикова къ ордену совершенно ясны: онъ отвергалъ въ масонствѣ странные обряды и нелѣпыя суевѣрія, но признавалъ, что въ основѣ его лежала возвышенная идея, затемненная этими обрядами и суевѣріями, приведшими братьевъ къ развращенности и навлекшими на нихъ презрѣніе общества. Возвышенная идея, окончательно искаженная дальнѣйшимъ развитіемъ масонства, дѣйствительно, какъ мы знаемъ, лежала въ его основѣ. Поэтому понятно, что Новиковъ, послѣ всѣхъ вышеприведенныхъ статей его журналовъ о суевѣріи, все-таки остался масономъ, хотя и былъ, какъ скоро увидимъ, масономъ плохимъ, далеко не оправдавшимъ возлагавшихся на него русскими братьями ордена надеждъ.

Пок. Трудолюбецъ сближаетъ умъ и вѣру, философію и богословіе. Но изъ этого не должно заключать, что онъ считаетъ религію философско-отвлеченнымъ ученіемъ и не уважаетъ простодушныхъ вѣрованій тѣхъ людей, для которыхъ философія недоступна. Напечатанное въ 4

[1]) Тамъ-же, стр. 106.
[2]) Тамъ-же, ч. III, стр. 127—134.
[3]) Тамъ-же, стр. 134.

ч. журнала „Разсужденіе О любленіи истинной Христіанской Философіи“ [1]) говоритъ, что солнечный свѣтъ не столь общъ, какъ Христіанское ученіе, — оно доступно всѣмъ, ибо истиннымъ богословомъ почитать должно того, кто отличается не запутанными умозаключеніями, но „внутреннимъ благорасположеніемъ сердца“ и добродѣтельною жизнью. Чтобы достигнуть Христіанской мудрости не надо прежде изучить высокія науки, — вѣрь только въ Христа и истинно люби Его ученіе. Три „состоянія“ людей (по мнѣнію статьи) могутъ способствовать распространенію и утвержденію Христіанскаго благочестія: земные обладатели или занимающіе ихъ мѣсто, духовенство и воспитатели. Но не насиліемъ должна утверждаться вѣра: добродѣтельною жизнію скорѣй побѣждаются враги Христіанства, „нежели браноносными или безчеловѣчными угроженіями, рождающими токмо ужасъ въ сердцѣ каждаго. Истина во всякомъ случаѣ сильнѣе и дѣйствительнѣе всего“ [2]).

Сатирическихъ сочиненій въ послѣднемъ журналѣ Новикова болѣе, чѣмъ въ трехъ предшествовавшихъ ему изданіяхъ. Эта сатира Пок. Трудолюбца есть прямое продолженіе и развитіе сатиры Вечерней Зари. Она осмѣиваетъ кокетокъ и франтовъ, слѣпое пристрастіе русскаго общества ко всему французскому [3]), неправосудныхъ и берущихъ взятки „приказныхъ“, монаховъ, которые „всенародно умерши міру, опять начинаютъ возкресать въ оный приватно“ и которыхъ „чрево— пространнѣе всей природы“ [4]), педантовъ и жестокихъ помѣщиковъ, и т. д.—Изъ сочиненій, которыя рисуютъ кокетокъ и щеголей, самое замѣчательное — „О употребленіи времени“ [5]). Щеголиха Цидалинда не знаетъ — куда дѣть время. 8054 часа въ году идетъ у нея на спанье, совѣщанія съ докторомъ (хотя она совершенно здорова), одѣванье, ѣду, приниманье визитовъ, хожденье въ церковь, оперу и комедію, усаживанье въ карету и выхожденіе изъ нея, разсматриванье еженедѣльныхъ поваренныхъ записокъ, гулянье, выѣздъ въ деревню, выглядыванье въ окошко. Но остается еще 706 часовъ. Положимъ, что изъ нихъ 13 можно убить на Пок. Трудолюбца, держа его по

[1]) Тамъ-же, ч. IV, стр. 24—47.

[2]) Тамъ-же, стр. 35. — См. еще богословс. статьи: Размышленіе о добродѣтели (IV, 48—55), Гимнъ Религіи (IV, 73—75), Душа по смерти (IV, 121—123).

[3]) Тамъ-же, ч. I, стр. 217 (Жадность къ богатству), ч. III, стр. 206 (Эпитафія Танцмейстеру).

[4]) Тамъ-же, ч. III, стр. 220 и далѣе.

[5]) Тамъ-же, ч. II, стр. 140—148.—См. еще: I, 208—210 (Анек. Чудный случай), 229 (Письмо къ изд-мъ Пок. Тр.); ч. II, 235 (Эпитафія 3-ья, Коню); III, 201—202 (Басня Волшебница), 227 — 228 (Притча Старуха), 239 (Гостелюбивой старухѣ. Мадригалъ).

модѣ въ рукахъ еженедѣльно $^1/_4$ часа. Но на что же употребить остальные почти 700 часовъ? „Не читать ли?

Очей читанье тупитъ силы,
А пара глазъ еще ей милы,

говорятъ добрые люди. Такъ не прикажешь ли работать? Завираешься, другъ мой; она вить не подляшка“ [1]). Цидалинду выручаютъ изъ такой бѣды стихотворцы, музыканты и „*картодѣи*“. „Изъ сего видѣть можно (замѣчаетъ сочиненіе) [2]), какія полезныя втеченія въ человѣческую жизнь имѣютъ всѣ роды искусства“. А если и искусства не помогутъ Цидалиндѣ, если и этого не хватитъ, „то можетъ она тогда разговаривать съ своимъ мужемъ, или въ кругу дѣтей своихъ заснуть, либо совѣтоваться съ портнымъ, а не то приказать позвать кушца и показывать всякія новыя матеріи, или принуждена будетъ претерпѣвать другія подобныя сему заботы; потому что (заключаетъ авторъ статьи) Господа должны мучиться по крайней мѣрѣ досугами, хотя въ самомъ дѣлѣ нѣтъ бо̀льшаго мученія, какъ не знать куда дѣваться съ своимъ временемъ“ [3]).— Положеніе господина Счастливца еще печальнѣе положенія щеголихи. Какъ поступитъ онъ, чтобъ отвязаться отъ своего времени, я уже этого и не знаю, говоритъ авторъ сочиненія. Этотъ господчикъ 23—24 лѣтъ спать будетъ менѣе, чѣмъ Цидалинда; поваренные расходы разсматривать ему конечно нечего; „въ церковь онъ не пойдетъ, потому что онъ не хочетъ принадлежать къ большимъ толпамъ; да можетъ быть и на уборы употребитъ онъ времени по крайней мѣрѣ одною четвертью часа менѣе“ [4]) (у Цидалинды выходитъ на уборы два часа въ день). Поэтому легко можетъ быть, что у Счастливца окажется 1000 свободныхъ часовъ въ году. Что ему дѣлать? Должности у него нѣтъ, надъ деревнями его смотритъ управитель. „Думать, учиться, скажетъ, можетъ быть, строгій и угрюмый совѣтникъ. Да знаетъ ли онъ, что *думать* на́чало уже давно выходить изъ моды между молодыми господчиками, а учиться и того болѣе. Если кто богатъ, или по крайней мѣрѣ намѣренъ когда-нибудь записаться въ полкъ: къ чему ему много знать? Довольно съ него будетъ и тамъ, надъ чѣмъ голову поломать. И такъ, сколько оплакивать должно господина Счастливца съ долгимъ его годомъ“ [5]). Надо бы (заключаетъ авторъ свое сочиненіе) предписать правила и средства сокращать время. „Да то бѣда, что лучшаго еще не найдено, какъ

[1]) Тамъ-же, ч. II, стр. 144—145.

[2]) Тамъ-же, стр. 145.

[3]) Тамъ-же, стр. 145—146.

[4]) Тамъ-же, стр. 146.

[5]) Тамъ-же, стр. 147.

только то, которое уже давно предписано. Оно есть упражненіе въ добродѣтели. Чтожъ дѣлать? Не Трудолюбецъ виноватъ, когда оное средство горковато, старинно и не по вкусу? А какая бы произошла оттого перемѣна! Можетъ быть оно подѣйствовало бы въ сердцахъ, еслибы избыточествующія временемъ могли разсудить, что сей годъ можетъ быть послѣднимъ для всѣхъ Цидалиндъ и счастливцовъ. Мысль конечно важная; но если бъ ее и разсмотрѣли съ важностью: то какъ-бы дорогимъ почитали время и сколь бы охотно послѣдовали наставленію столь достойному устъ Юнговыхъ: Смертные! выдавайте его (время) бережною рукою, какою выдаете вы деньги; не платите ни одного мгновенія ока не покупая за оное того, чего оно достойно“ [1]).—Мы видимъ изъ послѣднихъ словъ, что смѣхъ сатирическаго сочиненія перешелъ въ серьезную думу. Такова вообще сатира послѣднихъ журналовъ Новикова: длинный процессъ философскаго мышленія и серьезное отношеніе журналовъ къ общественной жизни сдѣлали и сатиру серьезной.—Я приведу еще нѣсколько примѣровъ такого ея характера. Прекрасное стихотвореніе „Жадность къ богатству“ [2]) говоритъ о пагубной силѣ сребролюбія. Ты (обращается авторъ къ этой страсти)

нудишь судію законы преступать,
Виновныхъ избавлять, невинныхъ осуждать
Подъячимъ ты велишь коварства, плутни строить.

Ты принуждаешь — господина

рабовъ работой угнетать
. . . . . .
Помѣщикъ чрезъ тебя оброкъ съ крестьянъ деретъ,
Дворецкой отъ тебя жъ еще себѣ беретъ
. . . . . .
Тобой, тобой дѣвицъ невинныхъ обольщаютъ,
И честныхъ юношей тобою развращаютъ.

„О вы!“ (обращается стихотвореніе къ людямъ, поддавшимся этой страсти)

Оплачьте горькую, свою оплачьте часть!
Симъ мерзкимъ будучи порокомъ зараженны
Предъ Богомъ, предъ людьми вы стали прокаженны;
Очистите себя, престаньте въ скверне быть;
Не деньги, ближняго вы рождены любить!
Когда Господь щедротъ богатство вамъ даруетъ,
Онъ новый путь къ добру чрезъ то вамъ показуетъ,
Да отъ излишества сокровищъ вы своихъ

[1]) Тамъ-же, стр. 147—148.
[2]) Тамъ-же, ч. I, стр. 216 -220.

Исполните свой долгъ, снабдите и другихъ.
. . . . . .
Имѣя тысячи, имѣя милліоны
Отрите слезы вдовъ, сиротъ прервите стоны.

Басня „Волшебница“ [1]) разсказываетъ, какъ колдунья, обагренная младенческою кровью, производила среди лѣса въ полночь заклинанія, распространяя всюду язву и смерть; съ неба свела она луну, тысячи непріязненныхъ силъ вызвала изъ глубины пропастей ада. И всѣмъ задала она вопросъ: „не знаютъ ли они, гдѣ ея любимая сучка дѣвалась“? Для сего ли, воскликнула Геката, совратила ты луну и остановила теченіе природы!—Что мнѣ нужды до луны или до цѣлаго свѣта, отвѣчала колдунья, когда я потеряла „сіе малое животное“. „Сколь много женщинъ могъ бы я наименовать (замѣчаетъ авторъ басни), которыя также бы для своей постельной собачки поступили! Но я имѣлъ въ виду важнѣйшее нравоученіе. Кто долженъ удерживать стремленіе, съ которымъ Цари и ихъ вельможи стараются удовлетворить своей волѣ? Сіе посправедливости быть можетъ для тебя огорчительно, о ты бѣдной, простой и рощущій народъ; но что то за бѣда? Сіе имъ служитъ удовольствіемъ. Такимъ образомъ Александръ, какъ мы читаемъ, пресѣкаетъ, чтобъ провести только досадной день, жизнь цѣлымъ тысячамъ, и дѣлаетъ людей невольниками для препровожденія времени“.—Иной разъ въ Пок. Трудолюбцѣ среди серьезнаго сочиненія, въ тѣсной связи съ его мыслями, встрѣчаются сатирическія строки. Такъ „Общія замѣчанія о путешествіяхъ“ упоминаютъ о молодыхъ франтахъ, отъѣзжающихъ за-границу. Въ Парижѣ такой франтъ (говоритъ сочиненіе) „самъ себя превосходитъ въ усиліяхъ перенимать разнообразныя коверканья, жеманства и прочія тѣлодвиженія, свойственныя или насмѣшливымъ комедіантамъ, или невиннымъ шутамъ“. „Онъ не щадитъ ни глазъ для примѣчанія, ни кошелька для доставленія себѣ разномодныхъ фраковъ, такъ что все его блаженство заключается и измѣряется краткостію полъ и узкостію стана. Но Королевскій кабинетъ, разныя примѣрныя работы Архитекторовъ, повседневныя испытанія въ ученыхъ мѣстахъ и новыя открытія силъ мудрой природы, не менѣе просвѣщающія, какъ и увеселяющія, неудостоиваются ни одного любопытнаго его взора“ [2]).—Не разъ упомянутая статья „О симпатіи, физіогноміи и предвѣщаніи сердца“ оканчивается выраженіемъ упованія автора, что сочиненіе его понравится читателямъ, ибо принадлежитъ къ числу тѣхъ, „которыя нынѣ въ обыкновеніи, и иному можетъ понадобиться для вступленія въ разго-

[1]) Тамъ-же, ч. III, стр. 201—202.
[2]) Тамъ-же, ч. II, стр. 127.

воръ, ежели когда богиня *скука* разсудитъ за благо допустить, чтобы при сонливомъ ужинѣ заведена была филозофическая бесѣда“ [1]).

Служащій людъ, судьи и „подъячіе“, давно не являлись въ изданіяхъ Новикова. Покоящійся Трудолюбецъ вернулся къ нимъ. Невѣжды убѣждены (читаемъ мы въ одномъ стихотвореніи) [2]), что на все есть рокъ; этой мыслью невѣжества пользуются дурные люди: несчастный пусть такимъ и будетъ, — таковъ его рокъ, говоритъ сильный.

Его есть рокъ таковъ, кричитъ судья неправды:
Невинность осужду, вдовицъ лишу я правды!
Отъ бѣдныхъ пользы нѣтъ, не скопишь сундуковъ;
Убогій виноватъ, и рокъ его таковъ!

Эпитафія судьѣ Обиралову [3]) свидѣтельствуетъ, что подъ нею покоится „разбойникъ“. Если бы въ немъ опять „сопряглись“ душа и тѣло, тогда

Прохожій берегись!

(предостерегаетъ эпитафія)

Послѣдній онъ кафтанъ съ тебя конечно стянетъ.

Не тотъ риторъ (учитъ эпиграмма „Денежный аргументъ“) [4]), кто умѣетъ говорить въ судѣ,

Но тотъ, кто всѣхъ судей имѣетъ чѣмъ дарить.

Не смотря на проигрышъ дѣла (говоритъ въ другой эпиграммѣ стряпчій истцу) [5]), ты бы долженъ былъ прибавить мнѣ еще тысячу рублей,

Понеже въ дѣлѣ семъ краснѣть мнѣ подобало.

Басня „Лисица съ орломъ“ [6]) сравниваетъ лисицу, добывшую себѣ жирную и хорошую утку, съ подъячимъ:

Охотница она была до барыша,
Конечно въ ней была подъяческа душа,
И вмѣсто взятокъ, знать, она ее схватила.

Всѣ приведенныя сочиненія не лишены остроумія; но далеко оставляетъ ихъ за собою превосходная статья „Новая логика“ [7]): въ ней съ художественною силой нарисованъ типъ плута-подъячаго. Разсказавъ о существованіи въ новой логикѣ христіанскихъ народовъ денежныхъ силлогизмовъ, авторъ статьи замѣчаетъ: „въ приказномъ родѣ людей

[1]) Тамъ-же, ч. I, стр. 66.
[2]) Тамъ-же, ч. II, стр. 119—121.
[3]) Тамъ-же, стр. 235—237, эпит. 5-ая.
[4]) Тамъ-же, ч. IV, стр. 252—253.
[5]) Тамъ-же, ч. II, стр. 230—234, эпигр. 16-ая.
[6]) Тамъ-же, стр. 225—226.
[7]) Тамъ-же, стр. 196—215.

отъ частаго употребленія сихъ доводовъ Силлогизмы денежнаго разума получили особливое наименованіе, извѣстное подъ словомъ *Акциденціи*, котораго синонима *взятки*. Сіи люди такіе силлогизмы, доводы и доказательства всегда наизусть помнятъ, и такъ твердо сію науку знаютъ, что протверживаніе своихъ уроковъ дѣлаютъ только помня, какъ они говорятъ, правило: *что-де повтореніе есть мать ученія*“ [1]). Въ примѣръ подобныхъ подъячихъ авторъ приводитъ встрѣтившагося ему „въ одной бесѣдѣ“ старика приказнаго. Старикъ этотъ былъ, какъ и всѣ приказные, охотникъ до разсказовъ и разговоровъ, особенно „отъ частыхъ подносовъ горячительныхъ нѣкоторыхъ спиртовъ, водящихся особливо въ подъяческихъ компаніяхъ“. Среди разговоровъ „пригрезилось ему, будто онъ смышліонъ; расхвастался старичокъ, вздумалъ поклепать свою голову, сказывая, что она мозгу довольно набралась разбирая старыя затасканныя дѣловыя бумаги, гдѣ вмѣсто пыли и сору клюетъ онъ носомъ своимъ невидимую премудрость и наполняетъ ею свою голову. Онъ взвелъ было на себя и такую напраслину, что сказывалъ, будто у него въ денежномъ разумѣ является недоимокъ. Солгалъ еси, старинушка, сказалъ я ему (повѣствуетъ авторъ), хотя видно ты и постишься, понеже головушка твоя не масломъ, а кваскомъ примочена“. Старикъ не возражалъ, и, не выдержавъ роли, сталъ даже разсказывать про себя — какой онъ мастеръ „выставлять приказные фокусъ-покусы; во увѣреніе же насъ приводилъ изъ старинныхъ рукописей свидѣтельства и доносилъ, что за такое-то дѣло столько, за такое столько-то поживился отъ доброхотныхъ дателей“. Сталъ онъ разсказывать и про своихъ товарищей, изъ которыхъ одинъ за названіе его *поповскимъ брюхомъ* требовалъ заплаты безчестья, а другой, „затевущій малый“, подалъ на одного человѣка челобитную за слово *врешь*, сказанное ему нѣкогда и нѣгдѣ. Въ заключеніе бесѣды старикъ привелъ автора статьи въ „окостенѣніе“, привязавшись къ слову Пантелеичь, сказанному вмѣсто Пантелеймоновичь: можно подать, утверждалъ онъ, челобитную, „что де такой то имярекъ обноситъ такого-то нижеименованнаго, называя его не собственнымъ его именемъ“ [2]).

Сочиненіе „Новая логика“ замѣчательно не только нарисованнымъ въ немъ типомъ подъячаго. Въ этомъ превосходномъ сочиненіи сатира Новикова выходитъ за предѣлы обличенія современныхъ недостатковъ русскаго общества въ область сатиры общечеловѣческой, не становясь отъ этого отвлеченной и безжизненной, какъ дѣлалось съ нею прежде въ подобномъ случаѣ, ибо *теперь* она проникнута общечеловѣческой мыслью. Она

[1]) Тамъ-же, стр. 209.
[2]) Тамъ-же, стр. 210—213.

бичуетъ негодующимъ смѣхомъ ложь жизни всѣхъ вообще христіанскихъ народовъ Европы. Статья „Новая логика“ имѣетъ цѣлью—научить читателя спорить, и для этого разсматриваетъ различные способы убѣждать противника нашихъ мнѣній. Въ древнемъ мірѣ, говоритъ она, было два метода въ умственныхъ состязаніяхъ: Сократъ кучей вопросовъ въ разговорѣ доводилъ противника до того, что тотъ самъ добровольно признавался въ своей погрѣшности. Аристотель, перемѣнивъ образъ атаки, изобрѣлъ множество маленькихъ стрѣлъ, называемыхъ силлогизмами. Въ новыя времена европейскіе университеты слѣдовали сначала методу Аристотеля, но потомъ увидѣли, что такимъ образомъ можно спорить безъ конца, и тогда придумали методъ болѣе убѣдительный, изобрѣли „Argumentum Basilinum, или Bacilinum (bacillus—палочка), или Baculinum (baculus—палка), т. е. палочный доводъ или палочное состязаніе“. За первымъ счастливымъ изобрѣтеніемъ послѣдовали дальнѣйшія, подобныя ему, но болѣе сильныя и грандіозныя. Такъ, нынѣ въ большомъ употребленіи способъ убѣжденія, состоящій въ томъ, чтобы „съ каждой стороны выставить по сту тысячъ состязателей или убѣдителей, и сіи Дефенденты доказываютъ несправедливость Оппонентовъ силою громоносныхъ провозвѣстниковъ истины, называемыхъ въ просторѣчіи пушками, мортирами, ружьями, мечами и пр.“ Но самый убѣдительный аргументъ (говоритъ сочиненіе),который только можно представить глазамъ противника, называется попросту *пытка*. Убѣждавшіе этимъ аргументомъ „употребляли въ доводы свои разнаго рода Сориты, т. е. такіе силлогизмы, которые состоятъ изъ множества мелкихъ, въ кучу собранныхъ положеній, просто называемыхъ костеръ дровъ, дыбы, застѣнки и прочая такого рода збруя; и успѣшныя ихъ дѣйствія такую славу пріобрѣли въ цѣломъ свѣтѣ, что употребленіе ихъ повсюду разсѣялось и сдѣлалось всеобщимъ; а святая Инквизиція присвоила себѣ изключительное право и верьховную власть пользоваться симъ преимуществомъ. Они часто съ успѣхомъ употребляемы были въ обращеніи заблуждающихъ и невѣрныхъ къ вѣрѣ Христіанской.—Иногда люди (прибавляетъ сочиненіе) выводимы были изъ заблужденія и примирялись съ истинною силою здраваго разсужденія, остроумія и благоразумія со стороны убѣждающихъ; но сей способъ найденъ не такъ дѣйствительнымъ и для того отставленъ. Для скорѣйшаго-жъ разрѣшенія всѣхъ сомнѣній изобрѣтены были особливые убѣдительные доводы. Кнуты, петли, висѣлицы, колья, колеса, огонь и другія костоломныя орудія и машины признаны были всеобщимъ и надежнѣйшимъ средствомъ къ убѣжденію; а какъ они приведены были съ раченіемъ въ систему, то и составляли Христіанское дополненіе къ древней языческой Логикѣ, или

наукѣ умствовать“ [1]).—Изъ всего вышеприведеннаго читатель видитъ, что авторъ сочиненія обличаетъ новыя „дополненія къ древней языческой логикѣ“ во имя идеи о правѣ всякой человѣческой мысли на свободу. — „Есть еще способъ убѣждать другихъ“ (говоритъ сочиненіе). „Сначала свѣта онъ былъ въ употребленіи и теперь еще не переводится и состоитъ въ томъ, чтобы противорѣчащимъ отсыпать добрую мѣру денегъ. Удивительно, какъ сей Силлогизмъ зажимаетъ ротъ самымъ сильнѣйшимъ крикунамъ и упорнѣйшимъ противоборникамъ. Сіятельное и превосходительное золото свѣтомъ своимъ просвѣщаетъ всякаго недоумѣвающаго, разгоняетъ въ одинъ мигъ всѣ сомнѣнія и подозрѣнія, выводитъ всякаго изъ невѣрія и заблужденія“ [2]) „О разумные мѣшки! О премудрые денежки!.... Неоцѣненные состязатели! Вы-то поборники по истиннѣ! Вы-то доказываете все, что хотите, систематически и аргументально“ [3]). „Хорошіе успѣхи сего надежнаго доказательства разлили повсюду просвѣщеніе и всякой нынѣ принялся за Логику сего рода“ [4]). Далѣе приводятся примѣры денежныхъ силлогизмовъ; вотъ одинъ изъ нихъ: „семъ зафилософствую! (говоритъ зажиточный купецъ) Силлогизмъ in Barbara. Первая посылка a priori: чтобы получить благородство, должно имѣть Маіорскій, или, по крайней мѣрѣ, Оберъ-Офицерскій чинъ. Вторая посылка: а какъ всякой имѣющій денежный умъ долженъ быть и есть благороденъ (Ex indubia experientia a posteriori). Заключеніе: слѣдовательно, всякой имѣющій денежный умъ долженъ быть и есть Штабъ, или, по крайней мѣрѣ, Оберъ-Офицеръ“ [5]). Послѣ такого размышленія, купецъ покупаетъ себѣ чинъ и дѣлается дворяниномъ; а на замѣчаніе, что чрезъ „лишеніе достаточнаго купца“ дѣлается подрывъ торговлѣ и, слѣдовательно, уронъ отечеству,—онъ отвѣчаетъ: „я тебѣ искренно скажу, что я, что такое Отечество, не знаю; а что ты говоришь о торговлѣ, такъ знай, что я знать ея не хочу: да мнѣ же до того и дѣла нѣтъ. Былъ бы я лишь сытъ, доволенъ и въ чести, а о прочихъ я не забочусь“ [6]).

Мы видѣли, что сатира Пок. Трудолюбца коснулась отношеній помѣщиковъ къ ихъ крѣпостнымъ людямъ (стихотв. „Жадность къ богатству“). Журналъ представилъ и еще нѣсколько сочиненій о крестьянахъ. Въ этихъ сочиненіяхъ онъ нарисовалъ правдивую картину ихъ тяжелаго положенія и искренно, не остерегаясь, какъ дѣлали это пред-

---

[1]) Тамъ-же, стр. 200—203.
[2]) Тамъ-же, стр. 203.
[3]) Тамъ-же, стр. 209.
[4]) Тамъ-же, стр. 205.
[5]) Тамъ-же, стр. 205—206.
[6]) Тамъ-же стр. 207.

шествовавшія ему изданія, высказалъ свой взглядъ на крѣпостное право. Эта искренность, быть можетъ, была одною изъ причинъ прекращенія новиковскихъ журналовъ. — Эпиграмма „Боярская щедрость“ [1]) разсказываетъ, какъ господинъ хочетъ полтиной вознаградить слугу, котораго онъ прежде почти всякій часъ дралъ плетьми и который, не смотря на это, спасъ ему жизнь — „Не исчезла еще..... добродѣтель (говоритъ „Письмо къ другу моему“); но не въ знатности или покоѣ искать ее должно. Ищи ее въ преужасныхъ буряхъ, ищи ее въ гоненіяхъ, гибеляхъ, въ жестокой ненависти, гдѣ всѣ страсти безпредѣльны, всѣ права недѣйствительны, гдѣ единое насильство подаетъ законы“ [2]). Среди сильныхъ міра ея нѣтъ, потому что постоянное счастье портитъ человѣка. Богачъ „награждаетъ недостойныхъ, раздѣляющихъ съ нимъ его роскошь, всѣмъ тѣмъ, что собираетъ съ стенящихъ крестьянъ, обработывающихъ его земли. Онъ не знаетъ нуждъ человѣческихъ, не чувствуя ихъ никогда; даетъ безъ удовольствія и раззоряетъ безъ угрызенія совѣсти“ [3]). Мысль о смерти, которая все у него отниметъ, не приходитъ въ голову такому человѣку. — Эпитафія „Богатому дворянину“ [4]) свидѣтельствуетъ, что этотъ дворянинъ не взялъ съ собою въ гробъ ни одной изъ 5,000 накупленныхъ имъ при жизни чужихъ душъ, какъ не взялъ и своего дворянства. — Уже изъ приведенныхъ сочиненій видно, что Новиковъ заговорилъ о крестьянахъ въ послѣднемъ своемъ журналѣ такъ, какъ не говорилъ онъ со времени Живописца. Но выше всѣхъ этихъ сочиненій стоитъ напечатанное въ послѣдней части Трудолюбца „Письмо къ другу“ [5]). Это прекрасное стихотвореніе едва ли не должно признать самымъ сильнымъ и смѣлымъ изъ всего, что когда либо появлялось въ нашей печати 18-го вѣка о крѣпостномъ правѣ. — Авторъ письма пишетъ къ другу о своей деревенской жизни, рисуетъ картины природы, и затѣмъ переходитъ къ положенію крестьянъ: съ сердечной горестью (говоритъ онъ) гляжу я на этихъ людей:

Они, работою и зноемъ утомленны,
. . . . . .
Трудяся для себя, но болѣе для насъ,
Отдохновенія едва ль имѣютъ часъ:
Кровавый потъ они трудяся проливаютъ
И пищу нужную для насъ приготовляютъ.
Для нашей роскоши, для прихоти своей

[1]) Тамъ-же, ч. II, стр. 230—234, эпигр. 17-я.
[2]) Тамъ-же, ч. IV, стр. 165.
[3]) Тамъ-же, стр. 160.
[4]) Тамъ-же, ч. II, стр. 235—237, эпит. 2-ая.
[5]) Тамъ-же, ч. IV, стр. 224—230.

Мы мучимъ не стыдясь подобныхъ намъ людей;
Съ презрѣньемъ нѣкоимъ на ихъ труды взираемъ,
Гордяся лѣностью, ихъ силы изнуряемъ;
Не помнимъ и того, что на одинъ конецъ
Равно готовитъ всѣхъ, и насъ, и ихъ, Творецъ.
Какъ роскошь я мою трудомъ ихъ измѣряю,
Почтенье къ нимъ храню, къ себѣ его теряю,
Не ужъ-то будетъ вѣкъ одна для нихъ чреда
Для пользы нашей жить, а намъ для ихъ вреда?
Не можетъ быть того! Творецъ сіе исправитъ,
Унизитъ гордость въ насъ, ихъ выше насъ поставитъ.
. . . . . .
Не всѣмъ ли братьями законъ велитъ намъ быть?
Не всѣхъ ли Богъ велитъ равно съ собой любить?
Но гордость сей законъ въ сердцахъ у насъ затмила,
И смертныхъ въ разныя степени раздѣлила.
О гордость! корень зла и всѣхъ грѣховъ вина,
Причина варварства и рабства ты одна!

Въ выноскѣ при концѣ стихотворенія издатели Трудолюбца выражаютъ „чувствительнѣйшую благодарность“ автору „Письма“ за доставленіе имъ своего произведенія въ ихъ журналъ. Этимъ авторомъ была женщина, и такимъ образомъ передъ читателями журналовъ Новикова какъ-бы наглядно оправдалась благородная защита этими журналами правъ женщины на умственное и нравственное равенство съ мущиною. — Гордость

смертныхъ въ разныя степени раздѣлила,

говоритъ приведенное стихотвореніе, отвергая такимъ образомъ справедливость сословныхъ преимуществъ. Покоящ. Трудолюбецъ съ самаго начала своего преслѣдовалъ сословные предразсудки. Одинъ анекдотъ, напечатанный въ I части журнала [1]), проводитъ ту мысль, что, воспитывая человѣка, надо приготовлять его къ такой дѣятельности, которая согласна съ наклонностями его природы, а не съ его происхожденіемъ; такъ напр., сынъ знатнаго господина имѣетъ страсть къ поваренному искусству (говоритъ анекдотъ), — изъ него вышелъ бы отличный поваръ; но отецъ готовитъ его въ министры, — и онъ будетъ черезъ это лишь плохимъ протоколистомъ. — Эпитафія „Безъименному мертвецу“ [2]) гласитъ, что подъ нею въ могилѣ погребенъ человѣкъ, получившій славу „безъ славныхъ дѣлъ своихъ“, и считавшійся умнымъ, а бывшій „нарочитымъ“ дуракомъ; имѣніе оставилъ ему дѣдъ, прославился его отецъ, а самъ онъ ничего не оставилъ потомству. Я не имѣю нужды знать его названіе (замѣчаетъ

[1]) Тамъ-же, ч. I, стр. 182—188.
[2]) Тамъ-же, ч. II, стр. 235—237, эпит. 4-ая.

авторъ эпитафіи). — Гордость благородствомъ своего происхожденія есть болѣзнь, свидѣтельствуетъ „Разсужденіе о безпорядкахъ, производимыхъ страстьми въ человѣкѣ“; послушайте страждущаго этою болѣзнью, и онъ вамъ скажетъ, что дворянство замѣняетъ разумъ, воспитаніе, имѣніе, а иногда и самый смыслъ и совѣсть [1]). — Самое лучшее испытаніе величія души (говоритъ одно сочиненіе) [2]) есть пребываніе въ необитаемой пустынѣ: тутъ часто окажется ничтожнымъ человѣкъ, возносящійся среди общества своими внѣшними достоинствами, надменный гордецъ, мечтающій, что можно преимуществовать надъ другими, не будучи полезнѣе ихъ.

Покоящемуся Трудолюбцу, какъ и предшествовавшимъ ему изданіямъ послѣдняго періода дѣятельности Новикова, были близки интересы общественной жизни. — Утренній Свѣтъ прославлялъ уединеніе и пустыню; отзвуки этихъ прославленій слышатся, какъ мы знаемъ, и въ позднѣйшихъ журналахъ; они есть и въ Пок. Трудолюбцѣ: статья „Обхожденіе съ самимъ собою“ [3]) находитъ, что уединеніе выше общественной жизни, въ которой люди часто собираются лишь „для лѣдованія своимъ суетностямъ и прельщенія заблужденіями“, между тѣмъ какъ уединеніе рождаетъ въ душѣ высокія мысли. Но приведенная статья собственно не выражаетъ настоящихъ взглядовъ Трудолюбца. Другое сочиненіе („О пріятности, которую человѣкъ находитъ въ уединеніи, о причинахъ прелести сея“ и т. д.) [4]) проводитъ ту мысль, что человѣкъ сотворенъ для „общежительства“ и что на общежительствѣ основано и самое удовольствіе уединенія: мы любимъ это послѣднее потому, что въ немъ на свободѣ предаемся чувствамъ вызваннымъ въ нашей душѣ воспоминаніями жизни въ обществѣ, или чаяніями этой жизни. „Положимъ (говоритъ сочиненіе), что Невтонъ теперь сидитъ уединенно на камнѣ“; онъ любитъ тишину уединенія, боится, чтобы она не нарушилась, пока онъ размышляетъ „о чувствованіи, занимающемъ его“; но задача рѣшена, — и онъ горитъ желаніемъ изъяснить ее свѣту [5]). „Наибольшій врагъ мой, ступай ко мнѣ, да прощу я тебя и обниму!“ [6]) невольно воскликнетъ человѣкъ, который ушелъ бы отъ людей въ пустыню и потерялъ бы возможность вернуться въ общество. — Самоубійца — безумный и злой человѣкъ

[1]) Тамъ-же, ч. III, стр. 29.
[2]) Тамъ-же, стр. 184—191 (Чувствованія великодушнаго въ пустынѣ).
[3]) Тамъ-же, стр. 135—150.
[4]) Тамъ-же, ч. I, стр. 124—151.
[5]) Тамъ-же, стр. 131.
[6]) Тамъ-же, стр. 148.

(говорится въ статьѣ „Самоубивство“) [1]), ибо онъ своею смертью лишаетъ общество той пользы, которую могъ бы принести ему.

Говоря объ отношеніяхъ человѣка къ обществу, Трудолюбецъ велъ рѣчь и о семейныхъ его отношеніяхъ, о связяхъ любви и брака. Сочиненіе „О любви и различныхъ родахъ любовниковъ“ [2]) разсматриваетъ различные виды названнаго чувства и различныя основанія вступленія въ бракъ. Истинная любовь встрѣчается рѣдко (говоритъ авторъ): „сей сражался за свою повелительницу, другой за нее пилъ, а иной за нее писалъ, но многіе и все сіе вмѣстѣ за нее дѣлали; а однакожъ можетъ быть ни одинъ не чувствовалъ, не смотря на всѣ поединки, стихи и полные стаканы, истинной любви“ [3]). Есть любовь, порождаемая романами и повѣстями; одержимые ею дѣлаются пастушками, которые въ состояніи повѣситься на ближайшей осинѣ или броситься въ первый попавшійся прудъ, если потеряютъ предметъ своихъ желаній. Это одинъ видъ ложной любви. Другой видъ ея — такъ называемая платоническая любовь: „въ гильдіи любовниковъ находится нѣкоторый родъ хладнокровныхъ людей, о которыхъ на любовномъ языкѣ едва можно сказать, что они имѣютъ какой ни есть жаръ къ своимъ повелительницамъ. Эти люди столь тонкаго, но скучнаго вкуса, что имѣютъ отвращеніе къ грубымъ понятіямъ, которыя простой народъ соединяетъ съ любовію, и гоняются за чѣмъ-то духовнымъ и высокимъ. Сіи философы въ любви влюблены только во внутреннія свойства своихъ повелительницъ и они были бы внѣ себя, еслибъ могли увидѣть голыя ихъ души, непокровенныя тѣлеснымъ мракомъ“ [4]). (Замѣтимъ, что этотъ отзывъ о платонической, или романтической любви совершенно несогласенъ съ сочувственнымъ отношеніемъ къ ней историческихъ статей о рыцарствѣ въ Прибавленіяхъ къ Моск. Вѣдомостямъ). „Но Платонизмъ въ нынѣшнія времена рѣдокъ“ (продолжаетъ разсматриваемая статья), и гораздо многочисленнѣе платониковъ разрядъ противоположныхъ имъ эпикурейцевъ, которые „не больше думаютъ о душѣ своихъ любовницъ, какъ и Мусульманъ; но личныя преимущества приводятъ ихъ въ восхищеніе. Любовникъ сего рода безпрестанно бываетъ внѣ себя; страсть его столь горяча, что онъ могъ бы сожечь васъ своимъ пламенемъ; и онъ изъясняется о совершенствахъ своей повелительницы такимъ же языкомъ, какимъ выхваляетъ цыганъ своихъ лошадей: какіе прелестные члены! какіе прекрасные глаза! какая восхитительная шея и грудь!

[1]) Тамъ-же, ч. IV, стр. 191—195.
[2]) Тамъ-же, ч. II, стр. 153—160.
[3]) Тамъ-же, стр. 153—154.
[4]) Тамъ-же, стр. 155—156.

какая — о! это рѣдкое твореніе! — Понятія ихъ не простираются далѣе внѣшнихъ преимуществъ, и ихъ раны могутъ только назваться тѣлесными ранами. Мы не можемъ сказать, чтобы сердца ихъ были заняты любовью, хотя они и имѣютъ можетъ быть грубѣйшую страсть. Однакожъ должно признаться, что о сихъ людяхъ всегда говорятъ, будто они женились по любви: но сіе ничего больше не значитъ, какъ только то, что они женились изъ нужды довольствовать свои скотскія желанія, и для того, что жена не можетъ отъ нихъ отойти“ [1]). Находятся еще другіе любовники (продолжаетъ сочиненіе), — такіе вѣтренные и горячіе, что обожаютъ всякую женщину, которую увидятъ; ихъ любовь быстро возгорается и скоро потухаетъ. Ихъ не надо причислять къ истиннымъ „любовникамъ“, ибо они собственно „никакой любви не чувствуютъ“, какъ не чувствуютъ ея тѣ, которые, руководимые однимъ воображеніемъ, „для пары прекрасныхъ глазъ“, или будучи плѣнены „рядомъ бѣлыхъ зубовъ“ — вступили „въ супружескія объятія“ [2]). — Истинная любовь не такова, она имѣетъ всегда „основаніемъ своимъ почтеніе. Я не скажу (замѣчаетъ авторъ), чтобъ можно было сдѣлаться влюбленнымъ посредствомъ умозаключеній; но безпрестанное обхожденіе съ любви достойною женщиной должно вести насъ къ наблюденію особенныхъ ея качествъ, которыя непримѣтно выигрываютъ наше сердце и производятъ всѣ надежды, страхъ и другія въ духѣ безпокойства, кои суть естественные спутники истинной любви“. „Когда двѣ разумныя и добросердечныя особы плѣнятся другъ другомъ, то любовь ихъ истинна и постоянна, и соединеніе ихъ можно почесть прямымъ благополучіемъ въ свѣтѣ“. Такую любовь, какъ основывающуюся на справедливыхъ началахъ, „пошатнуть“ трудно. И потому дурно поступаютъ родители, противящіеся ей, и воображающіе, что могутъ, „какъ обыкновенно говорятъ, выдать лучше дочь свою“ [3]).

Въ разсмотрѣнной статьѣ Покоящ. Трудолюбецъ осмѣиваетъ, какъ мы видѣли, сантиментальность и чувственность, какъ ложные виды любви. Но онъ не выдерживаетъ такого взгляда: цѣлая масса статей журнала сочувственно рисуетъ сантиментально-идиллическое блаженство влюбленныхъ пастуховъ и пастушекъ [4]). Изрѣдка среди подоб-

[1]) Тамъ-же, стр. 156—157.

[2]) Тамъ-же, стр. 158.

[3]) Тамъ-же, стр. 159—160.

[4]) Тамъ-же, ч. I, стр. 246—250 (Весна); ч. II, 148—153 (Дамонъ и Тирсисъ, пастуш. пов.), 260—268 (Лѣто); III, 166—170 (Ода Вечеръ); ч. IV, 129—134 (Ода Любовь), 179—183 (Эклога Абра, или Султанша Грузинская), 183—187 (Эклога Агибъ и Секандеръ, или бѣглецы), 196 (Уединеніе), 220—224 (Идиллія Дорида), 224 и слѣд. (начало превосход. стих. Письмо къ другу), 247—250 (Идиллія, Сочиненная Декабря 16 д. 1783 г.).

ныхъ произведеній мелькаетъ призракъ романтической любви (напр., въ сочиненіи „Уединеніе“ герой разсказа говоритъ: „небесная дѣвица, имѣющая нѣкогда ощущать ко мнѣ жаръ любовный. Твое имя еще сокровенно отъ меня. Ты возлюбленная моя, которая увѣнчаешь нѣкогда дни мои радостію! о естьлибы ты нынѣ пришла въ веселіи во срѣтеніе мнѣ подъ симъ смѣющимся небомъ и осчастливила меня первымъ своимъ непорочнымъ утреннимъ лобызаніемъ“ [1]). Но гораздо чаще сантиментальность соединяется съ чувственностью, иногда даже весьма грубой. Какъ на рѣзкій примѣръ такого соединенія можно указать на сочиненіе „Лѣто“ [2]): пастухъ Дамонъ воздыхаетъ отъ любви и жалуется ручью на свою любезную — Музидору. Въ это самое время Музидора идетъ въ ручей купаться. Дамонъ, „погруженный въ сладкое смятеніе и колеблемый тысящію движеній, сомнѣвается минуту; чистѣйшее и безпритворное почтеніе души, толь рѣдкая и поразительная красота приводили сердце его въ безпорядочное движеніе и повелѣвали удалиться, но любовь его защищала. Вы, Драконы добродѣтели! (восклицаетъ авторъ статейки) Вы строгіе обличители! Скажите, что бы вы сами тогда учинили?“ Дамонъ остался. Музидора идетъ въ воду, „открытая совершенно его взорамъ“. „Дерзскій Дамонъ! — ахъ, простите ему его движеніе — (продолжаетъ разскащикъ), — или я не скажу ничего болѣе. Онъ только захотѣлъ также купаться....“ Такая грубая чувственность въ Пок. Трудолюбцѣ, совершенно несогласная съ общимъ его направленіемъ, тѣмъ болѣе поражаетъ, что журналъ всегда съ уваженіемъ относится къ женщинѣ. Женщинамъ мы обязаны нашими добродѣтелями (говоритъ авторъ статьи „Похвала женскому полу“) [3]); безъ нихъ мы были бы „самственники (эгоисты), пожирающіе людей и алчные тигры, имѣя вмѣсто боговъ единственно жажду и голодъ, и замѣняя кохти, коихъ мы не имѣемъ, грубѣйшимъ понятіемъ“, если бы женщины „онаго“ не исправили. Безъ нихъ „мы не имѣли бы другаго свойства, какъ грубость безъ живости, чувствительность нашла бы тройной панцырь около нашей груди, а подлой страхъ занялъ бы открытые входы нашей души“. Необходимой принадлежностью прекрасной, идеальной женщины различныя статьи Трудолюбца считаютъ — стыдливость и цѣломудріе [4]). — Сантиментальность и чувственность въ послѣднемъ журналѣ Новикова есть дань знаме-

[1]) Тамъ-же, ч. III, стр. 193. См. еще романтизмъ съ нѣкот. оттѣнкомъ чувственности: III, 238 (Сонетъ).

[2]) Тамъ-же, ч. II, стр. 266—268.

[3]) Тамъ-же, ч. I, стр. 154—155.

[4]) Тамъ-же, ч. III, стр. 196—198 (Зевксисъ); ч. IV, стр. 172—175 (Восточная эклога).

нитаго писателя своему вѣку, точно такъ-же, какъ и его сомнительное и условное масонство, которое онъ отчасти осмѣивалъ и отъ котораго онъ все-таки не отвернулся вполнѣ.

Идея о пользѣ путешествій въ чужіе края, давно занимавшая журналы Новикова, развита въ Пок. Трудолюбцѣ съ особенною силой. Статья „Общія примѣчанія о путешествіяхъ“ [1]) говоритъ о необходимости ихъ для общества и для отдѣльныхъ личностей, и объ условіяхъ, при какихъ человѣкъ можетъ ѣхать въ чужую страну. Путешественники для философовъ то-же, что аптекари для докторовъ (сравниваетъ статья), — и тѣ и другіе должны быть честны и образованны. Нелѣпо посылать за-границу молодыхъ людей, только что вышедшихъ изъ училища: они поѣдутъ величаться своимъ невѣжествомъ и наглостью, „почему за одного глупца цѣлый просвѣщенный народъ подверженъ бываетъ осужденію“ [2]). Надо прежде всего узнать свое отечество; „Россіянинъ долженъ вникнуть въ древній вкусъ многихъ старинныхъ Кремлевскихъ строеній, прежде нежели разсматривать станетъ Луврскую коллонаду, или прежде долженъ удивляться монументу великаго, не только въ Россіи, но и въ цѣломъ свѣтѣ мужа, нежели будетъ столбенѣть при воззрѣніи на Тюильерійскія статуи“ [3]). Не должно спрашивать у иностранцевъ о ихъ достопамятностяхъ, если не можемъ разсказать имъ о своей землѣ. — Путешествіе для человѣка полезнѣе книги (говоритъ статья): хотя въ этой послѣдней мысли и изложены уже обработанныя и въ порядкѣ, но первое производитъ болѣе сильное и глубокое впечатлѣніе на душу, ибо въ немъ дѣйствуетъ живость воображенія. „Понятіе, родившееся въ полѣ, заключаетъ въ себѣ свойство величины, силы и новости, чего никогда не достигаетъ понятіе, произшедшее въ тѣни кабинета“ [4]). Если на это возразятъ, что пастухъ не имѣетъ идей „Невтона“, то отвѣчу (замѣчаетъ авторъ): я правъ, если сравнить идеи, пріобрѣтенныя Невтономъ въ кабинетѣ и на вершинахъ горъ. — Къ путешествіямъ неспособны (продолжаетъ статья) дѣти знатныхъ родителей, потому что „они отъ природы имѣютъ право быть знатными людьми, которымъ они и пользуются, и также право не много знать, которое они еще лучше исполняютъ“ [5]). Съ пользой же путешествовать способны молодые люди, рожденные съ разумомъ, но бѣдные, и слѣдовательно принужденные знать болѣе и быть скромными. Статья заканчивается призывомъ къ скрывающимъ

[1]) Тамъ-же, ч. II, стр. 125—134.
[2]) Тамъ-же, стр. 126.
[3]) Тамъ-же, стр. 128.
[4]) Тамъ-же, стр. 129
[5]) Тамъ-же, стр. 130.

свое золото и незнающимъ, что съ нимъ дѣлать, призывомъ помогать отправленію такихъ молодыхъ людей за-границу. — Разсмотрѣнное сочиненіе о путешествіяхъ важно особенно потому, что выраженныя въ немъ идеи были ревностно осуществляемы на практикѣ Дружескимъ Ученымъ Обществомъ, однимъ изъ главныхъ дѣятелей котораго былъ Новиковъ: нѣсколько молодыхъ людей, окончившихъ курсъ въ университетѣ, было отправлено обществомъ за-границу. На свой счетъ, но на основаніи идей, выраженныхъ въ этомъ сочиненіи о путешествіяхъ, отправился за-границу и Карамзинъ.

Прежде чѣмъ ѣхать въ чужіе края, надо узнать свое отечество (говоритъ приведенное сочиненіе). Въ этой прекрасной мысли выразился патріотизмъ Новикова. Но какъ далекъ былъ этотъ патріотизмъ отъ всякой національной исключительности и замкнутости, свидѣтельствуетъ сочиненіе „Первыя человѣческія чувствованія, ощущаемыя при удаленіи отъ своего отечества“ [1]). При отъѣздѣ въ чужія земли въ насъ невольно является безпокойство (говоритъ авторъ этой статьи): на родинѣ я былъ гражданинъ, всякій былъ мнѣ защитникъ и братъ; здѣсь, на чужбинѣ, можетъ быть завтра (съ перемѣною мнѣній въ королевскомъ совѣтѣ) я долженъ буду поджечь домъ, подъ кровлей котораго нахожусь, и убить хозяина. Меня отдѣляетъ отъ окружающихъ меня людей различіе въ языкѣ, обычаяхъ, нравахъ, въ самой религіи. Я встрѣчаю недовѣріе; я долженъ таиться, притворяться и лгать. Есть мѣста (напр. Бернскій и другіе протестантскіе кантоны Швейцаріи), гдѣ человѣкъ другаго вѣроисповѣданія не можетъ пріобрѣсти недвижимаго имущества, а тѣмъ болѣе жениться. „Естьли тамъ найдется сердце, соединенное нѣжнѣйшею симпатіею съ его сердцемъ; естьли тамъ блеснутъ очи, въ коихъ должны разгорѣться къ нему первыя искры любви; то онъ долженъ тамъ опасаться, чтобъ не видѣть всего того, что онъ желалъ бы встрѣтить. Да будутъ тамъ дражайшія человѣческія желанія предметомъ первыхъ его ужасовъ! такъ людямъ угодно“. „Вотъ законы! се ли, о Боже, сіе священнѣйшее братство!“ (восклицаетъ авторъ) [2]). „О любезное отечество! не ты ли вся вселенная? О друзья мои! не вы ли всѣ честные люди?“ [3]) „Смертные! (продолжаетъ сочиненіе съ негодующею ироніей) Полагайте предѣлы своимъ владѣніямъ, да раздѣлитъ воздвигнутый камень ваши народы, да перемѣнятъ васъ разные ваши обычаи по внѣшности во сто различныхъ поколѣній, да учинятъ васъ тысяча различныхъ свойствъ языка чужестранцами и непріятелями..... обычай да перемѣнитъ и обезобра-

[1]) Тамъ-же, ч. II, стр. 134—139.
[2]) Тамъ-же, стр. 138—139.
[3]) Тамъ-же, стр. 134.

зитъ и самую вашу природу..... Но напрасно вы будете трудиться: вы всегда останетесь подобны по сущности, всегда будете слабы, боязливы, даже и въ варварскомъ состояніи; расположены къ взаимной любви и при самыхъ убійствахъ; будете всегда братья, не смотря на различныя ваши наименованія; вездѣ и всегда другъ въ другѣ будете имѣть нужду“ [1]). Мы видимъ, такимъ образомъ, что, оставаясь горячимъ патріотомъ, Новиковъ проповѣдовалъ въ то-же время въ Пок. Трудолюбцѣ братство народовъ, братство—не смотря на различіе вѣроисповѣданій, языковъ и нравовъ.

Это совершенно согласно съ неоднократно уже указаннымъ выше отвращеніемъ новиковскихъ изданій отъ войны. Такое отвращеніе видимъ мы и въ Пок. Трудолюбцѣ. „О война, чудовище, мать злодѣяній!“ (восклицаетъ авторъ „Пастушеской повѣсти: Дамонъ и Тирсисъ“) [2]) ты —„ненавистный потомокъ варварскихъ странъ! изъ ужаснѣйшихъ золъ человѣческихъ самое ужасное!“ Исчезли дни славы несчастной страны, въ которой ты появилась только, и нѣтъ въ ней больше „ни добродѣтели, ни свободы“. — „Слава государя, который любитъ свой народъ, будучи онымъ взаимно нѣжно любимъ, и который вмѣсто того, чтобы производить съ сосѣдними и отдаленными народами войну, препятствуетъ имъ имѣть оную, не блистательнѣе ли той, которая пріобрѣтается опустошеніемъ земли, распространеніемъ повсюду кровопролитія, безпокойства, страха, ужаса, отчаянія и смерти?“ говоритъ Дарію I его братъ Артабанъ (въ статьѣ того-же имени), по поводу замышленной войны со Скиѳами [3]). Прежде чѣмъ начинать эту войну, должно (совѣтуетъ Артабанъ), во-1-хъ, сообразить—полезна ли она для государства, или нѣтъ? во 2-хъ, удобно, или трудно вести ее? и въ 3-хъ, согласно ли „предпріятіе“ ея съ правилами справедливости?—Такимъ образомъ Пок. Труд. требовалъ, какъ мы видимъ, честности въ политикѣ.—„Не старайся распространять свои владѣнія..... завоеванія никогда не равняются тому несчастію, которое завоеватель причиняетъ своему народу. Не нападай, но защищай себя мужественно, когда оскорбляется честь твоей Имперіи, или страждутъ твои подданные“, говоритъ своему сыну престарѣлый персидскій монархъ въ сочиненіи „Искусство править государствомъ“ [4]).—Это прекрасное сочиненіе рисуетъ передъ нами возвышенный идеалъ государя. Правь народомъ по законамъ и введенному въ государствѣ порядку (совѣтуетъ сыну персидскій монархъ); „не подговаривай никогда судей,

[1]) Тамъ-же, стр. 139.
[2]) Тамъ-же, ч. II, стр. 152—153.
[3]) Тамъ-же, стр. 123.
[4]) Тамъ-же, ч. I, стр. 117—123.

да и не избирай особливыхъ судей для особливыхъ спорныхъ дѣлъ, или преступленій. Виноватый, который бы былъ осужденъ предъ самопроизвольнымъ судилищемъ, оправданъ бы былъ общимъ голосомъ народа“ [1]). Почтеніе къ закону основывается на его „непремѣнности и вѣчности“, и потому не измѣняй ничего въ правленіи, не посовѣтовавшись съ прочими чинами.—„Не воспрещай никогда доступу къ себѣ своимъ подданнымъ“ [2]). — Не возвышай податей уже существующихъ и не налагай на народъ новыхъ: „гдѣ твои богатства, когда народъ твой бѣденъ!“ [3]) — Будь дѣятеленъ: нерадивость хуже злобы: ибо въ первомъ случаѣ отъ правителя страдаетъ весь народъ, въ послѣднемъ—только придворные.—Люби науки; онѣ возвышаютъ душу и вливаютъ любовь къ порядку; никто не склоненъ такъ къ бунту, какъ люди непросвѣщенные; народы образованные управляются нитью, а не уздою. Покровительствуй художествамъ: „изобрѣтатель новаго орудія есть благодѣтель государства“ [4]).—Пекись о хорошихъ дорогахъ и о торговлѣ.—Берегись долговъ; не отваживайся на предпріятіе безъ нужнаго количества денегъ. — Добродѣтель и уваженіе своего нравственнаго достоинства воздержатъ тебя отъ порока; — если же превозмогла тебя „чувственность, то не можешь ты уже больше почитать себя высоко; какъ же другіе должны почитать того, который самимъ собою долженъ гнушаться?“ [5])—Народъ тогда только полюбитъ тебя, когда будетъ „ жить въ мирѣ и вольности“, безопасный отъ внѣшнихъ враговъ и увѣренный въ твоемъ правосудіи.— Этотъ идеалъ государя въ Пок. Трудолюбцѣ совершенно сходенъ съ такимъ-же идеаломъ, нарисованнымъ въ Моск. Изданіи. Точно также согласенъ Пок. Труд. съ Московскимъ Изданіемъ и Вечерней Зарею и во взглядѣ на формы правленія, или лучше сказать въ отсутствіи опредѣленнаго на нихъ взгляда.—Свободенъ отъ страха и счастливъ тотъ (говорится въ разсказѣ „Прогулка въ лѣсу“ [6]), кто всякую сотворенную руку считаетъ ограниченною и сравниваетъ съ изсохшею рукою Іероваама, хотѣвшаго простереть ее противъ пророка въ Веѳилѣ.—Князья (рѣзко выражается разсказъ „Болѣзнь“) [7]), это—свѣтящіеся черви, которые свѣтятъ для находящихся во мракѣ, но показываются въ видѣ презрѣнныхъ насѣкомыхъ, когда озаряетъ ихъ лучь вѣчности. — Но есть

[1]) Тамъ-же, стр. 122—123.
[2]) Тамъ-же, стр. 120.
[3]) Тамъ-же, стр. 123.
[4]) Тамъ-же, стр. 123.
[5]) Тамъ-же, стр. 119.
[6]) Тамъ-же, ч. III, стр. 151—152.
[7]) Тамъ-же, ч. III, стр. 155—157.

въ Трудолюбцѣ статьи другаго порядка, въ которыхъ эти „князья“ являются существами безконечно высшими, чѣмъ простые смертные. Въ „Разговорѣ Сократа съ Евагоромъ“ [1]) повѣствуется о странѣ счастливыхъ пастуховъ, управляемыхъ простыми и кроткими законами своего царя, который съ кротостью *исправлялъ* ихъ, *умирялъ их страсти*, *повелѣвалъ* имъ любить премудрость и добродѣтель. — Стихотвореніе „Гласъ Бога къ человѣку“ [2]) говоритъ:

умѣй уничижаться,
Властителямъ своимъ ты покоряй себя.

Оканчивая обзоръ публицистическихъ сочиненій Пок. Трудолюбца, надо указать еще на мнѣнія этого журнала о свободѣ печати и объ отношеніяхъ правительства и закона къ литературѣ. Въ сочиненіи „Бильфельдово разсужденіе О тщетныхъ наукахъ и художествахъ“ говорится, что „книги писанныя о суетныхъ и вредныхъ наукахъ“ (т. е. алхимическія и т. п.), равно какъ „всѣ книги, которыя содержатъ въ себѣ хулы на Бога, поносныя примѣчанія противъ величества Божія, ученія и мнѣнія, нарушающія благоустройство въ обществѣ, ненавистныя разсужденія о правительствѣ, поносительныя и ругательныя сочиненія и друг. т. п. достойны того, чтобы ихъ сжечь“; но такая судьба должна ихъ постигнуть лишь вслѣдствіе приговора уголовнаго суда. Что же касается философскихъ сочиненій, не заключающихъ въ себѣ ничего вышепоименованнаго, хотя и заблуждающихся, то строгость правительства къ нимъ была бы высочайшей несправедливостью,—такая строгость „приращенію человѣческаго ума приноситъ больше вреда, нежели о томъ думаютъ: ибо она скорѣе всего истребляетъ его вольность“. Такая строгость (говоритъ сочиненіе) походила бы „на слѣдующій гласъ къ народу: граждане! вотъ философская книга, которой сочинитель столь правиленъ въ своихъ заключеніяхъ, что никто опровергнуть его не можетъ; но она стольже опасна, что мы не должны открывать вамъ содержащейся въ ней истинны, которая вамъ весьма вредною быть можетъ. Ну палачь (какое слово въ ученой республикѣ!) ступай къ твоему дѣлу!“ [3]).

Перейдемъ къ категоріи научныхъ статей Пок. Трудолюбца. Среди нихъ есть нѣсколько сочиненій историческихъ, соприкасающихся содержаніемъ своимъ съ одной стороны съ вопросами метафизики, съ другой — съ богословіемъ: „О мірѣ, началѣ его и древности“ [4]), „О

[1]) Тамъ-же, ч. II, стр. 25—48.
[2]) Тамъ-же, стр. 60—64.
[3]) Тамъ-же, стр. 94—96.
[4]) Тамъ-же, ч. II, стр. 240—260; ч. III, стр. 243—264; ч. IV, стр. 263—281.

Халдеяхъ“ [1]), „О различныхъ родахъ людей“ [2]). Первая изъ названныхъ статей начинается положеніемъ извѣстной намъ философіи Пок. Трудолюбца: изслѣдуя природу (говоритъ авторъ), мы все-таки не можемъ проникнуть въ ея сущность, хотя иной разъ намъ и кажется, что мы узнаемъ ея тайны. Затѣмъ статья излагаетъ различныя мнѣнія, или гипотезы, древнихъ о происхожденіи міра и о концѣ его. Первобытный кочующій человѣкъ (говоритъ она) не интересовался отвлеченными вопросами о мірозданіи, а заботился лишь о своихъ нуждахъ. Халдеи и Египтяне первые обратились къ наукѣ (именно — къ астрономіи), ибо они жили подъ чистымъ и яснымъ небомъ и наслаждались выгодами общежительства. Но пристрастіе къ астрономіи привело Халдеевъ къ суевѣрному почитанію свѣтилъ и къ астрологіи. Кромѣ того и они, и Египтяне „наблюдали звѣзды механическимъ только образомъ..... они старались только познать ихъ положеніе и обращеніе въ небѣ, не разсуждая о сихъ свѣтлыхъ тѣлахъ, а еще меньше о естествѣ міра вообще“. Греки сдѣлали значительный шагъ впередъ: они „будучи болѣе философами, нежели астрономами, присоединяя къ наблюденіямъ разсужденіе, и по видимымъ судя о вещахъ сокрытыхъ отъ проницательности ихъ зрѣнія, первые отважились мыслить новымъ и отвлеченнымъ образомъ о натурѣ свѣтилъ и строеніи міра. Правда, что они не согласовались въ своихъ системахъ; всякъ, давая силу своему воображенію, думалъ имѣть право основывать что-нибудь отличное отъ другихъ: однако они почти всѣ согласно отвергали тѣ несходственныя и маловѣроятныя мнѣнія, которыя прежде ихъ имѣли о мірѣ. Такое преимущество имѣетъ философскій умъ! (дѣлаетъ статья свое заключеніе). Если онъ не всегда приводитъ насъ къ истиннѣ, то по крайней мѣрѣ выводитъ насъ изъ древнихъ заблужденій“ [3]). Вслѣдъ за этимъ замѣчаніемъ статья перечисляетъ заблужденія, отвергнутыя греческой философіей, и затѣмъ излагаетъ очень обстоятельно и въ строго-систематическомъ порядкѣ взгляды древнихъ философовъ на устройство, начало и конецъ міра. Въ этомъ изложеніи между прочимъ интересны нѣкоторыя замѣчанія статьи на Библію: Египтяне и Финикіяне (говоритъ она) думали, что прежде существовалъ хаосъ, который Любовь привела въ порядокъ. Представленіе Библіи о первобытномъ хаосѣ можетъ быть заимствовано Моисеемъ у Египтянъ, ибо онъ былъ обучаемъ египетской премудрости [4]). — Сирійцы и Финикіяне думали (говорится далѣе), что при концѣ міра

[1]) Тамъ-же, ч. IV, стр. 86—93.
[2]) Тамъ-же, стр. 257—263.
[3]) Тамъ-же, ч. II, стр. 251.
[4]) Тамъ-же, ч. III, стр. 243—264 (оконч. статьи).

небо упадетъ на землю; согласно съ этимъ народнымъ мнѣніемъ „Христосъ глаголетъ, что тогда звѣзды спадутъ съ неба“ [1]). — Изъ всего вышесказаннаго мы можемъ сдѣлать два заключенія: во-1-хъ, Пок. Труд. находилъ необходимымъ, чтобы естествознаніе было проникнуто философскимъ мышленіемъ, — только тогда, по его мнѣнію, будетъ оно плодотворнымъ. Во-2-хъ, послѣдній журналъ Новикова совершенно независимо относился къ Библіи, былъ далекъ отъ слѣпой вѣры въ букву и отличался свободою своей мысли. — Ту-же свободу мысли и то-же отношеніе къ ветхозавѣтнымъ сказаніямъ видимъ мы и въ статьѣ „О Халдеяхъ“. Статья эта доказываетъ, что Халдеи были не менѣе образованы, чѣмъ Египтяне; даже образованіе было у нихъ ранѣе, чѣмъ у этихъ послѣднихъ, говоритъ статья, ссылаясь на писавшихъ о ихъ астрономическихъ открытіяхъ. Халдеи считали 470,000 лѣтъ со времени созданія міра. Эта цифра не должна удивлять насъ (замѣчаетъ авторъ сочиненія): прежде, чѣмъ дойти до астрономіи, человѣкъ долженъ научиться имѣть попеченіе о своемъ пропитаніи, выработать языкъ, научиться строить дома, дѣлать одежды, изобрѣсти каменьщичество, кузнечество, архитектуру и т. д.; на все это нужно слишкомъ много времени. — Интересны слова автора статьи о знаменитомъ вавилонскомъ столбѣ: люди хотѣли воздвигнуть столбъ до неба. Если это говорится не аллегорически (замѣчаетъ онъ), „то я не знаю, какъ можно и думать, чтобы люди дошли до такого безумія, чтобы возхотѣли предпринять сію безпримѣрную нелѣпость, о которой и воображать должно, кажется, инакимъ образомъ“ [2]); можетъ быть это была обсерваторія, построенная Навуходоносоромъ. — Сочиненіе „О различныхъ родахъ людей“ поддерживаетъ мысль о чрезвычайной долготѣ времени существованія міра. „Почти всѣ народы, особливо азіатскіе (говоритъ оно), считаютъ великое множество вѣковъ въ своемъ лѣтосчисленіи. Столь согласныя мысли такого множества должны бы по крайней мѣрѣ заставить насъ изслѣдовать: справедливы ли сіи ихъ мнѣнія, или хотя уже вѣроятны ли? Для собранія народа въ одно общество, для приведенія онаго въ силу, для пріученія его къ войнѣ, и для наученія, нужно чрезвычайное множество вѣковъ. Сколько прошло столѣтій отъ начала свѣта и можетъ быть отъ начала Американцевъ: однакожъ по открытіи Америки не нашли ни одного народа, у котораго хотя бы изобрѣтены были какія-нибудь буквы, или письмена; что мы скажемъ о нашихъ Лапонцахъ, сѣверныхъ Сибирякахъ, Самоѣдахъ и Камчадалахъ? Они столькоже мало успѣли, какъ и

[1]) Тамъ-же, ч. IV, стр. 273.
[2]) Тамъ-же, стр. 91.

Американцы, или еще и меньше. Большая часть Негровъ и Кафровъ погружены въ такомъ же невѣжествѣ“ [1]).

Кромѣ приведенныхъ историческихъ сочиненій въ Покоящемся Трудолюбцѣ напечатано еще нѣсколько историческихъ анекдотовъ [2]) и уже упомянутая выше статья „О таинствахъ Цереры Элевзинской“ [3]). Эта статья говоритъ о высокомъ значеніи древнихъ таинствъ: во время величайшаго народнаго суевѣрія, когда люди едва не обратились въ звѣрей, спасительное учрежденіе — таинства — воспрепятствовали имъ (свидѣтельствуетъ статья) погрузиться въ совершенное невѣжество и звѣрообразность. Священнодѣйствующіе въ таинствахъ учили существованію будущей жизни съ вѣчными наградами и наказаніями; они учили единству Божества. Люди, вступающіе въ эти общества, должны были каяться, приносить жертвы, поститься, очищаться, раздавать щедрую милостыню. Въ собраніяхъ обществъ разыгрывались нѣкотораго рода трагедіи, изображавшія благополучіе праведныхъ и мученія грѣшныхъ. Платоны, Сократы и Цицероны превозносили похвалами таинства, пока онѣ не потеряли своей чистоты, правости и непорочности. — Въ этой статьѣ о таинствахъ Пок. Трудолюбецъ выразилъ свое убѣжденіе, что вѣчныя и спасительныя истины всегда сохранялись въ человѣчествѣ такъ или иначе, не смотря на многократныя умственныя и нравственныя паденія народовъ. — То-же убѣжденіе высказывается и въ миѳологическо-богословскомъ сочиненіи „О крокодилахъ“ [4]). Въ почитаніи египтянами крокодила сочиненіе видитъ таинственный смыслъ, смутное чувствованіе людьми истиннаго Бога: „можетъ быть Египтяне, говоритъ оно, находя удовольствіе въ отвлеченнѣйшемъ какомъ-нибудь родѣ мудрствованія, подразумѣвали, чрезъ символъ крокодила, великаго и всеблагаго Бога“ [5]), — ни одно животное, родясь такъ малымъ (изъ яйца не больше куринаго), не выростаетъ такимъ большимъ, иначе сказать — оно постоянно увеличивается, какъ увеличивается Богъ „въ душахъ человѣческихъ въ отношеніи почитанія и богослуженія“ [6]); затѣмъ — крокодилъ одно только животное (какъ говоритъ Плиній, ссылаясь на Аристотеля) не имѣющее употребленія языка, — а Богъ „никогда не говоритъ къ намъ по божеству своему, развѣ тайно чрезъ вдохновенія и побужденія“ [7]),

[1]) Тамъ-же, стр. 262—263.
[2]) Тамъ-же, ч. I, стр. 177—181; ч. IV, стр. 210—215.
[3]) Тамъ-же, ч. III, стр. 127—134.
[4]) Тамъ-же, ч. II, стр. 96—110.
[5]) Тамъ-же, стр. 106.
[6]) Тамъ-же, стр. 107.
[7]) Тамъ-же, стр. 108.

Онъ любитъ молчаніе, какъ писалъ нравственный учитель Катонъ; Давидъ говоритъ: „Тебѣ, о Боже, молчаніе есть похвала“ (псал. 64, ст. 1). — Въ миѳологіи, вообще въ вѣрованіяхъ и преданіяхъ народовъ журналы Новикова видѣли глубокій смыслъ, хотя часто неправильно объясняли его; но эта неправильность зависѣла отъ того, что наука 18-го вѣка не шла дальше объясненія миѳовъ аллегоріей.

Въ Прибавленіяхъ къ Моск. Вѣдом. 1784 г. въ статьѣ „О Пенсильваніи“ [1]) мы встрѣтили сочувственный отзывъ о квакерахъ. Напечатанная въ Пок. Трудолюбцѣ статья „О квакерахъ“ [2]) не совсѣмъ сочувственно относится къ этой сектѣ. Статья излагаетъ исторію секты, ученіе ея, нравственныя правила квакеровъ. Ученіе секты, по словамъ автора статьи, это — „древняя такъ называемая таинственная Богословія, которая извѣстна стала во 2-мъ вѣкѣ, и которая Оригеномъ была распространена и введена въ употребленіе“ [3]). Сущность вѣрованій этой Богословіи состоитъ въ слѣдующемъ: въ душѣ каждаго человѣка есть нѣкоторая часть разума и естества Божія, которую всякій долженъ, „отвлекши отъ внѣшнихъ предметовъ мысли внутрь себя, прилѣжнымъ размышленіемъ и ослабленіемъ внутреннихъ чувствъ оживить, возбудить и возпламенить“ [4]); это — Свѣтъ Божественный, или лучь предвѣчной премудрости, или внутренній Христосъ. Христа внѣшняго, т. е. жившаго на землѣ, квакеры не признаютъ; а Евангеліе считаютъ лишь аллегорическимъ разсказомъ о Христѣ внутреннемъ. — Нравоученіе квакеровъ статья находитъ слишкомъ строгимъ; она приводитъ два правила этого нравоученія: 1) надо убѣгать всего увеселяющаго, производящаго въ душѣ удовольствіе, и 2) не должно „сообразоваться съ народными обычаями“ [5]), т. е. не должно снимать шляпы, свидѣтельствовать почтеніе начальникамъ, защищать свою жизнь, здоровье, честь, имѣніе, присягать, судиться, и т. д.

Литературной критики давно не встрѣчалось въ изданіяхъ Новикова. Мы находимъ ее въ Пок. Труд. въ одной статьѣ, озаглавленной „Письмо къ издателямъ“ [6]). Полу-серьезнымъ, полу-сатирическимъ тономъ разсказываетъ авторъ письма о своемъ странствованіи во снѣ по Парнасской дорогѣ въ сопровожденіи вождя Самотгадая. Письмо дѣлаетъ отзывы о различныхъ писателяхъ, нашихъ и иностранныхъ,

[1]) Прибавл. къ М. Вѣд. 1784 г., № 18.
[2]) Пок. Трудол., ч. III, стр. 110—126.
[3]) Тамъ-же, стр. 117.
[4]) Тамъ-же, стр. 118.
[5]) Тамъ-же, стр. 124.
[6]) Тамъ-же, ч. I. стр. 224—243.

и о различныхъ видахъ литературныхъ произведеній. Великими поэтами древности считаетъ оно: Гомера, Гезіода, Виргилія, Овидія, Пиндара и прочихъ (эти прочіе не названы). Тремя героями литературы новыхъ народовъ оно признаетъ: Мильтона, Шекспира и Ломоносова (интересно здѣсь сочувствіе автора письма именно къ литературѣ англійской). Изъ видовъ словесныхъ произведеній статья прославляетъ поэму и сочувственно отзывается о пастушеской повѣсти. На вершинѣ Парнаса авторъ видѣлъ храмъ, внутри котораго живопись изобразила славнѣйшія дѣянія, описанныя разными стихотворцами; здѣсь были картины изъ поэмъ различныхъ вѣковъ и народовъ, изъ Иліады, Энеиды, Потеряннаго Рая, Генріады, Россіады и Владиміра. (Херасковъ вообще признается въ статьѣ великимъ поэтомъ: Эпическій Пегасъ гордится тѣмъ, что на немъ ѣздилъ творецъ Россіады и Владиміра). — Среди своихъ странствованій авторъ встрѣтилъ толпу прилично одѣтыхъ пастуховъ, которые играли, пѣли и плясали; они разговаривали о стадахъ, Ирисахъ и Амариллисахъ; „простота“ этихъ пастуховъ „меня плѣнила (говоритъ авторъ) и веселая ихъ жизнь крайне мнѣ понравилась“ [1]). Отсюда ясно, что ему нравились и пастушескія повѣсти. — Несочувственно, сатирически рисуетъ письмо комментаторовъ и толкователей древнихъ писателей; авторъ видѣлъ въ одномъ мѣстѣ своего пути этихъ людей съ блѣдными и желтыми лицами, сухихъ и тонкихъ; они трясли въ шляпахъ костяныя буквы и бросали на землю; ихъ можно было почесть за занимавшихся кабалистическою наукою. Также несочувственно отзывается письмо и о „лирическихъ и диѳирамбическихъ“ стихотворцахъ, этихъ людяхъ со странными, непорядочными и непристойными ухватками и тѣлодвиженіями. Встрѣченныхъ авторомъ сатириковъ и критиковъ письмо рисуетъ людьми съ угрюмымъ и свирѣпымъ видомъ; глаза ихъ сверкали какъ молнія (говоритъ оно), языкомъ они никого не щадили, постоянно произнося „бранныя и хульныя“ слова; они нападали на всѣхъ, какъ „разбойники“. — Изъ сдѣланнаго здѣсь изложенія критической статьи Пок. Трудолюбца читатель видитъ, что, не смотря на два-три здравыхъ сужденія статьи, литературная критика должна быть признана слабымъ пунктомъ и этого журнала Новикова, какъ всѣхъ его изданій. Только въ литературной критикѣ Новиковъ не подымался выше взглядовъ своего поколѣнія.

Изъ разсмотрѣнной статьи мы видѣли, что лучшими русскими писателями Пок. Труд. считалъ Ломоносова и Хераскова. Къ этимъ именамъ слѣдуетъ прибавить еще третье — Майкова. Въ 1-ой части жур-

[1]) Тамъ-же, стр. 231.

нала напечатана посмертная ода его „Время“ [1]), и при этой одѣ, въ выноскѣ, редакція называетъ Майкова — славнымъ стихотворцемъ, поэтомъ съ высокимъ дарованіемъ. Ода Время — дѣйствительно замѣчательное произведеніе 18-го вѣка. Она начинается слѣдующими стихами:

Все на свѣтѣ семъ превратно,
Все на свѣтѣ суета!
Исчезаетъ невозвратно
Всякой вещи красота.

Между стихотвореніями Пок. Трудолюбца есть три, очевидно принадлежащія одному и тому-же автору: „Рапсодія Богинѣ Минервѣ“ [2]), „Гимнъ Богинѣ счастія“ [3]) и „Гимнъ Богинѣ судьбы“ [4]). Эти стихотворенія по складу своему чрезвычайно похожи на сказку Карамзина объ Ильѣ Муромцѣ. [5]). Они совершенно безсодержательны, но стихъ ихъ обличаетъ въ авторѣ дарованіе. Новиковъ не печаталъ въ своихъ журналахъ безсодержательныхъ произведеній; исключеніе составляютъ только нѣкоторыя загадки да два-три указанные выше сонета съ двумя или болѣе смыслами (смотря по тому, какъ будешь читать). Но эти загадки и сонеты назначены для забавы. Въ поименованныхъ же стихотвореніяхъ ничего забавнаго нѣтъ. Почему они появились въ Покоящ. Трудолюбцѣ? Не принадлежатъ ли они къ первымъ опытамъ Карамзина, и не напечаталъ ли ихъ Новиковъ изъ желанія поощрить провидѣнное имъ сильное дарованіе начинающаго писателя? Знакомство Карамзина съ друзьями Новикова и съ самимъ Новико-

[1]) Тамъ-же, ч. I, стр. 82—85.
[2]) Тамъ-же, стр. 86—87.
[3]) Тамъ-же, ч. II, стр. 113—115.
[4]) Тамъ-же, ч. III, стр. 163—165.
[5]) См., напр., ч. II, стр. 114—115.

Дщерь могущаго все Бога,
Бога суща на Олимпѣ,
Предсѣдящая съ богами
Покровительница наша!
. . . . . .
Такъ твоя велика сила
Въ счастіи, въ бѣдахъ, въ напастяхъ
И во браняхъ и въ совѣтахъ
Между сильными царями,
И во жребіи вселенной,
И въ судьбинѣ смертныхъ рода!
Ты народъ свой сохраняешь,
Какъ птенцовъ своихъ ихъ грѣешь,
Крылѣ орли простирая,
Ты ихъ кормишь и питаешь. (Гимнъ Богинѣ счастія).

вымъ начинается именно около этого времени. Въ 1784 г. Карамзинъ былъ членомъ ложи, устроенной въ Симбирскѣ Ив. П. Тургеневымъ, сотрудникомъ новиковскихъ изданій [1]).

Къ числу научныхъ сочиненій Пок. Трудолюбца принадлежатъ еще педагогическія статьи его. — Журналъ въ различнаго рода произведеніяхъ старался показать своимъ читателямъ важность воспитанія и образованія. Мы видѣли выше, что „Разсужденіе о безпорядкахъ, производимыхъ страстьми въ человѣкѣ“ въ числѣ средствъ противъ страстей въ умѣ указываетъ на обращеніе мысли человѣка къ его собственному воспитанію, чтобы тамъ подмѣтить слѣды своихъ предразсудковъ: предразсудки часто зарождаются при воспитаніи [2]). — У насъ во всякомъ состояніи (говоритъ одинъ анекдотъ) [3]) много безполезныхъ людей вслѣдствіе дурнаго воспитанія, вслѣдствіе того, что родители по простотѣ, высокомѣрію, торопливости и неразумію часто опредѣляютъ дѣтямъ состояніе лишь только тѣ родятся, не сообразуясь со способностями ихъ души и свойствами сердца, равно какъ и съ пользою государства. А между тѣмъ воспитаніе есть источникъ благополучія и несчастія народовъ. — Въ великихъ душахъ, не получившихъ хорошаго воспитанія (говоритъ Платонъ въ одномъ „Нравоучительномъ размышленіи“ [4]), родятся чрезмѣрные пороки, подобно тому, какъ плодородная нива, не засѣянная хлѣбомъ, производитъ терніе, волчцы и куколь. — Замѣчательныхъ педагогическихъ статей въ Пок. Трудолюбцѣ не много; — мы можемъ указать только на двѣ. Прекрасное сочиненіе „Опытъ краткаго для дѣтей ученія о душѣ“ [5]) есть примѣръ примѣненія на дѣлѣ сократическаго метода обученія: послѣ многихъ настоятельныхъ просьбъ дѣтей отецъ объясняетъ имъ въ бесѣдѣ, при посредствѣ вопросовъ, сравненій, сопоставленій и т. д., что такое душа, — ея простоту, или несложность, ея силу представлять, знаніе ея о своихъ представленіяхъ. — Другое сочиненіе есть собственно философское, уже упомянутое выше: „О причинѣ заблужденій, или смѣшеніи понятій“; но въ немъ встрѣчается нѣсколько дѣльныхъ педагогическихъ замѣчаній: при воспитаніи (говорится тамъ) надо обращать большое вниманіе на то, чтобы дѣти не смѣшивали понятій; напр. надо избѣгать соединенія въ ихъ умѣ понятія о веществѣ съ понятіемъ всѣхъ

[1]) Осмнадц. вѣкъ. Кн. 2. М. 1868 г. (Посланіе Симб. мас—въ въ М. и Письмо И. П. Тургенева къ Соковнину).
[2]) Пок. Труд. ч. III, стр. 28—30.
[3]) Тамъ-же, ч. I, стр. 182—188 (Анекдотъ: О воспитаніи, согласномъ съ избираем. состояніемъ жизни).
[4]) Тамъ-же, ч. I, стр. 91—95.
[5]) Тамъ-же, стр. 157—170.

прочихъ существъ, ибо иначе имъ трудно будетъ имѣть представленіе о духовномъ существѣ. Ученикъ часто ненавидитъ книги вслѣдствіе только того, что они смѣшиваются въ его представленіяхъ съ наказаніемъ [1]). — Остальныя педагогическія статьи журнала суть нравоучительныя сочиненія, или въ формѣ отвлеченныхъ разсужденій [2]), или въ формѣ разсказовъ о различныхъ добродѣтельныхъ дѣтяхъ [3]). — Какъ не могъ послѣдній журналъ Новикова вполнѣ освободиться отъ масонства, отъ сантиментальности, соединенной съ чувственностью, такъ не могъ онъ освободиться и отъ резонерства, отъ холодно-отвлеченной морали. Кромѣ указанныхъ нравоучительно-педагогическихъ сочиненій въ Пок. Трудолюбцѣ есть еще цѣлый рядъ статей нравоучительныхъ - вообще, предназначенныхъ не для дѣтей только, а для всѣхъ читателей [4]); въ этихъ сочиненіяхъ иной разъ встрѣчается еще и аллегорія. Какъ на примѣры подобныхъ наставительныхъ произведеній укажу, во 1-хъ, на „Разговоръ отца съ сыномъ о щедрости“ [5]). Идя помогать бѣдному слѣпому, сынъ проситъ и отца идти съ нимъ, чтобы *порадоваться вмѣстѣ*, какъ выражается онъ, благодарностью слѣпаго. Я хочу, говоритъ отцу этотъ добродѣтельный сынъ, когда выросту большой, накопить достатокъ, жить умѣренно и помогать бѣднымъ, — тогда эти бѣдные соберутся при моей смерти и будутъ молить обо мнѣ Бога, и Богъ будетъ ко мнѣ милостивъ. — Чему могли научать подобные разсказы? Они могли только возбуждать въ сердцѣ своекорыстіе, самолюбіе и холодность. — Другой примѣръ: „Разсужденіе о любленіи истинной Христіанской философіи“; давая различные нравственные совѣты, авторъ этого разсужденія доходитъ наконецъ до замѣчанія, что мірскія науки даютъ занимающемуся ими лишь ложное счастіе и даже часто „многихъ и сумашедшими дѣлаютъ“. — Объ одномъ изъ числа указанныхъ наставительныхъ сочиненій слѣдуетъ сдѣлать оговорку, именно о сочиненіи „Больное дитя“ [6]): нравоучительное, резонерствующее по своей формѣ, оно содержитъ въ себѣ недурной пересказъ народной сказки; — чтеніе этой статьи могло быть полезно для дѣтей.

[1]) Тамъ-же, ч. IV, стр. 111—117.

[2]) Тамъ-же, ч. I, стр. 1—17. (Увѣщанія къ дѣтямъ), 17—37 (Рѣчь къ мол. дѣтямъ. О выборѣ друзей).

[3]) Тамъ-же, ч. I, стр. 203—208. (Побѣда честности надъ склон. ко злу, истин. повѣсть для дѣтей); ч. II, стр. 166—175 („Стараніе дѣтей угождать своимъ родителямъ“ и „Повѣсть о дѣвицѣ Буянѣ“); ч. III, стр. 203—213. (Больное дитя, разговоръ); ч. IV, стр. 205—210. (Разговоръ отца съ сыномъ О щедрости).

[4]) Тамъ-же, ч. I, стр. 188—200 („Обидахъ и пустынникъ, вост. пов.“ и „Благотворительность, персидс. пов.»); ч. II, стр. 176—179 (Анекдотъ: Смертный одръ); IV, стр. 127—129 (Правила жизни), 155—167 (Письмо къ другу моему), 167—171 (Нравственное удовольствіе), 175—179 (Эклога Гассанъ или погонщикъ верблюдовъ), 24—47 (Разсуж. О любленіи ист. Христ. Философіи).

[5]) Тамъ-же, ч. IV, стр. 205—210.

[6]) Тамъ-же, ч. III, 203—213.

Отвлеченно-идеалистическихъ сочиненій, кромѣ указанныхъ нравоучительныхъ разсужденій и повѣстей, въ Пок. Трудолюбцѣ не много. Въ двухъ - трехъ произведеніяхъ встрѣчаются сантиментальныя изображенія идеальной дружбы [1]) да въ одномъ стихотвореніи [2]) аскетически прославляется смерть, „драгое сокровище“ (по выраженію автора), не умерщвляющее, а „животворящее“ человѣка. — Масса религіозныхъ стихотвореній, разсѣянныхъ по всѣмъ книжкамъ Трудолюбца, относится скорѣй къ разряду сочиненій богословскихъ, или составляетъ особую категорію сочиненій духовнаго содержанія. Между этими стихотвореніями иныя не лишены поэтическаго достоинства; таковы, напр., Стансы (I, 76—78), „Человѣкъ къ душѣ своей“ (I, 73—76), Эпитафія Грея самому себѣ (I, 81), Ода Человѣкъ (III, 84—93) Осень (III, 170—174), Духовная ода, извлеченная изъ псалма 147 (IV, 76—77), Пѣснь Христіянъ (IV, 85). Приведу два отрывка: изъ Эпитафіи Грея и изъ стихотворенія „Осень“. Первое сочиненіе оканчивается такими стихами:

Прохожій, дѣлъ его не обнажай ты болѣ,
Изъ безднъ не изводи ты слабости его,
Онѣ надѣяся трепещутъ въ сей юдоли,
Судьбы ждутъ своея отъ Бога своего.

Во второмъ мы встрѣчаемъ слѣдующую картину:

За осенью на льдахъ спѣшитъ зима сѣдая;
Но мерзлый паръ ея духъ Божій разточитъ,
И улыбнется вдругъ потомъ весна златая,
А лѣто красное за нею прилетитъ.

На заглавномъ листкѣ Покоящагося Трудолюбца сказано, что въ журналѣ этомъ будутъ помѣщаться „подлинныя сочиненія на Россійскомъ языкѣ“ и переводы съ лучшихъ иностранныхъ писателей. О „подлинныхъ“ сочиненіяхъ на русскомъ языкѣ въ заглавіяхъ журналовъ предшествовавшихъ Трудолюбцу не говорилось, изъ чего и слѣдуетъ, по всей вѣроятности, что въ этомъ послѣднемъ оригинальныхъ статей больше, чѣмъ въ прежнихъ изданіяхъ Новикова (за исключеніемъ, конечно, сатирическихъ журналовъ). — Не будучи въ состояніи перечислить въ настоящее время *всѣ* оригинальныя сочиненія Пок. Трудолюбца, я укажу, однако-жь, на слѣдующія статьи, принадлежность которыхъ русскимъ авторамъ несомнѣнна. Во-1-хъ, статьи под-

[1]) Тамъ-же, ч. I, 103—109 (Въ счастіи ли нужнѣе друзья, или въ несчастіи).

[2]) Тамъ-же, ч. III, стр. 106—110.

писанныя полной фамиліей, или начальными буквами имени автора, или его псевдонимомъ: Ода Время, *Майкова* (I, 82—85); Размышленіе на первую главу Бытія, *С. Б.* (II, 1 — 5); Осень, *его-же* (III, 170—174); Ода Время, *Доброгорскаго* (II, 110—113); 4 стихотворенія, при письмѣ, *Н. Л.* изъ Рязани (III, 232 — 233); Письмо съ двумя стихотвореніями, *его-же* (IV, 235—240); Письмо къ издателямъ Пок. Трудолюбца (Краткое разсужденіе о Фанатизмѣ, или лжесвятости"), *Ханженелюбова*, присланное изъ мѣста, отдаленнаго отъ Москвы на 800 слишкомъ верстъ къ сторонѣ южной (прислано отъ автора „во исполненіе возложенной на него должности общимъ избраніемъ" издателей) (IV, 56 — 73); Ода Любовь, *С. М. Н. Б. Б. Р. В.* (IV, 129—134); Акростихъ на день всерадостнаго рожденія Его Выс. Гос. и Вел. Кн. Конст. Павловича 27 апр., *П. Икосова* (IV, 141 — 142); Стихи: 1) На сей же день рожденія Его Им. Выс. Вел. Кн. Конст. Павл. 2) Россійскому спокойствію, и 3) Ода Вѣчность, *Сергѣя Тучкова* (IV, 142—152); Письмо Къ другу моему, *Д. Р.* (IV, 155—167); Нѣчто, *В..... Пр[illegible]стосердова* (IV, 231 — 35); Притчи, Баснь Ворона и орлы, Ода анакреонтическая, Идиллія, *С. Т.* (IV, 240—250); Загадки, *Петра Молчанова* (IV, 256 — 257). — Во 2-хъ, сочиненія неподписанныя, но также несомнѣнно оригинальныя: О мнимомъ усердіи къ религіи (II, 48—55. Оригинальность сочиненія доказывается выраженіемъ: „наши раскольники"). — Письмо съ того свѣта въ Москву отъ Муміага къ сыну малыя земли муравью, живущему въ муравейникѣ (III, 213 — 215). — Жадность къ богатству (I, 216 — 220). — О употребленіи времени (II, 140—148). — Новая логика (II, 196—215). — Письмо къ издателямъ Пок. Труд. (критическая статья, (I, 224 — 243). — Письмо къ другу (о крестьянахъ; авторъ этого прекр. стих-нія женщина; весьма интересно было бы узнать—кто?) (IV, 224 — 230). — Общія примѣчанія о путешествіяхъ (II, 125—134). — Затѣмъ: большая часть мелкихъ сатирическихъ стихотвореній, если не всѣ они. — Слѣдующія сочиненія по всей вѣроятности, или по крайней мѣрѣ — можетъ быть, принадлежатъ также къ числу оригинальныхъ: О предвѣстіяхъ грядущихъ бѣдствій (I, 171—177. Здѣсь осмѣиваются наши, русскія примѣты). — Разсужденіе о безпорядкахъ, производимыхъ страстьми въ человѣкѣ (III, 1 — 56. Въ концѣ издатели изъявляютъ благодарность доставившему эту статью). — Рокъ, стих. (II, 119 — 121). — О различныхъ родахъ людей (IV, 257— 263. Встрѣчается выраженіе: „наши" Лапонцы, Сѣв. Сибиряки и Камчадалы). — О Халдеяхъ (IV, 86—93. Въ статьѣ говорится: Набон Ассор передѣлано въ Новуходоносоръ, какъ Фридерикъ въ Федоръ, Гликерія—Лукерья). — Человѣкъ наединѣ разсуждающій о неудоборѣшимыхъ Пневматологическихъ, Психол.

и Онтологич. задачахъ (II, 65 — 75. Характеръ статьи какъ нельзя болѣе выражаетъ характеръ Пок. Трудолюбца. Я долго тружусь надъ чтеніемъ психологіи, говоритъ авторъ;—этотъ долгій трудъ надъ психологіей видѣли мы въ изданіяхъ Новикова). — Нижепоименованныя статьи несомнѣнно переводныя: Разговоръ Сократа съ Евагоромъ (II, 25—48); *Бильфельдово* разсужденіе о тщетныхъ наукахъ (II, 75—96); Анекдотъ О состраданіи (II, 179—187); Анекдотъ О воспитаніи, согласномъ съ избираемымъ состояніемъ жизни (I, 182 — 188); Кладбище, елегія *Греева* (IV, 187—193); Эпитафія г. *Грея* самому себѣ (I, 81); Нравоучительныя размышленія, пер. съ лат. яз. іеромонахомъ Викторомъ (I, 87 — 109); Анекдоты, историческіе (IV, 210 — 213); Анекдотъ Благотворительность (I, 194 — 200); Анекдотъ Смертный одръ (II, 176—179). — Изъ остальныхъ статей Пок. Трудолюбца неизвѣстно—какія оригинальныя, какія переводныя.—Оригинальныя сочиненія Пок. Трудолюбца играли въ немъ большую роль: уже въ тѣхъ изъ нихъ, которыя перечислены въ сдѣланномъ здѣсь спискѣ довольно рельефно выражается характеръ журнала; а списокъ этотъ, быть можетъ, далеко не полонъ.

5.

Окончивъ обзоръ журналовъ третьяго періода дѣятельности Новикова, теперь слѣдуетъ сдѣлать общія заключенія объ этомъ періодѣ.— Новиковъ является въ немъ мыслителемъ-философомъ, сатирикомъ, публицистомъ, педагогомъ, представителемъ науки, и наконецъ — масономъ.—Какъ мыслитель онъ развиваетъ передъ своими читателями оригинальную и замѣчательную философскую систему. Мышленіе отвлеченнаго ума, или разсудка, не исчерпываетъ сущности духовной жизни человѣка, учитъ эта система. Умъ нашъ ограниченъ и не можетъ проникнуть въ *сущность* вещей,—онъ имѣетъ познанія только о ихъ дѣйствіяхъ. Гдѣ кончается область доступнаго его вѣдѣнію, тамъ начинается область вѣры. Вѣра—такой же необходимый и неизбѣжный дѣятель души человѣка, какъ и умъ. Умъ и вѣра не противорѣчатъ другъ другу, а, напротивъ, дополняютъ и подкрѣпляютъ себя взаимною помощью. Они примиряются и сливаются въ разумѣ,—разумъ и составляетъ сущность человѣческаго духа.—Система глубоко уважаетъ умъ, и вѣру, обходящуюся безъ него, вѣру слѣпую, считаетъ грубымъ заблужденіемъ, ведущимъ къ фанатизму и суевѣрію. Мы видѣли въ журналахъ третьяго періода (особенно въ Пок. Трудолюбцѣ) цѣлый рядъ статей, въ которыхъ свѣтлая и здравая мысль силою логики разбиваетъ всевозможные виды предразсудковъ и заблужденій. Въ области психологіи философская система Новикова сливаетъ всѣ душевныя силы въ единствѣ дѣйствія. Чувство, по ея ученію, имѣетъ

такое-же право на жизнь, какъ и разсудокъ, и должно идти съ нимъ рука объ руку; а воля только тогда будетъ поступать правильно, когда будетъ руководиться умомъ; совѣсть должна основываться на размышленіи и знаніи, иначе она будетъ ошибаться. — Такую философскую систему противопоставилъ Новиковъ съ одной стороны волтерьянству, съ другой масонству, уличая оба эти ученія въ фанатизмѣ и неразумномъ суевѣріи. Матерьялизмъ философовъ 18-го вѣка обвинялъ онъ за слишкомъ поспѣшное отрицаніе всего, что непонятно отвлеченному разсудку и за легкомысленное поставленіе на мѣсто отвергнутаго такихъ положеній, въ которыя повѣрить гораздо труднѣе, чѣмъ въ догматы религіи. Масонство порицалъ онъ и осмѣивалъ (хотя и не высказывалъ этого прямо) за его слѣпую вѣру во всякій фантастическій вздоръ, во всякія бредни, въ универсальное лѣкарство, въ магію и алхимію, въ возможность достиженія истины путемъ энтузіазма и т. д.

Сатира журналовъ третьяго періода, оставаясь такою-же живой и остроумной, какою мы знали ее въ изданіяхъ перваго періода, подъ вліяніемъ философскаго міросозерцанія проникается серьезною думой; въ ней слышатся ясно всѣ тѣ религіозныя, философскія, научныя и общественныя идеи, которыя развивались въ послѣднихъ журналахъ Новикова и во имя которыхъ осмѣивала она ложь жизни. Въ этой сатирѣ часто смѣхъ переходитъ въ серьезное слово, точно такъ, какъ въ серьезныхъ статьяхъ Веч. Зари и Пок. Трудолюбца часто мелькаетъ иронія, отвлеченная мысль переходитъ въ сатирическое изображеніе жизни. Сатира эта преслѣдуетъ то-же, что преслѣдовали Трутень и Живописецъ: щеголей и щеголихъ, слѣпое пристрастіе ко всему французскому, взяточничество и казнокрадство, помѣщиковъ, отъ которыхъ тяжело приходилось крестьянамъ и т. д. Но смѣхъ въ ней органически сливается съ негодованіемъ. Такой характеръ пріобрѣла она уже въ Веч. Зарѣ. Въ Пок. Труд. она достигаетъ высшей точки своего развитія: въ превосходномъ сочиненіи „Новая логика“ она, выходя изъ ограниченныхъ рамокъ современной ей жизни русскаго общества, становится общечеловѣческой, бичуетъ вѣковое зло жизни европейскихъ народовъ, бичуетъ всякій гнетъ во имя правъ человѣческой мысли на свободу. Вмѣстѣ съ тѣмъ она становится смѣлой, бросивши замѣтную въ ней прежде осторожность по нѣкоторымъ вопросамъ (напр. крестьянскому).

Какъ публицистъ, Новиковъ поднимаетъ въ послѣднемъ періодѣ своей дѣятельности цѣлый рядъ самыхъ существенныхъ вопросовъ общественной жизни. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ указать на статьи о крѣпостномъ правѣ. Теплое слово за крестьянина сначала (въ Моск.

Изданіи) высказывается нерѣшительно и робко, потому что Трутню и Живописцу пришлось пострадать за такое слово; но дальнѣйшія изданія становятся смѣлѣе, и Пок. Трудолюбецъ наконецъ явно высказываетъ мысль о несправедливости помѣщичьяго права и ярко рисуетъ картину тяжести крестьянской работы и жизни. Въ тѣхъ-же статьяхъ или въ стоящихъ въ связи съ ними осмѣиваются и отвергаются вообще сословные предразсудки.—Далѣе Новиковъ высказывается за право женщины на высшее образованіе. Онъ очень хорошо понимаетъ различіе природы мущины и женщины, но, нисколько не отнимая у этой послѣдней ея женственности, онъ требуетъ только для женщины равенства съ мущиной въ развитіи и знаніяхъ; только тогда, говоритъ онъ, возможно семейное счастье, когда жена можетъ вполнѣ понять интересы мужа. — Любовь и бракъ, отношенія родителей къ дѣтямъ постоянно интересуютъ изданія Новикова. Съ глубокимъ пониманіемъ жизни рисуютъ они различные виды ложной любви и высказываютъ мысль, что только любовь, основанная на уваженіи, дѣлаетъ бракъ счастливымъ. Родители не должны принуждать дѣтей своихъ при вступленіи въ бракъ: права ихъ ограничиваются здѣсь только правомъ совѣтовать, во 1-хъ—потому, что всякіе разсчеты падаютъ передъ неодолимою силой истинной любви, а во 2-хъ—потому, что никто, кромѣ самого человѣка, не можетъ располагать его судьбою. — Старинный предразсудокъ, будто можно дуелью защитить свою честь, предразсудокъ — сильно распространенный въ 18 вѣкѣ, вызвалъ въ изданіяхъ Новикова двѣ превосходныя статьи, осмѣивающія дуель и доказывающія сильными логическими и историческими доводами ея нелѣпость. Поединокъ явился въ этихъ статьяхъ преступленіемъ противъ общества; а человѣкъ, по взгляду журналовъ третьяго періода, созданъ для общественной жизни и внѣ общества существовать не можетъ.—Масонство проповѣдовало благотворительность; но эта проповѣдь была отвлеченна. Изданія Новикова представили обществу необходимость правильной организаціи помощи бѣднымъ, организаціи, которая дала бы возможность отличить бѣдняка отъ плута, и слѣдовательно не затрачивать денегъ со вредомъ вмѣсто пользы.—Выражая горячую любовь къ родной землѣ, журналы Новикова проповѣдовали въ то-же время братство людей безъ различія вѣроисповѣданія, національности, языка. Но въ этой проповѣди не было и тѣни отвлеченнаго и холоднаго космополитизма: считая путешествія въ высшей степени полезными, журналы находили, что ѣхать въ чужую землю можетъ только человѣкъ достаточно образованный и хорошо знакомый съ своимъ отечествомъ,—только такой человѣкъ вынесетъ изъ путе-

шестія пользу и не навлечетъ на свой народъ несправедливаго осужденія иностранцевъ.

Новиковъ касался въ своихъ послѣднихъ журналахъ, насколько позволяли обстоятельства времени, политики внѣшней и внутренней. Онъ горячо проповѣдовалъ идею мира: цѣлый рядъ статей живыми красками рисуетъ ужасы войнъ, доказываетъ несправедливость и безнравственность всякихъ завоевательныхъ стремленій, допуская лишь, какъ печальную необходимость, войну оборонительную. Новиковъ проводилъ мысль о необходимости честности въ политикѣ, о томъ, что нравственность должна стоять выше всякихъ государственныхъ разсчетовъ.—Опредѣленнаго взгляда на формы правленія, какъ мы знаемъ, изданія Новикова не имѣли; но мы встрѣчаемъ въ нихъ возвышенный идеалъ государя. Вотъ черты этого идеала: неуклонное слѣдованіе закону, доступность для всѣхъ, стремленіе улучшить положеніе народа возможною умѣренностью податей, миролюбіе, покровительство наукамъ, искусствамъ, торговлѣ, дѣятельность и владѣніе своими страстями.—Только тотъ народъ можетъ быть могущественъ и счастливъ, говорятъ журналы, въ которомъ процвѣтаютъ: свобода, науки и неприкосновенность правъ собственности,—въ государствахъ невѣжественныхъ, фанатическихъ, угнетаемымъ деспотизмомъ (напр. въ Турціи, Испаніи) народъ падаетъ умственно и нравственно и не заботится даже о матерьяльномъ своемъ благосостояніи.—По вопросамъ внутренней политики изданія Новикова высказывали еще мысль, что налоги должны быть разлагаемы на всѣхъ гражданъ, безъ различія происхожденія и званія.—Затѣмъ они находили, что государство имѣетъ право, въ случаѣ народной нужды, воспользоваться церковными имуществами, — это справедливѣе, чѣмъ отнять плугъ земледѣльца и хижину бѣдняка.

Однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ благосостоянія страны журналы считали торговлю, и потому печатали статьи о ней. Процвѣтаніе торговли, по мысли этихъ статей, зависитъ отъ прилежанія и предпріимчивости народа, отъ мира въ государствѣ и отъ развитія наукъ. Въ торговлѣ должна быть непремѣнно соблюдаема честность.

На всѣхъ перечисленныхъ статьяхъ по вопросамъ общественной жизни, какъ читатель видитъ, лежитъ печать не только благороднаго чувства издателя журналовъ, но и его серьезной и зрѣлой мысли, воспитанной долгимъ умственнымъ трудомъ.

Въ изданіяхъ третьяго періода своей дѣятельности Новиковъ напечаталъ много научныхъ сочиненій по этнографіи, исторіи, естествовѣдѣнію, миѳологіи, педагогикѣ. Первое изъ этихъ изданій, какъ мы видѣли, вводитъ читателей въ область науки, объясняя ея пользу,

происхожденіе, условія развитія. Наука, какъ и искусство, дѣлаетъ человѣка нравственнѣе, возбуждая въ душѣ его чувство гармоніи и добра (учитъ журналъ); народъ съ развитіемъ въ немъ образованности возвышается нравственно, какъ показываетъ исторія. Развитіе науки зависитъ отъ мира въ государствѣ и отъ свободы слова. Наука, принесенная только ко двору, въ одни высшія слои общества, засыхаетъ какъ чужеземное растеніе въ неподходящемъ климатѣ; чтобы упрочиться въ странѣ, она должна проникнуть въ народныя массы. — Ученыя статьи невиковскихъ журналовъ сообщали читателямъ ихъ множество полезныхъ и интересныхъ свѣдѣній, и кромѣ того служили еще одну службу. Наука въ рукахъ Новикова, оставаясь всегда на должной ей отвлеченной высотѣ мысли, не отказывалась служить и интересамъ жизни: исторіей, напр., доказывали нѣкоторыя статьи нелѣпость сословныхъ предразсудковъ и дуелей; сочиненія географическія давали случай своимъ авторамъ высказывать мнѣнія о крѣпостномъ правѣ, о суевѣріи, о деспотизмѣ, о пользѣ предпріимчивости для развитія благосостоянія въ народѣ, и т. д. Наука въ рукахъ Новикова органически сливалась съ жизнью, входила въ плоть и кровь русскаго общества. — По самой сущности своей научныя статьи стоятъ въ связи съ развитіемъ философскихъ идей журналовъ Новикова. Но въ Пок. Трудолюбцѣ эта связь особенно ясно обнаруживается: Трудолюбецъ печатаетъ сочиненія по такимъ отдѣламъ наукъ или по такимъ наукамъ, которые изслѣдуютъ вѣрованія людей или стремленія человѣчества проникнуть въ высшія тайны бытія.

Педагогическія сочиненія Прибавленій къ М. Вѣдомостямъ и Пок. Трудолюбца касаются всѣхъ существенныхъ пунктовъ педагогики. Прежде всего они устанавливаютъ истинный взглядъ на взаимныя отношенія образованія и воспитанія: вопреки господствующимъ мнѣніямъ вѣка они признаютъ равноправность и тѣсную взаимную связь того и другаго; воспитаніе сердца и воли, говорятъ они, должно основываться на развитіи мышленія и обогащеніи ума знаніями. (Такая идея, какъ читатель видитъ, прямо вытекаетъ изъ философскихъ взглядовъ журналовъ). — Далѣе сочиненія признаютъ необходимымъ самостоятельность личности ребенка; они отрицаютъ тѣлесныя наказанія и безграничность авторитета родителей и воспитателей, ставя на его мѣсто авторитетъ истины и добра и желая между родителями и воспитателями съ одной стороны и дѣтьми съ другой связи любви и уваженія. — Относительно содержанія образованія сочиненія не считаютъ возможнымъ дѣлить это послѣднее на классическое и реальное; находя необходимымъ дѣйствовать на *всѣ* душевныя силы ребенка, они полагаютъ. что его надо учить наукамъ и искусствамъ, древ-

нимъ языкамъ и естествовѣдѣнію; съ этой точки зрѣнія они считаютъ полезными для дѣтей и сказки. Общественное воспитаніе они предпочитаютъ домашнему, ибо оно, по ихъ мнѣнію, лучше приготовляетъ человѣка къ жизни. — Сочиненія говорятъ и о методахъ ученія, рекомендуя особенно методъ сократическій, но предоставляя въ трудномъ дѣлѣ пользованія тѣми или другими изъ нихъ полную свободу выбора личности преподавателя. — Наконецъ они подымаютъ голосъ за учителей и воспитателей, требуя отъ общества уваженія къ нимъ и матерьяльнаго обезпеченія ихъ жизни.

Таковы идеи, проводимыя Новиковымъ въ послѣднемъ періодѣ его литературной дѣятельности. Передъ умственною силой и нравственнымъ благородствомъ этихъ идей умолкаетъ всякое слово похвалы.

Не трудно замѣтить, что третій періодъ журналовъ Новикова тѣсно связанъ съ двумя предшествовавшими ему, вытекаетъ изъ нихъ. Отвлеченный идеализмъ втораго періода привелъ Новикова къ философіи и наукѣ. Развитіе философіи и науки, проникновеніе ими всѣхъ взглядовъ знаменитаго издателя видимъ мы въ третьемъ періодѣ. Періодъ изданія сатирическихъ журналовъ и памятниковъ русской исторіи сказался въ эпоху Вечерней Зари, Прибавленій къ Моск. Вѣдомостямъ и Покоящагося Трудолюбца возвратомъ въ эти изданія сатиры и интересомъ ихъ къ реальнымъ вопросамъ дѣйствительности. — Но въ послѣднихъ журналахъ Новикова нѣтъ идеализированія древней Руси; нѣтъ, потому что его и не могло быть: вспомнимъ, что склонные къ нему журналы перваго періода не нашли идеала въ древнихъ русскихъ началахъ. Это привело Новикова къ колебаніямъ и сомнѣніямъ, которыя разрѣшились въ увлеченіе его отвлеченными идеями западной жизни; выраженіемъ этого увлеченія былъ Утренній Свѣтъ. — Въ журналахъ третьяго періода Новиковъ — ни западникъ, ни поклонникъ древней Руси, — онъ выработалъ иныя начала. Но въ этихъ началахъ онъ остался русскимъ человѣкомъ, въ нихъ онъ выразилъ сокровенную сущность нашего народнаго характера. „Основою всей нашей мысли и всей нашей народной силы“ лежитъ „высокое начало единства“, противоположное „мысленному и бытовому раздвоенію“ западной Европы, говоритъ Хомяковъ [1]). Въ идеяхъ послѣдняго періода журнальной дѣятельности Новикова мы и видимъ это начало „единства“, — единства мысли и вѣры, ума, совѣсти и чувства, философіи и сатиры, науки и общественной жизни, воспитанія и образованія. Вслѣдствіе этого въ третьемъ періодѣ дѣятельности Новикова нѣтъ колебаній и сомнѣній, — онъ твердо идетъ къ своей цѣли. У него нѣтъ въ это время и односторонностей увлеченій: уважая начала За-

[1]) Соч. Хомякова, т. I, стр. 85 (О возможности рус. художеств. школы).

пада, внося его науку въ свои журналы, онъ точно также уважаетъ и начала древней Руси: онъ опять принимается въ это время за изданіе памятниковъ нашей старины, — съ 1781 года начинаетъ появляться въ свѣтъ второе изданіе Вивліоѳики.

Я изложилъ идеи Новикова, отвлекши ихъ отъ формъ, въ которыхъ онѣ выразились, отбросивъ отъ нихъ все постороннее, что къ нимъ примѣшалось. Но въ такомъ отвлеченномъ видѣ самъ Новиковъ не зналъ ихъ. Онѣ развивались въ его душѣ безсознательно, медленно и постепенно, т. е. органически. Приступая къ „Московскому Изданію“, Новиковъ думалъ, что его новый журналъ будетъ того-же направленія, какъ и Утренній Свѣтъ; даже Вечерняя Заря названа имъ продолженіемъ этого послѣдняго. Новый характеръ новиковской сатиры окончательно сформировался только въ Пок. Трудолюбцѣ. Только съ Вечерней Зари Новиковъ сталъ считать войну безусловно вредной, — въ Московскомъ Изданіи онъ еще находилъ въ ней хорошія стороны. Только въ Пок. Трудолюбцѣ отвергъ онъ бредни масонства, — Моск. Изданіе еще вѣрило въ силу алхиміи и существованіе универсальнаго лѣкарства, хотя и мало ими интересовалось. — Новиковъ былъ сынъ своего вѣка, и отдалъ ему дань. Отрекшись отъ резонерства и отвлеченно-холодныхъ нравоученій въ своихъ педагогическихъ сочиненіяхъ, онъ однако во всѣхъ своихъ журналахъ печаталъ нравоучительныя статьи; и даже статьи инаго порядка являлись иной разъ въ формѣ резонерствующихъ разсужденій. Осмѣявъ сантиментальность, какъ одинъ изъ ложныхъ видовъ чувства, онъ печаталъ однако сантиментальные разсказы и стихотворенія. Сантиментальность иной разъ соединялась съ чувственностью, хотя ничто не противоположно такъ этой послѣдней, какъ возвышенныя идеи Новикова. Наконецъ, явно не сходясь съ масонствомъ въ своихъ убѣжденіяхъ, опровергая и вполнѣ разрушая его здравою логикой своихъ идей, онъ не прервалъ однако окончательно своихъ связей съ нимъ даже въ Пок. Трудолюбцѣ. — Но все это, и резонерство, и сантиментальность, и чувственность, и масонство, было только внѣшнею оболочкой идей Новикова, окраской, принадлежавшей эпохѣ; за гнилой оболочкой крылись чистѣйшіе перлы мысли.

И такъ, не представителемъ масонства должно считать Новикова, а представителемъ совсѣмъ иной идеи, отличной отъ масонства, точно также какъ и отъ волтерьянства, идеи, пришедшей смѣнить въ нашей жизни и то, и другое. Эта идея не осталась безъ вліянія на убѣжденія и жизнь молодаго поколѣнія, воспитаннаго Новиковымъ.

6.

Сущность значенія Новикова не въ томъ, что онъ — представитель нашего масонства екатерининскихъ временъ. Но не противорѣчитъ ли такое заключеніе фактамъ жизни знаменитаго издателя? невольно спросятъ многіе. Не только не противорѣчитъ, можемъ мы отвѣтить, но даже подтверждается ими.

Въ своихъ отвѣтахъ Шешковскому въ Шлиссельбургской крѣпости [1]) Новиковъ разсказываетъ исторію своего масонства. Изъ этого разсказа ясно видны скептицизмъ и холодность въ его отношеніяхъ къ ордену. — Я уже упомянулъ выше, что Новиковъ былъ сразу возведенъ въ третью степень масонства помимо всякихъ обрядовъ принятія и помимо присяги. Вслѣдъ за вступленіемъ въ орденъ онъ тотчасъ же начинаетъ сомнѣваться во всѣхъ системахъ его и искать „истиннаго“ масонства, т. е. такого, „которое (по его словамъ) ведетъ посредствомъ самопознанія и просвѣщенія къ нравственному исправленію кратчайшимъ путемъ по стезямъ христіянскаго нравоученія“ [2]). Иначе сказать — онъ ищетъ масонства, отрѣшеннаго отъ нелѣпыхъ формъ его. Ему кажется, что онъ находитъ таковое въ системѣ Рейхеля. Въ 1778 году, или около этого времени, его уговариваютъ въ Москвѣ принять „Шведской седьмой градусъ“. Онъ принимаетъ, но „почти насильно“; „я съ тѣмъ согласился (повѣствуетъ онъ), что ежели мнѣ что покажется сомнительное или подозрительное, то я ни въ какія обязательства и связи съ ними (т. е. съ масонами шведской системы) не войду..... Градусъ данъ былъ рыцарской и онъ мнѣ совсѣмъ не полюбился и показался подозрительнымъ, и я рѣшился ни въ какія связи со Шведскимъ масонствомъ не вступать со своею ложею“ [3]). Вскорѣ послѣ этого въ душѣ Новикова кромѣ сомнѣнія является еще и равнодушіе къ орденскимъ упражненіямъ. Въ 1779 году онъ взялъ въ содержаніе университетскую типографію, переѣхалъ въ Москву, — и ложа его въ Петербургѣ уничтожилась; онъ не сталъ даже вести переписку съ членами своей ложи, за исключеніемъ Ив. Петр. Тургенева, Ал. Мих. Кутузова и Вас. Вас. Чулкова; но эти лица, кажется, были (по крайней мѣрѣ первый несомнѣнно) сотрудниками его изданій, — вотъ почему, вѣроятно, онъ и не прервалъ сношеній съ ними. „По пріѣздѣ моемъ въ Москву 1779-го года (разсказываетъ Новиковъ) упражненъ я былъ и совершенно занятъ типографскими дѣлами, а масонствомъ со всемъ не занимался, а только

[1]) Новиковъ и моск. мартинисты, Лонгинова. Прилож., стр. 072.
[2]) Тамъ-же, стр. 076.
[3]) Тамъ-же, стр. 077.

былъ нѣсколько разъ въ ложѣ к. Трубецкаго, да раза два или три не упомню съ кѣмъ въ Гагаринской ложѣ“ [1]). Трезвый умъ Новикова, какъ видимъ, отдалъ предпочтеніе серьезному дѣлу передъ сомнительной дѣльностью орденскихъ упражненій. — Въ слѣдующемъ году (въ 1780) Новиковъ сблизился со Шварцемъ, но не какъ съ масономъ, а какъ съ человѣкомъ: „знакомство наше (разсказываетъ онъ) [2]) продолжалось около года только по литературѣ и по типографіи, объ масонствѣ же я съ нимъ не говорилъ ни слова и крайне остерегался, чтобы и его говорить о томъ съ собою (sic), потому что я почиталъ его Стриктъ-обсервантомъ, и по масонству его остерегался; но впрочемъ я его весьма полюбилъ за его отличныя дарованія, ученость да за заслужливость“. — Въ томъ-же 1780 году или, вѣрнѣе, въ слѣдующемъ, кн. Трубецкой, Херасковъ, Тургеневъ, Новиковъ и нѣкоторые другіе составили ложу, въ которую приняли и проф. Шварца, но „на условіяхъ, чтобы онъ объ Стриктъ-обсерванскихъ градусахъ никогда ничего не говорилъ“ [3]). Прежде чѣмъ заняться орденскими упражненіями, члены ложи собирались для совѣщаній о томъ, какъ добыть высшіе градусы. Рѣшено было послать для отысканія ихъ заграницу Шварца, который и поѣхалъ туда на счетъ Татищева съ сыномъ этого послѣдняго. „По отъѣздѣ проф. Шварца и Татищева (пишетъ Новиковъ) [4]), были ли у насъ какія собранія или нѣтъ со всемъ того не помню, больше кажется, что не было никакихъ, ибо по причинѣ лѣтняго времяни, въ которое они поѣхали, кажется, что всѣ были въ деревняхъ, *я же занятъ былъ совершенно типографскими дѣлами*“. — Въ это самое время въ Германіи готовился масонскій, такъ называемый Вильгемсбадскій, конвентъ. Шварцъ вошелъ въ сношенія съ президентомъ конвента—герцогомъ Брауншвейгскимъ, и масонское собраніе признало Россію независимой провинціей ордена. Сношенія Шварца съ конвентомъ не понравились Новикову и его товарищамъ, потому что конвентъ признавалъ „рыцарскія“ степени: „ко всему сему произшествію“ Новиковъ, по словамъ его, [5]) почувствовалъ „совершенное отвращеніе и пренебреженіе“. Однако не смотря на то, изъ Берлина полученъ былъ теоретическій градусъ, и Новиковъ сдѣланъ въ немъ начальникомъ [6]), — очевидно его, какъ человѣка замѣчательнаго, выдвигали впередъ, помимо его собственной воли. Онъ былъ, кромѣ того, въ это время начальникомъ нѣсколькихъ ложъ:

[1]) Тамъ-же.
[2]) Тамъ-же, стр. 078.
[3]) Тамъ-же, стр. 079.
[4]) Тамъ-же, стр. 080—081.
[5]) Тамъ-же, стр. 081.
[6]) Тамъ-же, стр. 084.

Гамалѣи, Кутузова, Лопухина и Ключарева [1]).—Между тѣмъ Шварцъ сошелся въ Берлинѣ съ представителями резенкрейцерства, Теденомъ и Вельнеромъ, не принимавшими участія въ конвентѣ. Съ этихъ поръ русскіе масоны прекращаютъ сношенія съ герцогомъ Брауншвейгскимъ, и вступаютъ въ орденъ злато-розоваго креста. — Но и къ розенкрейцерству, какъ прежде къ рыцарству, Новиковъ сталъ чувствовать равнодушіе. (Надо при этомъ замѣтить, что и въ р. кр-во, и въ теоретическій градусъ онъ былъ принятъ безъ обрядовъ). За рыцарство между проф. Шварцемъ и мною частыя были неудовольствія (пишетъ онъ въ своихъ отвѣтахъ), такъ что произошла между нами нѣкоторая холодность и недовѣрчивость, продолжившаяся до смерти его. Онъ меня подозрѣвалъ въ холодности къ масонству и ордену (т. е. ордену злато-розоваго креста) потому, что я бывъ совершенно занятъ типографскими дѣлами упражнялся въ томъ урывками; а я вѣдая пылкость его характера и скорость, удерживалъ его, опасаясь, чтобы въ чемъ не проступиться и съ великою осторожностію смотрѣлъ на все, что онъ дѣлалъ, сколько мнѣ было возможно“ [2]).—По смерти Шварца главою московскихъ р. кр-въ сдѣлался бар. Шредеръ. И съ нимъ у Новикова вышли непріятности: „баронъ Шредеръ (пишетъ Новиковъ) [3]), бывъ не доволенъ мною, за то что я по безпрестаннымъ почти моимъ болѣзненнымъ припадкамъ и по типографскимъ дѣламъ и заботамъ давно уже не дѣлалъ собраній съ порученными моему начальству и подозрѣвая меня въ холодности и не хотѣніи, взялъ изъ подъ моего начальства Тургенева, Кутузова, Гамалѣя..... у меня же остались Багрянскій, находившійся въ Лейпцигѣ и братъ мой; и я кажется въ половинѣ 1785 года ни какихъ собраній не имѣлъ“. Шредеръ былъ авантюристъ и весьма сомнительная личность; съ его стороны подозрѣваютъ интриги противъ Новикова, хотя въ сейчасъ приведенныхъ словахъ самъ Новиковъ дѣйствія Шредера и объясняетъ не интригами. Какъ-бы то ни было, но дѣло въ томъ, что не съ однимъ Шредеромъ были у Новикова неудовольствія по масонству, а и съ другими лицами, уже положительно не интриганами: „съ Лопухинымъ ссоры у насъ не было (отвѣчаетъ Новиковъ на 50-ый вопросъ Шешковскаго) [4]); но вообще у всѣхъ, которыя въ управленіи были произошла нѣкоторая холодность ко мнѣ и къ Гамалѣю: всѣ подозрѣвали насъ въ холодности обѣихъ, въ нехотѣніи упражняться въ упражненіяхъ ордена и тому подобное“. Подозрѣнія Лопухина и другихъ были, оказывается, основательны: „мы оба дѣйствительно отходили (продолжаетъ Новиковъ), не довольны были, что Кутузовъ долго живетъ и ожидали возвращенія его“. Кутузовъ, какъ извѣстно, былъ отправленъ изъ Москвы въ Берлинъ учиться тайнымъ орденскимъ работамъ. Эти работы не могли быть по сердцу Новикову, — мы знаемъ какого „истиннаго“ масонства искалъ онъ. Сношеній по орденскимъ дѣламъ у Новикова съ Кутузовымъ не было: „съ того времени, какъ Кутузовъ находится въ Берлинѣ (пишетъ Новиковъ въ своихъ отвѣтахъ) [1]), переписку съ нимъ ведетъ кн. Ник. Ник. Трубецкой, а я съ нимъ переписки не имѣлъ, кромѣ двухъ кажется дружескихъ писемъ, въ которыхъ онъ изъявилъ неудовольствіе о томъ, что я не пишу и его забылъ“. Кутузовъ поѣхалъ въ Берлинъ учиться практическимъ химическимъ работамъ (показываетъ Новиковъ въ другомъ мѣстѣ [2]); „но исполнилось ли сіе обѣщаніе или нѣтъ, незнаю, а слышалъ я отъ кн. Трубецкаго, что Кутузовъ писалъ къ нему, что онъ упражнялся въ практическихъ работахъ“.—Изъ взаимныхъ отношеній Новикова, Кутузова и кн. Трубецкаго довольно ясно видно, что не Новиковъ былъ у насъ главою розенкрейцерства: Кутузовъ учился въ Берлинѣ для того, чтобы замѣнить Шварца и Шредера, а пока орденскими дѣлами заправлялъ въ Россіи кн. Трубецкой. Та-же послѣдовательность въ смѣнѣ начальниковъ указана и въ сдѣланномъ Новиковымъ „Спискѣ членовъ масонскихъ ложъ“. [3]) — Новиковъ, какъ видно изъ его показаній, не смѣшивалъ проповѣди масонства съ благотворительными дѣйствіями дружескаго Ученаго Общества: на вопросъ Шешковскаго о студентахъ, содержимыхъ Обществомъ, онъ отвѣтилъ: „о томъ, что ихъ принимать въ масоны, не объявляли да и намѣренія такого подлинно не было при учрежденіи сего общества“ [4]).

И такъ, изъ показаній Новикова на произведенномъ надъ нимъ слѣдствіи видно, что онъ скептически и холодно относился къ масонству, что онъ не смѣшивалъ всѣхъ своихъ дѣйствій съ орденскими интересами и что, наконецъ, онъ не былъ главою нашего розенкрейцерства.

Но можно ли вполнѣ довѣрять показаніямъ Новикова на слѣдствіи? — Можно, по слѣдующимъ причинамъ: во 1-хъ, Новиковъ былъ высоко-нравственная личность, и мы не имѣемъ нравственнаго права подозрѣвать его во лжи. Во 2-хъ, заключенія, выведенныя нами изъ его показаній, совершенно согласны съ заключеніями, выведенными

[1]) Тамъ-же, стр. 083.
[2]) Тамъ-же, стр. 085.
[3]) Тамъ-же, стр. 087.
[4]) Тамъ-же, стр. 0109.

[1]) Тамъ-же, стр. 088.
[2]) Тамъ-же, стр. 0105. Отвѣтъ на 36-ой вопросъ.
[3]) Сборн. Рус. Ист. Общ-ва, т. II. См. еще у Лонг., стр. 089 и 0111 (внизу).
[4]) Нов. и моск. мартин., Лонгинова, стр. 095.

изъ разсмотрѣнія его журналовъ. Наконецъ, въ 3-хъ, показанія его на слѣдствіи подтверждаются цѣлымъ рядомъ другихъ весьма важныхъ и достовѣрныхъ данныхъ.

Въ отвѣтномъ письмѣ Новикова къ петербургскому масону Ржевскому, отъ 14 февраля 1783 года [1]), (а въ этомъ письмѣ Новиковъ не имѣлъ, конечно, нужды хитрить или лгать) мы встрѣчаемъ такого рода мысли: „щедро и вездѣ разсѣиваемыя понятія о малыхъ капитулахъ (пишетъ онъ про шведское мас-во), о иллюминованныхъ капитулахъ, о братьяхъ фіолетовой ленты, о магистрахъ храма, о клерикатѣ, о призываніи духовъ и проч. и проч., всѣ сіи великія познанія и высокія понятія большею частію только забавны и подобны забавамъ дѣтей пугающихъ Геркулесовымъ вооруженіемъ, почему и показались они Московскимъ братьямъ не только что странными, но и чуждыми истиннаго ордена; а нѣкоторые церемоніи и обряды, употребляемые въ сихъ блистательныхъ капитулахъ, несмотря на прекрасную и привлекательную личину, показались имъ совершенно ложными и поддѣльными“. Далѣе въ письмѣ Новиковъ замѣчаетъ, что хотя и нужна въ орденѣ извѣстная подчиненность „въ разсужденіи познаній“, но однако-жь „долженствуетъ она оставаться братскою зависимостью, а не рабскою“. Такимъ образомъ въ письмѣ къ брату-масону Новиковъ смѣется надъ орденскими обрядами и вѣрованіями и не признаетъ масонскаго общаго догмата о необходимости безусловнаго подчиненія начальникамъ ордена.—Очень можетъ быть, что вліяніе этихъ взглядовъ Новикова лежитъ на отвѣтѣ московскихъ масоновъ на присланный имъ отъ герцога Брауншвейгъ-Люнебургскаго предварительный циркуляръ, касающійся до будущаго генеральнаго конвента. „Внѣшній образъ (пишутъ наши масоны) [2]), различныя внѣшнія степени, учрежденія и подчиненность ложъ, кажутся намъ совершенно условными. Если желаютъ, чтобы они дѣйствовали на мнѣнія и господствующія предразсужденія времени истребляли, то надлежитъ перемѣнять ихъ, располагаясь по образу мыслей каждаго вѣка.“ Примѣняя эту общую мысль къ нарядамъ и церемоніямъ рыцарства, масоны наши замѣчаютъ: „церемоніи сіи дѣлаются очень смѣшными, коль скоро они не будутъ соразмѣрны особамъ, и мы думаемъ, что весьма страннымъ казаться должно членамъ нѣкоторыхъ домовъ ордена, не пріобыкшимъ къ оружію, или по состоянію своему удаляться отъ него долженствующимъ, видѣть себя вдругъ съ головы до ногъ вооруженнаго и обвѣшаннаго рыцарскими орденами.“ Что касается до насъ, русскихъ, прибавляютъ они, то „между нами

[1]) Собр. соч. Ешевскаго, М. 1871 г., ч. III, стр. 469—470.

[2]) Тамъ-же, стр. 481.

такая воинская пышность не можетъ быть непріятною; ибо всѣ члены наши предводительствовали батальонами и цѣлыми арміями! Весьма приличествуютъ и кресты оные особамъ, которые и въ общежитіи таковыми знаками чести украшены, или которые *ничего такъ жадно не желаютъ какъ полученія оныхъ*“ [1]). Въ послѣднихъ, подчеркнутыхъ мною словахъ, быть можетъ, заключается иронія; по крайней мѣрѣ намъ извѣстно, что московскіе масоны не захотѣли поддерживать рыцарства и отреклись отъ него, принявъ розенкрейцерство. Или, можетъ быть, они отказались потомъ отъ рыцарства подъ вліяніемъ Новикова, а слова о пригодности для русскихъ братьевъ вооруженій и орденовъ попали въ отвѣтное посланіе на герцогскій циркуляръ вопреки желанію этого послѣдняго.— Вліяніе Новикова сказывается, по всей вѣроятности, и въ встрѣчающемся порою у московскихъ масоновъ отрицаніи златодѣланія, магіи и другихъ тайныхъ орденскихъ знаній. Такое отрицаніе находимъ мы, напримѣръ, въ „Посланіи М. И. Невзорова къ О. А. Поздѣеву“ [2]). Мы встрѣчаемъ его также въ одномъ весьма интересномъ, не напечатанномъ еще поученіи братьямъ масонамъ о значеніи только что наложеннаго тогда силанума. Въ этомъ поученіи неизвѣстный авторъ его говоритъ, что предметъ, на который долженъ розенкрейцеръ не смигая обращать взоръ свой, есть возстановленіе въ себѣ потерянnаго или помраченнаго образа Божія, „а не корыстолюбивое златодѣланіе, также не славная магическая Практика, не хвастливое чудодѣйство, и подобные сему блудящіе огни въ видѣ свѣта, ложно представляющіеся и неосторожныхъ заводящіе въ тинные болота совершенной пагубы“ [3]). Я предполагаю на подобныхъ мысляхъ вліяніе Новикова, потому что эти мысли совершенно не согласны съ дѣйствіями нашихъ розенкрейцеровъ, стремившихся, какъ мы знаемъ, къ практическимъ работамъ, къ златодѣланію и т. п., съ какою цѣлью и отправленъ былъ ими въ Берлинъ Кутузовъ.

Отсутствіе у Новикова особенной ревности къ масонству весьма ясно видно изъ свидѣтельствъ студентовъ, бывшихъ питомцевъ Переводческой или Педагогической семинаріи: Багрянскаго, Колокольникова и Невзорова. Тотчасъ по возвращеніи изъ-за границы доктора Колокольниковъ и Невзоровъ были привлечены къ слѣдствію по дѣлу Новикова. Изъ отвѣтовъ

[1]) Тамъ-же, стр. 484.

[2]) Библ. Зап. 1858 г. № 21. Къ сожалѣнію редакція позволила себѣ напечатать лишь отрывки „Посланія“, выпустивъ многое, казавшееся ей почему-то неинтереснымъ.

[3]) Рук. Румянц. Музея, изъ собр. масонс. документовъ Ешевскаго, № 95. Поученіе, какъ видно по содержанію, написано тотчасъ по наложеніи силанума.

Колокольникова на предложенные ему вопросные пункты [1]) выходитъ, что должно отличать Типографическую Компанію отъ масонства: при принятіи студентовъ на коштъ Компаніи ихъ ни къ какой присягѣ не приводили, никакихъ масонскихъ должностей имъ не давали и ничему по масонству не учили; при отправленіи за-границу они никакихъ обязательствъ не дѣлали, и, согласно съ этимъ, за-границей масонскихъ ложъ не посѣщали. Только Лопухинъ при отъѣздѣ ихъ велѣлъ имъ купить, прочесть и привезти въ Россію двѣ-три масонскія книги (Versamlungs Reden, Annulus Platonis и еще какую-то,—Колокольниковъ не помнитъ); но книгъ этихъ они не привезли. Новиковъ же никакихъ орденскихъ порученій имъ не давалъ, хотя онъ стоялъ къ студентамъ ближе другихъ своихъ товарищей: „студенты адресовались во всемъ къ Новикову (свидѣтельствуетъ во 2-мъ отвѣтѣ Колокольниковъ) и набиралъ ихъ, я думаю именемъ Компаніи, Новиковъ". Тотъ же Колокольниковъ въ „Исторіи жизни и дѣлъ своихъ" [2]) говоритъ, что студенты ничего не слыхали ни о новыхъ именахъ, данныхъ членамъ Компаніи, ни о мартинизмѣ и „мартиническомъ ученіи". Что же касается до рекомендованныхъ Лопухинымъ книгъ, то мы (замѣчаетъ онъ) не знаемъ—съ какимъ намѣреніемъ велѣно ихъ купить и „къ чему онъ (т. е. Лопухинъ) насъ готовилъ". „Есть ли г. Лопухинъ точно мартинистъ (прибавляетъ Колокольниковъ), есть ли онъ противникъ правительства или исказитель свящ. писанія, то я клятву даю никогда ни съ нимъ, ни съ тѣмъ, съ которымъ онъ въ связи находится, никакихъ сообщеній ни словами, ни письменно не имѣть, даже и никогда не жить въ Москвѣ". Читатель видитъ изъ этихъ послѣднихъ словъ, что если кого и можно, по мнѣнію Колокольникова, обвинить въ масонствѣ, или мартинизмѣ, то это Лопухина, а никакъ не Новикова. А отсюда прямой выводъ, что Новиковъ заботился лишь объ ученіи студентовъ, а не о привлеченіи ихъ въ масонство, иначе сказать—былъ равнодушенъ къ интересамъ ордена.—Другой питомецъ Дружескаго Общества, Невзоровъ, въ своемъ „Посланіи" къ Поздѣеву[3]) называетъ главнымъ и почти единственнымъ „орудіемъ" своего масонскаго просвѣщенія—Ив. Вл. Лопухина, „хотя я (прибавляетъ онъ) не могу забыть наставленій нѣкоторыхъ и другихъ добрыхъ мастеровъ въ семъ дѣлѣ"; эти „добрые мастера": Ив. Ег. Шварцъ, Сем. Ив. Гамалѣя, Ив. Пет. Тургеневъ, Алексѣй Мих. Кутузовъ „и можетъ быть другіе". Если допустить, что между этими другими разумѣется

[1]) Сборн. Рус. Ист. Общ., т. II, стр. 133 и слѣд.
[2]) Тамъ-же, стр. 136 и слѣд.
[3]) Библ. Зап. 1858 г. № 21, стр. 645, 646 и 648.

и Новиковъ, то все-таки окажется, что онъ не большую роль игралъ въ пропагандѣ масонскихъ идей. Говоря про „внутреннія упражненія" масоновъ, Невзоровъ замѣчаетъ, что въ нихъ „особенно отличилися" Лопухинъ и Походяшинъ, и опять ни словомъ не упоминаетъ о Новиковѣ. — Багрянскій въ своихъ „Показаніяхъ" на слѣдствіи [1]) говоритъ, что онъ былъ знакомъ съ Новиковымъ не по масонству, а по литературѣ, какъ сотрудникъ Моск. Изданія и Утренней (вѣроятно—Вечерней) Зари. Отправленный за-границу на счетъ Новикова, онъ тамъ „ни въ какой масонской ложѣ не былъ ни единожды"; и не смотря на это, по возвращеніи въ Россію онъ жилъ въ домѣ Новикова и получалъ отъ него по 300 рублей въ годъ сверхъ содержанія (разумѣется за литературные или другіе труды); мало того, онъ и въ это время въ Москвѣ не былъ ни въ какихъ масонскихъ собраніяхъ и не зналъ даже — были ли какія у кого-нибудь; „такъ-же (говоритъ онъ) и въ лабораторіяхъ при составленіи лекарствъ особенныхъ совершенно никакого не имѣлъ участія". Очевидно, что для Новикова были дороги интересы литературные и научные, а не масонскіе. — Всѣ три названные студента приняты въ орденъ (какъ показываютъ они сами) не Новиковымъ; только Багрянскаго посвятилъ онъ въ розенкрейцеры; но это случилось въ 1785 году, т. е. въ то время, когда, какъ сейчасъ увидимъ, въ убѣжденіяхъ Новикова произошелъ переворотъ.—Въ 1790 году кн. Прозоровскій доносилъ императрицѣ [2]), что онъ спрашивалъ митр. Платона—не были ли приняты въ масоны ученики его семинаріи, которыхъ онъ отдавалъ для наученія Дружескому Обществу? Митрополитъ отвѣтилъ, что спрашивалъ ихъ объ этомъ на-единѣ подъ клятвой, „но они говорятъ, что имъ будто сіе и представляемо не было".

Справедливость показаній Новикова о холодности между имъ и другими брр.—масонами подтверждается самими слѣдователями по его дѣлу: Прозоровскій въ сейчасъ названномъ донесеніи его императрицѣ пишетъ, что кн. Гагаринъ говорилъ ему, будто „Новикова мартинизма состоитъ въ интересѣ" [3]). Въ собственноручной запискѣ императрицы [4]) (должно быть къ Шешковскому) говорится про одно письмо кн. Трубецкаго къ Новикову: „сіе письмо кажется писано тогда, когда многіе изъ нихъ на Новикова сердились и начинали его подозрѣвать въ неисправныхъ счетовъ (sic). Сіи счеты и нынѣ еще между ими подаютъ причины къ раздѣленію мысли—однѣ извиняютъ его, а

[1]) Сборн. Рус. Ист. Общ-ва, т. II, стр. 131 и слѣд.
[2]) Дополненія къ исторіи мас-ва въ Россіи, Пекарскаго, стр. 129.
[3]) Тамъ-же, стр. 128.
[4]) Сбор. Рус. Ист. Общ-ва, т. II, стр. 156.

другіе обвиняютъ, но ни кто не оправдываетъ". Должно быть вслѣдствіе этой записки (какъ весьма основательно догадывается редакція Сборника Рус. Ист. Общ-ва) [1]) Новикову предложенъ былъ вопросъ: „о скоромъ обогащеніи къ кому писалъ Трубецкой и о комъ?" Ко мнѣ и обо мнѣ, отвѣтилъ Новиковъ; произошло это по неудовольствъ ямъ на меня барона Шредера. На этотъ отвѣтъ Шешковскій сдѣлалъ свое остроумное замѣчаніе: „довольно видно, что Новиковъ и товарищами своими въ корыстолюбіи былъ замѣченъ".—Братьямъ масонамъ немудрено было сердиться на Новикова, когда онъ зачастую забывалъ свои масонскія обязанности. Такъ, кн. Трубецкой отвѣчаетъ на 11-ый вопросъ, предложенный ему на слѣдствіи, что онъ „наипаче потому" не можетъ сдѣлать подробнаго указанія „обо всѣхъ учрежденныхъ сборищахъ въ разныхъ губерніяхъ",—„что господинъ Новиковъ, чрезъ котораго мнѣ (говоритъ онъ) всѣ списки доставляемы бывали, въ послѣдніе года жилъ постоянно въ деревнѣ, въ которой я у него не бывалъ; а *онъ*, пріѣзжая иногда въ Москву, *оныя забывалъ*, какъ мнѣ кажется, *съ собою привозитъ*" [2]). Новикову случалось даже забывать повелѣнія (и притомъ письменныя) начальниковъ ордена: такъ, въ одномъ, не напечатанномъ еще [3]), письмѣ его къ бр. Вегетусу (Тургеневу), отъ 22 октября 1788 года, онъ говоритъ: „*умѣдлилъ я* бывъ схваченъ обстоятельствами, а къ тому и частыми, хотя по благости Господней и легкими припадками, писать къ вамъ, л. б., и увѣдомить васъ о полученіи мною съ верху Ерласа, касающагося до васъ, что нынѣ, хотя нѣсколько и *поздно*, исполняю". Этотъ поздно посланный Новиковымъ ерласъ переводилъ Тургенева изъ округа Коловіонъ въ округъ Филусъ (Лопухина).

Наконецъ, о равнодушіи и холодности своей къ ордену свидѣтельствуетъ самъ Новиковъ въ покаянныхъ письмахъ къ начальнику, относящихся къ 1784 или 1785 году [4]). Въ первомъ изъ этихъ писемъ онъ съ душевнымъ прискорбіемъ сознается, что многое дѣлалъ по своей „умственности", что „драгоцѣнные столбы, на коихъ св. орденъ основывается, т. е. любовь къ Богу и ближнему, не разумѣлъ, или лучше сказать: худо и неправильно разумѣлъ оныя и думалъ, что человѣкъ самъ собою можетъ любить Бога и ближняго". Онъ

[1]) Тамъ-же, стр. 102.

[2]) Нов. и моск. март., Лонгинова, стр. 0121.

[3]) Рук. Рум. Музея, № 95.

[4]) Вѣстн. Евр. 1872 г. № 1, стр. 181—189. Въ первомъ пис. упом. о Шварцѣ, какъ о покойникѣ. Шв. скончъ. 17 февр. 1784 г. Въ томъ-же письмѣ во 2 пунктѣ говорится о Типографической Компаніи какъ о будущемъ, — Компанія учреждена въ 1784 г. (см. Нов. и моск. март., Лонгинова, стр. 217 и 220).

кается, что весьма мало поучалъ или наставлялъ братьевъ, ввѣренныхъ его начальству [1]). — Но это раскаяніе, выражающееся въ первомъ письмѣ, не останавливаетъ его, однако, отъ новыхъ преступленій противъ дисциплины ордена: занятый дѣлами, онъ медлитъ отвѣтить на „отпускъ" начальника, и создаетъ такимъ образомъ новый поводъ начальнику для неудовольствія, а себѣ для покаянія. „Медленность и долгое молчаніе на первый вашъ, в. д. Н., отпускъ (пишетъ Новиковъ во второмъ письмѣ) [2]) всеискренно признаю я и самъ неизвиняемыми по уясненіи сего обстоятельства. Подлинно, я долженъ былъ все оставить, хотя бы и всѣ дѣла оттого разстроиться должны были, но исполнить какъ возможно скорѣе повелѣніе начальника". Сознавая въ совѣсти свой долгъ передъ орденомъ, Новиковъ, однако, въ дѣйствительности свои реальныя дѣла предпочитаетъ, какъ видимъ, фантастическимъ обязанностямъ.

Что не Новиковъ былъ главою розенкрейцерства, объ этомъ есть положительныя свидѣтельства. Кн. Трубецкой (Николай Никитичъ) въ своемъ отвѣтѣ на 11-ый вопросъ, предложенный ему главнокомандующимъ Москвы, пишетъ: „мнѣ поручено было наипаче правленіе ордена Розоваго Креста" [3]). Въ упомянутомъ уже мною письмѣ Новикова къ Тургеневу - Vegetus'y отъ 22 окт. 1788 года [4]) говорится, что „воспріяла свое теченіе и открыла свои работы" Гауптъ-Директорія Pinnatus; Pinnatus есть орденское имя кн. Трубецкаго. Главенство Трубецкаго было извѣстно и слѣдователямъ новиковскаго дѣла: кн. Ник. Трубецкой „между ими великъ", пишетъ кн. Прозоровскій Шешковскому отъ 17-го мая 1792 года. О дѣланіи золота и философскаго камня (говорится въ замѣчаніяхъ на 36-й отвѣтъ Новикова Шешковскому) [5]) должно спросить у кн. Трубецкаго, ибо онъ переписку велъ съ Кутузовымъ и Шрейдеромъ, „да и надъ сборищами главной начальникъ".

Не смотря на все вышеприведенное, могутъ сказать: какъ-же Новиковъ не представитель нашего масонства, когда, во-1-хъ, онъ игралъ такую большую роль въ масонскихъ благотворительныхъ учрежденіяхъ Дружескаго Общества и Типографической Компаніи, а во 2-хъ, въ письмахъ своихъ къ Карамзину [6]) и въ разговорѣ съ Иванчинымъ -

[1]) Тамъ-же, письмо 1-ое, пункты: 2, 4 и 11.

[2]) Тамъ-же, письмо 2-ое, пунктъ 1, стр. 187.

[3]) Нов и моск. март., Лонгинова, стр. 0121.

[4]) Рук. Рум. Музея, собр. Ешевскаго, № 95.

[5]) Сборн. Рус. Ист. Общ-ва, т. II. „Переписка кн. Прозор. съ Шешковскимъ", стр. 105.—„Возраженія на отвѣты Новикова".

[6]) Сборн. Студентовъ Спб. Ун-та, вып. 1, стр. 331—33.

Писаревымъ [1]) явно отвергалъ открытія физики и химіи во имя масонскихъ бредней о четырехъ стихіяхъ и семи планетахъ?

Что касается до благотворительныхъ учрежденій и дѣйствій Дружескаго Общества, можемъ мы отвѣтить, то еще сомнительно,—могутъ ли они быть названы спеціально масонскими. Мы видѣли, что, воспитывая студентовъ, Типографическая Компанія, по крайней мѣрѣ въ лицѣ Новикова, не заботилась о привлеченіи всѣхъ ихъ въ орденъ, и сами студенты отличали дѣло Компаніи отъ масонскихъ упражненій. Сближеніе Новикова съ Походяшинымъ, пожертвованіе этимъ послѣднимъ большихъ суммъ денегъ по случаю народнаго голода въ 1787 году — совершенно не зависѣли отъ масонства: насъ сблизило (говоритъ Новиковъ про себя и Походяшина) [2]) сходство нравовъ, взаимная услужливость и откровенность; „обольщеній никакихъ, истинно говорю какъ предъ Богомъ, я никакихъ ему не дѣлалъ. Принятъ (подразумѣвается — въ масонство) онъ не мною, и былъ не у меня подъ начальствомъ. Объ орденѣ и обо всемъ къ тому относительно, во все время не говорилъ я съ нимъ ни слова, и думаю, что онъ и не знаетъ; по крайней мѣрѣ отъ меня онъ не знаетъ, и я отъ него не слыхалъ ни слова, которое бы заставило меня догадываться, что онъ отъ кого нибудь знаетъ". Къ пожертвованіямъ Походяшинъ, по словамъ Новикова, побужденъ былъ живымъ разсказомъ этого послѣдняго объ ужасныхъ картинахъ голода, только что имъ видѣнныхъ; послѣ этого разсказа Походяшинъ и привезъ Новикову свои первыя 10.000 рублей [3]), за которыми послѣдовали еще бо́льшія суммы. „Истинно и искренно сердечно доношу (пишетъ Новиковъ въ отвѣтъ на 2-ой вопросъ Тайной экспедиціи) [4]), что сіе произшествіе, а не масонскія связи произвели въ насъ тѣснѣйшее взаимное дружество".—Благодѣянія московскихъ розенкрейцеровъ подкупаютъ многихъ въ пользу нашего масонства 18-го вѣка. Но замѣчательно то, что наше масонство оказывалось безплоднымъ вездѣ, гдѣ не участвовалъ въ немъ Новиковъ. Недостатокъ матерьяловъ не позволяетъ въ настоящее время прослѣдить вліяніе личности Новикова на замыслы московскихъ розенкрейцеровъ. Но едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что благотворительныя и просвѣтительныя учрежденія Дружескаго Общества въ Москвѣ суть продолженія петербургскихъ школъ и замышлявшихся богадѣленъ Новикова; уже въ Петербургѣ составилъ

[1]) Отеч. Зап. 1840 г. № 8, смѣсь, стр. 6—7. „Нѣчто о Н. И. Новиковѣ", ст. Н. И. П.

[2]) Нов. и моск. март., Лонгинова, стр. 0109, отвѣтъ на 51-ый вопросъ.

[3]) Дополненія къ ист. мас-ва въ Россіи, Пекарскаго, стр. 145.

[4]) Тамъ-же, стр. 146.

онъ, какъ мы знаемъ, общество, отъ имени котораго и издавался Утренній Свѣтъ. По отъѣздѣ Новикова въ Москву масоновъ въ Петербургѣ осталось много, орденъ долго процвѣталъ потомъ въ сѣверной столицѣ, но онъ не ознаменовалъ себя никакимъ добрымъ общественнымъ дѣломъ. Масонство наше было исключительно и замкнуто,—у него были свои спеціальные интересы, его болѣе занимало увеличеніе числа своихъ адептовъ, нежели истина и общественное благо, и орденъ ужь вовсе не былъ способенъ привлекать къ дѣятельности цѣлое русское общество. Весьма вѣроятно, что заслуги нашего масонства 18-го вѣка окажутся со временемъ личными заслугами Новикова и его товарищей, на-сколько эти послѣдніе находились подъ его вліяніемъ. Неудовольствія же между ими и Новиковымъ, предпочитавшимъ интересы просвѣщенія и добра орденскимъ упражненіямъ, окажутся проявленіемъ борьбы масонства съ извѣстными намъ по журналамъ новиковскими идеями.

Толки Новикова о 4 стихіяхъ и 7 планетахъ въ письмахъ къ Карамзину, оспариванье значенія научныхъ трудовъ Лавуазье въ разговорѣ съ Иванчинымъ-Писаревымъ,—это, конечно, проявленія масонства. Но дѣло въ томъ, что письма эти были написаны и разговоръ этотъ былъ веденъ въ послѣдніе годы жизни Новикова, уже въ нынѣшнемъ столѣтіи; а въ это время Новиковъ былъ уже давно не тотъ, какимъ мы узнали его по журналамъ.

Новиковъ наконецъ сдѣлался настоящимъ масономъ, но онъ сдѣлался имъ уже *послѣ* Покоящагося Трудолюбца, т. е. послѣ того, какъ вполнѣ высказалъ свою *идею*, дающую ему право на высокое значеніе въ исторіи нашей литературы и образованности. — Удивительно приэтомъ, что паденіе, доведшее его до масонства, совершилось непосредственно вслѣдъ за послѣднимъ его журналомъ, въ которомъ съ особенною ясностью и силой высказалась его свѣтлая мысль. Время начала этого паденія вполнѣ точно опредѣляется тремя письмами Коловіона-Новикова къ масонскому начальнику, найденными и напечатанными г. Пыпинымъ; это время — 1784 и 1785 годы (къ которымъ относятся письма [1]) и въ которые издавался Покоящійся Трудолюбецъ). Въ эти именно годы (какъ видно изъ содержанія писемъ) въ душѣ знаменитаго дѣятеля сталъ совер-

[1]) Вѣст. Евр., 1872 г., № 1, стр. 181—189. Въ первомъ письмѣ упоминается о Шварцѣ, какъ о покойникѣ, — Шварцъ сконч. 17 февр. 1784 г. Въ томъ-же письмѣ во 2 пунктѣ говорится о Типограф. Компаніи, какъ о будущемъ,— Комп. учреждена въ 1784 г. (см. Нов. и моск. март., Лонгинова, стр. 217 и 220). Остал. письма, какъ видно изъ отношеній ихъ къ первому, весьма близки къ нему по времени.

шаться переворотъ, отчасти подобный перевороту, сразившему впослѣдствіи Гоголя: Новиковъ началъ отрекаться отъ идей, которыя проводилъ съ такою могучею силой въ своихъ журналахъ; непокорный и строптивый сынъ св. ордена, онъ началъ изъявлять въ это время желаніе вернуться въ лоно масонства и смиренно преклониться предъ его „милосердыми“ начальниками, „сими (по словамъ его) истинными священниками единой истинной и невидимой церкви Христа Спасителя нашего, которымъ далъ Онъ ключи вязать и рѣшить“[1]). „Вообще, высокодостойный Начальникъ (пишетъ онъ въ 7 пунктѣ перваго письма)[2]), съ извѣстной вамъ болѣзни моей я ощущаю въ себѣ, по милосердію Спасителя, великую перемѣну. Съ сего времени я почитаю новую эпоху въ жизни моей; въ сіе время и съ сего времени столь живо ощутилъ я милосердую десницу Спасителя, изторгшаго меня изъ челюстей ада и изъ когтей сатаны, такъ что, не смотря на то, что когда я разсматривалъ должности мои и каковымъ быть я долженъ, то гнушаюсь и мержу собою; но когда взгляну на то, чѣмъ я былъ прежде, то слезы раскаянія и благодарности проливаются. И теперь омываю уже донесеніе мое слезами. Буди вѣчно хвалимъ, прославляемъ и превозносимъ милосердый Спаситель грѣшниковъ, св. орденъ Его и наши мудрые и милосердые отцы и высокославные начальники. Вѣрю я и увѣренъ, что ихъ чистыми и непорочными молитвами, въ которыхъ они истинно подражаютъ образу ихъ милосердаго Спасителя, и что они, по божественнымъ словамъ у Св. Павла, яко крѣпкіе носятъ немощи безсильныхъ, ощущаемъ толикія милосердіи Божіи“. Отреченіе отъ своей „умственности“, отъ вѣры въ свои силы, раскаяніе въ небреженіи къ обученію братьевъ (какъ это ясно видно изъ писемъ, на что и указано было выше) разумѣетъ здѣсь Новиковъ подъ освобожденіемъ изъ „челюстей ада“ и „когтей сатаны“. Съ невольнымъ чувствомъ глубокаго сожалѣнія читаемъ мы эти покаянныя слова его, въ которыхъ такъ ясно выразилось нравственное паденіе высокой воли и помраченіе свѣтлаго и сильнаго ума.— На благородной личности Новикова впервые замѣтно тяготѣніе странной трагической судьбы, доводящей до отчаянья многихъ лучшихъ представителей нашей литературы въ моментъ полнаго развитія ихъ силъ.

Послѣ переворота въ своихъ убѣжденіяхъ Новиковъ не могъ бы, разумѣется, продолжать изданіе журналовъ подобныхъ Покоящ. Трудолюбцу. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что онъ принялся бы теперь (т. е. съ 1785 или 1786 г.) съ масонской точки зрѣнія, со всѣмъ жаромъ

[1]) Тамъ-же, стр. 183 (4-й пунктъ 1-го письма).

[2]) Тамъ-же, стр. 184.

раскаявшагося грѣшника, разрушать свое прежнее дѣло; и не мало бы вреда, конечно, принесъ этимъ нашему просвѣщенію, — онъ бы самъ, быть можетъ, спуталъ имъ-же пробужденное къ умственной и нравственной жизни, имъ-же воспитанное молодое поколѣніе. Но исторія какъ-бы берегла великое дѣло: по особенному стеченію обстоятельствъ въ самый моментъ отреченія Новикова отъ своихъ идей начинается рѣшительное преслѣдованіе его изданій, положившее конецъ его журналамъ. Въ августѣ 1784 года Коммиссія Училищъ предъявляетъ искъ противъ Новикова за напечатаніе учебниковъ[1]). Въ сентябрѣ того-же года Архаровъ получаетъ Указъ императрицы, запрещающій „ругательную“ исторію іезуитскаго ордена[2]). А нѣсколькими недѣлями раньше этого указа должно быть запрещается, какъ мы видѣли, сочиненіе „О вліяніи успѣха наукъ въ человѣческіе нравы и образъ мыслей“, печатавшееся въ Прибавленіяхъ къ Моск. Вѣдомостямъ. Затѣмъ съ 7 окт. 1785 года идетъ послѣдовательный рядъ указовъ[3]), повелѣвающихъ: освидѣтельствовать частныя училища въ Москвѣ, разсмотрѣть книги, выходящія изъ типографіи Новикова, испытать самого Новикова въ Христіанскомъ законѣ, осмотрѣть больницу, заведенную Дружескимъ Обществомъ, опечатать книжную лавку Новикова, и т. д. и т. д. Дѣло продолжается такимъ образомъ до 1792 года, когда выходитъ повелѣніе арестовать Новикова, и знаменитаго дѣятеля заключаютъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, не только раньше подписанія императрицею приговора объ этомъ заключеніи, но и раньше произведенія слѣдствія.

Дѣло о наказаніи Новикова до-нынѣ остается не совсѣмъ яснымъ. Несомнѣнно только, что онъ пострадалъ не за масонство. Если предположить, что онъ заключенъ на 16 лѣтъ въ крѣпость за то, что былъ членомъ ордена злато-розоваго креста, то становится совершенно непонятнымъ — отчего подобная же участь не постигла его товарищей, и особенно кн. Трубецкаго, главу розенкрейцерства у насъ, какъ было это извѣстно и кн. Прозоровскому и Шешковскому. Окончаніе масонскаго дѣла казалось страннымъ даже ограниченному уму кн. Прозоровскаго: „позвольте мнѣ дружески вамъ сказать (пишетъ онъ своему достойному сотоварищу Шешковскому)[4]): я не понимаю конца сего дѣла, какъ ближайшіе его (т. е. Новикова) сообщники, если онъ преступникъ, то и тѣ преступники!“ — Но тѣ, какъ мы знаемъ, ока-

[1]) Нов. и моск. март., Лонгинова, стр. 228. — Москвитянинъ 1842 г., № 2, стр. 521—524.

[2]) Нов. и моск. март., Лонгинова, стр. 016.

[3]) Нов. и моск. март., Лонгинова. Приложенія. — Чтенія въ Общ. Ист. Др. Рос., 1867 г., кн. 4.

[4]) Сборн. Рус. Ист. Общ., т. II, стр. 106.

зались по взгляду императрицы не преступники. — Весьма вѣроятно, что Новиковъ пострадалъ за идеи, которыя проводилъ въ своихъ журналахъ: самыми смѣлыми изъ этихъ журналовъ были „Прибавленія къ Моск. Вѣд. 1784 г.“ и „Пок. Трудолюбецъ“, — какъ разъ въ эпоху изданія ихъ и начались преслѣдованія, и начались именно съ запрещенія нѣкоторыхъ журнальныхъ статей. Вспомнимъ къ тому-же, что въ Трудолюбцѣ крестьянскій вопросъ поставленъ болѣе рѣзко и откровенно, чѣмъ въ Живописцѣ; а Живописецъ, какъ и Трутень изъ-за статей о крестьянахъ и покончили свою жизнь, да еще первый изъ нихъ тогда, когда императрица болѣе или менѣе сочувствовала Новикову, чего въ 1785 году вовсе не было. Вспомнимъ и еще нѣкоторыя статьи послѣднихъ журналовъ, которыя не могли нравиться императрицѣ, какъ напр. статьи политическія. — Внукъ Новикова Рябовъ разсказываетъ [1]), что его знаменитому дѣду, послѣ „*удовлетворительныхъ*“ отвѣтовъ на вопросные пункты слѣдователя, „была предложена подписка въ томъ, что онъ отказывается отъ своихъ убѣжденій и признаетъ ихъ ложными. Новиковъ не согласился дать подписку и былъ отправленъ въ Шлюссельбургъ“. Если это правда, то едва ли одно масонство разумѣла императрица подъ „убѣжденіями“ Новикова.

Если бы Екатерина могла знать, до чего дойдетъ Новиковъ, оставленный на свободѣ, она бы, вѣроятно, съ радостью не подписала его осужденія: она, очевидно, колебалась, — двѣ недѣли лежалъ его приговоръ на ея столѣ — не утверждаемый ею. Она наконецъ подписала этотъ приговоръ, ибо заключеніемъ Новикова хотѣла остановить развитіе его идей, казавшихся ей вредными. Но она и не знала, что своею подписью сдѣлала другое дѣло: остановила, быть можетъ, всенародную гибель этихъ идей, грозившую имъ со стороны самого ихъ творца. Это уже второй разъ случалось съ нею по отношенію къ Новикову: въ началѣ 80-хъ годовъ она не пригласила его къ участію въ устройствѣ народнаго образованія, хотя ей извѣстно было, конечно, какъ хорошо шли его петербургскія школы. Она поступила такъ, не желая развитія и распространенія его тогдашнихъ идей; но этимъ самымъ она лишь открыла имъ дорогу. Можетъ быть Новиковъ принялъ бы предложеніе и увлекся практическимъ дѣломъ устройства народныхъ училищъ (въ немъ были сильные задатки къ подобному увлеченію); тогда, при его умѣніи организовать всякое предпріятіе, возбуждать самодѣятельность въ обществѣ, первоначальное образованіе цѣлымъ потокомъ разлилось бы по лицу русской земли;—

[1]) Библ. Зап., 1859 г., № 3. „Еще нѣсколько свѣденій о Н. И. Новиковѣ и С. И. Гамалѣѣ“.

но онъ не издалъ бы тогда ни Вечерней Зари, ни Прибавленій къ Москов. Вѣдомостямъ, ни Пок. Трудолюбца, т. е. у насъ не было бы той идеи, которая нанесла рѣшительный ударъ въ сознаніи русскаго общества и волтерьянству, и масонству, и ослабила дѣйствіе этихъ силъ въ нашей жизни. Исторія предназначила Новикова не къ организаціи народныхъ школъ, а къ иному дѣлу.

Четырехлѣтнее пребываніе въ крѣпости (Павелъ освободилъ его тотчасъ по возшествіи на престолъ) отняло у Новикова силы издавать журналы и въ то-же время охладило его масонское увлеченіе. Масономъ является онъ въ послѣдніе годы своей жизни, но не такимъ ревностнымъ масономъ, какъ, напр., его другъ Гамалѣя. Когда Витбергъ, руководимый славою знаменитаго писателя въ молодомъ поколѣніи, привезъ на судъ Новикова свой великій проектъ храма Христа Спасителя, Гамалѣя встрѣтилъ этотъ проектъ охлаждающими нравоучительно-резонерскими замѣчаніями; но Новиковъ не могъ ни въ себѣ, ни въ другихъ глушить жизнь отвлеченнымъ масонствомъ: „полный (по выраженію Витберга) [1]) идей живыхъ и пламенныхъ“, онъ съ глубокимъ сочувствіемъ отнесся къ созданію молодаго художника. Быть можетъ тяжелый путь страданій сохранилъ Новикова отъ окончательнаго погруженія во мракъ мистическихъ бредней.

[1]) Рус. Стар., 1872 г., № 4, стр. 562—563 (Записки Витберга).

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Слѣды вліянія идей Новикова на литературу и жизнь.

Имѣли ли успѣхъ послѣдніе журналы Новикова? Былъ ли у нихъ такой-же обширный, сравнительно, кругъ читателей, какимъ могъ похвалиться Утренній Свѣтъ?—Отвѣтить вполнѣ удовлетворительно на эти вопросы мы не можемъ, ибо при послѣднихъ журналахъ Новикова не приложено такихъ списковъ подписчиковъ, какіе мы видѣли при Утр. Свѣтѣ. Но впрочемъ одно замѣчаніе въ сатирической статьѣ Покоящагося Трудолюбца „О употребленіи времени“ [1]) заставляетъ насъ думать, что этотъ послѣдній журналъ пользовался въ обществѣ заслуженною славою: перечисляя различныя занятія щеголихи, авторъ статьи между прочимъ называетъ и чтеніе ею (втеченіи четверти часа еженедѣльно) листковъ Трудолюбца; „мы льстимъ себя надеждою, что и онъ (замѣчаетъ авторъ про этотъ журналъ) принадлежитъ нѣкоторымъ образомъ къ числу модныхъ листочковъ“.

Но не будучи въ состояніи опредѣлить—кто были подписчики послѣднихъ новиковскихъ изданій и какъ велико ихъ число, мы можемъ однако съ достовѣрностью сказать, что эти изданія были сильно распространены между студентами Московскаго Университета, т. е. оказывали своими идеями вліяніе на цвѣтъ молодаго поколѣнія Россіи екатерининскихъ временъ.—Сотрудниками перваго года Утрен. Свѣта, издававшагося тогда въ Петербургѣ, были, по всей вѣроятности, тѣ-же лица, которыя участвовали и въ сатирическихъ журналахъ Новикова: Ив. П. Тургеневъ, можетъ быть — Алексѣй Мих. Кутузовъ, Чулковъ и вообще петербургскіе друзья издателя. Но съ переѣздомъ Новикова

[1]) Пок. Трудол., ч. II, стр. 144.

система. Въ послѣднемъ періодѣ своей литературной дѣятельности въ Москву составъ его сотрудниковъ начинаетъ постепенно измѣняться: съ третьяго, даже со втораго года журнала переводчиками помѣщаемыхъ въ немъ статей являются ученики и студенты Московскаго Университета и „питомцы“ Педагогической Семинаріи при Университетѣ. Такъ, въ IV ч. Утр. Свѣта мы встрѣчаемъ имя гимназиста Т. Киріака [1]), въ VIII ч. [2]) имена студентовъ и учениковъ: Петра Лихонина, Александра Петрова, Ник. Попова, Дм. Рыкачева, Павла Садорскаго; въ IX ч. [3]): Мих. Степанова, Лаврентія Давыдовскаго, Дм. Рыкачева, Алексѣя Малиновскаго. — Такъ продолжается дѣло и въ Московскомъ Изданіи; между переводчиками статей этого журнала названы ученики и студенты: Вас. Еропкинъ, Лаврен. Давыдовскій, Ник. Лаба, Алексѣй Малиновскій, Дм. Рыкачевъ [4]). — Въ Вечерней Зарѣ „издатели журнала“ въ началѣ первой-же книжки выражаютъ благодарность сотрудникамъ своимъ—„питомцамъ“ Московскаго Университета, которыхъ при этомъ и называютъ; эти студенты: Мих. Ивановичь *Антоновскій*, Левъ Макс. *Максимо́вичь*, Лаврентій Яков. *Давыдовскій*, Петръ Петр. *Брауншвейгъ*, Андрей Вас. *Могилянскій*, Ив. Андр. *Фабіанъ*, Ѳед. Львов. *Тимоновичь*, Александръ Ѳед. *Лабзинъ*, Петръ Аѳан. *Пельскій*. Къ этимъ именамъ въ декабрьской книжкѣ прибавлены еще: Мих. Ив. *Багрянской*, Матв. Гавр. *Гавриловъ*, Пав. Алексѣичь *Непловъ*, Петръ Петр. *Тургеневъ*, Аврамъ Емельян. *Оболенской*, Сем. Ив. *Спѣшницкій*, Пав. Дан. *Антоно́вичь*, Ѳед. Вас. *Трипольскій* и Алексѣй Ѳед. *Малиновскій*. Всѣ эти лица, какъ видно, не случайно участвуютъ въ журналѣ своими статьями, а постоянно раздѣляютъ труды редакціи.—Покоящійся Трудолюбецъ уже издается отъ имени студентовъ (Мих. Антон. *Антонскаго*, Вас. Серг. *Подшивалова*, Ант. Ант. *Антонскаго*, Пав. Аѳан. *Сохацкаго*, Карпа Влас. *Мисловскаго*, Ив. Ѳед. *Софоновича*, Мих. Андр. *Петровскаго*, Александра Матв. *Росинскаго*, Кассіана Петр. *Келембета*, Як. Ив. *Благодарова* и Игн. Васил. *Голубовскаго*). Отъ ихъ лица написано и предисловіе къ Трудолюбцу. Вечернюю Зарю называютъ эти студенты первымъ своимъ журналомъ.—Мы видимъ такимъ образомъ, что сотрудниками третьяго періода изданій Новикова были, если не исключительно, то преимущественно студенты Московскаго Универ-

[1]) Утр. Свѣтъ, изд. I, ч. IV, стр. 221—229.

[2]) Тамъ-же, ч. VIII, стр. 1—31, 31—48, 48—60, 172—176, 210—236, 281—286, 309—346.

[3]) Тамъ-же, ч. IX, стр. 1—13, 13—19, 85—86, 98—100, 298—302.

[4]) Моск. Изд. ч. I, стр. 126—130, 163—209, 212—240; ч. II, 241—258, 264—267.

Новиковъ переросъ свое поколѣніе, и самостоятельныя идеи свои высказалъ и провелъ въ общество не при пособіи своихъ сверстниковъ, а при содѣйствіи новаго, молодаго поколѣнія, имъ самимъ и воспитаннаго. — Легко понять, какъ благотворны были эти высокія идеи для молодаго поколѣнія въ лицѣ его лучшихъ представителей — студентовъ единственнаго тогда Университета Россіи: вмѣсто жажды чувственныхъ наслажденій, вмѣсто мистическихъ бредней, эти идеи возбуждали въ новыхъ людяхъ здравые и высокіе помыслы, чистыя чувства, любовь къ родной землѣ и благородныя стремленія къ общественной дѣятельности. Въ затхлой атмосферѣ, окружавшей русское общество, повѣяло духомъ жизни, духомъ мысли....

Недостатокъ историческихъ матеріаловъ не позволяетъ намъ въ настоящее время представить себѣ ясную картину вліянія Новикова на общество и того благоговѣйнаго уваженія, какимъ окружило это общество благородную его личность. Но мы имѣемъ, однако, нѣсколько положительныхъ свидѣтельствъ, не позволяющихъ сомнѣваться въ существованіи такого вліянія и такого уваженія. Современникамъ Новикова и ближайшему ихъ потомству были извѣстны заслуги великаго человѣка. Анд. Тим. Болотовъ, разсказывая въ своихъ анекдотахъ [1]) объ освобожденіи Новикова изъ крѣпости при воцареніи имп. Павла, признаетъ его „достопамятнѣйшимъ“ изъ всѣхъ лицъ, получившихъ тогда свободу; онъ называетъ его человѣкомъ „славнымъ“, „прославившимся возстановленіемъ нашей литературы“ и приведеніемъ ея, „въ короткое время, въ цвѣтущее состояніе“. — Самъ освободитель Новикова, имп. Павелъ, очень уважалъ издателя Покоящагося Трудолюбца, по свидѣтельству достовѣрныхъ преданій [2]). — Какъ сильно должно было быть Новикова дѣйствіе личности на людей молодаго поколѣнія, мы можемъ видѣть изъ примѣра Карамзина. Ив. Ив. Дмитріевъ разсказываетъ, что Карамзинъ былъ прежде человѣкъ легкомысленный: читалъ все безъ разбора, плѣнялся славою воина, мечталъ быть завоевателемъ чернобровой, пылкой черкешенки; но послѣ сближенія съ Новиковымъ онъ (по словамъ его друга) сдѣлался „благочестивымъ ученикомъ мудрости съ пламеннымъ рвеніемъ къ усовершенствованію въ себѣ человѣка“; у него остались тотъ-же веселый нравъ, та-же любезность, но главныя мысли, первыя желанія его стремились къ высокой цѣли. Я почувство-

[1]) Рус. Арх. 1864 г. Изд. 2-ое (1866 г.), стр. 664—665.—Памятникъ претекшихъ временъ, Болотова. М. 1875, ч. I, стр. 9.

[2]) Лично знакомый съ Новиковымъ и говорившій съ нимъ объ его «дѣлѣ», знаменитый художникъ А. Л. Витбергъ разсказывалъ это нѣкоторымъ лицамъ, которыя и передали разсказъ его автору настоящаго сочиненія.

валъ (говоритъ Дмитріевъ) свою незначительность передъ нимъ и удивился, что онъ меня еще любитъ [1]). — Самое ясное понятіе объ отношеніяхъ къ Новикову новаго поколѣнія даютъ записки художника Витберга. Геніальный авторъ проэкта храма Христа Спасителя былъ довольно мало знакомъ (какъ это видно изъ его записокъ) съ новиковскими изданіями; но на Новикова онъ смотрѣлъ, конечно слѣдуя общему мнѣнію, какъ на человѣка, который все можетъ понять и все оцѣнить, умственный и нравственный авторитетъ котораго не можетъ подлежать никакому сомнѣнію; онъ видѣлъ въ Новиковѣ главу умственной жизни русскаго общества. „Не имѣя никакого руководителя, предоставленный собственному труду (пишетъ художникъ) [2]), естественно я искалъ слышать сужденія о моихъ идеяхъ (т. е. объ идеяхъ проэкта) людей высокихъ своею душею.... Августинъ убѣдилъ меня, что въ моихъ мысляхъ нѣтъ ничего противнаго религіозной мысли греко-россійской церкви. Но я искалъ все еще бо́льшаго авторитета и глубочайшей вѣры. Къ этому времени относится весьма важная встрѣча. Однажды М. Я. Мудрецовъ, чрезъ котораго я познакомился и съ Августиномъ, сказалъ, что онъ ѣдетъ въ деревню къ Ник. Ив. Новикову, и не хочу ли я ѣхать съ нимъ? Я съ восторгомъ принялъ это предложеніе; отъ этого человѣка я ждалъ многое. Новиковъ, положившій основаніе новой эрѣ цивилизаціи Россіи, начавшій истинный ходъ литературы, дѣятель неутомимый, мужъ геніальный, передавшій свѣтъ Европы и разлившій его глубоко въ грудь Россіи. Чего не долженъ я былъ ждать отъ взгляда великаго человѣка на храмъ, воздвигаемый Россіею, который всю жизнь воздвигалъ въ ней храмъ иной, колоссальный и великій!“ — Молодой художникъ смотрѣлъ на Новикова какъ на геніальнаго человѣка, какъ на высокаго подвижника мысли, просвѣтившаго свою родную страну. — Благоговѣйное уваженіе молодаго поколѣнія распространялось и на людей близкихъ къ Новикову, на его сподвижниковъ и учениковъ. Жихаревъ въ своихъ прекрасныхъ, живыхъ письмахъ, напечатанныхъ подъ названіемъ „Записокъ Современника,“ разсказываетъ о посѣщеніи имъ Походяшина какъ о важномъ событіи своей жизни; съ глубочайшимъ сочувствіемъ рисуетъ онъ образъ Невзорова [3]). Въ этихъ отношеніяхъ молодаго студента къ членамъ новиковскаго кружка невольно чувствуется вліяніе взгляда общества на Новикова какъ на представителя

[1]) Взглядъ на мою жизнь. Зап. Ив. Ив. Дмитріева. М. 1866 г., ч. I, книга 2-ая, стр. 32—47.

[2]) Рус. Стар. 1872 г. № 4. Зап. акад. Витберга, стр. 560.

[3]) Записки Современника съ 1805 по 1819 г. Ч. I. Дневникъ студента (1805—1807). Жихарева. Спб. 1859 г. стр. 8, 99, 270—273, 288—289.

высокой идеи. Письма Жихарева интересны еще въ томъ отношеніи, что наглядно рисуютъ нравственную перемѣну въ русскомъ обществѣ,—людямъ молодаго поколѣнія кажется непостижимой и чудовищной та чувственность, которой жили люди екатерининскихъ временъ. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что эта перемѣна зависѣла отъ идей Новикова.—Славныя преданія о знаменитомъ дѣятелѣ дошли до 30-хъ годовъ нашего столѣтія; отзвукъ этихъ преданій слышится въ статьѣ И. В. Кирѣевскаго „Обозрѣніе русской словесности за 1829 годъ“ [1]). Кирѣевскій не знаетъ Новикова какъ писателя, по всей вѣроятности не знакомъ и съ его послѣдними журналами; но въ общихъ чертахъ онъ совершенно вѣрно опредѣляетъ смыслъ дѣятельности знаменитаго человѣка. По словамъ его, Россія обязана Новикову многимъ: онъ подвинулъ на полвѣка образованность нашего народа, онъ создалъ у насъ любовь къ наукамъ и охоту къ чтенію, пробудивъ общество отъ лѣниваго равнодушія; онъ создалъ у насъ „общее мнѣніе“; „всю жизнь употребилъ онъ во благо отечества и уже видѣлъ плоды своего вліянія на всѣхъ концахъ Русскаго царства“.

Мы можемъ видѣть вліяніе идей Новикова и на сочиненіяхъ нашихъ писателей, какъ современниковъ знаменитаго издателя, такъ и послѣдовавшихъ за ними.—Между резонерами Фонъ-Визина одно лице невольно обращаетъ на себя наше особенное вниманіе, какъ обращало на себя вниманіе и современниковъ „Недоросля“ [2]); лице это—Стародумъ. Стародумъ любитъ старое время, и именно время Петра Великаго; онъ не уважаетъ сочиненій французскихъ энциклопедистовъ и считаетъ ихъ вредными; онъ придаетъ большое значеніе въ жизни воспитанію и образованію и много говоритъ объ нихъ; онъ проводитъ мысль, что бракъ будетъ счастливъ только тогда, когда онъ заключенъ по любви, основанной на уваженіи; онъ находитъ, что права родителей при вступленіи дѣтей въ бракъ не идутъ дальше права совѣтовать. Задумавъ издавать сатирическій журналъ, Фонъ-Визинъ озаглавилъ его: „Стародумъ, или другъ честныхъ людей“; журналъ этотъ долженъ былъ издаваться какъ-бы отъ лица Стародума. Изъ нѣкоторыхъ сочиненій, предназначавшихся для „Друга честныхъ людей“ [3]), мы видимъ, что Стародумъ живетъ въ Москвѣ, находится въ близкихъ отношеніяхъ къ профессорамъ университета, рекомендуетъ по

[1]) Полн. собр. соч. И. В. Кирѣевскаго, ч. I, стр. 20—21.

[2]) По свидѣтельству самого Фонъ-Визина: «Я долженъ признаться, что за успѣхъ комедіи моей Недоросль (гов. въ «Письмѣ къ Стародуму» въ Соч. Фонъ-Визина. Спб. 1866 г. стр. 228) одолженъ я вашей особѣ»... и т. д.

[3]) Соч. Фонъ-Визина. Спб. 1866 г., стр. 230—233. (Переписка Стародума съ помѣщ. Дурыкинымъ.)

просьбѣ родителей студентовъ для обученія ихъ дѣтей. Все это, т. е. и убѣжденія Стародума, и изданіе имъ сатирическаго журнала, и жительство его въ Москвѣ, и сношенія съ университетомъ, живо напоминаетъ намъ Новикова; и потому едва ли будетъ лишено основанія предположеніе, что *его* и хотѣлъ изобразить Фонъ-Визинъ въ лицѣ своего Стародума. Къ этому слѣдуетъ прибавить еще, что нѣкоторыя выраженія послѣдняго заимствованы изъ новиковскихъ журналовъ. „Другъ мой (говоритъ Стародумъ Правдину) [1]), все состоитъ въ воображеніи. Послѣдуй природѣ, никогда не будешь бѣденъ; послѣдуй людскимъ мнѣніямъ, никогда богатъ не будешь“. „Кто живетъ слѣдуя природѣ (читаемъ мы въ Утр. Свѣтѣ, въ соч. „Юнговы нощи)“ [2]), весьма рѣдко бываетъ бѣденъ; кто живетъ повинуясь воображенію, никогда богатымъ быть не можетъ“. Можно привести и еще нѣсколько подобныхъ примѣровъ [3]).—Личность Стародума играетъ большую роль въ поэзіи Фонъ-Визина: она служитъ критеріумомъ для нравственной оцѣнки другихъ его лицъ, она олицетворяетъ собою идеалъ поэта. Это отчасти свидѣтельствуетъ о силѣ вліянія Новикова на Фонъ-Визина. Въ „Бригадирѣ“ знаменитый комикъ не сознавалъ ясно—во имя чего онъ осмѣиваетъ различную ложь, онъ слишкомъ старался смѣшить, слишкомъ впадалъ въ каррикатуру. Въ „Недорослѣ“ онъ является писателемъ серьезнымъ, сознательно идущимъ къ цѣли. И это, быть можетъ, слѣдствіе благотворнаго вліянія Новикова. Самая мысль—изобразить въ комедіи безчеловѣчную помѣщицу могла быть навѣяна статьями новиковскихъ изданій о крестьянахъ. Впрочемъ Фонъ-Визинъ не съумѣлъ здѣсь удержаться на высотѣ мысли Новикова: онъ, какъ извѣстно, порѣшилъ въ концѣ комедіи, что можно уладить дѣло учрежденіемъ надъ помѣщиками надзора изъ добродѣтельныхъ чиновниковъ. Фонъ-Визинъ, нельзя не замѣтить, при всѣхъ прекрасныхъ свойствахъ своего таланта и своей личности, былъ все-таки человѣкъ нѣсколько легкомысленный. Это выразилось, между прочимъ, въ навязываніи имъ Стародуму и такихъ мнѣній о воспитаніи и образованіи, какихъ не могъ имѣть Новиковъ: Стародумъ, напр., находитъ, что главное дѣло въ воспитаніи сердца, а развитіе ума—вовсе не важно: „умъ, коли онъ только умъ,— сущая бездѣлица“.

[1]) Тамъ-же, стр. 73.

[2]) Утр. Свѣтъ, ч. VII, 1779 г., стр. 27. – См. еще ч. IX, стр. 99.

[3]) Утр. Свѣтъ, ч. VII, стр. 17 (Юнговы нощи), 257 (Паскалевы мнѣнія).— Вечер. Заря, ч. II, стр. 199 (Аристидъ и проч.), ч. III, стр. 322 (Анекдотъ Конрадъ и Людовикъ).— Моск. Изданіе, ч. I, стр. 239; ч. II, стр. 63, 207, 259; ч. III, стр. 79.

Весьма вѣроятно, что вліяніе Новикова лежитъ и на поэзіи Державина. Возвышенный, религіозно-идеалистическій тонъего лучшихъ одъ, негодующая благородная сатира на сильныхъ міра сего очень живо напоминаютъ намъ многія статьи Утренняго Свѣта, Моск. Изданія и Вечерней Зари. Нѣкоторыя идеи и даже выраженія въ одахъ: „Богъ“, „Вельможа“, „Фелица“ чрезвычайно близки къ идеямъ и выраженіямъ статей новиковскихъ изданій. Такъ, напр., знаменитыя слова „я червь! я Богъ!“ встрѣчаются въ IV части Утр. Свѣта, въ сочиненіи „Юнговы нощи“ [1]); тутъ же читаемъ мы такое опредѣленіе человѣка: „Прекрасное соединеніе міровъ отдаленныхъ. Знатнѣйшій членъ въ безконечной цѣпи вещей! Половина пути отъ ничтожества къ божеству!“ Едва ли можно сомнѣваться, что нижеслѣдующіе стихи оды „Богъ“ есть ничто иное, какъ переложеніе этихъ словъ:

Я связь міровъ повсюду сущихъ,
Я крайня степень вещества,
Я средоточіе живущихъ,
Черта начальна Божества [2]).

Заимствованіе Державинымъ выраженій и идей изъ новиковскихъ

[1]) Утр. Свѣтъ, ч. IV, стр. 232—233.

[2]) См. еще Утр. Св., ч. VII, стр. 319—320 (Юнговъ плачь); Веч. Заря, ч. III, стр. 77—81 (Пѣснь Всемогущему).—Можно привести и еще нѣсколько примѣровъ. См. Утр. Свѣтъ, ч. IV, стр. 240—241: «Другія, которыя за жестокихъ владыкъ подъ оружіемъ силы свои истощили, и въ сраженіяхъ лишились членовъ своихъ, долженствуютъ, когда токмо самъ тиранъ, или любимецъ его, на то ихъ осудятъ, съ половиною оставшихся членовъ, испрашивать горькій хлѣбъ въ самыхъ тѣхъ земляхъ, которыя храбростью ихъ избавлены». У Державина въ одѣ «Вельможа»:

А тамъ на лѣстничный восходъ
Прибрелъ, на костыляхъ согбенный,
Безстрашный, старый воинъ тотъ,
Тремя медальми украшенный,
Котораго въ бою рука
Избавила тебя отъ смерти:
Онъ хочетъ руку ту простерти
Для хлѣба отъ тебя куска.

Въ одѣ «Фелица» Державинъ прославляетъ Екатерину между прочимъ за то, что она стыдится быть страшной:

Медвѣдицѣ прилично дикой
Животныхъ рвать и кровь ихъ пить,

говоритъ поэтъ; славно ли тому быть тираномъ, кто великъ благостью? — Одна эпиграмма «Веч. Зари» учитъ «Славолюба», что слава не въ томъ состоитъ,

Коль всякъ передъ тобой предъ тигромъ какъ дрожитъ.
Злодѣи, и Тираны извѣстны и въ позднѣйшіе дни; но неужели ихъ слава можетъ прельщать?

журналовъ — дѣло весьма возможное: Державинъ читалъ эти журналы, — мы встрѣчаемъ его имя въ спискѣ подписчиковъ, приложенномъ къ первой-же части Утренняго Свѣта.

Вліяніе Новикова на Карамзина не подлежитъ никакому сомнѣнію. Мы видѣли свидѣтельство Дмитріева о превращеніи Карамзина изъ легкомысленнаго человѣка въ серьезнаго. Къ этому можно прибавить, что путешествовать отправился будущій знаменитый писатель, руководствуясь, вѣроятно, идеями о путешествіи знакомыхъ ему тогда весьма близко новиковскихъ журналовъ. Любовь къ историческимъ занятіямъ, пониманіе ихъ важности, это болѣе чѣмъ вѣроятно, вынесъ онъ также изъ новиковскаго кружка, какъ оттуда же вынесъ и то русское чувство, которое, по свидѣтельству Хомякова [1]), проникаетъ его художественную „Исторію“. Но должно замѣтить, что ученикъ не пошелъ дальше своего учителя, какъ обыкновенно принято думать: исторія Карамзина далека отъ настоящаго пониманія началъ русской народной жизни, пониманія, замѣтнаго у Новикова; вспомнимъ, кромѣ того, наивность взгляда Карамзина на крѣпостное право, вспомнимъ, что сантиментальность, составляющая сущность его повѣстей, была не сущностью, а лишь слабой стороною новиковскихъ журналовъ.

Есть еще въ нашей литературѣ одно сочиненіе, которое повидимому связано слишкомъ мало съ прошедшимъ, и которое въ то-же время ясно свидѣтельствуетъ намъ о значеніи идей Новикова въ русской жизни. — Въ 1823 году авторъ нѣсколькихъ водевилей,

Непостоянный обожатель
Очаровательныхъ актрисъ,
Почетный гражданинъ кулисъ,

участникъ глупыхъ дуелей изъ-за танцовщицъ, А. С. Грибоѣдовъ окончилъ великую комедію „Горе отъ ума“, тотчасъ-же разлетѣвшуюся въ рукописяхъ по всей Россіи и сдѣлавшую безсмертнымъ имя своего автора. Прошло 50 лѣтъ, и слава произведенія не только не умалилась, но еще возросла. Разумѣется, такая неувядаемая слава объясняется достоинствами комедіи: типичностью и жизненностью ея лицъ, поэтическимъ представленіемъ дѣйствительности. Но одними своими такъ сказать — личными, индивидуальными достоинствами комедія не могла бы покорить себѣ общее мнѣніе. Въ ней есть недостатки слишкомъ серьезные, слишкомъ капитальные. Не смотря на всю силу своего дарованія и на все благородство своихъ позднѣйшихъ воззрѣній, Грибоѣдовъ наложилъ, однакожь, на „Горе отъ ума“ печать прежнихъ увлеченій, печать водевильной легкости. Въ комедіи есть одно

[1]) Собр. соч. А. С. Хомякова. М. 1861 г., т. I, «Мнѣнія русскихъ объ иностранцахъ», стр. 55.

чисто водевильное лице — Лиза. Многія сцены комедіи можно безъ всякаго преувеличенія назвать сценами изъ водевиля (таковы, напр., окончанія 1-го и 2-го актовъ; такова сцена Фамусова съ Чацкимъ передъ докладомъ о пріѣздѣ Скалозуба, юморъ которой основанъ не на одномъ ужасѣ Фамусова предъ новыми идеями, а и на томъ, что онъ, заткнувъ уши, не-впопадъ возражаетъ Чацкому; — такова сцена двухъ глухихъ—кн. Тугоуховскаго и Графини-бабушки, и т. д. и т. д.). Слова Загорѣцкаго, что Чацкій пилъ шампанское „бочками сороковыми“, вслухъ высказанное Фамусовымъ мнѣніе, что для пресѣченія зла надо сжечь „всѣ“ книги, — не столько похожи на гиперболическій юморъ Гоголя, сколько на остроуміе водевилистовъ. Постройка комедіи до такой степени что Бѣлинскій былъ совершенно правъ, назвавши „Горе отъ ума“—сатирой, а не комедіей. Отношенія Чацкаго и Софьи до такой степени не выяснены поэтомъ, что опять таки Бѣлинскій могъ выразить удивленіе, какъ это Чацкій любитъ дѣвушку, способную увлечься Молчалинымъ; *дѣтская* дружба Чацкаго и Софьи ничего не объясняетъ, говоритъ критикъ: кто же мальчикомъ не былъ влюбленъ въ знакомую дѣвочку?—Если бы Грибоѣдовъ не далъ Софьѣ *только* 17-ть лѣтъ, да если бы онъ побольше обратилъ вниманія на свѣтлыя черты ея характера, выражающіяся, напр., въ презрѣніи ею свѣтскихъ толковъ, или въ словахъ ея Чацкому въ концѣ комедіи:

Не продолжайте: я виню себя кругомъ,

то Бѣлинскій не имѣлъ бы основаній сказать то, что онъ сказалъ. — Чацкій, безъ сомнѣнія, лице по основѣ своей живое, какъ это и признано нынѣ критикой [1]); но мѣстами въ комедіи эта благородная личность вдругъ на-минуту становится похожей на водевильнаго перваго любовника; таковъ, напр., Чацкій въ сценѣ обморока Софьи, гдѣ онъ, совершенно неожиданно и вопреки своему характеру, выказывается, по волѣ автора, человѣкомъ холоднымъ и безсердечнымъ, а на замѣчаніе ему объ этомъ Софьи, возражаетъ пошлостью. Таковъ Чацкій, когда въ разговорѣ съ Молчалинымъ, на совѣтъ этого послѣдняго съѣздить къ Татьянѣ Юрьевнѣ, отвѣчаетъ еще большей пошлостью, которой въ сущности онъ не могъ сказать:

Я ѣзжу къ женщинамъ, да только не за этимъ.

Таковъ Чацкій, когда въ послѣднемъ актѣ послѣ вдохновеннаго порыва негодованія съ такимъ-же вдохновеніемъ кричитъ: „карету мнѣ! карету!“ и т. д. Эта водевильность, примѣшавшаяся къ образу Чацкаго, или лучше сказать — эта водевильность въ пріемахъ поэта сдѣлала и то, что Чацкій *иногда* не совсѣмъ кстати произноситъ свои вдохновенныя рѣчи, какъ, напр., въ сценѣ перваго по возвращеніи изъ-за границы свиданія своего съ Софьей.

[1]) Ап. Григорьевъ и Писаревъ согласно считаютъ Чацкаго не только живымъ лицемъ, но и лицемъ не-комическимъ, а серьезнымъ. Должно замѣтить, что жизненность этого образа отчасти признавалъ и Бѣлинскій.

И всѣ эти недостатки комедіи, безъ всякаго сомнѣнія, повредили бы ея славѣ, если бы за нею не было одного достоинства, которое все искупаетъ.... Руководствуясь отвлеченными соображеніями разсудка, мы готовы согласиться съ Бѣлинскимъ, что Чацкій лице комическое, что Грибоѣдовъ ошибся, не замѣтивъ его смѣшнаго положенія и посмотрѣвъ на него какъ на лице серьезное.... Но, странное дѣло, — какое то безсознательное, но живое чувство говоритъ намъ, что поэтъ былъ правъ, что Чацкій не смѣшонъ; по какому-то удивительному внутреннему противорѣчію даже тѣ, которые признавали Чацкаго комической личностью, заучивали наизусть его монологи и, если не вслухъ, то про себя, повторяли или готовы были повторять ихъ въ различныхъ обстоятельствахъ жизни, — а между тѣмъ извѣстно, что ничего не боится такъ русскій человѣкъ, какъ попасть въ смѣшное положеніе. — Дѣло въ томъ, что въ комедіи „Горе отъ ума“ вообще и въ постановкѣ личности Чацкаго въ особенности, во взглядѣ поэта на него — какъ на лице серьезное, есть правда, и не только художественная или жизненная, но гораздо болѣе — правда историческая. Столкновеніе Чацкаго съ московскимъ обществомъ есть олицетвореніе въ поэтическомъ созданіи борьбы новиковскихъ идей со взглядами общества екатерининскихъ временъ. Вотъ, можетъ быть, ключъ къ разгадкѣ и непонятнаго появленія комедіи Грибоѣдова, повидимому ничѣмъ не связанной съ предшествовавшей ей литературой, и удивительнаго успѣха ея въ обществѣ.

Фамусовъ и его друзья и знакомые, честящіе Чацкаго „волтерьянцемъ“ и „фармазономъ“, сами-то и суть ничто иное, какъ выродившіеся потомки волтерьянцевъ и масоновъ екатерининскихъ временъ. Всѣ идеалы Фамусова относятся къ блестящему вѣку императрицы; Фамусовъ вздыхаетъ объ недавнихъ, но прошедшихъ уже временахъ. Уча Чацкаго — какъ надо служить, онъ рисуетъ ему идеалъ служащаго человѣка въ лицѣ Максима Петровича, камергера двора Екатерины, дѣятеля блестящаго вѣка.

Прямой былъ вѣкъ покорности и страха,
Все подъ личиною усердія къ царю!

возражаетъ Чацкій:

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ,
Какъ тотъ и славился, чья чаще гнулась шея,

Какъ не въ войнѣ, а въ мирѣ брали лбомъ,
Стучали объ полъ не жалѣя.

Молчалинъ въ комедіи дѣлаетъ ничто иное, какъ только выполняетъ завѣщаніе своего отца, тоже представителя екатерининскихъ временъ. Замѣчательно, что это завѣщаніе почти тождественно съ свидѣтельствомъ Радищева въ одномъ его сочиненіи [1]) о томъ, какъ должны были дѣйствовать въ его время просители, желавшіе достигнуть своей цѣли. Животная „философія“ Фамусова, страсть московскаго общества къ баламъ, мундиру, вообще къ внѣшнему блеску, невѣжество общества, воспитаніе дѣтей на французскій ладъ, все то зло, однимъ словомъ, противъ котораго вооружается Чацкій, есть несомнѣнное наслѣдіе волтерьянства и масонства 18-го вѣка.

Чацкій—представитель иныхъ началъ. Чацкій высказываетъ въ комедіи свои взгляды на образованіе, на крѣпостное право (или вѣрнѣе — на отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ), на службу; онъ говоритъ о пристрастіи нашего общества къ всему иноземному, французскому, о „святой“ старинѣ и о простомъ народѣ. Легко замѣтить, что идеи Чацкаго обо всемъ этомъ весьма сходны съ идеями новиковскихъ журналовъ. А прямота Чацкаго есть та самая благородная прямота, съ которой эти журналы проводили свои мнѣнія среди волтерьянцевъ и масоновъ, хотя имъ и приходилось иной разъ терпѣть за такую смѣлость. Будучи горячимъ патріотомъ, Чацкій счелъ однако нужнымъ поѣхать за-границу „ума искать“, какъ выражается Софья,— и это совершенно согласно, какъ намъ извѣстно, съ идеями новиковскихъ изданій. Точно также согласенъ съ этими идеями и взглядъ Чацкаго на личное чувство, на любовь: онъ не можетъ любить Софью не уважая ея; безсознательная и слѣпая страсть кажется ему унизительной для человѣка. — Чацкій есть представитель той части молодаго поколѣнія, которая выросла и воспиталась на идеяхъ Новикова. Онъ борецъ словомъ во имя этихъ идей, какъ борцемъ слова былъ во всю жизнь и самъ великій учитель. Чацкій, это возвышенный типъ, выработанный нашей жизнью; и горе русскому обществу, если замолкнетъ въ немъ слово Чацкаго! слово это — залогъ спасенія молодыхъ поколѣній. Трудно предвидѣть, что было бы съ русской жизнью, если-бы молодыя силы ея не были защищены отъ тлетворнаго дыханья волтерьянства и масонства высокой проповѣдью Новикова!

Должно быть во время Грибоѣдова у насъ еще ясны были слѣды великой борьбы, героемъ которой былъ Новиковъ, если поэтъ съумѣлъ въ своемъ созданіи такъ ясно нарисовать эту борьбу. Весьма возможно, что до Грибоѣдова дошли и преданія о самомъ Новиковѣ. На-

[1]) Осмнадц. вѣкъ, кн. I, (изд. 2-ое 1869 г.). «Житіе Ушакова», стр. 189.

конецъ возможно, что Грибоѣдовъ читалъ новиковскіе журналы [1]). Тонъ сатиры Грибоѣдова тотъ-же, что въ сатирѣ Вечерней Зари и Пок. Трудолюбца: и тамъ и здѣсь смѣхъ соединенъ съ негодованіемъ, проникнутъ серьезною думой.

Духъ Новикова вѣетъ въ великой комедіи, и оттого-то такъ могущественно было и есть ея обаяніе надъ всякою русскою душею, не смотря на ея несомнѣнныя и очевидные недостатки: мы подкуплены въ пользу комедіи отразившеюся въ ней великою жизненною драмой. Эта драма подняла до тѣхъ поръ незначительнаго сочинителя водевилей съ большимъ талантомъ на степень великаго поэта. И послѣ смерти своей Новиковъ сдѣлалъ съ Грибоѣдовымъ то-же самое, что при жизни сдѣлалъ съ Карамзинымъ.

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ
№
Н. БЫСТРОВЪ

Я указалъ на нѣкоторые замѣтные нынѣ слѣды вліянія Новикова въ нашей жизни и литературѣ. Дальнѣйшая разработка исторіи новой русской словесности откроетъ, разумѣется, такихъ слѣдовъ несравненно болѣе.

Заслуга Новикова передъ русскимъ обществомъ состоитъ, главнымъ образомъ, въ установленіи новаго міросозерцанія, замѣнившаго волтерьянскій и масонскій взгляды на жизнь. Новиковъ имѣлъ всѣ данныя для того, чтобы сдѣлаться поэтомъ или ученымъ; но онъ не сдѣлался ни тѣмъ, ни другимъ, и напрасны были-бы наши сожалѣнія по

[1]) Послѣднее предположеніе я основываю на томъ обстоятельствѣ, что два-три мѣста комедіи очень живо напоминаютъ намъ нѣкоторыя небольшія сочиненія, напечатанныя въ Пок. Трудолюбцѣ. Такъ напр.:

Поѣдемъ матушка! мнѣ право не подъ силу.
Когда-нибудь я съ бала да въ могилу!

говоритъ у Грибоѣдова Графиня-бабушка.

Чуть дышишь, по гостямъ однако разъѣзжаешь,
Въ гостяхъ и спишь, въ гостяхъ лекарства принимаешь,
Въ каретѣ день и ночь, въ каретѣ ѣшь и пьешь,
Въ каретѣ, иль въ гостяхъ конечно ты умрешь,

читаемъ мы въ „Мадригалѣ Гостелюбивой старухѣ“. (Пок. Труд., ч. III, стр. 239).

Сюда же должно отнести и замѣчаніе Графини-бабушки о кн. Тугоуховскомъ:

Охъ, этотъ князь! по баламъ—самъ чуть дышитъ.

Слова Чацкаго о помѣщикѣ, который вымѣнялъ три борзыя собаки на слугъ

этому поводу. Русская жизнь въ тотъ моментъ, когда Новиковъ явился ея дѣятелемъ, нуждалась всего болѣе въ руководящей идеѣ. Эту идею и далъ русскому обществу Новиковъ. Подъ ея сѣнью продолжала развиваться наша литература и она до сихъ поръ не перестаетъ благотворно сказываться въ нашей жизни.

своихъ, не-разъ спасавшихъ ему жизнь и честь, напоминаютъ эпиграмму Трудолюбца „Боярская щедрость“:

Слуга спасъ своего отъ смерти господина,
Который дралъ его плетьми почти всякъ часъ;
Въ награду за это готовится полтина!
Бояринъ для слуги нарочно то припасъ.

(Пок. Труд., ч. II, стр. 230—234, эпигр. 17-ая).

Далѣе должно замѣтить, что складъ стиха въ одномъ сатирическомъ сочиненіи Вечерней Зари („Быль. Французская лавка“) весьма схожъ со складомъ оригинальнаго стиха Грибоѣдова:

А вы! Издатели французскихъ разныхъ модъ.
Достойны всякой славы!
Вы русскій учите перемѣнять народъ
Свои на ваши нравы;
Вы мудростью своей
Въ изобрѣтеніи вседневно моды новой
Госпожъ и щеголей
Увеселяете какой нибудь обновой.

Читатель замѣтилъ, конечно, что и содержаніе этой статьи Веч. Зари (ч. II, стр. 230—233 сходно съ содержаніемъ сатиры Грибоѣдова.

ОПЕЧАТКИ

		Напечатано.	*Должно быть.*
СТРАН.	СТРОКА.		
37	9 сверху:	что-нужды	Что-нужды
59	13 снизу	удѣлъ	у дѣлъ
131	8 »	Kaiſarlich	Kaiſerlich
143	заголовокъ:	литтературной	литературной
156	1 снизу:	глазаса тирика	глаза сатирика
306	9 сверху:	столько-же,	столько-же